

Федеральное агентство научных организаций
Южный научный центр Российской академии наук
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российский фонд фундаментальных исследований

ЮГ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПОТряСЕНИЙ, ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ,
1917–2017 гг.

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Ростов-на-Дону
5–6 октября 2017 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2017

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

Ю15

При финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках проекта № 17-01-14080 «Всероссийская научная конференция, приуроченная к 100-летию революции 1917 г. “Юг России в условиях революций и социально-политических кризисов”»

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор)
д.и.н. **А.В. Венков** (зам. отв. редактора)
д.и.н. **Е.Ф. Кринко** (зам. отв. редактора)
к.филол.н. **Н.А. Власкина**, к.филол.н. **Т.Е. Гревцова**
О.А. Гром, к.г.н. **Е.Э. Кириллова**

Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных Ю15 конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – 656 с. – ISBN 978-5-4358-0157-6.

В материалах сборника представлены новые подходы в изучении событий революций и Гражданской войны на Юге России, а также вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов в южном макрорегионе в 1917–2017 гг. Значительное место отведено анализу предпосылок и последствий революционных событий, проблемам революционной и военной повседневности, отражению революционных событий в исторической памяти и культуре населения региона.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0157-6

© ЮНЦ РАН, 2017
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2017

Federal Agency for Scientific Organizations
Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern
Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Russian Foundation for Basic Research

THE SOUTH OF RUSSIA UNDER
THE CONDITIONS OF REVOLUTIONARY
UPHEAVALS, ARMED CONFLICTS, AND SOCIAL
AND POLITICAL CRISES (1917–2017)

Proceedings of the All-Russian Scientific Conference

Rostov-on-Don
5–6 October 2017

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2017

UDC 94(47).07/.08(470.6)(063)

M39

With the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanities and Social Sciences) within Project No 17-01-14080 «The All-Russian Scientific Conference timed to coincide with the centenary of the Revolution of 1917 “The South of Russia under the Conditions of Revolutions and Socio-Political Crises”»

Editorial Board:

Academician RAS *G.G. Matishov* (Managing Editor)

Dr (History) *A.V. Venkov* (Deputy Managing Editor)

Dr (History) *E.F. Krinko* (Deputy Managing Editor)

PhD *N.A. Vlaskina*, PhD *T.E. Grevtsova*

O.A. Grom, PhD *E.E. Kirillova*

M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2017). The South of Russia under the Conditions of Revolutionary Upheavals, Armed Conflicts, and Social and Political Crises. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 5–6 October 2017). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 656 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0157-6.

The proceedings present new approaches to the study of the events of the Russian revolutions and the Civil War taking place in the South of Russia, as well as armed conflicts and socio-political crises in the southern macro-region in 1917–2017. Significant attention is paid to the analysis of the prerequisites and consequences of revolutionary events, the problems of revolutionary and military everyday life, the reflection of revolutionary events in the historical memory and culture of the population of the region.

The publication is intended for both researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, and readers interested in the subject.

UDC 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0157-6

© SSC RAS (2017)

© ISERH SSC RAS (2017)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская революция 1917 года – одно из важнейших событий не только отечественной, но и мировой истории. Будучи следствием накопившихся годами противоречий, революция привела к свержению существовавшей столетия монархии, кардинальной ломке сложившихся политических, экономических и социальных отношений, формированию нового общественного уклада. Начавшиеся в 1917 г. трансформации на долгие годы определили магистральные линии развития России, заложив основы проведения уникального социального эксперимента, последствия которого ощущаются до сих пор.

Революционные преобразования по своему масштабу выходят за любые национальные и государственные границы, влияя на общий ход и тенденции модернизационных процессов в мире в целом. Закономерно, что рассматриваемые события являются предметом исследований самых различных специалистов. При этом оценки революции не раз менялись, а столетний юбилей предоставляет хороший повод для переосмысления ее исторического значения. В данной связи обращение к революции на материалах такого сложного и противоречивого макрорегиона, как Юг России, представляется вполне оправданным, поскольку позволяет устранить имеющиеся лакуны в историографии, создать более целостную и достоверную картину происходящего.

В этом году Южному научному центру РАН исполняется пятнадцать лет. Совместно с Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН мы на протяжении всего этого периода активно занимаемся исследованиями истории и современных проблем развития южного полиэтничного макрорегиона. Результаты этих исследований нашли свое отражение в шести томах «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», циклах трудов, посвященных малоизвестным вопросам боевых действий на юге страны в годы Великой Отечественной войны, донскому казачеству, национальной безопасности, украинскому кризису и другим сложнейшим научным проблемам. В большинстве своем они выполнены в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН, грантов, поддержанных Российским научным фондом, Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований. Указанные труды получили высокие оценки органов государственной власти и управления страны, силовых структур, представителей профессионального и экспертного сообщества.

Вопросам военной истории Юга России, угрозам безопасности и проблемам модернизации южного макрорегиона был посвящен целый ряд научных форумов, состоявшихся на базе ЮНЦ РАН. За пятнадцать лет в них приняли участие сотни исследователей из различных научных учреждений и высших учебных заведений России и зарубежных стран. Высказанные в докладах и выступлениях участников идеи легли в последующем в основу не одного десятка обобщающих и специальных исследований.

Проводимая научная конференция призвана привлечь внимание исследователей к революционным событиям на юге страны, приобретшим здесь особый накал и особую напряженность уже по причине полиэтничного и поликонфессионального состава населения, реакции традиционного социума на модернизационные процессы, потестарной и политической культуры. Она позволит вписать события Революции 1917 г. в более широкий хронологический контекст, рассмотрев сквозь их призму дальнейшее развитие южного макрорегиона, в тесной взаимосвязи с другими социально-политическими кризисами и вооруженными конфликтами, не раз угрожавшими стабильности и безопасности не только Юга России, но и всей страны в целом. Еще одной особенностью нашей конференции, отличающей ее от многих других научных мероприятий, приуроченных к столетию Революции 1917 г., является ее междисциплинарный характер. В конференции принимают участие свыше 110 различных специалистов – историков, антропологов, социологов, политологов, экономистов, этнолингвистов. Они представляют научные центры Москвы, Ростова-на-Дону, Волгограда, Ставрополя, Краснодар, Грозного, Нальчика, Владикавказа, Элисты, Симферополя, Тюмени, а также Минска, Баку, Астаны, Харькова, Донецка, Луганска и других городов. Только совместными усилиями мы можем раскрыть такие сложные и противоречивые вопросы, как общие и специфические черты российских революций; предпосылки, особенности и значение революционных процессов на Юге России; происходившие здесь политические, экономические и культурные преобразования; повседневность и массовое сознание в экстремальных условиях социальных потрясений; специфика и итоги вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов в 1917–2017 гг.; отражение революционных потрясений в исторической памяти и культуре населения региона.

Основные научные направления работы конференции лежат в русле современных исследовательских подходов, связанных с отказом от идеологизированных оценок предыдущего времени, выразившихся в их апологии или демонизации, переосмыслением спорных вопросов на

основе широкого комплекса источников официального и личного происхождения, возвращением «человеческого измерения» данным событиям. Проводимая конференция призвана развить уже существующие и найти новые направления в разработке рассматриваемой проблемы. Особенно важным является участие в конференции молодых ученых, что придает данному мероприятию не только исследовательский, но и в определенной мере обучающий характер.

Надеюсь, что материалы конференции станут важным шагом на пути выработки новых знаний о сложном и неоднозначном периоде нашей истории для решения актуальных социальных и политических проблем развития Юга России.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ 1. НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

В.И. Меньковский

1917 ГОД В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Революционные события 1917 г. постоянно привлекали и привлекают внимание историков и политиков. Одной из самых дискутируемых проблем являются общие и противоположные составляющие Февраля и Октября, анализ взаимосвязи этапов революционного процесса, периодизация революции.

Первоначально слово «революция» являлось астрономическим термином и указывало на возвратное, циклическое движение. В XVII в. термин стал употребляться как политический для обозначения повторяющихся процессов. В.В. Сапов, ссылаясь на работу Х. Арендт «О революции», пишет, что «политическое значение слова “революция”... может менять свой смысл на прямо противоположный. “Революция” = “реставрация” – это еще не самый яркий пример. “Революция” = “контр-революция” – вот что на первый взгляд кажется поразительным. Если в России в феврале 1917 г. произошла революция (а это действительно была революция, никто ее иначе и не воспринимал), то как назвать то, что произошло в октябре 1917 г.?» [1].

А.Ю. Давыдов в рецензии на сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» [2] приходит к выводу, что в 1917 г. разрушение возобладало над созиданием. Подлинными дезорганизаторами общественной стабильности названы «новые столичные элиты», «представители разных политических лагерей к концу 1917 года вынуждены были разочароваться в своих убеждениях. За несколько месяцев они раз уверились в русском народе, ибо начинали с надеждой уповать на жестокую диктатуру» [3].

Исполнительный директор фонда «Русский мир» В.А. Никонов определяет события 1917 г. как «крушение». В работе «Крушение России. 1917 г.» он пишет, что его «книга – о революции 1917 года. Причем о менее популярной – Февральской. О ней надолго забыли, когда в центр глобальной и

отечественной истории была поставлена революция Октябрьская, приведшая к власти большевиков, которые предложили и попытались навязать остальным альтернативную модель общественного устройства, поставив на дыбы весь остальной мир. Но не следует забывать, что разрушение многовековых форм российской государственности произошло именно в феврале – марте 1917 года и именно тогда было положено начало лавинообразной общественной дезинтеграции. С точки зрения исследования Крушений России Февральская революция важнее Октябрьской» [4].

Прямо противоположный взгляд представляет руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН А.В. Шубин, для которого революция не трагедия разрушения, а шанс поступательного движения страны. «В феврале 1917 г. не “белая кость”, наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времен Смуты XVII в. миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала Система, на холодный, ветреный простор Истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в теплый хлев, но третьи – и таких тоже были миллионы – стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копирку» [5].

В концептуальном отношении В.А. Никонов использует становящееся все более популярным деление историографии революции на пессимистическое и оптимистическое направления. «*Пессимисты* полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и нереформируемой, старая власть – недееспособной <...> *Оптимисты* же уверены, что строй позднеимперской России после Великих реформ 1860–1870-х годов и преобразований 1905–1906 годов обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась, в первую очередь, мировая война» [6].

Подобную классификацию историографических подходов использует и Б.Н. Миронов в работе «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации». Он пишет, что «участников дискуссии можно, по аналогии с классификацией, используемой в зарубежной историографии, разделить на “оптимистов” и “пессимистов”»: первые считают, что в позднеимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении

обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на несправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями. “Оптимисты” борются с “пессимистами” – вот в чем суть дискуссии и причина высокого накала страстей. И в центре высокоэмоциональной дискуссии оказалась, по существу, революция 1917 г.» [7].

Нам представляется, что в современной российской историографии следует отметить и всё более набирающую влияние конспирологическую концепцию. Ее можно отнести к пародийным вариациям оптимистического направления. «Могучая и великая Россия была уничтожена в 1917-м году за считанные месяцы. С того времени прошел уже без малого век, но до сих пор нет ответа на простой и ясный вопрос: “Кто убил Российскую империю?”. Высказывались десятки предположений, множество версий. Назывались и виновные в небывалой русской катастрофе: евреи, масоны, германский Генеральный штаб, царское правительство, большевики во главе с Лениным и Троцким», – пишет Н.В. Стариков [8]. В рамках так называемой «альтернативной исторической теории» ответ оказывается хоть и неожиданным, но простым. «Гибель Российской империи не была случайностью, как не случайно рассыпался и Советский союз. В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России. В обоих случаях она прикрывалась фальшивыми одеждами “союзнчества” и “общечеловеческих ценностей”. <...> Именно наши “союзники” по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка» [9].

К сожалению, подобные примитивные варианты ответов на сложные исторические вопросы остаются востребованными частью общества, а поскольку тиражирование псевдонаучной литературы приносит доход, издательства в 100-летнюю годовщину революции с готовностью наводняют рынок этой продукцией. В качестве примера назовем сборник «Революция 1917-го в России. Как серия заговоров». Среди авторов – непрофессиональные историки А. Колпакиди, Ю. Мухин, С. Кремлев, набившие руку на подобных «сенсационных исторических открытиях». Московское издательство «Алгоритм» в аннотации пишет, что «авторы книги распутали клубок заговоров и рассказали о том, чего не написано в учебниках истории»; «левые радикалы (большевики) на практике реализовали идеи Маркса. “Белогвардейское подполье” попыталось отобрать власть у Временного правительства. Лондон, Париж и Нью-Йорк, используя различные средства из арсенала “тайной дипломатии”, смогли принудить Петроград вести войну с Тройственным союзом на выгодных для них условиях. А ведь еще были мусульманский, польский, крестьян-

ский и другие заговоры... Обо всем этом российские власти прекрасно знали, но почему-то бездействовали. А ведь это тоже могло быть заговором... Из-за того, что все заговоры наложились друг на друга, возник синергетический эффект, и Российская империя была обречена» [10].

Иностранную «закулису» находит в революции и профессиональный историк И.Я. Фроянов, для которого «в этих событиях ... четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере. <...> Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В.И. Лениным. <...> Закулиса и Ленин только подтолкнули сползающую медленно в пропасть старую Россию» [11]. Далее следует экскурс в историю, из которого автор делает вывод, что «возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX века, надо относить к эпохе реформ Петра I. <...> Именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения» [12].

В конспирологических концепциях один из самых «обыгрываемых» моментов – «немецкое золото» как фактор, оказавший влияние на ход и исход революционных событий 1917 г. В академической историографии эта проблема также не обойдена вниманием. Наибольший интерес представляют работы Г.Л. Соболева [13]. Автор считает, что имеющаяся источниковая база не позволяет поставить точку в исследовании. Он признает факт финансовой поддержки большевиков со стороны Германии, но не считает его решающим. А.В. Шубин ставит вопрос: «Если Российская империя рухнула потому, что всех запутали, обманули загадочные масоны, то почему умнейшие люди старой элиты оказались в дураках? Если Ленин – полоумный авантюрист, да еще и разоблаченный немецкий агент, почему за ним пошла четверть населения России, причем самая сплоченная и активная?» [14].

Дилемма Февраль – Октябрь остается одним из спорных моментов русскоязычной историографии. Наличие различных трактовок отмечалось и в предшествующие годы. Н.Д. Ерофеев, анализируя российскую историографию рубежа XX–XXI вв., отмечал, что «в современной историографии неоднозначный ответ дается и на вопрос о том, сколько революций было в России в 1917 г. <...> Нет единства и в определении заключительной вехи революции. По мнению В.И. Миллера, всё зависит от того, какое явление имеется в виду под термином “революция”. Если рассматривать революцию как процесс преобразования общества, то она охватывает период с конца февраля 1917 г. и примерно до конца

1920 г. <...> Революция как событие это 27 февраля, 25 октября 1917 г. Историки, рассматривающие Февраль, Октябрь и гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции, относят ее завершение к 1922 г.» [15].

Два традиционных несовместимых взгляда на революционные события 1917 г. сохраняются. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале (буржуазно-демократическая) и в октябре (социалистическая). По второй версии февральский и октябрьский перевороты являются двумя последовательными ступенями или этапами одной революции. Новое заключается в том, что революция связывается с предшествующей историей России, рассматривается как часть единого российского исторического процесса.

Анализ современной русскоязычной историографии позволяет сделать вывод о преобладании в академическом сообществе отношения к событиям 1917 г. как к единому революционному процессу. К такой точке зрения склоняются, например, редакторы сборника «1917-й год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика». В предисловии они пишут, что «2017-й год в России и за рубежом будет ознаменован многочисленными научными форумами, приуроченными к 100-летию юбилею Русской революции 1917 года. В ряде исследований по отношению к этому эпохальному событию применяется термин «Великая Русская революция», другие авторы продолжают настаивать на двух революциях в России 1917 года – демократической Февральской и пролетарски-плебейской (социалистической) – Октябрьской, третьи говорят о срыве революционного процесса в результате Октябрьского большевистского переворота. Мы предпочитаем говорить о единой Русской революции 1917 года, имевшей два этапа, и едином революционном процессе 1917–1920 годов, завершившемся победой большевиков» [16].

По мнению Б.Н. Миронова, «февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны. <...> Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство было *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным: большевикам удалось его разогнать» [17]. Автор приходит к выводу, что «ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структур-

ная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну» [18].

Как единый революционный процесс 1917 г. трактовались февральский и октябрьский этапы и участниками Санкт-Петербургской конференции «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Мы обращаем внимание на этот научный форум, поскольку именно в Санкт-Петербурге (в советские годы – Ленинграде) сложились серьезные научные традиции академического изучения российского революционного процесса. Как отмечал Г.Л. Соболев, «Русская революция 1917 г. предупредила весь мир о катастрофических последствиях, на которые обречены все преобразования и реформы, если они не несут в себе улучшения экономического положения для широких народных масс» [19].

Кроме традиционных концепций современная русскоязычная историография предлагает новые подходы, расширяющие рамки революционного процесса за границы 1917 г. По мнению А.В. Шубина, «в феврале (марте) 1917 г. началась Великая Российская революция, в составе которой выделяются два социально-политических переворота – “Февральская революция” и “Октябрьская революция”. Тем не менее, период революционных перемен имел место и в мае 1917 г., и в 1918 г. Революция не сводится к этим двум переворотам, это – более длительный процесс, протекавший с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг. и прошедший в своем развитии несколько фаз» [20].

В.А. Космач представляет еще более нетрадиционный взгляд, определяя период 1917–1922 гг. как «движение Великой Российской буржуазно-демократической революции по нарастающей» [21]. Автор считает, что «Великая Российская буржуазно-демократическая революция в 1917–1922 гг. прошла (и крайне неудачно!) буржуазно (либерально)-конституционный этап (февраль/март – октябрь 1917 г.) и закрепились на буржуазно-демократическом, или большевистско-якобинском, этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 – декабре 1922 гг.» [22]. В более широком понимании, по мнению В.А. Космача, можно говорить о продолжении революции по нисходящей линии. «Большой террор» второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции

1936 г. де-факто и де-юре завершили окончательно Великую Российскую буржуазно-демократическую революцию 1917–1938 гг. в широком понимании ее хронологических рамок и окончательных результатов» [23].

Взгляд на необходимость расширения хронологических границ революции и оценку Октября как этапа буржуазной революции разделяет и Д.Ю. Лысков, отмечающий, что «в рамках классического марксизма, Октябрьская революция была буржуазной. Коллизия, при которой буржуазную революцию совершают социалисты, ведя за собой пролетариат и крестьянство, была разрешена развитием марксистских идей, теорией о перерастании буржуазной революции в социалистическую. <...> При этом сам Октябрьский переворот действительно признавался лишь завершающим этапом буржуазной революции» [24].

В современной русскоязычной историографии событий 1917 г. достаточно качественных теоретических и конкретно-исторических работ. «Даже одно перечисление авторов займет слишком много места» [25]. При этом обратим внимание на постепенно набирающую силу тенденцию русскоязычной историографии. Субъективность автора перестает считаться недостатком исследования. Б.Н. Миронов пишет: «Образ науки, руководствующейся исключительно требованиями точности, истины, стерильной по отношению ко всему человеческому – к идеям, страстям, вкусам, – кажется мне во многом ложным. Применительно к наукам о культуре – в особенности! Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны» [26]. Его поддерживает В.А. Никонов: «Много написано об объективности революций. Однако следует заметить, что объективного в нашей жизни вообще мало. Например, до сих пор мне не довелось прочесть ни одной объективной книги. Все они субъективны по определению, потому что их писали люди» [27]. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств, как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя. Мы отстаивали подобную позицию в ряде своих публикаций [28] и с удовлетворением отмечаем наличие сторонников подобного подхода.

На сегодняшний день в русскоязычной историографии нет единых подходов к оценке периодизации, причин, значения, сущности революции 1917 г. Вызвано это, в первую очередь, сложностью исследуемых событий, многомерностью комплекса причин, создавших революционную ситуацию и влиявших на ее долговременную динамику.

Примечания

1. Сапов В.В. Идол революции // Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015. С. 38.
2. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2013. Отметим, что сборники статей, включающие материалы международных научных конференций «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проводимых кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, издаются регулярно. Последнее издание: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015.
3. Давыдов А.Ю. Рецензия на сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 193.
4. Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 4.
5. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 5.
6. Никонов В.А. Указ. соч. С. 14–15.
7. Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 14.
8. Стариков Н.В. Февраль 1917: Революция или спецоперация? М., 2007. С. 3.
9. Там же.
10. Революция 1917-го в России. Как серия заговоров. М., 2017. С. 2.
11. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. М., 2002. С. 9.
12. Там же. С. 11.
13. Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002; Его же. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.
14. Шубин А.В. Указ. соч. С. 5.
15. Ерофеев Н.Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 105.
16. 1917-й год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 3.
17. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 73–74.
18. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 113–114.
19. Соболев Г.Л. Русская революция 1917 года: взгляд историка из 2012 года // Межвузовская научная конференция «Русская революция

1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. СПб., 2013. С. 37.

20. Шубин А.В. Указ. соч. С. 11.

21. Космач В.А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // Метаморфозы истории. Псковский государственный университет. 2014. № 5. С. 401.

22. Там же. С. 402.

23. Там же. С. 403.

24. Лысков Д.Ю. Великая русская революция, 1905–1922. М., 2013. С. 5.

25. Шубин А.В. Указ. соч. С. 30.

26. Миронов Б.Н. Страсти по революции. С. 11.

27. Никонов В.А. Указ. соч. С. 13.

28. Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. С. 19.

А.Н. Садовой

РЕВОЛЮЦИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Распад СССР predetermined переоценку механизма (причинно-следственных связей) геополитических процессов конца XIX – начала XXI вв., как и этносоциальных последствий российских революций (1905–1907, 1917, 1991 гг.). В отечественной историографии по этнической истории народов России однозначно прослеживаются признаки необходимости смены научной парадигмы: изменения предметной области, терминологии, методологических подходов, определения критериев оценки эффективности национальной политики на всех этапах российской государственности. Основанием выступает тот факт, что на постсоветском пространстве только в Армении, Белоруссии и Казахстане в школьных учебниках (низший уровень историографии) не проводится тезис об особом этапе истории «титовых этносов» республик – «русской оккупации». Связано это с активным «мифотворчеством» в среде национальной интеллигенции, в соответствии с которым формирование «инновационных» концепций истории «национальной» государственности тождественно осознанному отрицанию сравнительно устойчивых концепций историографических школ, не только российских, но и зарубежных. Следует отметить, что процесс мифотворчества, на наш взгляд, не

имеет никакого отношения к истории – науке со сложившимся научным инструментарием. В большей степени этот процесс следует отнести к предметной области относительно новой для России дисциплины – политологии, ориентированной на «концептуализацию» исторических фактов и политических интересов в формируемые платформы и программы общественно-политических образований и движений.

Современные политические процессы оказывают несомненное и прямое воздействие и на отечественную историографию. Активное введение в исторический оборот не столько исторических, сколько историографических фактов (мнений, суждений, неоднозначных трактовок) создает крайне неблагоприятный фон для научных дискуссий, посвященных этнической истории, национальной политике, механизму модернизации социальных институтов.

Широкий спектр противоречащих друг другу оценок социальных последствий российских революций во многом определяется активным внедрением двух методологических подходов не столько познания, сколько отражения «этнополитических реалий» – этносоциального и аксиологического. Ситуация определяется отторжением после череды вооруженных межэтнических конфликтов и распада СССР доктрины «окончательного решения национального вопроса» в стране развитого социализма, господствующей в историографии 1950–1970-х гг. Создался определенный информационный вакуум, серьезно затрудняющий возможности переоценки последствий национальной политики СССР и прогноза этносоциальных последствий политических технологий, проходивших апробацию на всем постсоветском пространстве.

Во многом ситуация обуславливалась нехваткой специалистов. После репрессий в среде профессиональных этнографов в 1930–1950-е гг. [1] подготовка профессионалов была фактически свернута. Потребности Министерства иностранных дел и силовые структуры обеспечивал узкий круг востоковедов и военных переводчиков. Ограниченный круг этнографов и специалистов по региональной истории сохранялся только в структуре АН СССР и высшей школы, в республиканских, областных и краевых центрах [2]. Как следствие, в региональной историографии большинства субъектов СССР собственно этническая история выпала из предметной области исследований. Традиционная культура органично вошла в сферу интересов «краеведов», не сориентированных на исследование собственно этнических процессов и межэтнических коммуникаций.

Результат: при резкой дестабилизации этносоциальной обстановки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в регионах не оказалось специалистов,

ориентированных на развертывание системы этнологического мониторинга и проведение экспертных работ в зонах конфликтов. Эту роль взяли на себя лидеры национальных общественных объединений, публицисты и политологи. Объективно это способствовало тому, что текущие этносоциальные процессы стали рассматриваться, а позже и оцениваться не столько с позиции представителей институтов государственной власти, отвечающих за проведение национальной политики, сколько с позиции акторов межэтнического противостояния. Сформировался социальный заказ на критический анализ основных положений официальной историографии, противоречащей текущим политическим лозунгам. В этой связи согласно этносоциальному подходу знаковые исторические события, к которым однозначно относятся российские революции XX столетия, предлагалось рассматривать с позиции этнических интересов. Эта установка определяла принцип, согласно которому политические, социально-экономические и этнические (включая этноконфессиональные) процессы трактовались в логической взаимосвязи и, в первую очередь, на локальном (региональном) уровне. На основе синтеза выявленных в субъектах тенденций проводилось обобщение выводов о направленности политики и ее социальной эффективности. Результативность подхода при исследовании этнических процессов в среде конкретных социумов и социальных институтов основывалась на использовании принципов системного и выборочного подходов [3].

Выборочный подход позволял сконцентрировать внимание на узловых исторических периодах, определивших общую направленность этнических процессов (на примере локальных групп). Это позволило взглянуть на социальные последствия революций как на процессы смены вертикали власти и политических режимов, перераспределения собственности, апробации технологий по реализации федерального курса политики (национальной, конфессиональной, экологической и др.). Связано это с тем, что любой из перечисленных процессов выступает внешним фактором изменения систем жизнеобеспечения и природопользования, традиционных социальных институтов и социальной стратификации этнических меньшинств. Вопрос, насколько эти процессы осознавались на разных этапах советской и постсоветской истории в отечественной историографии, вплоть до настоящего времени остается открытым. Однозначно, в зависимости от степени традиционности социумов и социальных институтов и предлагаемых революциями социальных лифтов ощутить выигрыш могли как широкие слои населения, так и представители национальных элит (на уровне семей и кланов). Причем вне зависимости от того идет речь об элитах, сметенных рево-

люциями или сформировавшихся в результате предложенных революционным процессом социальных преобразований.

Проблема заключается не только в разновекторности этнических интересов, но и в их нестабильном характере. На смену предпочтениям, полученным на начальном этапе революционных изменений, как правило, приходил более жесткий политический режим, затрагивающий широкий спектр этнических интересов. Объективно это и определяло ситуацию постоянной переоценки последствий революций.

Оценочный (аксиологический) подход проявился в региональной историографии в начале 1990-х гг. и однозначно не был результатом развития научного инструментария. Это был своеобразный ответ на прошедшие изменения общественного сознания под воздействием распада страны и СМИ. Связано это было с резким снижением уровня жизни тех социальных групп, которые получили максимальные предпочтения в результате революций начала XX столетия. В результате как революции, так и постреволюционный путь развития страны стали объектом переоценки – процедуры, не имеющей отношения к инструментарию исторического исследования. На наш взгляд, любая оценка (как позитивная, так и негативная) этносоциальных последствий исторических процессов (таких глобальных, как российских революций) является не более чем историографическим фактом (высказанным суждением и мнением). В зависимости от меняющейся политической конъюнктуры он исключительно динамично меняет свое содержание.

Аксиологический подход при исследовании этнической истории, на наш взгляд, крайне неэффективен, поскольку входит во внутреннее противоречие с принципом историзма и объективности в отражении выявленных в результате исследования процессов. Связано это с тем, что при декларации социальной ориентации общественных преобразований (в интересах большинства) в зависимости от исторического контекста этносоциальная обстановка может меняться кардинально вне зависимости от декларируемого политического курса. В этой связи возникает проблема выявления индикаторов кратко-, средне- и долгосрочных последствий революций не только для титульного большинства, но и более чем 200 этнических групп, входящих в состав постсоветской России, с учетом динамично меняющейся социальной стратификации каждой из этих групп.

Как показали пилотажные проекты «этнологических экспертиз» [4], истоки современных межэтнических конфликтов однозначно не обусловлены революциями и процессами государственного строительства. Традиционные социальные институты и формы экономики на всех эта-

пах государственного строительства являлись стохастическими системами: общая направленность их трансформации в постреволюционные периоды не всегда находилась в полном соответствии с декларируемыми государством целями. Так, эволюция руководства совхозами в «латифундистов», использующих наемный труд в национальных районах РФ, началась задолго до исторических указов Б.Н. Ельцина о ликвидации социалистических секторов экономики. Элементы теневой экономики и обусловленной ею социальной стратификации прослеживались в национальных районах и в зонах экстенсивного освоения ресурсов (промысловых, скотоводческих) повсеместно.

Историческая память этносов всегда избирательна. Современные межэтнические конфликты (в сельских анклавах) в той или иной мере определяются произвольными трактовками постреволюционных изменений, коснувшихся тех норм обычного права, которые, по мнению респондентов, ранее обеспечивали доступ к ресурсам этнической или родовой территории исключительно резидентам, а не иноэтничным переселенцам. Второй блок противоречий определялся традиционной социальной стратификацией, которая проявлялась в нормах обычного права, определяющих наследственную передачу функций власти. В качестве примера можно привести род князей Абашидзе (Аджария). В этом же контексте можно рассматривать и многочисленные примеры, когда современная национальная элита активно ищет свои генеалогические корни в среде российского дворянства, купечества, духовенства. Собственно, проблемы сохранения языка и национальной культуры (третий блок противоречий) являются вторичными. Язык и культура рассматриваются в контексте текущих потребностей или условий для сохранения территории и представительства в органах региональной или муниципальной власти.

Историческая память этнических меньшинств подсказывает, что социальные потрясения, к которым можно отнести все революции, преходящи. Политические лозунги и создаваемая государством инфраструктура не являются вечными категориями, инородцев можно и вытеснить, а этническое самосознание как основное условие сохранения этноса во всех случаях базируется на принципах преемственности передачи власти и сохранения этнической территории. В силу этого обстоятельства проблемы внутренней противоречивости целей государства (создание унитарной системы управления) и традиционных социальных установок многонационального по составу населения России складывались задолго до русских революций и во многом не разрешены вплоть до настоящего времени. Этническая территория вплоть до настоящего времени в об-

щественном сознании имеет разные проявления. Она может выступать в представлениях об отчужденном городе (например, Львове или Кенигсберге), зимних пастбищах, местах промысла (охотничьих, кедровниках, рыбных тонях), приусадебных участках (потерянных при депортациях) и т. д. В случае если в исторической памяти та или иная парцелла земли связана с историей традиционного использования представителями конкретной этнической или родовой (патронимии) группы, их потеря в результате революционных событий столетней давности не рассматривается в качестве окончательной и бесповоротной. Проявляющиеся возможности их возвращения всегда выступают латентным источником межэтнических конфликтов. Не случайно в этническом сознании правовые регуляторы решения земельных противоречий, санкционированные государственными структурами, признаются только в случае постоянной демонстрации институтами власти способности применить силу. В случае ослабления или распада институтов государственной власти, происходит резкое перераспределение ресурсов в интересах законных (согласно нормам обычного права) владельцев. Для нерезидентов формируются условия, при которых они вынуждены мигрировать, бросая собственность. Использование «вымороченного» имущества беглецов на правах сильного также не входит в противоречие с нормами обычного права. В постсоветской истории достаточно много примеров реализации именно этого сценария решения земельных по природе конфликтов. Это прослеживалось по вытеснению русских переселенцев из некоторых районов Северного Кавказа и Средней Азии, армян из Азербайджана и Абхазии, грузин из Абхазии и Южной Осетии и т. д.

Для специалистов в области политической истории, посвятивших себя анализу успехов политики интернационализма в советский период, переход партийной элиты национальных республик и автономий на позиции шовинизма стал своеобразным культурным шоком. Для этнографов, сталкивающихся в полевых условиях со структурой традиционных (родовых, феодальных) отношений и разными формами этнического предпринимательства (теневые сектора экономики), эта эволюция стала вполне закономерной реакцией элит в борьбе за электорат и распределение государственной собственности по клановому признаку после распада СССР.

Ренессанс религиозного мировоззрения и восприятия динамично меняющейся действительности, охвативший с начала 1990-х гг. фактически все постсоветское пространство (за исключением стран Прибалтики), можно рассматривать в качестве закономерной реакции общественного сознания на распад государственных структур, отвечающих

за идеологическую обработку общественного сознания. Эта реакция вполне объяснима с позиции марксистской диалектики, принципы которой активно используются и в современной российской и зарубежной историографии. Не стоит недооценивать и роль институтов власти, ставших на позиции русского консерватизма в поддержке традиционных для России мировых религий, не ставивших под сомнение тезис о правомерности развития института частной собственности. Вместо отвергнутых ценностей социалистического общества были предложены уже «апробированные» в период более чем тысячелетней государственности.

Технология формирования слоя крупных собственников (олигархата, латифундистов) путем перераспределения государственной собственности в России практиковалась неоднократно. По своему содержанию этот процесс имеет прямые аналоги и с целевой сменой мировоззренческих позиций основной массы населения. Внедрение атеистического мировосприятия в среде нескольких поколений, прошедших Первую мировую и Гражданскую войны в начале XX в., основывалось на обесценивании традиционных (конфессиональных по природе) социальных установок. В период, когда внедренные социальные установки перестали устраивать социальную верхушку, они последовательно были переориентированы на традиционные, не противоречащие процедуре восстановления института частной собственности и интересам тех групп этнических элит, которые увидели в этой политике перспективу возврата этнической территории и власти.

Взросший интерес к этнической истории народов России определяет особую значимость полевых этнографических исследований, направленных не столько на исследование традиционной культуры, сколько на выявление латентных этнических процессов и определение динамики изменения системы межэтнических коммуникаций. Только на основе качественного обновления корпуса источников возможен не только критический анализ сложившихся в историографии концепций, но и прогноз средне- и долгосрочных последствий современной национальной политики. То, что респондентами революционные преобразования 1990-х гг., как правило, рассматриваются в контексте задач, поставленных и решаемых революциями начала XX столетия, и нанесенных государством «национальных обид», подсказывает, что эпоха революционных преобразований и обусловленных ими межэтнических конфликтов в РФ явно не завершена. С другой стороны, обозначает явные информационные лакуны, сложившиеся в отечественной историографии, без закрытия которых механизм постреволюционных социальных

преобразований не выйдет за пределы сферы формируемых национальными элитами мифов, установок и лозунгов. Как правило, это проблемы, связанные с региональной и этнической спецификой социогенеза и социальной стратификации, генезисом и функциями этнической экономики, механизмами развития внутри- и межэтнических коммуникаций (на внутрисоциальном и межсоциальном уровнях) и причин зарождения и эскалации межэтнических конфликтов. Решение этой историографической по природе задачи возможно на основе комплексных исследований, направленных на исследование динамики изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки в XX – начале XXI вв. по каждому из субъектов РФ.

Примечания

1. Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2002. Вып. 1–2.

2. Садовой А.Н. Проблемы этнологического образования в системе подготовки гуманитариев (проблемы и опыт решения) // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 1 (26). С. 130–135; Кудрина Е.Л., Белозерова М.В., Садовой А.Н., Пономарев В.Д. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект. Кемерово, 2013. С. 123–147.

3. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово, 2014.

4. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Зазулина, М.Р., Белозерова М.В., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски Кемерово». Кемерово, 2005. Вып. 1; Бойко В.И., Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Белозерова М.В., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2; Садовой А.Н. Этнологические экспертизы: к проблеме адекватного отражения современных этносоциальных процессов // Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития Республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе: сборник материалов международной научно-практической конференции. Алматы, 2009. С. 402–409.

В.А. Матвеев

РОССИЙСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 г.

После Февральской революции перемены затронули многие сферы обустройства России, но ее устойчивость как государства продолжала сохраняться. Это наблюдалось и на окраинах отечественного Востока. В российском универсалистском синтезе в условиях нарастания кризиса в 1917 г. не обозначилось признаков разрушения. Даже такой видный деятель националистической северокавказской зарубежной диаспоры, как А. Авторханов вынужден был признать, что и после крушения монархической формы правления «ни один из нерусских народов не заявил о своем выходе из состава... России» [1]. Подтверждается данное наблюдение и современными исследованиями [2]. В тот переломный для России момент многие посланцы с Кавказа высказывались на различных съездах против обособления от «единого отечества... отдельных частей», призывали «к спасению общей родины», возрождению мощи армии и настаивали на мерах, способных «остановить процесс разложения русской государственности» [3].

Заявляли они вместе с тем о единстве «с русским народом и с другими народами, населяющими великую страну», о наличии в этой связи «единого российского народа с единой целью» и об отсутствии после произошедших перемен «инородцев в России» [4]. Настрой на сохранение единства с ней, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, как видно, оказывался тогда массовым и не был подвержен, в отличие от политических объединений, конъюнктурным колебаниям. Его всячески поддерживали и представители туземной интеллигенции, в том числе те, что весьма показательно, кто сугубо критически воспринимал ситуацию на северокавказской окраине в имперский период, выступая с соответствующими замечками в печати. Так, просветитель осетинского народа Г. Цаголов высказывался неоднократно в 1917 г. по мере нарастания в стране деструктивных процессов «о нужном для отечества единении» [5].

Не сразу оформились требования и об установлении федеративного строя в России. На собрании горцев Екатеринодарского отдела в областном центре 8 марта 1917 г. было отмечено, например, отсутствие у них намерений «к какому-либо особому краевому выделению или автоно-

мии» [6]. Но, по мере радикализации обстановки в стране, уже в апреле 1917 г. необходимость ее введения стала обсуждаться на различных представительных форумах по всему Кавказу и в краевой прессе. В публиковавшихся по этому поводу статьях, нередко со ссылками на другие местные газеты, сообщалось, что «автономия неизбежна, Россия должна представлять союз свободных наций». Наряду с этим говорилось о важности сохранения государственных связей: «Идеалом всех наций, населяющих Россию и Кавказ, безусловно, является независимость во внутренней национальной жизни и единство в общих вопросах» [7].

В речи же лидера партии народной свободы Кокошкина на созванном в мае съезде отмечено, что из-за неравномерности «численности всех национальностей, входящих в состав России... занимаемых ими территорий... построение федерации[,] основанной на национальном принципе... задача неосуществимая» [8]. Установление автономии он тесно увязал с перспективами разрешения «национального вопроса» при помощи «децентрализации», которая способна, по его утверждению, послужить «могущественным средством для удовлетворения потребностей наций в самоопределении» [9]. В данном варианте государственного обустройства России, как видно, отстаивалась так или иначе необходимость сохранения исторически сложившейся универсалистской модели.

Сложилось представление о распространенности сепаратистских настроений на иноэтнических окраинах. В подтверждение приводятся ссылки на невозможность осуществить точные подсчеты тех, кто подерживал идею независимости от России. Заметим, что «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», отражавший, судя по всему, массовые настроения, последовательно, вплоть до углубления кризиса осенью 1917 г., например, придерживался своей программной установки на сохранение целостности сложившегося в имперский период государственного пространства и отстаивал лишь необходимость федеративного переустройства. При его учреждении, в частности, говорилось, что «Союз объединенных горцев... организовался исключительно в целях оказания поддержки Временному правительству, борьбы с анархией и реакцией, обеспечения спокойствия населения и подготовки его к Учредительному собранию» [10].

В советской историографии созванный Союзом объединенных горцев «первый... съезд» классифицировался как «собрание представителей буржуазно-националистических и клерикальных элементов Северного Кавказа и Закавказья». Подобной точки зрения придерживался, например, Б.О. Кашкаев [11]. Но данная оценка искажала действитель-

ность. Съезд отражал, так или иначе, существовавшие настроения и неоднократно показывал способность к конструктивным государственным решениям. Подготовка его проходила с привлечением масс и охватила все туземные общества Северного Кавказа. Так, «по инициативе шейхов и почетных людей» направлена была «группа делегатов от чеченцев» в г. Темир-Хан-Шуру с предложением к «народам Дагестана войти с народами Северного Кавказа в объединение» [12]. Они были приняты председателем Областного комитета Темир-Хановым, под руководством которого по случаю прибытия инициативной группы состоялось совещание [13]. Состав его вскоре был расширен, и к участию в обсуждении были приглашены «дагестанские алимь» [14] и «мудрые почетные люди» [15].

Такой подход соответствовал существовавшим на Северном Кавказе традициям, общим для всех горских народов. Предложение чеченских делегатов было принято присутствующими «единогласно» [16]. По аналогичной схеме подготовка съезда шла среди всех народов окраины. Приглашены на него были представители и от русского населения, включая казачество. Для созыва I съезда были выпущены воззвания. В них объявлялось по всему краю, что 1 мая 1917 г. «во Владикавказе созывается съезд горских племен Терской, Кубанской и Дагестанской областей для установления связей между племенами и объединения их действий» [17]. 8 апреля 1917 г. ЦК Союза объединенных горцев разослал на места обращения к исполнительным комитетам с просьбой «прислать представителей горских народностей» [18].

В рекомендации указывалось на то, чтобы избрание их проводилось «на общих сборах того или иного народа (племенных сборах) доверенных от сельских обществ, избранных на сельских сходах» [19]. В данном случае учитывалась сложившаяся вследствие проводившихся до 1917 г. реформ административная практика, ставшая общей как для инородческих, так и для русских общин. В ней были устранены этнические различия. Созыв II («сентябрьского») съезда горцев Северного Кавказа проводился уже по сценарию и опыту предшествующего периода. При открытии I (общегорского) съезда 1 мая 1917 г. выражалась надежда, что он «восстановит братство племен Северного Кавказа» [20]. К ним было отнесено наряду с другими казачество и все остальное русское население края [21].

На следующий день председатель Б.А. Шаханов, конкретизируя цель, обратил внимание на потребность «всем горским племенам Кавказа организоваться в могучий союз для совместного отстаивания в Учредительном собрании автономного их устройства и создания Всероссийского Союза таких автономий, или федеративной демократической

республики» [22]. Никаких разговоров о «независимости» организаторами, как видно, тогда вообще не велось. В выступлении Б.А. Шаханова, определившем направленность работы I съезда горцев, сказано и о необходимости «идти рука об руку с русским народом, который провозгласил республику, свободу и равенство всех народов» [23]. По его же разъяснению, свобода предоставляет возможность «всем народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления и автономии». Ее границы, отметил Б.А. Шаханов, «будут определяться Учредительным собранием» [24]. Сепаратистских намерений в его выступлении, как и в выступлениях других делегатов, не просматривалось.

На одном из красных знамен, выносившихся на сцену, была надпись «Мир и братство всех народов!», также призывавшая к сохранению единого отечества [25]. 5 мая 1917 г. I съезд горцев Северного Кавказа объединился для совместной работы со II войсковым кругом казаков Терской области. Собрание в расширенном составе открыл председатель «горского съезда» Б.А. Шаханов. После краткого обращения к присутствующим он представил «первое слово» директору кадетского корпуса Троцкому. В обращении к присутствующим как представитель принимающей стороны генерал выразил удовлетворение, что во вверенном его попечению учебном заведении представлены «все национальности, “мусульмане, казаки и русские”», между которыми «нет... никаких раздоров и распрей» [26].

Приветствуя собравшихся от Временного правительства, занимавший тогда должность комиссара области войсковой атаман М.А. Караулов «призвал к установлению добрососедских отношений» [27]. Как член Государственной думы, он напомнил, что «по многим вопросам повестки дня съезда им были внесены» в российский парламент «законопроекты, направленные для защиты горских интересов» [28]. В ответном обращении к казакам Б.А. Шаханов, как председатель I съезда, в свою очередь, подчеркнул: «Русская революция стерла всё старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино» [29]. Председатель II войкового круга Л.Е. Медяник «от всех казаков войска» приветствовал горцев «как братский народ» [30]. В его речи особое внимание было обращено на предпринятый накануне жест доброй воли: «Казаки, обсудив на своем круге, решили отказаться от правления областью и желают жить с вами, горцы, в единогласии... Каждый пусть управляется так, как нужно» [31].

От Центрального комитета Союза объединенных горцев казачество приветствовал представитель чеченцев Т. Чермоев, отметивший важность возрождения «его бывшей свободы» [32]. Представитель кабардинцев в обращении к собранию передал настрой своего народа: «Мы

стали гражданами великой России». Казаков он призвал совместно с горцами «стоять друг за друга и быть готовыми до последних... сил отстаивать федеративную республику» [33]. Приветствия закончились весьма примечательными лозунгами, передававшими общие представления о будущем: «Да здравствует объединение горцев и казаков! Да здравствует новая объединенная Россия!» [34]. В политической платформе и программе Союза объединенных горцев, принятой на съезде 7 мая 1917 г., задачи определялись из осознания «общего блага Родины», «нераздельной составной частью» которой являются горцы Северного Кавказа. Сохранение «Великого Российского государства» признавалось необходимым «для собственного их блага и счастья» [35]. Доклад с такими формулировками был «принят единогласно» [36].

По итогам выступлений в резолюцию I съезда внесено положение об одинаковых правах «на участие в определении политических судеб общего отечества», обладание которыми должно быть закреплено «за всеми большими и малыми народами» [37]. Российскую направленность самоопределения отражали и «приветственные телеграммы», посланные по ходу работы съезда от «горцев Северного Кавказа и Дагестана». Они были адресованы в том числе «вольной Украине» и «братьям на далеком Севере». В посланиях указывалось на необходимость «совместного достижения через Учредительное собрание демократического республиканского строя в России на федеративных началах союза автономных областей» [38]. Тексты телеграмм составлялись Центральным комитетом объединенных горцев и зачитывались перед делегатами, получая «всеобщее одобрение» [39].

В одной из них, отправленной в Петроград на имя М.В. Родзянко, выражалась надежда, что принцип федеративного устройства государства получит одобрение и на Учредительном собрании [40]. По предложению председателя Б.А. Шаханова была отправлена также телеграмма Туземной дивизии. В ней, в частности, говорилось: «Представители всех горских племен Северного Кавказа и Дагестана[,] собравшиеся во Владикавказе на свой первый съезд... написав на своем красном знамени борьбу... за торжество федеративной демократической республики, шлют свой сердечный привет своим родным полкам Кавказской мусульманской конной дивизии, мужественно... отстаивающим... неприкосновенность, честь, свободу отныне дорогого нам всем отечества – России» [41]. После Февральской революции она продолжала сохранять верность присяге и воинскую дисциплину. Заметки об этом зафиксированы, в частности, в воспоминаниях о «Дикой дивизии» бывшего фронтového корреспондента Н.Н. Брешко-Брешковского [42].

Об устойчивости настроений на ненарушимость единства с Россией в условиях нарастания революционного кризиса 1917 г. свидетельствует и послание Союза объединенных горцев, направленное Туземной дивизии накануне намечавшегося июньского наступления на Западном фронте. Опубликовав его текст, газета «Терский вестник» придала событию патриотическую значимость в масштабах края. В послании, в частности, был поддержан призыв «боевых товарищей» совершить во имя родины это «красивое ратное дело», исходивший от воинов с Северного Кавказа [43]. Напоминалось и о том, в какой момент было принято решение о наступлении. Туземная дивизия незадолго до этого понесла тяжелые потери на Румынском фронте. Телеграмма была отправлена за подписью Т. Чермоева, подчеркнуто отметившего свою принадлежность в звании ротмистра Чеченскому конному полку [44].

Необходимость же борьбы «с внешним врагом... до достижения почетного мира без аннексий и контрибуций» была зафиксирована на I съезде в программе Союза объединенных горцев наряду с другими положениями, отражавшими его устремления на сохранение государственного единства с Россией [45]. Героизм Туземной дивизии в сражениях за отечество с гордостью воспринимался не только на Северном Кавказе. Его отмечало и высшее военное руководство. Командующий армией генерал Л.Г. Корнилов вручил месяц спустя «георгиевские кресты и медали тем, кто был в боях» [46]. Причем награды выдавались лишь тем, у кого их еще не было [47]. Преданность центральной российской власти Туземная дивизия сохранила и после «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова, о чем ее представители заявили верховному главнокомандующему министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому на приеме 31 августа 1917 г. [48].

На съезде чеченского народа, созванном по вопросу «о грабежах» в селении Старые Алды 12 июля 1917 г., при поддержке 5000 делегатов было заявлено в «категоричной форме» о желании «мирного сожительства» и намерении «с русским народом работать для закрепления свободы» [49]. Идея полиэтнического единства отстаивалась и восточнославянским населением края. Так, в переписке между кавказскими полками Кубанского казачьего войска, освещавшейся в прессе, «венцом революции» объявлялась «неделимая, свободная Российская республика» [50].

10–17 августа 1917 г. в селении ХакуринохABLE Майкопского отдела состоялся I съезд горцев аулов Кубанской области и Черноморской губернии. На нем были представлены делегаты от адыгов, абхазцев, карачаевцев и черкесов. Своих наблюдателей также послал ЦК Союза объединенных горцев Кавказа и Областной исполнительный комитет [51].

Инициатива в созыве данного съезда принадлежала Кубанскому войсковому правительству [52]. В постановлении по итогам работы намечалось «действовать в контакте с казачьим населением» [53].

Определялись и конкретные «политические... общественно-административные задачи обоих народов». Для горского населения этой части северокавказской окраины предлагалось ввести особые округа на правах «областной автономии», с установлением «территориально-федеративной» формы обустройства России. Выступавшие говорили и о необходимости ведения войны «до победного конца» [54], что, по сути, являлось отражением общегражданской патриотической позиции. Временному правительству была отправлена телеграмма «с выражением доверия и поддержки» [55]. Иная возможность развития Северного Кавказа в качестве альтернативы проявилась в конце августа 1917 г. на упоминавшемся уже «андийском съезде» [56].

Сложившиеся обстоятельства из-за прибытия вооруженных отрядов сторонников шейхов Н. Гоцинского и Узуна-Хаджи вынудили организаторов перенести проведение II съезда во Владикавказе. Однако часть собравшихся на «андийский съезд» делегатов туда не поехала [57]. Инцидент на «Андийском съезде» некоторые исследователи склонны рассматривать как «кризис национальной демократии», объясняя произошедшее обозначившимися противоречиями «в горском движении» в августе – сентябре 1917 г. [58]. Между тем и на II «общегорском съезде», открытие которого состоялось 20 сентября 1917 г., стремление предотвратить распад России оказывалось преобладающим [59]. Важнейшей темой для обсуждения по-прежнему были меры по сохранению целостности государства, сформировавшегося в имперских границах.

Примечания

1. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 65.

2. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. Досоветский опыт чеченского этноса по формированию институциональной иерархии (государственности) // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С. 31–33.

3. Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах / под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1930. С. 178, 181.

4. Там же.
5. Терский вестник. 1917. 8 июля.
6. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. II. С. 8.
7. Северокавказский край. 1917. 17 апр.
8. Баку. 1917. 15 мая.
9. Там же.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 104–105.
11. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972. С. 34.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 17. Л. 1.
13. Там же.
14. Там же. Л. 1–1об.
15. Там же. Л. 1.
16. Там же. Л. 1об.
17. Там же. Д. 15. Л. 9.
18. Там же. Л. 19.
19. Там же.
20. Там же. Д. 4. Л. 1.
21. Там же.
22. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 29.
23. Терский вестник. 1917. 5 мая.
24. Там же.
25. Там же.
26. Терский вестник. 1917. 7 мая.
27. Там же.
28. Терский вестник. 1917. 5 мая.
29. Терский вестник. 1917. 7 мая.
30. Там же.
31. Там же.
32. Вестник Союза казачьих войск. 1917. 7 июля.
33. Терский вестник. 1917. 7 мая.
34. Там же.
35. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 48.
36. Там же. С. 50.
37. Кавказское слово. 1917. 25 мая.
38. Терский вестник. 1917. 7 мая.

39. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1799. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.
40. Терский вестник. 1917. 6 мая.
41. Там же.
42. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. М., 1991. С. 61.
43. Терский вестник. 1917. 10 июня.
44. Там же.
45. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 161.
46. Терский вестник. 1917. 11 июля.
47. Там же.
48. Заря свободы. 1917. 5 сент.
49. Терский вестник. 1917. 14 июля.
50. Вестник Союза казачьих войск. 1917. 5 авг.
51. Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920). Черкесск, 1971. С. 36.
52. Раенко Я.Н. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья. 1914–1920 гг. (Хронологический очерк). Краснодар, 1940. С. 47.
53. Лайпанов К.Т. Указ. соч. С. 36.
54. Там же.
55. Джимов Б.М. Борьба трудящихся Адыгеи за победу и дальнейшее упрочение Советской власти (апрель 1917 – декабрь 1920 гг.) // Исследования по истории адыгов. Советский период. Майкоп, 1976. С. 162.
56. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
57. Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 44.
58. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд. испр., доп. Нальчик, 2012. С. 174.
59. ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

Е.А. Лепкова

КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»

Музеи – это важные составляющие культуры, от которых во многом зависит развитие общества. По мнению профессора Н.И. Решетникова, музеи призваны сохранять, истолковывать и пропагандировать природ-

ное и культурное наследие человечества. Национальным достоянием являются музейные коллекции, которые изучают не только музейные специалисты, но и другие исследователи [1]. В современном обществе становятся всё более востребованными проблемы историко-социологического изучения Великой российской революции 1917 г. Отечественные и зарубежные исследователи, работая над проблемами современной интерпретации этих событий, обращаются не только к архивным и библиотечным источникам, но и музейным коллекциям.

Одним из объектов Музея-заповедника «Сталинградская битва» является Мемориально-исторический музей. Впервые он был открыт в бывшем особняке царицынских купцов Репниковых 3 января 1937 г. как Музей Оборона Царицына имени тов. Сталина. Здание музея является памятником архитектуры регионального значения и историческим памятником федерального значения, т. к. в 1917–1918 гг. в здании находился штаб обороны Царицынского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – первый военный орган советской власти в Царицыне. Ведущая тема экспозиции в течение восьмидесяти лет – «Гражданская война в районе Царицына и на Дону в 1917–1920 гг.». В настоящее время музей является единственным в ЮФО, экспозиция которого посвящена Гражданской войне на юго-востоке России и роли Царицына в этих событиях. Всё это время приоритетным направлением в формировании музейных фондов царицынского периода был поиск документальных, фотографических, вещевых и других источников по данной теме.

Фонды музея-заповедника располагают большим количеством документов, дающих представление о формировании первых органов советской власти в Царицыне и на территории уезда, а также о деятельности советских учреждений в 1917–1918 гг.: резолюции собраний заводских комитетов, запасных пехотных полков гарнизона Царицына, обращения Временного комитета к гражданам г. Царицына, подшивки газеты «Борьба» – органа Царицынского комитета РСДРП – за 1917 г. Богата и разнообразна коллекция фалеристики – нагрудных знаков и жетонов периода Октябрьской революции.

К началу революционных событий 1917 г. Царицын представлял собой крупный торгово-промышленный центр юго-востока страны. Большую часть населения города составляли представители рабочего класса, недовольные своим материальным положением и экономической ситуацией в стране в целом. Практически сразу после свержения самодержавия 2 марта 1917 г. в городе формируется Царицынский Совет рабочих и солдатских депутатов, где происходили обсуждения решений центральных органов власти и принимались решения на местах. В фондах музея

представлены документы, дающие представление о создании многопартийной системы в органах власти города и формировании избирательной системы в начале 1917 г., например: «Призыв рабочей группы Совета рабочих и солдатских депутатов о выборах депутатов 2.03.1917.»; «Именные списки кандидатов к баллотировке в гласные Царицынской Городской Думы по правилам закона от 15 апреля 1917 г.»; «Именной список №14 Предлагаемых кандидатов к баллотировке на выборах 27 августа 1917 г. в гласные Царицынской Городской Думы и выразивших согласие подвергнуться этой баллотировке»; «Резолюция от 21 мая 1917 г., принятая на митинге граждан г. Царицына с требованием от Городской Думы составить документальные списки всех граждан в возрасте 18 и 19 лет с предоставлением им как активного, так и пассивного избирательного права».

В годы Первой мировой войны в Царицыне были размещены несколько запасных полков, которые в течение всего революционного 1917 г. проводили демонстрации и митинги, на которых принимались резолюции с требованием прекращения войны: резолюция 155-го пехотного запасного полка, резолюция 141-го пехотного запасного полка от 17 июля 1917 г. о необходимости прекращения войны. Они гласили: «Война, разбойничья политика грабителей всех стран, истощение народов... политика попустительства по отношению к капиталистам... показала полную нежизнеспособность коалиционного министерства» [2]. В течение 1917 г. на заводах и фабриках Царицына был введен рабочий контроль, организованы фабрично-заводские комитеты, которые вводили 8-часовой рабочий день, решали вопросы расценок и зарплаты, приема и увольнения, снабжения рабочих продовольствием. В фондах музея-заповедника «Сталинградская битва» хранятся документы, раскрывающие деятельность этих организаций в нашем городе, например: «Отношение Совета фабрично-заводских комитетов г. Царицына в бюро профессиональных союзов для выяснения положения рабочих относительно зарплаты», «Резолюция, принятая общим собранием рабочих и работниц товарищества Паровой мельницы “о недопущении закрытия заводов промышленниками и сокращения зарплаты рабочим”» [3].

Однако не все работники заводов принимали условия работы новой власти. Так, заводской комитет нефтепромышленных фирм Царицына 29 ноября 1917 г. просил Революционный Штаб принять меры воздействия на заведующего царицынским районом «Т-ва Братьев Нобель» инженера-технолога Д.И. Михальчевского, игнорирующего постановления заводского комитета. Фонды музея располагают комплексом докумен-

тов о жизни города после октябрьских событий 1917 г. – это приказы о передаче власти Царицынскому Совету, материалы о деятельности Революционного Штаба, которому перешла «вся власть в городе и его районов» и т. д. [4]. Большой интерес у исследователей вызывают материалы о деятельности помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде, документы о действиях в отношении жандармов со стороны новой власти в 1917 г. – «Запрос в адрес Царевской Уездной Милиции о производстве розыска секретных сотрудников управления охранных отделений (май 1917 г.)», «Дела о невыполнении Царицынским комитетом распоряжения Временного Правительства об освобождении жандармских офицеров от 6 апреля 1917 г.» и т. д.

Наиболее яркие и интересные материалы, раскрывающие революционные события 1917 г. в Российской империи в целом и в г. Царицыне в частности, представлены в одном из разделов Мемориально-исторического музея. В первом зале музея представлены транспаранты с главными лозунгами политической весны 1917 г.: «Долой войну», «Свобода, равенство, братство». На их фоне – документы и фотографии из жизни страны и Царицына тех дней: отречение Николая II, двоевластие в стране, создание Советов рабочих и солдатских депутатов, «дни свободы» в Царицыне, первые депутаты городского Совета. Наряду с материалами об установлении советской власти в России, в экспозиции музея размещены фотографии и документы, отражающие развитие революционных событий в Царицыне. Представлен основополагающий документ – Приказ от 4 ноября 1917 г. № 1 об установлении советской власти в Царицыне, фотографии и предметы, рассказывающие о первых руководителях советской власти в Царицыне: председателе Царицынского комитета РСДРП(б) С.К. Минине и председателе исполкома Царицынского Совета Я.З. Ермане. Центральное место в экспозиции занимают экспонаты, отражающие работу штаба обороны Царицынского Совета, который был создан на правах отдела исполкома городского Совета и осуществлял оперативное руководство отрядами Красной гвардии г. Царицына, близлежащих уездов и округов Донской области.

Таким образом, события 1917 г. нашли широкое отражение в материалах фондов Музея-заповедника «Сталинградская битва» и экспозиции Мемориально-исторического музея. Уникальный материал, представленный в музее, является важным компонентом в культуре России, позволяющим современным исследователям по-новому осмысливать такой важнейший вопрос отечественной истории, как революция 1917 г.

Примечания

1. Решетников Н.И. Музей и музееведческие проблемы современности // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: http://www.opentextnn.ru/museum/N.I.Reshennikov._Museum_and_the_Museological_problems_of_modernity (дата обращения: 05.05.2017).
2. Резолюция 141-го пехотного запасного полка. Фонды Музея-заповедника «Сталинградская битва» (далее – МЗСБ) / нег. НВФ 429.
3. Резолюция, принятая общим собранием рабочих и работниц товарищества Паровой мельницы. Фонды МЗСБ / нег. 292.
4. Извещение Исполкома Царицынского Совета о создании Революционного Штаба. Фонды МЗСБ / к № 5741, п. 58.

М.Ю. Киселев

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917–1918 гг. НА ЮГЕ РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ: ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА РАН

Архив Российской академии наук (РАН) и его Санкт-Петербургский филиал остаются одними из старейших ведомственных архивохранилищ России, в которых сохранились документальные комплексы по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, российских и иностранных ученых. В то же время документальные комплексы Архива РАН в Москве практически никогда не относили к источникам по истории революции 1917 г., в первую очередь неопубликованным.

В Архиве РАН отложились документальные комплексы учреждений предшественника Академии наук СССР – Коммунистической академии при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) СССР. Среди них особое место занимает фонд Института истории Комкадемии ЦИК СССР (1929–1936 гг.), одним из структурных подразделений которого была Секция истории пролетариата СССР. В составе секции была сформирована Анкетно-биографическая комиссия, ставившая своей целью изучение анкетных и биографических материалов как одного из важных источников исследования истории рабочего класса. Планировалась подготовка ряда сборников автобиографий участников Октябрьской революции, гражданской войны, героев трудового фронта и социалистического строительства.

С целью получения биографических сведений рабочих Анкетно-биографическая комиссия организовывала вечера воспоминаний, на которых ее участники рассказывали свои биографии. Биографии содержали как сведения личного характера, так и сведения об участии в революционном движении, первой русской революции 1905–1907 гг., революционных событиях 1917 г., гражданской войне и социалистическом строительстве. Вечера воспоминаний стенографировались и назывались «Вечера воспоминаний красногвардейцев». В фонде Института истории Комкадемии ЦИК СССР сохранилась стенограмма вечера воспоминаний красногвардейцев южных городов страны [1], датируемая 23 июня 1932 г. Инициалы большинства фамилий, упоминаемых в воспоминаниях, установить не удалось.

Попытаемся провести детальное изучение воспоминаний участников революционных событий на юге России в 1917–1918 гг. В первую очередь необходимо отметить, что воспоминания планировалось использовать для подготовки ряда сборников биографий участников революционных событий к 15-летию Октябрьской революции. По нашему мнению, большинство участников вечеров воспоминаний пытались показать свой особый вклад в становление советской власти и дать оценку тех или иных событий.

Солдат Жигунов после Февральской революции и распада войсковой части оказался в Петрограде, где, по его сообщению, в апреле 1917 г. лично был в первых рядах оцепления и наблюдал за расстрелом мирной демонстрации на Невском проспекте. По приезде в Новочеркасск он связался с партийной организацией (с Черемухиным Николаем) и устроился работать помощником машиниста паровоза, где занимался сбором информации о передвижении войск и воровством оружия и оружейных замков из эшелонов. Дальнейшие воспоминания Жигунова связаны с описанием его революционной деятельности в апреле – мае 1917 г.: выполнение секретного задания с Игнатом Головченко по передаче информации в село Генеральское о положении в Новочеркасске; участие в организации красногвардейского отряда; работа комендантом станции Новочеркасск и заместителем председателя ревкома Юго-Восточной железной дороги.

Особенно отмечал Жигунов свою заслугу при расчистке станции от поездов, поскольку, по его мнению, железнодорожники эксплуатационного отдела были очень консервативными и не разрешали выставить несколько пар поездов по одной линии, чтобы был свободный путь следования эшелонов. В мае 1917 г. Жигунов отступал от Новочеркаска на бронепоезде бывшего морского офицера Барановского. В воспоминаниях называется ряд участников революционных событий: Полатернов

Андрей, Успенский В., Вишневецкий Василий, Дронов, Кулябко, Кулакова Дуня, Ларин Василий, Остерлов, Медведев, Шевченко [2].

Коренной житель Ростова Назаритян пытался сопоставить стачечное движение в городе в 1905 г. и 1917 г., тогда как сам сообщал, что, будучи 20-летним парнем и плохо владеющим русским языком, мало разбирался в политических вопросах. Также он утверждал: иногороднее крестьянское население находилось в худших условиях по сравнению с казаками, потому что казачество в то время было оплотом царского правительства, являлось основной опорой для подавления мятежа, причем, в части пользования землей, оно имело гораздо больше десятин земли, чем иногородние, и между иногородними и казаками, безусловно, имелся антагонизм. В 1917 г. он, работник городских мастерских, видимо, не разбирался в сложных взаимоотношениях казачества с другим сельским населением.

Назаритян рассказывал, что сообщение о свержении самодержавия и водворении Временного правительства дошло в Ростов только 1 августа 1917 г., хотя в другом месте выступления он указывал, что 20 апреля было создано Временное Донское правительство. По его утверждению, в дооктябрьский период на Дону в течение короткого времени была «советская власть»: подпольная большевистская организация с конца марта – начала апреля 1917 г. насчитывала в своих рядах больше 14 членов. Описывая выборы в Учредительное собрание 1–15 июля, он сообщал, что к вечеру весь народ сосредотачивался около трибуны большевиков, которые пользовались бóльшим авторитетом, чем меньшевики и эсеры. Вызывают сомнение оценка очевидцем периода наступления генерала С.Н. Потоцкого на Ростов и утверждение, что между генералами Орловым и Калединым были какие-то разногласия. Он сообщал, что гарнизон Новочеркаска также встал на сторону большевиков, а весь гарнизон Ростова был настроен против. Что касается личного вклада Назаритяна, то он сообщал, что в сентябре был послан для организации партизанского отряда на станцию Гниловскую, Темерник и Нахаловку.

Описывая октябрьские события, Назаритян сообщает о трех отрядах Красной гвардии, один из которых он возглавлял. Эти отряды были сосредоточены на определенных участках, причем главный штаб Красной гвардии в тот период находился в «Палас-отеле» на Пушкинской улице: «Там мы получали оружие, но вообще оружия у нас было мало. Мы поставили вопрос так: на ... проспекте имеется выставка, где есть склад оружия, и там надо было сделать налет. Описывается налет, в котором приняли участие 25 человек». Заканчиваются воспоминания информацией, что 75 винтовок перевезли, когда начали приходить части со стороны Александро-Грушевской, где связь была установлена с Новочеркасском:

«Но наступление Корнилова в этой части привело к тому, что те организации, те штабы, которые были посланы, обратно рассыпались». Положительным элементом воспоминаний является упоминание организаторов Красной гвардии: Бушкаржук, Ф.М. Зявкин, Иванов, Филов [3].

Другой участник вечера воспоминаний Муравин прибыл в Ростов осенью 1917 г. как уполномоченный Архангельского губернского продовольственного комитета. По его мнению, Ростов немножко запаздывал по сравнению с Москвой и Петроградом, так что революционный комитет образовался там после ноябрьских событий. Городская Дума находилась под эгидой меньшевиков вкупе с кадетами и правыми, Совет рабочих депутатов в ноябре стал почти полностью большевистским. Заслуживает внимания сообщение Муравина о том, что Ревком обратился к рабочим и солдатам с призывом дать отпор Каледину. «Первые дни шли массами, особенно нахичеванский фронт. Надо сказать, что руководства и дисциплины у нас не было: ночью уходили с фронта, днем появлялись».

Описывая свою работу по выпуску газеты, которая ему была поручена А. Френкелем, Муравин сообщал, что после захвата типографии «отношение было не совсем благоприятное даже среди рабочих, потому что наборщики, особенно ростовские, не были большевистски настроены». Во время подготовки газеты «казаки гарцевали по улицам и убивали людей». Не совсем понятно участие Муравина в событиях ноября – декабря 1917 г. на станции Миллерово, когда, по его информации, Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков с казачьими революционными войсками восстали против старшины: «Тут началось мое личное участие. Начали наступать луганские рабочие, насколько помню, на платформах с мешками, их здорово лупили, нагруженные мешками с песком, самодельные броневики. Первое время мы там терпели поражение, потом Голубев одержал крупную победу». Через несколько дней Муравин был отправлен в Орловскую губернию для организации подкрепления Красной гвардии.

Требует тщательной проверки сообщение Муравина, что в Ростове-на-Дону приблизительно в марте 1918 г. группа с его участием приступила к организации интернациональной революционной армии ввиду того, что их «не удовлетворяла красная гвардия, не было в ней дисциплины». Интересным представляется состав группы и ее деятельность: «В эту группу входило 5 человек: некий Мельхер – офицер немецкий или австрийский, Мержанов, Айзенберг и Васильченко второй (он умер уже). Мы сделали доклад в ревкоме, нам отпустили средства. Главным образом к нам скоплялась пленная публика – немцы и австрийцы. Выпустили ряд воззваний и, всё это исчезло с лица земли, в истории этого нет. У нас доклад должен был быть на заседании революционного Донского Сове-

та. Отряд организовать не удалось, мы организовали в казарме, какие-то казармы в конце города» [4]. В воспоминаниях упоминаются участники событий: Сырцов, Равикович, Семен Васильченко, Аарон Френкель.

Участник вечера воспоминаний Витковский со времени февральской революции 1917 г. работал на Балтийском снарядном заводе в Таганроге и состоял в его завкоме и членом исполкома Совета рабочих депутатов города. В своих воспоминаниях он описывал свою поездку в Севастополь в ноябре 1917 г. для получения оружия, положение на заводе, действия социал-демократической и большевистской организаций, деятельность заводских комитетов. В воспоминаниях практически отсутствует информация о личном участии Витковского в тех или иных событиях в феврале 1917 г. – мае 1918 г. Он утверждал, что Красная гвардия была образована в Таганроге в сентябре – октябре 1917 г., а стачек не было, поскольку этот вопрос решался в завкомах. Он сообщал о спорах между завкомами Балтийского завода и других заводов по поводу больших ставок заработной платы на Балтийском заводе, выпускающем снаряды. В воспоминаниях фиксируются фамилии участников революционных событий: Берман (Павел Кожаный), Вейцман, Гросман, Киналовский, Васильченко, Сырцов, Зубец, Островская, Марченко, Мокроусов, Волошин, Стерлин, Шольц, Шаблиевский, Росников, Зюльман, Филиппов, Петирнова [5].

Воспоминания современников являются, по нашему мнению, небольшим, но очень ценным штрихом к разноплановой картине революционных событий 1917–1918 гг. Большинство участников вечеров воспоминаний пытались показать свой особый вклад в становление советской власти и дать оценку тех или иных событий. Сведения, представленные в воспоминаниях, требуют квалифицированной проверки, поскольку прослеживаются как явные неточности, так и недостоверная трактовка отдельных событий. Представленная информация позволит частично восстановить реальные события, как в отдельных городах, так и в целом на Дону, выявить идеологические положения, пополнить источниковедческую базу по истории революционных событий на юге России и может использоваться в исследовательских и образовательных целях.

Примечания

1. Архив Российской академии наук (далее РАН). Ф. 359. Оп. 2. Д. 487. Л. 34–72.
2. Там же. Л. 34–45.
3. Там же. Л. 46–56.
4. Там же. Л. 57–61.
5. Там же. Л. 62–72.

Г.М. Мусаева

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1917–1918 гг.)

Южный Кавказ давно притягивал взоры британских политиков, занимая немаловажное место в «восточной политике» английского правительства. Но невозможно рассмотреть эти отношения без анализа основных параметров геополитического соперничества Англии и России на Среднем Востоке и в Центральной Азии с конца XIX – начала XX вв.

Основной стратегической целью российско-британского соперничества в Центральной Азии в конце XIX в. было укрепление своей власти над завоеванными странами и установление контроля над важнейшими торговыми путями. Центром же этих противостояний были Афганистан и Персия. Будучи стратегически важной страной, Персия являлось плацдармом для Англии в возможных военных действиях против России на Южном Кавказе. Для России же Персия имела важное стратегическое значение с точки зрения обеспечения безопасности южных границ империи, как на Южном Кавказе, так и в Закаспии. Растущему влиянию России на Персию способствовало также наличие на Южном Кавказе значительной военной силы и фактор экономической зависимости этой страны от русского рынка. Заключенный договор между двумя странами в августе 1907 г. о размежевании сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете, фактически разделял Персию на две сферы влияния – северную (Россия) и южную (Англия) и завершило создание Антанты [1].

Определяющим фактором в англо-российских отношениях сыграла нефть Каспия. Баку обеспечивал России второе место в мире в качестве нефтяной державы, что спровоцировало активизацию британской дипломатии, заинтересованной в ближневосточных нефтяных месторождениях. Кавказ в целом и Азербайджан с его мощным экономическим потенциалом, чрезвычайно выгодным положением на протяжении многих десятилетий оставался важным объектом противоречий России и Англии.

Решающую роль сыграли события, произошедшие в России в ходе Февральской революции, а затем и Октябрьский переворот 1917 г. в России, который втянул в свою орбиту все крупные страны континента. Исследования последних лет доказывают, что в процессе окончательного развала России участвовали как союзники по войне в лице Франции и Великобритании, так и противники в лице Германии, которая жаждала

вывести Россию из войны и ликвидировать восточный фронт [2]. Достигнутое осенью 1917 г. соглашение между Англией, США и Францией о разграничении их деятельности в деле оказания «помощи» России, предполагало не только широкое вмешательство во внутренние дела России, но и начало ее раздела на сферы влияния. Великобритания же как всегда действовала по схожему сценарию: ей не хотелось делиться плодами победы в войне и заодно представлялась возможность разрушить одну из крупнейших империй в мире, оставив поле боя за Британией. Также ему не хотелось выпускать из поля своего зрения Южный Кавказ, и прежде всего, Баку и Каспийское море [3]. Лондонская «Таймс» писала в 1918 г. о том, что «Каспий – это узел, через который проходят все важнейшие торговые пути, и если мы только сейчас уделяем непосредственное внимание этому внутреннему морю, то это не значит, что нам не было ничего известно раньше о его торговой и политической ценности. Мы знали об этом давно. Каспий – один из старых британских интересов» [4].

На Лондонской конференции стран Антанты, которая состоялась в 1918 г., идея прямого военного вмешательства в пределы Российской империи получила официальное признание. На самом же деле конференции предшествовала англо-французская конвенция 1917 г. о разделе сфер влияния в России. Согласно этому договору Азербайджан и в целом Южный Кавказ попадал под контрольную зону Великобритании.

Обстановка сложившаяся во всем Кавказско-Каспийском регионе была чрезвычайно напряженной. После октябрьских событий английская дипломатия всячески старалась помешать проникновению большевизма в Южный Кавказ, следовательно, стараясь поддержать антибольшевистские силы. В своем официальном заявлении министр иностранных дел Великобритании лорд Бальфур отмечал что, на Южном Кавказе «создались и выросли новые антибольшевистские силы, охраняемые войсками союзников. На нас лежит ответственность за их существование, и мы должны стараться всячески их поддерживать» [5]. Ситуация требовала непрямого военного вмешательства со стороны Англии. Как писал впоследствии генерал Денстервилл в своих мемуарах: «Господство на Каспийском море все еще оставалось нашей конечной целью» [6]. В марте 1918 г. военный министр Англии настоял на создании комитета касательно политической и военной деятельности Великобритании на Востоке. В лице созданного «Восточного комитета» английская дипломатия получила шанс реализовать свои планы касательно Южного Кавказа, а в частности Азербайджана. Ибо нефтяной Баку составлял значимую часть этого плана.

На одном из заседаний председатель «Восточного комитета» лорд Керзон выдвинул план длительной оккупации ключевых пунктов и коммуникаций Южного Кавказа, особо подчеркивая значение Баку и необходимость установления здесь английского управления. Министр иностранных дел Бальфур также считал что, нельзя упускать добычу – железную дорогу Баку–Батуми и нефтепровод между ними. Его заместитель Сесиль говорил еще более определенно: Англия должна овладеть Баку из-за огромной ценности нефтяных запасов [7].

Между тем, с целью предупредить проникновение в Азербайджан британского и большевистского влияния, турецкий военный министр Энвер-паша, по согласованию с немецким военным командованием, сформировал «Восточную армию», во главе которой поставил своего дядю Халил-пашу. Основной удар в направлении на Баку должна была осуществить вновь созданная (10 июля 1918 г.) «Кавказская Исламская армия» под командованием сводного брата Энвер-паши – Нури-паши, стойкого адепта пантуранской идеологии. Основу этой армии составляла 5-я турецкая пехотная дивизия и добровольцы. К началу августа передовые части «Кавказской Исламской армии» вышли на ближайшие подступы к Баку. Продвижение турецких войск на Южном Кавказе осуществляло в свою очередь планы Германии овладения бакинской нефтью, что не являлось секретом для Англии [8]. Таким образом, Южный Кавказ в начале 1918 г. оказался ареной борьбы между двумя группировками: англо-французской и австро-германо-турецкой, где пересекались и интересы России. Германия в свою очередь была за сохранение большевистского правления, так как советское правительство обещало пойти на уступки в вопросе провозглашения независимости Грузии, и намеревалась обеспечить поставку бакинской нефти в Германию.

Итак, окончание Первой мировой войны позволило Великобритании установить контроль не только над стратегически важными районами Турции, но и над районами северо-западной Персии и Закавказья, которые оказались под турецкой и германской оккупацией в ходе военной кампании 1917–1918 гг. Сразу после заключения Мудросского перемирия, в соответствии со ст. XV соглашения о перемирии, союзные войска с Солоникского фронта были переброшены в район Константинополя и расположились по обе стороны Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Корабли британской Средиземноморской эскадры встали на рейде Константинополя, обеспечивая контроль над зоной проливов. Командующий союзными войсками был назначен британский вице-адмирал Сомерсет Калторп, который одновременно принял на себя обязанности Британского верховного комиссара в Османской империи. Оператив-

ный контроль над территориями от зоны проливов до Каспийского моря был возложен на вновь сформированную «Черноморскую армию», основу которой составили части британского экспедиционного корпуса в зоне проливов (27-я пехотная дивизия). Командующим «Черноморской армии» был назначен генерал-лейтенант Джордж Мил. На «Черноморскую армию» возлагалась задача обеспечить контроль за выводом с Кавказа германских и турецких войск.

Необходимость отправки британского экспедиционного корпуса в Баку диктовалась условиями военно-политической обстановки, сложившейся в Азербайджане к лету 1918 г. В это время в Баку образовалась консолидация антибольшевистских сил. Военное вмешательство в Баку британскими войсками получило в английских источниках название «первая» и «вторая» оккупация.

«Первая» оккупация связана с именем генерала Данстервилла, в ходе которого не только формировалась сама экспедиционная группа, шло пополнение ее оружием, боеприпасами и материальными средствами, но и велся активный сбор информации о военно-политической обстановке в Азербайджане. С этой целью в Баку был отправлен тайно Мак Донелл, который должен был осведомить военный штаб о положении в Азербайджане. Экспедиционный корпус отправился в Баку из персидского порта Энзели. Этот поход оказался неудачным, так как английская армия недооценила возможности противника. Явная нехватка боевых сил, вооружения и боеприпасов, плохая логистика вынудило английскую армию отступить. Неслучайно генерал Денстервиль в книге своих воспоминаний главу, описывающую события в Баку, озаглавил «Нехватка всего» («Short of Everything») [9]. Оценив обстановку на фронте, Денстервиль осознал невозможность дальнейшей защиты Баку и принял решение эвакуировать британские войска. Эвакуация Баку состоялась с 14 на 15 сентября. Это событие явилось большим ударом по престижу британской армии. Части «Кавказской Исламской армии» вошли в город и находились в нем почти шесть недель.

«Вторая» британская оккупация Баку состоялась спустя месяц после эвакуации из Баку. 31 октября 1918 г. министерство обороны Великобритании направило британскому командованию в Месопотамии приказ об оккупации Баку, которое было возложено на генерала Томсона, командующий войсками в Северной Персии. Служба генерала Томсона заработала оперативно, и уже 4 ноября турецкое командование получило запрос о сроках их ухода из Баку. 16 ноября 1918 г. генерал-майор Томсон встретился в персидском Бендер-Энзели с представителями правящей партии Азербайджанской демократической республики «Му-

сават» Насиб-беком Усуббековым, Муса-беком Рафиевым и Ахмедом Агаоглу. Генерал Томсон отметил цели предстоящей британской оккупации Баку: обеспечение отвода частей турецких войск и войск АДР из Баку; воспрепятствование входа в город армянских вооруженных частей; учреждение британской администрации и создание местной милиции; обеспечение снабжения британских войск бакинской нефтью; защита восточного терминала Закавказской железной дороги. Он также заявил, что не будет вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, поскольку Парижская мирная конференция провозгласила принцип самоопределения народов [10].

Азербайджанское правительство в свою очередь, со слабой внутренней организацией, не имея в достаточном количестве вооружения для оказания сопротивления, вынуждено было избрать верную тактику, которая предрешило бы дальнейшую судьбу Азербайджана. В официальном правительственном органе – газете «Азербайджан» были напечатаны телеграммы, которыми обменялись председатель Совета Министров Азербайджана Ф. Хойский и генерал Томсон. По этим перепискам можно прийти к выводу, что приход англичан в Баку продиктован приглашением азербайджанского правительства. Ибо в телеграмме отмечалось что, азербайджанское правительство не возражает против вступления отряда союзных войск и будут приняты меры по приему и размещению вступающего отряда. Союзный отряд обязался не нарушать независимость и территориальную целостность Азербайджана [11].

Оккупация Азербайджана осуществлялась как общесоюзное дело и в Баку прибывали не только представители Англии, но Франции и США.

17 ноября прибывшие союзные войска встречало правительство Азербайджана. Несмотря на все попытки Томсона, взять Азербайджан под протекторат Англии ему не удалось. 14 декабря 1918 г. генерал Томсон уведомил британское командование о том, что правительство Азербайджана выразило желание отправить своих представителей на Парижскую мирную конференцию с тем, чтобы высказать свое мнение о желательности установления британского протектората над Азербайджаном. В ответ военное министерство 16 декабря проинформировало генерала Мила о том, что союзники выступают за сильные независимые государства – Грузию, Дагестан и Азербайджан. В вопросе относительно Армении политика союзников находилась еще в стадии согласований. Было также отмечено, что правительство Великобритании не имеет намерений переводить указанные государства под свой протекторат или принимать на себя обязательства, связанные с постоянным присутствием больших контингентов войск в этих государствах [12].

Таким образом, октябрьские события повлекли за собой полную концентрацию внимания западных стран на Закавказье. Договоры, подписанные впоследствии между странами Антанты, еще раз показывали о стремлении разделения владений России союзными странами. Великобритания, выступая гарантом «стабильности и противодействия большевизму», старалась не только вытеснить Россию из ее азиатских владений, но и усилить ее собственного присутствия в этих регионах. Два похода английских войск в Баку фактически обозначало суть этой политики. И наконец по представлению английской правительственной делегации, в январе 1920 г. Верховным Советом Антанты было принято решение о признании независимости Азербайджанской Республики. Признание де-факто закавказских стран обеспечивало Англии возможность военного вмешательства в случае угрозы независимости этих суверенных государств. Это решение означало укрепление английских позиций в Закавказье, и в первую очередь в Азербайджане, что отвечало политическим и экономическим интересам Англии.

Примечания

1. Казем-заде Фируз. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004. С. 134
2. Рафигоглу И. Революции 1917 года изменили всю социальную жизнь Азербайджана. URL: <https://ru.sputnik.az/columnists/20170227/409134239/sto-let-fevralskoj-revoljucii-istorija.html> (дата обращения: 26.05.2017)
3. Юсифзаде С. Азербайджано-британские отношения в начале XX века. Баку, 2008. С. 16–17.
4. Наниташвили Н. Экспансия иностранного капитала в Закавказье (конец XIX – начало XX вв.). Тбилиси, 1988. С. 286.
5. Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика (1880-е годы-1918 г.). М.; Л., 1965. С. 434.
6. Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918 (воспоминания). Тифлис, 1925. С. 183.
7. Юсифзаде С. Указ. соч. С. 29.
8. Гасымлы М. Азербайджанская политика великих государств в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). В трех частях. Ч. II. (ноябрь 1917 года – ноябрь 1918 года). Баку, 2001. С. 134.
9. Денстервиль. Указ. соч. С. 56
10. Казем-заде Фируз. Указ. соч. С. 255.
11. Юсифзаде С.З. Первая Азербайджанская Республика: история, события, факты англо-азербайджанских отношений. Баку, 1998. С. 81–82.
12. Moberly, Brig.-Gen. F.J. (ed.). Operations in Persia, 1914-1919. London, 1987. С. 423.

И.В. Котова

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ МЕСТНОЙ КОНТРО- РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ ЦАРИЦЫНА В 1919 г.

Тема Гражданской войны, несмотря на прошедшее столетие, остается до сих пор неисчерпанной. Массовое рассекречивание документов в начале 1990-х гг. позволило историкам привлекать ранее неизвестные источники. К таким малоизученным материалам можно отнести и 2 печатных издания, выходивших в Царицыне в 1919 г. в период пребывания в городе Белой армии – газеты «Голос Руси» и «Неделимая Россия».

В феврале 1919 г. в «советском» Царицыне сложилась тяжелая ситуация. Хлеба, как и других продуктов питания, катастрофически не хватало. Лошади, направленные на заготовку хлеба от царицынских Французского и Орудийного заводов, из-за нехватки фуража с каждым днем теряли трудоспособность. Попытки закупать ненормированные продукты не увенчались успехом, рынки опустели. В городе не было мяса не только у населения, но и в больницах. Населению выдавалась чечевица и разный суррогат [1]. Еще одной опасностью города в это время являлись заболевания. Еще с осени 1917 г. в Царицыне началась эпидемия тифа, которая усилилась к концу 1918 г., а зимой 1918–1919 гг. достигла колоссальных размеров [2]. Социально-экономические испытания уездного центра происходили на фоне непрекращающихся боевых действий. После ожесточенных боев в конце мая – начале июня 1919 г. большевики покинули Царицын, эвакуируя все созданные местные советские учреждения, в том числе и редакцию газеты «Борьба» [3]. Вечером 17 (30) июня 1919 г. в Царицын вошла Кавказская армия генерала П.Н. Врангеля, а 19 июня (2 июля) 1919 г. в город прибыл и сам командующий. В тот же день в Александро-Невском соборе состоялся молебен с участием генерала и духовенства города [4].

Через 2 дня после занятия города вышел первый выпуск (вечерний) газеты «Неделимая Россия». Он распространялся бесплатно и, вероятно, был подготовлен заранее. Следующий номер вышел через 2 дня, последующие выходили ежедневно. Даты в газетах указывались исключительно по старому стилю. Цена за один номер составляла 1 рубль, однако с 28 июня 1919 г. стоимость выросла до 1 рубля 50 копеек [5]. Газета издавалась агитационно-информационным бюро штаба Кавказской армии. Редакция газеты располагалась в доме Славутского на углу Астраханской и Преображенской улиц. Контора находилась в доме Н.И. Лапшина на Александровской площади Царицына. Первоначально редактором

газеты являлся Г.И. Стадницкий, а с 25 июля 1919 г. – А.К. Николаев [6]. Газета выходила четырехполосной.

На первой полосе, как правило, публиковались официальные распоряжения, приказы и сводки с фронта. На страницах газеты, начиная со второго номера, печатались приказы командующего Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля. Это приказ от 18 июня 1919 г. № 56 о назначении генерал-лейтенанта М.В. Макеева начальником гарнизона Царицына и полковника Н.В. Шинкаренко – комендантом города (этим же приказом при начальнике гарнизона был образован военно-полевой суд) [7]; приказ от 31 мая 1919 г. № 15, в котором рассказывалось об уряднике 1-го Уманского казачьего полка Петре Щипке, спасшем в бою своего командира [8]. Также публиковались приказы и постановления для населения Царицына начальника гарнизона генерал-лейтенанта М.В. Макеева: приказ от 28 июня 1919 г. № 84 о прекращении потрав [9], приказ от 28 июня 1919 г. № 83 об охране телеграфных линий [10], приказ от 10 июля 1919 г. о необходимости прививок от холеры [11]. Одним из интересных опубликованных в газете документов является приказ от 29 июня 1919 г. В его тексте сообщалось, что «победоносное движение нашей армии... омрачается преступлениями некоторых негодяев, которые... позволяют себе грабить и чинить насилия над беззащитным мирным населением» [12]. В опубликованном приказе от 4 августа 1919 г. сообщалось о пьянстве и «безобразиях» отдельных воинских чинов [13]. Командующий войсками Кавказской армии призывал к принятию решительных мер по искоренению таких явлений и внимательному отношению к жалобам, которые должны были проверяться незамедлительно. Среди официальных сообщений нередко печатались и приказы генерала А.И. Деникина.

В газете также помещались обязательные постановления Временной Царицынской городской управы. Например, в номере от 25 июня 1919 г. было опубликовано постановление, в котором сообщалось о восстановлении в правах всех домовладельцев и квартиронанимателей, возникших до отмены прав частной собственности на недвижимое имущество [14].

Особо следует выделить сообщения коменданта Царицына. Например, в номере от 29 июня 1919 г. сообщалось о предстоящем освящении церкви штаба Кавказской армии, о порядке регистрации офицеров и нижних чинов, отставших от своих частей [15].

На второй полосе газеты помещались различные заметки и новости о международных событиях, а также военные сообщения: «Во Французской палате депутатов» [16], «К судьбе императора Вильгельма» [17], «Положение Германии» [18] и др.

Третья и четвертая полосы газеты знакомили читателей с различными статьями, а также с заметками о местной жизни. Так, например, 10 июля 1919 г. в № 17 был опубликован текст беседы с генералом П.Н. Врангелем [19]. О жизни города помещались сообщения с подобными заголовками: «В отделе народного здравия», «В отделе народного образования», «Открытие Торгово-промышленного комитета» [20]. Интересными также могут быть и объявления четвертой полосы. Они касались пропажи и находок документов, домашних животных; предложений о найме на работу; об открытии булочной и кондитерской, кафе-ресторана. Невероятным в это время кажется объявление с предложением массажа лица, позволявшего сгладить морщины, а также безболезненного удаления волос [21]. Город и его жители пытались жить мирной жизнью.

В июле 1919 г. в Царицыне прошел съезд духовенства [22], возобновили работу Царицынская центральная почтово-телеграфная контора [23] и местное отделение Российского общества Красного Креста [24], а на Преображенской улице открыта «1-я Народная картинная галерея» [25]. В одном из августовских номеров за 1919 г. сообщалось: «В овраге, находящемся на углу Александровской и Царицынской улице, из склада И.Н. Рысина выбрасывается масса всевозможных бумаг, оставленных большевиками. Почему бы не найти этим бумагам более подходящего места?» [26].

Ввиду того, что газета издавалась при поддержке Кавказской армии, часто на ее страницах печатались и чисто агитационные статьи: «В Совдепии» [27], «Гибель большевизма в Европе» [28], «Две страны» [29], «Обрусевшая революция» [30], «Провал мировой революции» [31]. Автором последней статьи, например, являлся член команды агитпоезда имени генерала Корнилова Александр Дроздов, который, восклицая «В какие кровавые цвета окрасилась русская жизнь!», на страницах газеты рассуждал о пути революции и о свободной России.

Несколько номеров газеты выходили объемом в 2 полосы: от 1 августа 1919 г. № 36, от 8 августа 1919 г. № 41, от 10 августа 1919 г. № 43, от 11 августа 1919 г. № 44, от 13 августа 1919 г. № 45, однако к ним издавались «прибавления», меньшие по формату и содержавшие исключительно объявления и рекламу.

Судьбу царицынской газеты «Неделимая Россия» после середины августа 1919 г. установить пока не удалось. В Государственном архиве Волгоградской области последний номер (№ 47) датирован 15 августа 1919 г., но в нем нет каких-либо упоминаний о закрытии издания. Вероятно, это было связано с объявлением города на осадном положении 25 августа 1919 г. и частичным отходом войск из города [32].

Однако 19 августа 1919 г. в городе начался выпуск нового издания – «Голос Руси». Эта газета выходила ежедневно, как и предшествующее издание. Кроме этого, к ней издавался бюллетень с таким же названием, который в основном освещал оперативные сводки боевых действий. В конце августа редакция была вынуждена поднять стоимость газеты до 2 рублей «в виду убыточности издания вследствие малого тиража» [33]. С 27 октября стоимость газеты выросла до 3 рублей [34]. Часть номеров газеты бесплатно распространялась в воинских частях, учреждениях, читальнях, а также рассылалась по уездам губернии [35]. Объем газеты был в два раза меньше предыдущей и составлял всего две полосы. Однако небольшой период времени газета выходила четырехполосной – с 24 октября (№ 53) по 13 ноября (№ 70) 1919 г.

Редакция издания располагалась на ул. Московской, д. 14 [36]. Фамилию и имя редактора, также как и тираж, пока установить не удалось. Прямых указаний на то, что газета была печатным органом Отдела пропаганды при правительстве Вооруженных сил юга России (ОСВАГ), нет. Все же, сообщение редакции о том, что «главной задачей было осведомление фронта о жизни и событиях внутри освобожденной России и обратно, осведомление тыла о жизни на фронте» [37], и размещение в газете различных сообщений о деятельности Отдела, а также расположение газеты в одном здании по ул. Московской с Саратовским отделом пропаганды [38] указывают на то, что газета «Голос Руси» была, вероятно, печатным органом ОСВАГ.

На страницах нового издания помещались последние известия с фронта, приказы начальника гарнизона Царицына (например, о снятии осадного положения и введении военного положения [39]), объявления и сведения о деятельности ОСВАГ, военная хроника, информационные материалы о преступлениях большевиков. Количество статей о жизни Царицына и уезда существенно сократилось. Редакторы публиковали короткие заметки о здравоохранении, образовании, коммунальном хозяйстве города. На страницах газеты изредка встречалась информация о городских рыночных ценах на различные продукты питания. Например, 3 сентября 1919 г. сообщалось, что в связи с успехом Кавказской армии на Царицынском фронте торговая жизнь быстро оживилась, вследствие чего было отмечено падение цен [40].

Ежедневный выход газеты позволяет выстроить хронологию боевых действий – «Последние известия с фронта» содержали информацию об успехах и поражениях обеих сторон. Кроме этого, в газете публиковались изобразительные и фотоматериалы: фотографии генерала А.И. Деникина и английского генерала Милька на танке [41], броневомobile «Смелый» [42], портреты генерала П.Н. Врангеля [43] и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака [44] и др.

Следует также отметить, что в обеих рассматриваемых газетах размещалась информация о жертвах «красного» террора. Например, в газете «Неделимая Россия» от 2 июля 1919 г. были опубликованы стихи местного жителя А. Найденова «Воспоминанья прежних дней»:

В Совдепии раз
Наделал проказ
Я тем,
Что не был вполне,
Как следует мне
Нем.
Слов пара – и в миг
Меня – за язык,
В чревком,
А там с часовым,
Усатым и злым,
В тот дом,
Откуда исход
В баржу иль на тот
Свет.
Вот повесть тех дней,
Которой страшней
Нет [45].

В той же газете от 3 августа 1919 г. в статье «Мученики Царицынского уезда» сообщалось о православных священниках, пострадавших в результате террора [46], а в газете «Голос Руси» от 29 октября 1919 г. в заметке «Царицынские мученики» рассказывалось о расстреле жителей города после эвакуации из него большевиков, а также об использовании заложников – «заложники были спешно отправлены в Саратов... поместили сначала в барже, потом перевели в трюм парохода; в трюме заставили вертеть колесо машины, на которой печатали газету “Борьба”» [47].

В конце ноября – начале декабря 1919 г. в газете «Голос Руси» чаще помещались обращения царицынского городского головы И. Пятакова о пожертвованиях в пользу армии теплой одежды, обуви, белья и других предметов воинского обихода. При отсутствии таких вещей предлагалось вносить пожертвования деньгами [48]. В начале декабря 1919 г. началась досрочная мобилизация в Добровольческую армию родившихся в 1899 г. [49] В это же время газета публиковала информацию о новых назначениях в Добровольческой и Кавказской армиях [50]. Декабрьские фронтовые сводки и заметки о местной жизни отличались своей краткостью, однако они показывали нарастание напряжения в городе и прилегающей территории: вырос уровень

инфекционных заболеваний [51], на местном рынке практически отсутствовала мука [52], город постоянно обстреливался [53]. Последний сохранившийся номер газеты «Голос Руси» (№ 98) вышел 17 декабря 1919 г. В начале января 1920 г. в Царицын вошла Красная армия [54]. Дальнейшая судьба этого издания, как и фамилия главного редактора пока не установлены. Неизвестными остаются и данные об объеме тиража рассмотренных газет.

Оба рассмотренных издания - «Голос Руси» и «Неделимая Россия», выходявшие в Царицыне во второй половине 1919 г., несмотря на их не полную сохранность, являются одними из немногих дошедших до нас источников по истории не только жизни города в период пребывания в нем белой армии, но и по истории Гражданской войны на юге России в целом.

Примечания

1. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 166. Л. 105–105 об.
2. Там же. Л. 110–110 об.
3. Борьба. Бюллетень. 1919. 5 июля.
4. Неделимая Россия. 1919. 21 июня.
5. Там же. 28 июня.
6. Там же. 25 июля.
7. Там же. 21 июня.
8. Там же. 26 июня.
9. Там же. 2 июля.
10. Там же. 4 июля.
11. Там же. 16 июля.
12. Там же. 4 июля.
13. Там же. 6 августа.
14. Там же. 25 июня.
15. Там же. 29 июня.
16. Там же. 11 июля.
17. Там же. 24 июля.
18. Там же. 19 июля.
19. Там же. 10 июля.
20. Там же.
21. Там же. 26 июля.
22. Там же. 25 июля.
23. Там же. 2 июля.
24. Там же. 10 июля.
25. Там же. 19 июля.
26. Там же. 15 августа.

27. Там же. 26 июня.
28. Там же. 27 июля.
29. Там же. 19 июля.
30. Там же. 20 июля.
31. Там же. 6 июля.
32. Голос Руси. Бюллетень. 1919. 26 августа.
33. Голос Руси. 1919. 29 августа.
34. Там же. 27 октября.
35. Там же. 6 сентября.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же. 1 сентября.
40. Там же. 3 сентября.
41. Там же. 13 октября.
42. Там же. 1 ноября.
43. Там же. 30 октября.
44. Там же. 13 октября.
45. Неделимая Россия. 1919. 2 июля.
46. Там же. 3 августа.
47. Голос Руси. 1919. 29 октября.
48. Там же. 28 ноября, 5 декабря.
49. Там же. 29 ноября, 1 декабря.
50. Там же. 1 декабря.
51. Там же. 4 декабря.
52. Там же. 5 декабря.
53. Там же. 15 декабря.
54. Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920). М., 1961. С. 167.

Н.М. Кучманова

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДОНУ В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОНДА ИСТПАРТА ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

100 лет назад Россия пережила череду серьезных потрясений, затронувших все сферы жизни государства и изменивших вектор его истори-

ческого развития. События февраля и октября 1917 г.: падение монархии, выборы в Учредительное собрание, установление советской власти в центре и на местах, кровопролитная гражданская война – по сей день являются предметом неутраченных споров.

Новая волна интереса к упомянутым событиям отечественной истории, не только среди профессиональных историков, но и общества в целом, обусловлена, в том числе и самой годовщиной – 100-летием. В рамках всеобщего исторического процесса срок не великий, однако он уже позволяет взглянуть на изучаемые события более трезво и объективно.

Кроме того, все большую популярность приобретает междисциплинарный подход к изучению истории – новая социальная история [1], принципы которой дают возможность рассматривать такие макроисторические процессы, как Революция и Гражданская война в России через анализ изменений в микросреде. В связи с чем особый интерес представляет революционная повседневность – быт и образ мышления человека в экстремальных условиях социальных потрясений. Свидетельства участников и очевидцев событий столетней давности сохранились и доступны современным исследователям в виде писем, дневниковых и мемуарных записей.

Несмотря на недоверие научного сообщества к источникам личного происхождения как к документам, лишенным объективности и иллюстрирующим переживания лишь одного человека, пренебрежение ими при изучении судьбоносных событий 1917 г. в России в масштабах мировой истории было бы непростительным. Ценность мемуаров заключается именно в том, что они позволяют взглянуть на описываемые события глазами участника, как бы изнутри. Мемуары дают возможность понять исторический процесс не как безликую череду событий, а как обстоятельства, создаваемые конкретными людьми и проживаемые ими же.

В рамках данной статьи речь пойдет о воспоминаниях очевидцев и участников Революции и Гражданской войны на юге России, находящихся на хранении в Центре документации новейшей истории Ростовской области в фонде Ф.Р-12 «Истпарт».

В марте 1921 г. в Ростове-на-Дону было создано бюро Истпарта, которое занималось сбором и изучением материалов по истории революционного движения, партийных организаций и Гражданской войны на Дону и Северном Кавказе как по архивным источникам, так и методом организации вечеров воспоминаний участников событий, со стенографированием их рассказов. Истпарт разрабатывал методику написания и сбора воспоминаний, проводил собирательскую работу по специально составленным тематическим вопросам.

Бюро выполняло выявление и копирование архивных документов, в том числе фотографий, перепечатку наиболее ценных воспоминаний, популяризировало историю Революции и Гражданской войны в лекциях, очерках, статьях, издавало сборники и монографии [2].

В марте 1928 г. Северо-Кавказским краевым Истпартом были разосланы письма уполномоченным по истпартрботе окружных комитетов ВКП(б) о сборе, систематизации, проверке и обработке документов по истории партии со времени организации местных социал-демократических групп [3]. Накопление в краевом, окружных и районных комитетах ВКП(б) и в первичных парторганизациях значительного количества документов, их неупорядоченность, отсутствие необходимых условий для хранения документов, поставили на очередь вопрос о создании партийных архивов.

28 июня 1929 г. секретариат ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о едином партийном архиве». 29 июля 1929 г. секретариат Северокавказского крайкома ВКП(б) принял постановление об организации Единого партийного архива при Северокавказском краевом истпарте [4]. Основными задачами в работе партархива в 1929–1939 гг. были соби́рание, учет и приведение в порядок документов.

Сегодня документы, собранные Истпартом, объединены в 7 описей одноименного фонда, включающих 2471 единицу хранения за 1899–1957 гг. [5]. Особое место в фонде занимают воспоминания участников событий. В силу специфики Центра документации в фонде Истпарта хранятся в основном воспоминания представителей красного движения, ярых приверженцев большевиков, людей, зачастую не владевших навыком изложения своих мыслей на бумаге и, как правило, не способных к глубокому анализу описываемых событий. Нередко эти тексты представляют собой сплошной поток слов, лишенный каких-либо знаков препинания и логики повествования.

Но, несмотря на лингвистические, географические, временные и исторические неточности текстов, данные воспоминания как источник дают возможность сконструировать некий образ «человека революционного времени» [6]. В этом смысле особенно ценны воспоминания простых людей – рядовых участников, написанные в 1920-е гг. во время активной работы Истпарта по сбору информации о Революции и Гражданской войне.

На фоне происходящих в государстве событий неизбежно происходила трансформация массового общественного сознания россиян. Идеологически раздробленное общество было вынуждено адаптироваться к условиям разрушенного привычного жизненного уклада, к смене властей и порядков. Всем это удавалось по-разному.

В фонде Истпарта сохранились воспоминания Изварина Владимира Антоновича, командира 1-й революционной батарееи, участника 1-го съезда советов Донской республики от партии РКП(б). В своих записях он предстает перед нами человеком деятельным, увлеченным: «...был временно назначен комендантом “Палас-Отеля”. Я столкнулся с большой неприятностью, мне поручили очистить “Палас-Отель” от сотрудниц, которых оказалось душ 60 или больше, и тут т[оварищам] – членам помещаться негде, а сотрудницы и ночь сотрудничают» [7].

Борец за идеи большевизма, он озабочен только революцией и укоренением новых порядков, успехи соратников и собственные вызывают чувство гордости и вдохновляют его: «Когда я вошел на трибуну, т[о] е[сть] на сцену, то сцена затрещала, и я чуть не провалился сквозь пол, но тут сказали: вот это большевик, настоящий 12-пудовый. А то разве большевики, 3 пуда – 4? Но, конечно, посмеялись, но, а все же, сказали, что это гордость советской республики: казак и не молодой, испытанный и как честный революционер» [8].

При этом вопрос личного счастья для В.А. Изварина не является значимым: по его мнению, быт не должен отвлекать от поистине существенных и сверхважных дел: «А женился из-за того, что сам я не мог ни разуваться, ни обуваться (сам солидный), просто весь вспотею, иначе нечего больше было делать, как жениться» [9].

Наряду с воспоминаниями представителей революционного движения на Дону и Северном Кавказе в фонде Истпарта Центра документации сохранились дневниковые записи генерала от кавалерии Ивана Георгиевича Эрдели – видного деятеля белого движения на юге России, одного из основателей Добровольческой армии. Как человек образованный, в своих записях он не только следовал правилам русского языка, но и прибегал к использованию различных художественных приемов.

Происходящие изменения в государстве И.Г. Эрдели тяготят и пугают, ему чужд революционный призыв. Об этом свидетельствуют его записи: «И еще раз я скажу, что я правильно сделал, что отказался разоружить флот здесь, так как последствия были бы кровавые, и всё бы обрушилось бы на нашу голову вдвое. Ну, скоро, скоро отсюда уеду. А сейчас спать, спать, одно средство от тошнительной атмосферы» [10].

Нередко в своих записях он обращается к любимой женщине, находя только в ней утешение: «Уже перестал волноваться и одна только вера твердая, непоколебимая, что любишь, что все ты неизменная мне Мара. Это моя единственная отрада, мой свет в этом общем мраке. Мой милый,

любимый, золотая моя Марочка[,] любишь меня? Нужен я тебе, сокровище ты мое? Ну, господь с тобой, ненаглядная, чудная моя, так нежно с болью страданием люблю тебя» [11].

Несмотря на диаметрально противоположность идеалов контрреволюционеров и революционеров, воспоминания и одних, и других парадоксально схожи. В обоих случаях ключевой фигурой повествования является человек, который самоотверженно защищает свою Родину. Мемуары участников и очевидцев революционных событий и Гражданской войны повествуют о судьбе человека на братоубийственной войне, о его чувствах, переживаниях и страхах, напоминают о хрупкости человеческой жизни, показывают, как отдельные люди воспринимали и проживали самые горестные события отечественной истории.

Все авторы, независимо от происхождения, возраста, образования, политических убеждений, так или иначе изложили на бумаге свои воспоминания и впечатления, сопоставление которых позволит нам, людям, обратившимся к событиям вековой давности и пытающимся в них разобраться, увидеть, что в этой войне победителей не было. Что Гражданская война – это наша национальная трагедия.

Примечания

1. Репина Л.П. Новая социальная история. М., 2010.
2. Пролетарская революция на Дону. Сборник первый. Издание Донской Комиссии по истории революционного движения и РКП(б). Ростов н/Д., 1922; Октябрь в Таганроге из истории пролетарской борьбы в Таганроге: 1917 и начало 1918 г. Таганрог, 1927.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 346. Л. 4.
4. Там же. Д. 924. Л. 56.
5. Краткий справочник. Фонды и коллекции, собранные партийным архивом Ростовского обкома КПСС. Ростов н/Д, 1998.
6. Почешхов Н.А. Гражданская война на юге России: источники личного происхождения. Сб. науч. тр. Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2011.
7. ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 485. Л. 54–55.
8. Там же. Л. 57.
9. Там же. Л. 60.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 86.
11. Там же. Л. 93.

А.С. Звездина

ОНИ ВПИСАЛИ СВОИ ИМЕНА В ИСТОРИЮ КУБАНИ (О «КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ СЕМЬИ СЕДИНЫХ» ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Имена Митрофана Карповича и Глеба Митрофановича Сединых по праву были вписаны в летопись истории Кубани. Информацию о них можно найти в любой энциклопедии и на любом интернет-портале, ведь представители династии Сединых стали знаковыми фигурами для Кубани.

В Центре документации новейшей истории Краснодарского края хранится немало документов, представляющих интерес для нынешнего поколения исследователей. Украшением документального наследия Великой Октябрьской революции стал фонд № 4138 – Коллекция документов семьи Сединых. Документы фонда поступили в архив по сдаточной описи в сентябре 2008 г. после выхода в свет книги внучки Митрофана Карповича Седина, Юлии Ивановны Березиной, «Седины. Вчера, сегодня, завтра». Согласно заключенному договору фонд имеет открытый доступ ко всем категориям документов. Экспертиза, описание и архивно-техническая обработка полученных материалов были проведены в ГКУ «Центр документации» в марте – июне 2011 г., в результате чего была составлена опись № 1 дел постоянного срока хранения в количестве 87 ед. хр. за 1899–2011 гг. Коллекция семьи Сединых сформирована из четырех блоков документов, рассказывающих о М.К. Седине, Г.М. Седине (сын М.К. Седина), А.М. Сединой (дочка М.К. Седина), И.И. Булатникове (супруг А.М. Сединой) и дополнена фотографиями Ю.И. Березиной, которые стали ее украшением.

В их семейном архиве на протяжении многих лет тщательно собирались и систематизировались материалы из кубанских газет и журналов о Митрофане Карповиче, Глебе Митрофановиче и других Сединых, концентрировалось литературное наследие семьи Сединых, сберегались редкие фотографии и подлинные биографические документы. В результате образовался своеобразный комплекс документов, иллюстрирующий через биографии представителей семьи вехи и события отечественной истории в XX в., и прежде всего – истории Кубани. Создание этой коллекции имеет давние корни. В 50-х гг. XX в. активным сбором документов занималась Анастасия Митрофановна Седина, дочка Митрофана Карпо-

вича Седина и сестра Глеба Митрофановича Седина, именами которых названа одна из центральных улиц и крупный завод города Краснодара. Это был кропотливый труд, так как большинство документов было уничтожено. Как вспоминает сама А.М. Седина, «ничего не сохранилось – при белых мать все сожгла» [1]. С этой целью она посещает библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, им. В.И. Ленина, Государственный архив Краснодарского края. Дважды посещает партархив Краснодарского крайкома КПСС в 1956 и 1960 гг., где она знакомится с документами фонда Испарта (№ 2830). Все найденные материалы о семье А.М. Седина передала в партархив в копийном варианте, они были включены в состав фонда «Коллекции документов по истории Кубани» (№ 1774-Р).

Седин Митрофан Карпович родился 22 ноября 1861 г. в семье рабочего-кузнеца в г. Ейске. Имея начальное образование, но обладая природным юмором и наблюдательностью, он начал записывать интересные происшествия, услышанные в кузнице у отца, от портовых рабочих, матросов. Посещая местные спектакли, а затем и принимая участие в постановках этих пьес, попробовал сам сочинять драмы и бытовые сцены, в которых высмеивалась местная власть. В 1898 г. Митрофан Карпович написал первую бытовую пьесу из жизни казаков Кубани «Сужену конем не объедешь», которую поставил Медведовский станичный драматический кружок любителей. Затем появились и другие произведения: драмы «Что посеешь, то и пожнешь», «Косолап. Атаман войска Азовского», пьесы «Наказание», «Камень преткновения», «Бурсак», «На возвратном пути». Перечисленные пьесы не были опубликованы, а их рукописные тексты, отосланные в свое время цензурой в столицу, хранятся в Государственной театральной библиотеке в Санкт-Петербурге, многие из них в копийном виде отложились в фонде коллекции семьи Сединых [2].

В 1903 г. М.К. Седин переехал в Екатеринодар. Этот период жизни Митрофан Карпович Седин описал в своем письме к Владимиру Галактионовичу Короленко в 1914 г.: «В 1904 году меня пригласили сотрудничать в местной газете “Кубань”, где я писал исторические и бытовые рассказы. Потом сотрудничал в “Кубанском листке” и в “Жизни Кавказа”. Я пишу историю Черноморского края в рассказах и повестях беллетристического характера. А печатать мне в Екатеринодаре не разрешают. Все действующие лица моих рассказов имеют в настоящее время внуков и правнуков, и эти внуки и правнуки занимают высокие служебные посты. Цензор тоже из их братии и не благоволит мне, придирается до мелочей и уже два раза отдавал под суд» [3]. М.К. Седин писал это письмо с надеждой опубликовать часть своих произведений в журнале «Русское богатство»,

где был редактором Владимир Галактионович Короленко. 15 ноября 1915 г. М.К. Седин выпустил на свои средства и под своей редакцией первый номер рабочего журнала «Прикубанские степи». Этот номер журнала вышел на 16 страницах без обложки и напоминал бульварное издание литературно-художественного характера. Первые номера журнала выходили количеством в несколько сот экземпляров, а через год его тираж вырос до нескольких тысяч. Со второго номера журнала появились рубрики: «Местная рабочая жизнь», «Местная жизнь», «Корреспонденция», «По России», «Заграничная жизнь», «Приветствия нашему журналу», «Профессиональная жизнь», «Рабочий справочник», «День рабочей печати», «Рабочие писатели и поэты» и «Почтовый ящик», а в приложениях печатались пьесы М.К. Седина. Данное издание распространялось не только на Кубани, известен случай, когда заведующий библиотекой-читальней в Женеве обратился с просьбой к М.К. Седину высылать журнал их читателям. Журнал привлек внимание и В.И. Ленина, он сохранил в своей библиотеке два номера «Прикубанских степей» (№ 18, 19), на одном из которых поставил свою подпись [4].

8 апреля 1917 г. из-за недостатка бумаги вместо журнала «Прикубанские степи» под редакцией М.К. Седина вышла «Рабочая газета Прикубанские степи». В обращении к читателям редактор уверял, что это временно, и вскоре выпуск журнала будет налажен, но этого не произошло. С 5 мая 1917 г. газета стала печатным органом большевиков Кубани и выходила уже под названием «Прикубанская правда». Данное издание выходило на четырех страницах формата «Правды» тиражом 6–8, иногда 10 тыс. экз. и распространялась не только в Екатеринодаре, но также по станицам, хуторам и аулам всей Кубанской области. Читали ее и трудящиеся Черноморской губернии и Донбасса. В июле 1917 г. редакция «Прикубанская правда» была разгромлена Временным правительством. Имущество газеты было конфисковано, а некоторые сотрудники газеты арестованы. За два месяца вышло всего 16 номеров газеты «Прикубанская правда».

После разгрома редакции М.К. Седин переехал из Екатеринодара на станцию Тихорецкую, где местный Совет рабочих, солдатских, крестьянских и воинских депутатов предложил М.К. Седину оказать помощь в организации местного издания. Первый номер газеты «Рабочий и солдат» под редакцией М.К. Седина вышел 2 февраля 1918 г. Газета «Рабочий и солдат» была органом Тихорецкого совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и ревкома 39-й дивизии, печаталась на 2 страницах два раза в неделю. Всего с 15 февраля по 14 июля вышло около 40 номеров. Тираж газеты колебался от 300 до 1000 экз. К сожалению, экземпляры этой газеты не сохранились, о ее содержании можно

судить по воспоминаниям ее сотрудников и из вырезок газет, отложившихся в фонде коллекции семьи Сединых [5].

В начале июля 1918 г. решением ЦИК Кубано-Черноморской республики М.К. Седина вызвали в Екатеринодар для работы в газете «Известия Советов народных депутатов Кубано-Черноморской республики», а в августе ему пришлось снова покинуть город. На Кубань пришли денникинцы. Митрофан Карпович уехал в Новороссийск, но из-за болезни ноги решил вернуться в Краснодар и связаться с большевистским подпольем. Жизнь М.К. Седина трагически оборвалась 18 августа 1918 г. Он был расстрелян белогвардейцами на пути в Екатеринодар из Новороссийска, а тело его было брошено в реку Кубань. Впоследствии именем М.К. Седина были названы улицы в городах Тихорецке, Ейске и Краснодаре, а также в станицах Ивановской и Роговской Краснодарского края.

Седин Глеб Митрофанович родился в 1888 г. в г. Ейске. С 1912 по 1914 г. работал в Геленджике. С начала Первой мировой войны его призывали в царскую армию и направили, как квалифицированного рабочего, на завод «Кубаноль» в г. Екатеринодаре токарем снарядного цеха. Здесь Г.М. Седин вступил в большевистскую партию. 9 мая 1916 г. вместе с другими радикальными социал-демократами Г.М. Седин организовал самую крупную политическую забастовку кубанольцев. В ночь с 10 на 11 мая 1916 г. его арестовали и отправили в Сибирь. После освобождения в феврале 1917 г. Г.М. Седин снова вернулся в Краснодар, работал на заводе токарем, вел антиправительственную пропаганду, занимался сбором средств на издание газеты «Прикубанская правда», организацией боевых рабочих дружин среди рабочих «Кубаноль». В декабре 1917 г. его избрали в Кубанский областной Совет народных депутатов. Кубанское войсковое правительство отказалось признать Советскую власть и начало готовиться к выступлению против большевиков. В начале 1918 г. по поручению партийного комитета Глеб Седин тайно выехал в Новороссийск, где еще в декабре 1917 г. была установлена советская власть. Через Новороссийск возвращались с фронта солдаты и казаки. Из них большевики рассчитывали создать вооруженные отряды, но пока военные действия не начались, был шанс решить все спорные вопросы за столом переговоров. С этой целью в Екатеринодар были посланы два парламентаря – Глеб Седин и Самуил Стрилько. 21 января 1918 г. у железнодорожного моста через речку Чибий, недалеко от города, парламентаря были арестованы. Пренебрегая иммунитетом парламентаря, офицеры вместо переговоров учинили жестокий допрос. Издевательства и пытки не сломили Глеба Седина и Самуила Стрилько. Ничего не сказав, оба стойко приняли мученическую смерть. Их изуродованные тела были сброшены

под откос. Власти даже не разрешили провести похороны. На кладбище и у домика, где жил Седин, дежурили казачьи патрули. Глебу Митрофановичу Седину было только 29 лет.

Имя героя – Глеб Седин, короткая жизнь которого и героическая смерть стали подвигом, присвоено заводу, на котором он работал в ноябре 1922 г. В 1981 г. в день 70-летия со дня основания станкостроительного завода на углу улиц Захарова и Нефтезаводской состоялось открытие бронзового бюста. Автор памятника – скульптор Николай Александрович Бугаев, а отлит бюст литейщиками завода имени Седина. Николай Александрович при работе использовал фотографии Г.М. Седина и воспоминания его жены. Когда супруга Седина увидела отлитую «сединцами» готовую работу в мастерской скульптора, воскликнула: «Здравствуй, Глебушка!» [6]. В девяностые годы было принято решение перенести памятник на новое место – непосредственно к заводу имени Седина. Был создан новый высокий пьедестал, на который и был установлен прежний бронзовый бюст.

Седина Анастасия Митрофановна родилась в 1901 г. в Екатеринодаре. Член партии большевиков с апреля 1920 г. С первых дней Февральской революции оказывала посильную помощь Екатеринодарской партийной организации, членами которой были ее отец и брат, распространяла партийную литературу по предприятиям и помогала брату в переноске оружия. Во время боев с корниловцами под Екатеринодаром в 1918 г. участвовала в защите города в качестве медсестры, вместе с красноармейцами отступала до Пятигорска и Владикавказа. В дороге заболела тифом и находилась на излечении во Владикавказском госпитале. После выздоровления возвратилась к матери в Екатеринодар, где была арестована белогвардейской контрразведкой и этапом препровождена в Пятигорскую тюрьму. Была освобождена из тюрьмы через несколько месяцев в 1919 г. [7].

С марта 1920 г. работала в канцелярии Кубано-Черноморского обкома партии, затем – в Баталпашинском окружке партии заведующей учетным отделом. Район был беспокойным, поэтому приходилось часто (вместе с другими работниками окружка) патрулировать в ночное время по городу. В 1921–1922 гг. обучалась на краткосрочных курсах при Коммунистическом университете им. Свердлова в Москве, по окончании курсов работала преподавателем общественных наук в Краснодарской областной совпартшколе. В 1923 г. вышла замуж за Булатникова Ивана Ивановича и уехала в Москву по месту жительства мужа [8]. Здесь преподавала политэкономия в школе красных командиров им. ВЦИК (Кремль). В последующие годы заведовала парткабинетами при окруж-

комах партии городов Самарканд и Ходжент. Работая в женотделе ЦК партии Узбекистана, Анастасия Митрофановна сотрудничала с женским журналом «Янги-Юл» и это был первый ее шаг в журналистику.

По возвращении в Москву в тридцатых годах А.М. Седина активно включается в журналистскую деятельность, работает в газетах «Рабочая Москва», «Пионерская правда», затем в журнале «Делегатка», редактором в Радиокomitee, инструктором отдела печати Москворецкого райкома партии г. Москвы и ЦК ВКП(б) [9]. В 1940–1946 гг. работала ответственным инструктором по печати политуправления Наркомата морского флота СССР, организатором и первым ответственным редактором газеты «Морской флот». В 1947–1957 гг. работала редактором во Всеславянском комитете, заведующей отделом в журнале «Славяне», старшим редактором отдела стран народной демократии в Совинформбюро [10]. В браке с Иваном Ивановичем Булатниковым у Анастасии Митрофановны появилось двое детей: Борис и Юлия. В одном из интервью газете «Комсомолец Кубани» за 1977 г. Анастасия Митрофановна так охарактеризовала феномен семьи Сединых: «Та семья добивается наибольших успехов в воспитании детей, где сами дети очень скоро ощущают себя не малышами, а помощниками старших в серьезном деле. Нас восторгала железная решительность старших, мы были счастливы прикоснуться к их делу, нас окрыляло их доверие. У меня есть дочь Юлия, химик, кандидат наук. Недавно она мне сказала: “Мама, я готова продолжить твое дело”. Казалось бы, какая связь между химией и литературой, восстановлением истории революционной борьбы на Кубани? А связь есть, притом самая прочная. Это связь в нашей крови, в нашем духе» [11].

С 1957 г. А.М. Седина находилась на пенсии, являлась персональным пенсионером союзного значения. С этого времени и практически до конца своей жизни (умерла в апреле 1985 г.) она занималась литературной деятельностью и активной общественной работой. Будучи уже на пенсии Анастасия Митрофановна была членом бюро Краснодарской секции Историко-литературного объединения старых большевиков, существующего на общественных началах при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Анастасия Митрофановна была награждена орденами Красного Знамени и «Знак Почета», несколькими медалями, в том числе «За оборону Кавказа». Особенно дорог ей был орден Красного Знамени, она всегда отмечала, что приняла эту награду не только от своего имени, а от имени погибших в борьбе за власть Советов отца и брата – Митрофана Карповича и Глеба Митрофановича Сединых.

Следует заметить, что Анастасия Митрофановна Седина, проживая в Москве, не теряла связи с Кубанью, активно переписывалась с Крас-

нодарскими краевыми архивами, коллективом завода им. Г.М. Седина, издательством «Советская Кубань», Краснодарским городским отделением общества книголюбов и краеведами. Пионеры школ Краснодарского края часто навещали А.М. Седину в Москве [12]. Два крупных судна названы в честь отца и сына Сединых. Анастасия Митрофановна поддерживала дружественные отношения с моряками танкера «Митрофан Седин» Новороссийского морского пароходства и контейнеровоза «Глеб Седин» Черноморского пароходства. А.М. Седина побывала на обоих судах, обеспечила каждое судно материалами о жизни и революционной деятельности отца и брата. В коллекции документов семьи Сединых сохранились фотографии об этих волнующих встречах. Экипажи теплоходов переписывались и даже два раза встретились в рейсе в Северном и Мраморном морях. Первая встреча состоялась в 1973 г., о них написали в журнале «Морской флот» и газете «Известия»: «Через пятьдесят с лишним лет после своей гибели встретились в море герои революционных битв на Кубани – отец и сын Седины. Точнее, встретились суда, названные их именами. “Глеб Седин” встретился с “Митрофаном Сединым” в первом же рейсе в Северном море. Мощные гудки двух судов разорвали воздух – словно после полувековой разлуки отец и сын приветствовали друг друга» [13].

В фонде коллекции отложились и воспоминания Анастасии Митрофановны об отце, Митрофане Карповиче, и его главном детище – журнале «Прикубанские степи»: «По Краснодару я хорошо помню его работу в журнале “Прикубанские степи”. Я это хорошо помню потому, что “редакция” находилась в нашей квартире, а я была помощницей отца по экспедированию журнала, – взваливши мешок с журналами на плечи, таскала его на почту для рассылки адресатам. <...> Трудно было делать журнал, но отца эти трудности не пугали, зато вся семья всегда испытывала большое неудобство от того, что отец требовал тишины. Издание журнала ставило семью в крайне затруднительное материальное положение – мы жили в большой нужде и материальных лишениях, – все средства уходило на журнал» [14].

А.М. Сединой были опубликованы книги: «Прикубанские степи» (о журнале, издававшемся отцом), «Страницы из истории рабочего движения на Кубани. 1910–1916 гг.», «Митрофан Седин», «Ян Полуян», «На крутом повороте» (о деятельности Казачьего отдела ВЦИК), рецензии на данные издания отложились в фонде коллекции [15]. Книга «Ян Полуян», вышедшая в свет в 1968 г., имела многострадальную судьбу. Если бы не личное вмешательство Анастаса Ивановича Микояна, который по совместной работе в Ростове-на-Дону знал Елену Матвеевну Полуян-Верещ-

кую (друг семьи Сединых), книга осталась бы только в рукописи. Анастас Иванович связался с Краснодарским крайкомом партии и издательством и договорился об издании этой книги в Краснодаре [16].

Так какой она была, Анастасия Митрофановна Седина? На этот вопрос ответила ее дочь, Юлия Ивановна Березина. «Анализируя жизненный путь своей мамы, Анастасии Митрофановны Сединой, находясь рядом с ней практически “от звонка до звонка”, я до сих пор продолжаю восхищаться и удивляться тому, как могло вместиться в жизнь одного человека, женщины, такое разнообразие сложных событий советского периода. Простая малограмотная девочка из бедной многодетной рабочей семьи кубанца-иногородца вошла в ряды первого поколения советской интеллигенции. Этот путь не был усеян розами, на каждом этапе были свои шипы, но всё упорнее и увереннее, шаг за шагом, проходила она свои “университеты”. Анастасия Митрофановна относилась к числу тех редких людей, для которых самопожертвование было нормой жизни при любых ситуациях. Ее духовное состояние в течение длительного времени – от Гражданской до окончания Отечественной войны – можно образно сравнить со сжатой пружиной, настолько велики были внутреннее напряжение, самоотдача и ответственность в работе и партийной жизни и настолько сложными были семейные проблемы. С другой стороны – добрая, справедливая, очень скромная в быту, принципиальная в главном, уступчивая в мелочах. И при жизни отца – друзья родителей, и после – друзья мамы оставались десятилетиями друзьями семьи. Взаимопомощь, поддержка, взаимоуважение – все это было неотъемлемой частью нашего быта» [17].

Надеемся, что фонд семьи Сединых, по крупицам собранный Анастасией Митрофановной, будет востребован и послужат новым толчком для непредвзятого исследования прошлого Кубани через их фамильную историю.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 184. Л. 11.
2. ЦДНИКК. Ф. 4138. Оп. 1. Д. 3.
3. Там же. Д. 12. Л. 1–8.
4. Там же. Д. 14. Л. 1–3.
5. Там же. Д. 17. Л. 1–3.
6. Там же. Д. 25. Л. 1–3.
7. Там же. Д. 38. Л. 1.
8. Там же. Д. 34. Л. 1.

9. Там же. Д. 35. Л. 1–9.
10. Там же. Д. 37. Л. 1–3.
11. Там же. Д. 55. Л. 1.
12. Там же. Д. 81. Л. 1–30.
13. Там же. Д. 85. Л. 1–4.
14. Там же. Д. 54. Л. 1–5.
15. Там же. Д. 52. Л. 1–9.
16. Там же. Д. 57. Л. 1–2.
17. Там же. Д. 33. Л. 1–4.

Н.Н. Лысенко

«РАСКАЗАЧИВАНИЕ» КАЗАКОВ: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕРМИН ИЛИ СОВЕТСКИЙ ЭВФЕМИЗМ?

Историография казачества России, как верно отмечается многими специалистами, далека, увы, от терминологического консенсуса. Одним из наиболее спорных – при кажущейся абсолютной ясности – является термин «расказачивание». Закономерно получивший в историографии весьма негативный оттенок этот термин во многих случаях не проясняет, а, наоборот, затемняет, искажает действительный смысл произошедших событий периода Революции 1917 г. и Гражданской войны.

Существует мнение, что автором термина «расказачивание» является председатель Революционного военного совета РСФСР Лев Троцкий. В январе 1919 г. на совещании сотрудников политотделов 8-й и 9-й армий Южного фронта Троцкий четко артикулировал стратегический курс большевиков на «расказачивание»: «Казачество – это класс, который избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 г. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как таковое, расказачить казачество – вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области. Только так мы можем утвердиться здесь» [1]. Очевидно, что Троцкий озвучил будущий план геноцида казацкого населения советской России, но никак не процесс расказачивания – процесс лишения определенной группы населения ее сословных преимуществ.

При первой попытке использования термина «расказачивание» возникает неизбежный вопрос: что означает «расказачить» казака? Лишить конкретного индивидуума его сословных прав и обязанностей? Или лишить его права именоваться «казак», депортировать из родной станицы в крайне неблагоприятные для проживания регионы страны, запретить развивать национальную культуру? Если справедливо второе, то такое «расказачивание» правильнее – поскольку намного точнее – именовать «этноцидом». А если речь идет о лишении казацкого сообщества его сословных обязанностей и «привилегий» – то уже на рубеже XX столетия для подавляющего большинства станичников этот процесс стал бы, наверное, не бедой, а благом.

Н.Н. Великая на обширном фактическом материале убедительно показала, насколько тяжелым, в каких-то аспектах даже невыносимым, стало к началу XX в. социальное положение казаков Терского войска. Исследователь приходит к выводу, что, начиная с XVIII в., постоянно возрастали государственные обязанности терских казаков, но при этом синхронно ликвидировались их исконные права и свободы. Имперской законодательной практикой вводилось административное принуждение, обязательное прикрепление к месту жительства, жестко ограничивались право на владение частной собственностью, свобода выбора занятий и т. д. «Многочисленные обязанности, – констатирует Н.Н. Великая, – которые постоянно возлагались на терское казачество, позволяют утверждать, что исторически оно эволюционировало в сторону непривилегированных сословий, и лишь сопротивление казачества, принимавшее различные формы – от подачи прошений до побегов за рубеж, и Великие реформы Александра II не позволили этому процессу окончательно завершиться» [2]. Социально-экономическая ситуация в других казачьих войсках империи была, в сущности, такой же. Осознание факта, что административное давление государственной системы Российской империи на казацкое сообщество превышает все разумные пределы, имелось уже на рубеже XX в. Анализ постоянной, гужевой, дорожной, паромной и других как натуральных, так и денежных повинностей, налагаемых государством на казаков, привел историографа XIX в. И.Д. Попко к выводу, что повинностей у казаков «гораздо больше, чем в каком бы то ни было гражданском сословии или обществе» [3].

Итак, к 1917 г. социально-экономическое наполнение сословного статуса «казак» трудно было признать удовлетворительным. Экономическое обеспечение этого статуса являлось, по большому счету, иллюзорным. Все особые права казаков в области землевладения и землепользования осуществлялись исключительно на их же родовой земле.

Конечно, можно считать «привилегией» факт законодательно гарантированного получения каждым казаком мужского пола индивидуального земельного надела (пая). Однако при этом не следует забывать, что Российская империя гарантировала передачу казакам казацкой же земли, неотъемлемое право на общенародное владение которой самодержавие Романовых отняло у казаков силой оружия, последовательно разгромив все попытки казаков отстоять свой собственный путь развития.

Вместе с тем отметим, что правами в области землевладения не исчерпывались особые сословные права казаков. К ним относились также – освобождение казаков от уплаты прямых государственных, в том числе и поземельных, налогов и подушной подати, а также земского сбора. Во время нахождения казаков на военной службе они освобождались от всех личных денежных и натуральных повинностей. Впрочем, последнее «дарованное право» являлось абсолютно декларативным: находясь на службе, казак мог добыть деньги для каких-то выплат государству только занимаясь грабежом или мародерством – что вряд ли соответствовало интересам армейского командования.

Как соответствовали уровню весьма эфемерных социально-экономических «привилегий» основные (военные) обязанности казацкого населения перед Российской империей? К сожалению, практически никак – издержки 20-летней службы казаков настолько далеко перекрывали «дарованные» права, что реальная польза последних, при объективном сопоставлении, кажется весьма сомнительной.

В 1901 г. все нормативные документы о воинских обязанностях казаков были сведены в единый общероссийский свод «Законы о воинской повинности казачьих войск» [4]. Анализ этого свода, проведенный одним из ведущих российских казаковедов, показывает, что военная система Российского государства удивительно цепко держала в своей орбите всех казаков-мужчин репродуктивного возраста [5]. В соответствии с законодательством империи, казаки всех войск, кроме Уральско-го, обязывались нести военную службу в течение 20 лет. Уральские казаки служили 22 года. Весь период службы казаков был разбит на три разряда. В первом, приговорительном, казаки служили 3 года, из них последний, третий год они находились в специальных тренировочных военных лагерях. После этого переходили в следующий, строевой разряд, служба в котором продолжалась в течение 12 лет. Этот разряд подразделялся на три очереди, по четыре года в каждой. По истечении 12 лет службы в строевом разряде казаки переводились в запасной разряд, в котором числились еще 5 лет. Только после этого, когда завершился цикл

20-летней службы, казаки выходили в полную отставку и могли призваться в армию лишь во время войны – в ополчение.

Если принять во внимание, что молодой казак впервые призывался к присяге в 19 лет, становится понятным, что лучшую часть своей жизни – в плане физического здоровья и деловой активности – казаки проводили в походных лагерях и казармах. «Барщина кровью», которую казаки отдавали Российской империи на протяжении без малого трех веков, наложила неизгладимый отпечаток на быт, национальные традиции, семейный уклад и даже на менталитет.

Воинская служба финансово иссушала значительное число казацких семей, особенно те фамилии, в которых родилось подряд несколько сыновей-погодков. Никакие земельные паи, полученные на сыновей от «щедрот» российского царя, были не в состоянии компенсировать главе семейства те огромные для трудового человека деньги, которые безвозвратно нужно было несколько лет подряд изымать из бюджета семьи, чтобы достойно – с казацкой честью и по закону – проводить сыновей в службу.

Атаман одной из донских станиц, вахмистр Иван Афонин, уже находясь в эмиграции, подсчитал, что накануне Первой мировой войны для исправного выхода в службу донскому казаку требовалось затратить около 307 рублей [6]. По данным советского историка Г.В. Пожидаевой, начало боевых действий Первой мировой войны вызвало скачок цен на лошадей и походное снаряжение, в результате чего выход на службу стал обходиться казаку Оренбургского войска в 350–400 рублей [7]. Более дорогая «справа» кубанских казаков (в нее, помимо парадной черкески, входил еще и кинжал) стоила накануне 1914 г. около 500 рублей [8]. По мнению историка Л.И. Футорянского, затраты на исполнение своей воинской повинности ежегодно требовали от донских и оренбургских казаков примерно половину средств, получаемых с пая середняцкого хозяйства [9]. Как видим, доля «защитника Царствующего Дома Романовых» обходилась простому станичнику весьма недешево.

Даже фрагментарный анализ серьезнейших проблем, с которыми столкнулось казацкое сообщество в середине второго десятилетия XX в., убедительно доказывает, что процесс подлинного «расказачивания» – ликвидации сословных прав и государственных обременений казацкого населения России – давно назрел. С учетом социально-политических итогов Великой войны 1914–1918 гг., провальных для империи Романовых, «расказачивание» казацкого сословия фактически не имело альтернативы. «Расказаченные» казаки отнюдь не потерялись бы среди других этносов России. Демократическая революция в Российской империи

и связанное с ней упразднение всех сословий открыли бы, вероятно, новый шлюз, по которому мог двинуться поток творческой и деловой активности казаков, веками искусственно сдерживаемый военной машиной Российской империи. Превосходные литераторы Федор Крюков и Николай Туроверов, талантливые историки Исса Быкадоров, Сергей Сватиков, Петр Краснов, сотни деятелей культуры и экономики казацко-происхождения, блистательно проявивших себя в эмиграции в Старом и Новом Свете, убедительно продемонстрировали, что сословное «рассказачивание», в конечном счете, стало бы благом для казацкого народа, а не чудовищной трагедией.

Государственный террор советского режима, принявший с самого первого дня формы демоцида и этноцида, не преследовал и не мог преследовать цели социального (сословного) рассказачивания. Фактура и смысл разрушительных экономических и этнополитических событий, начавшихся на землях казачьих войск в 1918 г., не имеют никакого отношения к процессу сословного «рассказачивания». Данный процесс был начат и фактически завершен Временным правительством еще до прихода большевиков к власти в октябре 1917 г.

Отчего же определенная часть российских историков с таким, явно заслуживающим лучшего применения упорством, продолжает использовать термин «рассказачивание», в числе прочего – и для характеристики тотального государственного террора советского режима? Этим термином подчас пытаются охватить самые разнородные и никак не связанные с сословной сферой геноцидальные события, происходившие на казацких землях на протяжении около двадцати послереволюционных лет. Например, ростовский исследователь С.А. Кислицын охватывает термином «рассказачивание» вообще весь процесс государственного террора советского режима против казаков, начиная от событий Гражданской войны и вплоть до этапа борьбы с «вредителями и саботажниками» в конце 1930-х гг. По мнению историка, «рассказачивание» осуществлялось советской властью в четыре этапа. На начальном этапе, в коллизиях Гражданской войны – «способом репрессий на грани геноцида» – физически ликвидировались видные представители казацкого сословия. Затем, в 1919–1924 гг. – осуществлялось ограничение казаков в правах (не только гражданских, но и имущественных). Следующий этап, с 1925 по 1929 гг., историк характеризует как «скрытое рассказачивание» [10]. И, наконец, период с 1929 по 1939 гг. характеризуется преследованием оппозиционно настроенных казаков методами раскулачивания, и прямыми репрессиями против членов казацких повстанческих организаций [11]. Кажется очевидным, на наш взгляд, что экстраполяция тер-

мина «рассказывание» практически на весь период взаимоотношений Советского государства с консолидированным казачьим сообществом является неоправданным упрощением реально происходивших в период 1918–1939 гг., весьма разнородных этнополитических и социальных процессов.

Нарочитое смысловое расширение термина «рассказывание», когда *volens-nolens* затемняя его ясный, конкретный сословный (точнее – анти-сословный) смысл, этому определению пытаются придать полиморфный характер, в российской историографии применяется, увы, весьма часто. Историк Р.Г. Тикиджьян убежден, например, что рассказывание «как процесс и государственная (квазигосударственная) политика» включало целый комплекс тенденций – от изменения политико-правового и территориально-административного статуса казачества до «умирания, исчезновения казачества не только как сословно-корпоративной группы населения, но и как этнокультурной общности» [12]. Нетрудно заметить, что такое, еще более масштабное, распространяемое практически всю историю пребывания казачества под юрисдикцией Российского государства (включая его советскую формацию), толкование термина «рассказывание» – точно так же, как и предыдущее, в значительной мере ретуширует проблематику антиказацкого этноцида и государственного террора, развязанного режимом РКП(б) – ВКП(б). Изучение процесса этнополитического уничтожения казаков советским режимом с использованием юридически четкого международно-правового инструментария подменяется в этом случае широчайшим историографическим обзором весьма разнородных событий.

Феномен недопустимо широкого использования термина «рассказывание» (*volens-nolens* в эвфемистских целях) можно объяснить, на наш взгляд, не столько историографическими, сколько идеологическими мотивами. Политика сознательного уничтожения казаков в период 1918–1933 гг. является одним из самых антигуманных в мировой истории, а с точки зрения международного права – безусловно, преступным деянием, не имеющим для своего осуждения срока давности. Государственный террор против казаков, особенно на первоначальном этапе – до 1923 г., осуществлялся в интересах укрепления политического альянса режима РКП(б) – ВКП(б) с «иногородними» переселенцами-неказаками, которые прибыли на земли войск в результате реформ Александра II, либо были целенаправленно переселены сюда советской властью. Именно фактор очевидности преступления этноцида, совершенного в отношении казаков интернациональным режимом РКП(б) – ВКП(б) заставляет, по-видимому, российских историографов настойчиво искать

некий «примиряющий» термин, который, с одной стороны, фиксировал бы насильственную, террористическую по сути аннигиляцию казаков как самобытного сообщества, а с другой стороны, позволил бы не использовать при описании этого процесса такие необратимые (в международно-правовом контексте) термины как «государственный террор», «этноцид» и «геноцид». Одним из таких «удобных» таксонов и стал термин «расказачивание» – обнимающий, казалось бы, все аспекты советской антиказацкой политики, и, одновременно не артикулирующий ее заведомо антигуманный, преступный вектор.

Возможно также, что употребление термина «расказачивание» в широком хронологическом контексте 20–30-х гг. XX в. является некой данью устоявшейся историографической «традиции» – особенно в работах тех историков, которые верно расценивают смысл государственного террора советской власти против казаков [13]. Нет ни малейших сомнений, что когда-то эта «традиция» в российской историографии будет, наконец, упразднена. Коллективизация на территории бывших казачьих войск не может быть охарактеризована как «расказачивание», отмечает, в этой связи историк В.Е. Щетнев, поскольку к началу 1930-х гг. казацкого сословия не существовало – казаки давно утратили свои сословные права и даже часть этнокультурных признаков в результате массированного государственного прессинга советского режима. Коллективизацию можно расценить, весьма точно подчеркивает В.Е. Щетнев, только как «добывание казачества», но отнюдь не как заключительный этап «расказачивания» [14].

Резюмируя вышеизложенное, вновь подчеркнем, что подлинное «расказачивание» завершилось до Октябрьского переворота 1917 г., когда в результате Февральской революции и упразднения монархии были ликвидированы все сословия и провозглашено равноправие всех граждан России перед законом. После законодательных актов Февраля никаких казаков как представителей военно-служилого сословия уже не было. Однако на территории России продолжало существовать весьма консолидированное в этнокультурном и социально-корпоративном плане сообщество казаков, абсолютное большинство которых всегда осознавали себя весьма отличным от великорусов, самобытным народом [15]. Соответственно, – и по методологии исторической науки, и по характеру конкретных преступных актов, и по этнополитическому результату этих преступлений – политика государственного демоцида и этноцида, обрушенная советским режимом на казацкое население после 1918 г., должна квалифицироваться в терминах международной юрисдикции – как преступление геноцида, но не с помощью эвфемистского термина «расказачивание» [16].

Итак, завершая наши размышления, попытаемся сформулировать непротиворечивое в широком историографическом контексте определение термина «рассказачивание».

«Рассказачивание» – это длительный процесс социальной трансформации казачьего сообщества России, в результате которого казаки вначале постепенно, а затем все более быстро стали освобождаться от бремени государственных повинностей, навязанных казачьему народу Российской империей в XVIII в. Процесс рассказачивания, инициированный имперским правительством во второй половине XIX в. в рамках политики «русификации» казаков, резко ускорился в связи с нарастанием революционной ситуации в России и завершился законодательной ликвидацией всех сословий (включая казачье) бывшей Российской империи революционным Временным правительством. В результате рассказачивания были упразднены все существенные элементы функционирования казачьего сословия: фактически пожизненная военная служба, индивидуальный земельный пай (надел) за службу, снаряжение казака на военную службу за собственный счет, а также иные государственные льготы, преимущества и повинности.

Примечания

1. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1926. Т. 2. Кн. 1. С. 158.
2. Великая Н.Н. Казаки и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX – начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 122.
3. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. (Репринтное издание). Нальчик, 2001. С. 214.
4. Законы о воинской повинности казачьих войск. СПб., 1901.
5. Трут В.П. Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 41–42.
6. Афонин И. Еще один ответ. Шанхайцам – далеким и близким // Вольное казачество. 1931. № 84–85. С. 25.
7. Пожидаева Г.В. Разложение казачьей общины накануне 1917 года. (По материалам Южного Урала) // Вопросы аграрной политики Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 458–459.
8. Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах (на материалах Кубанского войска) // Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. Мат-лы Всес. науч. конф. Черкесск, 1984. С. 164.
9. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 59.

10. Кислицын С.А. О мифе «геноцида казачества» в историографии донского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тез. Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 2010. С. 96.

11. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д, 1998. С. 22.

12. Тикиджьян Р.Г. Рассказывание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 220.

13. Трут В.П. Истребить поголовно. Как организовать рассказывание // Родина. 2004. С. 96.

14. Щетнев В.Е. Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом рассказывания? // Казачество России: история и современность. Тез. Межд. науч. конф. Геленджик (8–11 окт. 2002 г.). Краснодар, 2002. С. 143.

15. Билый И.А. Казачьи земли: Территория и народонаселение. Прага, 1928. См. также: Корниенко Б.С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. №1 (52). С. 3–11.

16. См. предлагаемую автором оценку указанных событий: Лысенко Н.Н. Депортации народов Северного Кавказа 30–40-х гг. XX века: репрессии или геноцид? // 25 лет Республике Ингушетия. Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Магас, 22–24.05.2017). Магас, 2017. С. 123–132.

И.В. Юрченко

ПОЛИТИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В пространстве политических взаимодействий реализуется множество технологий влияния на социальные процессы, которые исследуются с помощью различных давно сложившихся объяснительных моделей. Наиболее распространенной стала методология экономического детерминизма, в соответствии с которой объясняются причины социально-политических кризисов, возникновения революционных ситуаций, межгосударственных противоречий и многие другие проявления социальных потрясений и политических переворотов.

Однако в настоящее время наметилась тенденция, с учетом достижений в науке и средствах коммуникации, акцентировать внимание на значимости использования отдельными акторами и субъектами политического процесса новейших технологий по провоцированию политических потрясений и государственных переворотов. И в этом случае одного экономического детерминизма становится недостаточно, чтобы исследовать новые феномены политических взаимодействий в XXI в.

В частности, важное место отводится концепциям «мягкой силы», «цветных революций», применения информационного, сетевого, организационного оружия и «гибридных войн». Правда, приходится констатировать, что так называемые «мягкие» политические технологии не отменяют «жесткой силы», о чем говорят сведения экспертов по поводу потерь в локальных и региональных конфликтах по всему миру после Второй мировой войны, сопоставимые с количеством жертв в период этой войны. По мнению специалистов, концепт «мягкой силы» имеет расплывчатые очертания и поэтому сложно поддается методологическому обоснованию и с теоретических, и с эмпирических позиций. В отличие от военной и экономической мощи, «мягкая сила» действует в рамках определенных смысловых контекстов и только через них, – считает А.Л. Андреев. Также нужно учитывать имеющие место процессы подмены и переноса смыслов, где ключевым элементом технологии «мягкой силы» является способность «задавать смыслы» [1].

Аналогичной позиции придерживается и Т.А. Алексеева, которая отмечает, что предложивший этот концепт Джозеф Най под «мягкой силой» понимал способность государственного актора формировать предпочтения других акторов, используя собственную привлекательность в их глазах (будь то культура, политические ценности и даже внешняя политика, главное, чтобы это были методы, которые не предполагают использование насильственных средств, но воздействуют на общественное мнение и позволяют изменять настроения и лоббировать интересы актора-транслятора в другой стране). По ее мнению, на первый взгляд, такое определение выглядит перегруженным, чуть ли не как набор слов. Но именно эта расплывчатость и неточность сделали этот концепт широко применимым в теории и на практике, хотя и, возможно, несколько переоцененным [2]. Позднее Джозеф Най дал более точную формулировку: «Сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (“палка”), плата (“морковка”) и притягательность (“мягкая сила”)» [3].

Значительные трудности для исследования представляет и феномен межэтнической напряженности. В этом случае многие социальные проблемы воспринимаются через призму этнических конфликтов, этноцентризма, психологического комплекса «угнетенного народа», фрустрации и стремления к реваншу, что в итоге может вылиться в агрессию. В то же время ряд исследователей, особенно придерживающихся социологической парадигмы, считают, что необходимо учитывать количественный аспект межэтнической напряженности: «она возникает в том случае, если ориентация на конфликт охватывает более половины этнической группы» и действует принцип «этнической фокусировки», этнического распознавания. То есть определяется этническая группа – виновница во всех прошлых обидах. При этом и «виновник», и «пострадавший» рассматриваются как вневременные константы [4].

На важный аспект этой проблемы обращал внимание Ч. Тилли [5]. По его мнению, опасность социального потрясения на межэтнической почве возрастает по мере увеличения численности радикально настроенных активистов, которые первоначально представляли собой малую организованную группу, но их влияние трансформируется в доминирование ускоренными темпами. А те, кто придерживался умеренности, оказываются в самом уязвимом положении, так как их начинают воспринимать в качестве предателей интересов своего народа, не желающих бороться за его права, или даже являющихся агентами «угнетателей». Технологии «мягкой силы» против «государства-мишени» в этом случае используются в виде поддержки так называемого «освободительного движения» национального меньшинства против «дискриминационной политики» государства.

Разработки технологий государственных переворотов в современных условиях опираются на рекомендации Э. Люттвака, К. Малапарте, а также на идеи Дж. Шарпа [6], в которых, по сути, предлагались сценарии развития событий по направлению свержения существующей власти с помощью ненасильственных методов сопротивления.

В современном политологическом дискурсе, в связи со столетием российской Революции 1917 г., важнейшей темой стала проблема социальных потрясений, их природы, уроков и следствий. Основной аналитической парадигмой, объясняющей эти процессы общественного развития, традиционно являлся марксизм: анализировались прежде всего экономические отношения, специфика социальных связей и напряжений классового характера.

Интерес представляет исследование В.И Коваленко, посвященное осмыслению логики политического процесса в Революции 1917 г., в ко-

тором подчеркивается важность не только отношений собственности, но и состояние духовной сферы, национального самосознания, которое он характеризует как своеобразный стержень общества и народа. Этот стержень оценивается по тому, существует ли в людях национальное чувство, есть ли интерес народа к себе, знает ли он свою историю, культуру, национальный менталитет, уважает ли себя, верит ли в себя, сохраняет ли свое достоинство, относится ли с уважением к другим народам, есть ли у него ответственность за судьбу страны, есть ли национальная идея, сплывающая весь народ воедино, то есть, существует ли в народе патриотический настрой [7]. Автор, ссылаясь на роман В. Максимова, приводит размышления Колчака: «Трудно даже было представить, откуда, из каких незримых щелей, из какого подполья, из какой житейской трясины выявились на свет Божий все эти отставные телеграфисты, не кончавшие курса студенты, аптекарские ученики и сами аптекари, сельские фельдшеры, бывшие курсистки, гимназические учителя, неудачливые присяжные поверенные и их помощники, провинциальные журналисты и портные, возжелавшие любой ценой сделаться министрами, товарищами таковых или, на худой конец, хотя бы директорами департаментов... Наверное, в своей прошлой жизни все эти люди исправно служили или зарабатывали свой хлеб насущный каким-нибудь иным занятием... Жить бы и жить им так впредь и до скончания века, пробавляясь – между выпивкой, нехитрым флиртом и двумя “пульками” – разговорами о “сне золотом” и “небе в алмазах”, если бы не февральская встряска, которая выбила их из привычной колеи, выбросив в самую гущу Великой Смуты, где за спиной у каждого из них вдруг загремел маршальский жезл, к несчастью, не находивший вокруг ровно никакого применения» [8]. Однако не только эти социально-психологические причины вызвали большевистский переворот, но и истощавшая силы государства война, и отсутствие политической воли правительства, не способного контролировать ситуацию и решать насущные социальные проблемы кризисного общества.

Политические расколы в современных обществах в основном происходят по линии противостояния Запада и России. Ориентация на западные ценности – с одной стороны, и поддержка позиции России, защищающей свою идентичность и суверенитет, – с другой, актуализируются технологиями политического влияния, реализуемыми заинтересованными группами.

Современные исследования политических процессов и отношений всё больше сталкиваются с новой проблемой – с феноменом политического доминирования через масс-медиа. Средства массовой информации

используются политическими акторами преимущественно как технология формирования массовых мнений и настроений людей, а общество тотально медиатизируется. Изучение проблемы технологий управления поведенческими аспектами в публичной политике, таким образом, напрямую связано с политической дискурсологией, точнее – с критическим дискурс-анализом, позволяющим в сложном потоке событий определить, как и кем осуществляется контроль над публичным дискурсом, фактически – контроль над сознанием.

Как известно, на Юге России сохраняется высокая значимость миграционной проблематики, как фактора радикализма и экстремизма [9]. Миграционные потоки изменяют этноконфессиональную структуру общества, в результате чего увеличивается степень социальной напряженности и опасность новых конфликтов или реанимации старых. Это активно используют политтехнологи, работающие на противника и проводящие по сути подрывную пропаганду с помощью деструктивных информационных воздействий. Поэтому одним из аспектов конфликтологической экспертизы коммуникативного поля полиэтничного региона должен быть эпистемологический анализ социального проектирования и прогнозирования.

Выбор методов анализа поведения участников коммуникативного поведения в медиа пространстве обусловлен спецификой макро- и микроуровня социального порядка. По оценке Т.А. ван Дейка, «власть, доминирование и неравенство между социальными группами – это традиционные термины, принадлежащие к анализу макроуровня», а использование языка и вербальное взаимодействие – к микроуровню социального порядка, и критический дискурс-анализ должен теоретически преодолеть «разрыв» между микро- и макро подходами [10].

Для исследования каждого уровня и форм коммуникации членов групп – носителей языка нужны конкретные научные процедуры и научный инструментарий: контент-анализ, когнитивное картирование, фрейм-анализ, разнообразные приемы политической дискурсологии. Характеристика социальных действий индивидуальных акторов, включенных в политический процесс как представителей групповых действий, позволит определить, каким образом происходит производство новостей, их тиражирование и воспроизводство конфликтного дискурса.

Естественно, сама конфликтологическая экспертиза нацелена на способы достижения взаимопонимания и на выявление причин непонимания, определение способов дезинформации и так называемой искаженной коммуникации как катализатора социальной напряженности.

Мировые средства массовой информации формируют глобальное информационное пространство, в котором разворачивается противостояние основных политических игроков, борющихся за доминирование, и, чтобы сохранить свой суверенитет, российскому государству необходимы адекватные механизмы противодействия опасностям и угрозам и методы профилактики социальных потрясений, которые провоцируются с помощью искусно разрабатываемых технологий «ненасильственных» политических переворотов.

Наиболее «эффективной» социальной базой для деструктивных процессов в современных условиях полиэтничности являются сепаратистски настроенные сообщества из этнических меньшинств и маргинальные группы «политических честолюбцев, особенно в регионах РФ, стремящихся выбиться в элиту за счет поражения, раскола страны и местного сепаратизма» [11]. Как мною уже отмечалось ранее [12], важным аспектом изучения процессов социального распада является выявление адаптационных ресурсов социальных групп к новым условиям информационного общества с сетевыми механизмами коммуникации и кризисными факторами дестабилизирующими социально-политическую сферу.

Информационно-коммуникативное поле полиэтничного региона формируется в повседневных взаимодействиях когнитивного характера на основе социокультурных ориентиров и, прежде всего, сложившихся традиций, обычаев, предрассудков, стереотипов и языка. В конфликтной ситуации каждый актер политического процесса стремится принять на себя «роль интерпретатора, обращенного к жизненному миру» [13], а в этой связи возникает проблема социального доверия. Тема кризиса доверия с точки зрения конфликтного содержания социальных коммуникаций в политическом пространстве современного общества весьма специфична и малоизучена. Понятие социального доверия исследователями рассматривается как «обобщенное ожидание в отношении отдельных индивидов, их групп и общества в целом» по поводу того, что их поведение и деятельность будут соответствовать некоторому уровню взаимопонимания и сотрудничества [14], и, в первую очередь, в контексте рассматриваемой темы речь идет о доверии к правящей элите. Деструктивная конфликтность и социальная напряженность размывают доверие к властным институтам, к различным источникам информации, и наоборот, недоверие к власти усиливает конфликтные процессы, разрушающие социальную общность гражданского общества, усиливающие подозрительность этнических групп друг к другу, а в результате возникает опасность системного кризиса и социальных потрясений.

Таким образом, исследование политико-технологических аспектов современных социальных потрясений основывается на методологии полипарадигмального анализа политических процессов в информационно-коммуникативном пространстве, с учетом значимости субъектных факторов использования конфликтного и интеграционного потенциала этнополитического социального дискурса.

Анализ политических событий, показал, что катализатором общественных потрясений как правило являются проявления национализма, сепаратизма и русофобии. Ярко выраженная тенденция радикализации политического сознания отдельных социальных групп подтверждается обострением региональных и этнополитических конфликтов, распространением этнонационализма. Идеи совмещения конфессиональных, этнических и политических границ еще более усиливают раскол мира по этно-конфессиональным признакам, а также на экономически развитые страны и отсталую периферию в условиях углубления кризиса глобализации, общей политизацией этничности и радикализации политики. Все эти процессы, проявляющиеся как новые вызовы кризисного развития современного общества, необходимо анализировать как на личностном, групповом, так и на макроуровне в параметрах проявлений социальной патологии и аномии. Рассматривая антропологические и ментальные факторы радикальных и экстремистских идей, идеологий и действий, необходимо учитывать релевантный контекст нездоровой социальности, которая является фоном, причиной и следствием внутренних личностных процессов патологического характера, когда вполне объяснимое желание значимости для поддержания самооценки и самоутверждения для многих людей утрачивается, «человек переключает внимание на иные, зачастую извращенные или невротические формы власти, в стремлении найти замену значимости» [15], и тогда, как считают психологи, практически единственным выходом для них становится взрыв жестокости, агрессии и экстремизма. Эти социально-психологические закономерности активно используются политтехнологами, умеющими акцентировать в политическом сознании и поведении, особенно молодежи, проявления радикализма взглядов, высказываний и других вербальных и невербальных действий, «источником которых являются социальная депривация и фрустрация, приводящие к агрессии и деструктивным, враждебным проявлениям прежде всего по отношению к тому, кто воспринимается виновником несправедливости и всего негативного, что мешает достижению желаемой значимости, полноты власти и превосходства над этим воображаемым врагом» [16].

Важнейшим аспектом исследования современных потрясений и деструктивных конфликтов является также и аксиологическая пара-

дигма, поскольку именно вопросы ценностной идентичности выдвигаются как наиболее значимые и трудно регулируемые управленческими структурами. Ряд исследователей сетевой и информационной войны [17] считают, что использование информационного и организационного оружия базируется на психологической склонности людей к подражанию.

Особая склонность проявляется у молодежи к видам поведения, разрушающим устои, отменяющим старое, ломающим сложившиеся стереотипы, радикально изменяющим социальное поведение. Но эти ощущения собственной сопричастности к распространению «прогрессивных» моделей поведения, реально становятся деструктивным элементом внутреннего саморазрушения социокультурных общностей [18], что во многом предопределяет процесс социального раскола, ведущего к потрясениям и деградации государственности, потере экономического, информационного, нравственно-духовного, а затем и политического суверенитета. Противостоять этим разрушительным тенденциям возможно на основе использования хорошо проработанного научного инструментария ситуационного и стратегического анализа многосоставной совокупности региональных общностей и при условии наличия способностей у государственных служащих реализовывать эффективную политику по урегулированию и управлению конфликтами в направлении конструктивного взаимодействия с научным сообществом и своевременной профилактики различных проявлений социальных потрясений, проектируемых русофобски настроенными политтехнологами.

Примечания

1. Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в Российском исполнении // Полис. 2016. № 5. С. 124.
2. Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в контексте национальной безопасности // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар, 2016. С. 11.
3. Nye, Joseph S. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. February, 23.
4. Черныш М.Ф. Факторы возникновения и воспроизводства межэтнической напряженности в теоретической перспективе // Полис. 2016. № 5. С. 26.
5. См.: Tilly C. From Mobilization to Revolution. New York, 1978.
6. Пономарева Е.Г. Современность: Тайное политическое переворотов // О тайне: Сб. науч. тр. М., 2015. С. 465–467.

7. Коваленко В.И. Историческая память: к осмыслению логики политического процесса в революции 1917 года // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар, 2015. С. 19.

8. Максимов В. Заглянуть в бездну. Париж; Нью-Йорк, 1986. С. 36–37.

9. Матишов Г.Г. Проблемы обновления многоукладного региона и задачи фундаментальной науки // Реалии многоукладного региона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февр. 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 5–27; Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 6. Ростов н/Д, 2013.

10. Ван-Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2014. С. 113.

11. Холодная война 2.0. Стратегия русской победы. («Коллекция Изборского клуба»). М., 2015. С. 321.

12. Юрченко И.В. Конфликтологическая экспертиза коммуникативного поля полиэтничного региона // Культура управления конфликтом во взаимодействии власти и общества: от конфронтации к выстраиванию конструктивного партнерства: сб. мат-лов Междунар. казанского научного форума «Методология исследования конфликтов». Казань, 2014. С. 216.

13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 32.

14. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М., 2006. С. 58.

15. Мэй Р. Сила и невинность. М., 2001. С. 39.

16. Юрченко И.В. Радикализация политического сознания и технологии противодействия экстремизму // Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии. СПб., 2015. С. 384–385.

17. Черемных К., Восканян М., Кобяков А. Анонимная война // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 60–94.

18. Аверинцев В. и др. Другая «холодная война». Стратегия для России // Холодная Война. 2.0. Стратегия русской победы. М., 2015. С. 136.

РАЗДЕЛ 2. ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД И ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

П.А. Кузьминов

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФЕВРАЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Северный Кавказ в глазах многих российских обывателей, публицистов, ряда ученых всегда был слабо развитой провинцией, создающей проблемы для Российского государства. Тернистый путь вхождения региона в политико-правовое пространство России, многолетняя Кавказская война, выселение ряда народов в степи Казахстана во время Великой Отечественной войны, первая и вторая чеченские войны, мощный миграционный поток «лиц кавказской национальности» в центральные районы страны в последние десятилетия, кажется, подтверждают эту посылку, создают некий стереотип «неправильного» региона и народов, его населяющих. Из газетных и журнальных статей штампы и клише перекочевывают в научные доклады на конференциях, обсуждаются на круглых столах.

Какое это имеет отношение к повестке нашего форума? Прямое. Одним из трендов современной историографии является утверждение об особой роли региона в бурном 1917 г. Ведь, несмотря на сохранение пережитков патриархально-родовых отношений, слабое развитие промышленности, отсутствие потомственного промышленного пролетариата, на Северном Кавказе были сильны позиции РСДРП(б), которая сумела направить горские народы против Отечества, в антигосударственное русло. Это делает вопрос о причинах Февральской революции в регионе ключевым для осмысления всего комплекса проблем глобального политического процесса в 1917 г.

В начале XX в. в России протекали взаимоисключающие процессы. С одной стороны, это процесс модернизации общества, определяющий экономические новации почти во всех сферах промышленности, с другой – желание государства усилить контроль за хозяйственной жизнью,

ограничить число собственников и их права вопреки развитию элементов гражданского общества в годы Первой российской революции и демократизации многих сторон жизни. Этот антагонизм усилила Первая мировая война, обострив все внутренние противоречия в обществе.

Политическая система царской России, ее закостеневший бюрократический аппарат, экономика не были готовы к тяжелой кровопролитной многолетней войне. Острый антагонизм между общественно-экономическими потребностями России и неимоверно устаревшей социально-политической системой в годы войны достиг апогея. Одновременно нерешенные в стране принципиальные общественные проблемы консолидировали политические партии и движения. Они требовали, как и в 1905 г., свержения монархии, установления политических и гражданских свобод, ликвидации помещичьего землевладения, уничтожения национального и конфессионального гнета. Потребность общества сбросить архаичные остатки феодальной системы создавала социально-политический контекст, в рамках которого актуализировался поиск своей идентичности как в центре, так и на окраинах Российской империи.

Северный Кавказ, став в начале XX в. важнейшим экономическим регионом страны, в годы Первой мировой войны в области промышленного развития, вопреки законам логики, переживал период спада. Несмотря на удаленность Северного Кавказа от основных фронтов боевых действий, война оказала негативное влияние на его экономику, что проявилось в расстройстве торговых и экономических связей как внутри региона, так и с Центральной Россией. Потребность фронта и населения страны в продовольствии и товарной продукции была огромной. Война породила разруху в промышленности и сельском хозяйстве, резко усугубив положение различных социальных групп и классов. Как показывают современные исследования, война затронула промышленность Северного Кавказа значительно сильнее, чем страны в целом [1]. При общем росте стоимости промышленной продукции в стране на 13 % за 1913–1915 гг., в Черноморской губернии, наоборот, она упала более чем на 40 %, в Кубанской области – на 17 %, в Дагестанской – на 12 %. Исключение составила промышленность Терской области, где уровень добычи нефти, несколько упав в начале войны, увеличился на 40 % [2].

Несмотря на колоссальную потребность военной промышленности в цветных металлах, которые шли на изготовление снарядов и патронов, их производство на Тереке и Кубани сократилось. Если в 1914 г. на Владикавказском металлургическом заводе было выплавлено 147 тыс. пудов цинка, 64 тыс. пудов свинца и около 137 пудов серебра [3], то в 1916 г. произведено на 37 % меньше цинка, свинца – на 29 %, серебра – на 59 % [4].

Серьезной причиной, повлиявшей на сокращение производства в ряде отраслей промышленности Северного Кавказа, было расстройство железнодорожного транспорта, оказавшегося не в состоянии выполнять все заявки предпринимателей. Общий объем перевозки грузов по железнодорожной дороге Ростов – Владикавказ уменьшился к ноябрю 1914 г. на 30 % [5]. Это было связано с возросшим объемом военных грузов, поскольку именно по этой артерии они шли непрерывным потоком для Кавказского фронта.

Губительно повлияла война и на сельское хозяйство. Если в 1914 г. на Северном Кавказе было засеяно 10 млн дес. земли, то в 1916 г. – лишь 7,1 млн дес. [6]. Посевной клин по сравнению с 1914 г. в 1917 г. уменьшился в Терской области на 34 %. Одновременно упала урожайность зерновых и технических культур. В житнице страны – Кубани – средний урожай пшеницы с десятины земли уменьшился с 92 до 40 пуда, что привело к сокращению товарной части хлеба более чем вдвое [7].

На качество производства хлеба повлияла мобилизация кубанских и терских казаков и «иногородних», снизился приток сезонных рабочих из центральных губерний. В свою очередь, эта ситуация обострила продовольственный кризис в городах, снизила жизненный уровень населения.

Серьезно пострадало и животноводство. Особенно в тяжелом положении оно оказалось в традиционных скотоводческих районах края. За годы войны численность мелкого рогатого скота сократилась в Дагестане на 34 %, лошадей – на 33 %. В Северной Осетии поголовье лошадей уменьшилось почти на 20 %, крупного рогатого скота – на 26,7 %, овец и коз – на 47 % [8]. В Кабарде и Балкарии число овец сократилось на 20 %, в том числе в Балкарии, где находилась основная их масса, – на 27 %. Но коннозаводчики Терской области, в основном из Кабарды, продали около 50 тыс. лошадей на общую сумму свыше 7 млн руб., получив огромную прибыль [9].

В области социально-экономических отношений в селах, станицах и аулах в годы войны шел процесс разорения крестьянского хозяйства, усилилась дифференциация крестьянства. При этом резко возросла концентрация земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря в руках кулаков и сельской буржуазии. Усиливающееся социальное и имущественное неравенство оголяло и обостряло противоречия в деревне, став важнейшей причиной общественного движения на северокавказской окраине накануне и в ходе Февральской революции.

В годы войны существенно выросли прямые налоги с населения края. Например, в Осетии суммарные налоговые платежи возросли с 270 тыс. руб. в 1913 г. до 535 тыс. руб. в 1916 г., т. е. почти в 2 раза [10]. В Да-

гестане поземельный налог для крестьян вырос в 1914 г. на 50 %, оброчная повинность на 11 %. В целом прямые и косвенные налоги выросли примерно в два раза. В Кубанском крае недоимки по платежам и налогам с невойскового населения возросли с 248 тыс. руб. в 1913 г. до 350 тыс. руб. к 1915 г., т. е. более чем на 40 % [11]. Резко увеличились недоимки в Ставропольской губернии: с 312,4 тыс. руб. в 1912 г. до 1,6 млн руб. в 1915 г., или более чем в пять раз [12]. Непосильное налоговое обложение подрывало экономику мелких крестьянских хозяйств.

Раскрученная спираль инфляции обуславливала рост цен, снижение жизненного уровня населения. По подсчетам В.П. Ермакова, в 1916 г. в сравнении с довоенным периодом хлеб подорожал в 2 раза, мясо – в 1,5, масло – в 6 раз. Прожиточный минимум на благодатной Кубани с 1914 по 1917 г. вырос в 5 раз, а покупательная способность рубля сократилась в 3 раза [13]. Товары первой необходимости: соль, сахар, спички, керосин – стали дефицитом.

Спад промышленного и сельскохозяйственного производства, инфляция, военные поражения 1915 г., поток раненых и беженцев, рост преступности активизировали социальные протестные настроения не только в центральных районах России, но и на окраинах. По всей территории Северного Кавказа периодически вспыхивали крестьянские и рабочие выступления, росло антиправительственное, антимонархическое движение в городах, среди рабочих и интеллигенции.

Весной и летом 1916 г. выступления крестьян и батраков на Кубани были самыми значительными на всем Северном Кавказе – 87 выступлений. Проявлением усиливающегося недовольства на почве роста цен, отсутствия продуктов питания стали начавшиеся на Кубани, а затем охватившие и другие районы Северного Кавказа продовольственные бунты, во время которых женщины-солдатки, работницы громили лавки и магазины тех владельцев, которые устанавливали самые высокие цены в округе. Первое выступление произошло в станице Павловской, затем – в Атаманской, Кущёвской, Незамаевской, Весёлой и др. [14].

В апреле – мае 1916 г. в рабочих центрах Северного Кавказа прошли митинги, сходки и волнения. В Порт-Петровске выступили ткачи фабрики «Каспийская мануфактура», трижды предъявлявшие требования администрации. В мае рабочие Грозненского нефтепромышленного района объявили забастовку, в которой приняло участие около 9 тыс. человек, что составило 83 % всех рабочих предприятия [15].

Одним из признаков политического кризиса на Северном Кавказе был рост национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны, что было связано с принятием в 1916 г. закона «О привлече-

нии реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи». Летом 1916 г. против реализации этого закона выступили крестьяне села Аксай Хасавюртовского округа, затем – более 3 тыс. человек Караногайского приставства. Открытые выступления против реквизиций происходили в Кабарде и Балкарии, Чечне и Ингушетии [16]. Известие о свержении монархии накалило политическую атмосферу общества, поиск своего места в разваливающемся государстве стал главной заботой горской элиты. Отдельные выступления рабочих и крестьян, горцев и горожан, сливаясь в общий поток недовольных властью, создавали взрывоопасную ситуацию в регионе, которая могла в любую минуту вылиться во всеобщее недовольство.

Оценивая рабочее, аграрное и национально-освободительное движение, борьбу партий и группировок перед Февральской революцией 1917 г., можно считать доказанным тезис, что общественно-политический кризис охватил всю страну; положение на Северном Кавказе отражало в целом типичную социально-политическую ситуацию всего русского общества [17]. Тем самым мы снимаем отстаиваемое некоторыми современными представителями науки положение об особой роли Северного Кавказа и горских народов в развале империи и победе советской власти.

Примечания

1. Домокуров В.В. Новые подходы в изучении февральской революции 1917 года в постсоветской историографии // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2. № 3 (19). Челябинск, 2003. С. 21–24; Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2006; Терещенко Ю.Я. История России. XX–XXI вв. М., 2004; Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001; Верт Н. История Советского государства 1900–1991. М., 2015; Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002.

2. Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. Грозный, 1968. С. 148.

3. Всеподданейший отчет начальника Терской области и Кавказского атамана Терского казачьего войска за 1914 г. Владикавказ, 1915. С. 19.

4. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С. 542.

5. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С. 367.

6. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 39.

7. Степанов А.С. Развитие сельского хозяйства на Северном Кавказе в начале XX в. Краснодар, 2011. С. 71.

8. История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 457.
9. История Кабарды и Балкарии... С. 370.
10. История Северо-Осетинской АССР... Т. 1. С. 459.
11. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 477.
12. История Ставропольского края. Ставрополь, 1986. С. 127.
13. Очерки истории Северного Кавказа: XX век. Пятигорск – Ставрополь, 2014. С. 80.
14. Очерки истории Кубани... С. 491.
15. История народов Северного Кавказа. С. 555.
16. Там же. С. 560.
17. Кулиев Ф.М. Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году (февраль – октябрь). Пятигорск, 2004. С. 39.

А.Ю. Кудряков

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПОПЫТКИ ПОКУШЕНИЯ НА ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ВО ВРЕМЯ ЕГО ВИЗИТА НА ТЕРРИТОРИЮ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

В этом году Россия отметит 100-летний юбилей органов государственной безопасности. В этой связи в обществе и научной среде наблюдается повышенный интерес к их становлению и истории, специфике работы. Конечно, много документов до сих пор засекречены или труднодоступны в силу особенностей данной темы. Тем не менее уже сейчас исследователям удается обнаружить источники и факты, открывающие ранее не известные эпизоды истории отечественных спецслужб. К таким эпизодам, не освещенным специальными исследованиями, относится предотвращение попытки покушения на жизнь императора Николая II во время его визита на территорию области Войска Донского.

В августе 1904 г. государь император Николай II прибыл на станцию Персиановская для посещения расположенных здесь казачьих военных лагерей. Царю предстояло напутствовать и благословить отправляющиеся на фронты Русско-японской войны кавалерийские полки 4-й Донской казачьей дивизии. В молебне и смотре казаков предполагалось широкое

участие патриотически настроенной части населения области Войска Донского, казаков окрестных станиц, жителей Ростова, Новочеркасска, кадетов. Народ должен был цветами встречать царский поезд. Предполагалось, что уже на перроне станции с подножки своего вагона монарх скажет приветственное слово. Казачьи территории Дона традиционно считались монархически настроенными. К тому же в рапортах местного жандармского управления отразился небывалый патриотический подъем, связанный с началом войны с Японией. Сведения о том, что царь должен посетить казаков в военных лагерях уже весной 1904 г., через прессу стали достоянием общества, и практически сразу Донское охранное отделение зафиксировало повышенную активность боевых революционных групп. У железнодорожных рабочих неоднократно пытались узнать график движения царского поезда, а группа анархистов-коммунистов закупала на угольных шахтах динамит, не скрывая в разговорах, что он понадобится для подрыва «самого главного мучителя всего трудового народа» [1]. Все оперативные данные говорили о том, что в такой ситуации приезд царя и встреча его с подданными просто невозможны. Ясны были даже вероятные сценарии покушения. Это должен был быть либо подрыв поезда, либо брошенные в Николая II бомбы во время его выступления на перроне.

Но визит был запланирован, высочайше одобрен и утвержден. Донским жандармам на помощь в обеспечении безопасности главы государства прибыли множество филёров с разных охранных отделений. Вместе с ними в Ростов и Новочеркасск были командированы жандармские офицеры, чины Дворцовой полиции и охранной агентуры (личной охраны царя). Движение поезда должен был обеспечивать специальный Железнодорожный полк и казаки лейб-гвардейцы. Поездов, прибывающих на станцию Персиановскую, в целях безопасности было два. Внешне они ничем не отличались – литерные, с одинаковым количеством вагонов. Один из поездов, в котором ехала свита, был маскировочным и шел, смотря по обстоятельствам, то с опережением основного, то сзади. В нем ехали многочисленные чиновники, командированные специально от министерств и ведомств для этой поездки, а также чины дополнительной охраны из лейб-гвардии, аптека и провизия на время следования. В первом же, царском, поезде, помимо монарха, находились личный его императорского величества конвой из старых проверенных казаков и прислуга с фрейлинами, адъютантами и секретарями. Также в царском составе ехали инспектор высочайших поездов, комендант, доктора и, конечно, сотрудники охранной агентуры с собаками. При каждой остановке поезда личная охрана обследовала перрон. Затем на платформе появлялись часовые конвоя, занимая место у вагонов царя и его приближенных.

Ранним утром 16 августа 1904 г. поезд с Николаем II прибыл на станцию Персиановская. Его встречали с музыкой. Толпа народа начала аплодировать и кричать «ура» при виде царя. Николай Александрович заулыбался. Он вышел из вагона в своей любимой казачьей форме: ему было важно, как встретят его простые жители Донской земли. И хотя в толпе «простых жителей» было немного, встречали хорошо и радостно. Дело в том, что представителями народа были многочисленные филёры, члены их семей, хозяева конспиративных квартир и другие лица, заслуживающие особого доверия Жандармского управления. В первых же рядах стояли мальчишки-кадеты Донских казачьих корпусов. Николай II подошел к ним, сказал, что они надежда Отечества и его будущее, и поблагодарил подданных за теплый прием. После этого император верхом на лучшем донском скакуне отправился на смотр в казачьи лагеря.

Залогом спокойного визита царя стала эффективная работа начальника Донского охранного отделения жандармского ротмистра Николая Николаевича Аплечева. Он, как никто другой, знал, чего стоил сотрудникам всего жандармского управления этот высочайший визит. Бессонные ночи и офицеров и филёров, проведенные в засадах и арестах террористов, непрерывные обыски и изъятия динамита, ликвидации подпольных лабораторий по производству самодельных взрывных устройств, наконец, сама организация встречи с народом. Подбором народных представителей Аплечев занимался лично, проверяя самостоятельно анкетные данные каждого из встречающих царя. Стоит отметить огромный труд и профессионализм начальника железнодорожных жандармов подполковника Иванова. Его подчиненные, так же как и сотрудники Аплечева, сбились с ног в эти месяцы, проверяя каждый метр железнодорожного полотна, выполняя самые разные оперативные задачи.

Меньше чем через полгода жандармского подполковника Иванова, честно служившего на благо Отечества, расстреляют в спину на пороге собственного дома в Ростове-на-Дону. А Николая Николаевича Аплечева, равно как и Императора Николая II, будет поливать грязью местная пресса. «Не первый раз оберсоло-клоун Николай Второй дает представления народу, показываясь ему под прикрытием толп солдат, жандармов, под благодетельной охраной штыков и ногаек. Это те условия, при которых комедия превращается в трагедию. Таковой именно является произошедшая в настоящей России комедия “явления народу”, разыгранная Николаем II на ст. Персиановка», – так писала в те дни революционная пресса, негодуя по поводу арестованных террористов и неудавшегося покушения на царя [2].

Тема предотвращения попыток покушений на руководителей Российского государства еще ждет своих исследователей. Безусловно, углубленный анализ архивных документов позволит найти новые неизвестные факты по этому вопросу. Именно такой неожиданностью и стало обнаружение в ходе работы с документами Донского охранного отделения источников, свидетельствующих о том, что в области Войска Донского готовилось и было предотвращено покушение на Императора Николая II.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 826. Оп. 1. Д. 76.
2. Работник. 1904. № 2.

О.А. Гром

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. КАК «ВЕСНА НАРОДОВ»: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Первая русская революция 1905–1907 гг. привела к невиданному ранее росту числа разнообразных общественно-политических движений, включая национальные. На окраинах империи Романовых огромное количество организаций, групп и отдельных активистов заговорили от лица этнических меньшинств, выдвигая требования социальной эмансипации, культурно-лингвистической и политической автономии. Помимо окраин, считавшихся в XIX в. склонными к «сепаратизму», революция «пробудила» и те инородческие сообщества, которые, как казалось, «слились с Россией» и более не способны на самостоятельное национальное творчество. Современник событий известный этнограф Л.Я. Штернберг, анализируя это явление, писал: «В один прекрасный день в народных школах учителя заговорили на родном языке учащихся. На родном языке массы заговорили ораторы на митингах. У народов, не знавших письменности, являются прокламации, гектографированные листки газет (мордва). Вотяки распевают марсельезу

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РНФ № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

на родном языке. Киргизы, захлебываясь, читают в переводе манифест 17-го октября и разучивают наизусть переложенную в стихах программу к[онституционных]-д[емократов]... У бурят возникает издательство учебников и переводных книг. В далекой якутской окраине возникает газета на русском и якутском языках» [1].

Общая синтетическая история национальных движений в Российской империи еще не написана, а роль национальных окраин в Первой русской революции до конца не осмыслена в историографии. На необходимость обобщающего исследования национальной политики в Российской империи указывал В.С. Дякин [2], однако его фундаментальный труд на эту тему так и не был завершен, черновые материалы и программный доклад «Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начала XX вв. (к постановке проблемы)» были опубликованы в 1998 г. *post mortem*. Наиболее полной обобщающей работой по национальному вопросу в Российской империи остается написанная более 25 лет назад книга А. Каппелера «Россия – многонациональная империя», в которой отдельная глава посвящена Революции 1905–1907 гг.

А. Каппелер отмечал, что окраины, где существовали развитые национальные движения (Польша, Прибалтика, Грузия), участвовали в революционных событиях активнее, чем центр. В то же время регионы вроде Поволжья с трудом включались в революционную борьбу [3]. В определенном смысле можно говорить о корреляции между интенсивностью процессов нациестроительства и революционной активностью. Каппелер указывал, что различные акторы (интеллигенция, рабочие, крестьяне, национальные активисты и пр.) действовали во время революции автономно [4]. Однако автономность в данном случае не следует преувеличивать. Так, национальные движения практически на всех окраинах были не столько массовым явлением, сколько продуктом деятельности узких групп активистов, преимущественно из среды интеллигенции. При этом наиболее остро на окраинах стоял не национальный, а крестьянский вопрос. Крестьяне в свою очередь были значительной частью населения и составляли большинство групп, от имени которых выступали националисты. Это заставляло последних подстраиваться под свою «аудиторию» и включать в свои программы требования аграрного характера и тем самым становиться участниками аграрного движения. От успеха такой мимикрии в конечном итоге зависел успех их проекта нациестроительства. В городах и наиболее развитых в индустриальном отношении районах националистам приходилось искать точки соприкосновения с рабочим движением и взаимодействовать с марксистскими кругами.

Национальные движения на окраинах в начале XX в. можно разделить на 3 типа. Первый включал «старые» нации, движения которых оформились еще в XIX в. в рамках специфических политических образований, таких как Финляндия и Царство Польское. На этих окраинах существовала развитая публичная сфера, а население, будучи в массе грамотным, было активно включено в культурные и политические процессы. В период революции основной формой организации движений поляков и финнов стали политические партии, созданные по национальному признаку, программы которых имели четкое оформление, а ключевым вопросом выступал вопрос о политической автономии, причем автономия рассматривалась большей частью акторов как первый шаг к независимости.

Национальные движения «второго эшелона» (украинское, литовское, латышское, эстонское, грузинское) также возникли в XIX в. Однако их развитие вплоть до начала XX в. тормозилось по различным причинам: общая социально-экономическая отсталость окраины, преимущественно крестьянский состав формирующейся нации, низкий уровень грамотности, репрессивная политика имперского центра и т. п. Эти факторы действовали в разной мере. Так, уровень грамотности среди латышей и эстонцев был одним из самых высоких по империи, а по экономическому развитию области их проживания лишь немногим уступали Царству Польскому. Для этих движений всё еще остро стояла проблема вовлечения масс в националистический дискурс. В период революции доминирующими формами репрезентации таких движений стали периодическая печать и культурные общества. Национальные партии также активно создавались здесь как накануне революции, так и в ее ходе, но всё же они не стали центрами притяжения масс. Фактор крестьянского состава населения определял политическую ориентацию националистов: активисты на этих окраинах чаще всего начинали как социалисты разных мастей, но со временем, переосмыслив революционную идеологию в этнических терминах, приходили к национализму. Для этих движений было характерно, особенно на спаде революции, преобладание культурной программы над политической, причем политическая составляющая редко выходила за рамки общероссийских трендов или сводилась к общим декларациям о «свободе», всеобщем избирательном праве, равенстве перед законом и т. д. Тема автономии также была широко обсуждаемой. Однако мыслилась она чаще всего как культурная, а политические формы, как и границы, были размытыми. Наиболее радикальный вариант предложили армянские националисты, для которых идеальным вариантом автономии представлялась индивидуальная, экстерриториальная культурная автономия [5].

«Последняя волна» окраинных национализмов была представлена движениями, возникшими непосредственно накануне или во время Революции 1905–1907 гг. К ней можно отнести движения белорусов и молдаван, многочисленных тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Сибири. Ведущую роль в этих движениях играла интеллигенция, чаще всего настроенная социалистически. Для таких национализмов была характерна вторичность форм организации и лозунгов и идеологическая эклектичность. По замечанию К. Максимова, все подобные движения в этот период сводились к декларациям о «самоопределении и автономии» [6]. Содержание этих лозунгов было крайне размытым. Например, молдавские националисты трактовали «автономию» как «самоуправление», т. е. по сути представляли ее как расширенный вариант земства с использованием местного языка [7]. Появление этих движений во многом косвенно стимулировалось и политикой властей, вынужденных реагировать на требования революционной общественности. Так, либерализация законодательства в отношении нерусской печати, манифест о веротерпимости, закон об обществах и союзах способствовали росту числа объединений на национальной почве. Показательно, что пик активности движений «третьего эшелона» пришелся не на 1905 г. (пик революционных событий), а на вторую половину 1906 – начало 1907 г., когда всё сильнее ощущалась реакция, но уже были созданы условия для легальной деятельности. Усилия национальных активистов здесь были направлены на формулирование проектов нациестроительства, борьбу за создание культурных атрибутов нации (литературный язык, национальное искусство, история и т. д.) и налаживание каналов коммуникации между интеллигентами-националистами и массами населения. Фактически эти движения находились на самой начальной стадии.

Наиболее успешными движениями стали финское и польское. Финны добились заметного расширения автономии и уступок, колоссальных не только по меркам Российской империи, но и по мировым. В 1906 г. Финляндия получила возможность избрать собственный сейм на основе всеобщего избирательного права. Причем право голоса впервые в Европе получили и женщины [8]. Однако значительная часть уступок в области финской автономии была сведена на нет послереволюционной политикой правительства [9].

Поляки, активно участвовавшие в революционном и рабочем движении в 1905–1907 гг., добились немного более скромных успехов. Правительство пошло на ряд уступок в языковом и школьном вопросе [10]. Поляки получили существенное представительство в Государственной

думе. «Польское коло» в первых двух созывах было наиболее представительной национальной фракцией.

Революция 1905–1907 гг. стала важной вехой в истории украинского национального движения. В условиях революции российские власти пошли на либерализацию законодательства в отношении украинского языка (Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г. фактически налагали запрет на украинское книгопечатанье). Несмотря на то, что уже к началу XX в. ограничительные меры не действовали, окончательно они были отменены только в 1905 г. под влиянием общественного мнения, университетской профессуры и Академии наук [11].

Снятие цензурных ограничений стимулировало появление и рост украинской прессы. Наиболее успешным изданием стала газета «Рада» (1906–1914), издаваемая крупным деятелем национального движения Е.Х. Чикаленко. Благодаря либерализации законодательства появляются или легализуются украинские партии, открываются различные национальные общества, среди которых важнейшую роль играли культурно-просветительные общества – просвиты.

Особенно быстро сеть просвит начала расти с изданием 4 марта 1906 г. временных правил об обществах и союзах. С 1906 по 1908 г. просвиты были зарегистрированы в 14 городах России [12]. Там, где местные власти препятствовали открытию просвит, их роль выполняли другие организации: украинские клубы, студенческие кружки («гуртки»), литературные, музыкальные и театральные общества. С наступлением послереволюционной реакции началась кампания против просвит, в которой участвовали власти губерний, русские националистические организации, а на рубеже 1910-х гг. включились и центральные власти [13].

Национальные движения в прибалтийских губерниях развивались в условиях жесткой конкуренции молодых национальных языков (литовского, латышского и эстонского) с традиционно господствующими немецким и польским. В последние десятилетия перед революцией в эту конкурентную борьбу включился и русский язык. Причем до конца XIX в. для заметной части националистов борьба против ассимиляции и формирования собственных «высоких культур» не была очевидной целью [14]. Только в период революции это стало мейнстримом.

События 1905–1907 гг. в Прибалтике, а в особенности аграрные беспорядки, приобрели национальный оттенок. Это было связано со специфической этносоциальной структурой местного общества. В Литве крестьянские волнения превращались в борьбу литовцев и поляков. Причем литовцам удалось добиться определенных успехов: правительство пошло на ряд уступок в сфере применения литовского языка и в об-

ласти местного самоуправления. Фактически литовский язык получил тот же статус, что и польский [15].

В Курляндии и Эстляндии столкновения происходили между латышскими и эстонскими крестьянами с одной стороны и немецкими помещиками – с другой. Русские, представленные в основном имперскими чиновниками, также были мишенью революционных народностей [16]. Этим обстоятельством воспользовалась националистически настроенная интеллигенция, добавившая к социально-экономическим требованиям введение образования на национальных языках.

Примечательно, что в прибалтийских губерниях литовские, латышские и эстонские националисты пытались координировать свои действия через организацию общих собраний съездов и конгрессов и выработку общей повестки. Объединяющим началом для них были лозунги культурной автономии для прибалтийских народов [17]. Подобного уровня кооперация между националистами не достигла ни в одном другом регионе Российской империи.

В грузинском национальном движении в годы революции на главные роли вышли марксисты, представители меньшевистского течения, что было уникальным явлением для окраинных национализмов России [18]. Параллельно с этим в 1905 г. лидерство пытается перехватить православная церковь, что вылилось в движение автокефалистов [19].

В годы революции заявил о себе и белорусский национализм, появление которого для имперских властей и русских националистов было неожиданным [20]. Еще накануне революции, в 1902 г., в Петербурге было основано «Общество белорусского народного просвещения», ставившее себе задачу «национального возрождения» белорусов. В его среде вскоре сформировалось радикальное крыло, которое к культурным лозунгам добавило политические. Позднее это крыло выделилось в «Белорусскую революционную громаду», а с 1903 г. – в «Белорусскую социалистическую партию» [21].

Самым значимым событием для белорусского национализма стало появление в 1906 г. газеты «Наша нива». Она имела успех среди образованных слоев белорусского общества и оказала влияние на вовлечение их в национальное движение [22]. Одной из своих задач газета ставила то, «чтобы все беларусы, которые не знают, кто они есть, осознали, что они беларусы и люди чтобы узнали о своем праве и помогли нам в нашей работе» [23].

На окраинах, где проживали народы, исповедовавшие ислам, процесс нациестроительства проходил в условиях соперничества панисламистских тенденций и националистических. Типичным в этом отно-

шении можно считать пример Азербайджана, где национализм только делал первые шаги в противостоянии с мусульманской идентичностью. Возникающие здесь политические организации в массе своей выступали не от имени нации, а от имени всего мусульманского населения Кавказа, а общественные и политические деятели только приступили к формулированию проекта нациестроительства [24]. Наиболее далеко процесс «национализации» зашел у волжских татар, которые на рубеже веков реализовывали собственный проект культурно-религиозной ассимиляции в Поволжье, на Урале и отчасти в Средней Азии [25]. Опасность татарской альтернативы русификации осознавали имперские власти, которые были вынуждены в годы революции допустить местные языки в мусульманских религиозных школах в противовес татарскому [26].

Рост окраинных движений вызвал реакцию в виде роста собственно русского национализма. В годы революции оформляется несколько крайне правых организаций, получивших общее название «черносотенцы». Крупнейшей из них был Союз русского народа. Уже после революции, в годы реакции, окончательно формируется и крыло умеренных русских националистов – многочисленные организации, так или иначе связанные с Всероссийским национальным союзом. Наиболее активно и черносотенцы, и позднее ВНС действовали на западных окраинах, т.е. на тех территориях, на которые претендовали украинские, белорусские, литовские и молдавские националисты. Заметную роль в русском националистическом движении на окраинах играли выходцы из местных этнических групп.

Русские националисты были склонны объяснять феномен подъема окраинных движений кознями внутренних и внешних врагов. По их мнению, лозунги национальных агитаторов не имели отклика в среде народов, стоявших на пути «слияния» с русскими. Нередкими были поиски «еврейского следа» в национальных движениях. Так, бессарабский публицист, один из лидеров Союза русского народа Павел Крушеван, описывая молдавское движение в годы революции, писал, что молдаване «наполовину обрусели или, во всяком случае, слились душой с Россией», а национальные активисты, за которыми стояли евреи, стремились «посеять вражду между русским и румынским (молдавским. – О.Г.) населением, между братьями, которые давно слились и живут мирной, дружной семьей» [27].

Наиболее остро русские националисты реагировали на национальное возрождение украинцев, считавшихся неотъемлемой частью большой русской нации. Среди всех инородческих «сепаратизмов» (этим термином русские националисты описывали любое иноэтничное движение, даже если оно не декларировало цели отделения от России) на-

иболее опасным был именно украинский, поскольку он «вносил раздор и предательство в самую среду русского народа, в эту цитадель великого русского государства» [28].

Революция 1905–1907 гг. затронула практически все более или менее крупные этнические группы Российской империи. Однако национальные движения существенно отличались друг от друга по степени организованности, массовости и влияния. Наиболее политизированными и консолидированными были движения в Польше и Финляндии. Они смогли добиться заметных уступок от правительства. Впрочем, заметная часть таких уступок оказалась временной. Импульс, заданный революцией, оказался достаточным для последующего развития национализмов «второго эшелона» и позволил им выжить в условиях послереволюционной реакции, просуществовав в более-менее организованном виде до 1917 г. Судьба национализмов, возникших непосредственно в годы Первой русской революции, была различной. Большинство движений после подавления революции исчезли, некоторые, как, например, молдавское, пережили ренессанс накануне и во время Первой мировой войны. Но в целом на наиболее отсталых окраинах эффект от деятельности движений 1905–1907 гг. был минимальным.

Примечания

1. Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 572.

2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 14–15.

3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 243–244.

4. Там же. С. 242.

5. Формы национального движения... С. 524.

6. Maksimov K.N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Budapest & New York, 2008. P. 184.

7. Basarabia. 1906. No. 12.

8. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 128.

9. Дякин В.С. Указ. соч. С. 50–51.

10. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 376–377.

11. Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. Київ, 2013. С. 327–416.

12. Щёголев С.Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев, 1912. С. 273.
13. Матишов Г.Г., Гром О.А. Украинское национальное движение и власть в позднеимперской России, 1905–1914 гг. // Былые годы. 2017. Т. 43. Вып. 1. С. 233.
14. Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М., 2016. С. 261–262.
15. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 347.
16. Плаканс А. Указ. соч. С. 278.
17. Там же. С. 282.
18. Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington and Indianapolis, 1994. P. 145.
19. Дякин В.С. Указ. соч. С. 44.
20. Окраины России. 1907. № 20. С. 305–308.
21. Формы национального движения... С. 391.
22. Там же. С. 393–394.
23. Nasza Niwa. 1906. No. 1.
24. Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. М., 2012. С. 261–262.
25. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 66.
26. Дякин В.С. Указ. соч. С. 41.
27. Друг. 1906. № 138.
28. Киевлянин. 1910. № 38.

Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев

ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 г.: ПОИСК ПАРАДИГМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Начало коренным изменениям практически во всех сферах жизнедеятельности горцев, которые произошли в XX в., положили российские революции 1917 г. Февральский кризис государственного строя России, образно говоря, разбудил национальные окраины империи и привел в движение силы, в той или иной мере оказавшиеся дееспособными в сложных условиях радикальной ломки сложившихся веками устоев. В то

же время Февраль 1917 г. положил начало бурным институциональным трансформациям государственного организма «снизу» [1].

На Северном Кавказе известие о падении царизма население встретило неоднозначно. Часть (в основном иногороднее население – городские пролетарские слои, а также интеллигенция) питала надежду, что произойдут долгожданные перемены, часть пессимистически, с тревогой ожидала худшего. Без особого восторга воспринимали происходящее горские массы, привычно считавшие царя-самодержца гарантом законности и порядка. Их обыденное сознание противилось «логике неведомого». Как отмечал А. Деникин, «Северный Кавказ бушевал» [2]. Хотя генерал и считал, что «падение центральной власти вызвало потрясение здесь (на Юге России. – Ш.Г., А.Б.) – более серьезное, чем где бы то ни было» [3], с нашей точки зрения, общая картина событий, происходивших в горских регионах Северного Кавказа в пору революционной смуты, особо не отличалась (во всяком случае, по сути) от «шестивия революции» в других российских регионах, особенно в национальных. Практически везде царил революционный хаос. Эта палитра общественных восприятий, оценок в условиях социального апокалипсиса – явление вполне закономерное. Вместе с тем следует отметить, что на Северном Кавказе, где в течение длительного времени национальные, конфессиональные, сословные и прочие проблемы образовали тугой узел, эти процессы имели свой колорит и свою специфику. Но мы не можем согласиться с тем, что эта (региональная) особенность «заключалась, пожалуй, в том, что здесь сразу же широкий размах получил бандитизм, базирующийся на овечьих историческими традициями набеговом промысле» [4].

Генерал А. Деникин, вождь Белого движения на Юге России, непосредственный свидетель событий того времени, не питавший в отношении горцев никаких чувств, кроме как враждебных, писал, что акты насилия и грабежей «пронесли по Северному Кавказу, по всему югу, по всему российскому театру Гражданской войны, творимые красными, белыми, зелеными, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все “цвета” военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага» [5].

Почти аналогичная оценка ситуации и ближайших перспектив ее развития была дана на собрании представителей горской элиты, которое состоялось 6 (19) марта 1917 г. во Владикавказе – административном центре Терской области. Исходя из того, что по всей стране наблюдался паралич власти, анархия и произвол, они приняли решение учредить Временный центральный комитет объединенных горцев Северного

Кавказа, основными задачами которого, по их мнению, являлись, во-первых, формирование местных органов самоуправления, во-вторых, подготовка и созыв регионального форума, призванного выработать парадигму действий. Руководство новым органом было возложено на Басият Шаханова, в то время достаточно известного в регионе адвоката. Чечню в ЦК представлял крупный нефтепромышленник-миллионер и известный меценат Абдул-Межид (Тапа) Орцуевич Чермоев [6].

Деятельность Центрального комитета, с нашей точки зрения, основательно изучена отечественными учеными в контексте исследования истории Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [7]. Мы лишь отметим, что новый орган в скором времени превратился в настоящий политический центр регионального масштаба. Его представители активно развернули разъяснительную работу среди местного населения, в том числе и о целях и задачах предстоящего съезда горских народов. Параллельно решались вопросы формирования местных органов самоуправления, причем не везде безболезненно [8]. Как отмечает историк из Чечни Т.М. Музаев, «к началу апреля 1917 года такие органы в национальных округах Терской области и Дагестана были в основном созданы; формирование системы национального самоуправления горцев Кубани и Черноморья и степных народов Ставрополя затянулось до лета» [9].

Вопросы конструирования региональной институциональной иерархии уполномоченные Временного ЦК объединенных горцев обсуждали с главой Временного центрального бюро российских мусульман Ахмедом Цаликовым, занимавшим также пост руководителя Комитета горцев Северного Кавказа (штаб-квартира в Петрограде). В Баку и Тифлисе состоялись встречи и с представителями национальных движений Азербайджана и Грузии. Делегация горских политических деятелей также участвовала в работе Первого съезда мусульман Кавказа, состоявшегося в Баку 15–20 апреля (28 апреля – 3 мая) [10].

В течение апреля были также избраны делегаты на первый горский съезд. Его работа началась 1 мая 1917 г. во Владикавказе. Более 300 делегатов представляли избирателей Адыгеи, Балкарии, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Карачая, Осетии и Чечни. В качестве почетных гостей на форуме присутствовали депутаты Государственной думы России Н.Н. Николаев и М.А. Караулов, одновременно являвшийся комиссаром Временного правительства в Терской области и атаманом Терского казачьего войска [11].

При открытии съезда с приветственной речью выступил Басият Шаханов. Кратко напомнив о заключительных эпизодах Кавказской войны,

он сказал: «Что за тем настало – вы слишком хорошо знаете». И тут же перечислил деяния «прикомандированных» царских администраторов: «Попраание, вопреки торжественным обещаниям, когда-то данным, не только политических, но и имущественных наших прав, объявление земель, орошенных потом и кровью наших предков, казенными (видимо, казенными. – Ш.Г., А.Б.), отдавание нас на растерзание отбросам русского общества, нахлынувшим жадной стаей на наивных и доверчивых горцев, из которых одних, к счастью ничтожное меньшинство, они развратили и обратили в своих приспешников и сотрудников, а других – озлобили и замкнули в глухом протесте всего, что имело на себе штемпель русского правительства. И вдруг чудо. В марте 1917 года русский пролетариат и русская революционная армия, в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, нас сковавшие» [12].

Мы привели эту часть речи для того, чтобы, во-первых, словами из официальных выступлений «экранизировать» настрой организаторов съезда, во-вторых, показать несостоятельность попыток отдельных авторов исказить их цели и задачи. Такой подход мы обнаружили в частности в монографии профессора Ю.Ю. Клычникова, изданной в 2015 г. в жанре исторических очерков [13]. Автор, упомянув об открытии горского съезда, в форме ремарки резюмировал, что на форуме «звучали призывы забыть былые распри, которые якобы являлись следствием политики свергнутого режима» [14]. При этом он добавляет: «Под это подводились соответствующие исторические обоснования, в которых звучали заявления, что на земли горцев «налетели алчные банды русских обществ и небольшого числа коллаборационистов» [15].

Не прибегая к прямой ссылке, в скобках он дает свое пояснение: «слова из приветствия к съезду председателя Временного ЦК объединенных горцев Басията Абаевича Шаханова». Итогом авторских рассуждений является вывод: «Враг, таким образом, приобретал вполне определенные этнические черты. Говоря о царской, но фактически подразумеваемая русскую власть, новоявленные горские лидеры соотносили с ней все проблемы, которые имелись в регионе» [16].

Естественно, возникает вопрос, почему профессор из Пятигорска, взявшийся за анализ и оценку событий хронологически длительного исторического периода (XVIII – начало XXI в.), проигнорировал широкий круг репрезентативных источников, в частности сборники архивных материалов, связанных с деятельностью Временного ЦК объединенных горцев, подготовкой и созывом Первого горского съезда. За последние десятилетия они опубликованы дагестанскими учеными и широко используются при реализации научных проектов [17].

В выступлениях делегатов горского форума, ни в одном официально принятом им документе нет каких-либо выпадов антирусского характера. Вся работа съезда была подчинена выработке продуманной политической платформы, на основе которой планировалось обеспечить участие горских народов в строительстве новой российской государственности.

Съезд в политической жизни региона, бесспорно, имел большое значение. Никогда в прежние времена вопросы их национально-государственного обустройства, о принципах взаимоотношений с российской метрополией не обсуждались на столь представительном общегорском уровне. При этом очевидно, что его организаторы ключевые тезисы формулировали и декларировали, не сомневаясь в том, что новая Россия будет строиться как демократическое федеративное государство. Эта мысль, кстати, достаточно недвусмысленно прозвучала в официальной речи того же Басията Шаханова. От имени всех делегатов он выразил надежду, что в «России несомненно будет установлена республика, т.е. народоправство с выборным парламентом и выборным и ответственным перед народом правительством во главе с выборным же президентом». Развивая данный тезис, оратор отметил: «Свободное государство, республика, даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии». Поэтому он выразил уверенность в том, что горцы будут строить новое российское государство – Всероссийский Союз национальных автономий или демократическую республику – «рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России» [18].

Та же самая ключевая мысль присутствует и в телеграммах, направленных участниками съезда членам Временного правительства М.В. Родзянко, Г.Е. Львову и Н.С. Чхеидзе. При этом особо подчеркивалось, что «свободные сыны Кавказа будут всеми силами отстаивать завоеванную свободу, в уверенности, что Учредительное собрание претворит эту свободу в жизнь путем водворения в России демократической республики на принципе федерации» [19].

Таким образом, делегаты первого горского съезда отнюдь не являлись сторонниками отделения от России, а, наоборот, всячески демонстрировали свою поддержку идей строительства демократического многонационального российского государства. Такая принципиальная позиция нашла отражение практически во всех основополагающих документах форума, кстати, опубликованных в тех же сборниках, указанных нами выше. Однако эти ценные источники не всеми исследо-

вателями в силу каких-то причин используются в качестве таковых. А. Ляховский, автор так называемого нового исторического расследования [20], говоря о решениях первого горского съезда, делает следующий безапелляционный вывод: «Основная идея деятельности съезда сводилась к отторжению Северного Кавказа от России и образованию независимой Горской Республики». А далее, развивая свои ошибочные измышления, автор отмечает: «В этом устремлении руководство горцев, несмотря на былые острые противоречия, временно объединилось с казачеством» [21]. Таким образом, авторская логика прозрачна. Он пытается обосновать свой тезис – несостоятельный – о том, что весной 1917 г. горцы и казаки совместно вынашивали планы развалить Россию. На самом деле, как свидетельствуют архивные документы, ситуация была принципиально иная. Во-первых, атаман терских казаков М.А. Караулов в своей приветственной речи на первом горском съезде выразил надежду, что казаки и горцы в Учредительном собрании России будут вместе. Во-вторых, он многозначительно заключил: «Проматривая программу вашего съезда, я видел, что она мне не чужда» [22].

Б.М. Кузнецов – русский офицер, непосредственный участник и свидетель событий Гражданской войны на Северном Кавказе – в своих воспоминаниях писал: «Обвинять созданное на бумаге Горское Правительство в туркофильских симпатиях и ненависти к России нелепо... Горское Правительство... искало третью силу, чтобы не дать большевизму залить Кавказ» [23].

Итоговым решением съезда стало официальное учреждение «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», принятие его политической платформы и программы, а также конституции [24]. В первых статьях этих основополагающих документов были изложены цели и задачи нового государственного образования, принципы его национально-территориального устройства. Как отмечалось в первом разделе «Политической платформы и Программы...», Союз горцев объединял «все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов». Особо подчеркивалось, что Союз «имеет целью, в видах обеспечения мирного сожительства всех народов Кавказа и России, сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов». Второй раздел гласил: «Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный рево-

люционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства» [25].

Таковы были основные положения проектных решений съезда, полная реализация которых оказалась невозможной в результате большевистского Октябрьского переворота. В новых условиях отцы-основатели «Союза объединенных горцев» оказались перед судьбоносным выбором. И он оказался противобольшевистским. Поэтому, когда стало очевидно, что шансы на демократические преобразования в стране явно превращаются в иллюзии, руководящим ядром горской элиты было принято решение пересмотреть ранее утвержденные программные документы, в том числе и ключевые статьи конституции «Союза объединенных горцев». Таким образом, сама реально складывающаяся ситуация, ее противоречивый и непредсказуемый характер послужили очевидным толчком для радикальной корректировки ранее взятого курса. Однако эти решения не являлись окончательными и исчерпывающими. В свое время эти вполне очевидные колебания комментировал А.И. Деникин, который с нескрываемым скептицизмом относился к горским политическим деятелям, откровенно являвшимся его политическими оппонентами. Он не без иронии называл «Союз объединенных горцев» «кочующим правительством Республики горских народов Кавказа». Однако даже при таком отношении белогвардейский генерал не отрицал, что их центробежные устремления сформировались «после падения российского Временного правительства» [26]. Следует также отметить, что и тогда горские лидеры не теряли надежды на то, что грядут благоприятные перемены, и потому явно не торопились встать на путь сецессии.

Как раз в эти исторические октябрьские дни (в ночь с 20 на 21) был создан Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. В преамбуле Союзного договора, по этому поводу подписанного учредителями, достаточно определенно констатировалась цель учреждения данного альянса – «способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в государстве Российском» [27]. Причем участвующие стороны «наилучшей формой государственного устройства России» очередной раз официально признавали демократическую федеративную республику, о чем они заявили в «Декларации Объединенного Правительства» [28]. А в начале декабря 1917 г. было сформировано Терско-Дагестанское правительство. По мнению А.И. Деникина, инициатором его создания являлся Михаил Караулов. В связи с этим генерал писал: «Видя невозможность

для себя остановить анархию в крае, Караулов пришел к мысли о создании “Временного Терско-Дагестанского правительства”, которое и было образовано в начале декабря совместно тремя организациями: Терским казачьим правительством, Союзом горцев Кавказа и союзом городов Терской и Дагестанской областей. Новое правительство приняло на себя “впредь до создания основных законов полноту общей и местной государственной власти”» [29].

По истечении почти целого века восстановить подлинную картину, правоту или вину сторон является задачей сложной. Бесспорно то, что смутное время спутало в один тугой узел и старые обиды, и новые раны. На повестке дня стоял вопрос «кто кого». Идеологи и агитаторы большевиков во все времена своего властвования тиражировали и отстаивали свою правду. Полярно противоположная сторона – свою. Однако это состязание непримиримых политических оппонентов, для которых чужд академизм и его этические нормы. Но почти подобное отношение и сегодня демонстрируют, как мы уже отмечали, отдельные отечественные исследователи, которые путем и методом выдергивания установленных фактов из сложного исторического контекста делают выводы, далеко не соответствующие критериям научности.

Взаимные претензии горцев и казачества, периодические провокации, кто бы ни был их организатором и в них заинтересован – большевики ли, казачьи верхи ли, горцы ли – неизбежно способствовали эскалации напряженности во всем многонациональном регионе. Не всегда выход из этой ситуации удавалось находить мирный, без кровопролития, без человеческих жертв. Таковы неизбежные последствия революционных потрясений. Известная и банальная истина.

Однако в это сложное время находились и такие силы, которые, мобилизуя свои возможности, пытались реализовать проекты, по их убежденному мнению способные обеспечить мирное совместное проживание российских народов, государственное единство которых формировалось не сиюминутно и не без сложностей. Попытку сохранить эту общность в условиях двух революций, столетие которых отмечается в текущем 2017 г., создать в составе демократической федеративной России горскую государственность как форму самоорганизации, предприняли и передовые представители народов Северного Кавказа. Но перевес противоборствующих сил оказался не в их пользу. Народные массы – простые горцы, обманутые привлекательными лозунгами большевиков, – не пошли за ними.

Примечания

1. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 9.

2. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2006. С. 181.

3. Там же.

4. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). Исторические очерки. М., 2015. С. 190.

5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. СПб., 2010. С. 646. Кстати, в Чечне, благодаря менталитету чеченского народа, его вековым традициям и обычаям, а также дальновидности его элиты (независимо от политических предпочтений), активности мусульманского духовенства, в смутные годы (1917–1920 гг.) удалось не допустить общенационального политического раскола и развязывания внутринационального вооруженного противостояния (гражданской войны в национальном масштабе). Этот феномен вполне заслуживает серьезного исследования.

6. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд., испр. и доп. Нальчик, 2012. С. 15–18.

7. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. Владикавказ, 2003; Музаев Т.М. Указ. соч.

8. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 18–39.

9. Там же. С. 40.

10. Там же. С. 43–48.

11. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. 2-е изд., испр. и доп. Махачкала, 2013. С. 16.

12. Там же.

13. Клычников Ю.Ю. Указ. соч.

14. Там же. С. 190.

15. Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны / сост. и вступ. статья А.Х. Кармова. Нальчик, 2006. С. 43.

16. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 190–191.

17. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана...

18. Там же. С. 17.

19. Там же. С. 19.
20. Ляховский А.А. Зачарованные свободой: тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М., 2006.
21. Там же. С. 119.
22. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана... С. 19.
23. Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959. С. 49
24. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана... С. 28–31.
25. Там же. С. 28
26. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 3. Т. 4, Т. 5. Вооруженные силы Юга России. М., 2006. С. 175
27. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана... С. 43.
28. Там же. С. 56.
29. См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918. СПб., 2010. С. 672.

М.Дж. Гасымлы

БОРЬБА ЗА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КОНЦА 1917 г.

Общественно-политическая ситуация на Южном Кавказе после Февральской революции

После революции на Южном Кавказе сложилась запутанная ситуация. Династия Романовых пала. Образовалось Временное правительство. На Южном Кавказе, особенно в Азербайджане, активизировались большевики. Так, после выборов, прошедших 6 марта 1917 г., ночью 7 марта окончательно был сформирован состав большевистского Совета [1]. Но большевики составили в нем меньшинство.

Одно из первых мероприятий Временного правительства было связано с учреждением структуры управления на Южном Кавказе. 9 марта для управления Южным Кавказом был создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ). Председателем был кадет В.А. Харламов. В его состав входили грузинский меньшевик А.И. Чхенкели и социалист-федералист

К. Абашидзе, азербайджанский кадет Мамедюсиф Джафаров и армянский кадет М.М. Пападжанов. Представители, прибывшие в Тифлис в марте, до конца ноября управляли Южным Кавказом независимо от кабинетов – сначала кадета Г.Е. Львова, а затем эсера А.Ф. Керенского.

Народы Южного Кавказа признали ОЗАКОМ в качестве законного органа Временного правительства. Но они не питали к нему доверия. Этому были свои причины. Как отмечается в официальных документах ОЗАКОМа, этот комитет не смог предотвратить резню дашнакскими вооружёнными отрядами азербайджанского гражданского населения, разрушение и сожжение их населенных пунктов [2].

В такой обстановке азербайджанские национальные организации и общества 27 марта создали Временный исполнительный комитет Азербайджанского национального совета [3].

Итак, если в центральных районах России после революции существовало две власти – Временное правительство и Советы, то на Южном Кавказе имелось три власти – орган Временного правительства ОЗАКОМ, большевистские Советы и созданные местными национальными силами национальные Советы.

Приход большевиков к власти в результате переворота оказал серьёзное влияние на обстановку и на Южном Кавказе. Лозунг большевиков о самоопределении наций пробудил поправные национальные чувства народов Кавказа. Именно по этой причине первыми популярными партиями у народов Южного Кавказа стали национальные партии.

Провозглашение большевистской властью выхода России из войны было угрозой для ее бывших союзников – Англии, Франции и США, а объявление «начала мировой коммунистической революции» – как для них, так и для Германии, Австро-Венгрии и Османской Турции. Привлекательные большевистские лозунги оказали влияние и на освободительное движение народов Востока, изнывавших от колониального гнета. Это угрожало интересам Англии. Поэтому министр вооружений Англии Уинстон Черчилль говорил: «Большевизм надо задушить в колыбели» [4].

В это время реорганизация управления Южным Кавказом стала заботой большевистской власти. На выборах во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 г. весь Южный Кавказ составлял один округ, от которого избирались 33 депутата. Больше всех голосов получили грузинские меньшевики. За них проголосовало 662 тысячи человек. Азербайджанские демократы, или Мусават, получили 616 тысяч голосов. Дашнаки смогли набрать 560 тысяч голосов. За социал-революционеров проголосовало 117 тысяч, за мусульманский социалистический блок –

160 тысяч, за мусульманских социал-демократов – 85 тысяч, за большевиков – 93 тысячи человек [5].

Эта статистика указывала на то, что революция не столько усилила на Южном Кавказе социальные проблемы, а прежде всего, пробудила национальное самосознание. Это, в свою очередь, позволяло предположить, какие процессы будут происходить в регионе в ближайшем будущем.

Одним из основных факторов, препятствовавших нормальному развитию народов Южного Кавказа, были необоснованные территориальные претензии. Самым многочисленным народом Южного Кавказа были азербайджанцы. Лишь грузины жили более или менее компактно. Азербайджанцы жили вперемешку с малочисленными армянами, которые были размещены на территориях азербайджанцев в XIX в. и в годы Первой мировой войны.

В такой ситуации было невозможно осуществлять принцип самоопределения наций. Территориальные споры разжигали национальные чувства кавказских народов, осложняли их внутреннюю социальную жизнь. Разрушение азербайджанских населённых пунктов и массовые убийства людей дашнакскими вооружёнными отрядами, отступавшими с развалившегося Кавказского фронта, особенно обострили ситуацию. Неспособность ОЗАКОМа предотвратить эти кровавые события ухудшала обстановку [6]. Такая ситуация облегчала возможность вмешательства иностранных государств в дела региона.

Одна из главных причин активизации политики больших государств на Южном Кавказе была связана с экономическим фактором. Экономический фактор играл ведущую роль в ведении военных действий. Поэтому после заявления России о выходе из войны каждое из воюющих государств начало составлять планы захвата Азербайджана, энергетического источника, дававшего 83 % российской нефти. Нефть стала основным условием победы в войне. В связи с этим английская газета *The Engineer* в номере от 9 ноября в статье «Нефтяные ресурсы Великобритании» отмечала: «Почти ужасающим является факт, что Великобритания в настоящее время добывает не более 2,4 % всего мирового производства, каковому количеству можно добавить 0,4 % от перегонки сланца. Из этих 2,8 % приблизительно половина получается из Индии» [7].

В годы войны рост производства самолетов также увеличивал потребность в нефти. В 1918 г. по сравнению с 1914 г. количество всех самолётов в мире выросло в 30 раз [8]. В годы войны в Великобритании было произведено 55 тысяч, во Франции 68 тысяч, в Италии 20 тысяч, в Германии 48 тысяч, а в США 15 тысяч самолетов.

На поле битвы в перевозке военных частей особую роль играли автомобили. К концу войны в Германии имелось 50 тысяч, во Франции 100 тысяч, в Англии более 120 тысяч автомобилей. Однако топлива не хватало.

И для флота также требовалось топливо. В 1912–1918 гг. добыча нефти возросла более чем в 10 раз и достигла 1800 баррелей в день. В конце 1916 г. Англо-персидская нефтяная компания удовлетворяла лишь $\frac{1}{5}$ потребностей британского флота. С 1916 г. возник дефицит топлива. Захват источников нефти стал основной целью политики воюющих держав. В этой связи английский журнал *Near East* в 1918 г. писал о значении Баку: «В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку – величайший нефтяной центр мира. Если нефть королева, то Баку ее трон» [9].

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж впоследствии в своем произведении «Правда о мирных договорах» так объяснял суть кавказской политики своей страны: «Керзон (член Военного кабинета. – М.Г.) чувствовал особую страсть к Кавказу. За несколько лет до того он сам побывал на Кавказе и проникся нежностью к храбрым горцам» [10].

В основе нежности Керзона к храбрым горцам Кавказа лежали не сентиментальные эмоции, а реальная концепция. Дело было в кавказской нефти и других природных богатствах Кавказа [11].

Английский генерал Л. Денстервиль позже так разъяснял цели нефтяной политики Англии: «Захват нами Баку привел бы к следующим последствиям: закрытие доступа врагу к запасам нефти и закрытие дверей в Центральную Азию. Захват нами нефтяных запасов неминуемо остановил бы движение по Закавказским железным дорогам, так как эти дороги обычно зависели от бакинских нефтяных источников <...> Значение Баку было огромным, и любой риск попытки овладеть им оправдывался безусловно» [12].

Другая причина, влиявшая на активизацию политики великих государств на Южном Кавказе, был военно-стратегический фактор. По убеждению английской дипломатии, овладение Баку дало бы возможность господствовать над Индией, Персией и Афганистаном. Территория Южного Кавказа составляла 190 тыс. кв. км. Азербайджан на Южном Кавказе играл роль важного моста между двумя частями света – Европой и Азией. С точки зрения торговли он был кратчайшим путем между средиземноморским бассейном и Центральной Азией, самым легким и удобным путем, ведущим в Персию, Туркестан, Хиву и Бухару. В регионе имелись такие порты, как Баку, Батум, Сухуми и Поты. Торговые пути Баку – Новороссийск, Баку – Батум, Баку – Тебриз – Бурса – Стамбул имели не только экономическое, но и военно-стратегическое значение.

С другой стороны, территория Южного Кавказа обладала оборонительным характером. Поэтому установление контроля над Баку и Каспийским морем было основной целью политики Великобритании в регионе. В связи с этим Л. Денстервиль впоследствии писал: «Господство на Каспийском море всё еще оставалось нашей конечной целью... контроль над морем может принадлежать только тому, кто владеет Баку, а потому нам необходимо будет оккупировать этот город» [13].

Газета Times, издаваемая в Лондоне, рассказывая о политике Англии на Южном Кавказе в номере от 29 сентября 1918 г., писала: «Цель была завладеть бакинской нефтью, захватить Закавказье и Среднюю Азию, отделить южные территории от России» [14].

Таким образом, основными факторами, повлиявшими на формирование региональной политики великих государств, были сложная обстановка, возникшая на Южном Кавказе после революции, усиление потребности в топливе и реализация своих военно-стратегических интересов.

Большевицкая Россия не намерена была мириться с потерей контроля над Южным Кавказом. Россия, столкнувшись с угрозой потери подвластного ей около 100 лет Южного Кавказа, стала уделять этому региону, особенно Азербайджану, пристальное внимание. Большевицкое правительство предприняло ряд определенных шагов для предотвращения реализации этих интересов. Такие действия были обусловлены несколькими факторами. Во-первых, Азербайджан, являвшийся ключевым пунктом Южного Кавказа, был для России местом стыка Ближнего и Среднего Востока с Центральной Азией. Потеря этой территории привела бы к прерыванию существовавших между Россией и Ближним Востоком экономических и политических связей. Во-вторых, утрата этой территории означала потерю значимого с хозяйственной и военно-стратегической точки зрения региона и сужение пояса безопасности до Северного Кавказа. В-третьих, Азербайджан был важной энергетической базой. Потеря этой базы поставила бы Россию в тяжелое положение.

Наконец, отделение Южного Кавказа подорвало бы позиции России на Каспийском море, могло облегчить наступление вражеских стран в направлении Астрахани и Центральной Азии. Поэтому, несмотря на нехватку достаточных сил, большевицкая власть не желала никому отдавать этот регион.

В связи с этим были предприняты меры по организации здесь правительства. 2 ноября 1917 г. были проведены выборы в Бакинский совет. На выборах более 40 % голосов получила партия Мусават. Большинство в Совете оказалось в руках Мусавата [15]. Однако после избрания

нового состава Бакинского совета, председателем которого стал Степан Шаумян, Мусават в знак протеста вышел из состава. Проводимая Баксоветом политика, по сути, была антиазербайджанской.

Формирование политики стран Антанты по отношению к Южному Кавказу

Приход большевиков к власти в Баку угрожал ОЗАКОМу и интересам стран Антанты. С другой стороны, положительный ответ официального Берлина от 14 ноября на предложение большевистской России от 8 ноября о начале переговоров привело в действие страны Антанты. Вероятность сепаратных переговоров с Германией ещё более осложнила обстановку.

Первую реакцию на возможную угрозу проявили США. Американский консул в Тифлисе Ф. Смит 9 ноября писал: «Большевики хотят захватить власть в Закавказье... Однако националисты против них. Я сомневаюсь, что без финансовой помощи можно сохранить ситуацию. Такая помощь явно на пользу союзникам» [16].

Консул также предложил помощь для националистов Южного Кавказа – 10 миллионов долларов [17]. Смит в телеграмме, посланной 10 ноября государственному секретарю Роберту Лансингу, сообщал, что в субботу, 11 ноября, он будет участвовать на заседании по поводу формирования правительства Южного Кавказа. Оно отвергнет сепаратный мир (имеется в виду заключение мира между германским блоком и большевистской Россией. – М.Г.). Им следует оказать финансовую помощь [18].

Для осуществления предусмотренных мероприятий были предприняты конкретные шаги. 15 ноября на основании предложений английского генерала Шора, французского полковника Шардиньи и консула США Смита азербайджанские, грузинские и армянские представители создали в Тифлисе Закавказский комиссариат под председательством грузинского меньшевика Е. Гегечкори. С созданием Закавказского комиссариата был положен конец существованию ОЗАКОМа. В его состав вошли азербайджанские, грузинские, армянские и русские представители всех местных партий. Этот комитет, который должен был функционировать до созыва Всероссийского учредительного собрания, управлял Южным Кавказом независимо от большевистской России.

Консул Смит писал, что созданный Закавказский комиссариат, присоединившись к Южной Федерации, отвергнет любой сепаратный мир. Этим он намекал на создание союза Закавказского комиссариата, Украины и Северного Кавказа.

18 ноября Смит отправил новую телеграмму своему правительству по вопросу о помощи. Рассуждая о необходимости объединения всех

антибольшевистских политических сил на юге России, он подчеркивал: «Сохранение всех нефтяных ресурсов России... умножило бы трудности для германских войск на Восточном фронте и предотвратило бы их наступление» [19].

Ознакомившись с телеграммой Смита, государственный секретарь Лансинг поручил полковнику Эдварду Хаузу (советник президента Вудро Вильсона. – М.Г.), находившемуся в Париже, выяснить позиции Англии и Франции по вопросу о помощи и возможности признания правительства Южного Кавказа [20]. Выполняя поручения, Хауз подробно обсудил этот вопрос с премьер-министром Великобритании Ллойдом Джорджем, премьер-министром Франции Жоржем Бенжаменом Клемансо и представителем Италии Санино. После этого Хауз в телеграмме, отправленной 2 декабря в Вашингтон, писал: «Понятна склонность Англии, Франции и Италии к оказанию помощи кавказскому движению» [21].

Он особо подчеркнул, что если такая помощь не будет оказана, то кавказское движение может потерпеть крах. Сразу после этого было принято решение о посылке находившихся в Румынии английской и французской миссий в Тифлис.

Обострение борьбы за Южный Кавказ после выхода России из войны

В это время шли переговоры между Россией с одной стороны, Германией, Болгарией, Австро-Венгрией и Османской Турцией в Брест-Литовске – с другой. В результате переговоров было подписано соглашение о перемирии в декабре 1917 г. Этим Россия официально утвердила свой выход из войны.

Выполнение положений этого соглашения могло иметь тяжелые последствия для стран Антанты, потому что выход России из войны означал высвобождение зоны боевых действий от Хамадана до Балтийского моря длиной в 3 тысячи километров. Это грозило созданием условий для продвижения германских войск на Украину и Крым, утверждением их плацдарма в Грузии, а также продвижением османских войск в направлении Южного Кавказа.

15 декабря в Эрзинджане было подписано перемирие между Османским правительством и Закавказским комиссариатом. Военные действия были приостановлены. Выход большевистской России из войны создал благоприятные условия для наступления на Кавказ как для стран Антанты, так и для Османской Турции и Германии.

В самом выгодном положении находилась Османская Турция. В это же время на Южном Кавказе проживало примерно 7 млн 687 тыс. 770 че-

ловек. Из них 3 млн 306 тыс. чел. составляли турки и мусульмане. У них было чувство уважения к центру тюркского и мусульманского мира – Османской Турции [22].

Уходом русской армии с Кавказского фронта на основе подписанных документов была полностью прервана связь Южного Кавказа с Петроградом. Сложилась новая ситуация. Страны Антанты перешли к действиям.

Начало действий странами Антанты

По инициативе американского правительства 3 декабря была проведена специальная конференция стран Антанты. Согласно решению, Англия должна была занять Центральную Азию и Кавказ.

11 декабря Смит вновь сделал настоятельное предложение Лансингу о необходимости оказания помощи антибольшевистским силам оружием, деньгами и людскими ресурсами. По его мнению, объединенные силы могли бы контролировать все продовольственные ресурсы и установить правопорядок на юге России.

С точки зрения американской дипломатии выход России из войны усилили бы государства германского блока. Поэтому президент Вудро Вильсон, одоблив предложения Лансинга, дал следующее распоряжение: «Для того чтобы российские ресурсы не перешли к центральным государствам и чтобы восстановить порядок в России, следует поддерживать всякую помощь антибольшевистскому движению» [23].

12 декабря Лансинг, направив телеграмму американскому послу в Лондоне, поручил оказать помощь националистам Южного Кавказа.

Смит 13 декабря в Тифлисе встретился с премьер-министром Закавказского комиссариата. Сразу после встречи, направив телеграмму государственному секретарю, он попросил выделить сумму в 60 миллионов рублей и заявил, что если эта помощь не будет оказана, то большевики захватят Южный Кавказ [24].

Великобритания тоже выразила свою позицию. Премьер-министр Л. Джордж в заявлениях от 14 и 20 декабря осудил сепаратные переговоры и подписанное большевистской Россией соглашение. Он подчеркнул: «Раз Россия начала сепаратные переговоры, то она сама несет ответственность за судьбу своей территории» [25]. Министр иностранных дел Франции Стефан Жан Мари Пишон также выступил с похожим заявлением.

22 декабря заместитель министра иностранных дел Великобритании лорд Р. Сесиль и военный министр А. Мильнер прибыли в Париж. Они приняли участие в заседании Верховного Совета Антанты, на котором был принят меморандум. В документе отмечалось: «Мы чувствуем важность сохранения связей с Кавказом... столько, сколько это будет

необходимо» [26]. Далее в меморандуме подчеркивалось: «Первое обязательство... состоит в выделении средств на реорганизацию кавказских сил» [27].

Исполнение решений также не заставило себя долго ждать. В связи с этим американский исследователь Р. Пайпс пишет: «На заседании государств Антанты США выделило Закавказскому правительству долг в размере 60 миллионов рублей» [28].

23 декабря военный министр Великобритании лорд А. Мильнер, премьер-министр и военный министр Франции Ж. Клемансо подписали специальное соглашение о выполнении предусмотренной программы [29]. Согласно этому соглашению, европейская часть России разделялась на сферы влияния Англии и Франции. В первой статье соглашения отмечалось, что Англия должна усилить активность на юго-востоке против османских войск. По третьей статье соглашения в английскую сферу влияния включались Центральная Азия, Кавказ, Азербайджан и Грузия, а во французскую сферу влияния – Бессарабия, Украина и Крым.

Государственный департамент США дал поручения послу в России Френсису, генеральному консулу в Москве Соммерсу и консулу в Тифлисе Смиту. Поставленная перед ними важнейшая задача заключалась в усилиях по объединению Кавказа, Украины и Дона в единую федерацию и избавлению южных территорий от влияния большевистской России. Именно это соглашение стало основой для иностранной военной интервенции. Главной целью военной интервенции было свержение большевиков, расчленение России и завладение ее природными ресурсами.

Таким образом, основу политики стран Антанты в отношении Южного Кавказа, и в частности, Азербайджана, составляло установление господства на Каспийском море, захват Баку, создание там военно-политической, экономической и морской базы, осуществление контроля над бакинской нефтью, овладение путями, ведущими в Центральную Азию и Индийский океан, и др.

Примечания

1. От Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов // Баку. 09.03.1917. № 55.

2. Уполномоченный Особого Закавказского комитета по Эриванской губернии. 07.08.1917. № 121 // Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 2080. Оп. 1. Д. 856. Л. 81–82.

3. Постановление съезда мусульман Кавказа. 21.04.1917. №87. // Государственный архив Азербайджанской Республики (далее – ГААР). Ф. 970. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

4. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 172.

5. Из доклада зав. информационного отдела Азербайджанского комиссариата отдела внешних сношений А. Щепотьева о взаимоотношениях закавказских республик с Россией и Турцией, о роли стран Антанты и Германии в истории отношений республик Закавказья с Россией и Турцией. 04.11.1920 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 670. Оп. 1. Д. 51. Л. 3–9.

6. Копия рапорта комиссара 4-го участка Новобаязетского уезда А. Чайхорского на имя Новобаязетского уездного комиссара. 31.10.1917. № 2777 // ЦИАГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 621. Л. 137; Копия телеграммы из Эривани от губернского уполномоченного. Тифлис, отделу органов власти. 25.11.1917 // ЦИАГ. Ф. 2080. Оп. 1. Д. 856. Л. 261; Эриванский губернский комиссар. Ведомость о количестве происшествий в пределах Эриванской губернии за ноябрь месяц 1917 года // ЦИАГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 621. Л. 193; Телеграмма уполномоченного Карашарова на имя Чхенкели. 29.12.1917 // ЦИАГ. Ф. 1818. Оп. 1. Д. 40. Л. 5; Количество городов, селений, отдельных хозяйств и дымов Азербайджанской Республики, уничтоженных и пострадавших в 1917 году (по данным Министерства внутренних дел) // ГААР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–5.

7. Нефтяные ресурсы Великобритании // Нефтяное дело. Баку. 1918. № 5–6. С. 43–44.

8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с 5-го нем. изд.; под. ред. А. Свечина. Т. 1. М., 1924. С. 333.

9. Сейерс К., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 115.

10. Цит. по: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 63.

11. Там же. С. 63–64.

12. Денстервиль Л. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 (воспоминания) / пер. с англ. Б. Руденко. Тифлис, 1925. С. 122–123.

13. Там же. С. 126.

14. Times. 29.09.1918.

15. В совете рабочих и военных депутатов // Каспий. 25.10(07.11)1917. № 239.

16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. The Lansing Papers. Vol. II. Washington, 1932. P. 344.

17. Ibid. P. 580–581.

18. Ibid. P. 592.

19. Ibid.

20. Ibid. P. 581–583.

21. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States... P. 583–584.
22. Azərbaycan tarixi sənədlər və nəşrlər üzrə. Akad Z.M. Bünyadovun redaktəsi ilə. Bakı, 1990; Qasımlı M. Birinci dünya müharibəsi illərində böyük dövlətlərin Azərbaycan siyasəti (1914–1918). 3 hissədə. II hissə. (1917-ci il noyabr-1918-ci il noyabr). Bakı, 2001. S. 153, 179.
23. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States... P. 589–590.
24. Ibid.
25. Russia and Germany at Brest-Litovsk. A Documentary History of the Peace Negotiations. By J. Magnes. New York, 1919. P. 29.
26. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. I. Washington, 1931. P. 330–331.
27. Ibid. P. 331.
28. Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge (Mass.), 1964. P. 154.
29. Штейн Б.Е. «Русский вопрос»... С. 28–29.

В.П. Трут

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ЛЕТА 1917 г.

К лету 1917 г. существенно обострились проблемы и противоречия внутривнутриполитического развития страны, нарастал серьезный кризис. Протекавшие сложные и масштабные политические, социальные, экономические, этнические процессы всё в большей мере приобретали неконтролируемый характер и, естественно, серьезно осложняли и без того нелегкое и во многом противоречивое положение дел как в отдельных регионах, так и в стране в целом.

Одним из непосредственных проявлений этого стало вызревание и начало июньского политического кризиса. Он, как известно, был прерван начавшимся наступлением русской армии на Юго-Западном фронте. Но его причины, конечно же, не были устранены. Попытки же правительства ликвидировать наиболее зримые источники политического напряжения путем частных разовых мероприятий не могли серьезно повлиять даже на ближайшую перспективу, не говоря уже о среднесрочной или долгосрочной. В июне, в период известного инцидента, когда

в ночь на 19 июня сводный отряд юнкеров и казаков, который лично возглавил министр юстиции П.Н. Переверзев, после ожесточенной перестрелки штурмом взял дачу бывшего царского министра внутренних дел Дурново в пригороде Петрограда, казаки находившихся в Петрограде 1-го и 4-го Донских полков поддержали действия правительства и были готовы к исполнению других его приказов.

Аналогичные позиции они заняли и в период острого июльского политического кризиса. Открытое антиправительственное выступление солдат 1-го запасного пулеметного полка и поддержавших их других армейских подразделений и части рабочих, начавшиеся в городе массовые демонстрации и даже вооруженные столкновения, а также попытка большевиков использовать складывавшееся положение в своих политических целях серьезно осложнили и без того кризисную ситуацию. В эти дни казаки находившихся здесь двух донских полков оказались в самом центре событий. 3 июля их командование получило правительственное распоряжение иметь наготове дежурные части для выступления по первому требованию [1]. Как наиболее надежные и боеспособные, эти полки на следующий день одними из самых первых были направлены на борьбу с повстанцами. Уже к вечеру этого же дня по приказу командования Петроградского военного округа две сотни 1-го и 4-го Донского казачьего полка были посланы на Дворцовую площадь, а еще одна сотня блокировала Михайловский манеж и не допустила возможного использования находившихся там сил, в том числе и броневого дивизиона, для поддержки участников выступления. В критический момент противоборства вечером 4 июля донские казачьи полки в срочном порядке были переброшены к зданию Таврического дворца, где размещался ВЦИК Советов, для отражения его возможного штурма. При продвижении казаков к нему в ряде мест – на углу Невского и Садовой, на Марсовом поле, у Литейного моста – между ними и повстанцами происходили ожесточенные перестрелки [2]. Казаки участвовали в вооруженных столкновениях и в других частях города.

Очень важную, чуть ли не решающую роль казачьих полков в ликвидации антиправительственного вооруженного выступления в столице позже отмечали и командование, и многие политики, и иностранные дипломаты. Известный белоэмигрантский исследователь С.В. Денисов писал, что «...фактическое усмирение мятежа, начавшегося 3 июля, совершалось 1-м и 4-м Донскими полками, 6-й Гвардейской казачьей батареей, отрядами юнкеров и Георгиевской дружиной, причем боевые действия выпали на долю донских казаков, а прочие указанные части и отряды ликвидировали скандалы, возникавшие в различных районах города» [3].

А английский посол в России Д. Бьюкенен написал в своем дневнике следующее: «Положение правительства в этот день (т.е. 4 июля. – В.Т.) было критическим, и если бы казаки и несколько верных полков не подоспели вовремя, чтобы его спасти, ему пришлось бы капитулировать» [4].

Не случайно поэтому среди вызванных правительством с фронта в Петроград верных частей были и казачьи подразделения. Так, по его приказу, поддержанному ЦИКом Советов, уже 6 июля в столицу из 5-й армии в срочном порядке прибыл 14-й Донской казачий полк [5]. Причем по прибытии полк в пешем строю повзводно с развернутым знаменем промаршировал по улицам города. Как заметил чешский исследователь С. Ауский, во время этого марша «впереди шел взвод пулеметчиков, вооруженный тридцатью шестью “максимами” и “люисами”, что красноречиво свидетельствовало об отношении казаков к только что подавленному большевистскому путчу» [6].

15 июля состоялись похороны погибших во время июльских событий семерых донских казаков. Их хоронили с большими почестями, как павших за свободу и демократию. Похороны, в которых приняли участие члены Временного правительства, Государственной думы, ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов, исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, эсеровской и меньшевистской партий, многих общественных организаций, сопровождала большая манифестация [7]. Армейское казачество выполнило приказы правительства, поддержало его в период кризиса. В то же самое время июльские события и участие в них фронтового казачества явились еще одним, и весьма существенным, обстоятельством, способствовавшим росту в его среде недоверия правительству.

Недовольство казаков-фронтовиков вызвало и постоянно учащавшееся их использование правительством и командованием в качестве жандармско-полицейской силы по борьбе с различными беспорядками, растущими открытыми выступлениями крестьян и солдат, с дезертирством, приобретающим массовый характер. Так, если в мае для поимки дезертиров в ближайшем тылу армии было направлено 24 казачьих полка, то к июлю их количество возросло уже до 39 [8]. А с учетом привлекавшихся отдельных и особых казачьих сотен общее количество казачьих частей и подразделений, использовавшихся с этими целями, достигало до ста [9]. Причем к этому времени данные более чем непопулярные приказы исполняли фактически только казачьи части, т. к. другие армейские подразделения, включая и регулярные кавалерийские, по свидетельствам современников, уже «разложились» [10]. Не имея в своем

распоряжении надежных частей, в которых бы полностью сохранялась дисциплина и исполнительность, командование вынуждено было даже возлагать на казацьи подразделения охранные, патрульные функции, помимку дезертиров в прифронтовой полосе без снятия их с передовой [11]. Следствием этого было перенапряжение физических и моральных сил казаков. И хотя основная масса их по-прежнему исполняла поступавшие приказы командования, среди них росло недовольство таким положением дел. Оно доходило даже до отказов казаков выполнять подобные приказы. Причем летом, по официальным данным, количество таких случаев намного увеличилось [12].

Постепенную трансформацию претерпевали и политические позиции казачества. А.И. Деникин позже отмечал, что «если до июля казачество вотировало всемерную поддержку правительству и полное повиновение, то позже оно, признавая до конца власть правительства, выступает, однако, в резкую оппозицию по вопросам об устройстве казачьего управления и земства, против применения казаков для усмирения мятежных войск и районов и т. д.» [13]. И данное утверждение следует признать убедительным.

Одновременно во многих казачьих войсках происходил процесс официального расширения властных полномочий войсковых атаманов и правительств. Так, с согласия Временного правительства и по предписанию его комиссара в Кубанской области К.А. Бардижа, с 9 июля вся полнота власти здесь была передана Кубанскому войсковому правительству [14].

Проходивший 1–5 августа Терский войсковой круг III созыва постановил предоставить атаману М.А. Караулову чрезвычайные полномочия ввиду необходимости «охраны порядка на территории войска и борьбы с изменниками» [15]. Одновременно было принято решение о возложении на войсковое правительство «высшего надзора» за деятельностью местных Советов, исполкомов и общественных организаций и о подчинении атаману всех строевых казачьих частей, находившихся в Терской области [16]. Работавший в начале августа Малый войсковой круг Войска Донского полностью поддержал устремления Временного правительства, атамана Каледина и войскового правительства к поддержанию порядка. Было принято решение об образовании совместного политического блока войска с кадетской партией на предстоящих выборах в Учредительное собрание [17].

В августе 1917 г. в стране нарастал серьезный политический кризис. Углубившийся кризис власти усугублялся активизацией крайне правых и крайне левых политических движений. Это происходило на фоне усиления недовольства широких народных масс, что придавало новый

импульс революционному движению. Выход из сложившейся крайне тревожной ситуации, по мнению правительства, мог быть найден в ходе Всероссийского государственного совещания, открывшегося 12 августа в Москве. В его работе принимали участие и делегации от казачьих войск страны.

Поселившиеся вместе в одном зале Московского дворянского собрания 40 казачьих делегатов решили провести до официального открытия Государственного совещания собственное собрание [18]. На нем был даже избран президиум под председательством А.М. Каледина. Собравшиеся от имени своих войск изложили мнения о положении в стране. По словам одного из присутствовавших на этом заседании, посланцы различных казачьих войск «...заговорили на одном и том же языке – одинаковая оценка положения и одинаковые методы лечения» [19]. В ходе состоявшегося обсуждения основных вопросов политической жизни страны казачьи делегаты выработали положения совместной политической декларации. Ее текст был утвержден на объединенном заседании представителей от всех казачьих войск. Выступить с ней с трибуны Государственного совещания поручили донскому атаману А.М. Каледину [20].

По словам очевидцев, декларация, прочитанная Калединым от имени всего казачества, «произвела очень сильное впечатление» [21]. Воздействие ее на присутствовавших было колоссальное [22]. Возвращаясь с Государственного совещания, А.М. Каледин, весьма мрачно и пессимистически оценивая внутривнутриполитическое положение в стране и перспективы его развития, высказал мысль о том, что «Россию можно будет восстанавливать частями, по кускам, постепенно оздоравливая отдельными оазисами» [23]. Одним из таких оплотов, по словам атамана, мог бы стать Юго-Восток.

23 августа Корнилов отдает приказ об образовании Отдельной Петроградской армии, основу которой должны были составить соединения 3-го конного корпуса (1-я Донская казачья и Уссурийская конная дивизия) и выделенная из его состава Кавказская туземная (так называемая дикая) дивизия. Эта армия, подчинявшаяся лично главнокомандующему, должна была стать основной ударной силой, нацеленной на столицу.

Подготовка и ход так называемого Корниловского мятежа хорошо освещены в историографии [24]. В то же время заслуживает внимания и точка зрения некоторых зарубежных исследователей, таких как Дж. Мунчи, М. Хильдермайер, о том, что его причины полностью все еще окончательно не выяснены [25].

Выступление генерала Корнилова, в значительной степени ускоренное и отчасти даже спровоцированное некоторыми политическими

авантюристами [26], началось в ночь с 26 на 27 августа. Корнилов объявил, что берет власть в свои руки.

В планах мятежного генерала одно из ведущих мест отводилось казачьим полкам, шедшим в авангарде брошенных на Петроград войск. Он рассчитывал привлечь казаков к активному участию в выступлении, «помня поддержку, которую ему оказывали ответственные казачьи организации» [27]. К тому же казачьи части продолжали оставаться верными командованию, сохраняя порядок и дисциплину в своих рядах. Корнилов не без основания надеялся на их поддержку и беспрекословное исполнение любых приказов.

В день своего выступления главнокомандующий русской армии обратился к казакам с особым воззванием [28] и отправил телеграмму атаману А.М. Каледину с предложением поддержать его действия [29]. 29 августа следует новая телеграмма Корнилова в Новочеркасск, в которой говорилось о необходимости координации действий [30].

В ходе движения корниловских войск к Петрограду отмечалась значительная неорганизованность. В настроениях казаков, и без того обуреваемых сомнениями, стал обозначаться перелом. Он произошел на следующий день, когда казаки 9-го и 13-го Донских полков этой дивизии заявили о категорическом отказе продолжать движение на Петроград [31]. Казаки отказались участвовать в выступлении. Поход на столицу полностью провалился. Большинство армейского казачества не поддержало корниловское движение. Во многих казачьих частях принимают даже резолюции с его осуждением. Делегаты 1-й Донской казачьей дивизии, входившей в 3-й конный корпус, позже заявили, что казаки были обмануты и не знали, зачем их посылают в столицу [32].

Бурные политические события, последовавшие за Февральской революцией, длительное нахождение на фронте и общая усталость от войны, постоянное общение с солдатами, революционная агитация различных партий – всё это заметно влияло на изменение политических взглядов и настроений казаков-фронтовиков и их поведение. Определенной степени развития достигла общая демократизация казачества. Поэтому корниловское выступление, не без оснований трактуемое многими как попытка возврата к старым дореволюционным порядкам, подавляющее большинство казаков не поддержало и даже осудило. Некоторая часть казачества отнеслась к нему нейтрально-выжидательно. Тем самым казаками был сделан вполне осознанный политический выбор в пользу буржуазной демократии.

Корниловские дни оказали большое политическое и морально-психологическое воздействие на сознание основной массы казачества. В его

среде стали заметно усиливаться революционно-демократические тенденции [33].

Таким образом, в период сложных внутривластных процессов лета 1917 г. казачество, особенно армейское, оказалось в самой гуще событий, его непосредственной действующей силой.

Во время драматических июльских событий в Петрограде находившиеся там 1-й и 4-й Донские казачьи полки не только полностью поддержали Временное правительство, но и сыграли одну из решающих ролей в разгроме антиправительственных выступлений леворадикальных политических сил. Позиции активной поддержки правительства заняли и прибывшие в столицу казаки 14-го Донского полка. В это время подавляющее большинство фронтового казачества решительно осудило действия антиправительственных сил и заявило о своей поддержке правительства. Аналогичные позиции занимало и станичное казачество. В то же время моральные последствия, непосредственно связанные с жандармско-полицейскими функциями, которые исполняли казаки, всё возрастали, вызвали в их среде растущее недовольство и отчасти даже начинали сказываться на их политических позициях.

В период корниловского выступления его организаторы возлагали на казачество, в первую очередь, естественно, на армейское как на наиболее дисциплинированную и исполнительную силу, большие надежды. В составе войск 3-го конного корпуса, направленных генералом Корниловым на столицу, большинство составляли полки донских, амурских и уссурийских казаков. Положения корниловской программы разделяло большинство казачьих политических лидеров и казачьих офицеров. Непосредственно во время выступления казаки 1-й Донской казачьей и Уссурийской конной дивизий, в соответствии с приказом главнокомандующего, двинулись на Петроград. Однако по мере продвижения, наблюдая за ситуацией и оценивая ее, видя отсутствие поддержки со стороны солдатских частей и населения, испытывая воздействие соответствующей агитационной деятельности проправительственной и революционной направленности, они отказались от дальнейшего выполнения приказов генерала Корнилова и своих командиров.

Основная масса казаков, и прежде всего казаков-фронтовиков, не поддержала корниловское движение. Часть из них заявила о его осуждении, другие заняли нейтральные позиции. Такие же позиции занимало и станичное казачество, несмотря на доминирование в его взглядах более консервативных установок. И само корниловское выступление, и особенно обозначившиеся после него общественно-политические процессы оказали весьма значительное политическое, социальное и мо-

рально-психологическое влияние на сознание казачества, в первую очередь фронтового, самым непосредственным образом отразились на ослаблении консервативных и усилении демократических настроений в его среде и, естественно, на политических позициях основной массы казаков.

Примечания

1. Большевики Петрограда в 1917 году: хроника революционных событий в Петрограде. Март – октябрь 1917 г. 2-е изд. Л., 1957. С. 321.
2. Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество. Ростов н/Д, 1988. С. 85.
3. Цит. по: Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937. С. 25–26.
4. Цит. по: Кириенко Ю.К. Указ. соч. С. 86.
5. Большевики Петрограда в 1917 году... С. 340.
6. Цит. по: Ауский С. Казаки. Особое сословие / пер. с чешского. М., 2002. С. 117.
7. Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России. 1917–1920 годы. В 3 ч. Ростов н/Д, 1994. Ч. 2. С. 31.
8. Денисов С.В. Гражданская война на Юге России. 1918–1920. Константинополь, 1921. С. 12–13; Его же. Белая Россия. С. 124.
9. Мельников Н.М. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 190.
10. Денисов С.В. Гражданская война на Юге России. С. 13.
11. Его же. Белая Россия. С. 124.
12. Революционное движение в русской армии в 1917 году (27 февраля – 24 октября 1917 года). Сб. док. М., 1968. С. 161–162; Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партий большевиков армии на сторону революции. М., 1967. С. 148; Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. М., 1978. Т. 2. С. 629.
13. Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Париж, Берлин, 1921. Т. 1. Вып. 2. С. 124.
14. Яргульян В.И. В борьбе за войска революции. Краснодар, 1980. С. 73; Очерки истории Кубани. С древнейших времён до 1920 года / под ред. В.Н. Рагушняка. Краснодар, 1996. С. 507.
15. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии: сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972. С. 58.
16. Сергеев В.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 82.
17. Трут В.П. Казачий излом (Казачество Юга-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 95.
18. Вольный Дон. 1917. 7 сентября.

19. Мельников Н.М. А.М. Каледин (Личность и деятельность). Воспоминания // Донская летопись. № 1. Белград, 1923. С. 23.
20. Вольный Дон. 1917. 7 сентября.
21. Малиновский А. Три генерала на Московском государственном совещании // Донская волна. 1918. № 12. С. 7.
22. Мельников Н.М. Указ. соч. С. 29.
23. Цит. по: Мельников Н.М. Донской сепаратизм // Казачий литературно-общественный альманах. Париж, 1930. С. 100.
24. См.: Минц И.И. Указ. соч. Т. 2; Иоффе Г.З. Белое Дело. Генерал Корнилов. М., 1990; Катков Е. Дело Корнилова. Париж, 1987; Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып. 3. Лондон, 1921; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990 и др.
25. Хильдермайер М. Цена победы: Гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России. Перекресток мнений. М., 1994. С. 306.
26. Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 96; Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 125.
27. Севский В. Трагический водевиль // Донская волна. 1918. № 15. С. 4.
28. ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
29. ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
30. Революционное движение в России в августе 1917 года. Разгром корниловского мятежа: сборник документов. М., 1959. С. 462.
31. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий: в 4 т. Т. 3. 26 июля–11 сентября. М., 1960. С. 370.
32. Большевики Петрограда в 1917 году. С. 479.
33. Борьба за власть Советов на Дону. 1917–1920 гг.: сборник документов. Ростов н/Д, 1957. С. 101.

С.М. Сивков

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 г.

Сто лет отделяет нас от трагических революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны 1918–1921 гг. Уже не осталось живых участников этих событий, остаются только безмолвные свидетели – документы тех лет.

В годы перестройки и становления новой российской государственности остро стоял вопрос о причинах Гражданской войны, ее истоках. Однако, несмотря на богатую историографию данной темы, специалисты не пришли к однозначным выводам: кто стал виновником войны, белые или красные, кто понес большие потери. Эти события стали трагедией для всех слоев населения бывшей Российской империи, том числе и для казачества.

Прежде всего надо осветить вопрос о статусе кубанского казачества в дореволюционной России. Совершенно очевидно, что казачество на том этапе рассматривалось как сословие. Такое отношение к казачеству, в том числе и на юге России, вело к размыванию его этнической идентичности.

Как отмечал известный российский государственный и общественный деятель и профессиональный историк П.Н. Милюков, «...основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов» [1]. Автор пишет: «Сигнал к началу революции дало, опять-таки, само правительство. Вечером, 26 февраля, председатель Государственной думы получил указ об отсрочке сессии, которая должна была открыться 27-го. Члены Государственной думы, собравшись утром этого дня на заседание, узнали, что они распущены» [2].

Отозвались эти события в провинции, в том числе и на Кубани. Один из активных политических деятелей этого региона Д.Е. Скобцов в дни Февраля находился в Москве. Он принял решение вернуться на родину, на Кубань. Прибыв в Екатеринодар, он отмечал: «...волна митингов, окатывается, докатилась и сюда. В праздничные дни, после церковной службы, на площади устанавливались на козлах подмостки и заезжие ораторы “разъясняли” собравшимся случившееся. <...> Сама станица жила в большей степени еще интересами войны, была полна разговорами о ее героях казаках и своих станичных солдатах» [3].

Февральские события 1917 г., по мнению составителей книги «Трагедия казачества» (Прага, 1933 г.), в корне изменили ситуацию: «до революции 1917 г. несколько сот лет казаки имели дело с русским государством, с русским народом, с его культурой и некультурностью, с его историческими стремлениями, политическими, общественными и социальными идеалами, с его способами борьбы и мирного строительства. Во время революции 1917 г., в период от 1-го марта до 25 октября, казачество имело дело с русской революционной демократией, захватившей власть в России и выдвинувшейся на авансцену событий того време-

ни – с Временным правительством, общественными и политическими русскими организациями – различными русскими партиями, советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с различными комитетами в армии и т.д.» [4].

Особенностью общественной и политической жизни Кубани в период революционных событий 1917 г. стал «украинский фактор». Во многом это было связано с двумя аспектами: переселением черноморского казачества Екатериной Великой, которое в свою очередь в основном было сформировано за счет массового бегства украинских крестьян от гнета польских помещиков.

Как отмечает известный ростовский исследователь А.В. Венков, «первые органы власти в Киеве были созданы с опорой на городскую думу. 4 (17) марта 1917 г. в думе собрались представители политических союзов и партий, находившихся в Киеве, и выбрали из своей среды Исполнительный комитет и пытались наладить размеренную жизнь на местах, имея главной целью уберечься от анархии и дожидаться Учредительного собрания... В итоге Исполнительный комитет Киевской городской думы стал играть роль представительства Временного правительства в Киеве и повел рутинную хозяйственную и управленческую работу. Одновременно более радикально и нетерпеливо настроенные политические деятели создали Украинскую центральную раду» [5].

Кубанское казачество, в особенности черноморская его часть, живо откликнулось на события на Украине. Поступило предложение отправить своих делегатов на мероприятия в Киеве, которое было встречено восторженно.

Вопросы государственного строительства остро встали в обществе в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Политические лидеры кубанского казачества увидели два пути выхода из политического кризиса, охватившего страну и регион. Первый путь предполагал строительство федеративного государства по примеру североамериканских соединенных штатов, а второй – унитарного государства. Кубанское казачество в этом вопросе не пришло к однозначному выводу и раскололось на сторонников первого пути, представителей черноморского казачества, и второго – в основном линейных казаков.

Позже эти противоречия легли в основу противостояния черноморцев и линейцев. Именно это противостояние двух ветвей кубанского казачества привело к трагедии, разыгравшейся на Кубани в годы Гражданской войны. На первом, начальном этапе, этот раскол был внутренним, а после прибытия на территорию края Добровольческой армии принял открытый непримиримый характер.

Как уже отмечалось ранее, этому способствовали и события, развернувшиеся на территории Украины, первоначально выступавшей за сохранение единой России, а позже пошедшей в направлении государственной независимости. Кубанское казачество открыто не выступало за распад Российского государства, однако стремление к федерализации тревожило многих генералов среди добровольцев.

Во многом ситуация усугублялась почти открытым противостоянием между казачеством и иногородним населением. Апогей противостояния пришелся на лето 1917 г. В ночь с 3 на 4 июля мирное сотрудничество завершилось, когда чиновники областного правления и войскового штаба своим участием в манифестации выступили на стороне Войскового правительства, как бы окончательно признав его своим областным начальством. В распоряжении Войскового правительства оказался готовый бюрократический аппарат [6].

В ходе движения вперед происходило снижение авторитета центральной государственной власти. К концу сентября 1917 г. в глазах местного населения он упал до самого низкого уровня. Комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж, формально входя в состав Кубанского войскового правительства, выполнял лишь функции наблюдателя, практически не вмешиваясь в процессы управления [7].

Продолжилось государственное строительство на Кубани. На состоявшейся в Екатеринодаре Войсковой раде по предложению председателя рады И. Макаренко был рассмотрен вопрос о принятии «Временных положений о высших органах власти на Кубани». Этот документ по сути стал первой конституцией Кубани, положившей основу дальнейшего государственного строительства. Произошли некоторые преобразования: Кубанская область получала статус Кубанского края, Войсковое правительство стало краевым, Войсковая рада – краевой [8].

Камнем преткновения стали выборы кубанского войскового атамана. Они прошли в противостоянии двух кандидатур – комиссара Временного правительства К.Л. Бардижа и лабинского атамана А.П. Филимонова. За первого высказались представители проукраинской ориентации, за второго – линейцы. Победу одержал Филимонов.

Регион продолжало лихорадить. После захвата власти большевиками в Петрограде атаман Всевеликого Войска Донского 28 октября объявил о принятии на себя функций представителя государственной власти в области. Совнарком не был признан и на Кубани, однако А.П. Филимонов не выступил с подобным заявлением.

Переворот в столице показал невозможность решения спорных вопросов без широкого представительства всех слоев населения, на мес-

тах наступил момент прозрения, когда власть поняла свое неосторожное обращение с принципами гражданского мира в крае. Законодательная рада избирает комиссию для переговоров с иногородними. В нее вошли К.Л. Бардиж, Д.А. Филимонов и Султан-Шахим-Гирей. От съезда иногородних в комиссию вошли Турутин, И.П. Покровский и Морозов. Председателем комиссии стал Д.Е. Скобцов [9].

В ходе работы комиссии были выработаны основания соглашения. Законодательную раду не устраивал однолетний ценз оседлости для приобретения активного избирательного права. Иногородние предложили трехлетний период. Окончательное решение должно было приниматься в начале декабря 1917 г. на заседании Краевой рады.

На очередном заседании было принято несколько запоздалое решение о паритетном представительстве в раде. Было предложено представительство 46 казаков, 46 неказakov и 8 горцев, а в составе правительства 5 казаков, 5 неказakov, в том числе один горец. По вопросу ценза принято решение «ни вашим ни нашим» – определить его в 2 года. Формой нового российского государственного устройства признавалась демократическая федеративная республика. Предлагалось отказаться от исполнения полицейской службы казаками [10].

В 1990-е гг. велись многочисленные научные дискуссии историков, которые позволили прийти к выводу о том, что казачество России является субэтнoсом русского народа. Субэтнoсом какого этноса является запорожское казачество? Для жителей Кубани это принципиально важно, так как часть современного казачества, как и в годы Гражданской войны, считает себя потомками запорожцев. Поэтому практически любое решение данного вопроса несет опасность для целостности российской государственности, с одной стороны, и для украинской – с другой.

Таким образом, ситуация, которая сложилась на Кубани в 1917 г. в межреволюционный период, была достаточно противоречивой. С одной стороны, казачество стремилось к продолжению активной деятельности, с другой стороны – иногороднее население хотело устроить свой быт, с третьей – необходимо было разрешить противоречия между черноморцами и линейцами по вопросу дальнейшего государственного устройства новой России, и наконец, в начале 1918 г. появилась внешняя сила, связанная с вступлением на Кубань Добровольческой армии. К сожалению, ни одно из этих противоречий разрешено не было, что и привело в дальнейшем к краху белой армии и чаяний казачества на новую жизнь.

Примечания

1. Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 18.
2. Там же. С. 40.
3. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 25–26.
4. Трагедия казачества. Часть 1. 1917–1918 гг. Прага, 1933. С. 5.
5. Венков А.В. Антираоссийское и антисоветское движение на Украине в годы Гражданской войны. Часть 1. 1917–1918 годы / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2015. С. 59.
6. Скобцов Д.Е. Указ. соч. С. 69.
7. Там же. С. 82.
8. Там же. С. 84.
9. Там же. С. 92.
10. Там же. С. 97.

Т.А. Невская

1917-Й ГОД НА СТАВРОПОЛЬЕ: ОЖИДАНИЯ
И НАДЕЖДЫ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

Кочевые народы Ставропольской губернии – туркмены и ногайцы проживали на территории Туркменского и Ачикулакского приставств. Численность этих народов была сравнительно невелика, например, туркмен в 1907 г. насчитывалось около 15 тыс. чел. Эти народы пользовались значительными земельными угодьями: если в среднем в Ставропольской губернии на душу мужского пола приходилось около 7,5 десятин земли, то у туркмен – 86 десятин, у ногайцев-эдишкульцев – 30 десятин. У туркмен на душу приходилось 17 голов скота, у ногайцев-эдишкульцев – 7,7 голов, у ногайцев-едисанцев и джемболуковцев – по 10 голов.

В первое десятилетие XX в. 70 % туркмен и 35 % ногайцев перешли к оседлости; они не оставляли скотоводство, поэтому считали, что «принадлежащие нам земельные пространства едва достаточны для удовлетворения наших собственных потребностей» [1]. Однако значительная доля земли из душевых паев сдавалась в аренду. Надо отметить, что большая часть надельной земли попадала в руки местных богачей, которые и получали с нее доход. При переходе к оседлости в новых аулах селились как богатые, так и бедные. Богатые по традиции «опекали» бедноту. Рядовые

кочевники, переходя к оседлости, не умели вести полеводческое хозяйство. Лавочники давали своим соплеменникам товары в долг, за который те отдавали в пользование землю.

Постепенно бывшие кочевники привыкали к новым условиям жизни, осваивали новые формы хозяйствования, но всё же каждую весну у богачей сосредотачивались огромные пространства земель, от пересдачи которых они получали большой доход. Другим средством обогащения верхушки туркменского общества стала «торговля» мирской землей на коммиссионных началах. Благодаря связям с богатыми родами, группы семей получали при переделах лучшие участки, которые они сдавали в аренду. Крестьяне, арендующие землю, платили за посредничество влиятельным туркменам проценты.

Положение кочевников было еще более тяжелым, чем оседлых туркмен. Лучшие пастбища принадлежали богатым родам. Кочевые аулы состояли из 2–20 кибиток родственников. Крупные скотоводы выкашивали долину реки Кумы, делая запасы на зиму. Там они строили себе дома с усадьбами. Социальное расслоение у туркмен и ногайцев быстро росло. В 1914 г. постановлением Губернского землеустроительного совещания от 6 марта частным коневодам из туркмен (Мусе Аджеву, Исе Беркелиеву и другим) были предоставлены в девятилетнюю аренду на особо льготных условиях казенные земли. За пользование ими была установлена символическая плата по 4–10 копеек за десятину в год, тогда как с торгов в это время оброчные статьи сдавались от 3 руб. 20 коп. до 10 руб. 20 коп. в год. На основании этого же постановления более 7 тысяч десятин было сдано в девятилетнюю аренду ногайцам-скотоводам на льготных условиях со скидкой 50 % от нормальной оценки участка [2].

В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция. В качестве новых органов власти были созданы комитеты общественной безопасности во всех уездах и волостях Ставропольской губернии, члены КОБов избирались по 1 человеку от 1000 крестьян. На территорию Туркменского приставства Ставропольской губернии весть о перевороте в стране дошла из Ставрополя только в первой половине марта 1917 г. Пристав созвал население ближайших аулов в Летнюю Ставку (центр главного пристава кочевых народов), чтобы сообщить о свержении императора, затем сорвал с себя погоны. Это произвело сильное эмоциональное впечатление на жителей аулов, которые стояли в растерянности и долго никто не решался заговорить. По предложению пристава был избран Комитет общественной безопасности. В него вошли врачи, учитель и еще несколько интеллигентов. В распоряжение КОБа пристав передал кассу и все дела приставства. Однако приказ об отставке турк-

менского пристава был издан только 3 апреля, после чего на территорию приставства выехали губернская комиссия и два члена Ставропольского Комитета общественной безопасности для введения самоуправления у туркмен [3]. Постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. управление пристава туркменского народа было упразднено, и вместо пристава был создан Туркменский уезд в тех же границах.

Среди жителей туркменской степи эти события вызвали брожение, население поляризовалось: в одну группу вместе с частью туркмен объединились жившие здесь казанские татары, русские, молокане, туда же вошли промышленники – овцеводы, служащие и студенты. Другая группа состояла исключительно из туркмен, которыми руководили представители родовой знати. Первоначально у власти находилась первая группа, из которой был избран комиссар, его помощник и секретарь. Однако родовая знать вскоре добилась переизбрания комиссариата и сама стала у власти. Комиссаром был избран Хаджи Перикеев, не имевший опыта в государственном управлении, товарищем комиссара – Эрджепов. Для поддержки новой власти был созван общетуркменский съезд, где представители знати щедро угощали бедноту. Чтобы закрепить победу над враждебной группой, новая власть с одобрения съезда выселила из туркменской территории как неблагонадежных бывших чиновников, учителей, многих учащихся средних учебных заведений. С должностей были уволены фельдшер, экононом 2-классного училища.

Судя по газетным публикациям, Перикеев своеобразно понимал свои властные полномочия. Он занял общественную квартиру, предназначавшуюся для приезжающих должностных лиц, взял на услужение двух милиционеров, один из которых выполнял обязанности денщика, вплоть до чистки сапог, а другой по ночам караулил в коридоре, где квартировал комиссар. Перикеев часто выезжал в родной аул на тройке с казачком на козлах, оставляя неотложные дела. При нем служащие канцелярии не получали вовремя жалования, учителям не выдавались присланные доплаты из казны. «Туркмены-богачи достигли давно желанной цели. Теперь они совместно со своим комиссаром устраивают в степях новую жизнь или, скорее всего, совершенное порабощение бедноты. Всё это делается под маской нового строя», – писал в газету современник под псевдонимом «аульный туркменец» [4].

Второй резиденцией Перикеева стал аул Кендже-Кулак, где он обычно собирал сходы населения. На этих сходах решались вопросы местной жизни, например, было вынесено постановление о закрытии всех школ и отмене стипендий учащимся. «Словом, этот сход был законным при всяком числе, и протестов не могло быть, ибо протестующие не были

приглашены», – отмечала эсеровская газета «Северо-Кавказское слово» [5]. Руководители туркменского самоуправления решили, что туркменам будет лучше причислиться к Терской области, для чего командировали делегатов на горский съезд. Делегатами на съезде были выбраны Муса Эшеев, Ш. Языкеев, Э. Ниязекеев и Х. Абдуллаев.

Первый Горский съезд состоялся во Владикавказе в мае 1917 г. В состав его президиума вошли представители от всех северокавказских народов. Туркмен и ногайцев Ставропольской губернии представлял в президиуме князь Рашидхан Капланов. Он сделал доклад по организационным вопросам, съезд одобрил идею Капланова о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, а также утвердил программу Союза. Союз горцев поддерживал Временное правительство, считая необходимым подготовить народы Северного Кавказа к участию в выборах делегатов в Учредительное собрание. Одной из своих задач Союз ставил проведение реформ местного самоуправления, в будущем – установление в стране федеративного строя, где органы национального самоуправления будут иметь широкие права, реализовывать социальные и культурные интересы национальных меньшинств. На съезде были проведены выборы Центрального комитета и Духовного совета. В состав Центрального комитета вошел от туркменского и ногайского народов Менги-Булат Муслимов из Ачикулака, а кандидатом в члены ЦК стал Эреджей Али Ниязекеев. Духовный совет возглавил шейх Нажмутдин Гоцинский, а членом Духовного совета от ногайского и туркменского народов Ставропольской губернии стал Абдусалык Тангатаров.

Обстановка в это время была довольно напряженная, так как Северный Кавказ находился сравнительно недалеко от Кавказского фронта, так, например, 2 июля 1917 г. газета «Северо-Кавказское слово» сообщала о задержанных в ауле М. Барханчак, где проживали татары и туркмены, двух партиях турок-башибузуков [6]. Туркмены также участвовали в выборах членов продовольственных комитетов. В районную продуправу был избран Торгай, позже устраненный победившей группировкой родовой знати. Продовольственные комитеты были заготовительными и распределительными органами. В их деятельности в случае добросовестной работы чиновников было немало полезного для местных жителей. Так, в М. Барханчакском аульном продкомитете по инициативе секретаря Игнатенко было закуплено 1000 пудов пшеницы для помола и продажи местному населению по себестоимости. Деньги для этого выделили частные лица.

Сотрудники управы комитета сумели достать мазут на местную мельницу Абдурасимова, которая до этого стояла четыре месяца в бездействии, где и был произведен помол. До этого жители аула покупали

муку в с. Винодельном по 4 руб. – 4 руб. 50 коп., причем не лучшего качества, так как приобрести муку в своем ауле было трудно. В аульном продовольственном комитете можно было получить муку высшего сорта по 3 руб. 10 коп., отруби – за 1 руб. 20 коп. [7]. В целях борьбы со спекуляцией продовольственные комитеты издавали постановления, ограничивавшие отпуск продуктов строго по спискам. На одного человека в месяц отпускалось муки по льготным ценам не более одного пуда. Поскольку продуктов летом 1917 г. не хватало, то каждая новая партия стоила уже дороже. Для распределения дешевой муки продовольственные управы отпускали ее по карточкам. Аульные комитеты устанавливали также таксу на мясо и яйца, причем цена нередко была ниже, чем устанавливали продавцы.

Июльский кризис положил конец двоевластию. В этот период Временное правительство укрепляет свою власть на местах. Разворачивается подготовка к выборам в Учредительное собрание. Трудности с продовольствием не помешали туркменам собирать деньги для поддержки Временного правительства и армии, а также подписываться на Военный заем и Заем Свободы, проводившиеся Временным правительством для защиты революционного отечества, «молодой свободы». Агитировать за эти займы в аулы приезжали солдаты с фронта, которые организовывали митинги, где призывали поддержать армию хлебом, а временное правительство – деньгами. Так, на митинге в ауле Барханчак учитель – председатель КОБа – снял с делегата солдатскую фуражку и пошел с призывом заполнить ее деньгами в помощь Временному правительству. За 10 минут было собрано более 84 рублей. «С великим радушием провожали граждане аула посетившего их делегата-солдата, и при его отъезде грянуло несмолкаемое “Ура” в честь русской армии». Видимо, жители аула, где, по мнению корреспондента эсеровской газеты «Северо-Кавказское слово», «до сих пор вместо свободы царит еще произвол и насилие богачей над темной массой», не совсем понимали смысл этого митинга. Этого делегата с фронта ждали три дня подряд, чтобы пожаловаться ему «на ненормальное положение в нашей Туркменской яме и придти на помощь пострадавшим при старом режиме больше других – беспомощным массам туркмен», – писал житель аула [8].

Несмотря на военное время, продолжал работать «туркменский племенной рассадник» скота, его содержанием руководил хозяйственный комитет, который назначал торги по продаже племенного скота, проходившие в Летней Ставке.

Непросто происходило на туркменской территории создание земельных комитетов. Закон о земельных комитетах был издан Времен-

ным правительством 21 апреля 1917 г. В соответствии с ним в Ставропольской губернии были организованы губернский комитет, а также уездные и волостные комитеты. Их задачей было регулирование земельных отношений и улаживание конфликтов. В законе 21 апреля ничего не было сказано о создании комитетов в особых административно-территориальных единицах. Поэтому создание комитетов на туркменских землях затянулось по сравнению с другими районами губернии.

Главный Земельный комитет разослал на места циркуляр, в котором отмечалась «неполнота и несостоятельность закона 21 апреля в применении к окраинным местностям России с своеобразными особенностями строя сельского хозяйства и системой поземельных отношений и с разнородным и разноплеменным составом земледельческого населения». Во время второй сессии Главного земельного комитета было признано необходимым издать особое положение о земельных комитетах окраинных местностей России, однако к осени 1917 г. прошло уже три сессии, а особого закона так и не было издано. Описывая земли кочевых народов Ставрополя, современник отмечал: «народности эти себя считают полными хозяевами населяемой ими территории, свои права на эти земли они крепко отстаивают» [9].

Основной массив туркменской земли сдавался в аренду, некоторые арендаторы постоянно жили на этой земле в поселках Башанта, Князе-Михайловском, Летней Ставке, арендуя землю многие десятки лет, другие жили в соседних селах Благодарненского, Свято-Крестовского и Медвежинского уездов. Большинство арендаторов уже не могли обходиться без этих земель, поэтому они также заявляли свои права на туркменские земли, обосновывая их трудом, вложенным в ее обработку многими поколениями. Надо сказать, что в сознании русских крестьян господствовало представление о том, что земля божья и принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Эти представления поддерживались эсеровской агитацией, партия которых имела сильные позиции в губернии.

Третьей стороной, заинтересованной в туркменской земле, были промышленные овцеводы – «тавричане», как их называли, и крупные коневоды. Они брали у туркмен в аренду землю большими участками, потом нередко сдавая ее в субаренду. 89 скотоводов брали в аренду по 500 десятин каждый, 73 человека – от 500 до 1000 десятин, 61 – от 1000 до 2000 десятин, 16 человек – 2000-3000, а 3 наиболее богатых предпринимателя – свыше 4000 десятин. Их стада насчитывали десятки тысяч голов. Губернские власти относились к нуждам этих скотоводов особенно внимательно, так как в военное время потребность в шерсти и мясе была особенно велика.

Столкновение интересов этих групп населения весьма беспокоило Губернский земельный комитет, который, в отличие от пришедших ему на смену советских органов, вынужден был считаться со всеми заинтересованными сторонами, чтобы не допустить конфликтов. Собрание специалистов, которое было созвано по этому поводу, пришло к выводу о необходимости неотложной организации земельных комитетов, которые могли бы улаживать конфликты всех заинтересованных сторон. Было решено организовывать земельные комитеты путем привлечения в них не только всех заинтересованных сторон, но и представителей Губернского земельного комитета и специалистов со «знанием бытовых особенностей», которые помогут разрешить все сложные спорные вопросы.

8 сентября были созваны 50 человек, представлявшие заинтересованные стороны – кочевников и выборные лица от русских арендаторов. В состав земельного комитета вошли по 6 человек от туркмен и русских, из них 4 представителя от арендаторов из русских сел и 2 – от постоянно проживающего на туркменских землях русского населения, в том числе от овцеводов. Все эти 12 представителей избирались самим населением. Кроме этих 12 человек в каждый земельный комитет входили еще уполномоченный Губернского комитета и 2 специалиста из агрономов, гидротехников или лесоводов.

Исполнительным органом земельного комитета являлась земельная управа, состоящая из председателя и двух членов: секретаря и уполномоченного Губернского земельного комитета. Один член управы должен был быть туркменом, а другой – русским. Наблюдение за деятельностью этой комиссии вела Губернская комиссия. 15 сентября 1917 г. Губернским комитетом была издана инструкция и ее члены выехали на места для проведения выборов и организации комиссии. На проводившихся в ноябре 1917 г. заседаниях Губернского комитета в повестке дня стоял вопрос о деятельности комитетов на инородческих территориях, об эксплуатации казенных инородческих земель. Однако развернуть свою работу на туркменских землях земельные комитеты не успели из-за революционных событий. На 3-й сессии Губернского земельного комитета 21 ноября 1917 г. было оглашено «Воззвание Главного земельного комитета о неподчинении распоряжениям большевистского правительства во главе с Лениным как насильственно захватившего власть в свои руки» [10]. Члены земельных комитетов надеялись на решение аграрных проблем страны Учредительным собранием, судьба которого общеизвестна.

Родовая знать туркмен, как и других северокавказских кочевников – калмыков и ногайцев, – выражала желание вступить в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Идея

создания этого союза как территориальной единицы, управляемой на принципах конфедерации, была озвучена на совещании казаков Дона, Кубани и Терека в сентябре 1917 г. В октябре во Владикавказе состоялся учредительный съезд, где было подписано соглашение о создании Союза. Председателем Союза был выбран атаман Войска Донского генерал А.М. Каледин, Объединенное правительство, сформированное 29 ноября 1917 г., возглавил кадет В.А. Харламов.

Руководство Юго-Восточного союза считало, что Россия должна стать после Учредительного собрания демократической федеративной республикой. Юго-Восточный союз заявлял о гарантиях своим членам независимого устройства их внутренней жизни, рассматривая их как будущие самостоятельные штаты Российской демократической федеративной республики. Претворение в жизнь этого проекта было остановлено из-за октябрьских революционных событий.

На Ставрополье известие об октябрьском перевороте пришло 28 октября. Было созвано чрезвычайное заседание городской Думы, и 7 ноября Дума объявила себя единственной законной властью в губернии. Крестьяне считали, что необходим созыв Учредительного собрания, которое легитимно решит вопрос о власти, земле и мире. Выборы в Учредительное собрание прошли в ноябре. В Ставрополе и городах-курортах депутатами были избраны большевики, а в селах и в целом по губернии большинство голосов было у эсеров.

Период с октября до конца декабря 1917 г. можно назвать периодом безвластия в губернии. После свержения Временного правительства в Ставропольской губернии не было организовано революционное правительство еще 2 месяца. В городе начались беспорядки: пользуясь бездействием власти, толпы громили ликероводочные заводы. К концу 1917 г. обстановка в Ставропольской губернии изменилась. В села вернулись солдаты с фронтов. Солдаты устраивали митинги, вместе с крестьянами разгоняли земства и КОБы.

В полночь 31 декабря 1917 г. общегубернское собрание приняло решение признать советскую власть. Были созданы губернские органы власти – Губернский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе 180 человек и Исполком. Одним из решений Губернского народного собрания стало упразднение Иностранного управления, существовавшего еще при царской власти. Все дела и капиталы управления были переданы Губернскому иностранному совету, который состоял из 6 человек – двух туркмен, двух ногайцев и двух калмыков [11]. В начале февраля 1918 г. представители туркмен и калмыков начали приемку дел. Как и раньше, родовая знать оказывала решающее влияние на сво-

их соплеменников. Это было неудивительно, так как главы родов были наиболее образованными и знающими русский язык представителями своих народов. Поэтому и Инородческий совет, хотя и являлся советским органом, находился под их влиянием. Об этом говорит тот факт, что в феврале 1918 г. Инородческий совет взял на поруки калмыцкого князя Тундутова, который находился в ставропольской тюрьме, будучи арестованным за контрреволюционную деятельность на станции Тихорецкой. Князь являлся представителем калмыков в Юго-Восточном союзе и войсковым атаманом.

Губернский Инородческий совет выработал Положение о землеустройстве и управлении инородцев. Власть в руках Совета народных комиссаров находилась с 1 января 1918 года до 20 июля, когда Ставропольская губерния была занята войсками Деникина.

Примечания

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 11. Л. 150об.
2. ГАСК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 16об – 17.
3. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1927. С. 27.
4. Северокавказское слово. 1917. № 767. 22 сентября. С. 4.
5. Там же.
6. Северокавказское слово. 1917. № 707. 2 июля. С. 4.
7. Там же.
8. Северокавказское слово. 1917. № 768. 20 сентября.
9. Северокавказское слово. 1917. № 767. 22 сентября. С. 3.
10. Северокавказское слово. 1917. № 831. 15 декабря. С. 4.
11. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920 гг.). Исторический очерк. Ставрополь, 1928. С. 17.

С.А. Хубулова

КАЗАЧЕСТВО ТЕРЕКА В БОЛЬШОЙ СМУТЕ 1917–1920 гг.¹

В этом году исполняется 100 лет со времени драматических событий, связанных с двумя русскими революциями – февральской и октябрьской 1917 г. Они стали поворотным пунктом, изменившим ход не только российской, но и мировой истории.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект а/м 16-21-13001).

Споры о причинах и последствиях революций 1917 г. для судеб России не утихают до сих пор. На современном этапе именно история революции и Гражданской войны оказалась востребованным сюжетом в политической борьбе, что не может не оказывать негативного влияния на степень и уровень их научной разработки. Происходящие в последние десятилетия трансформации в социально-экономической и политической сферах жизни России вызвали к жизни в историческом сообществе интерес к явлениям подобного рода в начале XX в.

Среди разнообразия вопросов, получивших новое звучание, можно выделить проблему взаимоотношений большевиков и населения Терской области, в частности казачества. Нельзя сказать, что местное казачество не являлось объектом изучения отечественных историков [1]. О феномене этого явления написано большое количество книг, издан ряд документальных сборников, но современные вызовы требуют нового осмысления проблемы.

Наверное, главным вопросом в Терской области в ходе революции был земельный вопрос, который порождал национальную, политическую, классовую проблемы. Именно вокруг земельного вопроса велись споры не только с трибун съездов, но и в окопах, которыми опоясались села и станицы: «Население Кавказа усиленно вооружается всеми видами огнестрельного оружия» [2]. Столкновения участились на Сунженской линии. Не проходило дня без обстрела или убийства, некоторые казачьи станицы даже выносили решения «прервать всякого рода сношения с туземцами» [3].

Провозглашенный на II Съезде народов Терека (февраль – март 1918 г.) курс на проведение аграрной реформы явился шагом по пути практического решения земельного вопроса в регионе. На первом этапе реализации закона о социализации земли санкции Народного совета пока не распространялись далее помещичьих, казенных и церковных земель. Надельные земли, а также казачьи земли оставались за их владельцами. Но уже на грозненском съезде в мае 1918 г. после длительных дебатов была принята резолюция по земельному вопросу, в которой, в частности, говорилось: «Всякая собственность на землю, недра, леса и проч. природные дары Терской области отменяется, согласно Основному закону о социализации... В первую очередь удовлетворяются безземельные горные жители Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии и иногородние из запасного земельного фонда области» [4]. Это решение способствовало новому витку эскалации недовольства; мир, достигнутый с трудом в результате деятельности всех демократических сил области, оказался под реальной угрозой межнациональной войны. Казачество огульно

было объявлено народом-помещиком, экспроприация казачьих земель осуществлялась волонтаристски.

Казачество на первых порах выступало за демократические преобразования, но стремилось сохранить свои земельные наделы, в чем и проявлялось его двойственное отношение к новой власти: «Земля наша добыта нашими предками, их кровью, поэтому должна остаться в нашем ведении, пока хозяин всей Русской земли, весь народ, а не отдельные личности, не скажет, что мы ее должны отдать» [5]. Самоценность казачьего уклада мало интересовала политических лидеров того времени. Более того, центральная власть в лице Г.К. Орджоникидзе поощряла деструктивные силы в стремлении осуществить «историческую справедливость» путем наказания терского казачества: «Мне всё равно, – сказал с трибуны съезда Орджоникидзе, – всё ли казачество принимает участие в контрреволюционном движении или только его часть» [6]. Этим воспользовались и те народы, которые никогда не ставили вопрос об отбирании земли у казаков. Так, на объединенном заседании горских фракций Терской области осетинская делегация заявила, что пора избавиться от клиньев станиц Архонская, Ардонская, Змейская [7]. Методы устрашения были поистине преступными: например, за короткое время у жителей ст. Михайловской было изъято и разграблено имущества на 1 млн 185 тыс. руб., в ст. Фельдмаршальской большевики уничтожили 249 дворов [8]. Весной 1918 г. из своих жилищ были выдворены станичники Фельдмаршальской, Аки-Юртовской, Тарской. Ворвавшись в станицы, революционные отряды подвергли их невероятному разграблению и истреблению. По некоторым данным, в результате репрессий Терская область лишилась примерно 26 тыс. казаков и членов их семей. Преследовалось несколько целей: во-первых, наказать станицы, не признавшие советскую власть, во-вторых, за счет их выселения дать землю наиболее верным союзникам Советов, в-третьих, запугать любую оппозицию.

Возможно, планы по изгнанию казачества из Терской области и были бы реализованы, но летом 1918 г. политическая ситуация в стране резко изменилась. Армия генерала Деникина продвигалась на юг, занимая один населенный пункт за другим, тесня части Красной армии, беспорядочно отступавшие к Главному Кавказскому хребту. Это придало уверенности оппозиции в лице казачьего офицерства Моздокского отдела. Лидером и вдохновителем движения стал Г. Бичерахов. Движение началось в июне 1918 г. и вошло в историю как бичераховский мятеж. В своих воспоминаниях генерал А.И. Деникин подтвердил прямую связь между своим продвижением на юг и выступлением Г. Бичерахова: «Подготовка терского казачества к восстанию велась с конца мая на Минеральной

группе, в Моздоке, Кизляре, Владикавказе. Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полковником Шкуро Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, быстро перекинувшимся и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить» [9].

Несколько слов о личности Георгия Бичерахова. Бичераховы – осетины-казаки ст. Новоосетиновской Моздокского отдела. Семья Бичераховых переехала в Петербург, и дети – Лазарь и Георгий – смогли получить блестящее образование в столице. Георгий окончил одно из Петербургских реальных училищ, затем получил высшее техническое образование, стал инженером, в годы Первой мировой войны служил в авиационных мастерских. С 1902 г. стал активным участником социал-демократического движения. В годы Первой русской революции он занимался агитацией среди казаков Терской области, благодаря его стараниям 2-й Горско-Моздокский полк отказался участвовать в карательных экспедициях против восставшего крестьянства Ставропольской губернии.

Имея за плечами большой опыт революционной работы, Г. Бичерахов включился в работу Терского народного совета в 1918 г. Благодаря ораторским способностям, личному мужеству, Бичерахову удавалось найти выход из самых тяжелых политических ситуаций. Так, по заданию 1-го Съезда народов Терека Г. Бичерахов возглавил чрезвычайную комиссию по улаживанию конфликтов между чеченцами и казаками Грозненской, Романовской, Ермоловской, а затем – кабардинцами и станичниками ст. Котляревской.

В апреле 1918 г. Г. Бичерахов единогласно был избран главой Моздокского отдельского народного совета. Казаки доверяли Бичерахову как человеку, верному казачьим интересам. Для многих делегатов IV съезда было непонятно, как человек, который «насаждал народную власть» и призывал к отделению «трудящихся от нетрудящихся», стал сам в лагерь контрреволюции.

Характеризуя причины недовольства восставшего казачества, газета «Терский казак» указывала: «Казачество, которое проявило столько лояльности по отношению к терской народной власти, которое оказывало ей всегда такую солидную поддержку, вправе ожидать, что эта власть будет считаться с его правами, признанными за ним на областных народных съездах... К сожалению, факты из отношений нашей власти к казачеству таковы, что у последнего скопляется в душе всё больше и больше горечи и обиды. Агенты власти третируют казачество как досадную помеху, стоящую на их пути. Говоря с ним, они держатся тона за-

воевателя, упоминают поминутно о принуждении, об удушливых газах, о том, что они сумеют заставить непокорных подчиниться» [10].

С этого времени Моздокский совет и его лидер встали в оппозицию к власти. Во многом это было связано с жесткой линией Моздокского совета депутатов (далее – совдепа), который подчас самовольно расширял свои компетенции и вмешивался в дела отдельского народного совета. Подобная практика была отмечена и в докладе председателя Совета народных комиссаров (далее – СНК) Терской области Ю. Пашковского: «Мы знаем, что некоторые советы, деятельность которых ограничена городами, зачастую переносят свою деятельность и за город. Мы знаем, что некоторые советы брали контрибуцию. Я должен сказать, что городские советы, которые выходили за пределы своей территории, создавали отношения, которые были для нас неприемлемы, ибо они портили отношения деревни с городом» [11]. К примеру, командующий вооруженными силами Терской республики П.В. Егоров обещал смести с лица земли станицы Котляревскую, Пришибскую, Змейскую, если они «не сдадут оружия и не станут в ряды советских войск для борьбы с повстанцами» [12].

Противоречия между Моздокским совдепом и отдельским советом достигли своего апогея в конце весны 1918 г. Причина крылась в том, что, по мнению последнего, советы депутатов узурпировали власть, «творят беззакония», казаки «потерпели от власти массу обид» [13].

Совдеп вместо того, чтобы найти возможность мирно урегулировать вопрос, занял жесткую позицию, отдав распоряжение об аресте Бичерахова. Тогда последний, используя Конституцию Терской республики, заявил о безусловном подчинении совдепа отдельскому народному совету.

30 июня Бичерахов от имени народного совета потребовал в ультимативной форме разоружить красноармейские части и снять оружие с броневиков. Ультиматум был отвергнут, тогда бичераховцы начали наступление на Моздок, который вскоре и заняли. В движении принимали участие не только офицерство, но и трудовые массы казаков и крестьян Моздокского отдела. Долгое время в советской историографии бытовало мнение о том, что под знамена мятежников пошли обманутые лживыми обещаниями казаки-бедняки. Введенные в научный оборот источники позволяют утверждать, что такой пестрый состав повстанческой армии связан с общими целями, объединявшими казачество в целом.

3 июля в Моздоке был открыт казачье-крестьянский съезд, который принял решение о создании новой казачьей власти. Один из ораторов заявил: «Мы вынуждены будем объявить автономию Тер-

ского казачества... Нам не дают жить так, как мы хотим, и не дают большевики» [14]. На съезде был организован казачье-крестьянский совет, главой которого стал Г. Бичерахов. Совет объявил войну СНК Терской республики и начал подготовку к широкомасштабным военным действиям. Большие надежды мятежники возлагали на старшего Бичерахова – Лазаря, который был связан с английской миссией и мог помочь оружием, боеприпасами и финансами. В своем письме А. Деникину Л. Бичерахов указывал, что англичане «оказывали всем союзным фронтам в борьбе с большевизмом помощь и отрядами, и вооружением, и снаряжением, и деньгами. Терцам – на 20 млн руб., уральцам – на 5 млн руб.» [15]. Надо отметить, что за событиями в Терской республике внимательно наблюдала и британская Кавказская миссия, которая переместилась из Тифлиса во Владикавказ. События в Моздоке, затем сражение под Прохладной показали истинные масштабы восстания.

Для обсуждения сложившейся ситуации был созван экстренный IV съезд народов Терека. Съезд начал свою работу 23 июля 1918 г. во Владикавказе. Делегатами были представители от всех народов области, принимали участие также представители центральной власти. Главный вопрос заключался в том, чтобы прекратить кровопролитие и заключить с мятежниками мир.

На съезде развернулась острая политическая полемика в отношении характера бичераховского движения. Крайне левое крыло, представляемое Г. Орджоникидзе и другими, называло казаков черносотенцами, врагами советской власти и требовало немедленного их уничтожения. Члены казачье-крестьянской фракции настаивали на том, что «это движение включает в себя несколько причин, в которых путаются народы Терской области. С одной стороны, у казачества после Пятигорского съезда накопилось много недовольства органами управления на местах. Обстоятельства эти легли в основу движения. С другой стороны, к этому движению присосались те, которые не желают, чтобы казачество проснулось от вековой спячки» [16].

Г. Орджоникидзе остался в меньшинстве, и съезд вынес решение о необходимости переговоров с восставшими. Из участников съезда определили мирную делегацию и направили ее на встречу с Г. Бичераховым. Надо было склонить Г. Бичерахова к тому, чтобы он дал приказ освободить линию железной дороги от своих частей, прислать своих делегатов на съезд. В этом случае съезд гарантировал безопасность казачеству. Казачье-крестьянский совет не принял этих условий, выражая свое недоверие предложению съезда: «Лишь тогда будет гарантия от на-

падения Красной армии... когда с бронепоездов и броневиков будут сняты пушки и замки от орудий будут сданы... и когда броневики и красноармейцы будут отозваны на постоянные свои стоянки» [17]. Кроме этого в послании было сказано, что казачье-крестьянский совет требует от областной власти признания его как единственной власти в казачьих отделах, власти, выражающей казачьи интересы и объединяющей казаков [18].

Такой дерзкий ответ возмутил Г. Орджоникидзе, который сразу же призвал собравшихся прекратить мирные переговоры и начать вооруженную борьбу. Выступление импульсивного Орджоникидзе нашло поддержку среди некоторой части делегатов, но были и возмущения со стороны казачье-крестьянской фракции, которая предъявила выписку из протокола заседания Моздокского казачье-крестьянского совета: «Приветствуя съезд трудовых народов Терской республики, заявляем, что: 1. Относясь с полным доверием к съезду, казачье-крестьянский совет изъявляет готовность прекратить братоубийственную, не по вине казачества и крестьянства разгоревшуюся войну, если будет обеспечена полная неприкосновенность станиц, сел и их имущества, как-то: прекращение разоружения казаков и крестьян, реквизиция всякого имущества и т.п.; ввиду того, что представители власти стоят на ложном пути в оценке казачье-крестьянского движения и мер устранения такового, совет считает необходимым немедленное удаление от власти комиссаров Пашковского, Фигатнера и Бутырина» [19].

Осетинская фракция выразила сомнение в отношении оценки выступления как контрреволюционного и предложила направить к Бичерахову еще одну мирную делегацию. Но и этот визит не дал результатов, слишком силен был накал страстей и причиненные обиды.

Пожар восстания разгорался – 5–6 августа 1918 г. во Владикавказе начался мятеж под предводительством полковника Беликова. К ним на подмогу направились отряды казаков станиц Архонской, Ардонской, Николаевской, а также ряда осетинских сел. Кровавопролитные бои продолжались 11 дней, затем бичераховцы вынуждены были оставить город.

С этого времени мятежники стали терпеть поражения. Народному совету удалось мобилизовать верные части, кроме того, решающий перевес стал возможен благодаря отступающим частям Северо-Кавказской Красной армии. 18 ноября 1918 г. части XI армии и Шариатская колонна начали военную операцию по освобождению Моздока от бичераховцев. 23 ноября части Красной армии вошли в г. Моздок, вся власть перешла к ревкому.

Так закончилась попытка Терского казачье-крестьянского совета противодействовать власти большевиков.

Бичерахов и его единомышленники искали свой, небольшевистский путь развития. Однако жесткий диктат большевиков, монополизировавших право решать все вопросы жизни общества, оказался сильнее. Второй виток противостояния, вылившийся в восстание на Сунженской линии, окончательно решил участь казачества. Власть продолжила массовый террор против казаков: был разработан кощунственный план избавления от терского казачества в кратчайший срок.

Примечания

1. Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919 гг. М., 2011.

2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.

3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 303.

4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 36. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.

5. Народная власть. 1918. № 15.

6. Съезды народов Терека: сборник документов и материалов. В 2 т. Орджоникидзе, 1978. Т. 2. С. 73.

7. Народная власть. 1918. № 48.

8. Власть и крестьянство: северокавказская деревня в 1917–1929 гг.: сборник документов и материалов / сост.: Н.Д. Малиев, С.А. Хубулова, А.Т. Царикаев, М.П. Туаева. Владикавказ, 2005. С. 34.

9. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1999. С. 173.

10. Терский казак. 1918. № 34.

11. Съезды народов Терека. С. 57–58.

12. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

13. Город Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 128.

14. Терский казак. 1918. № 41.

15. ГАРФ. Ф. 3718. Оп. 2. Д. 40. Л. 28.

16. Съезды народов Терека. С. 55.

17. Там же. С. 45–46.

18. Там же.

19. Там же. С. 117.

К.Г. Ачмиз

ЧЕРКЕССКИЙ ПОЛК: ВЕРНОСТЬ РОССИИ И БОЕВОМУ БРАТСТВУ

После окончания Кавказской войны (1864 г.) взаимоотношения горцев Северо-Западного Кавказа (Черкесии) и России складывались не просто. Значительная часть черкесов (адыгов) погибла в кровопролитной Кавказской войне, оставшиеся в живых вынуждены были покинуть родину и эмигрировать в Турцию и другие ближневосточные государства. Всего с 1858 по 1865 г. по официальным данным, выселилось около 500 тыс. чел., в том числе до 470 тыс. черкесов (адыгов) [1]. На своей исторической территории остались жалкие этнографические островки, насчитывавшие чуть более 60 тыс. чел. Попытки отдельных групп населения вернуться назад на родину встречали резкое возражение со стороны государства. «О возвращении и речи не может быть!» – начертал на одном прошении император Александр II. Те же, кто смирился со своей судьбой, не покинул родную землю, постепенно встраивались в общественный уклад Российского государства. Иноверцы (так назывались представители всех нерусских народов в России до 1917 г.) привлекались на добровольной основе в вооруженные силы Российского государства. Часть горцев Кавказа, в том числе черкесы (адыги), доблестно служили в рядах российской армии в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Самой яркой страницей единения кавказских народов с Россией стало формирование из числа горцев Северного Кавказа соединений в годы Первой мировой войны. Кавказская туземная конная дивизия, более известная в истории как «Дикая дивизия» была сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 г. на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами. Дивизия включала в себя шесть полков четырехсотенного состава: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский (из жителей Азербайджана), Черкесский и Ингушский.

Туземную дивизию возглавил родной брат императора великий князь Михаил Александрович, хотя и находившийся в политической опале, но весьма популярный как в народе, так и среди аристократии. Служба в рядах дивизии сразу стала привлекательной для представителей высшей российской знати, занявшей большинство командных постов в дивизии. Среди них были грузинские князья, горские султаны, представители старинных русских фамилий.

Следует отметить, что в советской историографии, которая рассматривала исторические события сквозь призму классового подхода, не представлялось возможным правдивое освещение деятельности воинских формирований, участвовавших в Первой мировой войне, поскольку сама эта война, по определению В.И. Ленина, «была войной воров за дележ добычи» под лозунгом «защиты отечества» [2]. Другая причина состояла в том, что большинство всадников Кавказской конной дивизии в годы братоубийственной гражданской войны, многие офицеры, казаки, отличившиеся на полях сражений, оказались на стороне Белого движения, а затем вынуждены были эмигрировать. И только с начала 90-х гг. XX в. историки, освободившись от идеологического контроля, приступили к изучению так называемых белых пятен отечественной истории, в том числе вплотную занялись историей формирования и боевых действий «Дикой дивизии».

Среди первых публикаций на эту тему следует назвать произведения, написанные очевидцами и непосредственными участниками происшедших в те годы событий и изданных за рубежом. Возглавляет список один из первых историографов этого воинского соединения, эмигрант Н.Н. Брешко-Брешковский, который в своем романе «Дикая дивизия» поведал читателям о многих боевых делах всадников и атмосфере, царившей в полках туземной дивизии. Особый интерес представляют воспоминания члена Украинского Войскового генерального комитета в 1917 г. В. Кедровского, изданные на украинском языке в Канаде в 1967 г., – «Очерки русской смуты» в пяти томах лидера Белого движения А.И. Деникина и др. [3]. К ним можно отнести и публикации в ежедневных губернских и общероссийских газетах того времени, которые, к сожалению, «стремясь сообщать своим читателям каждый день новый и притом занимательный материал, зачастую не могли тщательно проверять достоверность публикуемых сведений» [4]. Возвращению из забвения и восстановлению исторической правды о Кавказской конной дивизии посвятил свои многолетние исследования известный северокавказский историк-архивист О.Л. Опрышко, издавший свои материалы под названием «По тропам истории», куда вошли работы, написанные на основе материалов Российского государственного военно-исторического архива, архивных источников северокавказских республик [5]. Следом последовало другое издание – «Кавказская конная дивизия», в котором впервые на основе документальных источников обобщенно рассказывается о дивизии кавказских горцев, о всадниках и офицерах, входивших в ее состав всех шести полков [6]. Определенный интерес представляют публикации на эту тему в периодике исследователя А.Д. Вершигоры, также основанные на

архивных источниках и периодической печати времен мировой войны [7]. Интересные сведения о всадниках и их боевых действиях содержатся в исследовании С.В. Волкова [8]. В этой книге собраны сведения о судьбах более 6800 офицеров кавалерии, оставшихся в живых ко времени крушения Российской империи, расстрелянных в ходе «красного террора», погибших во время Гражданской войны 1918–1922 гг., умерших в эмиграции, репрессированных в 1920–1930-х гг. Новые страницы, основанные на публикациях в украинской периодической печати 1914–1918 гг., опубликованы уже упоминавшимся выше исследователем А.С. Дзагаловым Пожалуй, это одно из немногих научных повествований, в котором автор отошел от традиционного перечисления заслуг и воинских достижений всадников «Дикой дивизии» и сделал продуктивный шаг в исследовании атмосферы, сложившейся внутри и вокруг кавказских полков в Первой мировой войне [9]. Весьма интересные сведения об участниках Черкесского полка содержатся в статье Аслана Казакова «Адыги и абхазо-абазины в Первой мировой войне в составе Черкесского конного полка Кавказской туземной конной дивизии и других воинских формированиях». В статье даны характеристики более 100 воинов Черкесского полка [10].

Несмотря на то, что «Дикая дивизия» за время своей боевой деятельности понесла много потерь, в ней не было характерных для русской армии случаев, особенно в последний период войны, сдачи в плен, панического бегства с позиций, неподчинения командирам и братания с врагом. Всадники «Дикой дивизии» встречались на поле боя не только с принудительно мобилизованными воинскими частями, каковыми были проживавшие на территории Габсбургов чехи, словаки, поляки, русины, у которых отсутствовало желание воевать. Им противостояли наиболее боеспособные воинские формирования противника – венгерская кавалерия, тирольские стрелки и германская пехота. В этих боях они проявили себя как мужественные российские воины. В национальных полках поддерживалась иерархическая структура, свойственная всем горским народам. Число желающих попасть в полк всегда превышало штатные возможности полков. Самым большим наказанием для всадников было исключение их из списков полка «за неисправимо дурное поведение» и «водворение» провинившихся по месту жительства. Слава о необычайно диком, жестоком и храбром войске шла, как правило, впереди войска, ее всячески пропагандировали и распространяли журналисты. Материалы о «Дикой дивизии» регулярно появлялись в иллюстрированных литературных изданиях – «Нива», «Летопись войны», «Новое время», «Война» и многих других изданиях, включая и местную печать. За годы войны, по свидетельству О.Л. Опрышко, через ряды «Дикой дивизии»

прошло около 7000 горцев. К марту 1916 г. дивизия потеряла убитыми и умершими от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов. Ранеными числились 144 офицера и 1438 всадников. Многие всадники могли гордиться не одной георгиевской наградой [11].

«Дикой дивизии» выпала своя роль и в великой русской драме – революционных событиях 1917 г. После летнего наступления 1916 г. дивизия была занята позиционными боями и разведкой, а с января 1917 г. находилась на спокойном участке фронта и в боевых действиях больше участия не принимала. Вскоре она была в полном порядке выведена на отдых, и война для нее закончилась.

Февральскую революцию всадники «Дикой дивизии» встретили с растерянностью. По наблюдениям современников, «всадники, с присущей горцам Кавказа мудростью, ко всем “достижениям революции” отнеслись с угрюмым недоверием».

Слова «Временное правительство» ничего не говорили этим лихим наездникам с Кавказа и решительно никаких образов не будили в их восточном воображении. Но революционные новообразования в виде дивизионных, полковых и прочих комитетов затронули и «Дикую дивизию». Однако здесь в их «устройстве», в отличие от других воинских формирований Российской армии, самое деятельное участие принял старший командный состав полков и дивизии, а дивизионный комитет возглавил командир Черкесского полка Султан Крым-Гирей [12]. В дивизии сохранилось чиновничество. Революционным очагом в дивизии стала команда матросов-пулеметчиков Балтийского флота, приписанная к соединению еще до революции. В сравнении с ними «туземцы выглядели гораздо тактичнее и сдержаннее» [13].

В конце июня 1917 г. Временное правительство предприняло попытку начать крупное наступление на Юго-Западном фронте. Но из-за нежелания солдат воевать это наступление с треском провалилось.

В конце августа был запланирован поход верных Корнилову войск на Петроград. Для участия в этом походе решено было использовать «Дикую дивизию» и 3-й кавалерийский корпус генерала Крымова. По расчетам Корнилова, этих сил должно было вполне хватить для того, чтобы нейтрализовать войска Петроградского гарнизона, разогнать Советы и установить военную диктатуру.

В условиях назревания гражданской войны, мотив межнационального столкновения, связанный с использованием в выступлении Корнилова «Дикой дивизии», весьма смущал участников назревшего конфликта. Петроград, по выражению историка Г.З. Иоффе, от этой вести «оцепенел», не зная чего ожидать от «горских головорезов» [14].

Б.В. Савинков, который был «всею душой с Керенским» и его замом на посту военного министра (по просьбе Керенского), 24 августа просил Корнилова заменить Кавказскую дивизию регулярной кавалерией, так как **«неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам»** (выделено нами. – К.А.). Контрреволюционный корниловский мятеж в августе вызвал широкое народное сопротивление. Власти осознали, что Корнилов намерен свергнуть Временное правительство и заменить его военной диктатурой. В этих условиях они сочли за лучшее обратиться за помощью ко всем революционным силам, включая большевиков. В результате совместных действий революция была спасена, что принесло им немалые политические дивиденды [15].

Причина неудачи состоит в том, считает Н.Н. Брешко-Брешковский, что «генерал Корнилов, лишенный диктаторского честолюбия, диктаторского темперамента и диктаторского тяготения к власти, не повел дивизию сам» [16]. Близкие к А.Ф. Керенскому военные посоветовали ему выслать к всадникам «Дикой дивизии» делегацию из туземцев-мусульман. Они и решили исход дела: «Зачем вам, кавказским горцам, вмешиваться в дела русских? Разве мало вы навоевались, и разве не ждут вас в родных аулах ваши семьи? Довольно! Керенский отправит вас на Кавказ и еще так наградит – на всю жизнь хватит!.. Клин соблазна и раздора был умеючи вбит, а тут еще неподвижность, бездействие, могущие разложить самых твердых и стойких» [17].

Не последнюю роль в этих событиях сыграл командир Черкесского полка Султан Крым-Гирей. Популярный в горских частях Дикой конной дивизии боевой офицер и заботливый командир полковник Крым-Гирей еще 24 апреля 1917 г. был избран всадниками председателем дивизионного комитета. Его положение в этот период было сложным и противоречивым. С одной стороны, он как офицер и командир не мог не выполнять приказы высшего армейского начальства, тем более главнокомандующего генерала Корнилова. С другой стороны, Крым-Гирей как председатель дивизионного комитета – нового общественного института, созданного революцией, обязан был выступить против контрреволюционного мятежа. Так же как и деятели Центрального комитета «Союза объединенных горцев Кавказа», сформированного 6 марта 1917 г., полковник Султан Крым-Гирей сделал свой выбор в пользу Февральской революции, не поддержав корниловский мятеж. Он резко отрицательно относился к возможности использования «Дикой дивизии» в жандармских целях.

В развернутом докладе командира черкесского полка полковника Султана Крым-Гирея на II съезде Союза объединенных горцев Северного Кавказа дана исчерпывающая характеристика расстановке полити-

ческих сил в корниловском заговоре, места и роли «Дикой дивизии» в нем. Из доклада видно, что утром 29 августа 1917 г. в дивизию прибыла делегация Центрального Комитета Всероссийского мусульманского союза во главе с председателем комитета А.Т. Цаликовым. Делегация разъяснила суть происходящих событий и призвала всех всадников не вмешиваться в заговор генерала Корнилова против революции.

К этому следует добавить, что Союз объединенных горцев и Терский областной исполнительный комитет обратились с просьбой о возвращении кавалерийского корпуса на Кавказ к председателю Временного правительства А. Керенскому. Эта просьба была удовлетворена последним.

В общем, вся затея с диктатурой генерала Корнилова завершилась полным фиаско. Генерал Крымов после разговора с Керенским застрелился, а Корнилов был арестован и отправлен в тюрьму города Быхова.

Горцы всегда сохраняли верность своим традициям, адату. Гость всегда был под защитой бисыма (хозяина), даже если он находился в кровной местности с приютившим его на время. Следуя своим «адатам», этим неписаным законам, они спасали у себя в аулах не только своих офицеров, но и вообще всех, кто искал у них защиты. Долг самого широкого гостеприимства – священная обязанность для каждого мусульманина не только по отношению к друзьям, но и к самым лютым врагам. Даже в том случае, если ищущий приюта и очага «кровник», т. е. убивший кого-нибудь из той самой семьи, в которой он прячется от преследования. Вот один из неисчислимых примеров из кровавой российской междоусобицы, когда кавказские горцы подолгу скрывали у себя преследуемых большевиками русских офицеров. Узнав, что в одном из черкесских аулов находится великий князь Борис Владимирович Романов, большой советский отряд с пулеметами и двумя орудиями занял все подступы к аулу и объявил им ультиматум:

«– Или Борис Романов будет немедленно выдан, или весь аул будет разгромлен.

Совет старейших под председательством муллы единодушно вынес решение: Великого князя не только не выдавать, а, вооружившись, всем защищать его до последнего человека. Это и было объявлено великому князю, на что с его стороны последовало возражение:

– Уж лучше погибну я один, чем вы погибнете все.

Ответ ему держал восьмидесятилетний мулла, семь раз побывавший в Мекке, патриарх в белой чалме с зеленой каймой:

– Ваше императорское высочество, если мы тебя выдадим и через это останемся живы, на головы наших детей, наших внуков падет несмываемое бесчестье. Мы будем хуже собак, и каждый горец будет иметь право плевать нам в лицо.

В несколько минут весь аул являл собой военный лагерь. Все черкесы вооружились поголовно, все – от стариков до подростков включительно. В штаб отряда красных послан был парламентар с ответом на предъявленный ультиматум.

– Великий князь наш гость, и мы его не выдадим. Попробуйте взять силую...

Долго совещались между собою начальники отряда. Они знали фанатизм горцев, знали, что если даже и победят красные, то ценою больших потерь, особенно когда втянутся в самый аул, где каждую саклю придется штурмовать, как маленькую крепость. Знали еще, что в этом ауле имеется около шестидесяти всадников черкесского полка, прошедших опыт Великой войны. Каждый такой всадник стоит десяти красноармейцев. При таких условиях бой был бы рискованной авантюрой» [18].

Особо следует подчеркнуть: все народы России с глубоким уважением относились и относятся к государствообразующему народу – русскому народу, именно с ним связывали свое благополучие и процветание. Подтверждением этому стали события Первой мировой войны 1914–1918 гг. и деятельность Черкесского полка «Дикой дивизии». Имеется весьма интересное свидетельство видного государственного деятеля страны А.И. Микояна, который в 20-е гг. XX в. возглавлял Северо-Кавказский крайком РКП(б), куда входила тогда только что образованная в 1922 г. Адыгейская автономная область. «Из горских народов, – пишет А.И. Микоян, – адыгейцы были наиболее экономически обеспеченными. С кубанскими казаками – населением соседних станиц – они жили дружно. Не помню случая, чтобы мы когда-нибудь обсуждали вопрос о бандитизме среди адыгейцев. Во главе ревкома Адыгеи стоял уважаемый адыгейцами Хакурате, серьезный, рассудительный коммунист» [19].

Как участники Белого движения, большинство всадников вынуждены были эмигрировать после гражданской войны. Но даже находясь в эмиграции, они оказались верны боевому братству, сложившемуся в эти годы, когда русские, горцы, казаки, другие представители многонациональной России защищали ее интересы. Весьма трагична и драматична судьба другого знаменитого военного деятеля горцев, последнего командира Черкесского полка в годы Гражданской войны генерала Султан-Гирей Клыч, примкнувшего к Белому движению.

В 1942 г. Султан-Гирей Клыч, имевший задание от вермахта сформировать добровольческий полк из черкесов для борьбы с СССР и для этого специально приехавший в Адыгею, говорил аульчанам: «Я объехал весь мир. Но страны лучше России я нигде не встречал. Русские, и

только они, могут спланировать, помогать другим народам. В русском человеке, в его характере заложены эти удивительные качества. Вам надо жить только с Россией, с русским народом. Это ваша Родина. Не измените ей. Не дайте немцам обмануть вас. Не слушайте их. Не доносите друг на друга. Оберегайте друг друга. В этом ваше спасение» [20]. Задание он не выполнил. Выданный союзниками, в соответствии с решениями Ялтинской конференции союзных держав по антигитлеровской коалиции, генерал Султан-Гирей Клыч вместе с другими деятелями Белого движения по приговору военного трибунала был казнен в январе 1947 г. в Москве. Имел ли он шансы не возвращаться в СССР? Многочисленные источники свидетельствуют о том, что не только имел такие шансы, но его уговаривали не делать этого опрометчивого шага. В мае 1945 г., выступая в Австрии перед такими же обманутыми кавказцами (около 5 тыс. человек), он сказал: «Пусть те, кто в состоянии уйти, – особенно молодежь, – немедленно уйдет и забудет о нашей мечте освободить Кавказ и кавказские народы. Сам же я слишком стар, чтобы продолжать борьбу и предпочитаю сдаться на милость победителя». Призыв этот возымел действие, и англичанам сдались 125 кавказских офицеров во главе с Султан-Гиреем Клыч [21]. На все увещания не ехать в Россию он ответил: «Какими глазами я буду смотреть в лицо окружающим, если мои товарищи П. Краснов, А. Шкуро, С. Краснов, Г. Доманов, А. Васильев и другие, с которыми я укрывался одной буркой, а седло служило нам подушкой, поедут в Россию на верную гибель, а я их брошу, останусь здесь? На этот шаг я никогда не пойду!» [22]. Отважный воин, храбрый до безумия черкес, он до конца остался верен боевому братству, сложившемуся между казаками и горцами в годы Первой мировой войны.

Примечания

1. Ачмиз К.Г. Кавказская война в исторической памяти народов России. Сборник статей. Майкоп, 2015. С. 27.
2. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 77.
3. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2 частях. Рига, 1920; Кедровский В. 1917 рік. Вінніпег, 1967.
4. Дзагалов А.С. Воины-кавказцы в украинской периодической печати 1914–1918 годов // Исторический вестник: Институт гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Выпуск V. Нальчик, 2007. С. 232.

5. Опрышко О.Л. По тропам истории. Нальчик, 2007.
6. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: возвращение из забвения. Нальчик, 2007.
7. Вершигора А.Д. Черкесский полк в первую мировую войну // Литературная Адыгея: Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Адыгеи и Комитета РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации. № 1 (январь – март) 1998 г. С. 74–101; № 2 (апрель – июнь) 1998 г. С. 77–91.
8. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.
9. Дзагалов А.С. Указ. соч. С. 206–234.
10. Казаков А. Адыги и абхазо-абазинцы в Первой мировой войне в составе Черкесского конного полка Кавказской туземной конной дивизии и других воинских формирований // Лики адыгского прошлого. Историческое приложение к газете «Адыгэ макъ». 2015. Вып. № 21 (133); 2016. С. 3–6; Вып. № 1 (135). С. 3–6.
11. Первая мировая (Великая) война 1914–1918 гг.: крупные военные операции. К 100-летию Брусиловского (Луцкого) наступления Российской Императорской армии в Первой мировой (Великой) войне 1914–1918 // Материалы международной научно-практической конференции 30 мая – 2 июня 2016 г.). Магас, 2016. С. 53.
12. Кошев М. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX в.). Майкоп, 1999. С. 62.
13. Безугольный А. Горцы на фронтах Первой мировой войны и в революционных событиях 1917 г. URL: http://www.stoletie.ru/voyna_1914/dikaja_divizija_311.htm (дата обращения: 30.05.2017).
14. Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. С. 39.
15. Цаголов Г. Георгий Плеханов: марксизм с человеческим лицом // Российские вести: федеральный выпуск. 11–17 февраля 2017 г. № 1(2192).
16. Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч. С. 81.
17. Там же. С. 82.
18. Там же. С. 88–89.
19. Микоян А.И. В начале двадцатых... М., 1975. С. 182.
20. Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей Клыч. 2-е изд., перераб. и доп. Майкоп, 2002. С. 320.
21. Кошев М. Указ. соч. С. 108.
22. Первая мировая (Великая) война 1914–1918 гг.: крупные военные операции... С. 54.

С.В. Филатов

ГРАЖДАНСКИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ДОНА И КУБАНИ В 1917 г.

После Февральской революции перед Временным правительством стояла центральная задача – сформировать по всей стране действенный административный аппарат для проведения необходимых политических и социальных реформ, подготовить путь для преобразования России в федерацию. Основные позиции правительства по этому вопросу были изложены в выступлениях министра-председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова [1]. Основное обязательство, которое правительство приняло на себя, состояло в созыве в ближайшее время Учредительного собрания, избранного всеобщим, равным и тайным голосованием. До созыва Учредительного собрания предполагалось провести реформы, необходимые для обеспечения начал свободы и правопорядка. В регионах правительство собиралось опереться на свои органы – общественные комитеты и т. п. В местных общественных комитетах и аналогичных органах правительство видело начало местного демократического самоуправления, готовившего народ к будущим реформам. Эти комитеты, по мнению Временного правительства, являлись фундаментом, на который должно было опереться местное управление до создания его новых органов.

Весной 1917 г. развернулась разработка и принятие Временным правительством и его органами на местах документов о статусе институтов местного самоуправления [2]. Гражданские исполнительные комитеты формировались в городах и сельской местности. Часто данный процесс шел снизу. Органы власти Временного правительства создавались представителями различных слоев населения, а затем на разных административных уровнях обсуждались проблемы их функционирования и задачи, стоящие перед ними.

Особо популярной стала идея крестьянских комитетов. С первых дней революции они создавались снизу по инициативе масс. Назывались они по-разному: волостные, гражданские, народные, земельные комитеты. Часто Советы крестьянских депутатов выполняли и совмещали их функции (например, в Ставропольской губернии). Несмотря на различные названия, они имели общие черты: выбирались на основе демократических принципов, во многих местах по революционному почину масс для подготовки к аграрной реформе, а затем по проведению этой реформы и выборов в Учредительное собрание.

Уже 18 марта 1917 г. Донской исполнительный комитет (ДИК) предложил мировым судьям образовать в станицах и хуторах исполнительные комитеты [3]. Временное правительство направляло данный процесс. 19 марта было принято постановление о волостных комитетах. Их организация поручалась уездным правительственным комиссарам. Комитетам предписывалось поддерживать на местах порядок и общественное спокойствие. Образование местных органов Временного правительства заняло длительное время. 9 апреля в Екатеринодаре началась работа Областного съезда представителей населения Кубанской области по выработке начал местного самоуправления. На заседании Кубанского областного исполнительного комитета 19 мая 1917 г. был поставлен вопрос о необходимости начала работы Комиссии по самоуправлению. Постановили «создать комиссию и разработать инструкции для местных гражданских комитетов» [4].

Все местные исполнительные комитеты региона выражали доверие и поддержку Временному правительству [5]. Как вспоминал А.Ф. Керенский, «в такие комитеты, как правило, входили представители всех наиболее важных учреждений и организаций. Никто не смог предложить какой-либо другой путь создания механизма местной администрации в условиях, когда центральное правительство России вообще не располагало какими бы то ни было средствами для усиления своей власти» [6].

Достаточно трудно сегодня определить состав, характер, численность местных гражданских исполнительных комитетов. По своему характеру это были общедемократические органы власти, но, как правило, они состояли из представителей общественных организаций, однако с преобладанием цензовых элементов [7].

Войсковым съездом казачества Дона (апрель 1917 г.) в лице комиссии по реформе казачьего управления совместно с ДИК, войсковым съездом казачества Кубани (апрель 1917 г.) и Кубанской областной комиссией по самоуправлению разрабатывались положения по определению порядка выборов и нормы представительства в местных комитетах [8]. Был определен порядок выборов хуторских и станичных временных исполнительных комитетов. Хуторские комитеты избирались на основании прямого, равного, тайного голосования гражданами без различия пола, в возрасте от 20 лет, с пропорциональным представительством от различных групп населения. Общественные организации и различные учреждения, находящиеся в дальних селениях, посылали своих представителей в исполнительный комитет, но принимались они в состав комитета по постановлению общего собрания. Станичные временные исполнительные комитеты формировались из представителей хуторских

и сельских исполнительных комитетов. Причем для увеличения числа постоянных работников $\frac{1}{3}$ всего состава станичного комитета могла быть избрана на основании 4-частной формулы из жителей самой станицы. Общественные организации и учреждения также посылали своих представителей, которые принимались по постановлению общего собрания [9]. Что касается городских исполнительных комитетов, то общего порядка выборов не было, отсюда совершенно различные нормы представительства и их численности.

Лидерующие позиции в гражданских исполнительных комитетах преимущественно заняли кадеты, а в некоторых – меньшевики и эсеры. Это объяснялось тем, что, исходя из своих доктринальных объяснений характера революции (меньшевики считали ее буржуазной, эсеры – народной, кадеты – антимонархической, демократической), эти партии на практике стремились укрепить и расширить свое влияние в стране. Среди этих партий лидерство прочно удерживали кадеты. Поэтому во главе большинства комитетов стояли именно они.

Временным правительством был определен статус данных организаций, их задачи и роль. Князь Г.Е. Львов отмечал: «В лице местных общественных комитетов и других подобных органов уже созданы зародыши местного демократического самоуправления, подготовляющие население к будущей реформе. В этих комитетах правительство видело фундамент, на котором должно было держаться местное управление до создания его новых органов» [10].

В соответствии с решениями правительства местные административные органы власти Дона и Северного Кавказа обсуждали и разрабатывали данные вопросы. Казачество, поддерживая Временное правительство, тесно сотрудничало с ним в вопросах организации власти, в частности в образовании исполнительных комитетов. Так, на местах везде шли процессы образования властных структур. Главная задача – образование общественных комитетов с целью полной поддержки правительства [11].

Войсковой съезд казачества Дона, решая вопросы об организации власти в сельских районах области Войска Донского, определил статус, роль и задачи органов власти Временного правительства на местах. В результате всестороннего обсуждения съездом вопроса по реформе казачьего управления были выработаны положения, определившие статус, функции исполнительных органов власти в сельских районах, а также окончательные положения по организации власти на местах [12]. Исполнительные комитеты – хуторские, сельские, станичные, волостные, окружные и областные – признавались временными общественными

организациями, возникшими вследствие государственного переворота. Повсеместное учреждение временных исполнительных комитетов было признано желательным, но не обязательным, поэтому вопрос об их образовании зависел от воли самого населения. Существующие комитеты признавались необходимыми впредь до издания закона о местном самоуправлении [13]. Съездом было принято важное дополнение, сделанное М.И. Багаевским: «Комитеты должны иметь значение политическое в смысле организации управления на строго демократических началах и укрепления в сознании масс государственно-правового сознания» [14].

Было решено, что местные исполнительные комитеты будут представлять до созыва Учредительного собрания высшую гражданскую власть на местах. Председателями этих комитетов объявлялись комиссары правительства [15].

В управленческих кругах существовало различное понимание назначения местных органов власти. Областной комиссар Кубани К.Л. Бардиж обнаружил следующий специальный циркуляр с разъяснением о положении гражданских комитетов: «Они не имеют ни распорядительных, ни исполнительных функций по управлению и рассматриваются как комитеты общественного мнения, цель которых – широкое своевременное оповещение населения о текущих моментах, решение насущных жизненных вопросов» [16].

Съезд казачества Дона отметил в своих решениях, что «основные задачи временных исполнительных комитетов заключались в том, чтобы наблюдать за деятельностью должностных лиц и учреждений, поддерживать порядок и спокойствие среди населения, проводить в жизнь новые реформы путем пропаганды и просвещения, организовать народные массы и подготовить их к выборам в Учредительное собрание» [17].

Примечания

1. Приазовский край. 1917. 8 марта.
2. Вольный Дон. 1917. 29 апреля.
3. Приазовский край. 1917. 18 марта.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 45. Л. 1; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 3750. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
5. Северокавказское слово. 1917. 31 мая.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / пер. с англ. М., 1993. С. 159.
7. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 45. Л. 1; ГАРО. Ф. 3750. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
8. Вольный Дон. 1917. 29 апреля.

9. Вольный Дон. 1917. 4 марта, 6 марта.
10. Приазовский край. 1917. 18 марта.
11. Там же.
12. Вольный Дон. 1917. 29 апреля.
13. Там же.
14. Там же.
15. Вольный Дон. 1917. 25 апреля.
16. Северокавказский край. 1917. 17 апреля.
17. Вольный Дон. 1917. 20 апреля.

Д.И. Состин

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА ДОНУ, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 г.

Основным содержанием общественно-политической жизни России 1917 г. были революции, порожденные системными причинами, а также войной и неспособностью самодержавия справиться с социальным и экономическим кризисом. После Февральской революции 1917 г. вопрос о власти в России решился в пользу Временного правительства. Практически одновременно по инициативе политически активного населения было провозглашено создание Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Демократические преобразования в России начинались в крайне сложной, противоречивой обстановке двоевластия и борьбы различных альтернатив на путях постфевральского развития страны. Видную роль в этом процессе играли российские политические партии. По мере ухудшения внутривластного положения, падения уровня жизни населения страны обострялась межпартийная борьба, менялись взаимоотношения партий и власти, особенно по мере ослабления управленческих функций последней. Часть партий, в основном либеральных (октябристы и кадеты), занимали конструктивные реформистские позиции по вопросам государственного устройства, их представители входили в первый и последующий состав Временного правительства, другие вели деятельность, направленную на дискредитацию демократии и парламентаризма, политических институтов европейского типа. Партийные и межпартийные противоречия в феврале – октябре

1917 г. сопровождалась острой политической конкуренцией, борьбой за влияние на различные слои российского общества, уставшего от тягот военного времени, ожидавшего скорейшего решения аграрного и других важнейших вопросов. Отдельным фактором в этой сложной и неоднозначной ситуации выступало российское казачество, рассредоточенное в одиннадцати войсковых соединениях, наиболее крупным из которых было Донское казачье войско. Казачьи верхи и их представители – А.М. Каледин на Дону, А.А. Дутов в Оренбурге, М.А. Караулов (Терек), хотя и признавали формально Временное правительство, но выступали за сохранение самобытности сословия и его свобод.

После падения самодержавия на Дону и Кубани, как и в других казачьих областях России, было восстановлено казачье самоуправление. В первые месяцы 1917 г. основная масса казачества проявляла политическую инертность. Казаки не принимали активного участия в общественной жизни. Сказывалось отсутствие революционных настроений в казачьей среде. Казаки, в отличие от основной массы российского крестьянства, даже в период 1914–1917 гг. отличались более устойчивым экономическим положением. Не случайно В.И. Ленин считал казаков привилегированным крестьянством и говорил, что казачьи двory стояли на первом месте среди богатой землевладением группы [1].

Нескольких месяцев деятельности «демократического» правительства оказалось достаточно, чтобы страна оказалась на грани краха. Активизировалась деятельность леворадикальных сил большевиков и эсеров, оказывавших влияние на иногороднее крестьянство, они призывали последних к захвату и разделу частновладельческих, а также казачьих земель на Дону, Кубани, Терекe. Политическая деятельность левых сопровождалась агитационной работой, созданием крестьянско-казачьих союзов и советов крестьянских депутатов. Общественно-политическая обстановка в казачьих районах постепенно накалялась. Казачество выступало против радикального решения аграрного вопроса, как это предлагали левые партии, прежде всего эсеры. Казакам хотелось сохранить свою самобытность, земельные права, а также, что немаловажно, свое сословное самоуправление. Идея сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалась на многих станичных сборах, в частности на собрании казаков Ростова и Нахичевани, проходившем 8 апреля 1917 г. в Ростове. В одном из докладов, предложенных собранию, говорилось: «Казачество находится во власти исторических традиций. Оно имеет свои особенности, завещанные ему историей, и оно имеет право на общественно-правовую ячейку (автономию)» [2]. Подобным содержанием отличалась резолюция Донского Войскового казачьего съезда, на кото-

ром присутствовали выборные от всех станиц области, который проходил в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске. В резолюции отмечалось: «Самобытность Донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций требует сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества» [3].

В апреле 1917 г. в сложной для страны обстановке, когда в Петрограде разворачивался политический кризис, на Кубани была создана Кубанская войсковая рада, которая выполняла функции кубанского правительства. В мае 1917 г. Большой войсковой круг создал Донское войсковое правительство во главе с генералами А.М. Калединым и М.П. Богаевским. Войсковое правительство обеспечивало интересы казаков на местах, поддерживало самоуправление казачьих станиц, выступало против захватов войсковых земель. Оно допускало участие представителей от казачьего населения в создаваемых советами крестьянских депутатов земельных комитетах, но не признавало компетенции этих комитетов в отношении юртовых, войсковых земель [4]. Круг провозгласил свое областное верховенство, противопоставив себя Донскому исполнительному комитету и Советам, которыми руководили представители социалистических партий. Круг заявил об исключительном праве донских казаков на войсковые земли. Все леса, водные хранилища, рыбное хозяйство, недра земли объявлялись владением Войска.

Таким образом, к лету 1917 г. у казачества и его вождей наступило разочарование – и в личности «светлого гражданина», и в той политике, которую проводило Временное правительство. Казачье самоуправление, (казачий круг), опиравшееся на Войсковое правительство и его вооруженные формирования (казачьи полки), являлось фактором стабильности и относительного спокойствия на Дону. На Кубани 4–17 июля 1917 г. Войсковой совет вынес постановление ликвидировать Областной исполком народных депутатов, которым руководили эсеры и другие социалисты и передать власть в руки войсковому правительству [5]. Позднее, в сентябре 1917 г., на съезде донского, кубанского и терского казачьих войск в Екатеринодаре было принято решение о вступлении казачества на путь «самоопределения», что, по сути, означало выход из-под влияния центральных и местных органов временного правительства [6]. С конца августа – начала сентября 1917 г. на юго-восток Европейской России по распоряжению военного ведомства были переброшены надежные части, полки «Дикой дивизии». В этих условиях деятельность политических партий, особенно социалистических, а также Советов, где доминировали эсеры и меньшевики, была затруднена. Положение последних к тому же

осложнялось непрерывной межфракционной и межпартийной борьбой на фоне выборов в местные органы власти и самоуправления [7].

В несколько других политических условиях протекала общественная жизнь в Ставропольской губернии. 4 марта 1917 г. губернская газета «Северокавказский край» опубликовала манифест императора Николая II об отречении от престола. 6 марта председатели городской думы, земства, союза земств и городов совместно с другими организациями либерального направления создали губернский Комитет общественной безопасности (КОБ). В своей практической деятельности КОБ сотрудничал с губернским комиссаром Временного правительства Д.Д. Старлычановым. Выступая 12 марта 1917 г. в губернской земской управе, он заявил: «В нашу задачу входит возможное сохранение того, что существовало до этого, с незначительным дополнением. Комитет общественной безопасности в своих начинаниях должен руководствоваться политическим тактом» [8].

Помимо КОБов в Ставропольской губернии с весны 1917 г. действовали другие общественные организации, профессиональные объединения, например губернский Союз землемеров, Ставропольский учительский союз, в который входило более 2000 человек, наконец, Ставропольский крестьянский союз, сформировавшийся в апреле 1917 г. Последний примыкал к Всероссийскому крестьянскому союзу. Общественные организации, имевшиеся во многих уездах губернии, в первую очередь крестьянские союзы, совместно с местными комитетами общественной безопасности обеспечивали порядок, вели учет продовольствия и борьбу со спекуляцией, вмешивались в решение практически всех проблем на местах. Массовые общественные объединения на Ставрополье составляли серьезную конкуренцию политическим партиям, развернувшим активную деятельность, пропагандистскую работу с населением, особенно в период подготовки к выборам в Учредительное собрание. Совместно с социалистами-революционерами, имевшими прочные позиции среди иногороднего крестьянства, в советах представители профсоюзов, крестьянских союзов принимали участие в губернских крестьянских съездах, разработке резолюций, отражавших настроение значительной части ставропольского населения.

Общественно-политическая обстановка в регионе начала ухудшаться осенью 1917 г. Она усугублялась действиями демобилизованных частей Кавказского фронта. В этот период в губернии появляются так называемые Советы крестьянских депутатов, которые на фоне экономических трудностей объединяли главным образом иногороднее крестьянство. Руководство союзов в целом поддерживало политику Времен-

ного правительства по коренным социально-экономическим вопросам, в том числе аграрному, готовилось к назначенным на ноябрь 1917 г. в губернии выборам в Учредительное собрание [9].

6 ноября 1917 г. общее собрание служащих ставропольского губернского земства, а также общественные деятели обсудили положение в стране после второго съезда Советов в Петрограде, передавшего всю полноту власти Советам, и приняли постановление, в котором говорилось: «Решительно осудить попытку большевиков вооруженным восстанием, сопровождавшимся насилием, убийствами и бессмысленным вандализмом, навязать свою волю незначительного меньшинства всему народу накануне выборов в Учредительное собрание. Решительно протестовать против свержения всенародно признанного Временного правительства. Протестовать против подавления свободы слова, превосходящего в своих проявлениях худшие приемы самодержавия, и т.д.» [10].

Между тем судьба демократии на Ставрополье была предрешена. Значительно укрепившие свои позиции в декабре 1917 г. в губернском центре большевики, опиравшиеся на солдат местного гарнизона, взяли курс на переход власти к Советам. Большевики не имели численного превосходства в общественных и партийных организациях губернии, однако в организационном отношении отличались сплоченностью, дисциплиной и оперативностью в быстро меняющейся политической обстановке. После бурных обсуждений вопроса о власти в Ставропольской губернии на четвертом губернском крестьянском съезде, проходившем 29 декабря 1917 г. в Ставрополе с участием большевистски настроенных солдат, была принята, по сути, большевистская резолюция: «Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, впредь до открытия учредительного собрания, с защитой этого права с оружием в руках» [11]. Далее большевики влились в работу Народного собрания, которое проходило одновременно с губернским крестьянским съездом под влиянием так называемой «объединенной демократии» меньшевиков и эсеров. Большевики оттеснили «объединенную демократию» от руководства собранием. В результате было принято постановление, гласившее организовать в губернии власть Советов рабочих и крестьянских депутатов. Подобным образом ситуация выглядела и в целом по России. Практически во всех ее регионах формировалась власть Советов рабочих и солдатских и Советов крестьянских депутатов. В зависимости от степени влияния в них тех или иных партий одни Советы были союзниками Временного правительства, другие решительно выступали против него. Естественно, двоевластие когда-то должно было кончить-

ся. Как известно, в октябре 1917 г. Временное правительство было свергнуто, II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, большинство делегатов которого составляли большевики, провозгласил установление Советской власти в России. Непродолжительное время просуществовала и Конфедерация представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. В условиях кризиса центральной власти ее деятельность оказалась бесперспективной. В России была установлена Советская республика как особая форма правления. Судьба небольшевистских партий на российском политическом поле была предreshена. Начался новый период в российской истории.

Примечания

1. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 410.
2. Ростовская речь. 1917. 11 апреля.
3. Вольный Дон. 1917. 26 апреля.
4. Вольный Дон. 1917. 15 октября.
5. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. С. 125.
6. Там же. С. 130.
7. Народная воля. 1917. 6 августа.
8. Северокавказский край. 1917. 4 марта.
9. Северокавказское слово. 1917. 17 ноября.
10. ГАСК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 47, 49.
11. Там же. Л. 60. 225.

Ф.Р. Федоровский

ОБЛАСТНЫЕ СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОГО БАССЕЙНА 1917 г.: ПРЯДТЕЧИ СОЗДАНИЯ ДКР

Революции 1917 г. и провозглашение большевиками права наций на самоопределение резко ослабили центральную власть России. На территории бывшей империи начали бурно возникать новые суверенные единицы. В частности, на территории Малороссии зародились Киевская национальная УНР, Харьковская Советская УНР, Крымская,

Одесская республики и самая известная – Донецко-Криворожская Республика. Фактически Украины как единой державной территории не существовало.

Нас в первую очередь интересуют государствообразующие процессы на территории Донбасса, который возник как отдельный регион именно в ходе событий 1917 г. Создание ДКР не было спонтанным решением, оно имело свои предпосылки и предысторию. Одним из важных моментов являются областные съезды советов Донецко-Криворожского бассейна, которых в 1917 г. прошло три. Исторический опыт самоорганизации государственных структур в Донбассе весьма актуален в сегодняшних условиях формирования и развития республик Новороссии.

Необходимость административного объединения Донецкого угольного бассейна и Криворожского рудного района еще с конца XIX в. волновала деятелей Совета съездов горнопромышленников Юга России (ССГЮР). Однако бюрократическая машина Российской империи тормозила любые изменения. Лишь после Февральской революции 1917 г. начали приниматься какие-то решения.

3 марта проходившее в Петрограде Особое совещание по топливу констатировало, что горнозаводская промышленность Юга России требует решительных мер содействия. Был учрежден временный Донецкий комитет во главе с инженером М. Чернышовым. «Действия Временного комитета распространяются на горные и горнозаводские предприятия в губерниях Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и области Войска Донского» [1]. Таким образом, был впервые создан единый орган, координирующий работу предприятий в рамках всего региона вне зависимости от административных границ. В состав Донкомитета вошли 3 представителя военных структур, 4 представителя Союза горнопромышленников Юга России и 4 делегата от Советов рабочих депутатов разных губерний: Цукублин, А. Добровольский, И. Туляков (все меньшевики). 15 марта в Юзовке представитель Харьковского совета озвучил идею объединения советов Харьковской, Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний с центром в Харькове [2]. То есть идея регионального объединения витала в воздухе.

15–17 (28–30) марта в уездном центре Бахмуте (ныне Артёмовск) прошла I конференция Советов Донбасса, которую можно рассматривать как «предсъезд». 138 делегатов от 48 советов Горловки, Лисичанска, Бахмута и др. представляли 187 тысяч рабочих. В повестке дня значилось 9 вопросов: текущий момент и задачи пролетариата, организация районного совета рабочих депутатов, введение 8-часового рабочего дня и др. Эсеро-меньшевистское влияние выразилось в принятии весьма

умеренных резолюций. Всего их было семнадцать: О текущем моменте, Об отношении к Временным общественным комитетам, Об объединении Советов рабочих и солдатских депутатов, Об информационном бюро, О введении 8-часового рабочего дня и др. (полный текст см. [3]).

Делегаты одобрили идею объединения промышленных районов и выдвинули делегатов на планируемый I съезд Советов Донецко-Криворожской области. Было решено разделить Донбасс на 6 районов: Бахмутский, Горловский, Константиновско-Щербиновский, Лисичанский, Макеевский, Юзово-Енакиевский. Также был создан единый координирующий орган – Информбюро с местопребыванием в Бахмуте, во главе с представителем партии Бунд.

25 или 27 апреля (ст. ст.) в Харькове открылся уже I областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. Противоречие в дате пошло от первого автора, исследовавшего вопрос, – Н.Г. Гончаренко, который в своей книге на одной странице указал 25-е число, а на другой – 27-е, назвав мероприятие Южно-русской конференцией Советов Донбасса [4]. Как отмечал В. Снегирев, на этом съезде 170 делегатов представляли свыше 1 млн рабочих и солдат, но полностью отсутствовало крестьянство, «в то время как Центральная рада, наоборот, в своей политике делала ставку на крестьян. Так у еще не родившихся государственных образований появились первые противоречия» [5].

Съезд учредил Областной комитет Донкривбасса и принял положение об организационной структуре Советов, завершив процесс административного объединения Харьковской, Екатеринославской губерний, Криворожского и Донецкого бассейнов. Область разбили на 11 районов, в каждый из которых входило 10–20 местных советов. При формировании области игнорировалось прежнее административное деление Российской империи – в неё вошли Макеевка и Мариуполь, принадлежавшие к области Войска Донского, Кривой Рог, относившийся к Херсонской губернии. Итоговое деление было таким: Александровско-Грушевский район, Луганский, Екатеринославский, Криворожский, Новочеркасский, Ровенско-Должанский, Ростово-Донской, Таганрогский, Харьковский, Чистяковский, Юзовский [6]. Год спустя именно эти земли составили Донецко-Криворожскую Республику. Была создана стройная система Советов области, избран исполнительный комитет. Верховной властью признавался областной Съезд Советов. Председателем Совета и Исполкома был избран харьковский эсер Л.Б. Голубовский.

Важным документом, принятым съездом 2 мая, стало постановление о минимальной зарплате. Выступая в защиту прав рабочих, депутаты установили минимум в 4 рубля за 8-часовой рабочий день, урав-

няли в зарплате женщин, запретили в шахтах труд детей до 15 лет [7]. Эта резолюция была направлена в адрес проходившей одновременно конференции горнопромышленников и вызвала крайне резкую реакцию. Глава ССГЮР Н. фон Дитмар назвал документ «крамольным» и в телеграмме Временному правительству жаловался, что исполнение требований приведет к катастрофе экономики всей страны и «убьет частную предприимчивость» [8]. Предприниматели отказались исполнять требования рабочих. Съезд продолжался до 6 (19) мая 1917 г. По воспоминаниям Артёма, в избранный на съезде Областной комитет вошли 2 эсера, несколько меньшевиков и один большевик [9].

Напомним, что Киевская центральная рада по июльскому соглашению с Временным правительством получила под начало лишь четыре с половиной губернии центра Малороссии. Екатеринославщина, Харьковщина, Новороссия Киеву не подчинялись. С лета 1917 г. на Украине возникло «двоецентрие». Промышленное Левобережье объединялось вокруг Харькова, сельскохозяйственный Юго-Запад – вокруг Киева. Существовало два отдельных обкома Советов, два обкома партии большевиков. 7 сентября лидер Донкривобкома РСДРП(б) Артём писал в ЦК о «фактическом декретировании республики Харьковской губернии» [10]. Таким образом, ДКР была не «искусственным образованием». Возникновение регионального объединения диктовались прагматическими экономическими причинами – объединением административно-раздробленного хозяйственного комплекса. Руководство Донкривобкома, как и большинство других Советов в то время, было вполне эсеро-меньшевистским и оставалось таким до конца года.

6 (19) октября в Харькове начал работу II Областной съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна. На съезд прибыло 146 делегатов, однако местные советы представляли лишь 122 делегата (47 большевиков, 41 меньшевик, 34 эсера), остальные принадлежали к областному и районному руководству. Поскольку оно характеризовалось эсеро-меньшевистским господством, окончательный партийный расклад изменился не в пользу большевиков: их стало 49, меньшевиков – 44, эсеров – 42 и 2 анархиста. В президиум были избраны: три большевика (Артём, А.З. Каменский и Шишков); 3 меньшевика (Радченко, Я.Л. Рубинштейн, А.С. Сандомирский); 3 эсера (Л. Голубовский, Козлов, Смоляков) [11].

Второй день работы съезда был посвящен обсуждению отчета обкома. Председатель Л. Голубовский признал, что из 425 зарегистрированных случаев обращений по экономическим и трудовым конфликтам рабочих разрешен был только 31 конфликт, и то частично. Большевики обрушились с критикой на деятельность обкома, стремясь к его пере-

избранию. Их фракция внесла соответствующую резолюцию, признающую деятельность комитета неудовлетворительной ввиду того, что обком «не отражал воли рабочих, а шел на поводу буржуазии и проводил соглашательскую политику» [12]. Однако эсеро-меньшевистское большинство съезда провалило эту резолюцию и приняло свою (от ПСР), одобряющую деятельность обкома, хотя и незначительным большинством (48 против 44 голосов).

На следующий день на заседании рабочей и экономической секции съезда Артём продолжил громить соглашателей, высказав ряд весьма интересных мыслей: «Мир Америки находится в руках 2-3 фирм и... капиталисты имеют возможность подкупа некоторой наиболее квалифицированной части рабочего класса» [13]. Главным вопросом заседания 11 октября стало принятие «Положения об организации Советов рабочих, солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов», которым де-факто устанавливались границы будущей Донецкой республики. Область делилась на 11 районов.

Центральный вопрос – о власти – рассматривался в последний день работы съезда 12 октября. Усталость не смягчила остроту дискуссии. Эсеры и меньшевики сплоченными рядами выступили против, заявляя, что «захват власти Советами приведет к гибели революции». Поэтому власть должна принадлежать не рабочим и крестьянам, а «всей демократии». Однако склонить съезд к отказу от созыва II Всероссийского съезда Советов им не удалось. И депутатом от обкома в Петроград был послан большевик В.А. Быстрянский (Ватин). Большевики были единодушны: «Власть должна принадлежать Советам». Однако их резолюция, собрав 46 голосов, не прошла. Одобренная эсеро-меньшевистская носила более расплывчатый характер: с одной стороны, признавала, что Временное правительство «не является той властью, которая способна спасти страну», но с другой – призывала к объединению и «солидарным действиям... вокруг Советов и демократических самоуправлений». Съезд избрал областное бюро исполкома Советов: 3 большевика (В. Быстрянский, П. Залуцкий, Артём); 3 меньшевика (П.И. Марк, Н.Е. Попов, Я.Л. Рубинштейн); 3 эсера (Голубовский, Дерюгин, Магид) [14]. Голубовский сохранил председательский пост.

Пиррова победа эсеро-меньшевистского блока в условиях повальной большевизации Советов Донбасса привела к параличу обкома. По воспоминаниям М. Жакова, «на первых же заседаниях областного комитета мы столкнулись с тем, что фракции меньшевиков и с.-р. благодаря представительству от партийных центров получили преобладание, в то время как на съезде большинство в один голос было обеспечено нам. Это

парализовало работу областного комитета. Мы не могли при таком положении разрешить ни одного принципиального вопроса и занимались только “вермишелью”» [15].

Октябрьская революция ускорила процессы образования государственности и в Донецко-Криворожской области, и на Украине в целом. Обком сразу выпустил призыв к Ленину выработать общую линию поведения с другими социалистическими партиями. Большевистская фракция со своей стороны требовала перевыборов. Киевская центральная рада, хоть и не признала Октябрьскую революцию, воспользовалась моментом для провозглашения своего 3-го Универсала о создании отдельной «Украинской Народной Республики», претендовавшей на земли Екатеринославщины и Харьковщины. Хотя, согласно июльскому соглашению, присоединение этих земель к украинской автономии было возможно лишь при условии согласия населения на плебисците.

16–17 (29–30) ноября 1917 г. состоялся исторический пленум обкома Советов Донкривбасса. По мнению В. Астаховой, А. Лихолата, В. Ревеука, П. Варгатюка именно на нем Артём впервые поставил вопрос о выделении Донкривбасса из состава Украины и создании автономной республики Советов в составе России [16]. Однако более верным нам кажется тезис Н. Гончаренко о том, что идея выделения возникла еще в сентябре-октябре [17]. Это подтверждается вышеупомянутым письмом в ЦК от 7 сентября и воспоминаниями Н. Скрыпника [18].

Практически все выступавшие на Пленуме были единодушны в своем неприятии попыток Киева навязать свою власть «населению местностей, не выбиравших Рады и протестующих против политики Рады». Артём заявил: «Украинская интеллигенция боролась за расширение рынка труда для сынов мелкобуржуазной Украины. Украинизация управления, школы, театра и пр. создала бы сразу обширный район для приложения их труда... В целом ряде случаев в Екатеринославской губернии хотят насильственно украинизировать школу, несмотря на протесты родителей... Фактов много, чтобы иллюстрировать это, вплоть до приказов служащим завода, не понимающим по-украински, вести переписку на украинском языке» [19].

Пленум отверг большевистскую резолюцию о поддержке Петроградского переворота. Бэр (от Бунда) заявил: «Мы не за власть большевиков и не за призрачную власть Советов, а за власть социалистических партий» и требовал создания «авторитетной для всей революционной демократии власти по соглашению между всеми социалистическими партиями на платформе интернационалистических фракций и ВИКЖЕЛЯ» [20]. Однако затем пленум принял внесенную Артёмом резолюцию «По укра-

инскому вопросу»: «Областной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов... считает, однако, что наиболее выгодной в настоящее время для пролетариата и демократии формой самоопределения Украины является не отделение ее, а широкая политическая автономия в этнографических границах, определяемых в конечном счете плебисцитом. Областной комитет констатирует, что Универсал проникнут в известной мере сепаратистскими стремлениями, грозящими экономическому единству России... Вместе с тем... как самый Универсал, так... и определение границ провозглашаемой им республики установлены без предварительно проведенного плебисцита. Облкомитет призывает пролетариат Дон-Кривбассейна: 1) требовать производства референдума по всей территории Дон-Кривбассейна; 2) в период, предшествующий референдуму, развить широкую агитацию за оставление всего Дон-Кривбассейна с Харьковом в составе Российской республики, с отнесением этой территории в особую, единую административно-самоуправляющуюся область... В целях планомерного осуществления этих задач областной комитет считает необходимым в начале декабря созвать в Харькове 3-ю Южно-Русскую конференцию всех Советов бассейна» [21]. Отметим, что именно автор этих строк ввел в научный оборот полный текст этого документа [22].

Кардинальные изменения, произошедшие после II Областного съезда, наглядно требовали созыва нового. По мнению первого исследователя ДКР Х. Мышкиса, этот съезд «должен был решить вопрос об организации республики» [23]. Извещением облисполкома созыв III Экстренного областного съезда назначался на 7 декабря. Однако накануне в Харьков неожиданно прибыли «политические погорельцы» из Киева – большевики с сорванного Центральной радой Всеукраинского съезда Советов. Напомним, что запланированный на 4 декабря съезд игнорировался Донецкими автономистами, однако на нем оказались депутаты Луганска, Краматорска, Константиновки, Кривого Рога, Харькова. После срыва съезда украинскими националистами 124 депутата, законно избранных от 49 Советов (большевики, левые эсеры, украинские социал-демократы и сочувствующие), выразив официальное возмущение действиями Киевских властей, объявили о переезде в Харьков.

Они подоспели как раз к открытию III Чрезвычайного областного съезда Советов, который начался 9 (22) декабря в здании Дворянского собрания. На съезд прибыло 77 депутатов с решающим голосом и 6 – с совещательным, которые представляли 46 Советов. Было заслушано сообщение представителя «Киевского краевого съезда Советов... о причинах, не давших возможности заседать в Киеве» и большинством

(43 против 11) постановлено «объединиться для совместного обсуждения политических вопросов... и назвать съезд “съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Украины при участии части крестьянских депутатов”. Была избрана экономическая секция, куда вошли 9 большевиков, 6 меньшевиков и 3 эсера, и мандатная комиссия» [24].

Таким образом, возобладали объединительные тенденции. Вопрос об автономии решили не поднимать. Более того, благодаря объединению двух «полусъездов» удалось провести «Первый Всеукраинский съезд Советов» (около 200 депутатов) и провозгласить на Украине советскую власть. Отметим, что невзирая на проведение «Всеукраинского съезда», работа 3-го областного не прекращалась. Противники слияния – харьковские меньшевики – требовали принять «постановление, которым Донецко-Криворожская область объявляет себя автономной областью, независимой ни от украинской центральной власти, ни от российской... Часть товарищей... высказывались за присоединение Донецко-Криворожской области, в которую входит и Харьков, к России» [25]. Представитель Донкривбасса Я. Яковлев убеждал: «Надо дать возможность мелкобуржуазной Украине создать себе власть по образу и подобию своему, а самим стремиться спасти от рук мелкобуржуазного шовинизма Центральной рады пролетарский Донбасс, который тяготеет значительно больше к Москве, чем к Киеву» [26].

Важным решением съезда стала давно назревшая большевизация руководства обкома. Председателем областного Совета стал Борис Магидов, а Президиум Исполкома 15 декабря возглавил Семён Васильченко, члены РСДРП(б) [27]. Исполком избрали также в основном из большевиков, поэтому и резолюции принимались большевистские.

Для сглаживания противоречий между «киевлянами» и «харьковцами» в столицу Советской Украины срочно прибыл специальный уполномоченный ЦК Г. Орджоникидзе, который провел новогоднюю ночь на Харьковской общегородской конференции большевиков (31.12.1917–01.01.1918), с трудом добившись принятия резолюции, предлагающей «отбросить прочь всякие организационные стремления и работать в тесном контакте с партийными фракциями других организаций» [28]. Благодаря этим усилиям Центра провозглашение ДКР, планируемое на третьем съезде, было отсрочено на четвертый, который состоялся уже в 1918 г.

Таким образом, в условиях революционного безвластия народные массы Юга России сумели объединиться не только в военном плане, но и в политическом отношении. Успеха добилась наиболее организованная часть народа – фабрично-заводской городской пролетариат, который на территории малороссийских губерний Российской империи был сосре-

доточен в наиболее индустриализованном регионе – Донецко-Криворожской области. Высокий уровень классового самосознания позволил донбассовцам подняться на уровень государственной самоорганизации, создав собственную республику. Ступенями к этому событию стали областные съезды Советов региона, сформировавшие в течение 1917 г. структуру и органы власти, очертившие определенную территорию.

Примечания

1. Федоровський Ю.Р. Повстанський рух в Донбасі та Махно: дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2000. С. 24.
2. Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов и материалов. Сталино, 1957. С. 21.
3. Там же. С. 12–19.
4. Гончаренко Н.Г. Советы Донбасса в 1917 году. Сталино, 1957. С. 31, 48.
5. Снегирев В.В. К истории создания Донецко-Криворожской республики // Государственное устройство Украины и проблемы межнациональных отношений. Материалы научно-практической конференции 2 ноября 1991 в Луганске. Луганск, 1991. С. 77.
6. Госархив ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 84–85.
7. Борьба за власть... С. 29–32.
8. Гончаренко Н. Советы Донбасса... С. 48.
9. Артём на Украине. Документы и материалы. Харьков, 1961. С. 163.
10. Там же.
11. Гамрецький Ю.М. II Обласний з'їзд Рад робітничих і солдатських депутатів Донбасу і Криворіжжя // «Питання історії СРСР». Республіканський міжведомствений тематический збірник. Харьков, 1977. Вып. 22. С. 31–32.
12. Там же. С. 33.
13. Гончаренко Н.Г. Борьба за укрепление власти Советов в Донбассе. Луганск, 1963. С. 54.
14. Гамрецький Ю. Указ. соч. С. 35–36.
15. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 60–61.
16. Астахова В.И. Революционная деятельность Артёма в 1917–1918 гг. Харьков, 1966. С. 103; Варгатюк П.Л. Донецько-Криворізька Радянська Республіка в оцінці В.І. Леніна // Український історичний журнал. 1988. №4. С. 38; Лихолат А.В. Здійснення ленінської національної політики на Україні. 1917–1920. Київ, 1967. С. 158; Ревегук В.Я. Донецко-Криворожская республика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1974. С. 14.

17. Гончаренко Н. Борьба за укрепление власти... С. 69.
18. Скрипник М.О. Донбас і Україна // Коммунист. №4. 20 липня 1920.
19. Артём на Украине. С. 175–177.
20. Донецкий пролетарий. 19.11.1917.
21. Госархив ЛНР. Ф.Р-702. Оп. 1. Д. 286. Л. 59–60.
22. Федоровский Ю. Донецко-Криворожская Республика. История в документах // Братья-славяне. №2. Октябрь 1998.
23. Корнилов В. Указ. соч. С. 104.
24. Известия юга. 10.12.1917.
25. Бош Е.Б. Год борьбы. Киев, 1990. С. 135–138.
26. Корнилов В. Указ. соч. С. 105.
27. Федоровский Ю.Р. УНР и ДКР: попытка сравнительной характеристики // Историчні записки. Вип. 2. Луганськ, 2004. С. 182.
28. Донецкий пролетарий. 4.01.1918.

В.К. Смирнова

«ОКтябрьский блок» большевиков и анархистов на Дону в Октябре 1917 г. – начале 1918 г.

Период революции 1917–1918 гг. на Дону в советской историографии изучался историками-краеведами с точки зрения борьбы большевиков за власть Советов на Дону. Большевики преподносились как единственная политическая сила, имевшая авторитет среди населения. Если сотрудничество с другими партиями и упоминалось, то только с позиции их критики. В этом же контексте затрагивались и отдельные аспекты деятельности анархистов, и их взаимоотношения с РСДРП(б). Однако оценка анархистов советской историографией, даже по сравнению с критикой партии левых эсеров, отличалась крайней тенденциозностью. Анархисты однозначно представлялись врагами советской власти, что в действительности было несколько иначе.

Не подлежит сомнению, что большевики, как сторонники сильной власти – диктатуры пролетариата, и анархисты – сторонники безвластия стояли на диаметрально противоположных политических позициях. Между тем тех и других объединяла единая цель – коммунизм (в большинстве своем анархисты были последователями П.А. Кропоткина, который являлся теоретиком анархо-коммунизма), а также склонность

тех и других к радикальным способам борьбы с политическими противниками. Общности отдельных взглядов с анархистами большевики не хотели признавать и категорически подчеркивали разницу в подходах к теории и практике революции. Однако наблюдательные меньшевики отмечали 17 января 1918 г. в газете «Новый луч», центральном органе РСДРП: «Странное дело: чем более растёт партия большевиков как партия масс, чем более выясняется, что другие партии октябрьского блока – левые эсеры, максималисты, синдикалисты и анархисты – не способны организовать кадры, сколько-нибудь сравнимые по численности с большевицкими кадрами, – тем более большевицкая партия теряет свою собственную физиономию, тем сильнее в речах самых образованных лидеров большевизма звучат... “вечные истины” анархо-коммунизма» [1].

Мнение меньшевиков не было наветом политических противников, сами анархисты считали, что «весь дальнейший ход революции развертывался по пути анархического действия. Агитация за явочное прекращение войны, против Учредилки, разгон последней и т. д. – всё это отдельные проявления тех революционных и анархических методов борьбы, которые большевики-марксисты переняли от анархистов» [2].

«Точки соприкосновения» в отношении проведения революции стали основой периода сотрудничества большевиков и анархистов как в центре, так и в регионах. Область Войска Донского не стала исключением, однако специфика политической ситуации октября 1917 – весны 1918 г. определила длительность и прочность этих взаимоотношений. Приход к власти на Дону генерала Каледина и объявление им независимости области Войска Донского от власти Советов в Петрограде стали катализатором становления политического блока большевиков и анархистов. Этот союз имел яркую антикалединскую направленность, что делало меньшевиков и эсеров, вошедших в объединенное войсковое правительство, его главными врагами.

Блок сохранил свои позиции и после прихода Красной армии и освобождения юга ОВД вместе с основными промышленными центрами Ростовом и Таганрогом от белых войск. Однако ситуация осложнилась тем, что вместе с соединенной армией Антонова-Овсеенко в Ростов прибыло множество отступавших под натиском немецкого наступления отрядов, значительную часть которых представляли анархисты. Здесь были анархисты из Киева, Екатеринослава, Харькова, Одессы и других городов [3]. Вновь прибывшие организации в основной своей массе пользовались крайне сомнительной репутацией. Среди них группы «александровских анархистов», «группа непримиримых», «одесские моряки» и т. д. [4].

Приток множества анархистских организаций, основную массу которых составляли люди, имеющие весьма далекие представления о теоретических основах анархизма, ослабил позиции идейных анархистов Ростова, объединившихся вокруг печатного органа «Анархист». Большое скопление в Ростове крайне левых сил крайне усугубило политическую обстановку в городе. Ситуация осложнялась также неспособностью советских властей навести порядок в городе, крайне озлобленным настроением населения, которое приветствовало кровавые расправы с любыми подозреваемыми в симпатиях к белым. В эту неразбериху свою лепту внесли и отряды, прикрывавшие именем анархизма свои темные дела и дискредитировавшие это идейное течение.

Всё это привело к нарастанию напряженности между бывшими соратниками. В апреле 1918 г. началась открытая конфронтация анархистов и большевиков. Поскольку Донская республика находилась в опасности (с одной стороны ей угрожало выступление белого казачества, с другой – наступление немцев), большевикам было невыгодно идти на окончательный разрыв с анархистами, которые были хорошо вооружены и могли стать серьезной опорой в случае нападения со стороны врага. Главной задачей советских властей поэтому стало обуздание наиболее распоясавшихся отрядов, приведение анархистского движения в русло революционного порядка. Это касалось прежде всего анархистов «второго потока», основу деятельности которых составляли экспроприации и грабежи.

На страницах печати началась антианархистская пропаганда. «Донские известия» провозгласили лозунг дня: «Долой анархию-беспорядок, мать пороков и преступлений! Да здравствуют социалистические порядки!» [5]. Начинается вооруженное противостояние. 13 апреля группа анархистов разгромила управление Ростовской городской милиции [6]. 14 апреля 1918 г. часть анархистов была схвачена и арестована. Ответом на это стал ультиматум начальника штаба анархистов-террористов, требовавший их освобождения. Ситуацию пришлось улаживать дипломатическим путем, то есть отпустить некоторых арестованных, поскольку не имелось надежных сил для борьбы с анархистами [7].

Конфликт большевиков и анархистов в Ростове не привел к запрещению собраний и печати последних, как это произошло ранее с меньшевиками и эсерами. Совместная деятельность левых партий продолжалась. Так, анархисты с большевиками и левыми эсерами принимали активное участие в праздновании 1 мая [8].

Политическая ситуация в Таганроге отличалась большей стабильностью. Однако общая тенденция наступления на анархистов в апреле 1918 г. проявилась и здесь. 16 апреля в «Вестнике Таганрогского сове-

та рабочих депутатов» была помещена разгромная статья «Теория и практика анархизма», где утверждалось, что «90 % лиц, носящих гордое звание анархизма, – это форменные громилы и грабители, что только под черным знаменем организуются легально мелкие и крупные воры и взломщики, что только пресловутые федерации, превратившиеся в приюты всякого темного люда... служат им защитой» [9].

Между тем противостояние анархистов и большевиков не переросло в вооруженный конфликт. Это можно объяснить, во-первых, тем, что анархистские лозунги здесь были более популярными и пользовались симпатиями у части населения Таганрога (анархисты были избраны в Совет рабочих депутатов города, тогда как в ростовском Совете их не было). Во-вторых, в Таганроге, в отличие от Ростова, не было такого количества «пришлых» анархистов, поэтому возникновение конфликта между вчерашними соратниками, с которыми вместе работали в подполье, вместе изгоняли юнкеров из города 17 января 1918 г., а теперь бок о бок трудились в совете рабочих и солдатских депутатов, было маловероятно. Союз левых сил (большевиков, левых эсеров и анархистов) в Таганроге продолжался вплоть до немецкого наступления 30 мая.

Отношения большевиков и анархистов претерпели в своем развитии несколько этапов – от тесного сотрудничества и взаимопонимания до вооруженного противостояния. В связи с этим оценка анархистского движения только как негативного и дестабилизирующего не должна быть принята в качестве основополагающей в исторической литературе. Однозначного подхода к этой проблеме быть не может, она требует дальнейшего серьезного изучения и теоретического осмысления.

Примечания

1. Политические партии России. Конец XIX – нач. XX в. Документальное наследие. Меньшевики в 1918 г. М., 1999. С. 134.
2. Липоткин Л. Анархизм в русской революции // Анархический вестник. 1923. № 3–4. С. 21.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1329. Л. 58–59.
4. Локерман А. 74 дня советской власти // ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 85. Л. 50.
5. Донские известия. 1918. 10 апреля.
6. Известия Ростово-Нахичеванского Совета. 1918. № 24.
7. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1329. Л. 30об.
8. Локерман А. Указ. соч. Л. 74.
9. Вестник Таганрогского совета рабочих депутатов. 1918. 29 (16) апреля.

Н.А. Сопова

ТАГАНРОГ В 1917 г.: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Ко времени Февральской революции Таганрог был крупным промышленным центром Юга России. В городе было построено 20 заводов, 44 фабрики и десятки средних и мелких предприятий. Крупнейшими являлись металлургический завод – более 5 тыс. рабочих, котельный завод – около 750 рабочих, машиностроительный завод Кебера – около 200 рабочих. Кроме того, в годы Первой мировой войны, в 1915 г., в Таганрог из Ревеля (Таллина) был эвакуирован Русско-Балтийский завод, на котором работало свыше 10 тысяч человек. В городе, насчитывавшем около 100 тыс. населения, примерно треть была занята в промышленной индустрии [1]. Постепенно, в связи с производственной необходимостью, начали складываться кадры высококвалифицированных работников из числа местных рабочих. Академик-металлург М.А. Павлов, побывавший на таганрогских заводах в начале XX в., высоко отзывался об уровне знаний и профессионализме местных рабочих [2]. Концентрация в городе большого количества рабочих, осознававших свою значимость как специалистов, а впоследствии и самоценность как личностей, во многом определило дальнейшее развитие ситуации в Таганроге и его округе.

Сообщение о Февральской революции и отречении Николая II поступило в Таганрог 3 марта 1917 г. События в столице вызвали необыкновенный подъем общей социальной активности населения. Таганрог, как и вся Россия, первые дни торжествовал. Несмотря на обращение городской Думы к гражданам сохранять спокойствие и порядок, а также воздержаться от шествий и манифестаций, на улицах состоялись многотысячные демонстрации, приветствовавшие свержение монархии [3]. По воспоминаниям Андре Нева, сына одного из крупнейших промышленников города, «...заводские цеха в Таганроге опустели. Рабочие организовывали постоянные митинги под открытым небом. Из нашего дома мы слышали крики “Ура!”, которые приветствовали каждую резолюцию» [4].

5 марта 1917 г. был создан Общегородской распорядительный комитет нового правительства в Таганроге. В состав комитета вошли представители буржуазии и буржуазной интеллигенции, впоследствии представители Совета рабочих и солдатских депутатов, а также гарнизонного собрания офицеров. Председателем был избран известный в городе общественный деятель, бывший голова А.З. Хандрин. Общегородским комитетом были образованы многочисленные комиссии – продовольственная, финансо-

вая, торговая, следственно-юридическая, фабрично-заводская и др. – регулирующие практически все сферы жизни Таганрога [5].

Параллельно начал формироваться общегородской Совет рабочих депутатов, избранный 7 марта 1917 г. Депутаты избирались на рабочих собраниях по фабрикам, заводам и учреждениям. Собрания эти проходили бурно. Один за другим выступали рабочие, выдвигали кандидатуры в Совет и, как правило, заканчивали свои выступления наказами. Бесперывно раздавались лозунги: «Долой войну!», «Добьемся мира!», «Хлеба рабочим!», «Приостановить наступление голода!». 9 марта Совет рабочих депутатов слился с Советом солдатских депутатов и образовался Совет рабочих и солдатских депутатов, выразивший интересы революционной демократии. Лидирующая роль в демократическом движении России до осени 1917 г. принадлежала блоку меньшевиков и эсеров. В Таганрогском комитете РСДРП, образованном сразу после Февральской революции, меньшевики составляли большинство. Впоследствии и в городском Совете из 37 депутатов большевиками были только пять [6].

Взятый Временным правительством курс на демократизацию страны привел к необходимости перестройки всей системы политического управления. Избранные до революции цензовые городские думы не отвечали новым условиям. 15 апреля 1917 г. были изданы «Временные правила о производстве выборов гласных городских Дум». Организация проведения выборов ложилась на плечи городских управ, в обязанности которых входило составление избирательных списков по городам и избирательным участкам.

Подготовка к выборам в Таганроге велась в тяжелых условиях: в марте 1917 г. в отставку подал городской голова с 1913 г. – И.Е. Платонов, в июне часть членов городской управы заявили о выходе из ее состава в связи с «невозможностью продолжать дальнейшую работу ввиду явного враждебного недоверия со стороны населения» [7]. Вышедшие из состава Управы были заменены гласными Думы. Изменился и состав Общегородского совета: вместо подавшего в отставку А.З. Хандрина председателем стал Д.М. Михайлов. В июле в городе возникли волнения из-за попытки большевиков с помощью уличных демонстраций захватить власть в Петрограде. В связи с последовавшей реакцией правительства таганрогские большевики были исключены из состава городского Совета и сосредоточили свою деятельность на заводах и фабриках: организовывали партийные группы, советы старост, профсоюзы, больничные кассы. Тяжелым было и продовольственное положение населения города. На этой почве произошли волнения жен рабочих, которые толпами

ходили по улицам и требовали продуктов. В городе резко обострилась криминальная обстановка. Вместо упраздненной полиции в Таганроге по проекту Временного правительства была организована милиция, которую возглавил прапорщик П.И. Никольский. На одном из заседаний Общегородского совета начальник милиции заявил, что «организация милиции идет плохо, во-первых, потому, что оплата заработка милиционера значительно меньше, чем на заводе, во-вторых, нет желающих людей в ней служить» [8]. Обеспокоенные происходящим, местные власти издают приказ, в котором запрещались собрания, митинги и сборища на улицах Таганрога. Против нарушителей порядка намечались «самые энергичные» меры, вплоть до применения вооруженных сил. Охрана в городе возлагалась на войска.

16 июля были опубликованы списки кандидатов в гласные новой городской Думы (срок созыва с 1 августа 1917 г. по 1 января 1919 г.). Списков было шесть: кадеты выставили 81 кандидата, социалисты-революционеры имели 58 кандидатов, Таганрогская социал-демократическая организация выдвинула 34 кандидата, союз домовладельцев – 19, дальше шли почтово-телеграфные служащие, выдвинувшие 10 кандидатов, и группа граждан – 8 кандидатов [9].

1 августа 1917 г. на торжественном открытии первого заседания демократически избранной городской Думы были избраны городской голова – начальник Таганрогской милиции, эсер П.И. Никольский, а также члены Управы (в подавляющем большинстве эсеры) [10]. На этом же заседании был составлен текст телеграммы-приветствия Временному правительству: «Министру-председателю товарищу Керенскому. Таганрогская городская Дума, избранная на демократических началах в непоколебимом стремлении отдать все свои силы на защиту родины и свободы, заверяют Временное правительство, что оно в демократической Думе всегда найдет твердую поддержку во всех своих начинаниях. Временное правительство спасения революции, демократические Думы, другие демократические учреждения на местах составляют единый фронт для организации победы над врагами революции вне и внутри страны» [11]. Общегородской распорядительный комитет был распущен, и «все дела, средства и обязательства» были переданы городскому самоуправлению [12].

В конце августа 1917 г. генерал Л.Г. Корнилов предпринял попытку вооруженного антиправительственного выступления с целью установления военной диктатуры в России. В Таганроге на межфракционном совещании было решено создать Комитет защиты революции на паритетных началах: по два человека от Думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, а также политических партий. Долгие споры на этом совеща-

нии вызвал вопрос о включении в комитет большевиков. Представитель большевистской партии в Таганроге А.К. Глушко заявил: «...Большевики согласны поддержать любую организацию, которая искренне и честно будет вести борьбу с корниловщиной. Не потому, что они согласны с Временным правительством, а потому, что сам по себе Корнилов есть знамя контрреволюции» [13]. Таким образом, в Комитет защиты революции были приняты и большевики. Председателем был избран товарищ городского головы меньшевик М.Д. Михайлов. Комитет подчинил себе почту, телеграф, телефон, куда послали комиссаров и установили дежурство. Однако вскоре наступление кирилловских войск было остановлено, и Комитет защиты революции прекратил свою работу.

27 августа 1917 г. в городском театре состоялось объединенное заседание городской Думы, Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов, представителей всех политических партий, всех демократических организаций, ротных и полковых комитетов, посвященное празднованию «полгодовщины» Великой русской революции. Красной нитью во всех речах проходила мысль о необходимости, ввиду надвинувшихся на родину бедствий, единения всех живых сил страны вокруг Временного правительства и органов революционной демократии на местах. Раздавались энергичные призывы к прекращению партийной розни, к взаимным уступкам отдельных классов, к взаимному доверию и сплочению [14].

Тем не менее августовские события в Петрограде, общая разруха в стране и продолжение участия России в войне явились переломным моментом для усиления влияния большевистской партии. 17 сентября рабочие Русско-Балтийского завода потребовали перевыборов депутатов Таганрогского городского совета. Развернулась предвыборная кампания, в которой приняли участие местные организации большевиков, анархистов, эсеров, меньшевиков и беспартийных. В начале октября состоялись выборы, которые показали огромный рост влияния большевиков среди рабочих Таганрога. Из 16 мест в Совете большевики получили десять, т. е. больше, чем все остальные партии, вместе взятые. 18 октября на общем собрании городского Совета большевики лоббировали создание рабочих дружин на предприятиях города, которые впоследствии стали отрядами Красной гвардии. Почти одновременно городская Управа составила проект учреждения гражданской гвардии, в помощь городской милиции для охраны «порядка в городе и безопасности граждан и для принятия мер к установлению порядка в случае возникновения народных волнений» [15].

26 октября 1917 г. состоялось чрезвычайное совместное заседание Таганрогской городской думы, представителей Таганрогского совета

рабочих и солдатских депутатов и профсоюзов. Прапорщик Михайлов – тов. городского головы, зачитал собранию телеграмму войскового донского атамана А.М. Каледина от 25 и 26 октября, в котором атаман сообщал о решении Петроградского военно-революционного комитета захватить в свои руки верховную власть в государстве и о выступлении большевиков, а равно и о невозможности держать связь с Временным правительством, и уведомил, что Войсковое правительство «временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 25 сего октября приняло на себя всю полноту власти в Донской области» [16]. Михайлов также доложил о том, что по получении телеграммы у начальника Таганрогского гарнизона состоялось совещание, на котором было принято решение о возобновлении деятельности Комитета защиты революции. Кроме того, Комитет уже принял меры по охране города от возможных активных выступлений большевистского характера, а также по охране телеграфа, куда, как и на железнодорожную станцию, был командирован комиссар. По поводу происходящих в Петрограде событий были оглашены декларации думских фракций. Практически все партии резко осудили действия большевиков, заявили, что вооруженное выступление является «попыткой навязать волю меньшинства – большинству, может сорвать или отдалить момент созыва Учредительного собрания, а также расколоть демократию» [17]. Представитель эсеров-интернационалистов в Таганроге А.А. Варелас заявил, что фракция в целом не поддерживает вооруженный захват власти, но «в случае перехода власти к Советам принуждена будет согласиться с свершившимся фактом... но будет бороться за созыв Учредительного собрания» [18]. А.К. Глушко, профессиональный революционер, первый председатель большевистского Совета, гласный городской Думы открыто выразил поддержку однопартийцам: «...мы, последовательные социал-демократы, находим необходимым поддержать это выступление в интересах революционной демократии всеми имеющимися в распоряжении средствами» [19]. В конце объединенного заседания была принята резолюция: «Городская Дума, Совет рабочих и солдатских депутатов, Бюро профессиональных союзов осуждают анархо-большевистское выступление в Петрограде, считают необходимым созыв Учредительного собрания в назначенный срок, призывают население к сохранению спокойствия и гражданского мира, напоминают, что всякие беспорядки принесут непоправимый вред свободе и благу народа. Сообщают, что верховная власть по охранению революционного порядка в городе принадлежит Комитету защиты революции, которому городская Дума, совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов, указывает на необ-

ходимость борьбы с возможными контрреволюционными попытками справа» [20].

11 ноября в связи с создавшейся в регионе обстановкой донской атаман А.М. Каледин ввел в Таганроге военное положение, чем вызвал резкий протест городской Думы: «...факт объявления военного положения, без предварительного согласования с городской Думой, есть захват власти» [21]. В резолюции также имеется следующее заявление: «...коснувшись попутно вопроса о создании высшей власти в области, одинаково авторитетной для всех частей населения, городская Дума признает необходимым создание единого рычага власти из представителей как казачьего, так и остального населения области на демократических началах» [22]. Но демократическим идеям отцов города не суждено было сбыться: уже в январе 1918 г. в ходе большевистского вооруженного восстания в Таганроге была установлена советская власть, которая продержалась около 3 месяцев, а в январе 1920 г. она была установлена – более чем на 70 лет.

Примечания

1. Гришков Я. Г. Из истории борьбы рабочих и трудящихся масс крестьянства Таганрога и Таганрогского округа за власть Советов (1917–1918 гг.) // Краеведческие записки. 1964. №2. С. 55.

2. Цит. по: Донскова Л.А. От Таганрога торгового к индустриальному: социально-экономическое развитие в 90-е гг. XIX – нач. XX в. // Энциклопедия Таганрога. 1998. С. 117.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 922. Оп. 4. Д. 4. Л. 38.

4. Нев А. В Таганроге. Весна 1915 – зима 1916 г. // Донской временник. 2014. №6. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m10/0/art.aspx?art_id=1275 (дата обращения: 21.06.2017).

5. ГАРО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 11а.

6. Ратник В.И. Общественная борьба в годы революций и Гражданской войны // Энциклопедия Таганрога. 1998. С. 107.

7. ГАРО. Ф. 922. Оп. 4. Д. 4 Л. 38–39.

8. ГАРО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 27.

9. Ратник В.И. Указ. соч. С. 107.

10. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 391. Л. 51.

11. Там же. Л. 21.

12. ГАРО. Ф. 47. Оп. 1 Д. 2. Л. 43.

13. Варелас А.А. Корниловский мятеж и его отголоски в Таганроге // История пролетарской борьбы в Таганроге. 1925. №1.

14. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 391. Л. 108.
15. Гришков Я. Г. Указ. соч. С. 73.
16. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 392. Л. 98.
17. Там же.
18. Там же. Л. 99.
19. Там же. Л. 98.
20. Там же. Л. 99.
21. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 392. Л. 142.
22. Там же. Л. 153.

Т.В. Зеленская, А.Г. Зеленский

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 г. (на материалах Таганрога)

Вековой отрезок, отделяющий нас от драматических событий начала XX столетия, заставляет научное сообщество отечественных историков вновь взглянуть в прошлое нашей страны, дабы с новых позиций попытаться осмыслить всю трагедию социального противостояния в России периода революций и Гражданской войны. Советская историография, казалось бы, раз и навсегда расставила все акценты, определила правых и виноватых, героизировала победителей и развенчала проигравших. Но время и история внесли свои коррективы. То, что казалось давно понятным и бесспорным, стало запутанным и неоднозначным. Обращение к событиям начала прошлого века требует от современных исследователей более взвешенного подхода к анализу имеющихся источников и четкого следования важнейшему принципу науки – принципу объективности в своих оценках и выводах.

Создание эффективной системы управления в России на протяжении веков представляла определенную проблему для властей. Очередная попытка в этом направлении была сделана после ноября 1917 г., когда власть в стране захватили политические силы, основным социальным лозунгом которых являлось исключительное народовластие практически во всех проявлениях общественной жизни. Казалось бы, наконец-то свершилась светлая мечта, зародившаяся в умах человечества во време-

на Томаса Мора, и теперь можно применить теорию на практике. Однако понятно, что статус профессионального революционера не означает, что при назначении на должность он обязательно станет хорошим управленцем-хозяйственником.

Основная проблема большевистского руководства заключалась в том, что из-за проповеди радикальных идей и как следствие запрета на легальную политическую деятельность оно не имело элементарного опыта управления даже небольшим хозяйственным объектом, не говоря уже о масштабах всей страны. В создавшихся условиях большевики были вынуждены учиться, как говорится, на ходу, делая на этом тернистом пути множество ошибок, которые за достаточно короткий срок привели к катастрофическому разрушению и без того ослабленного мировой войной хозяйства страны. Пройти через это лихолетье пришлось и небольшому Таганрогу, оказавшемуся на своеобразном перекрестке истории Гражданской войны.

В весьма широком пласте отечественной историографии по проблемам революции 1917 г. и Гражданской войны [1] крайне сложно вычленишь столь узкий как в хронологическом, так и в географическом плане предмет исследования, как несколько месяцев становления и функционирования советской власти в г. Таганроге. Однако данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

До революционных событий 1917 г. структура городской власти выглядела следующим образом. В 1870 г. в городе была учреждена дума, в обязанности которой входили не только вопросы законотворчества, но и проблемы местного благоустройства, торговля, здравоохранение, народное образование и другие сферы хозяйственной жизни. Управление городом находилось в руках исполнительного органа думы – управы, во главе которой стоял избираемый из числа думцев городской голова.

Имевшаяся система управления имела как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, городское управление располагало возможностями довольно оперативно реагировать на возникавшие проблемы. С другой – исполнительная ветвь власти находилась в определённой зависимости от законодательной, формировавшейся по сословному принципу. Тем не менее это не помешало Таганрогу за достаточно короткий срок превратиться из глухого провинциального захолустья в довольно процветающий, динамично развивающийся современный город. Были ликвидированы пустыри на центральных улицах, городские магистрали замостили булыжником. Стала активно развиваться жилая застройка, образовывались новые микрорайоны. На рубеже веков появилось электричество, городское освещение, телефонная связь, кинотеатры. Средс-

тва на все эти новшества поступали в городскую казну из двух основных источников – от промышленных предприятий, в строительство которых вложился прежде всего иностранный капитал, и от купечества. Такое бурное развитие городского хозяйства требовало внесения изменений и в систему управления, так как недостаточно что-то создать, надо еще всё это не только умело эксплуатировать, но и развивать. В результате в управе появились отвечавшие за отдельные направления городского хозяйства комиссии:

исполнительные:

- продовольственная;
- врачебно-санитарная;
- газовая;
- театральная;
- городской училищный совет;
- по призрению и благотворительности;
- арендная;
- ветеринарная (по борьбе с чумой рогатого скота);

подготовительные:

- ревизионная;
- финансовая (отдел сборов и кредитов);
- юридическая;
- земельная (отдел по заведыванию городской землей);
- водопроводная;
- оценочная;
- по наблюдению за работами по устройству глубокого Азово-Донского канала;
 - отдел городского благоустройства, в том числе ремонт, отопление и освещение, отводимых для воинских частей;
 - отдел эксплуатации городского имущества;
 - отдел городских предприятий [2].

Оценивая приведенную структуру городского управления, отметим, что она вполне соответствует одной неизменяемой во все времена закономерности: чем сложнее хозяйственное устройство, тем больше и разветвленное становится бюрократический аппарат.

События октября 1917 г. вполне определенным образом повлияли на хозяйственную жизнь города: в революционном угаре, сопровождавшемся безденежьем и постоянной митинговщиной, местным властям, авторитет которых стремительно падал, стало не до решения насущных проблем. Ситуация еще больше усугубилась после февральских событий 1918 г., когда городской революционный комитет (далее ревком), подав-

ляющая часть которого состояла из большевиков, взял управление городом в свои руки. Завладев браздами правления в городе, Ревком заявил: «Всякие насилия и грабежи граждан будут подавляться беспощадно. Никакие произвольные обыски недопустимы. <...> Все правительственные, общественные и торговые учреждения должны свободно отправлять свои обязанности. <...> Произвольная хищническая реквизиция преследуется. Грабители, мародеры и спекулянты, как враги свободы народа, будут заключаться в тюрьму. <...> Всякие самосуды, над кем бы они ни производились, как действия, позорящие революцию, будут беспощадно преследоваться. Всем, кому дорога свобода и революция, кто не желает больше быть рабом, просим оказать нам содействие в намеченной нами цели» [3].

Одно из первых решений ревкома под председательством старого большевика-революционера Антона Глушко было связано с упразднением городской думы вместе со всеми службами. Далее по решению ревкома в срочном порядке созывается объединенный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Таганрогского территориального округа. Съезд как высший орган народовластия решает вместо упраздненной думы организовать следующие управленческие структуры, получившие вполне современное на тот момент название «комиссариаты»:

- гражданский;
- военный;
- городской военный комиссариат по охране города;
- морской военный комиссариат;
- муниципальный;
- порта;
- земельный (городской и районный);
- продовольственный;
- финансовый (государственный банк);
- судебный (Народный суд) [4].

Управление комиссариатами осуществлялось ревкомом, которому принадлежала верховная власть в городе. Отметим, что работа вновь созданных подразделений на первых порах была слабо организована, хаотична и весьма запутанна. Однако, беря на себя управленческие функции, новая власть вполне определенно заявила о серьезности своих притязаний.

Руководителем гражданского комиссариата являлся старый большевик, организатор партийной ячейки на Русско-Балтийском заводе Владимир (Израиль) Петрович Стернин. Данный орган предназначался для координации деятельности всех гражданских комиссариатов.

Военный комиссариат располагался в доме купца Адабашева (ныне областная физиотерапевтическая больница) по адресу: ул. Николаевская (ныне ул. Фрунзе), 37. Возглавил данный орган Иван Фролович Родионов, состоявший в партии эсеров военспец, пошедший на сотрудничество с большевиками. В связи с тем, что назначенный комиссар не являлся членом РСДРП(б), к нему в качестве заместителей были приставлены проверенные большевики – матрос Зубец и рабочий Русско-Балтийского завода Иван Стуканёв. Последний также возглавлял комиссию по обложению контрибуцией буржуазии, действовавшую при военном комиссариате. Комиссариат координировал действия всех вооруженных отрядов Красной гвардии, созданных практически на всех крупных городских предприятиях.

При данном органе функционировал временный Военно-революционный комитет (ВРК), сформированный в феврале 1918 г., который в числе других вопросов выполнял как судебные, так и исполнительные функции, направленные на укрепление власти большевиков. Главной задачей деятельности ВРК была борьба с контрреволюционным элементом в городе.

Для наглядности деятельности ВРК приведем пример участия его представителей в так называемом деле генерала Павла Карловича фон Ренненкампа, волею судьбы обреченного найти в Таганроге свой вечный покой. Последний период жизни этого человека во многом типичен и перекликается с судьбами таких же, как он, людей, втянутых в круговорот жестокого гражданского противостояния. Примечательно, что по вопросу его ареста и гибели даже проводилось отдельное расследование, отраженное в деле № 40 Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине [5]. Однако ей так и не удалось восстановить правдивую картину произошедшей в Таганроге трагедии. Только спустя век всё же представилась возможность с определённой долей достоверности воссоздать случившееся.

Об обстоятельствах ареста П.К. Ренненкампа сообщил в своих воспоминаниях Пётр Москатов, который как член ВРК был хорошо знаком с обстоятельствами дела генерала. По его словам, генерала случайно опознал один из жителей Таганрога, в свое время служивший под его началом. Смертный приговор П.К. Ренненкампу был вынесен без суда членами ВРК по надуманному обвинению о причастности к созданию не существовавших на самом деле офицерских карательных отрядов [6]. Убийство генерала Реннекампа, непосредственным свидетелем которого оказался Г.Г. Кириченко, служивший в то беспокойное время в

ЧК шофером, состоялось в ночь на 1 апреля 1918 г. Вот что он сообщил: «Приблизительно за месяц до нашего отступления из г. Таганрога меня вызвали в Штаб. В кабинете находился Чайкин и Гапонов (сотрудники местного отдела ЧК. – Т.З., А.З). Первое, что мне объяснили, кто такой приговоренный. Это был палач рабочего класса, коварный и опасный враг революции, немецкий генерал Ренненкампф. Я понял, какая на меня возлагается ответственность. Товарищ Чайкин предложил сейчас же проработать следующий план. <...> При выезде со двора мне т. Чайкин должен сказать: “Поехали на станцию Марцево”. При остановке на месте выключить двигатель и заявить: “Покрышка спустила” и попросить всех из машины, чтобы достать из-под сидения домкрат, насос и камеру. Всё запланированное было выполнено, но вместо домкрата, насоса и камеры я вынул карабин и две железные лопаты. Когда Ренненкампф увидел, что я вынул – он что-то сказал по-немецки и сделал движение, но последовал залп выстрела. Он рухнул на землю» [7]. Приведённые факты практически дословно подтверждаются воспоминаниями красногвардейца Буруткина [8].

Тело П.К. фон Ренненкампфа обнаружили и перезахоронили на городском кладбище уже при немцах, в мае 1918 г. Вскоре сведения о месторасположении его могилы были утрачены. И только совсем недавно, в результате проведенной местными краеведами кропотливой работы, удалось его установить. Оно оказалось рядом с братской могилой курсантов школы прапорщиков (юнкеров), погибших в Таганроге в феврале 1918 г. [9].

Отметим, что помимо генерала Ренненкампфа на совести ВРК гибель бывшего начальника городской полиции Жужнева (по имеющимся данным, сын Жужнева, Владимир Яковлевич Жужнев, во время оккупации Таганрога 1941–1943 гг. являлся заместителем начальника городского Управления вспомогательной русской полиции. – Т.З., А.З.), а также десятков других русских офицеров.

Городской военный комиссариат по охране города располагался по адресу ул. Петровская, 57 (дом юриста Ладохина). В ведении комиссариата находилась организация работы народной милиции, руководил которой Семён Милентьевич Росликов.

Обращает на себя внимание то, что, объявляя о захвате власти, большевики сразу же озаботились проблемой наведения элементарного правопорядка в городе, решить которую была призвана преобразованная милиция. И ей было чем заняться, так как в дни активных боевых действий с юнкерами улицы Таганрога захлестнула невиданная доселе волна преступности [10]. В рамках борьбы с преступностью в целях

более широкого охвата всей территории города, в структуре преобразованной милиции были созданы отдельные отряды, действовавшие в трех районах.

Несмотря на предпринимаемые меры, в апреле 1918 г. криминальная обстановка в городе еще больше обострилась. Этому способствовал приток беженцев, хлынувший из оккупированной немцами Украины. Понятно, что среди них имелись и откровенные бандиты. Вот что о сложившейся ситуации в городе сообщил один из первых городских милиционеров Сергей Михайлович Минайченко: «Когда контрреволюционные войска, созданные главным образом из гайдамаков и немецких полчищ, вели через Донбасс наступление на Таганрог, то к нам в тыл стали засылаться разные головорезы-бандиты, которые терроризировали население города, и в особенности в ночное время. <...> Мы несколько ночей гонялись по пятам основных главарей. Их была четверка. Наконец однажды ночью в апреле месяце нам удалось выследить эту четверку и под утро их взять прямо в постели. <...> После поимки этой банды и их уничтожения порядок в городе улучшился» [11].

В ведении указанного комиссариата также находился отряд по борьбе с контрреволюцией – Чрезвычайная комиссия (ЧК), созданная 8 апреля 1918 г. на основании решения Таганрогского совета рабочих депутатов. Руководителем подразделения был назначен один из активных участников боев с юнкерами, рабочий Русско-Балтийского завода Иван Верстак. Резиденция отряда находилась по тому же адресу, что и у народной милиции: ул. Петровская, 57, в здании кинотеатра «Луч». Примечательно, что помещение просмотрового зала кинотеатра использовалось для временного содержания заложников, родственники которых были обложены контрибуцией, а также преступников и контрреволюционеров.

В обязанности комиссара порта входило управление портовым хозяйством. Данный комиссариат осуществлял работу с иностранными консульствами, дислоцировавшимися в городе. Непосредственным руководителем был Иван Яковлевич Беззубый.

Морской военный комиссариат, руководимый Каннуниковым, занимался формированием Азовской военно-морской флотилии из тех гражданских судов, которые были национализированы. Деятельность комиссариата сводилась к следующему: «одновременно с национализацией проводился ремонт и вооружение судов, а также создание морского батальона» [12].

Земельный отдел осуществлял раздачу семенного и продовольственного зерна, а также сельскохозяйственного инвентаря, что было весьма

актуально в условиях надвигающейся посевной. Однако с особым рвением отдел занялся реализацией принятого в первый же день Октябрьского переворота декрета «О земле», приступив к экспроприации у местных богатеев земель с последующей ее раздачей крестьянам.

Продовольственный отдел, руководителем которого был назначен комиссар Шмидт (из-за злоупотреблений снят с должности, арестован и расстрелян), занимался регулированием цен на промышленные товары, а также на продукты питания, доставляемые крестьянами на рынки города. Фонд отдела формировался путем конфискации продуктов и товаров у городских фабрикантов и купцов, а также национализации складов, принадлежавших воинским частям Таганрогского гарнизона.

Государственный банк осуществлял сбор и хранение национализированных ценностей и валюты, а также проводил сбор контрибуции, наложенной на фабрикантов и крупных торговцев. Деятельность банка управлялась непосредственно Советом народных депутатов, который и распоряжался всеми финансовыми средствами. Собранные ценности большевики успели вывезти буквально за несколько часов до захвата города немцами в Царицын [13].

Одним из важнейших шагов по закреплению доминирующего положения большевиков в Таганроге стало создание муниципального отдела, руководителем которого был Маркович [14]. Данное подразделение ведало городским хозяйством. Кроме того, отдел занимался организацией работы национализированных и переданных под управление рабочих коллективов местных промышленных предприятий, а также таможни. Примечательно, что наладить деятельность заводов и ряда учреждений отдел так и не смог, в результате чего они перестали работать [15].

Народный суд возглавил член ВРК комиссар Афанасий Варелас, который ранее возглавлял городской Совет рабочих депутатов [16]. Система городского судопроизводства включала в себя следственную комиссию, народный уголовный и гражданский суды. В состав судей входили и многочисленные представители Таганрогского окружного суда, действовавшего в городе до перехода власти в руки большевиков. Имеющиеся многочисленные архивные материалы позволяют со всей ответственностью утверждать, что деятельность Таганрогского народного суда хотя и проводилась по законам «революционной совести», но всё-таки осуществлялась профессионалами, пошедшими по различным причинам на сотрудничество с большевиками [17].

Даже обрывочные сведения о первых шагах советской власти в Таганроге позволяют увидеть как общие черты, так и различия между ранее действовавшими и вновь созданными муниципальными структурами.

Определяющим различием между ними являлось то, что в образованной большевиками управленческой системе превалировали подразделения, относящиеся к так называемому силовому (карательному) блоку. Это объясняется общеизвестным постулатом: захватить власть значительно проще, чем ее сохранить. При этом нами представлен и схематичный набросок всей «законности» действий нового революционного порядка. Однако здесь необходимо понимать, что такова логика любой социальной революции, где силы, захватившие власть, вполне осознанно осуществляют значительный комплекс мер, направленных на ее удержание и укрепление. И тут уж, как мы понимаем, было не до выбора методов.

Примечания

1. Зеленская Т.В. Таганрог в период гражданской войны и немецкой оккупации: историография проблемы // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2017. №2. С. 212–217.
2. Таганрогский литературный и историко-архитектурный музей-заповедник (далее – ТЛИАМЗ). Фонд № 07-27.
3. Таганрогский вестник. 1918. № 15. 23 января.
4. Таганрогский пролетарий. 1918. № 9. 23 февраля.
5. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. London, 1992. С. 58–68.
6. ТЛИАМЗ. Фонд № 07-27. Москатов.
7. Там же. Кириченко.
8. Там же. Буруткин.
9. Григорян М.Е. Воздать долг памяти. URL: <http://cemetery.su/article/8> (дата обращения: 15.01.2016).
10. Таганрогский вестник. 1918. № 15. 23 января.
11. ТЛИАМЗ. Фонд № 07-27. Минайченко.
12. Там же. Беззубый.
13. Там же. Москатов.
14. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 222. Оп. 1. Д. 297. Л. 61.
15. ГАРО. Ф. Р-2599. Оп. 2. Д. 18.
16. ТЛИАМЗ. Фонд № 07-27. Бабкин.
17. ГАРО. Ф. Р-922. Оп. 4. Д. 9.

РАЗДЕЛ 3. ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

А.В. Баранов

РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 гг. В РОССИИ: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ НЭПА (ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ)

Актуальность темы в том, что оценка революции 1917–1921 гг. в России во многом определяет выбор современной стратегии развития нашей страны. Тема остается предметом дискуссий, а социалистическая, либеральная и консервативная идеологии дают диаметрально противоположные оценки исторических событий. Негативной тенденцией развития историографии и общественной памяти стало распространение разного рода «теорий заговора», трактовок революции в России с позиций крайнего волюнтаризма и пренебрежения источниками. Поэтому, на наш взгляд, актуальна оценка опыта преодоления революции в России посредством нэпа, на основе взаимной адаптации традиционных и революционных институтов и практик российского общества.

Цель статьи – определить тенденции преодоления революции посредством новой экономической политики 1920-х гг. Основное внимание уделено экономической и социальной динамике многоукладного общества, сравнению трактовок нэпа большевистскими идеологами 1920-х гг.

Поясним, что революция трактуется как качественный скачок в развитии общественной системы, вызванный приходом к власти нового класса либо коалиции классов. Революция принципиально отличается от государственного переворота тем, что она меняет преобладающий тип собственности и социальную стратификацию, официальную идеологию, детерминирует долгосрочный вектор развития общества. Исходя из данных критериев, в России состоялась революция 1917–1921 гг. Ее завершающими событиями стали установление большевистским режимом контроля над территорией страны и вынужденный переход от военного коммунизма к нэпу.

Методологической основой работы стала концепция многоукладности российского общества, сформулированная В.П. Даниловым [1]. Общественная система 1920-х гг., представляя собой целостность, одновременно состояла из обособленных экономических и социальных сегментов, которые воплощались в институтах и практиках межгруппового взаимодействия. Только познание соотношения и взаимодействия разнородных укладов позволяет адекватно осмысливать становление советской системы, оценивать противоречивые формы и этапы ее развития.

Революция в России имела сложные цели и динамику. Эту идею выразил В.И. Ленин в докладе на VIII съезде РКП(б): «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции, – наша революция до организации комитетов бедноты, т.е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией **буржуазной**» [2]. И напротив, после исчерпания «военного коммунизма» весной 1921 г. революция начинает свое самоперерождение, преодоление («термидор») под нажимом крестьянских восстаний и рабочих забастовок. Но эти процессы не были фатальными, их развитие и исход зависели от соотношения сил альтернатив общественного развития, от степени организованности и ресурсов политического влияния соперничающих групп интересов в партийно-государственной системе власти. В порядке гипотезы можно указать на соперничество в рамках большевизма как минимум трех идеологических трактовок нэпа: прагматической (поздний В.И. Ленин, И.В. Сталин до 1928 г.); «правой» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников) и «левой» (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев).

Революция и Гражданская война прервали процесс буржуазной модернизации России. В условиях «военного коммунизма» была ликвидирована крупная частная собственность, уменьшена до минимума сфера товарно-денежных отношений. Это привело к деклассированию, воссозданию непосредственной зависимости индивидов от государства. Революция 1917–1921 гг. стала первым опытом строительства общества на основе плановой экономики и всеобъемлющего государственного регулирования. Смысл революции виделся в восполнении недостаточных предпосылок нового строя захватом власти. Осознавая особенности России как страны среднеразвитого капитализма, В.И. Ленин видел условие успеха в государстве: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а **потом** уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [3].

Партия большевиков, захватив власть во время тягчайшего кризиса, действовала насильственными методами, поскольку желала остаться правящей. Чем дальше, тем больше характер революции определялся не всплеском уравнилельных настроений, а воссозданием российского государства с присущими ему долгосрочными институциональными и социокультурными формами (централизацией, бюрократизмом, идеократией, патернализмом) в новой идеологической оболочке. Модернизация была насущной задачей, которую пришлось бы решать любому режиму. Специфика же советского пути модернизации, вызванная историческими обстоятельствами и большевистской идеологией, – в доведенном до предела этатизме, искоренении самоорганизации общества. Но был ли этот путь predetermined? Нет, в условиях нэпа ярко проявилась альтернативность развития России.

С переходом от военного коммунизма к нэпу коренным образом изменилась роль многоукладности в стратегии РКП(б) и государства. В 1921 г. В.И. Ленин обосновал радикальный поворот от немедленного построения бесклассового общества к использованию созидательного потенциала мелкотоварного, частнокапиталистического и госкапиталистического укладов. Революционный подход сменялся системой реформ: «...**не ломать** старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а **оживлять** торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию **лишь в меру** их оживления» [4].

В последних работах Ленин пересмотрел взгляды на взаимодействие укладов переходного общества. Кооперирование стало рассматриваться как важнейшая цивилизационная задача «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Коренная перемена «всей точки зрения нашей на социализм» – в переносе центра тяжести стратегии развития от политической борьбы к мирной «организационной» работе [5]. Делался вывод о том, что социальный строй России «основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и “нэпманы”, т. е. буржуазия» [6]. Но после смерти Ленина только Н.И. Бухарин пытался развить представления о переходном обществе как о целостности, имеющей объективные законы «врастания в социализм». Бухарин усматривал суть нэпа в том, что «первые открыли возможность взаимного оплодотворения разных хозяйственных сил, различных хозяйственных факторов» [7].

Многоукладность 1920-х гг. – всеобъемлющее состояние, имевшее не только экономические, но и социальные и политические проявления. Важнейшей социальной организацией, выступавшей в роли регулятора деятельности людей, оставалась община. Укажем на ведущую роль земельных обществ в структуре сельского хозяйства (98–99 % крестьянских угодий в основных производящих районах на 1922 г. и 95,4 % – по РСФСР к началу 1927 г.) [8]. Традиционность и нерасчлененность хозяйственных, социальных и политических отношений вели к тому, что община и органы ее самоуправления влияли на все стороны жизни. Общинная психология определяла ценности и нормы жизни почти всего населения.

В многоукладном обществе крестьянский «мир» не только не исчезал под давлением модернизации, но и воспроизводился в новых формах. На него воздействовали и разлагающие, и консолидирующие факторы. После 1917 г. российская община выступала во взаимосвязанных ролях: как организация местного самоуправления крестьян на основе обычного права; культурно-бытовое единство – «целостный мир», охватывающий все стороны жизни участников; земля в совместном распоряжении и пользовании крестьянского общества.

Несмотря на консерватизм и сословную замкнутость, община обеспечивала равновесие индивидуальных и коллективных начал в жизни крестьян. Именно «в миру» земледельцы обретали качества сопричастности к общему делу, сотрудничества, религиозного и культурного единства. Элементы этой организации (взаимопомощь, круговая порука, личностные отношения) воспроизводились в советской системе. Общинная психология проявлялась в политических действиях горожан и крестьянства. Она доказала жизнеспособность как способ самосохранения [9].

Если традиционность общества 1920-х гг. наиболее полно проявлялась в земледельческой общине, то институты модернизации разнородны. Нэп, узаконив рыночные отношения и многоукладность, привел к новому синтезу традиционных и модернизационных начал. В 1920-х гг. сохранялись разрозненные элементы гражданского общества: частная собственность; классовая структура; автономные общественные объединения и движения; неоднородное массовое сознание.

Вопреки стереотипам популярной литературы, нэп допускал весомые проявления политических свобод. Так, в 1922 г. ВЧК была преобразована в ОГПУ со значительным сужением полномочий и постановкой под судебный контроль. В 1924–1925 гг. проводится широкая амнистия лиц, лишенных гражданских прав, а также репатриация части эмигрантов. Принимается законодательство о порядке местных выборов в Советы, ко-

оперативные и профсоюзные органы, которое позволило провести избирательные кампании 1925–1926 гг. на альтернативной основе. До середины 1920-х гг. сохранялись возможности сравнительно свободной деятельности общественных объединений и печати. В общественном мнении интеллигенции и крестьян широко распространились оппозиционные настроения, надежды на перерождение большевистского режима [10].

Опыт преобразований 1924–1926 гг. дал свидетельства неприятия либерализации на всех уровнях власти. Реформы при опоре на «партийно-советский аппарат» остались шаткими. Чиновники не поняли и не приняли перемены. Реформы могли постепенно подорвать власть РКП(б). Поэтому наметился курс свертывания нэпа. Однопартийная система переводила политические проявления многоукладности в скрытое (латентное) состояние. Но инициативы предпринимателей, интеллигенции, крестьян еще могли легально проявляться в экономике, культуре, социальной сфере. Как выражался П.Н. Милюков, эволюционировала «в России сама жизнь, **вопреки** усилиям власти задержать ее течение» [11].

М. Левин применил к мелкотоварному и натурально-потребительскому хозяйству деревни 1920-х гг. понятие «архаизация», что подтверждается почти полным охватом крестьянства в общинах, резким спадом его товарных и экспортных возможностей, возобладанием типа дифференциации – «осередничивания». В.Н. Слепнев приводит факт: в первой половине 20-х гг. XX в. крестьяне сократили объем внутридеревенских продаж на 20 % от уровня 1913 г., а внедеревенских – на 50 % [12]. Но архаизация не означала возврата к дореволюционным укладам. В 1920-х гг. устранены помещики и их высокотоварные имения. В земельных обществах возобновилось естественное расслоение, на которое влияли импульсы государственной политики «ограничения кулачества». Крестьяне-общинники проявляли растущий интерес к агротехническим новшествам, не желали возврата к дореволюционным порядкам.

Период нэпа не был затянувшейся паузой на пути модернизации. Следует отметить высокие темпы экономического роста на основе товарно-денежных отношений. Ведь мировая и Гражданская война привели к сокращению валовой продукции промышленности России в 7 раз, сельского хозяйства – на 35 % [13]. Довоенный уровень экономического развития в основном был восстановлен к 1929 г., хотя и при более низком уровне товарности производства [14]. Серьезные успехи стали возможны благодаря легализации многоукладности, переводу экономики на рыночные методы. Многие экономисты (В.А. Базаров, А.В. Чаянов и др.), некоторые из партийных лидеров (Н.И. Бухарин,

Г.Я. Сокольников) высказывались за индустриальный рост на основе усиленного и приоритетного развития крестьянского хозяйства [15]. Впоследствии эта стратегия оправдала себя в Китае, а также в новых индустриальных странах.

Важнейшее отличие нэпа от «военного коммунизма» и общественной системы 1930-х гг. – в функционировании рыночных отношений и структур как основы многоукладной экономики. Но уже первоначальная совокупность мер государства и РКП(б) в 1921–1922 гг. несла в себе противоречие между реальным состоянием общества, в котором действовали товарно-денежные взаимосвязи, и запланированным бесклассовым идеалом. Восстановление довоенного уровня хозяйственного развития происходило в 1922–1928 гг., прежде всего за счет использования старых запасов сырья и оборудования, ценой роста инфляции. Количество продукции достигалось в ущерб ее качеству и себестоимости. Как показал И.А. Благих, нэп не ликвидировал ценовые диспропорции и отраслевые дисбалансы. Часто менявшаяся государственная политика мешала формированию конкурентоспособного предпринимательства [16]. По подсчетам С.Н. Прокоповича, рентабельность государственной промышленности по отношению к основным фондам снизилась за 1913–1928 гг. с 19,4 до 10,9 %. Реальная заработная плата рабочих и служащих росла быстрее производительности труда и достигли соответственно 128,4 и 83 % довоенного уровня [17]. Трудности усугублялись ростом материалоемкости национального дохода, раздуванием управленческих штатов, сокращением рабочего дня. Усиливалась натурализация сельской экономики. Экспорт аграрной продукции СССР достиг в 1926 г. только 24 % довоенного объема в сопоставимых ценах, а товарность – 77 % [18].

Рыночные отношения, пусть и с государственными препонами, проникали в повседневную жизнь, вызывая социальную дифференциацию и дробление патриархального единства культуры. Возникшие предпринимательские слои (нэпманы и кулаки) не получили политических прав. Недовольство повседневной политикой накладывалось на протест социально незащищенных беднейших групп против всей системы нэпа, увеличившей раскол общества.

Новая экономическая политика не стала научно обоснованной концепцией и последовательной стратегией властных решений, а инерционная волна революции оказалась мощнее ростков общественного примирения. Рыночные отношения не проникли в «главные жизненные центры» государственной системы. Для рыночных связей власть представляла те сектора экономики, в которых госсектор не мог себя проявить эффективно. Остаточный принцип приводил к вытеснению рынка по

мере роста госсектора, развивавшегося по законам административного рынка. Сдвиги баланса между сферами товарного и планового хозяйства в пользу госсектора неизбежно разрушали инфраструктуру рынка.

Но элементы гражданской самоорганизации разрозненны, слабы, аморфны. Высокая степень монополизации управления со стороны партии и государства обусловила победу этатистских начал. Целостная система этакратии складывалась постепенно и восторжествовала в итоге коллективизации 1929–1933 гг.

Подведем итоги. Многоукладность как состояние общества не была для 1920-х гг. проходящей, вызванной к жизни исключительно государственными мерами. Напротив, многоукладность выражала собой норму российской жизни, активно формируя условия и рамки политики, ограничивая крайние формы экспериментов. Нэп, узаконив рыночные отношения и многоукладность, привел к новому синтезу традиционных и модернизационных начал. Базовыми элементами многоукладного общества 1920-х гг. являлись: частная собственность, классовая структура, автономные общественные объединения и движения, неоднородность культуры. Инициативы предпринимателей, интеллигенции, крестьян легально проявлялись в экономике, культуре, социальной сфере. Многоукладность порождала состояние неоднородности и раскола массовой культуры 1920-х гг. Сущность и особенности ее сегментации определялись в основном крестьянством как структурообразующим классом.

В период нэпа одновременно решались взаимосвязанные задачи восстановления хозяйственного потенциала России (преодоления архаизации 1914–1922 гг.) и реконструкции экономики. Многоукладная экономика доказала эффективность восстановительного роста на основе индивидуальных крестьянских хозяйств и использования довоенного промышленного потенциала, но не смогла обеспечить высокие темпы модернизации в пределах преимущественно рыночных регуляторов взаимодействия укладов.

Модернизация России состоялась в итоговом варианте 1930–1950-х гг. внеэкономическими, государственно-административными методами и привела к уничтожению многоукладности. Альтернативные проекты, предусматривавшие более сбалансированное развитие без коренной ломки общества, были отвергнуты прежде всего по идеологическим, а не политико-экономическим причинам.

Примечания

1. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. М., 2011. Ч. 1. С. 554–570.

2. Ленин В.И. VIII съезд РКП(б). Отчет Центрального Комитета 18 марта 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 143.
3. Его же. О нашей революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
4. Его же. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.
5. Его же. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372, 376.
6. Его же. Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
7. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 126, 129.
8. Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 108, 119, 128.
9. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven; London, 1976.
10. Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2013. № 3. С. 55–62.
11. Милюков П.Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. XIII.
12. Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1995. № 3. С. 130.
13. Бахтин М.И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1961. С. 43–46.
14. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 71, 399, 435; Из истории коллективизации // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 190, 202, 210; Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 30–51.
15. Базаров В.А. Темп накопления и «командные высоты» // Экономическое обозрение. 1924. № 9–10. С. 30–32; Чайанов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; Бухарин Н.И. Заметки экономиста // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 468.
16. Благих И.А. «Зигзаги» нэпа // Истоки. М., 1989. Вып. 1. С. 169–184.
17. Прокопович С.Н. Что дал России нэп // НЭП: Взгляд со стороны. М., 1991. С. 11–57.
18. Из истории коллективизации // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 190.

Н.Ф. Бугай

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУТИВНЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ, 1918 – НАЧАЛО 1920-х гг.: РЕАЛЬНОСТЬ, ИТОГИ

Ничто не летит так стремительно, как время, относящееся к одному из самых сложных факторов нашего бытия. Оно хранит множество событий прошлых столетий, воскрешаемых в реальности старанием ученых-историков. И одно из них – это Великая российская революция. В 2017 г. российское многонациональное сообщество обращается к славной исторической дате – 100-летию Великого Октября 1917 года.

После распада Советского Союза поначалу ощущалась определенная растерянность, а затем недоумение, что в конечном итоге привело многонациональное объединение народов и к заметно повышенной этнической мобильности, и к определенному безразличию. Ощущался заметный разрыв между сформировавшимся самосознанием, национальным сознанием и реальностью.

Дело в том, что в рассматриваемый период власть дискредитировала себя, проявила полную неспособность управлять страной. «Прокуратура СССР, – пишет советник Генерального прокурора Российской Федерации В.И. Киракозов, – не имела практической возможности влиять на устранение негативных явлений в межнациональных отношениях в союзных республиках, и рассчитывать приходилось только на собственные силы» [1]. Среди автономных республик усилились центробежные тенденции, когда из их названий был удален элемент «автономная». В республиках появился институт президентства. Возрастали сепаратистские настроения. Всё это потребовало консолидации сил, оценки возможности отхода от укоренившихся стереотипов, глубокого анализа проваливавшегося сектора экономики, упадка культуры, утраты идейных позиций у населения, особенно молодого поколения.

По-нашему мнению, к власти пришла новая генерация управленцев, которые как следует не могли объяснить сами для себя, каким образом и зачем они оказались в структуре органов власти. Для них было характерно полное отсутствие подготовки к управлению самостоятельным направлением государственной политики – национальными отношениями.

Всё это не могло не создать определенных трудностей. Тот факт, что за 10 лет сменились на своем посту 11 министров, – яркое тому

подтверждение (так называемая «министерская чехарда»). По нашему мнению, оценку упоминаемого советника В. Киракозова вполне можно экстраполировать и на постсоветский период выработки социальной технологии по регулированию национальных процессов в российской государственности.

В идейном оформлении всего направления национальной политики была очевидной смена ориентиров, провозглашенных еще в первый период Октября 1917 г., когда ставилась цель в первую очередь предоставить права всем народам (более 200 этнических общностей) на свободное развитие и вывести страну из того состояния в сфере экономики и культуры, в котором она оказалась.

В начале 1990-х гг. усилия многих структур Правительства РФ были сосредоточены на новой Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, своеобразной социальной модели регулирования национальных процессов в государстве. Такой документ появился 15 июня 1996 г. [2], в нем было объявлено главное: в создаваемом государстве, базирующемся на демократических принципах и нормах права, должны быть созданы условия для достойного проживания многонационального объединения страны с названием Россия.

Начинался новый этап в развитии государства на основе «традиций российской государственности, принципов федерализма и гражданского общества» [3]. Давались ответы на вопросы: в каком же государстве мы живем, в чем суть российского федерализма (территориальное и национальное начало), место и роль русского народа в период модернизации, значение Федеративного договора и др. В 2012 г. последовал новый документ – «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». К сожалению, в нем нет ни слова о нашем прошлом, о многонациональной стране, создается впечатление, что у нас вообще ничего не было в этом направлении ни успехов, ни потерь.

Разумеется, это не означает, что в появившемся документе нет новых веяний. Например, на высокий уровень поднята проблема понятия «российская нация», в сути которого наше многонациональное сообщество не может разобраться и по настоящее время. Даже сторонник концепции «российской нации» академик В.А. Тишков пояснял, что российское сообщество не готово к восприятию понятия «российская нация» [4].

Профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы В.В. Савельев по этому поводу высказался более пространно: «Подобного рода отождествление идентификационных характеристик опережает реалии, ибо степень разобщенности, существующая

в нашей экономической и политической жизнедеятельности, далека от того гражданского единства и целостности народонаселения, которое можно и следует именовать российской нацией» [5].

В.В. Савельев излагает в связи с этим и свое видение понятий «государство-цивилизация» и «государство-нация». При этом он приходит к выводу, что «в теории федеративно-национальных отношений предельно широким и оптимальным для России социальным образованием является не гражданская нация, а полиэтничная цивилизация» [6].

Совершенно по-новому была поставлена проблема достижения и сохранения национальной безопасности. Она включает в первую очередь сохранение государственной целостности Российской Федерации и другие факторы. Рассматривая этот период российской государственности, В.И. Киракозов пишет: «Межнациональные отношения всё более политизировались, нередко использовались в политической борьбе и стали представлять непосредственную угрозу безопасности государства» [7]. Это еще раз напоминает о том, насколько органично связана национальная политика с решением проблемы безопасности государства.

Однозначно готовый документ «Стратегии...» отличается своей декларативностью по сравнению с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации. Вряд ли необходимым было употребление такого понятия, как «межэтническое/межнациональное».

Общезвестно, что революция 1905–1907 гг. ускорила процессы экономической, политической, социальной модернизации России, перехода ее от традиционного общества к обществу индустриальному, однако она не смогла разрешить многих вопросов, что стало одной из причин нового революционного взрыва. В 1917 г. Россия оказалась в совершенно новом мире благодаря завоеваниям союза рабочего класса и крестьянства. Главная роль в этом союзе, конечно же, принадлежала пролетариату центра, промышленного региона страны, по сведениям источников, – это семь развитых в экономическом отношении губерний, сосредоточивавших более миллиона рабочих, ставших авангардом социалистической революции.

В России восторжествовала новая власть – власть рабочих и крестьян. Выразителем ее стали самые демократичные органы власти – Советы. Это был действительно образец управления делами повседневной жизни людей, представителями всего населения страны.

Полностью солидаризируюсь с оценками, прозвучавшими в выступлении в апреле 2014 г. в Центре «Историческая наука России» (Институт российской истории РАН) доктора исторических наук, профессо-

ра Р.Г. Пихоя, отметившего, что при анализе политических институтов страны «потерялись» Советы, практически не изучается феномен советской власти как специфической формы государственности. Автор и сам неоднократно выступал с подобным замечанием. Было бы целесообразным обобщить работу советов за период их функционирования, в том числе и в процессе формирования основополагающих установок идеологии развивавшегося советского общества.

Хочу также напомнить, что уже в первые дни после захвата власти были приняты такие основополагающие документы перспективного развития страны в сфере будущей национальной политики, как Декларация прав народов России (2 ноября 1917 г.) и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (3 января 1918 г.). В стране начала действовать установленная власть Советов. Сформировалась система Советов. В нее интегрировалась и система ревкомов, объединявшая более 2000 ревкомов Северного Кавказа. Они олицетворяли военно-пролетарскую диктатуру, были призваны и способны проводить советскую власть в чрезвычайных условиях военного времени с последующей передачей полноты власти Советам.

В этот период делались первые шаги в формировании самой государственности народов, системы управления национальными процессами. Разумеется, для любого направления государственной политики, в том числе в РСФСР, СССР, характерна такая особенность, как институционализация – формирование системы управления сферой международных отношений, которая базировалась на идейных установках партии и государственных органов власти. Власть же определяла и задачи развития самой государственности. Принцип управления этой системой советского общества длительное время был основополагающим. Его содержание и направленность основывались на персонифицированности власти.

В связи с этим была выстроена и система управления сферой национальной политики. В 1917–1923 гг. в нее входили созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей России во главе с наркомом, председателем коллегии И. Сталиным. В структуре Наркомнаца России были коллегия, 21 национальный комиссариат и другие структуры. Действовали 8 автономных республик, с которыми была установлена тесная связь [8].

Последователями начинаний Наркомнаца России с 1923 г. были отдел по делам национальностей ВЦИК, Народный комиссариат внутренних дел, Верховный Совет РФ (Комитет по правам человека). Эти структуры власти подчиняли свою работу решению названных приоритетных

задач в сфере национальной политики. Они последовательно реализовывали принципы мирного сосуществования народов, формирование совершенно нового по своему содержанию самосознания и национального сознания граждан, при этом руководствовались на практике положениями Декларации прав народов России, Декретом о мире, Декретом о Земле, «Обращением ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и др. Следует отметить, что вопросов было огромное количество, в их исполнении Наркомнац как раз и «потерял» себя.

Практика требовала неотложного решения задач, а не бесконечного теоретизирования, чем именно отличался руководящий состав Наркомнаца. Требовалась также нормативно-правовая база межэтнических отношений, перевод многих озвученных партией политических лозунгов, задач на практическую, правовую основу. Главные усилия сводились к налаживанию системы образования как представителей многочисленных народов, так и национальных меньшинств, последовательному решению задачи по привлечению в советское, национально-государственное строительство, к системе управления обществом, в общественно-политическую жизнь государства, к поиску путей оптимизации взаимодействия по вектору «народы и власть», т. е. межэтнического и межгосударственного в рамках СССР взаимодействия и сотрудничества по поддержанию мирного сосуществования народов на территории Союза ССР.

Безусловно, решение этих первостепенной важности задач протекало в сложных условиях экономической отсталости созданного советского государства, при крайне низкой грамотности представителей не только многочисленных (титовых) народов России, но и особенно этнических меньшинств. Например, на Северном Кавказе, по сравнению с другими российскими регионами, уровень грамотности населения был катастрофически низок. На тысячу жителей региона в 1920 г. приходилось всего 281 грамотных [9].

Особенно сложным было положение в горских республиках. Так, в Чечне только 0,84 % взрослого населения умело читать и писать по-русски, в Ингушетии – около 3 %, в Нальчикском и Балкарском округах – 7 %, в Северной Осетии – 14,7 % [10]. Приходилось зачастую добираться в другое селение, чтобы прочесть письмо или официальную бумагу или составить письменное обращение в органы власти. Всё это создавало трудности не только для формирования в регионе, как и по всей стране, лояльного советского большинства, но и для включения Северного Кавказа в единое советское социокультурное пространство. Вопрос ликвидации неграмотности в регионе стоял особенно остро.

Несмотря на историческую значимость Наркомнаца как органа государственной власти, приходится отметить, что не обошлось и без ошибок в его работе. Сказывались отсутствие опыта, нехватка специалистов, проявления бюрократического централизма, верховенство в исполнении бюджетных и производственно-хозяйственных вопросов, непродуманность решений в нагромождении автономных образований, недовольство автономий подобными методами работы, слабая работа с постоянными представительствами, нерешенность спорных вопросов о приграничных территориях, незаинтересованность в экономических приоритетах некоторых автономных образований и др.

Однако уже в середине 1920-х гг. стало очевидным, что меры объемных преобразований в национальной политике вызывали отставание практики от предлагаемых схем и конструкций по изменению системы межэтнических отношений. Это осознал также и Сталин.

Разумеется, установки союзного центра планомерно и последовательно реализовывались. Задачи на местах решались по строго разработанному им же порядку. Это проявлялось не только в государственных актах, но и в высказываниях государственных деятелей той эпохи. Так, выступая 23 апреля 1923 г. на съезде РКП(б) с докладом о ситуации в национальных отношениях, партийном и государственном строительстве, И. Сталин, рассматривая вопрос о населении Грузии и Тифлиса, заметил, что «ежели бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторые перемещения населения, например, армянского – из Тифлиса» [11].

Решая задачи практического воплощения в жизнь декрета «О регулировании населения в Тифлисе», И. Сталин уже в ту пору положительно высказался о такой, по его мнению, гибкой форме управления этническими общностями на местах, как «разгрузка» (выселение. – Н.Б.). При этом Сталин полагал, что с помощью выселения «можно было бы, соблюдая видимость интернационализма, устроить дело так, что армян в Тифлисе оказалось бы меньше» [12]. Эти указания были реализованы. Приоритетные вопросы национальной политики в комплексе рассматривались с ответственными работниками национальных республик на XII съезде РКП(б) и на известном в истории Союза ССР IV Совещании ЦК РКП(б).

Одним словом, после Гражданской войны реализовывался комплекс мер общегосударственного масштаба, однако со строгой целенаправленностью: создание и совершенствование национальных родных языков, советское национально-государственное строительство, борьба с культурной отсталостью, подавление сопротивления контрреволюции, внешней интервенции и т. д.

Конечно, на Северном Кавказе органы власти обязаны были в полной мере заниматься возникавшим бандитским движением, урегулированием территориальных споров, доходивших до вооруженных столкновений, когда ревком Кабарды вынужден был посылать вооруженный отряд силой в 40 стрелков для защиты своей территории. Одна за другой на национальной почве вспыхивали стачки на границах Карачаевского округа и в других регионах Северного Кавказа.

Уже в 1920-х годах были заложены основы нивелировки системы национальных отношений, своеобразное потеснение национальной политики на второй план. Эта политика сопровождалась открытым разбазариванием казачьих территорий, уничтожением казачьих войск как таковых. Значительная часть земельных массивов казачества была перераспределена между государственными образованиями, возникшими в это время. Особенно жестко проводилась такая политика на Северном Кавказе, где «кочки» территорий проживания казачества оказались в новых национально-территориальных образованиях – Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Северо-Осетинской автономных областей, Терской губернии и др. Одним словом, казачество было принудительно «распылено».

Конечно, с образованием Союза ССР (1922 г.) направление политики межнациональных отношений приобретало новые черты, принимало всеохватный характер, преследовало цель активного участия представителей всех народов в решении хозяйственных задач. В этот период большую роль сыграли как Советы, революционные комитеты, партийные организации, так и непосредственно небольшой слой национальной интеллигенции – цвет элиты национальных анклавов. Ее представители в труднейших условиях занимались решением задач по сплочению масс. Поэтому вряд ли будет правильным утверждать, что в России не проводилась национальная политика вообще, а такие утверждения, как отмечалось, были. Даже западная историография (Терри Мартин, Джон Данлоп, Гровер Ферр и др.) признает своеобразный ренессанс национальной политики в этот период развития российской государственности.

Примечания

1. Киракозов В.И. Взгляд на правосудие изнутри. Прокурорские хроники. М., 2010. С. 111.
2. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации // Реабилитация репрессированных народов. М., 2000. С. 7–21.
3. Там же. С. 9.

4. Закон о российской нации планируют переименовать. «Общество не готово». URL: <https://mstrok.ru/news/zakon-o-rossijskoj-nacii-planiruyut-pereimenovat.-obshhestvo-ne-gotovo.html> (дата обращения: 19.06.2017).

5. Савельев В.В. К вопросу о разработке теории федеративно-национальных отношений // Этносоциум и межнациональные культуры. № 12 (90). М., 2015. С. 21.

6. Там же. С. 22.

7. Киракозов В.И. Указ. соч. С. 111.

8. Это Башкирская, Горская, Дагестанская, Киргизская, Татарская, Крымская, Якутская республики, а также 11 автономных областей: Чувашская, Марийская, Калмыцкая, Вотская, Коми, Бурятская, Ойротская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Черкесская (Адыгейская), Чеченская; две трудовые коммуны – Немцев Поволжья, Карельская.

9. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 251.

10. Котов В. Северный Кавказ в 30–40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия XXI. 1996. № 1–2. С. 69.

11. Сталин И. Соч. Т. 5. С. 253–254.

12. Там же.

Р.Г. Тикиджьян

АГРАРНЫЙ ВОПРОС – ВАЖНЫЙ ФАКТОР КОНФЛИКТОВ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА ЮГА РОССИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1920 гг. (на примере области Войска Донского)

К 1917 г. положение в казачьих станицах и крестьянских волостях существенно не изменилось, несмотря на проведенные в контексте первой российской революции столыпинские аграрные реформы 1907–1911 гг. Реформы фактически не затронули казачье земледелие и землепользование. Казачье население области Войска Донского (далее – ОВД) к 1917 г. составляло около 1,5 млн чел., (из них казаки-мужчины – 775 302), проживавших в 136 станицах и более 2 тыс. хуторов. Во владении казачьих станиц сохранялось около 68 % удобных, надель-

ных земель, не считая еще 15 % удобных земель, находившихся в Войсковом запасе. При этом значительная часть казачества (около 30–35 %) уже непосредственно земледелием не занималась. Определенная часть, причем не только зажиточная верхушка, но и середняки, сдавали часть земельного пая в аренду частным коренным и иногородним предпринимателям. Сдавали и своим состоятельным казакам, которые нередко «переарендовывали» полученную землю коренным и иногородним крестьянам малыми участками. При этом условия аренды предполагали также внесение залога в размере пятой части всей арендной платы и первый полугодовой взнос за нее, что резко ограничивало доступ к системе «прямой аренды» середняцкой прослойки крестьянства. Лишившись на время земельного пая, казаки устраивались на работу на торгово-промышленные предприятия, шахты, на транспорт (до 7–8 %), а некоторые из них даже становились батраками у своих же состоятельных зажиточных казаков. Другая часть малоимущего казачества вынуждена была передавать земельные пай в распоряжение правлений станичных обществ в счет отработки долгов за снаряжение сыновей к службе, уходя на промыслы, так называемое «отходничество». Станичные общества в соответствии с законом «О поземельном устройстве казачьих общин» могли сдавать крестьянам в аренду на срок от 3 до 6 лет определенную часть свободной земли. Например, в 1916 г. на станичных землях кроме казачьих хозяйств (218 тыс.) трудилось 55 тыс. иногородних крестьянских хозяйств (что составляло более 20 % населения казачьих станиц и хуторов), арендовавших землю на разных условиях. Многие проблемы крестьянского землепользования были знакомы и рядовым казакам (малоземелье, распыленность наделов в рамках казачьего пая и др.). На Верхнем Дону усилилось казачье малоземелье, казачий пай составлял уже 8–10 десятин вместо положенных 25–30 десятин. Крестьянство казачьих областей в новых для него условиях, особенно после проведения столыпинской аграрной реформы, всё же гораздо эффективнее использовало земли, чем казаки. У казаков по-прежнему преобладала переложная система, переход к трехполью не был завершен даже к 1917 г., в том числе и в более высокоразвитых областях на Дону и Кубани. В этот период активно развивались новые формы потребительской кооперации, к 1914 г. на Дону было уже более 130 крупных кооперативов, а в 1915–1917 гг., на их основе создано 6 кооперативно-потребительских союзов. В хозяйствах передовых частновладельческих крестьян и казаков, отдельных кооперативах активно использовалась современная сельхозтехника, введены в строй 4 элеватора. За период с 1898 по 1917 г. в ходе интенсивной капитализации и индустриализации края резко выросло число

рабочих промышленных предприятий и горнорабочих шахт Донбасса, насчитывавших с учетом отряда железнодорожников уже 165 тысяч из более чем 220-тысячного отряда донских пролетариев. Сельский наемный пролетариат Дона представлял весьма сложный, многослойный и изменчивый страт: батраки, «промышленники» (сезонные рабочие промыслов) и «отходники» насчитывали соответственно до 65 и до 170 тыс. чел. (т. е. около 240 тыс.). Они также в основном были представлены иногородним, но отчасти и коренным крестьянским населением (даже казаками – до 14 тыс.). Не имея необходимого количества собственной или даже арендуемой земли, иногородние крестьяне выдвигали требования по уравнению в гражданских и имущественных правах с казачеством, о повышении зарплаты и возможности получения земли [1].

Однако в современной историографии по-прежнему нет единой точки зрения по вопросам о количественном составе сельского населения, его социально-классовой дифференциации, причинах очередного обострения аграрного вопроса в канун революции 1917 г. Например, авторитетный исследователь казачьей проблематики Л.И. Футорянский, продолжая научную полемику по данной проблеме, критично относится к оценкам историков «донской школы», которые, по его мнению, нередко преувеличивали богатство основной массы казачества (имея в виду наличие в ней кулаков – 23,8 % и середняков – 51,6 %), что должно было оправдывать его «контрреволюционность» в годы революции и гражданской войны. На основе анализа до настоящего времени еще недостаточно изученных архивных материалов подворного обследования «Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года» на Дону Л.И. Футорянский представляет собственное видение развития социально-экономических противоречий, впоследствии влиявших на политические предпочтения и поведение казачества и иногороднего крестьянства в период революции, исходя только из наличия специальной выборки из материалов переписи соответствующих хозяйств: 1) приписных и иностранцев казаков – 215 878 тыс. и 4 961 тыс.; 2) учтенных переписью хозяйств иногородних крестьян – 54 649 тыс.; 3) хозяйств коренных крестьян: так называемых приписных – 136 482 тыс. и посторонних – 24 360 тыс. Используя данную методику анализа и проведя подсчеты, Л.И. Футорянский делает вывод о том, что донскими историками явно преувеличивается количество иногороднего «невойскового» населения в ОВД накануне революционных событий 1917 г. в целом (1 млн 120 тыс. чел.), в том числе и непосредственно иногороднего крестьянского (оседлого и неоседлого) в частности (до 560–570 тыс.). Отсюда не всегда верно оцениваются причины и характер остроты межсословного

и классового противостояния казаков, иногородних и части коренных крестьян из-за земли, трактуются результаты аграрных преобразований 1917 и 1918–1921 гг. на Дону [2].

Оценивая использование значимых материалов земской и иной статистики, различных переписей, следует констатировать, что они как один из основных видов источников постоянно и комплексно исследовались донскими историками в контексте изучения социально-экономического развития ОВД. Глубокий анализ переписей конца XIX – начала XX в. (по материалам 1897, 1900, 1910, 1912 и 1916, 1920 и 1926 гг.) как базового источника, использование когнитивных, сравнительных методик их изучения содержатся в работах В.А. Золотова, В.С. Панченко, Я.А. Перехова, А.И. Козлова, В.Ф. Карпова, А.П. Кожанова, Ю.К. Кириенко, В.Н. Ратушняка, Ю.И. Серого и др. Так, историк В.Ф. Карпов по той же Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года выявил, что на Дону из 438 876 тыс. обследованных хозяйств 90 704 были безземельными, а общая численность безземельного населения составляла 522 794 тыс. чел. При этом к найму сельхозрабочих и «промысловиков» прибегало 37 031 тыс. хозяйств, а число наемных рабочих в аграрном секторе в целом составляло 65 943 тыс. чел. Было установлено, что на Дону в ходе подворного обследования было выявлено 438 217 тыс. хозяйств (т. е. гораздо большее число, чем, например, на Кубани). Хозяйств с промыслами оказалось почти в полтора раза меньше, число рабочих-промышленников (промысловиков, отходников) при этом также было весьма высоким и составляло около 170 тыс. чел. [3].

Аргументированная характеристика этих процессов в ОВД на основании исследования данной переписи была дана в исследованиях историка Ю.Д. Гражданова, проведенных им в 1995–2002 гг. По мнению исследователя, результаты переписи дают объективные основания для констатации, что самой важной составляющей военно-политического противостояния на Дону в гражданской войне стал поземельный в основе, но социальный по сути конфликт между казачеством и крестьянством, причем как коренным, так и иногородним. Из 230 тыс. казачьих хозяйств примерно 33 тыс. (15 %) земледелием не занимались. Их земля (около 0,5 млн десятин) сдавалась в аренду фактическим землепользователям, как правило, тем же «коренным» и «иногородним». «Иногородние» крестьянские хозяйства составляли до 81 тыс., и в них проживало на территории области около 470 тыс. чел. В распахке плодородных земель Черкасского, Ростовского, Хоперского округов они обрабатывали на 30–40 % земли больше, чем казаки. При этом 77,4 % хозяйств «иногородних» имели рабочий скот и только 16 % не занимались посевом [4].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением Ю.Д. Гражданова, что в итоге основным экономическим соперником, а значит, и политическим противником донского казачества в ходе революции и в начальный период гражданской войны стала большая часть местного (как коренного, так и иногороднего) крестьянства. Однородность хозяйственного положения и сословное единство казаков в целом превышали аналогичные показатели и способность к организованной борьбе крестьянского населения. Отсюда, считает Ю.Д. Гражданов, весьма значимым стали поиски политического руководства, которое и было найдено в лице радикальных партий левых эсеров и большевиков. По существу, лишь в северных округах Донской области (Усть-Медведицком, Хопёрском, отчасти 2-м Донском), где сельскохозяйственный быт казачьего и основной массы крестьянского населения отличался своеобразной патриархальной однородностью, а казачьи привилегии, связанные с землевладением, давали не так уж много преимуществ казакам, часть казачества, причем не без колебаний, организованно выступила на стороне советской власти и Красной армии. Историк Л.И. Футорянский, возвращаясь к полемике по данному вопросу и проведя подсчеты по собственной методике, пришел к иным выводам. Он считает, что всего на Дону в 1917 – начале 1918 г. было 86 590 тыс. безземельных хозяйств (казаки – 261 хозяйство, иногородние – 52 543 тыс., коренные крестьяне – 33 766 тыс.). Причем, по его утверждению, к этому времени практически четвертая часть (43 295 тыс.) этих хозяйств занималась промыслами, а не земледелием и, по данной логике, в наделении землей практически не нуждалась, не являясь конкурентом казачеству. В казачьих же станицах, по его подсчетам, на работу в наем поступило в 1917 г. всего 16 807 тыс. чел., что в принципе не так много и не могло привести к острой конфронтации. В канун революции 1917 г. и в период ее углубления до мая – июня 1918 г. в станицах и волостях Дона, по мнению Л.И. Футорянского, число иногородних крестьян составляло менее 300 тыс. чел., поэтому не было необходимости отбирать земли у рядовых казаков для решения земельного вопроса. Явно невысокая доля использования наемного труда в станицах также показывает, что нельзя преувеличивать число казаков-«эксплуататоров» в станицах и остроту именно «межсословной» розни на Дону [5]. Однако историк, основываясь на материалах одной переписи, не приводит результатов сравнительного исследованиями других переписей, которые проводились ранее или позднее (в 1916, 1918 и 1920 гг.), что необходимо для более объективного определения динамики и изменений социально-экономических и демографических процессов в среде населения ОВД в этот сложный период.

Продолжая полемику по данному вопросу, мы с целью уточнения ряда спорных позиций ввели в научный оборот и использовали для сравнительного анализа имеющиеся материалы предшествующей Всероссийской переписи населения 1916 года. Данная перепись была проведена почти за год до сельскохозяйственной переписи 1917 г. при участии земских комитетов ОВД. Даже в ситуации войны менее чем за год ситуация могла коренным образом поменяться, всё же эти данные позволяют увидеть новые нюансы и проблемы и подтверждают основные выводы историков А.И. Козлова, В.Ф. Карпова, Ю.Д. Гражданова и др. Из данных переписи наглядно видны территориальные особенности размещения основных страт и групп аграрного населения по всем 9 округам ОВД в контексте их хозяйственной деятельности. Так, 950-тысячное коренное крестьянское население (в основном малороссийского и русского происхождения) исторически компактно проживало в основном на территории Ростовского, Таганрогского, Черкасского, отчасти Донецкого и Сальского округов. В отличие от так называемого иногороднего крестьянства, оно гораздо меньше было представлено в волостях и селах верхнедонских (Донского (1, 2-го), Хопёрского и Усть-Медведицкого) округов. С большой степенью достоверности по материалам переписи можно определить примерную геоэкономическую и социальную градацию иногороднего (оседлого сельского и городского) населения так называемых городских юго-западных округов Приазовья и Нижнего Дона и преимущественно сельских, аграрно-сырьевых, средне- и верхнедонских округов ОВД.

По данным переписи, в верхне- и среднедонских округах казачье население (833 859 тыс.) намного превышало иногороднее (220 078 тыс.) – почти в 3 раза, при том что здесь не так много было донских коренных крестьян. В нижнедонских округах при наличии соседствующей с ними развитой городской и промышленно-транспортной инфраструктуры (в 6 городах 22 % составляло городское население края) иногороднее население (689 358 тыс.) явно преобладало над казачьим (122 362 тыс.). Обратим внимание, что именно здесь проживала и основная часть коренного крестьянского населения Дона и Приазовья (более 660 тыс.) [6].

Таким образом, именно в нижнедонских округах в 1916–1917 гг. было сконцентрировано более 62 % всего крестьянского населения ОВД, которое явно страдало от земельного неустройства и малоземелья, что особо сказывалось в условиях нараставшего кризиса. На наш взгляд, для полноты картины следует также учитывать при анализе и специфику национального состава крестьянского населения, например, проживание

большинства зажиточных немецких колонистов (до 30 тыс. в 6–7 крупных поселениях) в Таганрогском округе, наличие большой сельской округи донских армян (5 сёл, более 15 тыс.) в Ростовском округе. Еще более сложная ситуация складывалась в Задонских степях Сальского округа, где в 13 станицах компактно проживало более 33 тыс. казаков-калмыков с семьями, занимавшихся в основном скотоводством (и соответственно имевших от 22 до 35 десятин на хозяйство). В этот период они совместно с другими 16 тыс. казаков данного округа имели в своем пользовании до 90 % всей удобной земли. При этом в Сальском округе были традиционно сконцентрированы крупные частновладельческие конезаводы и зимовники, где работало и проживало более 87 тыс. сельских рабочих-батраков, крестьянского иногороднего (43 тыс.) и коренного населения, страдавших от безземелья и большей частью арендовавших землю на краткосрочных условиях «исполу» (т. е. за половину урожая) у казаков и калмыков. В этих условиях явно просматривались острые противоречия и причины будущих конфликтных коллизий перспектив решения земельного вопроса. По-прежнему дискуссионным остается вопрос уточнения оценки социальной и классовой дифференциации в среде казаков, коренных и иногородних крестьян, которая опосредованно, а иногда и прямо определяла их экономические интересы и политические приоритеты в период революционных событий 1917–1918 гг. и острой гражданской войны.

Следует констатировать, что наличие «особой позиции» Л.И. Фурторянского как авторитетного российского исследователя-казаковеда в целом стимулирует дальнейшие научные разработки этой и смежных с ней проблем истории казачества и крестьянства Юга России. В контексте данной полемики, определяя оценки исходной хозяйственно-экономической мотивации поведения казачества, коренного и иногороднего крестьянства, исследователи аграрной истории не всегда принимают во внимание иные, не менее важные вышеперечисленные нами факторы, влиявшие на эти взаимоотношения. Их учет также весьма существенен для анализа периода революции и «большой и малой гражданской войны» 1918–1922 гг. Это такие факторы, как специфика расселения разных групп населения по территории ОВД, наличие и использование удобных земель и земель войскового запаса, гендерный, этнический и конфессиональный состав казаков, коренных и иногородних крестьян по нижнедонским и верхнедонским округам, особенности землепользования и аренды земли. Не менее важен учет настроений и ожиданий достаточно большого и сложного «текущего страта» сельских наемных рабочих и промысловиков, униженное, практически бесправное

социально-правовое положение большей части иногородних крестьян и сельхозрабочих. На противостоянии сказывались и последствия межсословных «психологических травм», конфликтов между казаками и неказачьим населением, нанесенных событиями революции 1905–1907 гг. Весьма четко обозначались проблема слабой политической культуры, отсутствие опыта социально-классовых и этноконфессиональных компромиссов, недостаток взаимопонимания между партийно-политическими лидерами, казачьими атаманами, «местечковыми» лидерами многосложного и мозаичного донского сообщества. Особого внимания требует изучение проблем внешнего вмешательства, роли субъектов и объектов иностранной военной интервенции на Юге России и на Дону, их влияния на решение аграрного вопроса, обостривших и без того глобальную, длительную и жестокую гражданскую войну [7].

Примечания

1. Герман О.Б. Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д, 2003; Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / общ. ред. А.М. Анфинова и др. Ростов н/Д, 1990. С. 138–205; Возрождение казачества: история и современность. Ростов н/Д, 1995. С. 147–156; Невская Т.А. Изменения в аграрном строе в казачьих областях Северного Кавказа в период столыпинских земельных реформ // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. стат. Ч. 2. / отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1996. С. 42–48; Трут В.П. Казачий излом... Ростов н/Д, 1997. С. 40–44; Карпов В.Ф. Рабочий класс на Дону и Северном Кавказе в 1917 году. Ростов н/Д, 1987. С. 17–47; Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество. Ростов н/Д, 1988. С. 3–28 и др.

2. Футорянский Л.И. Подворное обследование Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 году // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Сб. науч. стат. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2008. С. 281–284.

3. Карпов В.Ф. Рабочий класс на Дону и Северном Кавказе в 1917 году. Ростов н/Д, 1987. С. 22–32, 33–45.

4. Гражданов Ю.Д. Аграрный вопрос в связи с социальным конфликтом на Дону в начальный период гражданской войны // Кубанское казачество: три века исторического пути. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1996. С. 58–62.

5. Футорянский Л.И. Указ. соч. С. 282–283.

6. Государственный архив Ростовской области. Ф-864. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–18; Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск. 1917. С. 4–18.

7. Тикиджьян Р.Г. Казачество и крестьянство Дона в революции и гражданской войне 1917–1920 гг.: поиски консенсуса и противостояние // Казачий сборник №2 / под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицина; ДЮИ. Ростов н/Д, 2000. С. 102–118.

Н.Ю. Новикова

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В Г. ЦАРИЦЫНЕ И ЦАРИЦЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1921 гг. (по документам Государственного архива Волгоградской области)

История налогов и налогообложения в России берет свое начало еще с эпохи Древнерусского государства, когда основным источником доходов казны была дань. Она представляла собой прямой налог – подать, собираемую с населения. В дальнейшем налоговая система России видоизменялась и развивалась одновременно и в соответствии с государственным строем.

Кризисные и переломные моменты в жизни государства могут представлять особый интерес для исследователей при изучении истории налогообложения. Одним из таких переломных моментов в истории России являются революционные события 1917 г. и последовавшая за этим Гражданская война. Они практически полностью и коренным образом перевернули весь уклад жизни русского общества и отразились на дальнейшем развитии России и мира в целом.

До 1918 г. контроль за взиманием налогов в Советской России возлагался на местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако у сотрудников новых структур власти отсутствовал необходимый опыт и знания в организации местного налогообложения.

В 1918 г. декретом СНК (Совет народных комиссаров) РСФСР от 1 ноября 1918 г. «Об организации финансовых отделов губернских и уездных Исполнительных комитетов Советов депутатов» [1] утверждалось Положение об организации данных органов. В пункте 4 первого раздела говорилось, что финотдел состоит из следующих подразделов: сметно-кассового; прямых налогов и пошлин; косвенных налогов и секретариата.

Помимо сбора налогов и недоимок в обязанности налогового подразделения входили также сбор сведений и разработка материалов об экономическом положении населения и наличии у него платежных средств.

Следует отметить, что в Царицыне 12 июня 1919 г. было объявлено осадное положение и, как следствие, всеобщая мобилизация всего мужского трудового населения в возрасте от 18 до 45 лет. С 13 июня 1919 г. началась эвакуация государственных учреждений. Все органы губернской, городской и уездной власти были эвакуированы из города. Губревком находился в Камышине, а губернский финансовый отдел – в Николаевске. В общей сложности боевые действия под Царицыном с перерывами продолжались полгода [2].

В 1920 г. после возвращения из эвакуации Царицынский губернский финансовый отдел согласно штатному расписанию состоял из счетно-расчетного управления и налогового управления. Налоговое управление в свою очередь делилось на два отделения: государственных налогов и сборов и местных налогов и сборов. Кроме того, в уфинотдел (уездный финансовый отдел) входил налоговый подотдел, занимавшийся оценочно-статистической работой и исчислением окладов [3]. Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Исполняющий обязанности заведующего губернским финансовым отделом И.А. Игенберг в своем докладе от 25 июля 1920 г. «О мероприятиях по улучшению постановки дела в Царицынском Губфинотделе» так освещал этот вопрос: «Для улучшения постановки налогового дела, как в уфинотделах, так и по налоговому управлению губфинотдела... необходимо пополнить штат специалистами налогового дела – податными инструкторами, каковых по штату... положено девятнадцать, а имеется налицо всего лишь один в Ленинском уфинотделе. Почти полное отсутствие в губернии не только специалистов налогового дела, а даже лиц сколько-нибудь знакомых с этим делом не дает возможность налоговому управлению и уфинотделам развернуть свою деятельность в налоговой области в том масштабе, какой требуется от них положением Наркомфина от 31 октября 1919 года» [4].

В результате революционных событий и двух войн (Первой мировой и Гражданской) на местах наблюдалась экономическая и финансовая разруха. Всё это привело к тому, что налоговых поступлений не хватало даже на самые необходимые и первоочередные местные финансовые потребности. Для устройства нового государственного строя требовались огромные финансовые затраты и, соответственно, существовала необходимость постоянного пополнения казны для их субсидирования. С этой целью советским правительством в апреле 1918 г. был принят ряд декретов по налогам и сборам: об акцизах на спирт, вино, дрожжи, папиросные гильзы и бумагу, спички, табачные изделия и чай [5]. На территории Царицынской губернии положение

осложнялось еще и тем, что фактически уже с января 1918 г. Царицын находился на осадном положении [6]. Приказом военного совета Северо-Кавказского военного округа от 7 сентября 1918 г. № 62 [7] из уездов Царицынского, Черноярского, Камышинского и Царевского была образована самостоятельная губерния, центром которой являлся Царицын. Прделано это было в целях оперативного создания в округе Царицына боевых подразделений, в том числе незамедлительного и более результативного исполнения декретов и приказов вышестоящих органов советской власти.

Наркомфин (Народный комиссариат финансов) разослал 2 ноября 1918 г. во все волостные советы директиву, согласно которой им предписывалось в наикратчайшие сроки представить сведения о видоизменениях местных налоговых аппаратов, т. е. какие существовали налоги до революции и какие существуют теперь [8]. Например, Старицкий волостной исполнительный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Черноярского уезда Царицынской губернии в соответствии с данным распоряжением представил следующие сведения: «налоги до революции существовали самообложением на души и скот, в настоящее время существует часть обложения на скот и на души мужского пола состоятельного класса путем наложения налогов на спекулянтов, мародеров и состоятельный класс» [9].

Одним из основных налогов, принятых новой властью, был государственный подоходный налог. 23 сентября 1918 г. СНК РСФСР было принято постановление «О порядке исчисления доходов, подлежащих обложению государственным подоходным налогом» [10]. В постановлении говорилось, что при начислении подоходного налога следует учитывать и суммировать все доходы, получаемые налогоплательщиком за предыдущий год, независимо от того, сохранились или нет у него такие источники дохода к началу облагаемого периода. На основании данного декрета всем предприятиям, учреждениям, организациям и должностным лицам предписывалось в обязательном порядке допускать председателей Советов депутатов, заведующих финансовыми отделами и председателя участкового присутствия по подоходному налогу или уполномоченных им лиц к обзору всякого рода актов, книг, документов и прочих письменных данных, а также к извлечению из этих документов всех необходимых для исчисления подоходного налога сведений [11]. В целях привлечения к уплате подоходного налога как можно большего количества лиц из числа сельского населения, облагаемых данным налогом, 21 января 1919 г. СНК РСФСР принял декрет «Об изменении положения о подоходном налоге в отношении сельского населения» [12].

На основании данного декрета плательщики, доход которых не превышал предельной нормы, освобождались от обязательной подачи заявлений о доходе.

Вторым по значению из принятых налогов был единовременный чрезвычайный революционный налог. 30 октября 1918 г. в дополнение к регулярным прямым налогам декретом ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) вводился в действие единовременный чрезвычайный десятимиллиардный революционный налог. Он вводился с целью «изъять у паразитических и контрреволюционных элементов денежные средства и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и оборону страны». Налог взимался по раскладочной системе: общая сумма налога раскладывалась по губерниям, уездам, волостям и городам, а затем по плательщикам. Согласно данному декрету, эта раскладка должна была «производиться таким образом, чтобы городская и деревенская беднота были совершенно освобождены от единовременного чрезвычайного налога, средние слои были обложены лишь небольшими ставками, а всей своей тяжестью налог пал бы на богатую часть городского населения и богатых крестьян [13]. Однако при взыскании данного налога возникал ряд трудностей. Например, в своем докладе VIII Царевскому съезду Советов крестьянских и рабочих депутатов заведующий финотделом Царевского уездного исполкома так освещал работу налогового подотдела по сбору единовременного чрезвычайного налога: «При проведении налога встретилась масса недоразумений на местах. Пришлось лично объезжать все селения уезда для разъяснений декрета, порядка применения его. Так как кулацкий элемент деревни поднял агитацию среди бедного крестьянства, восстанавливая его против советской власти и пугая налогами, финотдел рекомендовал сельским и волостным комиссиям сугубую осторожность при обложении среднего крестьянства, дабы не вызвать среди него восстаний и не бросить их в лагерь контрреволюции» [14]. В результате участвовавших случаев проявления недовольства среди сельского населения новым налогом 10 апреля 1919 г. ВЦИК ввел в действие декрет «О льготах крестьянам-среднякам в отношении взыскания единовременного Чрезвычайного Революционного Налога» [15]. Данный декрет был принят с целью облегчения бремени налогообложения крестьян со средним и ниже среднего достатком. На основании этого декрета оставшийся не уплаченным на местах единый чрезвычайный революционный налог, разложенный на отдельных граждан в размерах, не превышающих соответствующие каждой губернии лимиты, дальнейшему взысканию не подлежал. В том числе все принятые ранее меры

принудительного взыскания в отношении таких налогоплательщиков прекращались.

Одновременно с единовременным чрезвычайным революционным налогом 30 октября 1918 г. декретом ВЦИК «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом, в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов» [16] вводился в действие еще один налог. Согласно данному декрету, к уплате натурального налога привлекались крестьяне, имеющие посевы свыше установленных лимитов, необходимых для собственного потребления, а также владельцы более одной коровы, одной лошади, одной свиньи и четырех овец. Взимать налог надлежало только продуктами сельского хозяйства. Замена его деньгами допускалась лишь в исключительных случаях. Налогоплательщику предоставлялось право оплатить деньгами по твердым ценам стоимость подлежащего внесению в продналог хлеба только тогда, когда он уже сдал все излишки хлеба продовольственным органам.

В результате того, что значительная часть сельских хозяйств, принадлежащих к середнякам, уже рассчиталась с государством по чрезвычайному и всем местным налогам, 26 апреля 1919 г. ВЦИК принял декрет «О льготах по взысканию натурального налога» [17]. Данный декрет был принят с целью освобождения середняков от уплаты натурального налога с урожая 1918 г. Однако эти льготы ни в коем случае не должны были распространяться на тех крестьян, которые были приравнены к богатым сельским хозяйствам и которые не сдали продовольственным органам излишки хлеба в соответствии с нормами по продразверстке. Таким хозяйствам предписывалось в наикратчайшие сроки внести все задолженности, а в случае задержки расчетов с них надлежало взыскивать налог в двойном размере либо по решению народного суда они подвергались наказанию.

В 1919 г. в докладе заведующего финотделом Царевского уездного исполкома VIII Царевскому съезду Советов крестьянских и рабочих депутатов говорилось: «Уездная налоговая комиссия по предложению финотдела возбудила ходатайство о сложении натурального налога с населения Царевского уезда, мотивируя свое ходатайство, во-первых, тем, что в Царевском уезде произведена уже социализация земли, во-вторых, все хлеборобы сдали хлеб в продотделы, в-третьих, тем, что в Царевском уезде, по заявлению уездного продкомитета, недостаток хлеба до нового урожая выразился в 1,5 мил. пудов и уж съедено в некоторых селах семенного хлеба до 100 тысяч пудов, затребовано от губернского продкомитета для обсеменения полей 500 тысяч пудов зерна, недородом плодов в садах, продуктов на плантациях, а также близостью фронта, тяжелым

бременем легшего на крестьян всякого рода воинскими повинностями» [18].

В связи с резким ухудшением продовольственного положения из-за гражданской войны и разрухи сбор натурального налога был затруднен, а в некоторых местах практически невозможен. В результате чего налогообложение села было заменено системой продразверстки. Декретом СНК РСФСР от 11 января 1919 г. «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» было установлено, что «... всё количество хлебов и зернового фуража, необходимое для удовлетворения государственных потребностей, разверстывается для отчуждения у населения... Сельские хозяева, не сдавшие к установленному сроку причитающееся на них количество хлеба и фуража, подвергаются безвозмездному принудительному отчуждению обнаруженных у них запасов. К упорствующим из них и злобно скрывающим свои запасы применяются суровые меры, вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговору народного суда» [19].

Помимо обязательных государственных налогов новым правительством вводились в действие налоги, которые предназначались на нужды советской власти на местах. Декретом СНК РСФСР от 6 декабря 1918 г. «О денежных средствах и расходах местных Советов» [20] вводилось в действие Положение о денежных средствах и расходах местных Советов. Согласно данному положению, местные Советы могли располагать средствами, получаемыми от местных источников и выделяемыми центральной властью. В Положении также устанавливались виды налогов и сборов, необходимые для удовлетворения местных нужд губернских, уездных, городских и волостных Советов. В соответствии с данным положением Царицынский губфинотдел разработал предложения о местных налогах, а именно: с доходов, получаемых от пользования земельными имуществами; с фабрично-заводских, торгово-промышленных предприятий; с жилых помещений в городах, уездах и волостях; с домашнего скота; надбавка к Государственному подоходному налогу; дополнительный сбор к основному промысловому налогу; с перевозочного промысла; с лиц, нанимающих домашнюю прислугу; с велосипедов, самодвижущихся экипажей, яхт и моторных лодок; с выездных (не рабочих) лошадей и прямой всеобщий налог [21].

Помимо видов местных налогов в разработанных предложениях устанавливались конкретные размеры в процентных ставках взимаемых налогов, сроки уплаты, наказание за несвоевременный платеж, в том

числе сроки подачи жалоб и возражений на неправильное обложение, а также сроки подачи ходатайств о полном сложении налога. Заведующий Царицынским губернским финотделом П.И. Леднев в своем докладе на съезде Советов Царицынской губернии от 15 мая 1920 г. так освещал вопрос о местных налогах: «Обращаю внимание съезда на налоги в пользу местных Советов. Учитывая, с одной стороны, нужду Советов в средствах, с другой – тяжелое финансовое положение республики, просил бы съезд осторожно подойти к решению вопроса о местных налогах и не спешить с принятием того или другого постановления. Проведение в жизнь местных налогов дает в пользу Советов свыше 100 млн руб. При разработке проекта налогов обращалось внимание на то, чтобы главная тяжесть легла на имущие классы населения, средняки же облагались небольшими ставками и, кроме того, не допускалось такого обложения, которое могло бы разрушительно подействовать на хозяйство плательщика или в значительной мере подорвать его» [22]. В свою очередь губернский съезд советов признал систему местных налогов необходимой для Царицынской губернии и принял резолюцию о передаче данного вопроса на дальнейшее рассмотрение и утверждение губернским исполнительным комитетом.

Помимо нехватки специалистов по сбору налогов и недоимок в 1920 г. в условиях натурализации хозяйства и резкого обесценивания денег закономерным результатом явилось резкое снижение эффективности денежных налогов. В связи с этим 30 ноября 1920 г. СНК РСФСР принял подготовленный В.И. Лениным проект постановления о прямых налогах. В нем говорилось о рассмотрении необходимости отмены местных денежных налогов, а также о подготовке и проведении одновременно с этим отмены всех денежных налогов и замены продрозверстки натуральным налогом [23].

Из-за происходящих изменений в налоговой политике менялась и сама структура налоговых органов и выполняемые ими функции. Так, на основании циркулярного распоряжения Народного комиссариата финансов от 9 февраля 1921 г. работа налогового управления Царицынского губернского финотдела по взиманию налогов была приостановлена. Проводилась лишь текущая работа, связанная с ликвидацией отмененных налогов и сдачей дел и имущества бывшего подотдела косвенных налогов губернскому совнархозу. Для выполнения данной работы было оставлено всего три сотрудника: заведующий налоговым управлением, заведующий отделением и помощник делопроизводителя. Штат сотрудников по сбору налогов переходил в ведение губернского совнархоза [24].

Следует отметить, что формирование нового налогового законодательства осуществлялось в период с 1918 по 1921 г., который в истории России получил название «военный коммунизм». Его отличительными чертами были: национализация промышленности, запрещение торговли, продовольственная диктатура с введением карточной системы распределения продуктов питания и предметов первой необходимости, а также переход на безденежные отношения и расчеты в связи с обесцениванием денег. Появление в таких условиях новых объектов налогообложения не представлялось возможным. Таким образом, налоговая политика новой советской власти в период военного коммунизма заключалась во введении чрезвычайных обложений населения и со временем полностью исчерпала себя. Стране потребовались коренные преобразования, как в финансовой политике, так и в системе налогообложения.

Примечания

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1119–1123.
2. Финансовые органы Волгоградской области: история и современность. Волгоград, 2005. С. 114–116.
3. Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области» (далее – ГАВО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 81. Л. 234.
4. ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 81. Л. 239.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 442–443, 443–445, 450.
6. Финансовые органы Волгоградской области... С. 95.
7. ГАВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
8. ГАВО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 40. Л. 118.
9. Там же. Л. 123.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 976.
11. Финансовые органы Волгоградской области... С. 89.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сборник декретов за 1919 год. Петроград, 1920. С. 6–7.
13. Толкушкин А.В. История налогов в России. М., 2001. С. 198.
14. ГАВО. Ф. 216. Оп. 3. Д. 4. Л. 16.
15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сборник декретов за 1919 год. С. 76–77.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 1145–1146.

17. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сборник декретов за 1919 год. С. 94–95.
18. ГАВО. Ф. 216. Оп. 3. Д. 4. Л. 17.
19. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Сборник декретов за 1919 год. С. 5–6.
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 1313–1323.
21. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 122. Л. 20.
22. Там же. Л. 39.
23. Ленин В.И. Проект постановления СНК о прямых налогах // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1970. С. 51.
24. Финансовые органы Волгоградской области... С. 140.

А.В. Броварь, И.Е. Татаринев

ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1917–1919 гг.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к окончательной ломке политической системы Российской империи, оказавшейся неспособной предложить перспективную концепцию развития. Это привело к созданию национальных республик с неопределенными границами и взаимными территориальными претензиями. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена растущим интересом к Border Studies как перспективному направлению комплексного анализа пограничных процессов в рамках междисциплинарного подхода и утверждением новых методологических ориентиров. Дополнение документальной базы новыми материалами позволит расширить спектр характеристик происходивших трансформационных процессов. А стремительное ухудшение российско-украинских отношений, наблюдаемое в последнее время, и звучащие на разных уровнях территориальные претензии придают дополнительную актуальность исследуемой проблематике.

Вопрос неоднократно находил свое отражение в советской историографии, где он рассматривался в рамках концепции «дружбы народов»; обсуждение каких-либо претензий «братских республик» друг другу не допускалось. В 1990-е – 2000-е гг. весомый вклад в разработку вопроса внесли

работы таких украинских историков, как В. Боечко, А. Ганжа, Б. Захарчук [1], В. Кузьменко [2], В. Сергийчук [3], исследовавших основные закономерности и отдельные аспекты формирования границ УССР и РСФСР в XX в. Указанные авторы делали акцент на недостаточном внимании центра к этнографической составляющей при разграничении. Примечательно, что именно на таком принципе территориализации настаивала украинская делегация на межреспубликанских переговорах в 1920-е гг. Подобная точка зрения на принципы формирования границ доминирует и в современном украинском историческом дискурсе. Российские и западные исследователи также уделили пристальное внимание поднятой проблеме, рассматривая различные аспекты территориализации российско-украинского пограничья, опираясь на архивные документы. Отметим таких авторов, как Е. Борисенок [4], К. Дроздов [5], В. Дённингхаус [6], Е. Кринко [7] и др. Они рассматривают пограничное пространство как уникальную зону особого политического, экономического и культурного контакта, где действовали различные акторы (союзные, республиканские, региональные и местные партийные, советские и хозяйственные органы, хозяйственные, социокультурные учреждения и СМИ). Отметим, что сложность и неоднозначность процессов социально-экономических, политических и культурных трансформаций в российско-украинском пограничье и противоречивость межграницных коммуникаций в исследуемый период обуславливает изучение этого пространства в первую очередь как особой зоны политического, экономического и этнокультурного взаимодействия.

Национальные республики, появившиеся после распада империи в 1917 г., пользуясь административно-территориальной неопределенностью, взяли курс на расширение своих границ. Крайне неоднозначно проходил процесс формирования российско-украинской границы. Отметим, что сложившийся в приграничных районах смешанный состав населения осложнял проведение границ строго по этнографическому принципу. Вместе с этим разрыв народно-хозяйственного комплекса определенного района нарушал принцип «экономической целесообразности». Потребовалось вмешательство центра, чтобы решить территориальную неопределенность. Так, адресуя Украинской центральной раде «Временную инструкцию Генеральному секретариату Временного правительства на Украине» от 4 (17) августа 1917 г., Временное правительство в Петрограде в п. 2 впервые обозначило территориальные рамки украинской автономии. Указывалось, что полномочия Генерального секретариата распространялись «на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов. Они могут быть

распространяемы и на другие губернии или части их, в случаях, если образованные в сих губерниях, на основании постановления Временного правительства, земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения» [8]. Заметим, что «Временная инструкция» не решала окончательно вопрос о границах, который оставался открытым.

Как видно из документа, украинская юрисдикция не распространялась на значительные территории бывшей Новороссии (земли Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний), Харьковской и частично Черниговской губерний. Однако Центральная рада фактически проигнорировала документ и провозгласила автономию в одностороннем порядке в границах 9 губерний, воспользовавшись вооружённым большевистским восстанием и свержением Временного правительства. Украинская сторона без согласия центра расширила свою юрисдикцию на земли, не указанные в упомянутой выше Инструкции. 7 (20) ноября 1917 г. в III Универсале Украинской центральной рады украинцами было очерчено новое видение российско-украинской границы. В частности, к территории Украинской народной республики (далее – УНР) отнесли «земли, заселенные в большинстве своем украинцами. Окончательное определение границ УНР, как присоединенных частей Курщины, Холмщины, Воронежчины, так и смежных губерний, и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов» [9]. Односторонние действия Центральной рады вызвали определённый резонанс, и 16 ноября 1917 г. исполком советов Донецко-Криворожской области (на тот момент автономное образование в составе России. – А.Б., И.Т.) принял резолюцию, не поддерживавшую отделение спорных областей от России. Содержался призыв «развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской Республики и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области» [10]. Как заметил донецкий исследователь В. Корнилов, речь шла не об «отделении» от Украины, куда политические партии Донкривбасса не причисляли свой регион изначально, речь шла об «оставлении» этого региона в составе России [11].

Отметим, что в Киеве позиции большевиков были достаточно слабы, и они не смогли захватить власть, как в Петрограде, где новое правительство – Совнарком – отнеслось к Центральной раде исключительно враждебно, как к проводившей «буржуазную политику и поддержавшей кадетско-калединский заговор» [12]. Однако на Донбассе большевики получили широкую поддержку и в начале октября 1917 г. взяли власть в Луганске, Горловке, Макеевке и Краматорске. В том же году 11–12 (24–25) декабря в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Сове-

тов, который провозгласил образование Украинской социалистической советской республики (УССР). В резолюции Первого Всеукраинского съезда Советов о самоопределении Украины от 12 (25) декабря 1917 г. среди прочего сообщалось: «I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую республику как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной рады, раскрывая ее буржуазный, контрреволюционный характер» [13]. В этих условиях 22 января 1918 г. в Киеве на закрытом заседании Малой рады IV Универсалом была провозглашена государственная независимость УНР. Таким образом, в результате описываемых событий на Украине возникло два центра государственности.

Уступив большевикам власть над большинством украинских территорий, включая Киев, в январе 1918 г. Рада обратилась к Центральным державам с призывом о помощи в возврате власти. 9 февраля 1918 г. УНР с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция – с другой, заключили в Брест-Литовске соглашение о взаимопомощи. Центральные державы в обмен на сырье и продовольствие признавали УНР в качестве субъекта международных отношений, ее суверенитет над перечисленными в III Универсале территориями и обязались направить военный контингент на Украину. 3 марта 1918 г. большевики, заключив сепаратный мир в Брест-Литовске, обязались освободить территорию Украины и передать ее под юрисдикцию Германии и Австро-Венгрии. Кроме этого, согласно ст. 6 Брестского мира, большевики обязались приступить к установлению российско-украинской границы. 30 марта в телеграмме УНР советскому правительству предлагалось «прекратить состояние войны между двумя державами и определить отдельным соглашением наши границы и наши правовые отношения» [14]. Уже в мае 1918 г. в Киеве начались российско-украинские переговоры о границах. Российскую делегацию возглавляли Х. Раковский и Д. Мануильский, а позицию украинцев представлял генеральный судья Украины С. Шелухин. Российская сторона практически сразу поставила под сомнение самостоятельность УНР, указывая на правопреемственность Советской России и заявляя права на все земли, которые входили в состав Российской империи, что вызвало острое недовольство украинцев [15].

В результате интервенции Центральных держав к маю 1918 г. под контролем австро-венгерских войск оказались Подольская, Херсонская и Екатеринославская, а также часть Волынской губернии. Немецкие войска оккупировали территории, прилегавшие к Черному и Азовскому морям, Крым, а также Таганрог. Николаев, Мариуполь и Ростов-на-

Дону контролировали смешанные части. Во время размежевания пограничных земель 12 мая 1918 г. было подписано российско-украинско-немецкое перемирие и зафиксирована демаркационная линия между войсками. Она проходила по линии Сураж – Унеча – Стародуб – Новгород-Северский – Глухов – Рылск – Колонтаевка – Суджа – Беленихино – Купянск [16]. Однако украинская сторона отказалась считать эту линию государственной границей, апеллируя к несоответствию с этнографическим принципом при демаркации. Долгие дискуссии о принципах формирования границы привели к принятию 22 июня 1918 г. компромиссной резолюции. Стороны соглашались «опираться на этнографический принцип, исходя из него, установить государственную границу мирным договором, причем в отдельных указанных в том договоре спорных местностях... начать организованный и свободный опрос населения для окончательного установления государственной границы в тех местностях» [17].

Опираясь на австро-немецкие воинские контингенты, украинская сторона претендовала на территории ныне российских регионов: части Курской, Воронежской, Белгородской и Ростовской областей, а также на Крым и Кубань. Однако российская сторона категорически не согласилась с выдвигаемыми украинцами претензиями, считая, что временное размежевание должно проходить по демаркационной линии между украинско-немецкими войсками и частями Красной армии. В свою очередь, российская делегация предложила свой вариант разграничения, который не устроил украинцев, поскольку граница проходила значительно западнее этнографической линии: в составе России оставались не только спорные части Курской и Воронежской губернии, но и ряд уездов Черниговской, Харьковской и Екатеринославской губерний. Украина теряла 85 % залежей угля, все месторождения антрацита и крупные районы металлургического производства. В интервью «Известиям» Д. Мануильский указывал на исключительную необходимость пребывания Донбасса в составе России: «Исключить Донбасс из хозяйственного тела России – значит вызвать ее экономическую катастрофу» [18]. Примечательно, что в состав УССР некоторое время входили Белгородский и Грайворонский уезды Курской губернии, которые в 1920-х гг. прочно закрепились в составе РСФСР.

Не оставляя попыток договориться о границах с правительством гетмана П. Скоропадского, российская сторона вела переговоры с Центральными державами, гарантами существования Украины как независимого государства. Так, член российской финансово-политической комиссии в Берлине Ю. Ларин (Лурье) обусловил выполнение Россией экономических обязательств по Брестскому миру рядом условий. Боль-

шевики настаивали на «отказе со стороны Германии в поддержке всевозможных притязаний правительства П. Скоропадского на 4 северных уезда Черниговской, Курской, Воронежской губерний, Донскую область и Крым, на определенную часть Екатеринославской и Харьковской губерний», а также «не препятствовании федеративному сближению с Украиной» [19]. Уже 26 сентября 1918 г. Х. Раковский заявил, что определять границы Украины можно только в рамках губерний, названных в III Универсале. Вся остальная территория является российской, оккупированной украинским государством, и поэтому последняя должна ее освободить [20].

Ноябрьская революция в Германии привела к отзыву немецких воинских контингентов с украинской территории и земель Войска Донского и падению марионеточного режима гетмана П. Скоропадского. В Курске 28 ноября 1918 г. создано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г. Пятаковым, а в январе 1919 г. оно переехало в Харьков, преобразовавшись в конце января в Совнарком под руководством Х. Раковского. СНК УССР повел решительную борьбу с украинской Директорией – преемницей правительства П. Скоропадского. 24 декабря 1918 г. в «Известиях ВЦИК» было напечатано постановление наркомата иностранных дел, в котором «с аннулированием Брестского мирного соглашения Украина больше не признается советским правительством Российской республики независимым государством» [21].

Вопрос о границах был снова поднят в связи с возникшей дискуссией о присоединении Донецко-Криворожской республики к РСФСР. Глава Реввоенсовета УССР И. Сталин считал целесообразным в интересах интернационализма объединить Донбасс с Центральной Украиной. Он решительно заявил: «Никакого Донкривбасса не будет и не должно быть, пора бы бросить заниматься глупостями» [22]. 17 февраля 1919 г. В.И. Ленин подписал постановление: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» [23]. Как утверждает В. Корнилов, никто официально ликвидации ДКР не провозглашал. Созданная в январе 1918 г., она, в отличие от ЦИК Украины, никогда так и не была распущена. И это давало основания сторонникам идеи ее существования добиваться возрождения административно-территориального обособления территорий, входивших в состав Донецкой республики [24]. Уже тогда среди большевистского руководства велись горячие дискуссии о принципах построения будущего союзного государства. Власти колебались между выбором в пользу федерации национальных республик и федерации регионов, составляющих единый хозяйственно-экономический комплекс.

31 января 1919 г. СНК УССР принял постановление об образовании Донецкой губернии в составе двух уездов – Бахмутского и Славяносербского. Отдельно в черновике постановления оговаривалось, что украинское правительство не претендует на Донскую область РСФСР. Вопрос границ УССР оставался открытым. В связи с обострением военной обстановки и угрозой со стороны Белого движения 7 февраля 1919 г. приказом наркома по военным делам Украины образован Харьковский военный округ, в который вошли территории Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерний. 25 февраля рассматривая вопрос о границах между РСФСР и УССР, стороны согласились сохранить дореволюционные границы между губерниями в качестве границ между республиками. В то же время по настоянию Х. Раковского Суражский, Новозыбковский, Мглинский и Стародубские уезды Черниговской губернии отошли к РСФСР [25].

8–10 марта 1919 г. в Харькове на 3-м съезде Советов УССР было провозглашено создание Украинской советской социалистической республики как самостоятельного государства и принят проект его конституции. Тогда же было решено вернуться к вопросу установления российско-украинской границы. Стороны согласились признать в качестве государственной границы старые губернские границы времен Российской империи. 10 марта 1919 г. СНК УССР утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой». Признавались государственными административные границы УССР в рамках 9 губерний: Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической [26].

Таким образом, в результате победы большевиков в Гражданской войне и поражения буржуазно-демократической революции был взят курс на построение многонационального советского федеративного социалистического государства. Это знаменовало начало нового этапа форматирования российско-украинского пограничья и применения принципиально иных подходов.

Примечания

1. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. Киев, 1994.

2. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східно-го кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. № 4 (16). С. 26–30.

3. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. Київ, 2008; Его же. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ, 2014.

4. Борисёнок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 205–237; Ее же. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы. М., 2006.

5. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Его же. «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конференции. Белгород, 2006. С. 13–21.

6. Дённингхаус В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М., 2011.

7. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. № 3–4 (10); Кринко Е.Ф., Татаринцов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 639–644.

8. Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4 т. Том 3. Июль – август 1917 года. М., 2004. С. 227–228.

9. Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Київ, 1992. С. 67.

10. Корнилов В. Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 140–141.

11. Там же. С. 141.

12. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Центральной раде // Правда. 1917. 5 (18) декабря.

13. Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972. С. 28.

14. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). Ф. 2607. Оп. 2. Д. 1. Л. 16–17.

15. Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

16. Гражданская война на Украине. 1918–1920: сборник документов и материалов. В 3 т. Том 1. Кн. 1. Киев, 1967. С. 34.

17. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 16. Л. 290.

18. Известия ЦИК (Москва). 1918. 18 июля.
19. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 315. Л. 11.
20. Там же. Ф. 2706. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–18.
21. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Указ. соч. С. 27.
22. Корнилов В. Указ. соч. С. 502.
23. Гражданская война на Украине. 1918–1920... Т. 1. Кн. 1. С. 627.
24. Корнилов В. Указ. соч. С. 502–503.
25. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Указ. соч. С. 51.
26. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Ч. 1. Л. 70.

С.С. Белоусов

РОЛЬ ВОЕННОГО ФАКТОРА В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)¹

Накануне Гражданской войны Нижнее Поволжье занимало пространство в 281 437,3 кв. верст, или 300 231 кв. км, на территории которого располагались два административно-территориальных субъекта – Астраханская и Саратовская губернии. Здесь проживало более 3,5 млн человек различных национальностей и конфессий, среди этнических групп наиболее крупными были русские, украинцы, казахи, немцы, калмыки.

Разнообразие этноконфессионального и сословного состава населения региона придали своеобразие его административно-территориальному устройству. В Нижнем Поволжье наряду с уездами существовали казахская «Внутренняя орда», «Калмыцкая степь», казачьи округа, немецкие кантоны, улусы, аймаки, участки, старшинства, волости и проч.

Серьезные изменения в административно-территориальном устройстве Астраханской и Саратовской губерний произошли в 1917–1920 гг. В эти годы проводилась политика разукрупнения, в результате которой в регионе возникли новые административно-территориальные субъекты и единицы, а некоторые из них изменили свой статус и характер. Эти перемены были вызваны как национальной политикой большевиков, так и

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

назревшими объективными потребностями усовершенствования сетки административно-территориального деления, в отдельных случаях они диктовались военными соображениями. Так, выделение в самостоятельные субъекты территорий компактного проживания казахов, калмыков и немцев произошло в результате стремления большевистской партии реализовать на практике свою доктрину о праве народов на самоопределение, в учреждении Царицынской губернии главную роль сыграл военный фактор, появление новых уездов было связано с созданием более удобной для местного населения сетки административно-территориального деления. Многие преобразования нередко инициировались «снизу» и осуществлялись без санкции вышестоящих властей. Перекройка административных границ происходила в условиях нестабильной общественно-политической обстановки, ослабления власти и развернувшихся боевых действий, что не могло не наложить на данный процесс неизгладимого отпечатка.

Административно-территориальные преобразования в Нижнем Поволжье начались, когда происходил процесс перехода от одной модели власти к другой. Ещё в период Временного правительства, 1 июля 1917 г., из состава Астраханской губернии выделилась в самостоятельный субъект под названием Букеевской губернии казахская Внутренняя орда, а в первые месяцы 1918 г., когда в Астраханской губернии осуществлялась замена прежних органов власти на советские, сепаратистские тенденции проявились в Черноярском уезде. В феврале 1918 г. Черноярский уездный съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял решение о переводе уездного центра из г. Чёрный Яр в находящуюся в пределах Саратовской губернии колонию Сарепту, в свою очередь в марте того же года заявили о своём выходе из Черноярского уезда и образовании самостоятельного Элистинского округа 13 крестьянских селений, расположенных на юге Ергенинской возвышенности.

Свершившееся разделение уезда на части, как представляется автору этих строк, имело под собою серьезные основания, а его истоки уходят в историю его формирования. Черноярский уезд был образован в 1782 г., и со временем его границы приобрели сложную географическую конфигурацию. К началу Февральской революции 1917 г. уезд представлял собой две вытянутые в узкую линию полосы, одна из которых тянулась вдоль р. Волги, а другая шла вдоль границы Астраханской губернии с областью Войска Донского по Ергенинской возвышенности в направлении с севера на юг до границы со Ставропольской губернией. Поволжская и североэргенинская части Черноярского уезда граничили с Царицынским уездом Саратовской губернии, и в силу географической близости их население в административном и хозяйственном отноше-

нии тяготело к г. Царицыну, который к началу XX в. в результате быстрого и успешного развития вырос до уровня губернского города, хотя по статусу продолжал оставаться административным центром одного из уездов (Царицынского) Саратовской губернии.

С началом гражданской войны г. Царицын в силу своего удобного геополитического положения приобрел ключевое значение для противоборствующих сторон. Через город проходили важнейшие транспортные коммуникации, связывавшие центральные районы с Прикаспием, Северным Кавказом и Средней Азией, в нём имелись промышленные предприятия и были сосредоточены большие арсеналы оружия и боеприпасов. Для белых войск взять Царицын было очень важно ещё и потому, что он создавал серьёзную угрозу правому флангу Донской армии генерала П.Н. Краснова и лежал на пути соединения с войсками оренбургского атамана И.А. Дутова. Вышеуказанные обстоятельства предопределили ожесточённый и длительный характер сражений за Царицын, которые начались в июле 1918 г. и завершились 3 января 1920 г. взятием города войсками Красной армии.

Царицынская губерния возникла в период первой обороны города красными войсками летом 1918 г., но точная дата ее учреждения до сих пор не установлена. Исследователи относят первое упоминание о губернии к приказу Военного совета Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) от 11 августа 1918 г. «Об объявлении осадного положения», ее название встречается и в последующих августовских приказах о мобилизации населения [1]. Возможно, Царицынская губерния де-факто существовала уже тогда, однако считается, что официально она была образована 7 сентября 1918 г. приказом № 62 Военного совета СКВО, подписанного И.В. Сталиным, С.К. Мининым и К.Е. Ворошиловым. В нем говорилось, что Царицынская губерния учреждается «в целях наискорейшего создания в округе боевых единиц, а равно и в целях более успешного и планомерного проведения в жизнь директив центральной военной власти» [2]. В приказе были обозначены территории, вошедшие в губернию, – это Царицынский уезд и часть Камышинского уезда Саратовской губернии, Черноярский и Царевский уезды Астраханской губернии, из последнего были отделены 11 северных волостей, образовавшие новый Николаевский уезд [3].

Черноярские власти поддержали решение руководства СКВО о вхождении уезда в состав новообразованной губернии. Ещё в начале июня 1918 г. при обсуждении на Чрезвычайном Черноярском уездном съезде советов вопроса о переносе административного центра из г. Чёрный Яр в колонию Сарепту в выступлениях некоторых делегатов прозвучала мысль о том, что главный смысл этого шага они видят в приближении

их центра управления к г. Царицыну. Участник съезда Толстоноженко, например, прямо заявил, что, поскольку Черноярский уезд и соседний с ним Царевский тяготеют к Царицыну, то последний должен стать для них губернским городом [4]. Заметим, что это было сказано, когда Царицынская губерния ещё не была официально учреждена, а Сарепта и Царицын продолжали числиться в составе Саратовской губернии.

Перенос административного центра уезда в Сарепту отдельные делегаты увязывали также с необходимостью сохранения целостности уезда. По их мнению, выделение Элистинского округа произошло вследствие удаленности его от г. Чёрного Яра, и они предупреждали о возможном выходе из Черноярского уезда и других сел, если, конечно, административный центр не переедет в Сарепту [5].

Таким образом, для властей и населения Черноярского уезда перенос управления в Сарепту и перечисление в Царицынскую губернию был обусловлен прежде всего административными и экономическими соображениями, и только потом военными. Командование же СКВО в административной деятельности руководствовалось главным образом военными интересами, заключавшимися в объединении территорий, имевших значение для обороны Царицына. В Царицынскую губернию включались в основном те территории, оперативная и политическая обстановка на которых влияла или могла повлиять на ведение боевых действий под Царицыным.

Весной 1919 г. территория Царицынской губернии значительно расширилась: 20 апреля 1919 г. ей, согласно совместному решению Донского бюро Российской коммунистической партии (далее – РКП(б)) и председателя Царицынского исполкома, были переданы Второй Донской, Усть-Медведицкий и часть Сальского и Первого Донского округов области Войска Донского.

В истории Гражданской войны создание Царицынской губернии предстает уникальным событием. По утверждению исследовательницы О.Н. Боковой, из всех учрежденных в годы гражданской войны губерний Царицынская являлась единственной, которая «появилась как военное образование, создана без учета положений Совета народных комиссаров “О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих” от 27 января 1918 г. и других нормативных актов, регулирующих порядок образования новых административных единиц» [6]. Специфика ситуации заключается также в том, что Царицынская губерния была учреждена командованием СКВО на территориях, большинство которых, в том числе г. Царицын, в то время были подведомственны руководству Приволжского военного округа.

30 июня 1919 г. белогвардейская армия генерала Врангеля овладела г. Царицыным, поэтому приказом № 1129 от 19 июля 1919 г. Окружного комиссариата по военным делам Уральского военного округа Царицынская губерния была упразднена, а ее Царицынский, Николаевский и Черноярский уезды переподчинены Астраханской губернии. В этой связи возникает вопрос об отношении белогвардейского командования к решению красных о создании в 1918 г. Царицынской губернии. Занимавшийся вопросом образования Царицынской губернии волгоградский краевед Р. Шкода полагает, что формально белогвардейцы никогда не признавали данного решения, но на деле относились к Царицыну как к губернскому городу. Он пишет: «Белые признавали Царицын частью старой Саратовской губернии, однако сам губернский Саратов оставался постоянно в руках красных, поэтому и всё, что было у белых губернского (то есть те гражданские власти, которые существовали), – всё равно базировалось в Царицыне» [7].

После взятия г. Царицына Красной армией 3 января 1920 г. и завершения боевых действий причины ситуационного, военного характера, приведшие к образованию Царицынской губернии, исчезли, тем не менее губерния была восстановлена, что свидетельствует о том, что в основе ее появления лежали более глубокие и объективные предпосылки.

Такие же предпосылки для объединения в отдельную административно-территориальную единицу уездного уровня сложились и у крестьянского населения Южных Ергеней. Населенные пункты здесь основали в конце 1840-х – первой половине 1860-х гг. переселенцы из Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерний, прибывшие по указу императора Николая I от 30 декабря 1846 г. для заселения Царицынско-Ставропольского тракта, большая часть которого проходила по землям калмыков. Большинство поселений на Ергенинской возвышенности располагались вдоль Царицынско-Ставропольского тракта в одну линию, что осложнило их административно-территориальное устройство. Особенно большие трудности возникли при формировании административной сети на средней и южной части Ергеней: новые поселения находились на большом расстоянии от уездных центров, а создать отдельный уезд из них не позволяла малочисленность их населения. В итоге населенные пункты Ергенинской возвышенности включили в ближайший к ним Черноярский уезд, административный центр которого – г. Чёрный Яр – размещался на правом берегу р. Волги. От южноергенинских селений этот город разделяло расстояние в 300–400 верст.

К 1917 г. русско-украинское население будущего Элистинского уезда благодаря высокой рождаемости и притока новых жителей превыси-

до 30 тыс. человек, что составило 22 % от общей численности населения Черноярского уезда. Жители южноергенинских сёл занимались скотоводством и земледелием, но ведущей отраслью их хозяйства было приносившее им главные доходы скотоводство. По обеспеченности скотом на душу населения южноергенинские крестьяне опережали других жителей Астраханской губернии, уступая только калмыкам-кочевникам. Ведущееся ими с широким размахом скотоводство во многом зависело от возможности аренды соседних с их наделами земель калмыков Манычского и Малодербетовского улусов, с которыми у них установились прочные хозяйственные связи. Рынками сбыта скота и его продукции служили в основном г. Царицын и Астрахань и в значительно меньшей степени г. Чёрный Яр. Южные Ергени, таким образом, в хозяйственном отношении были связаны со своим административным центром очень слабо.

Гражданская война, как и в случае с Царицынской губернией и Черноярским уездом, ускорила в Южных Ергенях процессы административно-территориальных преобразований, предпосылки для которых созрели в предшествующий период. Толчок им дали развернувшиеся боевые действия, а главной их движущей силой стали вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны солдаты. В феврале и марте 1918 г. фронтовики организовали отряды самообороны, принявшие активное участие в разгроме белых отрядов полковника К.В. Сахарова и походного атамана П.Х. Попова. Первые боевые столкновения показали, что губернские и уездные власти из-за своей удалённости от южноергенинских селений и отсутствия значительных военных сил и вооружений не в состоянии быстро и сколько-нибудь существенно помочь местным властям организовать оборону от белогвардейских войск и что в этом деле им придется рассчитывать только на свои силы. В результате у местных крестьян возникла мысль выйти из состава Черноярского уезда и образовать отдельную, самостоятельную административную единицу. В марте 1918 г. на совещании представителей от 13 населенных пунктов Южных Ергеней и калмыцкого населения Манычского улуса было принято решение о создании Элистинского округа. В него вошли Элистинская, Ремонтненская, Приютненская, Богородская, Крестовская, Кормовская, Валуевская, Торговская, Федосеевская волости и все аймаки и посёлки Манычского улуса. Общая численность населения округа по приблизительным подсчётам составила более 50 тыс. человек.

Губернские власти отказались признать самовольно возникшую административно-территориальную единицу, против нее выступило и руководство Черноярского уезда, хотя незадолго до этого события оно само проявило сепаратизм, инициировав выход уезда из состава Астрахан-

ской губернии. Между тем летом 1918 г. военная оперативная обстановка на сопредельных к Астраханской губернии с запада территориях в связи с начавшимся в июле наступлением белоказачьих войск атамана П.Н. Краснова на г. Царицын серьезно обострилась. Элистинский округ, расположенный на стыке Астраханской губернии со Ставропольской и Донской областями, превратился в прифронтовую зону, и возникла опасность вторжения белых на его территорию. Для организации им отпора в Элисте 21 июля 1918 г. был учрежден военный комиссариат, приступивший к формированию из русского населения округа Элистинско-Ремонтненского гражданского социалистического советского полка, развернутого в ноябре того же года в Элистинскую советскую дивизию. Командовать полком руководство СКВО поручило А. Финькову, а южным участком Степного фронта (от Маныча до с. Заветного) – И.Н. Терехову. Эти назначения вызвали недовольство в полку, поскольку упомянутые командиры являлись уроженцами и представителями Черноярского уезда, и элистинцы опасались, что с их помощью черныярцы попытаются подчинить себе Элистинский округ. Слово в подтверждение их подозрений И.Т. Терехов в конце августа 1918 г. издал приказ о переименовании Элистинско-Ремонтненского полка во 2-й Черноярский полк, что сразу же вызвало открытое возмущение среди личного состава полка.

28 августа 1918 г. в с. Крестовом прошел съезд фронтовиков, где было принято решение о слиянии всех отрядов округа в 1-й Элистинский советский полк и избрано из числа местных уроженцев его командование [8]. За день до этого события Астраханский губернский исполнительный комитет на своем заседании 27 августа утвердил уездный исполнительный комитет, придав тем самым существованию Элистинского уезда правовые основания.

Преобразование Элистинского округа в уезд и его признание губернскими властями завершили процесс создания на юго-западе Астраханской губернии новой административно-территориальной единицы. Пойти на этот шаг астраханскую администрацию вынудили политические и военные обстоятельства. Для губернской власти было очень важным то, что уезд демонстрировал политическую лояльность по отношению к советской власти, установление которой здесь прошло достаточно спокойно и без контрреволюционных выступлений. По уверению руководства нового уезда, его население поддерживало советскую власть с самого ее начала и было полно решимости защищать ее с оружием в руках. В качестве доказательства приводились примеры высокой военной самоорганизации элистинцев и успешной борьбы с белыми войсками. Эту лояльность новому политическому режиму, правда, оспаривали черно-

ярские власти, считавшие, что в действительности население Элистинского уезда заражено контрреволюционными настроениями и саботирует мероприятия советской власти. Побывавшие в селах Элистинского уезда летом и осенью 1918 г. с целью подготовки земельной реформы черноморские инструктора в своих отчётах писали о том, что местные крестьяне «тоскуют» по Учредительному собранию и «твердой» власти, отрицательно относятся к комиссарам и красноармейцам и требуют отложить земельную реформу до окончания гражданской войны [9].

Сепаратизм элистинцев черноморцы объясняли желанием обособиться от «пролетарской власти» Черноморского уезда и не допустить выполнения администрацией последнего распоряжения губернского руководства об изъятии у южноергенинских крестьян излишнего скота у зажиточных лиц в целях его перераспределения между бедными. Черноморское руководство призывало власти губернии воспрепятствовать выделению элистинцев, предупреждая о том, что в противном случае к власти в Элистинском уезде придут кулаки [10].

Астраханский исполком, однако, не прислушался к доводам черноморцев, не без оснований полагая, что их мотивация основана исключительно на желании сохранить целостность Черноморского уезда. Для астраханских властей выгоднее было поддержать элистинцев, которые, хотя и создали свой уезд без их санкции, но в отличие от черноморцев никогда не ставили на повестку дня вопроса о выделении из состава Астраханской губернии.

На решение астраханского руководства сильно повлиял и военный фактор. В условиях наступления белоказаков было бы крайне неразумно затевать борьбу с сепаратизмом элистинцев, которые имели свое воинское формирование и к тому успешно оборонялись от белогвардейцев.

Ситуация не в пользу элистинцев стала меняться после подавления антибольшевистского вооруженного мятежа, вспыхнувшего в начале декабря 1918 г. в Элистинской дивизии. Уезд стал считаться контрреволюционным, и Астрахань прекратила финансирование его учреждений [11]. Одновременно была расформирована Элистинская дивизия, а ее части переданы в состав подразделений регулярной РККА. После минования военной опасности власти окончательно перестали считаться с мнением жителей Элистинского уезда и приступили к его ликвидации. В марте 1920 г. из состава уезда с санкции властей вышел Манычский улус, а крестьянские волости были возвращены в Черноморский уезд, ставшим к тому времени частью Царицынской губернии. С упразднением уезда идея жителей южноергенинских селений об объединении в одну административно-территориальную единицу не умерла. Она была

реализована в создании Ремонтненского уезда, который был образован в составе Калмыцкой автономной области в 1921 г.

Примечания

1. Шкода Р. Рождение губернии. URL: <http://царицын.рф/articlestsaritsyn/606-rozhdenie-gubernii.html> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Там же.
3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.
4. Национальный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований (далее – НА КИГИ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 38.
5. Там же. Л. 35.
6. Бокова О.Н. Образование Царицынской губернии как административно-территориальной единицы РСФСР (диплом I степени) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008–2009. Вып. 7. Серия 9: Исследования молодых ученых. С. 121.
7. Шкода Р. Указ. соч.
8. Немичев И.С. Формирование и боевые действия Первой Элистинской советской дивизии (июль 1918 – 1919 гг.) // Ученые записки. Вып. 10. Серия историческая. Элиста, 1974. С. 63.
9. НА КИГИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 38. Л. 4.
10. Там же. Л. 5.
11. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 8. Л. 24об.

В.Г. Ященко

АНТИКРЕСТЬЯНСКИЕ РЕПРЕССИИ И ПОВСТАНЧЕСТВО В ПРИЭЛЬТОНЬЕ, 1918–1923 гг.

Крестьянская война, бушевавшая в России с 1918 по 1923 г., породила многочисленные повстанческие антибольшевистские формы сопротивления. История и специфика крупных крестьянских выступлений («Махновщина», «Антоновщина», Чапанная война, Западносибирское восстание, «мятеж Гоцинского») исследованы достаточно хорошо. Выступления же инсургентов, бунтовавших на периферийных просторах страны, изучены слабо. Одним из белых пятен в истории повстанческого движения России является история повстанчества Приэльтонья, которое расположено в Восточном Заволжье (современная Волгоградская

область). Историки обошли своим вниманием этот феномен. Автор статьи смог восстановить основную канву событий, получив сведения из источников, хранящихся в фондах волгоградских архивов.

Приэльтонье географически имеет следующие границы. С востока – линия Приволжской железной дороги Астрахань – Красный Кут: от станции Сайхин до станции Кайсацкая. С севера – окрестности озера Булухта (другое название – Горькосолёное озеро). Далее граница проходит на юг до села Степное. С юга зона ограничена линией Степное – озеро Боткуль. Во время Гражданской войны здесь располагались четыре села: Степное, Булухта, Новый Эльтон и Житкур. Приэльтонье занято «бурными сильно-солонцеватыми суглинистыми и супесчаными почвами, в которые отдельными пятнами вкраплены серые почвы лиманов и западин» [1]. Климат засушливый с резко выраженной континентальностью. Этнический состав территории характеризуется преобладанием русских и поволжских украинцев. За время Столыпинской реформы Приэльтонье приобрело свою хозяйственную специфику, основу ее экономики составляли отрубные хутора и помещичьи имения, перешедшие на капиталистические рельсы развития. Фермеры были собственниками и арендаторами больших наделов возделываемых и пастбищных земель. Они владели многочисленным поголовьем крупного рогатого и рабочего скота, отарами овец, современной по тем временам сельскохозяйственной техникой. Многие занимались промышленным садоводством и огородничеством. Суровые условия резко континентального климата, высокая рисковость земледелия привели к тому, что земельная норма в этих местах была самой высокой в России – до 75 десятин удобной земли на домохозяйство [2]. Возделываемые целинные земли приносили богатые урожаи. До начала Гражданской войны они не успели потерять своего плодородия и подвергнуться ветровой эрозии.

По свидетельству местных чиновников, «до (большевистского. – В.Я.) переворота население... не знало той нужды, которую испытывали крестьяне Пензенской, Нижегородской и др. губерний, и рука старого режима, благодаря широкому приволью, была для них почти не чувствительна» [3]. Всё изменилось с приходом к власти большевиков. Введенная ими политика «военного коммунизма» – продразверстка, государственная монополия на сельскохозяйственные продукты, запрет частной торговли, а также массовая мобилизация мужского населения и перевозочных средств в Красную армию – стала основной причиной вспышки крестьянского недовольства. Экономическая автономность хуторян Приэльтонья, их клановость и территориальная изолированность от уездных и губернских центров, опыт в отражении грабительских набе-

гов кочевников являлись основными факторами в формировании у них стремления к независимости. Поэтому введение в регионе «военного коммунизма» встретило массовый отпор со стороны приэльтонского крестьянства – поначалу пассивный, а затем и вооруженный.

В августе 1918 г. на станцию Кайсацкая прибыл эшелон с продотрядом Астраханского губпродкома. Целью экспедиции было изъятие хлеба у хуторского населения. Были конфискованы и переданы в распоряжение комитета бедноты усадьбы местных помещиков. На базе изъятых усадеб были организованы совхозы. В августе по приэльтонским хуторам прошли конфискации имущества и выселение семей фермеров. В случае оказания сопротивления каратели сжигали хутора, а активных бунтовщиков расстреливали. В сентябре в волость прибыл специальный уполномоченный по Астраханской губернии тов. Лянземер с мандатом Совета труда и обороны республики. Началась «выкачка» хлеба и отправка его по железной дороге в Москву, Астрахань и Царицын.

Продотряды сразу же столкнулись с массовым саботажем хуторян. Крестьяне прекратили уборку хлеба. Власти приняли самые крутые меры. Из Астрахани прибыл эшелон рабочих, мобилизованных для уборки урожая с полей саботажников. Применялся институт заложничества. Крутые меры подействовали: из Приэльтонья было вывезено 300 тысяч пудов.

Осенью 1918 г. местные крестьяне взбунтовались. Перемещаться по степи малыми группами продотряды и уполномоченные волисполкома уже не могли. Смелчаки исчезали. Их изуродованные трупы находили в степных колодцах [4]. Движущей силой организации «Степные партизаны», поднявшей в сентябре 1918 г. восстание в Заволжье, стали дезертиры [5]. Степных партизан поддерживали также антисоветские профсоюзы и часть интеллигенции, которая, по свидетельству местной милиции, имела в основном «лево-право-эсеровские взгляды» [6]. С самого начала восстания руководители организации «Степные партизаны» разделили Заволжскую степь, включая Приэльтонье, на 13 штабов [7]. Штабы производили мобилизацию местного населения и его военное обучение.

Возглавляли крестьянское движение «помещики и военные специалисты» [8]. В окрестностях озера Булухта по хуторам располагались штабы есаула Носаева и братьев Сабининых, семейного клана Еркиных и братьев Солохиных [9]. Население Заволжья «частью насильственно, но в большинстве добровольно продовольствовало повстанцев с сентября по день изгнания (апрель 1919 г. – В.Я.)». В воззваниях бунтовщиков угадывалась их стратегическая цель: ударить в тыл 10-й Красной армии и пойти на соединение с армией Краснова, связь с которой поддерживалась с помощью посыльных [10].

5 марта 1919 г. в селе Житкур произошло кульминационное событие в истории первого в Приэльтонье восстания. Село было занято степными партизанами. Инсургентов поддержали местные жители, вооруженные вилами и топорами. Гарнизон в бою был разбит. Пленные приняли мученическую смерть. 10 марта красные каратели подавили восстание в Житкуре. Удивительно, но многие повстанцы, участвовавшие в расправе над Житкурским советом и гарнизоном, впоследствии не понесли серьезных наказаний. Максимум, что им пришлось пережить, – это лишение гражданских прав до момента массового раскулачивания.

Главными инициаторами Житкурской резни были лидеры повстанческого движения в Приэльтонье – Григорий Носаев, братья Сабинины, Дуюновы и Солохины. Эти люди были организаторами первой волны сопротивления большевистскому режиму в крае. Летом 1918 г. донской казак есаул Носаев в районе Булухты формировал партизанские отряды. Как он оказался в Заволжье, пока остается загадкой. Возможно, Носаев в составе диверсионной группы был направлен атаманом Красновым в тыл Красной армии в Заволжье для организации повстанческого движения. С поставленной задачей он справился. К концу 1918 г. Носаев смог объединить партизанские группы житкурских хуторян. Большую помощь в этом ему оказали братья Сабинины – Николай, Егор и Фёдор. Николай, как бывший офицер, занимался военными вопросами организации повстанческого движения. Фёдор возглавлял партизанский взвод. Егор, как член партии эсеров и как авторитетный агроном, отвечал за политическую программу инсургентства [11]. После взятия Житкура карателями носаевцы отошли на Урал и объединились с войсками командующего Уральской отдельной армией В.С. Толстова. Таким образом, первая вспышка восстания «Степных партизан» была подавлена в апреле крупными войсковыми соединениями. Через полгода Толстов возвращает отряд Носаева – Сабинина в Приэльтонье для организации связи с армией Деникина. Заволжские хутора станут базой для Носаева вплоть до момента их сожжения и переселения зимой 1921–1922 гг. [12].

В мае 1920 г. Царицынский губисполком и командование бригады ВОХР [13] выслали в Приэльтонье карательный отряд. Под его ударами партизаны были рассеяны. На хуторе Тургунская часть Николай Сабинин и Гребенников были взяты в плен. 29 октября их расстреляли. Уйти удалось только Носаеву, который, скрывшись в киргизских степях, вскоре сформировал новый повстанческий отряд [14]. В хуторе Кольченков Кайсацкой волости был пленен и штаб Носаева вместе с Егором Сабининым, который в то время был болен тифом [15]. Осенью 1920 г. в Заволжье милиция и коммуноотряды продолжали сталкиваться с мелкими

группами инсургентов. Наибольшую активность проявляли уголовные банды братьев Еркиных и Солохиных [16]. Активизация степных партизан в 1920 г. происходила на фоне пассивности частей ВНУС. Появились новые «видные партизанские вожди»: Чупрына, Маслов, Шувалов. Военкомат Ленинского уезда, не имея реальных сил для борьбы с повстанчеством, смотрел на их деятельность как «посторонний наблюдатель» [17]. На местах новые полевые командиры имели свою разведку и наводчиков [18]. Осенью 1920 г. в Царицынское Заволжье проникают разрозненные отряды Первой Красной армии «Правды» Сапожкова. После гибели Сапожкова один из его отрядов под командованием Сафошко бежал в район озера Булухта, где прятался «по камышам и улусам» [19].

Большой интерес вызывает фигура еще одного командира крупного партизанского отряда – Михаила Пятакова. В марте 1921 г. он возглавил «Восстание голодающих крестьян Поволжья», охватившее обширную территорию Заволжья. В сводках военспецов его называют бывшим продкомиссаром. Когда Пятаков перешел на сторону повстанцев, точно неизвестно. Но его имя упоминается в рассказах очевидцев о Житкурской резне в марте 1919 г. [20]. В архивах было найдено краткое сообщение о приметах Михаила Пятакова: «рост выше среднего, усы и бороду бреет» [21]. На второй день после начала восстания голодающих крестьян Поволжья отряд мятежного комбрига Первой конной армии Ивана Колесова прибыл в Приэльтонье из Второго Донского округа [22]. В районе Булухты он объединился с партизанской группировкой Носаева – Еркина – Маслова общей численностью до 100 сабель и 200 штыков при шести пулеметах [23]. Колесов за короткое время изменил характер повстанчества в Приэльтонье, придав ему политическую окраску [24]. С приходом Колесова действия носавцев стали более решительными. До прихода мятежного комбрига носавцы нападали на мелкие населенные пункты. Под началом же Колесова партизаны стали захватывать волостные и уездные центры: 3 апреля – Старый Эльтон, 5 апреля – Быково, 12 апреля – станция Кайсацкая.

Ответом властей на действия инсургентов стала карательная экспедиция. 8 апреля рота курсантов во главе с уполномоченным по борьбе с бандитизмом Царицынского губчрезвычайкома Твердохлебовым прибыла в Заволжье из Царицына. В течение 12 дней они быстрым маршем прошли по эльтонскому тракту. Результат оказался скромным – у партизан отбито стадо коров, сожжен один хутор, расстреляны несколько партизан [25]. Впрочем, возможно, именно благодаря карательной экспедиции объединенная группировка партизан в конце апреля распалась. Колесов с остатками своего отряда возвратился на родину, отряд Носаева разделся на мелкие группы [26]. Другая часть носавцев под командованием

Маслова скрывалась в районе озера Эльтон [27]. Одной из стратегических целей повстанцев в то время был срыв «посевкомпаний» в регионе. Мелкие группы инсургентов периодически производили грабежи семенного хлеба. Доходило до того, что мешки с хлебом партизаны отбирали у крестьян прямо на пашне [28].

10 мая отряды инсургентов вновь объединились. Их численность достигла двух тысяч человек – «преимущественно киргизская кавалерия». Командовал ими Носаев [29]. К карательным мероприятиям в это время власти привлекли части Красной армии. В Приэльтонье прибыла бригада № 80 27-й Омской стрелковой дивизии. Бригада была хорошо вооружена: имела много пулеметов, две батареи пушек и автобронеполк, состоявший из четырех броневинов на автомашинах с пулеметными башнями кругового обстрела. Комбриг Сокк сформировал оперативные тройки по борьбе с повстанчеством. Тройки имели право расстреливать, брать в заложники и выселять степняков, а также сжигать их хутора. Новая карательная экспедиция имела такой же эффект, как и апрельский поход курсантов. Части 80-й бригады на своем пути и на хуторах почти никого не встречали и партизанских отрядов не видели. Были небольшие стычки с инсургентами, но они оказались безрезультатными.

В конце июня в степях, расположенных между Сайхином и Эльтоном, активизировались партизаны Пятакова. Здесь пятаковцы создали свободную от большевизма зону со своими порядками. Группировка Пятакова разделилась на три группы численностью по 200–300 сабель. Личный отряд Пятакова насчитывал 300 всадников, 40 тачанок с пулеметами. 28–29 июня они базировались на хуторе Безкаравайном. Пятаков, как это ни странно, занялся охраной границы Царицынского Заволжья от грабительских набегов казахов («ловили грабителей киргиз»), уведивших скот с пастбищ заволжских крестьян. Иногда они расстреливали пойманных конокрадов. Украденных ими лошадей и другой скот пятаковцы возвращали хозяевам. Всех задержанных граждан партизаны препровождали к командиру отряда, который проводил с ними беседу и отпускал, выдавая пропуск на свободный проезд [30]. В августе пятаковцы переместились к границам Самарской губернии [31]. Пятаков, совместно с полевыми командирами Серовым и Сарафанкиным, активно выстраивал единую линию фронта от реки Узень до Волги. Сарафанкин снабжал пятаковцев оружием и боеприпасами. Продовольствием же Пятаков обеспечивал себя сам. В обозе его отряда был приличный запас муки (до трех тысяч пудов) и до одной тысячи голов крупного рогатого скота [32]. 22 сентября пятаковцы вновь вернулись в район озера Булхута [33]. По соседству с ними в те дни оперировали мелкие группы Шува-

лова и Самаркина, включившие в свой состав казаков обезглавленного отряда Хлынова. Они базировались в лимане Магут [34]. Еще одна крупная группировка повстанцев в 150 сабель, возглавляемая Носаевым и Еркиным, располагалась в начале осени в окрестностях Джаныбека [35].

19 июля 1921 года состоялось заседание Президиума Царицынского губисполкома, посвященное мерам борьбы с бандитизмом в заволжских уездах. Решено было уничтожить базу повстанцев – степные хутора. Протокол №13 обязывал власти Заволжья создать «тройки», ведающие переселением хуторян. До 1 октября необходимо было выселить хуторян, проживающих дальше десятиверстной полосы от уездных и волостных центров. Им было предписано «в обязательном порядке выселиться по месту приписки к волостному или уездному центру или в указанный тройкой поселок». Постройки хуторов, замеченных в поддержке бандитизма, предполагалось перемещать в волостные и уездные центры. Семьи, потворствовавшие повстанцам, препровождались в концлагеря. Их дети отправлялись в детские дома, а имущество подлежало конфискации [36]. Репрессии совмещались с заметными послаблениями: сдавшимся повстанцам предлагалась амнистия [37]. С конца 1921 г. по лето 1922 г. сдались практически все отряды степных партизан, оперировавших в Приэльтоне. До 1923 г. оказывал сопротивление только малочисленный отряд Носаева.

Как же сложилась судьба амнистированных партизан? Из рассекреченной спецсводки ОГПУ по агентурной разработке, включавшей территорию современной Волгоградской области (по состоянию на 10 сентября 1929 г.), стало известно, что «вся амнистированная рядовая масса бандитов и отчасти руководящий состав после ликвидации движения оселся на жительство на прежнем своем месте жительства, где комплектовался в банды» [38]. В ряде населенных пунктов «оказались осевшими целые бывшие банды со своим руководящим составом». По агентурным сведениям, часть вооружения они утаили в степях «на всякий случай» [39]. В спецсводке говорится: «В первые годы по возвращении бывшие бандиты из-за боязни репрессий никакой контрреволюционной деятельности не проявляли, но вместе с тем свои связи между собой сохраняли, имея общение друг с другом. Остаются безнаказанными бывшие идеологи и вожди бандитско-повстанческого движения того времени, сохранившие свое влияние до последних дней не только на бывших бандитов, но и на тот контрреволюционный и кулацкий элемент, в глазах которого остались идеологами и вождями, могущими встать во всякое время во главе нового контрреволюционного повстанческого движения» [40]. То, что бывшие повстанцы дожили в своих родных селах до коллективизации, подтверждается архивными документами.

Таким образом, повстанческая зона в Приэльтонье в период Крестьянской войны 1918–1923 гг. имела четко выраженные границы. Она делилась на районы, которые контролировали атаманы партизанских формирований. Часто вожаки объединяли свои усилия, и тогда на степных просторах Заволжья появлялись фронты вооруженного сопротивления большевизму. Чаще же действия инсургентов имели разрозненный характер. Первые карательные походы регулярных частей Красной армии в Приэльтонье не приносили ощутимых результатов из-за незнания карателями особенностей местности и специфики борьбы со степными партизанами. Позже власти стали использовать методы оккупации территории с активным применением заложничества и уничтожения хуторов, являвшимися базами повстанчества. Это, вкуче с амнистией и истощением ресурсов в результате голода, привело к уничтожению повстанческого движения в Приэльтонье. Автор статьи обнаружил в ГАВО недавно рассекреченные документы, которые содержат ценные сведения о составе семей бывших повстанцев, доживших до времен раскулачивания, об экономической мощи их хозяйств до революции и в период НЭПа, о характере их «классовой враждебности». Эти сведения могут стать основой для дальнейшего исследования повстанчества в Приэльтонье, которое будет носить уже больше характер не повествовательный, а аналитический [41].

Примечания

1. Медведовский Г.Р., Паневин Б.В. Сталинградский округ на путях сплошной коллективизации. Выпуск II. Сталинград, 1930. С. 8.
2. Волгирева Г.П. Современные инновационные подходы к развитию сельского хозяйства как ретроспекция традиции российского землеустройства. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/an-innovative-approach-to-the-development-c112/11851-c112-049> (дата обращения: 21.05.2017).
3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 19–24.
5. ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.
6. ГАВО. Ф. 516. Оп.1. Д. 8. Л. 10.
7. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 303. Л. 1.
8. ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.
9. Яценко В.Г. Хроника утаенного бунта: антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017. С. 32–46.
10. ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

11. ГАВО. Ф. 282сч. Оп. 3с. Д. 105. Л. 5–6, 10–14, 18, 22–23, 25, 49, 80–86, 172–178, 243, 260, 287, 290(а), 290.
12. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 42.
13. ВОХР – Войска внутренней охраны Республики, специальные тыловые вооруженные формирования, созданные 28 мая 1919 г. по постановлению Совета обороны. 1 сентября 1920 г. они были переименованы в Войска внутренней службы (ВНУС).
14. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. Л. 207.
15. ГАВО. Ф. 282сч. Оп. 3с. Д. 105. Л. 80–86, 107–109, 172, 178, 243, 287, 290а, 290; Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.
16. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 28–29.
17. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.
18. ГАВО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 14. Л. 5–6.
19. Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 2. Д. 485. Л. 8.
20. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 69. Л. 28.
21. ГАВО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 8. Л. 4об.
22. Подробнее о мятеже Ивана Колесова см.: Яценко В.Г. Указ. соч. С. 114–128.
23. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 11, 12.
24. Там же. Л. 13.
25. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 357. Л. 32–33.
26. ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.
27. Там же. Л. 18.
28. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 21
29. Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 384. Л. 150–155. Подлинник.
30. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 5,8.
31. ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 37.
32. ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 82
33. Там же. Л. 77.
34. ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 4, 29, 30, 41; ГАВО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 16. Л. 3; ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 55, 77, 81.
35. ЦДНИВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 57.
36. ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 55.
37. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 236–239.
38. Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф.7. Д. 171. Л. 33.
39. Там же. Л. 33, 66.
40. Там же. Л. 66.
41. ГАВО. Ф. 2694. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–17; Д. 6. Л. 1–4, Л. 57; Д. 1. Л. 110–112, Д. 4. Л. 57–61; Д. 7. Л. 13–14, 18, 23, 27, 31, 35, 40, 45, 52, 58, 74, 78, 83, 88, 93, 94, 99, 104, 111, 118–122, 127, 132, 136, 158–164, 169, 173, 228, 249, 254, 260.

Т.В. Панкова-Козочкина

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Результатом Гражданской войны, отличавшейся на Юге России особым ожесточением (когда «фронт военных действий от края до края совершал колебания по нескольку раз» [1]), стала массовая гибель населения вследствие боевых действий, масштабных репрессий (в том числе «расказачивания») и эпидемических заболеваний. Представители волостных исполкомов Донской области в мае 1920 г. констатировали резкое снижение численности местного населения: в станице Каменской вместо прежних 25 тыс. жителей наличествовало только 12 тыс., в станице Великокняжеской – всего 4 тыс. из 15 тыс., из проживавших в Сальском округе 35 тыс. калмыков осталось не более 5 тыс. «Особенно заметно отсутствие мужского населения в возрасте от 18 до 50 [лет]. Некоторые станицы в полном смысле представляют собой “бабье царство”» [2].

В целом если в 1914 г. на Дону и Северном Кавказе (без Дагестана) насчитывалось свыше 9,6 млн человек, в том числе до 8,55 млн сельских жителей, то в 1920 г. – соответственно свыше 6,9 млн и более 5,6 млн человек. В результате Гражданской войны «реальные потери населения» на Юге России составили 17,4 %, тогда как по стране они исчислялись более скромной цифрой – 9,5 % [3]. Высокие потери населения, особенно мужского, означали сокращение численности рабочих рук и негативно повлияли на сельское хозяйство.

Война сократила поголовье рабочего и продуктивного скота, ведь лошади, волы, коровы, овцы, свиньи либо реквизировались на нужды армии (пополнение убыли конского состава в кавалерийских частях, подводная повинность, когда тягловый скот нередко погибал по разным причинам, как это произошло осенью – зимой 1919 г. в Хопёрском округе [4], и т.д.), либо забивались на мясо для продовольственного обеспечения. По заключению Царицынского губернского комитета РКП(б), «громный процент» лошадей «был потерян в период гражданской войны» [5]. Как отмечалось на первой Донской облпартконференции (2–5 июня 1920 г.), «целые хутора имеют иногда только 15 лошадей, одну-две пары волов и т. п.» [6]. На Кубани поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось к 1921 г. по сравнению с 1913 г. на две трети [7].

Боевые действия, разгул бандитизма и самоуправство властей нанесли удар и по парку сельхозмашин и орудий. Если в 1914 г. на Дону и Северном Кавказе насчитывалось 3 681 338 единиц сельхозинвентаря (плугов, борон, жаток и т. п.), то в 1923 г. осталось 1 123 570 единиц (30,5 %). По удельному весу маломощных и безынвентарных хозяйств Юго-Восточный край лидировал среди регионов Советской России [8]. Казачье-крестьянское население начало самостоятельно изготавливать орудия труда и заменять эффективные и производительные заводские плуги, сеялки и другие приспособления примитивными сохами и боронами [9], и в результате происходила архаизация земледелия.

Кризис аграрного производства стал следствием не только ожесточенных боев, но и мероприятий большевиков, их фискальной политики, а продразверстка получилась «особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства» [10]. Страшный голод 1921–1922 гг. «был вызван не только и не столько неурожаем, сколько последствиями продразверстки» [11]. Но большевики считали продразверстку вынужденной мерой. Как отмечалось в резолюции (февраль 1921 г.) III Донской облпартконференции, «чрезвычайно тяжелое продовольственное положение Республики, исчерпавшей все запасы Центральной России», вело к тому, что «единственными источниками питания армии рабочих и голодающего крестьянства являются Дон, Северный Кавказ и Сибирь» [12]. Продразверстка взималась на Юге России и после введения продналога. Поскольку, к примеру, в Кубано-Черноморской области к 20 марта 1921 г. собрали лишь примерно половину запланированного объема продовольствия [13], то продразверстку продлили в виде «единовременного продовольственного наряда» [14]. Для Дона размер «единовременного продовольственного наряда» определили в 643 тыс. пудов [15], а для Кубани – в 5 млн пудов [16]. Хлеборобы печально констатировали: «Советская власть нас обманула... говорили, что разверстка отменяется... а теперь снова старое... снова разверстка» [17].

Да и продналог на первых порах мало чем отличался от столь ненавистой продразверстки. Во-первых, в разоренных поборами южнороссийских станицах и селах не хватало необходимого для уплаты налога количества сельхозпродуктов, это делало продналог не легче продразверстки и заставляло многих хлеборобов его саботировать, а представителей власти – использовать административный ресурс и применение силы. Во-вторых, масса представителей партийных советских органов скептически относилась и к нэпу, и к продналогу, и к методам его осуществления. По мнению членов Донского областного комитета РКП(б), и в 1921 г., и в 1922 г. немало советских чиновни-

ков и партийных функционеров «недостаточно усвоили» [18] новый политический курс и «мало разбираются» [19] в нем. В итоге «чрезвычайные методы работы и после перехода к НЭПу воспринимались руководством [Донской] области как норма жизни» [20]. Характерна реплика одного из партработников Донской области в ноябре 1921 г.: при сборе продналога «методами убеждения мы не достигали положительных результатов», а вот когда перешли «к методам репрессивным и мерам принуждения», это сразу ускорило темпы и повысило объемы сбора налога [21].

Вместе с тем местные власти практиковали награждение и поощрение добросовестных сдаччиков налога. Так, в октябре 1921 г. Тимашевский исполком постановил наградить 20 граждан станицы Приморско-Ахтарской и хутора Некрасовского за своевременное выполнение продналога (в числе наград были «3 букаря и 2 садилаки», а один из хлеборобов удостоился занесения на «красную доску» с опубликованием этого события в печати [22]). Однако подобная практика имела гораздо менее широкое распространение. Как писал член казачьего отдела ВЦИК А. Детистов, те продовольственные агенты, которые могли доступно объяснить донским хлеборобам необходимость продразверстки, выполняли ее относительно быстро и без резкого недовольства населения, «но, к сожалению, таких агентов было меньшинство. Большинство же вело себя слишком безцеремонно, подходя к казаку с окриком или даже угрозой» [23].

Для сбора продналога формировались различные чрезвычайные органы, мало чем отличавшиеся от прежних продотрядов, – оперативные тройки, отряды содействия продработе и т. п. Не менее показательны их риторика и действия. Например, оперативная продтройка станицы Старочеркасской осенью 1921 г., издав распоряжение о сборе продналога, завершила его обычной во времена продразверсточных кампаний формулой: «Настоящее распоряжение считать боевым и подлежащим безоговорочному исполнению» [24].

Отрицательное влияние продразверстки, а на первых порах и продналога, на сельское хозяйство Юга России выразилось в сильнейшем дефиците посевного материала. В начале 1920-х гг. сотрудники Донского областного земельного управления не единожды говорили о нехватке посевного зерна [25], а чистосортные семена зерновых культур «теперь встречаются как редкость» [26]. Они понимали вытекающее из этого ухудшение ситуации, ибо низкосортные семена грозили снижением урожайности и падением качества зерна. Подобные же тенденции господствовали в начале 1920-х гг. и в других регионах Юга России.

Без наличия семян посевные площади неизбежно сокращались. Так, по данным Донского областного земельного управления, осенью 1920 г. в области засеяли около 522 тыс. десятин озимых хлебов, причем ресурсы рабочей силы и тягла позволяли засеять еще до 250 тыс. десятин, «если бы не было недостатка в посевном материале» [27]. По информации Тимашевского исполкома Кубано-Черноморской, в области феврале 1921 г., «некоторые станицы запрашивают, где брать семена для весеннего посева и указывают, что посевной матерьял был сдан в разверстку». И «из этого положения», печально добавляли представители Тимашевской администрации, «выхода не найден[о]» [28].

Налогово-заготовительная политика большевиков и сопровождавшие ее злоупотребления чиновников («продовольственные агенты безобразничают»; стол советских работников в голодном 1920 г. «установлен по[-]буржуазному» [29]) отрицательно влияли на состояние аграрного производства Дона, Кубани и Ставрополя, сводили на нет просоветскую общественно-политическую позицию и трудовую мотивацию казаков и крестьян. Так, в сентябре 1920 г. член казачьего отдела ВЦИК А. Детистов в своем весьма обстоятельном, объективном и откровенном докладе о настроениях казаков 2-го Донского округа утверждал, что их «нельзя назвать и удовлетворительным». Из-за жестких и зачастую непродуманных действий продработников население «не только разуверилось в обещаниях Советской власти, но уже начинает верить глупой сказке, будто Советская власть намерена сжить с лица земли всё казачество» [30].

Помимо выражения недовольства советской властью казаки и крестьяне неоднократно пытались противодействовать продотрядам, совершали нападения на них и поднимали целые антисоветские восстания. В частности, в ноябре 1920 г. окружное продовольственное совещание 1-го Донского округа, на протяжении текущего года многократно фиксировавшее случаи «нежелания» хлеборобов выполнять разверстку, констатировало отказ от сдачи таковой жителями хутора Королева и просило начальника продотряда № 2 Прокудина «дать вооруженную силу для выполнения государственной разверстки и ареста тех граждан», которые наиболее активно критиковали фискальную политику большевиков [31]. Как сообщал в декабре того же года чрезвычайный уполномоченный Донецкого окрпродкома Чеботарев, вследствие «выполнения разверстки, не считаясь ни с какими заявлениями и ходатайствами крестьян... во всех тех волостях, куда посылались продотряды, вспыхнуло восстание» [32]. По тем же причинам сходные эксцессы в начале 1920-х гг. возникали на Кубани и Ставрополе.

Крестьянские восстания и меры властей по их подавлению не лучшим образом сказывались на сельхозработках, так что провоцируемые кампаниями по сбору налогов антисоветские настроения были тождественны спаду производства. Что касается предельной минимизации трудовой мотивации аграриев под влиянием налогово-заготовительной политики большевиков, то этот очевидный факт не отрицался даже представителями власти на Дону [33].

Большевики пытались стимулировать хлеборобов к обработке земельных площадей и максимально возможному расширению запашки. Поскольку экономические стимулы в военно-коммунистический период не действовали, представители власти применяли агитационно-пропагандистские меры и разнообразные угрозы. Образцом агитации выступает адресованный казакам и крестьянам приказ № 8 Верхне-Донского окружного земельного отдела от 16 апреля 1920 г.: «Города тонут от голода, ждут избытков вашего трудового хлеба. Хлеб зовет работников в поле. Не должно быть свободной от посева земли, не должно быть свободных рук, не должно быть бездельников – все силы должны быть направлены на землю». Тот же Верхне-Донской окружной земотдел в сентябре 1920 г. грозил хлеборобам, что те из них, кто не будет выполнять его решения о расширении посевной площади, будут лишены права пользования землей [34]. Весенняя посевная кампания 1921 г. также строилась на сочетании агитации и угрожающих предупреждений и с самого начала приобрела, по выражению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна, «милитаризованный характер», а за ее проведение отвечали специально созданные посевные комитеты (посевкомы), характеризовавшиеся как «боевые органы на с/х [сельскохозяйственном] фронте» [35]. В их обязанности входило общее руководство севом, изыскание семян, ремонт сельхозинвентаря и т. п. [36]. Но, как признавали в сентябре 1920 г. сотрудники того же Верхне-Донского окружного земотдела, «распоряжения и призывы о приложении всех сил и стараний к увеличению и расширению посевной площади... мало проводятся в жизнь местными властями и отчасти населением некоторых районов игнорируются» [37].

Показателем мизерной результативности хозяйственного курса большевиков в условиях Гражданской войны и спустя месяцы после формального провозглашения нэпа является неуклонное снижение посевных площадей. Если в 1910 г. в пределах Донской области под посевами находилось около 5,96 млн десятин, то в 1920 г. посевные площади составили лишь немногим более 1,84 млн десятин [38], или уменьшились более чем в 3,5 раза. В целом на Дону, Кубани и Ставрополье посевные

площади к началу 1921 г. сократились примерно в два раза по сравнению с довоенным 1913 г. [39], «несмотря на организацию посевкомов и регулирование» [40]. Когда же Гражданская война в основном «отошла в область преданий», южнороссийские регионы были поражены недородом и страшным голодом 1921–1922 гг., но этот вопрос требует отдельного историописания.

Вследствие голода, усилившего кризисные явления в сфере аграрного производства, на Дону, Кубани и Ставрополье весьма заметно снизилась и урожайность, и валовые сборы. В 1922 г. сбор зерновых в среднем-нестатистическом хозяйстве составлял (в переводе на пшеницу) в 1-м Донском округе 109 пудов (тогда как в 1917 г. – 291 пуд), в Черкасском округе – 123 пуда (177 пудов), в Ростовском округе 246 пудов (298 пудов) [41]. Поэтому представляются бесспорными констатации исследователей о том, что 1922-й год являлся «наиболее кризисным» для сельского хозяйства Дона и Северного Кавказа [42].

Новую экономическую политику объявили в марте 1921 г., но общий подъем аграрного производства на Юге России, обусловленный возросшей трудовой мотивацией аграриев, преодолевавших лишения и расширивших хозяйство, когда многие земледельцы шли «на всевозможные жертвы, питаясь суррогатами» [43], относится только к 1923 г. В частности, как отмечал Донецкий окружной земотдел в 1923 г., «за последние годы до минимума сократилась как посевная площадь[,] так и количество рабочего и продуктивного скота, и только в течение последнего года замечается некоторый подъем сельского хозяйства» [44]. Но достигнутые в 1923 г. результаты получились довольно скромными, причем «восстановительный процесс быстрее всего коснулся крупного рогатого скота (волов и коров)», а поголовье лошадей увеличивалось медленно [45], что создавало известные трудности и для земледелия, нуждавшегося в живом тягле. Восстановление посевных площадей также продвигалось медленными темпами. Например, в 1923 г., на Дону удалось освоить 50 % довоенных посевных площадей, а поголовье скота достигло 40 % довоенной численности. Однако не во всех округах Дона наличествовал устойчивый рост посевных площадей. Если Ростовский округ превысил посевную площадь 1917 г. (заметим – 1917 г., а не довоенного 1913 г.!), то Черкасский и Донецкий округа оказались лишь «близки к таковой», а 1-й Донской и Сальский «чрезвычайно сильно» отставали, поскольку проживавшим здесь казакам и крестьянам удалось восстановить только 25 % довоенной площади [46]. Тем не менее, рост посевов был неустойчивым и мог смениться новым сокращением. Так, в Шахтинско-Донецком округе в 1916 г. совокупная

посевная площадь составляла 827 тыс. десятин, в 1923 г. – 395,4 тыс. десятин (47,8 % от уровня 1916 г.), а в 1924 г. – только 379,4 тыс. десятин (45,9 % к 1916 г.) [47]. В целом по Юго-Востоку России в 1923 г. удалось переломить негативную тенденцию сокращения посевных площадей. В крае освоили 4680600 десятин, или 140,5 % к уровню 1922 г., но – лишь 48,4 % к 1914 г. Низкий уровень агротехники минимизировал эффект расширения посевных площадей, хотя собрали небольшой урожай (в среднем, по всем колосовым культурам 44,2 пуда с десятины), поэтому заметное «увеличение [посевой] площади сколько[-]нибудь значительных результатов не дало» [48].

Итак, в начале 1920-х гг. аграрное производство на Юге России лишь начинало выходить из кризиса, обусловленного Гражданской войной и фискальной политикой большевиков. Причем, робкие попытки восстановления сельского хозяйства были пресечены недородом 1921 г. и голодом, осложнившим и без того тяжелейшую ситуацию в деревне. С 1923 г. в сельском хозяйстве Юга России возобладали позитивные тенденции, но их дальнейшее развитие сдерживала глубина послевоенного аграрного кризиса и необходимость осуществления модернизации аграрной сферы.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10.
2. Из стенограммы съезда волостных исполкомов Ростовского округа. Май 1920 г. // Наш край. Из истории Советского Дона. Документы. Ростов н/Д, 1968. С. 102.
3. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 5.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
5. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 187.
6. Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.
7. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 269.
8. Чернопицкий П.Г. Указ соч. С. 58, 128.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 61.
10. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 319.

11. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 39.
12. Резолюция III Донской областной конференции РКП(б) «По продовольственному вопросу» от 28 февраля 1921 г. // Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сб. док. Ростов н/Д, 1962. С. 59.
13. Щетнев В.Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти на Кубани // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. ст. Ростов н/Д, 1980. С. 54.
14. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 43.
15. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов н/Д, 1971. С. 42.
16. История Кубани. XX век. Очерки. Краснодар, 1998. С. 38.
17. Д. Наряд или разверстка // Красный Дон. 1921. 25 июня.
18. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.
19. Там же. Д. 122. Л. 25а.
20. Донская история в вопросах и ответах. Т. I. Ростов н/Д, 1997. С. 236–237.
21. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.
22. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 397. Л. 102.
23. Детистов А. Как донцы приняли Врангеля // Голос трудового казачества. 1920. 15 октября.
24. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.
25. Там же. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 192. Л. 19, 23.
26. Там же. Д. 48. Л. 156.
27. Там же. Д. 192. Л. 19.
28. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 397. Л. 4об.
29. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 31; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 204. Л. 2.
30. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 282об, 283.
31. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 12.
32. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 36.
33. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 74.
34. ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 91. Л. 11–12, 46об.
35. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 57, 58.

36. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ соч. С. 42.
37. ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 91. Л. 46.
38. Там же. Д. 192. Л. 19.
39. Пути созидания. Очерки о социально-экономическом развитии Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1975. С. 76.
40. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 60а – 61.
41. Второе Донское агрономическое совещание. Стенографический отчет. Ростов н/Д, 1925. С. 260.
42. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д, 1997. С. 52.
43. Из обзора ГПУ о политическом и экономическом состоянии СССР за апрель – май 1923 г. // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: документы и материалы в 4 т. Т. 2. М., 2000. С. 123.
44. ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 5. Д. 331. Л. 98.
45. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.
46. ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 48. Л. 153.
47. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.
48. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 217.

В.В. Наухацкий, С.В. Наухацкий

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО СУДА НА ДОНУ В 1920 г.

Анализируя историографию революции 1917 г., отметим некоторые особенности современного исторического дискурса. Если в советский период официальные оценки революционных событий, отраженные в исторической литературе, носили не критически-позитивный характер, то после распада СССР отношение властных структур России к событиям октября 1917 г., к советской власти приобрело негативный характер. Причины этого обусловлены кардинальными переменами в социально-экономических отношениях, в государственном строе, в идеологии правящей элиты. Вместе с тем в последние несколько лет наметилась корректировка официальных установок по поводу ряда событий советской истории. О причинах такого поворота можно говорить особо, но хотелось бы обратить внимание на тот факт, что усиление в исторической политике ряда стран Европы русофобских тенденций постепенно

стало осознаваться частью элиты России как угроза национальной безопасности. Ответом на антироссийский исторический дискурс должен был стать определенный разворот в исторической политике российского руководства. Разумеется, этот разворот обозначился прежде всего по вопросам истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, но затем очередь дошла до известной переоценки событий 1917 г.

Критические оценки революции, большевизма, роли Ленина, как и прежде, высказываются представителями правящей элиты, иерархами Русской православной церкви, многими историками. Но всё же известный поворот намечился, эмоциональный тон научного дискурса в определенной мере изменился. Именно поэтому стали возможны оценки революции как Великой Российской революции, включающей взаимосвязанные этапы от Февраля и Октября 1917 г. до Гражданской войны включительно.

Признав, что Великая Российская революция – главное событие XX в. для нашей страны, роль которого велика и для истории всего мира; что истоки революции глубоки и связаны с особенностями исторического развития России; что события 1917 г. положили начало грандиозному историческому проекту, в процессе реализации которого было немало трагических страниц, но было создано мощное государство, ставшее организатором модернизации общества и внесшее решающий вклад в победу над фашизмом, мы тем самым получаем надежную платформу для разработки научной концепции истории революции.

Один из важных сюжетов истории революции – становление советского суда. История советского суда в первые революционные годы – это история масштабного революционного эксперимента. Провозгласив необходимость разрушения старого буржуазного государства, большевистская партия взяла курс на создание государства социалистического, важным институтом которого должен был стать советский пролетарский суд – открыто антибуржуазный и социалистический. В данной статье ставится задача рассмотреть некоторые аспекты становления советского суда в Донском регионе в 1920 г.

Начальная стадия процесса формирования и развития советского суда связана с первыми попытками создания рабоче-крестьянских судов в ноябре 1917 – начале 1918 г. Однако реализация первых советских декретов о суде зависела прежде всего от политической обстановки в конкретных регионах России. С этой точки зрения на юге страны сложились крайне неблагоприятные условия для становления советского суда.

В конце декабря 1919 г. части Красной армии вступили в Донскую область и 8 января 1920 г. вошли в Ростов. Одновременно и парал-

тельно с восстановлением Советов на Дону создавалась и правоохранительная система, в том числе шел процесс формирования судебных органов.

Зимой и весной 1920 г. были сделаны первые важные шаги по организации судебной системы в Донской области. На заседании коллегии юротдела Ростово-Нахичеванского ревкома 2 февраля 1920 г. было принято решение об организации в соответствии с постановлением Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) «Об отделах НКЮ» губернских исполкомов отдела юстиции, в составе которого были созданы общий, административно-хозяйственный, судебно-следственный, карательный, нотариальный, уголовно-розыскной подотделы [1]. При этом работа отдела была приведена в соответствие с декретами и распоряжениями НКЮ РСФСР (до этого работа в юротделе была поставлена согласно декретам УССР) [2].

Во главе отдела юстиции находился Г.Я. Мерэн, под руководством которого проходила организационная и текущая работа; он же являлся председателем Донского областного революционного трибунала. В должности заведующего отделом юстиции Г.Я. Мерэн находился по крайней мере до марта 1921 г. С начала августа 1921 г. заведующим Отделом юстиции был Попов. Большинство ответственных работников Отдела юстиции были коммунистами [3].

Деятельность отдела юстиции носила разнообразный характер. 27 января 1920 г. коллегия отдела юстиции образовала ликвидационную комиссию. Донская областная ликвидационная комиссия выполняла задачу ликвидации дел старых судебных учреждений и руководила работой окружных ликвидационных комиссий. Комиссия проделала большую работу и завершила ее к началу ноября 1920 г.

К концу февраля были организованы отделы записей актов гражданского состояния и уголовный розыск, образован областной ревтрибунал. В марте были приведены в порядок разгромленные белыми тюрьмы Ростова и Новочеркасска [4]. При активном участии судебно-следственного подотдела были организованы уездные бюро юстиции, приступившие к организации судов. 29 февраля 1920 г. был организован областной совет народных судей.

В начале марта 1920 г. в Ростове было открыто 5 камер народных судов, 3 следственных комиссии, комиссии обвинителей и правозаступников, учреждена центральная нотариальная камера [5]. В марте – мае 1920 г. отдел юстиции активно обсуждал вопросы о назначении судебных работников, организации судов. При этом обращалось особое внимание, чтобы при назначении в народные следователи в последние пред-

ставлялись только рабочие и представители партийных организаций, стоящих на платформе советской власти [6].

При организации нарсудов за основную единицу был взят нарсуд, учреждаемый на 50 тыс. населения. К 20 июля организация уездных бюро юстиции завершилась, были проведены по округам съезды нарсудей и следователей. По области были организованы 73 камеры нарсудов, к которым было прикреплено 53 следователя [7].

В эти же дни был создан институт правозащитников. Фамилии кандидатов в коллегия правозащитников публиковались в газете «Советский Дон», а затем представлялись на утверждение Донисполкома [8].

Хотя институт правозащитников был фактически госадвокатурой, отношение к нему у работников советской юстиции было скептическим. Приведем мнение заведующего отделом юстиции Г.Я. Мерэна. В докладной записке о деятельности судебно-следственного подотдела отмечается, что коллегия обвинителей и правозащитников есть только в городах. На местах к организации их не приступали, ибо кроме вреда они ничего не дали бы. В городах, где большая часть судей юристы, возможно непосредственное наблюдение и воздействие на коллегия. На местах же судьи – бывшие красноармейцы, курсанты или низшие служащие старых судебных учреждений – люди зачастую малограмотные, хотя и партийные. При таких условиях правозащитники могут влиять на судей и определять их решения в нежелательном духе. Между тем суд – орган борьбы с капиталистическими остатками в советской России, поэтому коллегия правозащитников – это подсобный орган суда. Как обвинители, так и защитники должны содействовать суду в раскрытии истинных виновников преступления и своей агитацией на суде о советском правосудии они должны укреплять рабоче-крестьянское государство. «Но это было бы только в том случае, если бы юристы сочувствовали делу социалистического строительства. На самом деле это не так, а значит, и существование коллегии правозащитников излишне. Но оставить без помощи юристов сутяжническое население Дону области, которое веками привыкло обращаться за помощью к “адвокатам”, было бы в данный момент нецелесообразно. Коллегия в количестве 30 человек функционирует нормально» [9].

22 сентября 1920 г. коллегия отдела юстиции приняла решение упразднить коллегия правозащитников как особый орган. 23 октября 1920 г. Отдел юстиции принимает решение передать коллегия правозащитников из общего подотдела в ведение совета народных судей [10].

Существенную роль в последующие месяцы в становлении судебных органов Донской области сыграл совет народных судей, во главе

которого с 5 апреля 1920 г. находился А.Ф. Мертешов. Донской областной совет народных судей стал главным административно-судебным органом подведомственных ему учреждений области [11]. Кроме того, областной совет судей выполнял функции кассации. Постановлением коллегии совнарсуда от 7 июля 1920 г. была образована особая сессия для разбора особо важных дел (о вооруженных грабежах, лишении жизни, растлении, крупной спекуляции, об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям и т. д.). Председательствовал в особой сессии председатель суда Мертешов или заместитель председателя Ножкина, с участием двух народных судей «с достаточно социалистическим правосознанием». Заседания суда носили показательный характер [12].

Деятельность Донского областного отдела юстиции и совета народных судей носила весьма многообразный характер, однако важнейшей их задачей в 1920 г. было учреждение по всей территории области народных судов и организация их работы. Преодолевая многочисленные трудности, органы юстиции области смогли создать сеть народных судов во всех округах области и наладить их работу. Тем не менее ситуация оставалась далеко не благополучной.

В отчете о деятельности Донского областного отдела юстиции за 1920 г. содержится обстоятельная характеристика трудностей, которые мешали становлению системы судебных органов в области. Как отмечается в отчете, первое серьезное препятствие – близость области к фронту. Часть области была до 1 марта занята белыми войсками. На Ростов был произведен 18 февраля налет. В июле в Донской области вновь произошло замешательство, вызванное десантами Врангеля и бандами полковника Назарова.

Вторая причина заключается в особом социальном составе местного населения. Население, принадлежащее главным образом к бывшему казачьему сословию, отличается всеми признаками мелкого буржуа, особенно тяготеющее к институту частной собственности. При таких условиях насаждение и укрепление социалистической политики и основанного на ней нового правопорядка столкнулись с большими затруднениями. Старые работники, юристы (сословие присяжных поверенных) для работы по созданию народных судов оказались за малым исключением совершенно непригодными и соглашались работать только как правозаступники. Те из них, которые должны были быть допущены к работе, строго проверялись, а фамилии их для отзыва трудящихся публиковались в местных газетах. Все работники по отделу юстиции набирались из рабочих организаций Ростова. Работу сдерживало отсутствие

законоположений и руководящих указаний из центра, почтовой и телеграфной связи. Тем не менее, по мнению отдела юстиции, в июне организационная работа была закончена полностью [13]. Сеть судов была создана, однако оформление всей судебной системы и налаживание ее эффективной работы были далеки от завершения. Два обстоятельства наиболее серьезно осложняли становление и работу судебных органов на Дону: острый недостаток квалифицированных кадров и пренебрежительное отношение к суду со стороны многих партийных и иных работников.

С момента своего возникновения отдел юстиции, областной совет народных судей особое внимание уделяли решению кадровой проблемы. При этом определяющее внимание при формировании судейского корпуса уделялось партийной принадлежности кандидатов, их социальному статусу, идеологической составляющей. Архивные материалы свидетельствуют об этом со всей наглядностью [14].

Вместе с тем власть не могла обойтись без привлечения старых специалистов в органы юстиции. Как отмечалось в докладе областного совета народных судей 2 ноября 1920 г., должности нарсудей и нарследов были заменены преимущественно сотрудниками, рекомендованными профсоюзами, и старыми судебными работниками бывших мировых судов и окружных судов [15].

Обсуждение кандидатур на должности судей, народных заседателей носило открытый характер и проводилось на собраниях профсоюзов, в прессе. Так, в протоколе Донского исполкома от 8 марта 1920 г. отмечено, что сотрудники, назначенные постановлением коллегии отдела юстиции от 2 марта на должности народных судей, следователей, судебных исполнителей и в коллегия правозаступников, обвинителей и представителей гражданских интересов в процессе, список которых был опубликован в газете «Советский Дон», ввиду непоступления компрометирующих сведений в указанные в публикациях сроки, утверждены Донисполкомом в должностях [16].

Таким образом, в кадровой политике сочетались как демократические принципы, так и формирующиеся методы номенклатурного подхода. Партийные органы уделяли серьезное внимание подбору кадров для органов суда и юстиции. Вместе с тем имели место многочисленные факты пренебрежительного отношения к органам суда со стороны партийных работников. В документах отдела юстиции и совета народных судей на это неоднократно обращалось внимание. Так, авторы одного из отчетов (8 июня 1920 г.) обращают внимание на «легкое» отношение различных советских учреждений к народному суду [17].

В докладе предсовнарсуда А.Ф. Мертешова (11 сентября 1920 г.) отмечается, что советские учреждения «всюду и везде, в организационной период времени, да и теперь еще, удивительно легко относились к народному суду, полагая, очевидно, что это совсем неважный орган Советской власти, что он даже лишний, ибо, пожалуй, он будет “придираться” к советским работникам, нарушать душевный покой, когда кто-либо из них “зарвется”». И далее автор подчеркивает, что «эта легкость еще и теперь наблюдается и, видимо, очень трудно и не скоро можно будет изжить такое явление, ибо огромное большинство даже и ответственных, партийных работников имеют очень смутное представление о народном суде и совсем не понимает, что это школа, могущая вполне успешно, при известных условиях, быть отличным агитатором за идеологию РКП и проводником принципов социалистического строительства» [18].

В докладе Донского областного совета народных судей (2 ноября 1920 г.) отмечалось, что «до сих пор, за редким исключением, судебные работники, каковых в одном Ростове насчитывается более 300 человек, живут исключительно на получаемое при современных условиях грошовое жалованье, не хватающее буквально на один хлеб с водой, а многие из них люди семейные. А ведь нужно прямо и откровенно сказать, что в судебных учреждениях в подавляющем своем большинстве, в отличие от большинства других советских учреждений, служат не “примазавшиеся буржуи”, а истинные интеллигентные пролетарские работники, честно и не за страх, а за совесть исполняющие свои многотрудные обязанности с первого почти дня установления соввласти на Дону. Необходимо отметить, что здесь мы говорим о сотрудниках, работающих в камерах нарсудей и нарследователей, и соображения наши не касаются коллегии правозаступников. <...> Все судебные работники влачат жалкое и обидное состояние. <...> Служащие других учреждений не только военных, но и многих гражданских поставлены в значительно лучшие условия» [19].

Чрезвычайно серьезной проблемой была нехватка профессионально подготовленных юристов, людей, имеющих хотя бы минимальную правовую подготовку. Так, в одном из отчетов отдела юстиции отмечается «незнакомство не только частных лиц, но даже в иных случаях ответственных советских работников с нормами нового права, развившаяся в течение гражданской войны привычка игнорировать распоряжения центральной власти». Далее в отчете говорится, что «народные судьи, выбранные профессиональными союзами, а равно некоторые сотрудники отдела юстиции совершенно не знакомы были с советским правом» [20]. Для нарсудей, следователей и правозаступников читались

лекции сотрудниками отдела на темы о советской конституции, браке и разводе, ведении актов гражданского состояния, о наследственном праве, об организации народного суда, об обязанностях правозащитников и т. д. [21].

В апреле 1920 г. судебно-следственным подотделом было организовано обучение на кратковременных курсах. Однако принятое коллегией отдела юстиции решение об организации юридических курсов на постоянной основе по материальным причинам реализовать не удалось [22].

Таким образом, к концу 1920 г. в регионе сложилась судебная система, которая по своим параметрам не отличалась от судебной системы всей Советской России. Основу судебной системы составлял народный суд в составе постоянного народного судьи либо народный суд в составе постоянного народного судьи и очередных народных заседателей. Продолжали действовать революционный, военный и военно-транспортный трибуналы. В качестве органов судебного управления и органов надзора за исполнением законов действовали областной отдел юстиции, а в округах – окружные бюро юстиции и совет народных судей. Была создана коллегия правозащитников.

Определяющими факторами в становлении и развитии советского суда в 1920 г. были не только заявленные новой властью принципы правосудия и деятельности судебной системы, но и острая классовая борьба в регионе, вооруженное гражданское противостояние, хозяйственная разруха и голод, острейший дефицит квалифицированных кадров. Данные обстоятельства деформировали процесс становления советского суда и отрицательно сказывались на эффективности его работы. Тем не менее именно в 1920 г. были заложены основы новой судебной системы в Донской области.

Судебные органы по многим параметрам отличались от судов дореволюционной России. Сложившаяся система советских судов представляла собой действительно новый феномен в истории суда. Однако судебные органы и органы юстиции региона в 1920 г. переживали период становления, а потому их структура не устоялась и постоянно совершенствовалась.

Данный драматический этап характеризовался ликвидацией старых судебных установлений и созданием новой советской судебной системы, поисками форм организации и методов работы суда, тотальным дефицитом юридических кадров, последовательным проведением в жизнь принципов классовости в вопросах кадровой политики и судебной практики, реализацией принципов революционного правосознания

и отрицания принципов и процессуальных норм так называемого буржуазного права при крайней неразвитости правовой базы деятельности советского суда, активным участием правящей партии в становлении суда и контроле над его деятельностью, низким уровнем правовой культуры правящей элиты, а также недостаточной эффективностью работы судебных и следственных органов.

Создание советской судебной системы, начавшееся на Дону в 1920 г., было прямым следствием революции 1917 г. Более того, в широком смысле слова слом старой судебной системы и начало становления новой социалистической судебной системы в начале 1920-х гг. носили столь радикальный характер, что вполне могут рассматриваться как неотъемлемый и системно значимый компонент Великой русской революции. Без создания принципиально новой судебной системы говорить о завершении революционных процессов не приходится.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
2. Там же. Д. 11. Л. 15.
3. Там же. Д. 9. Л. 140, 157, 158.
4. Там же. Д. 7. Л. 585об.
5. Там же. Д. 11. Л. 15, 15об., 16, 16об., 17.
6. Там же. Д. 5. Л. 4–4об.; Д. 6. Л. 28об.
7. Там же. Д. 11. Л. 187.
8. Там же. Д. 6. Л. 52.
9. Там же. Д. 11. Л. 187–187об.
10. Там же. Л. 148.
11. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
12. ГАРО. Ф. 1220. Оп. 1. Д. 11. Л. 194.
13. Там же. Д. 7. Л. 585–586об.
14. Там же. Д. 6. Л. 110.
15. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
16. ГАРО. Ф. 1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 5–5об.
17. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.
18. ГАРО. Ф. 1220. Оп. 1. Д. 11. Л. 194.
19. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.
20. ГАРО. Ф. 1220. Оп. 1. Д. 11. Л. 161–162.
21. Там же. Л. 185.
22. Там же. Д. 6. Л. 50, 137об.

А.Н. Грищенко

КАЗАЧЬЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ОСЕНЬЮ 1920 г.

Разгром врангелевского десанта, возглавлявшегося Ф.Д. Назаровым, в июле – августе 1920 г. и оставление Донской области махновской армией в сентябре того же года не привели к окончательной ликвидации повстанческого движения и прекращению деятельности белогвардейского подполья. Вместо разгромленных накануне высадки десанта подпольных белогвардейских центров возникли новые. Во второй половине августа 1920 г. донские чекисты установили наличие в станице Грушевской подпольной организации «Штаб спасения Тихого Дона», имевшей связь с Новочеркасском, Ростовом и рядом станиц. Возглавлял организацию генерал Иванов, его помощником был полковник Филимонов. В рядах подполья насчитывалось около 2000 человек, на вооружении имелись пулеметы и винтовки. Заговорщики планировали истребить коммунистов и поднять восстание в области, причем рассчитывали на поддержку части новочеркасского гарнизона и местного населения [1]. В Ростове существовала организация из «бывших офицеров, кулачества и торговцев», имевшая цель организацию боевой группы для поддержки врангелевской армии в случае ее проникновения в область [2]. Не исключено, что последняя организация была частью «Штаба спасения» генерала Иванова.

В сентябре 1920 г. в станице Константиновской возникла «Белая боевая организация» во главе с бывшим интендантом назаровского десанта полковником Моторыгиным. В нее вошел полковник Назаров, который после разгрома десанта попал в плен, но совершил побег и скрывался в окрестностях станицы. Вскоре он был задержан в Семикаракорской с подложными просроченными красноармейскими документами, как дезертир попал на две недели на гауптвахту, а затем был зачислен рядовым в один из караульных батальонов и даже охранял советские учреждения. Состав новой подпольной организации был довольно пестрый: в нее входили учителя и студенты, тюремные надзиратели и ветеринары, офицеры и кулаки, бывшие назаровцы и советские служащие, снабжавшие последних документами, что позволяло им легализоваться. Заговорщики планировали организовать в станице в течение первой декады октября восстание и устроить местным коммунистам и советским служащим «Варфоломеевскую ночь», для чего были составлены соответствующие

списки. Вместо коммунистов в станице предполагалось сформировать новую власть во главе с Назаровым [3].

В конце октября 1920 г. Особый отдел ВЧК зафиксировал наличие на нижнем Дону нескольких подпольных организаций. Главой подполья являлся скрывавшийся в районе станицы Заплавской полковник Щербаков. Через агентов-ходоков он имел налаженную связь с «белогвардейским разведывательным станом», от которого получал задания и снабжался деньгами и всем необходимым. Его помощником был войсковой старшина Говоров. Связь с подчиненными Щербакову мелкими организациями осуществлял хорунжий Хорошилов. Организацию в Александровске-Грушевске возглавлял войсковой старшина Бредихин. Подполье намеревалось организовать на всех рудниках восстание, для агитации среди рабочих «от врангелевского стана» было направлено много агентов, мужчин и женщин. Организация Щербакова носила название «Грамон», которая являлась аббревиатурой из первых букв названий станиц Грушевской, Раздорской, Аксайской, Мелиховской, Ольгинской и Новочеркаска. Название организации служило паролем для прибывавших к Щербакову посланцев Врангеля. В подполье входили скрывавшиеся в камышах «зеленые белогвардейцы». Они были разбиты на расположенные в разных местах ячейки по 15–20 человек. Подпольщики имели «в достаточном количестве» пулеметы, винтовки и патроны, которые были надежно спрятаны.

Подполье в станицах Аксайской, Ольгинской и Старочеркасской возглавляли поручик Твардовский, есаул Данилов и штабс-капитан Елкашев. В Ольгинской хранилось несколько спрятанных орудий с зарядными ящиками, которые были подобраны населением во время разгрома денкинской армии. В станице Каменской и прилегающих станицах подполье возглавлял есаул Игнат Зорин, эта структура имела связь с «Грамоном». Организатором подполья в Константиновской был есаул Васильев [4]. Через агентов расположенной в Евпатории школы разведчиков армия Врангеля вплоть до своего разгрома имела прямую постоянную связь с донским подпольем. По данным советской разведки, прибывающие из Донской области в Крым агенты сообщали, что почти в каждой донской станице есть организация, «везде есть скрытое оружие», «казаки ждут белых и с приближением фронта они определенно восстанут», для чего выделяется значительное количество сил [5]. Подпольные организации в нижнедонских округах, очевидно, имели связь с повстанческими отрядами и готовили восстание. Настроение населения станиц Кочетовской, Константиновской, Николаевской, Мариинской и Цимлянской оценивалось советским военным командованием как «контрреволюционное» [6].

Источником пополнения повстанческих отрядов стали уцелевшие после разгрома назаровского десанта казаки-белогвардейцы и дезертиры, в одиночку и группами рассеявшиеся по нижнедонским округам и продолжившие вооруженную борьбу. Среди них были довольно крупные отряды. По показаниям перебежчиков, крупный отряд назаровцев в количестве до 300 штыков и 50 сабель бежал из Константиновской в направлении Задонско-Кагальницкий – Николаевская [7]. В августе 1920 г. была зафиксирована деятельность нескольких вооруженных отрядов. В станице Грушевской Черкасского округа находилась группа Свеколкина численностью 35 сабель при 2 пулеметах, а в районе станицы Мечётинской был обнаружен отряд в 40 всадников. По данным штаба ВОХР, в середине августа в окрестностях Александровска-Грушевска действовало около 700 дезертиров и остатки разгромленного десанта, объединенные в группы под командованием есаулов Панова, Дернова и полковника Ударина. Отряды были хорошо вооружены, имели пулеметы и орудия, оставленные Назаровым. В районе слободы Анно-Ребриковская Донецкого округа действовал отряд дезертиров в 70 сабель, именовавший себя «Воздушный отряд» [8]. В начале сентября агентура установила пребывание в районе хуторов Верхний и Нижний Грачик отряда полковника Попова численностью в 200 штыков, 100 сабель при 3 пулеметах. Этот отряд, как отмечали в штабе Кавказского фронта, «рассеялся в Гундоровских лесах» [9]. Чекисты отмечали, что с наступлением осени скрывавшиеся в «лесах и балках» дезертиры и офицеры-назаровцы производили нападения на «сады и огороды» [10].

Оживление повстанческой активности совпало с началом осенней кампании по взиманию у населения продразверстки, что умело использовалось в антибольшевистской агитации. Вооруженные отряды развернули террор против представителей власти и работников продовольственных органов. В начале сентября в селах между Ростовом и Новочеркасском было отмечено появление «врангельских офицеров», проводивших агитацию среди населения [11]. Белогвардейские офицеры скрывались и агитировали среди жителей хутора Малозападенского станицы Маньчской. Чекисты отмечали, что «контрреволюционная агитация» в Черкасском округе велась очень осторожно [12]. С началом взимания с 1 сентября продразверстки за 1920 г. среди жителей Черкасского округа циркулировали упорные слухи: «вот тебе Советская власть, она у кулаков ничего не берет, а до сих пор с весны не платят трудовикам и опять начинают брать». Имелась в виду декларируемая, но не соблюдавшаяся властью первоочередность взимания продразверстки с зажиточной части населения, а под трудовиками понимались

бедняцкие хозяйства, которые ничего не получили от власти и которых обязали сдавать продовольствие. В окрестностях станицы Грушевской 6–7 сентября «бандиты» совершали нападения и грабежи населения, забирая продукты питания, деньги и лошадей. В ночь с 12 на 13 сентября вооруженный отряд совершил нападение на исполком, нападавшие освободили двух дезертиров. Председатель исполкома сообщал о том, что «бандитизм» ежедневно усиливается и последние действовали уже не только ночью, но и днем [13]. В хуторе Большой Лог Черкасского округа настроение жителей-казаков характеризовалось как «антисоветское-контрреволюционное». По информации разведки, хуторяне имели спрятанное оружие и седла. На проводившихся собраниях и митингах они открыто заявляли: «Не нужно нам Совета, долой коммунистов». Войсковая разведка сообщала о контрреволюционном настроении «старого казачества» в станице Аксайской [14]. Руководство Черкасского округа констатировало наличие «контрреволюционных банд», совершавших нападения на хутора. Эти отряды были организованы и вооружены. Окружком не без оснований опасался возможных антисоветских выступлений на почве начала новой продразверсточной кампании [15]. В 1-м Донском округе от рук «неизвестных злодеев» 30 августа пал агент окружного продовольственного комитета Крыжов [16]. В ночь с 20 на 21 сентября в хуторе Камышинском «неизвестными бандитами» были убиты двое местных жителей и один красноармеец. В сентябре участились случаи убийств в районе станиц Раздорской и Кочетовской 1-го Донского округа [17]. В конце сентября в районе станицы Раздорской «по лесам и балкам» скрывались хорошо вооруженные дезертиры [18]. В станице Кочетовской были убиты председатель и секретарь исполкома, население станицы при этом характеризовалось как «контрреволюционное» [19]. «Бандитизм» развивался в станице Хомутовской [20]. Между Белой Калитвой и станицей Каменской действовал небольшой белогвардейский отряд полковника Скирдина [21]. По донесению военного комиссара станицы Чернышевской, 1 октября в ее окрестностях появился отряд в 70 человек, «большинство верховые» [22]. В Донецком округе отмечались случаи разгона зажиточными селянами Советов, члены которых скрывались от угрожавшей им опасности. Это дополнялось проводимой среди крестьянства агитацией под лозунгами «Долой коммунистов, да здравствуют вольные Советы!», «Долой грабительскую продовольственную разверстку!». В населенных пунктах фиксировались «бандитизм» и убийства коммунистов, совершенные «своими доморощенными бандитами» [23]. В сентябре фиксировалось «отрицательное» отношение к власти со стороны крестьянско-казачьей массы

в районе станиц Каменской и Белокалитвенской, в Миллерово и Чертково. Их «неудовольствие» вызывали неправильно взимавшаяся продразверстка, факты покровительства Советами «кулаков» и ущемления бедноты. Недовольство выливалось в многочисленные случаи убийства коммунистов и продработников. Среди населения станиц царило «махновско-белое настроение» [24].

В октябре 1920 г. повстанческое движение усиливалось. Активизировались вооруженные отряды в верхнедонских округах. По сообщению работников продовольственного комитета, в Хопёрском округе дезертиры «настолько стали смелы», что останавливали и возвращали назад обозы с изъятым по продразверстке продовольствием, пополняя при этом свои запасы всем необходимым. Продагенты и представители местной власти подвергались преследованиям [25]. В станице Тепикинской 7–8 вооруженных человек ночью захватили на квартире продагентов и уполномоченных по продовольствию и вывели их в балку, где «проделали пародию полевого суда» и приговорили к расстрелу. Только случайный случай помог агентам избежать смерти [26].

Значительное количество вооруженных «злостных дезертиров» скрывалось в хуторах станицы Котельниковской. Со слов местных жителей, их деятельность сводилась к поимке и уничтожению коммунистов, а численность составляла «целый эскадрон» [27]. Разведка Котельниковского комиссариата 20 октября установила присутствие повстанческого отряда в 50 человек в хуторе Васильеве [28]. Из винтовок было обстреляно здание Николаевского волостного исполкома, а в хуторе Горячем Тепикинской станицы Хопёрского округа вооруженный отряд «бандитов» захватил трех продагентов и члена исполкома. В результате антисоветской агитации население воспринимало большевиков как лиц, «уничтожающих собственность, устраивающих реквизиции» [29]. В октябре в Хопёрском округе оперировали отряды в количестве 20 и 14 человек. В соседнем Усть-Медведицком округе близ станицы Островской также действовала «шайка бандитов» [30].

Руководство Донецкого округа отмечало наличие «свиристующего бандитизма», который селяне воспринимали положительно. В Греково-Степановской волости Донецкого округа повстанческие отряды освобождали на дорогах арестованных за невыполнение продразверстки, громили местные ревкомы. В Тарасовском районе, по заявлению местного руководства, «настроение населения антибольшевистское», жители Тарасовки оказывали содействие действовавшей в ее окрестностях повстанческой группе [31]. 13 октября отряд в 60 всадников совершил нападение на село Марьево-Федуловское, забрал «лучших лошадей» и скрылся

в направлении Греково-Степановской волости [32]. Совет Средне-Наголинской волости был разогнан проходившим отрядом в 50 всадников и пехотой на тачанках [33]. По данным военного комиссара Донецкого округа, в конце октября в окрестностях станицы Гундоровской скрывалось до 200 человек, вооруженных «винтовками, дробовиками и отрезками винтовок». Отряд неустановленной численности действовал близ Митякинской [34]. В районе хуторов Пономарева, Крюкова, Николаева и Андреева Верхне-Донского округа действовал вооруженный отряд из 9 человек, именовавших себя «махновцами», 19 октября они совершили нападение на хутор Крюков. Все нападавшие являлись казаками и пользовались поддержкой жителей хутора Николаева. Исполком установил факты собрания ими сходов в указанных хуторах по поводу организации антисоветского восстания [35]. Хутора Платов и Николаев близ станицы Краснокутской были заняты отрядом в 100 человек при трех пулеметах во главе с подполковником Спиридоновым [36]. В районе станиц Каменской и Мигулинской была замечена отряд до 50 человек [37]. В октябре руководство Верхне-Донского округа констатировало продолжавшийся «бандитизм» и убийства продработников, которые имели место в станице Краснокутской. Цель действий повстанцев власть определяла как «исстребление советских работников и агентов окрпродкома» [38].

В это же время в Черкасском округе появлялись конные «бандиты», имевшие пулеметы на тачанках и подводах [39]. В начале октября около станицы Багаевской продолжалась активная деятельность отряда С. Свирыкина [40]. В районе Раздорская – Мелиховская в садах на реке Мокрый Керчик скрывался небольшой отряд в 16 человек, вооруженных винтовками [41]. В соседнем Ростовском округе в районе Ейского укрепления оперировала «шайка бандитов» неустановленной численности, возглавляемая служившим в отряде Шкуро Утриновичем [42]. Близ села Чалтырь участвовал в столкновениях с милицией вооруженный отряд Стококрадова [43].

Против большевиков, сотрудников советских и продовольственных учреждений был развязан настоящий террор. За период с 7 сентября по 8 ноября 1920 г. отрядами повстанцев только в Донецком округе было убито 27 милиционеров [44]. Убийства представителей власти отличались изощренной жестокостью. В Донецком округе над убитыми «белой офицерской бандой» комсомольцами-продработниками было совершено надругательство [45]. В Черкасском округе были обнаружены убитыми два продагента, еще у троих убитых продагентов распоротые животы были наполнены пшеницей [46].

Успешности вооруженной борьбы повстанческих отрядов с властью способствовало активное содействие со стороны некоторых станичных

исполкомов. Чекистские сводки за сентябрь – начало октября 1920 г. сообщали, что председатели исполкомов делали всё возможное для укрывательства «бандитов», офицеров и дезертиров. В результате «работа исполкомов станиц направлена всецело на пользу белой армии» [47]. Вероятно, помощь скрывавшимся повстанцам оказывали лица, связанные с разветвленной в нижнедонских округах сетью белогвардейского подполья.

Что касается отношения местного населения к повстанческому движению осенью 1920 г., то в источниках содержатся упоминания об определенной поддержке вооруженных отрядов со стороны местного населения, но судить о степени ее массовости сложно. Осенью стало очевидным изменение настроений казачьей массы в отношении власти. Если в середине лета чекисты отмечали в настроениях населения коренной перелом в отношении советской власти, которая «пускает корни» всё глубже и глубже [48], то в сентябре казачество по причине «политической неразвитости» было настроено в отношении власти и РКП(б) «контрреволюционно и выжидательно» [49]. Однако причины поддержки селянами повстанчества заключались отнюдь не в политической незрелости. В сводном отчете штаба СКВО отмечалось, что основная причина враждебного отношения зажиточно-средняцкой части населения к власти – «выкачка хлеба, скота и оружия», а также антисоветская агитация многочисленных врангелевских агентов и белогвардейских офицеров [50].

Осенью 1920 г. антибольшевистское казачье повстанческое движение в Донской области вело активную борьбу с большевистской властью. В нижнедонских округах – Черкасском, Ростовском, 1-м Донском – действовало несколько подпольных белогвардейских организаций, имевших агентурную связь с «белым» Крымом и формировавших вооруженные отряды. Повстанческие отряды пополнялись уцелевшими казаками из разгромленного назаровского десанта, белыми офицерами, дезертирами, недовольными властью казаками во главе с опытными офицерами старшего и среднего звена. Хорошо вооруженные отряды имели различную численность: от 7–10 до 200–300 и даже 700 человек в разных округах. Их тактика сводилась к распространению антипродразверточной агитации, нападениям на жителей, исполкомы и обозы с продовольствием, террору в отношении различных представителей власти. По мере ухудшения экономического положения донских селян, вызванного взиманием с сентября 1920 г. продовольственной разверстки, население проявляло явную враждебность к власти, которая, впрочем, не стала причиной массовой поддержки повстанческих отрядов казаками и крестьянами.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 292об.
2. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 228.
3. Советский Юг. 1921. 3 февраля.
4. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М., 1998. С. 198–199.
5. Там же. С. 194, 197.
6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 29об.
7. РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 329.
8. Там же. Д. 170. Л. 110, 117, 124об.
9. РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 122. Л. 19об–20.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 22.
11. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 412. Л. 83об.
12. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 226об.
13. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 6. Л. 13, 15об.
14. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 148. Л. 50, 52.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 209. Оп. 1. Д. 9. Л. 16в.
16. Пролетарий Дона. 1920. 16 сентября.
17. Пролетарий Дона. 1920. 3 октября.
18. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 49об.
19. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 255об.
20. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 327.
21. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 143. Л. 43.
22. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 84об.
23. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 3–3а.
24. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 143. Л. 44.
25. Там же. Д. 144. Л. 4–4об.
26. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 22. Д. 425. Л. 208.
27. ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 9. Л. 260–260об.
28. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 512. Л. 229.
29. ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 12. Л. 66, 66об., 67–67об.
30. Там же. Л. 117.
31. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 4. Л. 1а, 2–2а.
32. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 167.

33. РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 447.
34. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 143. Л. 186, 189об.
35. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 156. Л. 60об–61.
36. РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 34. Л. 10.
37. РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 451.
38. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 656. Л. 47, 54.
39. ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–9об.
40. РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 34. Л. 2об.
41. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 512. Л. 197.
42. РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 34. Л. 48–48об.
43. ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 12. Л. 117.
44. Там же.
45. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 65. Л. 3.
46. Покровский М. На Дону // Революционная Россия. 1921. № 9. С. 31.
47. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 47об; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 235об., 300об.
48. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 213.
49. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2618. Л. 16.
50. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 17. Л. 255.

Ю.Ю. Клычников

«ПО СВОИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ЗАСЛУГАМ ИМЕЮТ ПРАВО РАССЧИТЫВАТЬ НА НАИБОЛЬШИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА...»: ГОРЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1930-е гг.

Вытеснив в марте 1920 г. своих противников в лице Белой армии с территории Северного Кавказа, большевики столкнулись с новой угрозой в виде горского повстанческого движения во главе с Н. Гоцинским и К. Алихановым. Они активно использовали исламские лозунги борьбы с неверными и апеллировали к опыту великих предков, которые некогда под знаменами имама Шамиля сражались против России. Ситуация осложнялась еще и внешним вмешательством, поскольку страны Антанты, Турция и Грузия охотно использовали местный конфликтный потенциал для ослабления позиций большевиков.

Участились случаи краж и разбойных нападений, которые совершались без всякой политической подоплеки. Пресекать подобную практику новая власть не могла, а попытки привлечь на свою сторону лояльно настроенных горцев были не эффективны. Более того, получив на руки оружие и коней, они нередко дезертировали. Не помогали даже щедрые обещания перераспределить в их пользу землю и имущество тех казачьих станиц, которые считались враждебными советской власти [1].

Временно ограничив призыв местных жителей на военную службу, большевики спешно перебросили на Кавказ надежные подразделения, с помощью которых принялись энергично теснить новоявленных мюридов. Для этого использовалась Терская группа войск 11-й армии во главе с М.К. Левандовским. Помимо военных методов, новая власть активно прибегала к агитационной работе среди местного населения. Всячески подчеркивалось, что большевики не собираются покушаться на религиозные ценности, а коммунистические идеалы близки постулатам шариата [2].

Активно использовался опыт, накопленный еще императорской администрацией. Убедившись, что абстрактные политические лозунги малопривлекательны для прагматичных горцев, большевики широко применяли методы «материального стимулирования», поощряли нападения отрядов лояльных добровольцев на враждебные поселения [3].

К весне 1921 г. с движением Н. Гоцинского было покончено. Сам он бежал в Чечню, где возник новый очаг напряженности. Многочисленные банды, сосредоточившись преимущественно в Веденском, Шатоевском и Урус-Мартановском районах, парализовали деятельность органов власти, не давали заниматься мирной деятельностью. Особую тревогу вызывало большое количество оружия, которое находилось в руках у населения, причем предпочтение отдавалось компактным образцам, удобным для использования в криминальном бизнесе [4]. Для его изъятия приходилось проводить широкомасштабные военные операции и использовать принцип коллективной ответственности, что не добавляло симпатии к новой власти.

Достаточно провокационно вело себя духовенство. На религиозных съездах, проводимых в Дагестане, Чечне и Карачае, звучали призывы поддержать Н. Гоцинского в его борьбе против русских [5]. Среди крупных религиозных авторитетов выделялся чеченский шейх А. Митаев, который, будучи членом Чеченского областного ревкома, умело использовал свое положение для получения необходимой информации о замыслах местного руководства [6].

К началу осени 1924 г. удалось стабилизировать ситуацию в Кабардино-Балкарской, Осетинской и Ингушской областях, но по-прежнему

высокий уровень бандитизма наблюдался в Чечне. Объяснения властей звучали так: «Родовая вражда, кровная месть, национальная ненависть и неуважение, стеснительные земельные условия, обилие оружия у населения, географические условия – всё это в той или иной степени влияет на развитие бандитизма» [7]. Они отдавали себе отчет, что скорого изменения ситуации ждать не приходится.

Население всё больше уставало от выродившегося в откровенный уголовный бандитизм повстанчества и готово было поддерживать меры по его искоренению [8], поэтому отношение к проводившимся военным акциям было уже не столь враждебно, как раньше. Кроме того, умение большевиков продемонстрировать свою силу импонировало менталитету воспитанных на маскулинных ценностях горцев. От властей ждали порядка и в целом с пониманием относились к тем издержкам, которые были неминуемы при его обеспечении [9]. Начавшаяся в августе – сентябре 1925 г. в Чечне и Дагестане операция привела к массовому изъятию оружия и аресту целого ряда лидеров из числа «непримиримой» оппозиции, в числе которых был и Н. Гоцинский [10].

В дальнейшем проводимая большевиками политика коллективизации вновь привела к росту протестных настроений среди местных жителей. В конце 1929 г. вновь пришлось задействовать армию для подавления вооруженных выступлений. На следующий год ситуация повторилась, и хотя каждый раз изымались сотни единиц огнестрельного оружия, надолго обеспечить порядок в крае не удавалось. Привычные набеговые ценности и раздражающие социальные эксперименты становились тем мобилизационным фактором, который толкал горцев на противостояние с советской властью.

Широкое повстанческое движение развернулось и в Кабарде, Черкесии, Карачае, Балкарии. Отмечается, что поступающие с мест сводки ОГПУ напоминали фронтовые донесения. В них речь шла об упорных боях, в которых силам правопорядка нередко приходилось переходить к обороне под натиском неприятеля, пользовавшегося к тому же поддержкой со стороны местного населения [11].

В 1932 г. в Чечне вновь начинаются беспорядки. Первыми выступили жители селения Беной, а затем их поддержали и другие аулы. Мятежники стремились увлечь на свою сторону и приграничные дагестанские районы, пытались прервать движение по железной дороге, чтобы не допустить прибытия эшелонов с бойцами Красной армии, направлявшимися для подавления волнений. Воинские гарнизоны были блокированы повстанцами, но сумели продержаться до подхода подкреплений.

Об ожесточенности борьбы свидетельствуют данные, содержащиеся в одной из аналитических записок, в которой дается следующая характеристика мятежа: «организованность, массовое участие населения, исключительная жестокость повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях» [12]. Возросли и потери с обеих сторон. По официальным данным, Красная армия имела 27 убитых и 30 раненых, а ее противник 333 убитых и 150 раненых. Обращает на себя внимание то, что в последнем случае число погибших превышает число раненых, хотя обычно бывает наоборот. Такие данные либо свидетельствуют о неточности приводимых данных, возможном завышении потерь противника, либо говорят об ожесточенности боев, развернувшихся между повстанцами и армией.

Следующий виток эскалации напряженности, связанный с усилением бандитской активности, пришелся на 1937 г. В конце июля – начале августа в ЧИАССР проводится широкомасштабная акция по задержанию антисоветских элементов. Отмечается, что эта мера была предпринята «в условиях экономического и культурного подъема в автономной республике» [13]. Видимо, этот подъем был обусловлен в том числе изоляцией части «беспокойного» населения, которое по-прежнему предпочитало войну созидательному труду.

В ходе проведенных чекистами спецопераций только в 1938 г. было арестовано 300 мулл и еще столько же религиозных активистов, которые отличались враждебным отношением к власти [14]. По данным правоохранительных органов, с октября 1937 г. по февраль 1939 г. на территории республики действовали 80 террористических группировок, насчитывающих 400 человек, а около 1000 человек находились на нелегальном положении. В результате проведенных операций «были арестованы и осуждены 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъяты 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 3513 единиц прочего оружия» [15]. Столь внушительный арсенал позволяет сделать вывод о том, что количество потенциальных противников советской власти было гораздо больше числа выявленных правоохранительными органами активных участников бандформирований. К началу Великой Отечественной войны справиться с этим явлением так и не удалось.

Среди раздражающих население факторов следует выделить настойчиво проводившуюся антирелигиозную политику. Если при установлении советской власти большевики всячески подчеркивали свое уважительное отношение к исламу и даже заявляли, что «советская власть сохранит шариат для мусульман как основу правопорядка», то в дальнейшем они взяли курс на ограничение религиозной деятельнос-

ти и закрытие культовых сооружений [16]. Представляется, что за этим скрывается не столько «коварство» большевиков, сколько прагматизм. Вплоть до 1927 г. советская власть стремилась использовать исламский фактор для стабилизации ситуации в регионе. Но добиться абсолютной лояльности со стороны мусульманского духовенства так и не удалось.

По мнению большевиков, только экономическое процветание могло обеспечить мир на Кавказе. А для этого следовало вкладывать средства в развитие хозяйства и культуры, между тем как на содержание духовенства уходило в 1,5 раза больше средств, чем на все государственные и местные налоги. В разоренной Ингушетии, пострадавшей от войны, за невесту просили калым не менее 1 млн рублей в ценах 1920 г. Такая сумма приводила к разорению рода жениха и толкала его на участие в грабительском промысле. Весьма примечательное пояснение дал секретарю Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микояну один из ингушских стариков, когда тот обвинил их в участиях в разбое: «Да, мы грабим, но вы должны удивляться, что мы не все грабители, ибо нас учили не грамоте, а грабежу, нас веками грабили, и удивительно, что только часть из нас – бандиты» [17]. Естественно, что коммунисты нетерпимо относились к подобным «заветам предков» и последовательно боролись с ними.

Может сложиться впечатление, что советская власть действовала исключительно репрессивными методами, стремясь уничтожить наиболее неприемлемые проявления горского традиционализма. Это далеко не так. Большие усилия прилагались в области просвещения и образования местных народов. Создавалась национальная письменность, ликвидировалась неграмотность, открывались культурно-просветительские учреждения, выпускались газеты на языках народов региона [18]. При ассигновании средств на развитие образования национальные субъекты получали их в больших размерах по сравнению с условно «русскими» регионами [19]. Колоссальные усилия были затрачены на развитие здравоохранения [20].

В русле политики «коренизации», провозглашенной на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., нацменьшинства получали политические преференции [21]. Лидеры национальных республик ставили одной из своих первоочередных задач вытеснение русского элемента из органов управления и приобретение новых, экономически прибыльных территорий. Это особенно наглядно демонстрируют ожидания, которые лелеяли лидеры Чеченской и Ингушской автономий накануне их объединения в январе 1934 г. В своей программе они отмечали, что «соединение за счет единого аппарата освобождает все культурные силы и позволяет их равномерное распределение, чем устраняет зависимость от русских культурных сил.

<...> Край уделяет Чечне и Ингушетии недостаточное внимание, в то время как обе области, наиболее потерпевшие от режима колонизации и Гражданской войны, по своим революционным заслугам имеют право рассчитывать на наибольшие преимущества в деле поднятия их культурно-хозяйственного уровня» [22]. И эти ожидания в немалой степени оправдались, когда 5 декабря 1936 г. статус Чечено-Ингушской автономной области подняли до уровня автономной республики. Таким образом, жаловаться на отсутствие преференций со стороны советской власти «заслуженным героям Гражданской войны» вряд ли приходилось.

Но даже значительные уступки со стороны Советского государства не смогли обеспечить массовую поддержку и лояльность местного населения в период Великой Отечественной войны. Болезненно воспринимаемая в общественном сознании проблема депортаций [23] в немалой степени была обусловлена невозможностью правящего режима справиться с характерными для региона проблемами в экстремальных условиях борьбы, связанной с выживанием всего Советского государства.

Примечания

1. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Т. 1. М., 2006. С. 213.
2. Орджоникидзе З.Г. Путь большевика: страницы из жизни Г.К. Орджоникидзе. М., 1986. С. 283, 285.
3. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 324.
4. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). Исторические очерки. М., 2015. С. 220–221.
5. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое и настоящее. М., 2011. С. 114–115.
6. Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. Грозный, 2008. С. 78.
7. Цит. по: Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006. С. 34.
8. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009. С. 150.
9. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М., 2009. С. 39–40.
10. Шишов А.В. Двуглавый орел над Кавказом. 1804–2008 гг. М., 2009. С. 345–348.

11. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 138.
12. Цит. по: Шишов А.В. Указ. соч. С. 349.
13. Там же. С. 350.
14. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С.116.
15. Смыслов О.С. Указ. соч. С. 34–35.
16. Сулаев И.Х. Антирелигиозная политика Советского государства в Дагестане в 1920–1930-е гг. // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2011. С. 73–77.
17. Цит. по: Жупикова Е.И. Указ. соч. С. 243–244.
18. Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. М., 2007. С. 63–65.
19. Кринко Е.Ф. Национальное образование в контексте нациестроительства: опыт Северной Осетии // Нации и государства на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сборник научных статей и материалов / под ред. Т.П. Хлыниной. Ростов н/Д, 2013. С. 40.
20. Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения в Чечено-Ингушетии в 1917–1937 годах. Тверь, 2003.
21. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 691–701.
22. Цит. по: Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 177.
23. Поляков Ю.М. По ту сторону вдохновения. М., 2017. С. 415.

А.П. Скорик

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере 13-й Донской территориальной казачьей дивизии)

Днем образования 13-й Донской территориальной казачьей дивизии следует считать 23 апреля 1936 г., когда появился приказ народного комиссара обороны № 67, где предписывалось сформировать именно эту дивизию [1]. Она, в свою очередь, разворачивалась на материально-технической базе 13-й стрелковой дивизии, дислоцированной на

территории Азово-Черноморского края. 13-я Донская территориальная казачья дивизия входила в состав 4-го кавалерийского корпуса имени С.М. Будённого (1936–1938 гг.). Первым командиром дивизии стал комбриг Рябышев Дмитрий Иванович (1894–1985) [2], донской казак хутора Колотовка Цимлянской станицы Первого Донского округа бывшей области Войска Донского, он командовал соединением с июля 1936 г. по сентябрь 1937 г.; по другим данным, на этой должности находился до января 1937 г. Воинское звание генерал-лейтенанта получил в 1940 г. Дальнейшая его военная карьера, в том числе в годы Великой Отечественной войны, протекала с переменным успехом, и с 1950 г. был в запасе, проживал в Ростове-на-Дону, занимался литературным творчеством, оставил интересные воспоминания [3].

Формирование казачьей дивизии началось на основании приказа войскам Северо-Кавказского военного округа (СКВО) № 0018 от 1 июля 1936 г. и последующих директив № 4/890сс от 4 июля 1936 г. и № 4/976сс от 20 июля 1936 г. [4]. 13-я Донская территориальная казачья дивизия размещалась в трех военных гарнизонах: Каменский гарнизон, в котором дислоцировались следующие подразделения – 124-й Донской казачий полк, 13-й КНАП (конно-артиллерийский полк), саперный эскадрон, эскадрон связи, управление дивизией; Морозовский гарнизон, где базировался 125-й Донской казачий полк; Миллеровский гарнизон, где формировался 123-й Донской казачий полк. Казачьи части дивизии комплектовались из числа военнообязанных граждан бывшей области Войска Донского. При существовавшей методике призыва в территориальные части по архивным документам с трудом удалось установить, откуда именно, из каких сельских советов призвали жителей, в том числе казаков. Существовавший тогда Морозовский военный округ (комиссариат) осуществлял набор военнообязанных бывшей области Войска Донского в территориальные казачьи части в рамках политической кампании «за советское казачество».

Особенность территориальных формирований заключалась в содержании за государственный счет только постоянного кадрового состава, то есть примерно одной десятой от численности подразделений военного времени. Основная же масса переменного красноармейского, младшего командного и административно-хозяйственного состава находилась на постоянной службе в данной дивизии лишь периодически, собиралась на короткие сроки для обучения, занятий и других целей. Все предприятия и учреждения, в которых трудились военнообязанные граждане, состоявшие в переменном составе территориальных частей дивизии, с наступлением срока обучения или учебных сборов обязаны

были незамедлительно освобождать таких лиц от работы. Сроки устанавливались для этой цели постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся» [5]. В остальное время красноармейцы переменного состава пользовались правом жить дома, работать на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве. Таким образом, по содержанию переменников государство не несло никаких расходов. В тех исторических условиях это обстоятельство, пожалуй, выступало самым главным: обороноспособность страны заметно росла, а особых средств на это не выделялось.

К концу 1936 г. 13-я Донская территориальная казачья дивизия включала: 123, 124, 125 и 76-й казачьи территориальные кавалерийские полки, 13-й конно-артиллерийский и 13-й механизированный полки, отдельный эскадрон связи и отдельный саперный эскадрон. Одним из воинских гарнизонов, где дислоцировалась 13-я Донская территориальная казачья дивизия, стал Новочеркасск [6].

В 1936 г. в 13-й Донской территориальной казачьей дивизии производится первый сбор переменников, прибывших в дивизию из Шахтинского, Каменского, Морозовского и других военных комиссариатов. Пунктом сбора 13-й дивизии тогда определили Белую Калитву (на тот момент станицу Усть-Белокалитвенскую). Месячные военные сборы прошли всего 115 человек младшего начальствующего состава начиная с 15 октября 1936 г. А при караульном эскадроне 13-й Донской территориальной казачьей дивизии собрали на месячные военные сборы 114 рядовых красноармейцев переменного состава. В задачу учебного сбора входило усовершенствование боевой выучки приписного состава по должностям и специальности согласно предназначению на военное время [7]. На месячные сборы переменного состава сроком проведения с 26 ноября 1936 г. зачислили 33 человека [8].

Наряду с переменниками в 125-м Донском казачьем полку в станице Морозовской проходили воинскую службу на кадровой основе многие местные жители. Так, с 21 января 1937 г. «в краткосрочный домашний отпуск для домашнего устройства» в станицу Милютинскую на основании приказа по полку № 21 от 22 января 1937 г. срочно отбыл казак комендантского взвода Н. Изварин. В воинскую часть 21 января 1937 г. пришла телеграмма, заверенная врио Милютинского райвоенкома, поэтому милютинского казака отпустили домой [9]. С 28 января 1937 г. в краткосрочный домашний отпуск на основании приказа по полку № 27 от 29 января 1937 г. убыл казак хозяйственного взвода 125-го Донско-

го казачьего полка П.Г. Чичеров в хутор Поляков Орловского сельского совета Милютинского района [10]. Обозначенные факты подтверждают кадровую службу местных казаков.

Приписка переменников из числа призывного контингента и конского состава к подразделениям 13-й Донской территориальной казачьей дивизии разворачивается с 1 декабря 1936 г. Для массовой приписки переменного состава привлекались ветеринарные врачи и/или ветеринарные фельдшеры в районах приписки, поскольку одновременно с людьми формировался конский состав для переменников. Существовали мобилизационные планы по вовлечению в приписную кампанию ветеринарных специалистов, чем занимались участковые военкоматы (учвоенкоматы), действовавшие по присылаемым планам от командования, чтобы не было срывов в проводимой приписной кампании. Направляемые на места офицеры производили отбор и приписку переменников в переменный состав, в частности, при этом использовались людские ресурсы из числа переменного состава бывшего 39-го стрелкового полка. Предварительный отбор переменников производился офицерами в назначенных пунктах вывода лошадей. Окончательный отбор переменного личного состава осуществлялся уже с участием врача на сборах при райцентрах. Так, приписке в 125-й Донской казачий полк подлежали переменники четырех возрастов: 1910, 1911, 1912 и 1913 гг. рождения [11].

Конский состав приписывался независимо от пола (жеребцы или кобылы) в возрасте от трех лет и старше, пригодный для воинской службы в территориальных частях. Не подлежали приписке племенные кобылы (конематки) и жеребцы-производители, занесенные в порядке установленного документооборота в племенные книги и в фонд РККА. В отношении каждой приписываемой лошади фиксировался персональный номер, ей навешивалась сопроводительная бирка. Командование требовало от местных властей достойного содержания отобранных лошадей после проведения приписки в отношении их кормления, нахождения в отдельных конюшнях и закрепления уборщиков за этими лошадьми из числа лиц переменного состава. После завершения приписной кампании в отношении переменного состава командование настаивало на неотложной организации во всех колхозах кружков боевой подготовки и с непременным назначением в качестве руководителей кружков боевой подготовки лиц из числа приписанного переменного состава. Во взаимодействии с председателями станичных советов предлагалось назначить сельских старшин, в обязанности которых бы вменялся «контроль за состоянием лошадей и за работой кружков боевой подготовки» [12].

Параллельно с осуществлением приписной кампании для переменников и проведением первых военных сборов переменного контингента происходило обучение командного и начальствующего состава, о чем свидетельствует приказ по 125-му полку № 129 от 25 декабря 1936 г., который устанавливал время проведения проверки знаний командным составом уставов РККА и материальной части вооружения полка. Командиры должны были знать «Строевой устав конницы РККА» 1935 г. издания, уставные тактические команды (УТК) при ведении боя отделением и взводом, материальную часть винтовки, ручного пулемета, станкового пулемета системы «Максим» и ручных гранат. В течение двух недель велась самоподготовка для последующей сдачи экзаменов по трем установленным типичным военным дисциплинам: устав конницы, тактика, вооружение [13].

Завершение приписки переменного состава выявило ряд проблем. Во-первых, нехватку личного состава и военных специалистов. Для третьего эскадрона 125-го Донского казачьего полка из Нижне-Чирского и Кагановического [14] районов не хватило 40 человек рядового состава. Не нашлось в призываемом контингенте переменников 18 санитарных инструкторов, 6 ветеринарных фельдшеров и 4 инструктора по химической защите. Во-вторых, требовалось полное переобучение приписанных переменников. При сверке по военно-учетным специальностям выяснилось, что младший начальствующий состав является сплошь состоящим из пехотинцев. Рядовой состав в большинстве своем ранее прошел обучение, но переменники второго и третьего эскадронов 125-го полка «приписаны из свободных ресурсов», поэтому они обучения не проходили. Призывной контингент переменного состава 1913 г. рождения, ранее приписанный к 39-му стрелковому полку, также курса военного обучения не освоил. В-третьих, район комплектования третьего эскадрона 125-го полка совпадал с районом комплектования частей 31-й стрелковой дивизии, и это отразилось на формировании призывного контингента переменников. Поэтому «при проведении приписки из свободных ресурсов не удалось полностью соблюсти приписку пер[еменного] состава вместе с конем». Кроме того, получалось, «когда в том или ином колхозе приписано 5–10 лошадей, но ни одного военно-обязанного из этого колхоза не удалось приписать за отсутствием приписного контингента» при одновременном наличии на данном участке приписки переменного состава 31-й стрелковой дивизии. Командование 13-й Донской казачьей дивизии просило командующего СКВО передать переменный состав 31-й стрелковой дивизии из Нижне-Чирского и Кагановического районов для комплектования третьего эскадрона 125-го

полка и закрепить эти территории за полком в дальнейшем. Четвертый эскадрон 125-го полка полагали комплектовать за счет призывного контингента Тормосинского и Стеньки-Разина районов Сталинградской области. Полуэскадрон связи и перотряд предлагалось формировать в Селивановском и Чернышевском районах. Для первого эскадрона просили разрешения на привлечение переменников также из Романовского района, где в достаточном количестве имелся конский состав, да и частичную приписку оттуда 125-й Донской казачий полк уже сделал. Озабоченное физическим и количественным состоянием наличествующего конского состава, командование дивизии настаивало на приписке конского молодняка 1934–1935 гг., «кроме предназначенных в фонд РККА». Оно рассчитывало на выездку (обучение, дрессировку) строевых лошадей уже непосредственно в самом полку. По планам мобилизационной готовности 125-й Донской казачий полк готовился к передислокации на левый (южный) берег реки Дон, для чего планировалось использовать имеющийся паром в станице Романовской и мост в станице Константиновской, а в перспективе осуществлять переправу полка и вплавь [15].

На 1 апреля 1937 г. в 13-й Донской территориальной казачьей дивизии всего насчитывалось 2640 человек, 1308 лошадей, 28 единиц 76-миллиметровых орудий, 8 единиц 122-миллиметровых гаубиц, 43 танка БТ, 26 танков Т-37, 64 станковых, 140 ручных и 8 зенитных пулеметов, 870 винтовок и 1190 сабель.

В октябре 1937 г. 13-я Донская территориальная казачья дивизия в составе 4-го казачьего корпуса имени С.М. Будённого участвовала в осенних учениях войск Северо-Кавказского военного округа и показала хорошую выучку. В декабре 1937 г. 123, 124, 125-й кавалерийские полки дивизии переформируются в моторизованные. В начале 1939 г. в связи с моторизацией Красной армии и окончательным переходом на кадровую систему армейской организации 13-я Донская территориальная казачья дивизия переводится на штаты кадровой моторизованной дивизии.

О реальной боеготовности 13-й Донской территориальной казачьей дивизии к середине ноября 1937 г. позволяет судить «контрольный лист» командующего войсками СКВО, комкора Сергея Ефимовича Грибова (командовал округом в 1937–1938 гг.), заверенный также подписями члена Военного совета округа корпусного комиссара Константина Григорьевича Сидорова и начальника штаба округа полковника Дмитрия Никитича Никишова. Основной лейтмотив документа заключается в стремлении Военного совета СКВО ускорить перевод 124-го и 125-го Донских казачьих полков 13-й Донской территориальной казачьей ди-

визии на моторизованное положение в целях повышения боевой готовности дивизии. 123-й Донской казачий полк, в соответствии с приказом командующего СКВО № 009 от 19 мая 1937 г., ранее уже перевели на положение 123-го моторизованного полка той же 13-й Донской территориальной казачьей дивизии с 15 июля 1937 г. При этом переменный конский состав 123-го Донского казачьего полка отправили в колхозы, а кадровый конский состав передали в 124-й и 125-й полки 13-й Донской территориальной казачьей дивизии. Автотехника и шоферов к 123-му моторизованному полку уже прикомандировали [16].

Естественно, на таком фоне боеготовность 13-й Донской территориальной казачьей дивизии оценивалась вышеназванными военачальниками невысоко. На оценке сказалось районирование в бывшем регионе комплектования 13-й стрелковой дивизии. Тем не менее 13-я казачья дивизия успешно провела «приписку переменного состава, обученного в территориальных стрелковых частях» (в том числе в соседней 31 стрелковой дивизии. – А.С.). В течение зимнего периода 1936/1937 гг. имеющийся переменный состав был изучен командованием дивизии, и общий вывод оказался неутешителен: «дивизия совершенно не имеет подготовленного переменного рядового и младшего командного состава по специальностям конной службы» и «этот переменный состав старших возрастов требует продолжительной с ним работы» [17].

Далее в контрольном листе, датированном 16 ноября 1937 г., красной нитью проводится мысль о пагубности территориального принципа комплектования кавалерийских частей: «Подготовить специалистов-конников из старших возрастов переменного состава в течение одного 50-дневного сбора текущего года совершенно невозможно», «за минувший лагерный сбор казачьи полки немного улучшили положение с подготовкой специалистов конной службы». В сложившейся ситуации о высоком уровне боеготовности говорить не приходилось, поскольку «дивизия в течение одного лагерного периода текущего года должна была быть совершенно подготовлена во всех отношениях, так как она уже в этом году включена в схему развертывания и план отправления по сосредоточению как кавалерийская», но за один лагерный период этого сделать, увы, не получалось. «Кроме того, распоряжением быв. [шего] командующего войсками [СКВО,] Командарма 2-го ранга тов. ТИМОШЕНКО в августе с.г. [1937 г.] прекращено строительство конюшен. Лошади находятся в совершенно неудовлетворительных условиях» [18]. Командарм 2-го ранга Семен Константинович Тимошенко командовал войсками СКВО очень короткий период, с июня по сентябрь 1937 г. Почему так невзлюбил будущий Маршал Советского Союза кавалеристов, нам не понятно.

Командный и начальствующий состав 13-й Донской территориальной казачьей дивизии на 10 декабря 1937 г. включал: командир дивизии полковник Хоруженко Никифор Гордеевич (член партии); военный комиссар (помполит: помощник командира по политической части), полковой комиссар Колесников Дмитрий Е. (член партии); помощник командира дивизии (пом. комдива) полковник Гайдуков Вениамин Андреевич (кандидат в члены партии); начальник штаба дивизии полковник Голубев Всеволод Михайлович (беспартийный) [19].

Таким образом, смена тактического курса по отношению к казачеству, произведенная советским правительством во второй половине 1930-х годов, развернутая партией большевиков кампания «за советское казачество» представляли собой, конечно же, вынужденную меру. С одной стороны, не оправдались расчеты большевиков на постепенное растворение казачьих сообществ в однородной и безликой массе колхозного крестьянства. Ведь почетный казак терской станицы Горячеводской, генеральный секретарь РКП(б) И.В. Сталин еще в 1925 г. клялся «служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны», а вовсе не способствовать поддержке казачества [20]. Эти большевистские расчеты основывались на признании казачества всего лишь сословием, а не субэтносом, что может считаться верно лишь отчасти; соответственно, если сословные характеристики казачьих сообществ возможно устранить в относительно короткий срок (что и было сделано), то особенности их культуры, быта, менталитета оказались гораздо более устойчивы к разного рода деструктивным воздействиям. С другой стороны, в условиях всё обострявшегося международного положения сталинский режим решил обратить на благо себе (и Советскому Союзу) сам факт сохранения казаков как особой субэтнической и культурной группы в коллективизированной деревне. Тем самым кампания «за советское казачество», вне всякого сомнения, обусловлена объективными (сохранение казачества в составе колхозного крестьянства) и субъективными (расчеты и намерения сталинского режима) факторами. Однако она не вышла за рамки типичного социального эксперимента, широко не затрагивала этнокультурных и социокультурных аспектов, как это происходит в результате современного возрождения казачества. Сердцевиной кампании «за советское казачество» стали военно-мобилизационные практики.

Развернув кампанию «за советское казачество», партийно-советские структуры приложили все усилия к тому, чтобы с максимальной эффективностью использовать экономический и военно-патриотический потенциал казачества, в том числе казаков верховьев Дона, для укреплё-

ния колхозной системы и повышения обороноспособности страны [21]. И если организационно-хозяйственное укрепление колхозной системы в силу ее внутренних характеристик, не зависящих от казаков, продвигалось медленными темпами, то роль казачьих сообществ Дона в деле укрепления Красной армии оказалась достаточно велика.

Казачьи сообщества Дона, к середине 1930-х гг. в подавляющем большинстве ставшие колхозными, в целом активно и доброжелательно откликнулись на кампанию «за советское казачество». Казаки проявили готовность защищать советскую родину, что они и доказали в годы Великой Отечественной войны. В то же время немало представителей казачьих сообществ Дона, чувствуя недоверие большевиков и не желая забыть причиненные сталинским режимом обиды, остались верны антисоветским (и антиколхозным) настроениям [22]. Однако это не помешало основной массе донского казачества достичь единства перед лицом общенациональной угрозы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 31899. Оп. 10. Д. 106. Л. 36.
2. РГВА. Ф. 40479. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
3. Рябышев Д.И. Выросли мы в пламени. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1979.
4. РГВА. Ф. 31899. Оп. 10. Д. 106. Л. 116.
5. Вестник ЦИК, СНК и СТО Союза ССР. 1923. № 4, ст. 85.
6. Казачество. Энциклопедия / Редкол.: А.П. Федотов (гл. ред.) и др. М., 2008. С. 169–170.
7. РГВА. Ф. 31899. Оп. 10. Д. 106. Л. 121–124.
8. РГВА. Ф. 40478. Оп. 1. Д. 1. Л. 106, 107.
9. Там же. Л. 167.
10. Там же. Л. 175об.
11. Там же. Л. 102об.
12. Там же. Л. 103.
13. Там же. Л. 133.
14. В 1937–1957 гг. Кагановичский район существовал в Сталинградской обл., а ныне – это Суrowsикинский район Волгоградской обл. В данном случае речь идет, очевидно, о Кагановическом районе Сталинградской обл., куда входил и Нижне-Чирской район.
15. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 574. Л. 43.
16. Там же. Л. 101.
17. Там же. Л. 127.

18. Там же. Л. 128.

19. РГВА. Ф. 40479. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

20. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казак станицы Горячеводской // Родина. 2010. № 3. С. 113–115.

21. Скорик А.П. К истории одной политической кампании в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 93.

22. Скорик А.П. Кампания «за советское казачество» на Юге России: ретроспективный анализ экспектаций // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 1 (23). С. 7–9.

Н.А. Гаража, Е.М. Малышева

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЭПИЦЕНТРЕ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЕРМАНИИ И СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война потребовала колоссального напряжения материальных и физических сил государств и народов, но также явилась самым серьезным испытанием для ценностных ориентиров и смыслов воюющих сторон. Развитие пропагандистского инструментария, усложнение методов и каналов ретрансляции информации, расширение и специализация целевой аудитории наравне с достижениями, связанными с тактикой и стратегией ведения войны, модернизацией технического обеспечения ведения боя, превратили войну во всеобъемлющее, тотальное столкновение. Пропаганда действительно была одним из важнейших инструментов ведения войны и без учета ее трудно понять причины часто экстраординарных, неподдающихся рациональному осмыслению поступков людей.

В пропагандистской деятельности национал-социалистов очевидно существование определенной системы, согласно которой идеологическая обработка собственного народа и врага осуществлялась в строгой взаимосвязи с военными действиями. Прежде всего выбирался адресат, цель будущего воздействия, затем осуществлялась предварительная пропагандистская подготовка немецкого населения, нацеленная в большей мере на поверхностное объяснение причин недовольства данным объектом и главным образом на воспитание ненависти к «выбранному» врагу.

Уже после применения военной силы, утяжеленной фактором внезапности, пропаганда велась и среди жителей оккупированных областей, обусловленная необходимостью усыпления бдительности покоренных народов и стремлением внести раскол в сопротивление противника [1].

Подготовка к проведению подрывной пропагандистской деятельности на территории Советского Союза охватывала следующие области: создание особого аппарата воинских частей для ведения агитации среди войск и населения противника; определение основных направлений, по которым должны были идти идеологические диверсии; обучение агенты; вербовка предателей [2].

На Кубани нацистами активно использовались провокации и идеологические диверсии, которые не отличались тонкой изобретательностью, наоборот, были вызывающе грубы и невежественны. Так, после одного из боев с Ярославским партизанским отрядом Майкопского соединения немцы подобрали несколько трупов солдат, обезобразили их и возили по станице, демонстрируя зверства партизан. В другой раз около станицы Кужорской фашисты повесили пленного красноармейца, затем спустя некоторое время сняли труп, похоронили с почестями и на могиле сделали надпись: «Замучен партизанами» [3]. Или, например, 25 и 26 апреля 1943 г. во время пасхальной службы обстреляли городские церкви Новороссийска, сообщив по радио и в печати, что этот варварский акт якобы совершен советскими частями. При этом советская пропаганда старалась реагировать по каждому подобному инциденту. Так и в этом случае немедленно партизанами была расклеена листовка «К гражданскому населению города Новороссийска», разоблачавшая провокацию нацистов [4].

Ключевую роль в нацистской пропаганде как на оккупированной территории СССР, так и на фронте играли печатные материалы: листовки, газеты, воззвания, объявления, приказы. В Краснодаре выходила газета «Кубанец», в редакционный состав которой вошли некоторые преподаватели Краснодарского педагогического института. В Майкопе оккупационными властями издавалась газета «Майкопская жизнь», в Армавире – «Вестник Кубани», в Тихорецке – «Возрождение Кубани».

Вместе с тем оккупационная политика на Северном Кавказе и в казачьих областях Дона, Кубани и Терека была менее жесткой, чем на Украине или в Белоруссии. На Кавказе в лексикон оккупационных властей вводились такие понятия, как «свобода, независимость и совместная работа», запрещались деревенские старосты, бургомистры не назначались, а избирались (хотя и формально). Но когда в начале 1943 г. немецким войскам пришлось оставить Кавказ, то ими проводилась та же самая

практика выжженной земли, что и на других участках советско-германского фронта [5].

Гитлеровцы большие надежды возлагали на казачье население, рассчитывая обрести в его лице ощутимую оппозицию советской власти. На Северный Кавказ для агитации среди казачества были доставлены белогвардейские генералы П. Краснов и А. Шкуро, которые убеждали казаков вступать в специальные части для борьбы на стороне вермахта. При первой встрече генерала Клейста и полковника Г. фон Паннвица, прибывшего в Ставрополь для формирования 1-й казачьей кавалерийской дивизии, генерал прямо сказал, что «заклинает импровизировать в пропаганде» [6]. Скорее всего, это должно было трактоваться как санкционирование применения максимума средств для привлечения казаков на сторону немцев.

Одной из версий некоторой лояльности к казачеству выступает утверждение, что это было исключение, допущенное Гитлером, после того как ему доложили о казаках как отдельной нации и даже потомках остготов [7]. Все призывы, обещания и гарантии нацистов в отношении казаков основой своей имели следующий тезис: «...всем казакам, принявшим участие в борьбе за освобождение родного края с оружием в руках, германское правительство гарантирует уничтожение колхозов и полное восстановление казаков во всех правах на хозяйство и земельные наделы» [8]. Таким образом, рассматривая казаков как убежденных борцов с большевизмом и возможной военной опорой оккупационного режима, в некоторых областях юга РСФСР существовали серьезные послабления от принудительной отправки в Германию на работу. Например, в Ростовской области уже при переписи казаков вносили в отдельную категорию, которая не подлежала депортации на территорию рейха [9].

В устной и письменной агитации нацисты использовали обиды на советскую власть за репрессии, взывали к исторической памяти воинского сословия России. «Где Вы, почетные, убеленные сединой, разумные старики Кубани, создатели хуторов, станиц и городов, носители Кубанской войсковой славы и почестей! – говорилось в воззвании городского головы Майкопа Н.В. Палибина, – ...не сломлены могучие казачьи натуры с железной волей, любовью к свободе, уцелели еще эти люди» [10]. Оккупационные газеты трубили: «...Германская армия освободила Кубань от жидо-коммунистического гнета, для нашего казачества взошла яркая заря возрождения» [11].

На подавляющее большинство казаков эти слова не производили ожидаемого впечатления, так как противоречили очевидным массо-

вым убийствам нацистами мирных жителей Кубани [12]. Но представляется более очевидным, что казаки не способны были предать Родину, которая для них намного больше и дороже, чем просто государство или политические элиты. Имела свою позитивную действенность и активизация архетипа соборности в советской пропаганде с началом войны. Общество-монолит, сплоченное ради достижения общезначимой цели, избавившееся от социальных конфликтов и напряженности, – идеал правящей партии. Политической консолидации общества и укреплению дружбы народов СССР советское государство уделяло самое пристальное внимание. В период Великой Отечественной войны получили распространение листовки, в которых говорилось о счастливой доверенной судьбе и героической смерти от рук нацистов советских граждан различных национальностей. Прежде всего они были нацелены на демонстрацию героизма бойцов многонационального Советского Союза и, следовательно, дружбу и единство в борьбе с фашизмом советских народов. В листовках, обращенных к казакам, отражалось смягчение власти к субэтносу, признание его права на существование в рамках многонационального государства.

После освобождения Краснодарского края от фашистов советская пропаганда возобновила свою активность в регионе, корректируя свои цели, задачи и инструментарий. Необходимо было учитывать и горе, причиненное оккупантами кубанцам, и массированное воздействие на них мощной вражеской агитации. Советской власти надо было доказать не только лояльное ее отношение к казачеству, но и признать его право на существование в рамках советского общества, его заслугу в сражении с фашизмом, показать всеобщее уважение к казачьим традициям и культуре. Изменения и переориентация в пропаганде происходили иногда столь стремительно, что не всегда на местах следовала должная реакция. Поэтому обвинения местных органов власти в «неправильных оценках» и «беззубости» вскрывали часто нестабильность идеологических позиций в отношении казачества.

Центральная и краснодарская региональная печать, особенно после завершения оккупации Кубани, уделяли много внимания освещению всех сторон жизни казачества, его истории, обычаев, его неприятию фашизма, труду и вооруженной борьбе во имя победы. Краснодарские газеты писали: «Лютой ненавистью к фашистским поработителям, нестигаемой стойкостью в бою, дерзновенной отвагой наводят казаки ужас на врага. Наступает ли казак, обороняется ли – он не дает спуска врагу. Так велик гнев казака, таковы традиции» [13]. В течение лета – осени 1943 г. газета «Большевик» публиковала материалы о подвигах казаков-гвар-

дейцев, сопровождая публикации фотографиями воинов [14]. В этой же газете была даже напечатана песня «Кубанская гвардейская» с текстом и нотами (при изучении прессы периода Великой Отечественной войны подобное мы обнаружили единственный раз) [15].

Воскрешение казачьих традиций, обычаев, особой культуры происходило не спонтанно, а вполне осознанно и находилось под контролем власти. Одним из подтверждений этому служит письмо казаков-гвардейцев VIII сессии Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся. «В создании боевых заслуг казачьего корпуса перед Родиной, – говорилось в письме, – громадную роль сыграли наши партийные организации, которые были душой казаков и командиров» [16].

Но поиски «врагов народа», предателей в казачьей среде, тем не менее, продолжались. Часто искусственно подгонялись под образ врага простые люди, неосторожные в своих публичных высказываниях. Например, в отчете командированного в Упорненский район Краснодарского края члена лекторской группы крайкома ВКП(б) Попова приводились подробные данные об агитации «вражеских элементов». При этом власть не гнушалась вторгаться даже в самые трагические моменты в жизни людей. Попов рассказывает о том, как на помини убитого на фронте сына к старушке собралось двадцать старух. Среди них «выступал старичок – бывший офицер царской армии, а затем раскулаченный и стал говорить о конце существования мира, а затем перешел к тому, что вот хлебец-то убирать вы должны, а кушать его вам не придется, за вас другие скушают» [17].

События на фронте и в тылу, оккупация регионов СССР в период Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием на прочность духа и оружия, в том числе поражающего словом, проникающего в сознание человека. Обе противоборствующие стороны были искушенными в пропагандистской методологии, но победа восторжествовала на стороне справедливости и человечности. Для казачества это время связано с отстаиванием своей идентичности, проверкой силы духа и приверженности традициям.

Примечания

1. Ветте В. Психологическая мобилизация немецкого населения. 1933–1939 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 168.
2. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 316.
3. Иванов Г.П. В тылу прифронтовом. М., 1971. С. 43.
4. Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар, 1967. С. 238.

5. Князьков А.С. Оккупационный режим. Партизанское движение // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 269–270.
6. Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken. Göttingen, 1963. S. 43.
7. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М., 2000. С. 394.
8. Вестник Кубани. 1943. 10 января.
9. Кринко Е.Ф. В составе вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2013. № 4 (54). С. 261.
10. Национальный архив Республики Адыгея. Коллекция документов (август 1942 – январь 1943 гг.) Д. 1. Л. 13.
11. Майкопская жизнь. 1942. 18 октября.
12. Жительница города Краснодара Ганжа Варвара Васильевна, рассказывая о пережитом в период оккупации Краснодара, неоднократно подчеркнула, что убийства горожан были основным делом фашистов. (Личный архив автора).
13. Большевик. 1943. 19 мая.
14. Всего вышло 9 подобных статей. (Большевик. 1943. 23, 30 июня, 7, 17, 31 июля; 11, 22 августа; 8, 25 сентября).
15. Большевик. 1943. 27 июня.
16. Большевик. 1943. 19 июня; аналогичное письмо: Адыгейская правда. 1943. 11 ноября.
17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1214. Л. 14–15.

О.С. Савельева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АРМЯН-МИГРАНТОВ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (конец XX – начало XXI в.)

В многовековой истории армянского народа было немало трагических страниц, связанных с войнами, истреблениями, насильственным переселением. Не стал исключением и XX век, который начался с массовой резни в Османской Турции и закончился масштабными миграциями, связанными с распадом СССР и постсоветским экономическим кризисом.

Одним из крупнейших средоточий армянского населения за пределами материнского ареала на протяжении двух последних веков является

Юг России, в том числе территория Донского края. Армянская община появляется на Дону в конце XVIII в. Около 10 тыс. армян было переселено в 1778–1779 гг. из Крыма на Нижнее Подонье. И с этого времени они являлись одной из крупнейших по численности национальных групп местного населения вслед за русскими и украинцами [1].

В советский период донская община росла преимущественно за счет собственного естественного прироста. За период 1959–1989 гг. численность армян в Ростовской области выросла с 49,3 тыс. до 62,6 тыс. человек. Положение меняется на рубеже 1990-х гг., когда вслед за резким обострением межнациональных отношений в республиках Закавказья начинается быстрый отток армянского населения в Россию, и прежде всего в пределы южного макрорегиона. За период 1989–2002 гг. армянская диаспора в Ростовской области вырастает до 110 тыс. человек [2].

Основными направлениями армянской миграции в постсоветский период стали крупнейшие города области (Ростов, Новочеркасск, Шахты), обладавшие наиболее широким рынком труда, значительными возможностями для деятельности в сфере торговли, посредничества и услуг. При этом наличие в области собственного административного «этнического» административного образования (Мясниковский район) способствовало ускоренному росту и сельской компоненты областной диаспоры [3].

Одной из центральных проблем, связанных со столь значительным миграционным пополнением, становится социально-экономическая адаптация новых переселенцев, представляющая собой комплексный процесс приспособления к иным условиям существования, формирования фактически нового образа жизни. При этом данный процесс существенно усложняется «взаимопритиркой» старожильческих групп диаспоры и нового постсоветского ее пополнения.

Изучение опыта интеграции мигрантов в новую для них социокультурную среду позволяет выявить уровень эффективности используемых ими адаптационных стратегий. Анализ данных стратегий позволяет сделать вывод о том, что отличительной особенностью армянского населения в Ростовской области (как и в целом Юга России) является высокий по сравнению с другими этническими группами уровень включенности в местное социально-политическое, экономическое и социокультурное пространство. Практически не обнаруживается ни одной крупной социальной сферы жизнедеятельности областного социума, ни одной статусной социально-профессиональной группы, в которой бы присутствие и влияние армян в настоящее время не было ощутимым (и при этом не продолжало бы постепенно увеличиваться). Традиционно высок удельный вес армян в бизнесе, науке, культуре и искусстве, в сферах обра-

зования и здравоохранения, в органах муниципальной и региональной власти [4].

Активная экономическая деятельность представителей диаспоры в сочетании с высокой адаптированностью к рыночным условиям способствовали повышенному, в сравнении с коренным большинством, материальному достатку армянского населения. Не последнюю роль играл тот факт, что немалую часть постсоветской миграции составили выходцы из крупнейших социокультурных центров Закавказья, в том числе Баку, Тбилиси, Еревана – образованное, урбанизированное население с хорошим знанием русского языка [5].

Вместе с тем в социально-профессиональном плане городское армянское население области демонстрирует традиционно повышенную ориентацию на сферу торговли. Согласно переписи 2002 г., в торговле занято 8,3 % армянского населения региона, что примерно в два раза выше аналогичного показателя русского населения (табл. 1). В остальных сферах занятости доли русского и армянского населения практически одинаковы, за исключением промышленности, где наблюдается меньшая доля армян (табл. 2).

Таблица 1

Социально-профессиональная структура русских и армян в Ростовской области, 2002 г. (в % к каждой этногруппе) [6]

Сфера занятости	Армяне	Русские
ЖКХ	2	1,9
Здравоохранение и социальное обеспечение	2,4	2,9
Культура и искусство	0,4	0,5
Лесное хозяйство	0	0,1
Наука и научное обслуживание	0,1	0,2
Образование	2,5	3,4
Общественное питание	1,1	0,7
Оптовая и розничная торговля	8,3	5
Промышленность	4,7	8,9
Связь	0,4	0,7
Сельское хозяйство	3,1	3,8
Строительство	3,8	2,7
Транспорт	2,8	2,9
Управление	1,2	2,1
Финансы, кредит, страхование	0,3	0,5

Таблица 2

Работающие по найму и не по найму среди русских и армян в Ростовской области, 2010 г. (в % к каждой этногруппе) [7]

Этногруппа	Работающие не по найму	Работающие по найму
Русские	3,0	43,6
Армяне	8,3	35,9

При этом обнаруживается, что торговля, с которой начинается профессиональная деятельность немалой части постсоветских переселенцев, зачастую является вынужденной моделью адаптации – жизненной стратегией только для первого поколения мигрантов. Как отмечает Г.С. Денисова, уже после первого пятилетия жизни на новом месте в качестве наиболее важной определяется задача «хорошего» образования для детей. И второе поколение мигрантов включается во взрослую жизнь уже с куда более высокой стартовой позиции, при этом ставя перед собой куда более высокие цели, чем были «на входе» в принимающий социум у их родителей [8].

Так, по результатам социологического опроса 2011 г., наиболее привлекательными сферами деятельности для армян Ростовской области являются сфера науки и образования (73,1 %), торговля (28,4 %), государственная служба, политика (26,9 %) и финансовый сектор (20,9 %) [9]. То есть, помимо постепенно задвигаемой на второй план традиционной ориентации представителей общины на торговлю, современные армяне Ростовской области всё отчетливей ориентируются на статусные социально-профессиональные сообщества.

Данный вывод подтверждается тем фактом, что в настоящее время доля имеющих высшее образование среди армянского и русского населения области практически совпадает, а удельный вес людей с научной степенью среди местных армян даже выше, что указывает на высокий уровень конкурентоспособности представителей диаспоры и ее значительный социально-профессиональный ресурс (табл. 3).

Таблица 3

Наличие высшего и послевузовского образования у русских и армян в Ростовской области, 2010 г. (в % к каждой этногруппе) [10]

Этногруппа	Доля людей с высшим образованием	Доля людей с научной степенью
Русские	19,1	0,4
Армяне	17,8	0,46

При этом распределение данного ресурса внутри различных групп и страт областной армянской общины является достаточно неравномерным. В самом общем виде в структуре диаспоры можно выделить ядро и периферию. Очевидно то, что основной экономический и социальный (статусный) потенциал принадлежит представителям старожильческих групп, притом что они включают значительную часть в разной степени обрусевшего населения, в том числе армян со сложной, многослойной этнокультурной самоидентификацией.

Но данное соотношение не является константой. Особенно с учетом наличия среди новых переселенцев заметной доли бывшего «столично-го» населения Закавказья, сумевшего за 10–20 лет жизни в области плотно укорениться в основных сферах жизни областного социума и заметно потеснить старожилов. Тем самым соотношение социально-экономического (и в целом статусного) потенциала различных составных групп донской армянской общины в середине 2010-х гг. выглядит иначе, чем в первое постсоветское десятилетие.

Итак, в начале XXI в. наблюдается расширение и поступательная трансформация исходной социально-профессиональной структуры армянских переселенцев постсоветской миграционной волны. Торгово-посреднической уклон, характерный для них в первые годы жизни на Юге России, начинает размываться вслед за освоением молодым поколением мигрантов новых социальных и производственных ниш. При этом обнаруживается неуклонный рост присутствия представителей общины (как из старожильческой ее части, так и из групп постсоветских переселенцев) во многих социально-профессиональных сообществах Ростовской области, что является показателем высокого уровня интеграции диаспоры в жизнедеятельность регионального социума.

Примечания

1. Суций С.Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов н/Д, 2015. С. 80–83.

2. Суций С.Я., Тумакова Ж.А., Иванов А.В., Андросова С.В. Динамика крупнейших региональных диаспор как индикатор этнодемографической эволюции населения Ростовской области // Инженерный вестник Дона. №3 (2014). URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/p3у2014/2595> (дата обращения: 06.07.2017).

3. Суций С.Я. Этнодемографические процессы и социальная конфликтность на Юге России (конец XX – начало XXI вв.). Ростов н/Д, 2010. С. 111.

4. Суций С.Я. Армяне Юга России и Крыма... С. 5–7.

5. Арутюнян Ю.В. Армяне-россияне (по материалам этносоциологического исследования) // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: мат-лы Всерос. научн. конф. (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 22–27.

6. Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 29.07.2016).

7. Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.08.2016).

8. Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д, 2007. С. 138.

9. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / отв. редактор Ю.Г. Волков. М., 2011. С. 117.

10. Всероссийская перепись населения 2010 г.

О.Ю. Патракеева

СТРОИТЕЛЬСТВО КЕРЧЕНСКОГО МОСТА КАК КРИТИЧЕСКИ НЕОБХОДИМЫЙ ИНФРА- СТРУКТУРНЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ¹

Проект строительства Керченского моста привлекает к себе повышенное внимание в связи с его высокой общественной и политической значимостью [1]. В случае реализации проекта Крымский полуостров получит железнодорожную и автомобильную дороги, которые напрямую соединят его с материковой Россией, а также дополнительные рабочие места как для строительства (45 тыс. человек), так и для дальнейшего обслуживания. Кроме того, мостовой переход сократит путь из Херсона в Новороссийск на 450 км, станет важнейшим звеном кольцевого транспортного коридора вокруг Чёрного моря. Важно отметить, что строительство моста планируется совместить с прокладкой электрокабелей, водопровода и газовой трубы. Таким образом, между полуостровом Крым и Кубанью будут проведены все необходимые коммуникации.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента, номер Гранта МК-218.2017.6 «Формирование информационно-аналитического инструментария для многокритериальной оценки влияния крупномасштабных инфраструктурных проектов на развитие региональной системы (на примере строительства моста через Керченский пролив)».

Предполагается, что транспортный переход Керчь – Кубань будет способен обеспечить перемещение через пролив до 10 млн человек в год, а также будет эксплуатироваться для транспортировки сжиженного газа в железнодорожных и автомобильных цистернах [2].

Мост через Керченский пролив станет надежной транспортной артерией юга страны и одним из значимых факторов развития южного макрорегиона ввиду синергетического эффекта от обмена транспортными потоками между республикой Крым и материковой Россией. Значимые факторы такого синергетического эффекта – снижение транспортных издержек в рамках программ развития республики Крым и его туристической сферы, с одной стороны, и интенсификация базовых отраслей Краснодарского края (сельское хозяйство, промышленность строительных материалов, торговля) – с другой [3]. Соответственно, будучи ориентированным на развитие Республики Крым, проект Керченского моста может стать катализатором специализации Краснодарского края и южного макрорегиона в целом. Развитие данных кросс-региональных эффектов, в том числе на уровне прилежащих районов, представляется достаточно перспективной задачей по мере появления соответствующей статистики.

На побережье Керченского пролива расположены действующие наиболее крупные портовые комплексы: Керченский морской торговый порт, Керченский морской рыбный порт, порты Крым, Камыш-Бурун, Кавказ. Весной 2014 г. руководством Крыма было принято решение об объединении ряда гаваней полуострова в ГУП РК «Крымские морские порты» (Керченский торговый и рыбный порты, Феодосийский, Ялтинский и Евпаторийский торговые порты, Керченская паромная переправа) [4].

В 1980–1990-х гг. грузопоток Керченского морского торгового порта формировался за счет промышленного оборудования, стройматериалов, продукции сельскохозяйственного производства и др., а затем направлялся в Турцию, Грецию, Сирию, Ливан, Италию, на Кипр. В начале 2000-х гг. грузопоток сыпучих грузов увеличился с 650 до 2300 тыс. тонн. Кроме того, в те же годы морскими торговыми партнерами России и Украины являлись Индия, США, Алжир, Египет. Грузооборот превышал 550 млн тонн, 10 млн тонн которого приходилось на нефтепродукты [5].

Объем перевалки грузов за последние годы значительно сократился: если в 2012 г. он составлял 8,5 млн тонн, то в 2014 г. – до 2 млн тонн. Отрицательное влияние оказали международные санкции в отношении Крыма (полное прекращение захода иностранных судов в гавани), сокращение объемов украинских грузов более чем в два раза. По мнению участников транспортного рынка, говорить о масштабном развитии крымских портов Крыма как экспортных преждевременно, однако уже

в настоящее время следует выстраивать отношения с перспективными партнерами – Турцией, азиатскими странами.

Морские грузовые перевозки в Крым осуществляются по трем основным маршрутам: порт Кавказ – Керченский морской рыбный порт, порт Новороссийск – порт Севастополь, а также порт Новороссийск – Керченский торговый порт. Естественно, самым привлекательным маршрутом является первый, где расстояние между портами составляет около 5 км.

В настоящее время прямое сообщение между материковой частью России и полуостровом осуществляет паромная переправа между портами Крым и Кавказ (ее средняя пропускная способность составляет 100 автомобилей в час при потребности в 2000 автомобилей). Посредством переправы перевозится до 1,5 млн тонн грузов (при пропускной способности 2,5 млн тонн грузов в год) и 0,5 млн пассажиров в год. Основным продуктом, создающим минимальный транспортный грузопоток при наличии транспортного перехода через Керченский пролив, является нефть – из России и Казахстана – в объеме 30 млн тонн в год. Резервными продуктами для перевозок являются металл Запорожья, Кривого Рога, строительные материалы, уголь, удобрения, сельхозпродукция. Невысокая пропускная способность переправы привела к уменьшению пассажиропотока и сворачиванию экономических связей территории [6].

Модернизация транспортной инфраструктуры необходима со стороны материковой части России. Так, предполагаются следующие меры:

- увеличение перевалочной способности порта Кавказ с 7 до 15–20 млн тонн;
- развитие инфраструктуры порта Новороссийск – крупнейшего порта Азово-Черноморского бассейна, увеличение его грузовой базы до 17 млн тонн;
- развитие портовой инфраструктуры на мысе Железный Рог, включение в работу двух контейнерных перегрузочных комплексов, терминала минеральных удобрений и серы, терминала перевалки железной руды и железорудных концентратов, комплексов по перегрузке зерна, стали, угля;
- строительство железнодорожной и автомобильной дорог для соединения запроектированных объектов с транспортным переходом.

Повышенное внимание к развитию транспортной инфраструктуры в южном макрорегионе объясняется его геополитическим, экономическим, стратегическим значением в масштабах всей страны [7]. Успешная реализация крупномасштабных транспортных проектов влияет на устойчивое обеспечение внешнеторговых связей Российской Федерации. Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г., одним из приоритетных проектов является «проектирование моста через Керченский пролив». Данный инфраструктурный проект

имеет решающее значение и для развития Республики Крым, его реализация является необходимым условием интеграции полуострова в социально-экономическое пространство России.

Актуальной проблемой является налаживание поставок с материка в период праздников и в сложных климатических условиях. Кроме того, цены на поставляемые с материка товары в Крыму могут увеличиваться в 1,5–2 раза, в основном за счет транспортных издержек. Функционирование Керченского моста позволит как снизить транспортные издержки поставщиков, так и расширить доступ к рынкам сбыта продукции как для Краснодарского края, так и для полуострова.

Соответственно, необходимо привлечение инвестиций в инфраструктурные проекты, направленные на строительство транспортных развязок, улучшение качества железнодорожных и автомобильных перевозок, модернизацию морских портов. В свою очередь, данные проекты «генерируют» сопутствующие эффекты на другие секторы экономики (торговля, строительство, машиностроение, агропромышленный комплекс).

Примечания

1. Фащук Д.Я., Петренко О.А. Керченский пролив – важнейшая транспортная артерия и рыбопромысловый район Азово-Черноморского бассейна // Юг России: экология, развитие. 2008. № 1. С. 15–22.

2. Сулейманов Э.С., Абдулгазис А.У. Пропускная способность перспективных вариантов транспортного перехода через Керченский пролив // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2013. Вып. 40. Технические науки. С. 5–10.

3. Адашова Т.А. Ретроспективный анализ транспортной инфраструктуры Крыма в контексте преодоления текущего экономического кризиса // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 1. С. 129–142.

4. Суконкина Ю. Закрытая гавань. Грузооборот портов Крыма катастрофически падает, а тарифы отпугивают клиентов // Российская газета. 6719 (0). 2015. URL: <http://m.rg.ru/2015/07/09/reg-kfo/port.html> (дата обращения: 11.02.2017).

5. Камышова Ю.И. Перспективы развития транспортных подсистем южного региона и Крымского полуострова России // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 4. С. 35–38.

6. Новиков Р.В. Керченский мост как приоритетный инфраструктурный проект транспортной системы России // Транспорт Российской Федерации. 2014. № 5. С. 13–16.

7. Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов н/Д, 2014. С. 160.

РАЗДЕЛ 4. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТряСЕНИЙ

Т.С. Садыков

РЕВОЛЮЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В историографии не раз обращалось внимание на причины Российской революции 1917 г. И всё же они представляются слабо изученными и искаженными политической и идеологической конъюнктурой. В настоящее время произошел своеобразный откат назад в изучении объективных причин и предпосылок революции. По словам известного историка В.П. Булдакова, «о закономерностях революционного процесса, похоже, никто не задумывается. Визуализация прошлого с помощью современных mass media приводит к тому, что даже в академических работах всё больше доминирует дискурс гениев и злодеев с соответствующей ротацией последних» [1]. С другой стороны, многие воспринимают революцию слишком прямолинейно, как способ перехода от традиции к модерну.

Прежде всего, необходимо отметить, что революция представляет собой острый социальный катаклизм, и ее возникновение обусловлено определенными причинами и предпосылками. В зарубежной историографии Российская революция не раз рассматривалась как своеобразное отклонение от нормы. Между тем революция всегда преобразует общество, создавая новую социальную систему. Однако для перехода к новому социальному строю и новому типу общественных отношений требуется достаточно длительное время. У казахов есть поговорка «Елу жылда ел жаңа» – за пятьдесят лет меняется общество.

Существуют различного типа революции – промышленная и научно-техническая, буржуазная, буржуазно-демократическая, социалистическая, национальная, религиозная, культурная и др. В последние два десятилетия, особенно после арабской весны 2011 г., получили широкое распространение представления о революциях нового типа, которые совершаются вследствие манипуляций массовым сознанием при помощи современных технологий. Этому способствует появление бесплатного и доступного интернета, массовое развитие средств мобильной связи как средства вмешательства

во внутренние дела государства. Очередной рост технологий бросает вызов общественному развитию. Ответом на него должно стать дальнейшее становление гражданского общества, формирование новых гражданских структур и их контроль над принятием и реализацией решений [2].

Революции имеют разнообразный характер в зависимости от используемых средств, длительности и своих результатов. Они могут быть мирными, как в Тунисе, кровопролитными, как в Ливии, а могут перейти в стадию затянувшейся гражданской войны, как в Сирии. Очевидно, что конфликты и противоречия современного мира в обозримом будущем приобретут новое качество в силу того, что в них будут задействованы новые социальные и информационные технологии. Демографический «перегрев», нарастание противоречий между богатыми и бедными приводит к вспышкам новых войн и революционному терроризму [3]. Революции происходят еще и потому, что власть предрасполагает считать ту или иную страну не готовой к демократии. Например, расстрел молодежи на площади Тяньаньмэнь во время начала китайской экономической «перестройки» наследниками Дэн Сяо Пина вызвал волну потрясений в Китае [4].

XX в. был полон политических, социальных и экономических экспериментов. Некоторые из них были чудовищными, другие – несостоятельными, но встречались и удачные (Сингапур, Малайзия, Финляндия). Социальные достижения Советского Союза поражают, но они сочетались с незащищенностью личности перед тоталитарной системой. В советских людях сочетались, казалось бы, несовместимые понятия: наивность и образованность, культурная эрудиция и политический дилетантизм, вера в высокие идеалы и бытовое невежество, интернационализм и национальные предрассудки. Массовое сознание в бывших советских республиках унаследовало стремление к глобализму, сводящему на нет индивидуальные особенности личности.

На наших глазах мир продолжает интенсивно меняться. Начинается новый исторический цикл. Принципиально важно сейчас занять место в передовой группе, но это невозможно при сохранении прежней модели развития, традиционного общественного сознания.

Поэтому требуется изменить самих себя, адаптироваться к меняющимся условиям, чтобы взять лучшее из того, что несет в себе новая эпоха и постараться предотвратить негативные последствия перемен. На повестке дня у всех постсоветских государств, в том числе и Казахстана, стоит вопрос о необходимости проведения эффективных политических и экономических реформ [5]. Одна из причин инертности и пробуксовки проводимых на постсоветском пространстве преобразований – отставание общественного сознания от быстро меняющейся реальности.

К сожалению, опыт истории свидетельствует, что нередко народы и нации поддавались воздействию несбыточных идеологий. XX в. стал временем подъема, расцвета, а затем заката трех главных идеологий: коммунизма, фашизма и либерализма. И вместе с ними крах пережил целый ряд государств, которые стремились воплотить в своей политике идеологические представления, что вызвало их конфликт с традиционными ценностями. Многие проблемы возникают из-за того, что большой глобальный мир стремительно меняется, а массовое сознание остается в «домашних рамках» [6].

Для современного периода в истории характерно решительное снижение духовности и интеллекта. Любые, даже самые талантливые идеи могут приводить к негативным результатам. Идеи К. Маркса привели к большевистской диктатуре и массовым политическим репрессиям, идеи Ф. Ницше породили фашизм, А. Эйнштейна – ядерное оружие, А. ди Пайвы – телевизионную манипуляцию сознанием. Необходим поворот к культуре и гуманизму, к высокой духовности, позволяющий достичь самосовершенствования и принятия мира других как иной ценности. Усвоение новых ценностей массовым сознанием – залог успешной модернизации общества.

Примечания

1. Булдаков В.П. 1917 год: лица, личины и лики революции // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 6–20.
2. Бисенгалиев А. Важны ли цвета революций // Мысль. 2017. № 5. С. 20–23.
3. Ковалев В.А. «Лишние» люди – новые «расколы»: основа конфликтов в современном мире // Россия и современный мир. 2016. № 3. С. 76–87.
4. Сахаров А.Н. Растоптанный февраль (воспоминания) // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 92–105.
5. Куттыкадам С. Служение нации: 10 мировых примеров управления государством. Алматы, 2017.
6. Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // Мысль. 2017. № 5. С. 2–9.

М.М. Кучуков, Ж.М. Кучукова

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Понятие «национальное самосознание» получило распространение в XIX в. одновременно с терминами «нация», «национальное государс-

тво», «национальная психология» и «национальный дух». Оно имело смысл при принятии идеи нации как общности, существующей в деятельности многих поколений, осознающей свои интересы, отношения с сосуществующими народами. Национальное самосознание может интерпретироваться как явление, присущее конкретному народу и возникающее как результат исторического творчества этого народа, выражает субъектное, историческое существование национальных образований. При такой интерпретации жизненного смысла национального самосознания возникает и понимание механизма вхождения нации в систему деятельного существования человека, генерирование ею национальных движений, национализма и межнациональных противоречий.

В 1990-е гг. в эйфории ожидания быстрой вестернизации рядом исследователей предлагался отказ от понятия «нация» и от идеи нации как исторической формы развития народов. Целью такой идеологической манипуляции с понятиями «нация», «национальное самосознание» было стремление развести феномен государственности с жизнедеятельностью народов. Но события, связанные с национальными проблемами и в России, и в остальном мире, на рубеже XX и XXI вв. продемонстрировали, что народы осознают свою социально-историческую субъектность. Национальное самосознание народов России содержит сознание своей причастности к процессам существования и развития России как государства-цивилизации. И такой феномен существует, влияя на сознание и деятельность, будучи значимым элементом мотивационной структуры человека и национальных образований. Национальное самосознание существует, имея черты перманентной актуализации, и требует постоянного познания. Основными тезисами предлагаемых суждений являются: а) национальное самосознание любого народа имеет константные величины, образы и представления, идеи, выполняющие роль субстанциональных феноменов в существовании национальной общности; б) как правило, константные и субстанциональные элементы национального самосознания возникают в период становления народа как социально-исторического субъекта, связанного с приобретением государственности; в) национальное самосознание народов Северного Кавказа (в более узком плане – балкарского и кабардинского) сформировалось в период революции 1917 г. и становления новой цивилизационной модели развития России.

Революция народами Северного Кавказа была воспринята сквозь призму идей «Декларации прав народов России» и обращения советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» в ноябре 1917 г. В первом документе было провозглашено: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное

самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельно го государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [1]. Во втором документе говорилось: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушились, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и органов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!» [2]. Эти документы сыграли колоссальную роль в формировании национального самосознания народов. Народы, которые до этого не имели своей государственности или же давно ее потеряли, в течение нескольких месяцев конструировались в субъекты государственности. Именно в результате революции происходит переход к национальной форме организации жизни народов, и самосознание действительно становится национальным. Основой формирования самосознания народов становятся проекты устройства национальной жизни, составленные различными политическими течениями, деятелями.

Национально-освободительные движения в мировой практике, как правило, складываются в борьбе против государства, ущемляющего и подавляющего национальную свободу и независимость. В этой борьбе формируются негативные, отрицательные образы противостоящих народов. Самосознание часто становится националистичным. Здесь же мы видим декларирование освобождения всех народов, подкрепленное позднее реальными реформами. При этом происходившие глобальные изменения основ и образа жизни осуществлялись на базе единения народов, их сотрудничества. Конечно, были в этот период и межнациональные столкновения, и противоречия, а иначе не могло быть вследствие долгого господства царского режима, когда были созданы условия для появления межнациональных противоречий (волюнтаристское изменение территории проживания народов). Падение самодержавия обнажило эти противоречия в первые послереволюционные годы. В то же время эти противоречия на фоне борьбы против общего врага были относительно быстро преодолены. Участие в борьбе с белым движением стало од-

ним из факторов успеха в национальном освобождении. Формирование национального самосознания тесно связано с происходящими политическими событиями. В Балкарии и Кабарде уже в январе 1918 г. прошел первый съезд народов области, где были признаны права народов. На съезде было принято постановление, где отдельным пунктом проходил национальный вопрос. Впервые для народов были провозглашены права, позволявшие осуществить принцип самоопределения. В постановлении давалась возможность каждому народу: «устраивать свою жизнь так, как им кажется наилучшим. <...> Народности должны быть объединены в свои национальные Советы. <...> В пределах своих территорий каждой народности предоставляется право устраивать свои национальные суды. <...> Каждый народ должен иметь право свободно устраивать школы с преподаванием на своем родном языке» [3].

Значение этого постановления для становления именно национального самосознания трудно переоценить. В нем были обозначены все основные моменты реализации каждым народом своих субъектных прав. Эти процессы, которые происходили за относительно короткий период времени, сами выборы депутатов на областной съезд народов приводили к осознанию собственной ответственности народов за свою жизнь, за свое будущее. За эти месяцы в общественном сознании произошли изменения, которые в обычное время проходят за многие поколения. Здесь можно сделать вывод о быстрой политизации сознания народов, которое было обусловлено не уровнем развития общественных отношений, а изменением положения народов. Эти идеи были не просто результатом изменения положения народов, они были внедрены в массовое сознание, в том числе действиями и заявлениями представителей новой власти. Так, выступая на съезде народов области, С.М. Киров говорил: «...я, как один из авторов Советской власти, должен сказать, что никакого декрета о местной власти не было и не должно быть. Мы установили основное положение – вся власть трудовому народу. А как это сделать – это ваше дело, и больше ничего» [4].

Эти перемены в жизни народа изменили ту систему мировосприятия, которая развивалась в последние несколько поколений. Национальное самосознание было основано на религиозном мировоззрении и идеях, отражающих положение и уровень развития народов. Для массового сознания этот мир был результатом творения всевышнего, и весь миропорядок обусловлен его волей. В образе этого мира, как и в реальности, не было места для волеизъявления народа, народ был отлучен от власти. Царизм, его администрация, связанная с ней горская знать для масс выступали как нечто незыблемое, непоколебимое. Но в течение ко-

роткого времени вся эта система была разрушена, сформировался новый тип мировосприятия, где в системе ценностей на месте всевышнего и царя оказались новая советская власть и сам народ как носитель власти.

Тот подъем национального самосознания, который наблюдается в условиях нарождающейся гражданской войны, привел к осознанию общности интересов народов. Сама логика гражданской войны привела к утверждению в общественном сознании идей социального и национально-освобождения и равенства, единства народов. Обусловлено это было и тем, что Белое движение не сумело предложить народам ничего нового, кроме возвращения к старому. Один из выдающихся лидеров Северного Кавказа А. Шерипов писал: «...благодаря русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетиями бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никому не отдаст» [5].

Окончание Гражданской войны поставило перед советским правительством проблему национально-государственного строительства в национальных окраинах. В начале 1921 г. были образованы Горская и Дагестанская АССР. В состав Горской АССР были включены семь округов, образованных по национальному признаку. Образование Горской автономной республики благоприятно воздействовало на состояние межнациональных отношений в регионе, на развитие национального самосознания. Создание в относительно короткий срок государственности, провозглашение приоритета национальных интересов, учет расселения народов при определении границ административных районов – всё это оказывало огромное влияние на национальное самосознание, укрепляя положительные этнические стереотипы.

Схема построения автономной республики была достаточно проста, и в то же время она отвечала потребностям времени. Каждый народ на своей территории образовывал национальный совет, который осуществлял управление. Все национальные округа как административные единицы управлялись из центра Горской республики. В дальнейшем в течение 1921–1924 гг. Горская автономная республика была преобразована в автономные образования народов. Преобразование ГАССР в самостоятельные области, выходящие напрямую к центральным государственным органам РСФСР, было обусловлено объективными причинами, заложенными в сферах политических отношений, экономического развития, состоянием национального самосознания.

Национальное самосознание, как правило, формируется на основе фиксации собственного бытия, своих интересов, но определение и осознание интересов формируется на основе сопоставления и соглашения со

всеми сосуществующими народами. От степени совпадения интересов народа, разрешения возникающих противоречий зависят и те глубинные изменения в общественном сознании, на основе которых возникают те или иные установки на межнациональные отношения. Одним из основных элементов национального самосознания является характер отношений между народами, на которые влияют как идеальные представления, так и реальный статус государственности народов. При возникновении необходимости в изменении сложившегося положения того или иного народа в системе межнациональных отношений, когда эта проблема не находит своего разрешения на основе согласия всех заинтересованных сторон, наступает кризис межнациональных отношений, меняются национальные стереотипы и другие элементы национального самосознания.

В 1920-е гг. новые государственные структуры показали завидную оперативность в разрешении возникших проблем общественного и межнационального развития. Первым проблему выхода из ГАССР и создания собственного автономного государства поднял Кабардинский округ. В решении проблемы национального самоопределения, реализации планов национального суверенитета приняли участие все народы и национальные группы, проживающие в северной части Нальчикского округа. В то бурное время взвешенный подход к проблеме получения собственной автономии, при котором учитывались и интересы иных народов, позволил создать условия для мира внутри области. Именно на этой основе формируются положительные образы друг друга. В то же время любое игнорирование взаимных интересов способно завести в тупик развитие того или иного народа и всей системы совместного бытия народов.

Выделение Кабардинского округа из Горской республики и образование автономной области поставило такую же проблему самоопределения для Балкарии. Это диктовалось в первую очередь экономическим положением, а также целым комплексом иных обстоятельств. В течение жизни нескольких поколений Балкария и Кабарда были в рамках единого административного управления, с единым центром в г. Нальчике. Историческая взаимообусловленность интересов двух народов, экономическая и политическая независимость требовали координации усилий в решении имеющихся проблем в подъеме экономики и культуры. Вопрос о выделении Балкарии из Горской республики и образовании Кабардино-Балкарской автономной области был поставлен перед центром. Этот вопрос положительно был решен на коллегии Наркомнаца 9 января 1922 г. А 16 января этого же года ВЦИК РСФСР принял постановление, где первым пунктом шло решение об образовании Кабардино-Балкарской автономной области. Кроме того, здесь объявлялось, что

«3. Съезды Советов Кабарды и Балкарии избирают на общих основаниях, каждый в отдельности, свои собственные исполкомы, которые составляют на паритетных началах из своих представителей общий объединенный Кабардино-Балкарский областной исполком, коему присваиваются права губисполкома. 4. Местопребыванием областного исполкома, как и местных Кабардинского и Балкарского исполкомов, устанавливается г. Нальчик. 5. Точные границы области, как и границы отдельно Кабарды и Балкарии, устанавливаются на месте специальной комиссией ВЦИК, которая разрешает также и все земельные вопросы между заинтересованными сторонами» [6]. Постановление ВЦИК, высшего органа государственной власти страны, в этот период устанавливало принципы организации единой области как федерации двух народов, хотя понятие федерации при этом не упоминается.

Здесь были соблюдены основные требования к образованию федеративного государства, как то: своя территория, органы государственного управления для каждого субъекта Федерации и единого органа государственной власти для автономной области, которая формировалась на паритетной основе. Для народов тогда не стояло проблемы равных прав, ибо это равенство предполагало равные возможности самостоятельного развития с опорой на собственный потенциал к историческому творчеству; возможность самоуправления и в то же время объединения своих усилий в той мере, в которой это отвечало бы их национальным интересам.

Позиция центральных органов нашла свое подтверждение в постановлении коллегии Наркомнаца от 19 июля 1922 г., где указывалось: «Признать, что организация объединенного Кабардино-Балкарского исполкома на паритетных началах – единственно правильный путь для изживания национальных недоразумений между Кабардой и Балкарией» [7]. Таким образом, было завершено создание национальной государственности, и оба народа объединились на принципах равноправия, органы государственной власти создавались на паритетной основе, учитывалось в первую очередь наличие двух народов, создающих это государство, как равноправных субъектов.

Образование автономной области как формы государственного самоопределения кабардинского и балкарского народов сыграло огромную роль в дальнейшем прогрессивном развитии. По отношению к содержанию и форме национального самосознания это влияние выявляется в нескольких направлениях. Во-первых, в том, что само создание государственности – это определенный этап в развитии самосознания народа, это показатель его роста и одна из основ национального самосознания как высшего этапа в развитии самосознания народов. Во-вто-

рых, сама форма объединения и создания общих органов, составленных на паритетной основе, явилась логически закономерным этапом в тесном историческом развитии народов.

В первые годы новой власти провозглашенные принципы национальной политики успешно претворялись в жизнь: практически при жизни одного поколения у народов появилась своя интеллигенция, свои национальные кадры, профессиональное искусство и литература, началось индустриальное развитие, экономика была интегрирована в экономическую систему страны. Процесс становления государственности, который начался в период Гражданской войны, в следующее десятилетие получил законченное выражение в своих основных структурных элементах созданием теоретических представлений о народах, их истории и взаимных отношениях, были сформированы образы народов в восприятии друг друга как братских, дружественных. Национальное самосознание каждого народа определялось положением страны в целом, ее отношениями с остальным, в большинстве своем враждебным, миром. В эти годы в национальное самосознание каждого народа была введена идея необходимости тесного единства всех народов во имя сохранения нового общества. Образы и представления, идеи и теории, на основе которых было структурировано самосознание народов Северного Кавказа в начале XX в., существуют и по настоящее время. Для народов сознание национально-государственной субъектности стало основой развития национального самосознания. Такое восприятие мира и себя в мире стало характерным для всех народов Северного Кавказа. В то же время эти трансформационные процессы происходили со своими особенностями на каждой территории и у каждого народа. Для народов Кабардино-Балкарии наиболее значимым стал принцип паритетности в создании государственности, органов государственного управления и проводимой политики.

Примечания

1. Декларация прав народов России 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 40.

2. Обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 20 ноября (3 декабря) 1917 г. URL: <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/vnpol/mus.html> (дата обращения: 21.06.2017).

3. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование КБАО (1917–1922). Нальчик, 1957. С. 54.

4. Там же. С. 357–358.
5. Шерипов А. Статьи и речи. Грозный. 1961. С. 61.
6. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. С. 489–490.
7. Там же. С. 492.

П.Г. Култышев

ПОЛОЖЕНИЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 г.

Офицерство русской армии в период февраля – октября 1917 г. оказалось в самом центре исторического водоворота и сыграло в судьбе страны немалую роль, которая была обусловлена восприятием офицерами революционных событий 1917 г. Офицер военного времени, как и офицер-кадровик, был ключевым звеном в армии: ему подчинялись сотни солдат, идущих вместе с ним на смерть, а от решительности и храбрости офицеров зависели и массовые настроения рядовых солдат в экстремальных условиях полномасштабной войны и революционной нестабильности. Более того, именно офицерство русской армии явилось ядром будущих «белых» формирований периода Гражданской войны. И данный факт заставляет обратить особое внимание на эмоционально-нравственное состояние офицерского корпуса в период революционных потрясений, предваряющих Гражданскую войну.

К началу 1917 г. русское офицерство, закончившее школы прапорщиков и иные заведения с ускоренным курсом обучения, составляли выходцы из различных слоев Российской империи. Их круг предельно четко обрисовал М.Н. Герасимов: «Подумать только: большинство из нас – народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне наравне с избранным меньшинством – дворянами, профессорами и адвокатами (а таких немало у нас в школе) и изнеженными сыновьями банковских тузов, крупных фабрикантов и подобных им – станут “ваше благородие”» [1]. О том же соотношении писал в своей работе и Н.Н. Головин. По его подсчетам, из 1000 прапорщиков, окончивших ускоренные курсы, около 700 происходило из крестьян, 260 – из рабочих, купцов и мещан, а 40 – из дворян [2]. Солдаты же, подмечавшие кардинальные перемены в социальной структуре офицерства, с едким

сарказмом напевали: «Прежде рылся в огороде, / Теперь – ваше благородие» [3]. В общем и целом состав офицерского корпуса стал соответствовать сословному составу страны. Вместе с изменением социального состава офицерского корпуса изменился и его морально-психологический и профессионально-политический облик. В русскую армию, начиная с 1915 г., хлынул поток неподготовленных и некомпетентных офицерских кадров. Об этом слое русского офицерства Ф.А. Степун с горечью писал: «Шестинедельной выпечки прапорщики никуда не годятся. Как офицеры они безграмотны, как юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, они не авторитетны для солдат» [4].

Причиной столь негативных высказываний в адрес прапорщиков были вполне объективные обстоятельства. Офицеры военного времени получали свой офицерский чин после 3–6-месячных курсов, на которых они приобретали весьма посредственное представление о своих профессиональных обязанностях и правах. Подобная система обучения приводила к колоссальной убыли среди прапорщиков, не владевших в полной мере навыками ведения современного боя в условиях как позиционной, так и маневренной войны. Средняя продолжительность жизни прапорщика после производства в чин, по наблюдениям А.Е. Снесарева, составляла две недели [5]. По словам же А.А. Свечина, именно прапорщики военного времени «давали главную цифру убитых и раненых офицеров» [6]. В связи с этим часть командующих была вынуждена в своем тылу открыть специальные подготовительные курсы или учебные команды, в которых за 1–2 месяца пытались восполнить пробелы в военно-образовательной программе [7]. Однако отсутствие достаточных знаний и глубокого опыта офицеры военного времени пытались компенсировать излишним геройством и крайней самоотверженностью. Об этой черте офицеров военного времени А.Е. Снесарев с грустью и болью за их жизни писал: «...всё, что они могут дать стране, – это умереть храбро, часто красиво, но еще чаще глупо, зря, даром» [8]. Более того, комплектование офицерского корпуса выходцами из различных, зачастую из диаметрально противоположных социальных слоев неминуемо вело к политическому размежеванию русского офицерства и обострению политических вопросов. При этом офицерский корпус лишался и своей известной корпоративности, которая зиждилась в том числе и на культурно-мировоззренческом сходстве различных представителей бывшего кадрового офицерства. С притоком же офицеров военного времени стали рушиться традиционные основы офицерского отношения к власти, армии, государству и обществу, обнажив доселе скрытые противоречия между офицерами и солдатами. Именно таким офицерам суждено было

встретить революционный вал 1917 г., надвигающийся на русскую армию и на всё государство.

В январе 1917 г. в тыловых частях стали заметны первые признаки надвигающейся революции, катализатором которых явилось скопление огромного количества недовольных солдат. По мнению С.А. Торнау, «петроградский гарнизон представлял собой вооруженный сброд, опасный для населения и совершенно безопасный для неприятеля» [9]. Однако на фронте обстановка была несколько иной. По словам генерал-майора Б.В. Геруа, на фронте «ничего подобного петербургскому развалу не было. Пропаганда... проникала в траншеи, кое-где достигала результата, но в общем войска оставались твердыми, и никому не приходило в голову, что мы накануне революции» [10]. И тем не менее армия не была органом, изолированным от всего государственного тела. То, что происходило в государстве или обществе, неминуемо откликалось в армии. И напрасно генерал В.Г. Болдырев надеялся, что армия окажется в стороне от революционной смуты [11]. Армия одновременно оказалась главным орудием и объектом борьбы различных политических сил в феврале – октябре 1917 г.

Первые слухи о свершении революции вызвали в среде офицеров недоверие, а иногда и откровенные насмешки [12]. Причиной подобного восприятия было то, что большая часть информации поступала либо от солдат и офицеров, возвращавшихся из отпусков, либо от противника [13]. А потому, не имея на руках ни одного приказа или распоряжения, офицеры могли строить лишь предположения о том, что «были беспорядки по поводу дороговизны» [14]. Но и такие слухи всё же тревожили офицеров. И не случайно, узнав о якобы происходивших волнениях в столице, генерал В.И. Селивачев с осторожностью записывает: «По-видимому, нет дыма без огня... Что-то господь даст – ужасное переживаем время!!!» [15]. Беспокойство среди офицеров подмечал и еще один неизвестный свидетель тех событий. Строки из его писем нагляднейшим образом демонстрируют весь спектр эмоционального состояния его товарищей и сослуживцев: «Офицеры, понурые, убитые страхом за будущее, ходили один к другому, нервничали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не припомню такого тяжелого дня» [16].

Когда же до офицеров донеслась весть о произошедших изменениях, их реакция была крайне настороженной и полной внутренних раздумий. По словам Э.Н. Гиацинтова, для «фронтовиков и кадровых офицеров это было то, что называется “как снег на голову”» [17]. Не меньшее удивление вызвала революция и среди офицеров Уссурийской конной дивизии, находившейся под командованием П.Н. Врангеля: «Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение.

Неожиданность ошеломила всех. Офицеры... были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то» [18]. Ощущение пугающей неизвестности давило и вызывало мрачные предчувствия. «Нас мучило множество вопросов, – писал В. Литтауэр. – Что теперь мы должны делать? Как себя вести? Наш мир рушился на глазах, и мы не понимали, какое занимаем в нем положение» [19].

В эти дни некоторые офицеры испытали глубокое отчаяние и тяжелую фрустрацию. Поручик Р. Болеславский, описывая свое состояние в начале марта 1917 г., вспоминает: «В первые несколько дней я испытывал чувство потерянности. Не знал куда идти, что делать, кого спрашивать и о чем» [20]. Для многих офицеров, верно и долго служивших России, веривших в идеалы «старой» довоенной жизни, всё произошедшее казалось нелепым фарсом [21]. И, как верно заметил Р. Болеславский, «свалившаяся на них проблема была выше понимания» [22].

Подобное состояние офицеров явилось следствием их изолированности от происходящих в стране изменений и лавинообразного потока новостей и известий из Петрограда. Новое правительство, новые законы и порядки, вводимые в армии без их участия, вызывали в среде офицеров неприятие и раздражение. Однако офицеры, желавшие воспрепятствовать этому процессу, не смогли отстоять свою точку зрения. Такому положению дел способствовал ряд немаловажных факторов, но наиболее показательным и характерным являлась неспособность офицеров держать на должном уровне словесную дуэль со своими новоявленными оппонентами. В воспоминаниях Р. Болеславского описываются яркие примеры подобных ораторских состязаний [23]. О том же в своих мемуарах свидетельствует и А.А. Брусилов: «Его (офицера. – П.К.) на митингах забивал любой оратор, умевший болтать языком и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания. При выступлении на эти темы офицер был совершенно безоружен...» [24]. Это происходило оттого, что офицеру было чуждо само явление обсуждения приказов, а уж тем более спор об их целесообразности с рядовыми или разговор на политические темы. Генерал В.И. Селивачев писал по этому поводу: «...господа офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать “якобы неблагонадежных” газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам» [25].

С первого взгляда может показаться странной эта неспособность офицеров вступать в спор с солдатами и отстаивать в нем свое мнение. Многие из офицеров имели не только высшее образование, но и опыт командования. Однако это утверждение касается в большей степени

кадрового офицерства, в то время как офицеры военного времени были неопытны и в лучшем случае имели за своими плечами два класса гимназии. Более того, абсолютно разное эмоциональное состояние испытывал офицер, выступая перед строем верных бойцов или перед обозленной толпой вооруженных солдат. Кадровому офицерству в общении с солдатами был знаком лишь один язык – язык приказа и подчинения. Одни были не способны переступить через себя и пойти на откровенный и понятный для солдат разговор, а другие не располагали необходимым опытом и уважением со стороны солдат. Описывая сложившуюся ситуацию, Ф.А. Степун заметил, что офицеру «в новых революционных условиях нужны были слова, которых у него самого нет и быть не может» [26]. Подозрительное молчание офицеров и их нежелание «опускаться» до споров с рядовыми толкало солдат в руки словоохотливых демагогов и популистов. Но стоило офицеру подобрать нужные слова и отойти от собственного стереотипа поведения, как все солдаты и нижние чины полка дружно отказывались выполнять приказ № 1 [27] или избирали офицера в комитет, готовые за пять минут до этого в лучшем случае избить его [28]. Но в целом «офицеры, несколько растерянные и подавленные, чувствовали себя пасынками революции и никак не могли найти надлежащий тон в общении с солдатской массой» [29].

В итоге офицеры теряли последние капли авторитета в глазах солдат. Своим нежеланием адаптироваться к новым реалиям и стремлением сохранить старые порядки они вызывали опасные подозрения у обычных солдат. Многие из офицеров, спокойно и сочувственно встретивших революцию, не могли принять новые правила несения службы, а их сопротивление основным положениям приказа № 1 воспринималось солдатами как сопротивление самой революции и желание восстановить старую власть. Часть офицеров, в основном кадровые военные или молодые представители офицерских династий, сопротивлялась всем революционным нововведениям, граничившим, по их мнению, с полной дезорганизацией армии. Сопротивление офицеров могло носить как активный, так и пассивный характер. Зная об отмене отдания чести, об общей предвзятости масс к офицерству, они демонстративно игнорировали все положения приказа № 1. Рискуя жизнью, они пытались продолжить соблюдение старых воинских традиций и требовали того же и от солдат, что неизбежно вело к росту непонимания и напряженности.

Сочувственное отношение к революции и понимание необходимости назревших перемен не смогли заслонить в сознании офицеров чувство долга и осознание той угрозы, что нависла над их родиной. Рациональные доводы офицеров или пламенные призывы на митингах производи-

ли временный эффект, по окончании которого солдаты чувствовали себя вновь обманутыми и более не хотели слушать никого, кто противоречил бы их желаниям. Все, кто отвергал новые порядки, призывал к сохранению дисциплины и чинопочитания, желая продолжения бессмысленной войны, попадали в группу контрреволюционеров. На почве контрреволюционности офицерских кругов и неприятия всех «злых» офицеров солдаты в их отношении позволяли себе неслыханные вольности, граничившие зачастую с откровенным моральным и физическим унижением. Генерал А.И. Верховский, позже перешедший в лагерь красных, с недоумением писал в своем дневнике: «...солдаты стали говорить с офицерами просто вызывающим тоном. Многие прекратили отдавать честь» [30]. Более того, после опубликования приказа № 1, развязавшего руки долго терпевшим солдатам, по армии прокатилась волна публичных арестов офицеров и вспышки яростного группового насилия над ними.

Вслед за первыми новостями из столицы и первыми попытками наладить контакт с солдатами в новых условиях армию постигло новое испытание. Временное правительство, продолжая политику маятника в отношении армии, призвало на должность Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. Будучи ярким противником революционных нововведений, расшатывающих дисциплину, Корнилов взялся за их быстрое свертывание и за возвращение в ряды армии привычного порядка и строгой субординации. Впрочем, Временное правительство, как и армия, нуждались в авторитетном и решительном командире, что еще больше проявилось после Тарнопольской катастрофы и июльских волнений в Петрограде. При вступлении в должность Верховного главнокомандующего Корнилов выдвинул ряд условий, чем еще раз продемонстрировал свою решимость в деле восстановления боеспособности русской армии и своей независимости от Временного правительства и Петросовета. Корниловым была возвращена смертная казнь за дезертирство и предательство, ограничены полномочия комитетов и комиссаров.

Однако меры, предпринимаемые Корниловым, носили запоздалый и излишне радикальный характер. По образному выражению Н.Н. Головина, деятельность Корнилова на посту Верховного главнокомандующего походила на разрубание гордиева узла, в то время как этот узел следовало бы кропотливо распутывать [31]. Однако благодаря твердой позиции и решительным действиям Корнилова его фигура сразу же приобрела в сознании офицерства одиозный характер. По воспоминаниям Н.В. Буторова, офицерство русской армии, почувствовав поддержку Верховного главнокомандующего, воспряло духом [32]. Совершенно иной была реакция рядовых солдат. Если офицеры видели в Корнилове спасителя армии

и отечества, то солдаты – гонителя завоеванных свобод. Подобная дихотомия во взглядах на личность и деятельность Корнилова еще больше усугубила пропасть во взаимоотношениях между солдатами и офицерами.

Для дальнейшего обострения ситуации достаточно было любого необдуманного поступка, и он не заставил себя долго ждать. В конце августа 1917 г. Корниловым была предпринята попытка мятежа, которая, закончившись полным крахом, привела к новой волне арестов и самосудов над офицерами, в которых рядовые солдаты видели сторонников мятежного генерала. В своих резолюциях солдатские комитеты требовали смертной казни для всех сочувствующих и поддерживающих Корнилова [33]. В русле желаний солдат шло и Временное правительство в лице А.Ф. Керенского: в начале сентября помимо Корнилова были арестованы А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.Г. Эрдели, С.Л. Марков и многие другие. По всему фронту офицеры десятками и сотнями изгонялись из армии под страхом неминуемой расправы. А.И. Верховский, ставший военным министром сразу же после подавления выступления Корнилова, с горечью писал в своем дневнике: «Пережиты тяжелые дни восстания Корнилова, нанесшего русской армии последний удар. Как это ясно было заранее, так всё и случилось, кончившись полной неудачей. Теперь восстановить доверие солдатской массы к офицерству будет невозможно» [34].

Вместе с этим российское офицерство, изначально не имея единства в оценке свержения самодержавия, также по-разному отнеслось и к инициативе Корнилова. Отдельные офицеры, такие как Э.Н. Гиацинтов, не могли забыть Корнилову то, как он с красным бантом на груди шел брать под арест царскую семью и как хвастался своим крестьянским происхождением в надежде на политические дивиденды [35]. Другие, проникнувшись идеей сближения с солдатской массой, как А.М. Василевский, пошли иным путем [36]. В итоге офицерство оказалось расколотым на «две части: “корниловское” и так называемое “демократическое”» [37]. Более того, данное дробление офицерского корпуса было куда более обширным. Офицерский корпус четко подразделялся на кадровое офицерство и офицеров военного времени. В кругу офицеров существовали представители из совершенно разных социальных групп: крестьяне, мещане, интеллигенция разного уровня и т. д. Они составляли костяк офицеров военного времени. Но это не мешало рядовым солдатам клеить ярлык контрреволюционера на любого офицера, вызывавшего подозрение.

На фоне этих бурных политических событий происходили и не менее важные перемены в моральном облике офицерского корпуса русской армии. Поступательная маргинализация офицерского слоя привела и к постепенному упадку дисциплины и морального духа. Среди офице-

ров отмечались братания с противником, многодневные кутежи на боевых позициях или в тылу, флегматичное и инфантильное отношение к своим обязанностям, ожесточение и чрезмерная эмоциональная восприимчивость, усугубляемые солдатским террором. Офицеры русской армии в своем мемуарном и эпистолярном наследии очень часто приходят к мысли о том, что к 1917 г. русский солдат был уже не тем солдатом, с которым они начинали войну в 1914 г. Данное утверждение верно, но следует признать, что и само офицерство 1917 г. было совершенно отличным по своим качествам от того офицерства, которое рвалось на войну в августе 1914 г.

Примечания

1. Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1966. С. 62.
2. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2011. Т. 1. С. 76.
3. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. СПб., 2008. С. 8.
4. Степун Ф.А. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 143.
5. Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 153.
6. Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 80.
7. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 132; Верцинский Э.А. Из Мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллин – Ревель, 1931. С. 166.
8. Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 85.
9. Торнау С.А. С родным полком. Берлин, 1923. С. 123.
10. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 164.
11. Из дневника генерала В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 251.
12. Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 338.
13. Там же. С. 338; Дневник генерала В.И. Селивачева // Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 108.
14. Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 338.
15. Дневник генерала В.И. Селивачева. С. 108.
16. Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 198.
17. Гиацингов Э.Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 59.
18. Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920. Т. 1. Минск, 2003. С. 23.
19. Литгауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 221.

20. Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера. 1916–1918. М., 2006. С. 94.
21. Литтауэр В. Указ. соч. С. 219; Болеславский Р. Указ. соч. С. 72.
22. Болеславский Р. Указ. соч. С. 68.
23. Там же. С. 80–81.
24. Брусилов А.А. Указ. соч. С. 271.
25. Дневник генерала В.И. Селивачева. С. 128.
26. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 315.
27. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о демократизации армии. 1 марта 1917 г. // Хронос. URL: http://hrono.ru/dokum/191_dok/19170301prikaz1.php (дата обращения: 27.06.2017).
28. Дневник генерала В.И. Селивачева. С. 119.
29. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2003. С. 78.
30. Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). М., 2014. С. 94.
31. Головин Н.Н. Указ. соч. С. 145.
32. Буторов Н.В. Пережитое (1905–1920). URL: <http://www.dk1868.ru/history/butorov1.htm> (дата обращения: 04.06.2017).
33. Революционное движение в русской армии (27 февраля – 24 октября 1917 года). М., 1967. С. 383.
34. Верховский А.И. Указ. соч. С. 148.
35. Гиацингов Э.Н. Указ. соч. С. 82.
36. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1983. С. 28.
37. Верховский А.И. Указ. соч. С. 148.

Е.Ю. Оборский

СИЛУЭТЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (тенденции и эпизоды из жизни северокавказского общества в 1917 г.)

В советской исторической науке российская революция 1917 г. в первую очередь ассоциировалась со столичными событиями. Региональный компонент привлекался преимущественно для иллюстрации «правильных» тенденций или для показа героической борьбы большевиков в случае победы их противников. Методологический инструментарий новой

локальной истории и микроисторический анализ событий революции 1917 г. позволяет увидеть не только определенные факты, но и основные тенденции развития российского общества. На материале Северного Кавказа можно увидеть отношение населения к войне и признаки продолжавшегося кризиса власти.

28 мая 1917 г. в с. Средне-Егорлыкском Ставропольской губернии к местному доктору Реутскому привезли больного. Осмотрев больного, доктор отправил его в больницу, где фельдшер определил, что помощь врача не требуется. После того, как Реутский отказался продолжить лечение у себя дома, Мария Юрлова, сопровождавшая больного и называвшая себя сестрой милосердия, на общественном сходе потребовала врача арестовать и отправить на фронт [1]. Доктор мотивировал свой отказ отсутствием места и служащих для ухода. «Сестра» начала плакать, чем настроила население на свою сторону, воздействуя на эмоции людей. Сам раненый солдат рассказал, что эта «сестра милосердия» сама пристала к нему в поезде. Солдаты-отпускники поддержали Юрлову: «Товарищи! Если вы не арестуете его, то мы – солдаты, – нас 40 человек, имеем полное право арестовать его и отправить на фронт» [2].

В защиту доктора выступил только один человек – односельчанин Поляков, выразивший ему благодарность за медицинскую помощь. Тут же Полякова обвинили в поддержке прошлого режима и арестовали как «преданного старому правительству». Юрлова продолжала настаивать на посылке доктора Реутского на фронт: «...теперь, когда мы врача арестовали, мы явились ему врагами, и если оставить на месте, то он не будет лечить так, как требуется, из мести, лучше отправим его на фронт» [3].

Интересна ее политическая позиция, записанная со слов комендора Балтийского флота Н. Шилина: «Я, Юрлова, первый враг военного и морского министра Керенского, Временного Правительства сейчас не существует, законов в данное время, то есть сейчас, никаких не существует, распоряжению Временного Правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, я, Юрлова, не подчиняюсь» [4]. В результате, 30 мая 1917 г. доктора под охраной солдат увезли в Ставрополь.

В местной губернской газете «Северокавказский край» спустя некоторое время появились заметки о данном происшествии. И только 16 июня напечатана большая статья, подробно описывавшая ход событий. Корреспондент газеты рассуждал весьма интересно: «Чем отличается самоуправство и незаконные действия, подобные выше описанным, от таких же действий старого режима? Больно сознавать, что среди многих и многих русских граждан свобода понята как своеволие. Прошло уже больше трех месяцев после переворота, а в нашем селе ни разу не

объяснили народу, что такое свобода. Интеллигентные люди, к вам обращаюсь, растолкуйте народу, как надо понимать свободу и как пользоваться ею, чтобы не превращать свободу в своеволие» [5].

В конфликте выделяется несколько сторон: активной является М. Юрлова, пострадавшей – доктор Реутский, сторона сочувствующая – солдаты и часть крестьян, наконец, пассивно наблюдала большая часть жителей Среднего Егорлыка, в том числе и Комитет общественной безопасности, в прямые обязанности которого входит прекращать подобные инциденты. Здесь виден будущий расклад политических сил в гражданской войне, разделяющий людей по разным полюсам. Большевики как активная сила и солдаты, фактически осуществившие введение советской власти на Ставрополье, были против отдельных представителей интеллигенции. В крестьянской среде было множество разных мнений, кто-то поддерживал активные действия, кто-то высказывался против, кто-то молчал, не одобряя случившееся, но боясь быть арестованным.

Позицию Юрловой можно отнести к большевистской, хотя точно подтвердить источниками это невозможно. Общие методы ее действий укладывались в схемы действий большевиков, оправдывавших свои поступки революционной целесообразностью и отрицавших старые законы. Поскольку героиня эпизода – молодая женщина без социальных тормозов, а юности свойственен максимализм целей, влекущий за собой максимализм средств, то М. Юрлову смело можно относить к активным участникам революционных событий, ставших опорой большевиков. По мнению С.Н. Булгакова, «благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения... наша молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма» [6]. Философ считал, что в российском обществе молодежь играла роль путеводной звезды. Российская интеллигенция по своему психологическому складу – учащаяся молодежь, а юношескому восприятию действительности соответствуют только два цвета – черный для прошлого и розовый для будущего, соответственно и интеллигенция была носителем радикализма [7]. Подобное «черно-белое» сознание стало неотъемлемой частью сознания всего населения. Эмоциональность действий подчеркивает надвигающийся раскол общества, поскольку в революционных событиях на первый план выходят чувства, а рассуждения и разумные доводы не воспринимаются конфликтующими сторонами. В данном случае молодая женщина олицетворяла собой идеальный тип революционера, пришедшего взорвать старое общество.

Стоит заметить, что решающую роль здесь сыграла не М. Юрлова, а те 40 солдат, которые арестовали доктора. Важнейшим вопросом для всех солдат было отношение к продолжавшейся войне. Весной 1917 г. у них было постоянное желание отправить на фронт всех, кто сидел в тылу. На Кубани 25 мая солдаты и рабочие количеством 5000 человек требовали освидетельствовать рабочих (работающих на оборону г. Екатеринодара) по специальностям и заменить их солдатами соответствующих специальностей, а всех «больных» буржуев, дворян, чиновников, купцов отослать на фронт [8].

На Ставрополье происходили похожие события. В начале апреля губернский комиссар Д.Д. Старлочанов получил телеграмму: «Население Медвежьего совместно с отпускными солдатами на митинге выносят разные резолюции анархического свойства и приводят их в исполнение. Третьего апреля арестованы чиновник управления, некоторые солдаты; четвертого освобождены. Предъявлено требование отправить на фронт чиновника и лучших писарей [в] трехдневный срок. Неисполнение грозит печальными последствиями» [9]. Спустя три дня медвеженский уездный комиссар Горшков писал: «[В] Медвежьем выступление солдат произошло вследствие бездеятельности комитета. Возбуждение против чинов воинского управления имело основания. Вчера [был] сход, настроение ровное. Выдвинутые солдатами требования передаются комитету» [10].

В течение всего революционного года солдаты понимали наступившую демократию не просто как власть народа, а как власть большинства без учета мнения меньшинства. Восприятие демократии как вседозволенности толкало солдат на принятие удобных им решений, реализовывало все их групповые и личные желания. Такое обстоятельство несло разрушающий элемент в политическую жизнь общества. Постоянное участие рядового и офицерского воинского состава в политической жизни позволяло им не исполнять свои служебные обязанности. По воспоминаниям известного героя Гражданской войны И.Л. Хижняка, в воинских частях Кубанской области «наблюдались анархия, местничество, партизанщина и мало дисциплины и организованности. В боевой обстановке командир отдает приказ наступать. В частях начинаются митинги, бойцы обсуждают приказ военачальника – наступать или нет. Пока митинговали, враг взял инициативу в свои руки» [11]. Абсолютно о том же говорит фельетон известного писателя А. Аверченко, опубликованный в июле в газете «Новая жизнь». В рассказе «История одного наступления» обсуждение идет по цепочке от полка к взводам, где на каждом уровне заседают, обсуждают, соглашаются и посылают решение наверх. Только

вот окончательное согласие на наступление приходит тогда, когда война уже проиграна [12].

Всё-таки даже к концу 1917 г. у многих жителей Ставрополя и Кубани еще не иссякло желание долго, а зачастую и бесполезно, дискутировать. Пожалуй, только возвращавшиеся с фронта солдаты и казаки не желали долгих разговоров и переходили от слов к делу. Это не было специфической особенностью данного региона, а вполне соответствовало общероссийским тенденциям.

Стоит также отметить роль средств массовой информации в анализируемом конфликте. Эсеровская губернская газета после короткого сообщения о доставке доктора Реутского в Ставрополь еще дважды обращалась к этому эпизоду. Помимо большой заметки с описанием хода событий, было сделано примечание редакцией: «мы выражаем недоумение, почему Средне-Егорлыкский комитет не принял мер для предотвращения явно незаконных действий схода и для пресечения агитации г-жи Юрловой» [13]. Роль газеты показывает всё возрастающую роль прессы в социокультурном пространстве России к 1917 г. Широкое тиражирование определенных политических воззрений, осведомление жителей о новостях страны и губернии, постоянная агитация на выборах втягивали россиян в новый тип общества – массовое.

Резкое увеличение количества солдат и роли горожан как новой мобильной массы служило детонатором слома старой общественной жизни. На основную массу жителей России давление шло со всех сторон – политических партий и отдельных революционеров (М. Юрлова), активных общественных групп (солдат), средств массовой информации (газеты). Индикатором причастности отдельных граждан или социальных групп в будущем становилось отношение к Первой мировой войне.

Весь 1917 г. российские граждане решали для себя вопрос причастности к революционным событиям. Достаточно большая часть впоследствии становилась их участниками, хотя всё равно оставались люди, боявшиеся выступить и молча поддерживавшие каждую новую власть.

Примечания

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1867. Оп. 1. Д. 6. Л. 134–141.
2. Северокавказский край. 1917. № 130. 16 июня. С. 4.
3. Там же.
4. ГАСК. Ф. 1867. Оп. 1. Д. 6. Л. 141.
5. Северокавказский край. 1917. № 130. 16 июня. С. 4.

6. Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 156.
7. Там же. С. 170.
8. Прикубанская правда. 1917. № 6. 25 мая. С. 3.
9. ГАСК. Ф. 1867. Оп. 1. Д. 6. Л. 81–83.
10. Там же. Л. 94–95.
11. Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар, 1957. С. 81.
12. Новая жизнь. 1917. № 65. 6 июля. С. 3.
13. Северокавказский край. 1917. № 130. 16 июня. С. 3.

А.П. Ярков

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СМУТЫ В СОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА УРАЛА И СИБИРИ

Выбранный нами временной диапазон – лето 1916 г. – начало 1918 г. есть отражение специфики региона, где по-иному текло время, нежели в Петрограде, Москве, Ростове. И чем дальше от промышленных Екатеринбург, Нижнего Тагила, Омска, Новониколаевска, тем замедленней и специфичнее общественные процессы. И потому не стоит удивляться, что в поселок Саранпауль в Приполярном Урале советская власть пришла в январе 1919 г.

Предшествующее событиям 1917 г. среднеазиатское восстание 1916 г. имело небольшие последствия для мусульман Урала и Сибири (куда включаем в данном аспекте и районы Северного Казахстана, тогда входившие в подчинение Оренбургу, Тобольску, Томску, Барнаулу, Омску), но логически связанные с общей ситуацией в стране и евразийско-азиатском пограничье.

Часть причин разразившегося в разгар Первой мировой войны вооруженного восстания – прежние ограничения в правах, неразумная фискальная, аграрная и социальная политика центральной и региональных властей, злоупотребления элит. Повод – Повеление «О привлечении мужского инородческого населения для работ по благоустройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а также для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». В Сибири предполагалось призвать казахов, алтайцев,

хакасов, бурят, якутов (в отношении последних от призыва отказались), используя их на предприятиях Иркутска, Томска, Бийска, или отправляя на тыловые работы Западного фронта [1].

Восстание между тем имело отчасти исламскую и антирусскую направленность (иные учёные оценивали его как национально-освободительное движение). Тяжёлое положение сложилось в «казахских» волостях Акмолинской области. Там возникли очаги конфликтов (иногда с участием мулл). Генерал-губернатор Н.А. Сухомлинов телеграфировал 14.07.1916 в МВД: «Ввиду привлечения киргиз на работы в некоторых волостях Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов произошли беспорядки». Из информации штаба Омского военного округа: по состоянию на середину сентября 1916 г. волнения возникли в Усть-Каменогорском уезде, «а затем перекинулись и в другие местности с киргизским населением, достигнув наиболее широких размеров в уездах: Зайсанском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Семипалатинском Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском Акмолинской области и в районе Кош-Агач Бийского уезда Томской губернии». 50 тыс. казахов из Бийского округа и Кош-Агачской волости откочевало в Монголию и Китай. За беглецами вдогон власти послали казачью сотню. Одних вернули, но другие, опасаясь репрессий (хотя участия в вооружённой борьбе не принимали), всё же ушли [2].

Джадиды в Сибири и на Урале на время отошли от политических вопросов, стремясь отстаивать свои интересы в образовательной сфере через воссоздание объединений бывших прогрессистов [3]. А вот авторитетный прежде А.Н. Букейханов, не разделяя устремлений других степняков, неоднократно призывал соплеменников подчиниться властям, прекратить восстание, но безуспешно. Позднее для организации адаптации отправленных на тыловые работы казахов при штабе Западного фронта в Минске организуется инородческий отдел Земгора во главе с Букейхановым.

Всего к началу февраля 1917 г. по Акмолинской области призвано и принято военным ведомством на тыловые работы 7 573 казаха, признано при освидетельствовании непригодным 8 570, освобождены от призыва как работающие на оборону 10 241, предоставлена временная отсрочка 16 314 чел. В Семипалатинской области призвано 13 990, освобождены от призыва как работающие на оборону 15 719 чел. Восстание оставило печальный отпечаток в коллективной памяти на весь XX в., формируя образ противостоящих: христиане – мусульмане, казаки – казахи.

Иные тенденции в умме связаны с событиями после свержения самодержавия: 20.03.1917 отменены ограничения в правах, в том числе веро-

исповедания. Как результат, уже через четыре дня мусульмане Петропавловска молились о ниспослании благоденствия России. Приветствия в адрес Временного правительства прислали мусульмане Тюмени, Томска, Барабы и др. [4]. При большом стечении мусульман г. Томска 24.03.1917 совершено богослужение за «дарование свободы русскому народу».

С другой стороны, известно, что еще не сдавшему пост «первого лица» Тобольской губернии Н. Ордовскому-Танаевскому через несколько дней по получении телеграммы об отречении пришли два муллы и заявили, что собираются ехать в Петроград освобождать царя. Позже возникло и движение мусульман за возрождение монархии под лозунгом «Давай царя».

Сибирь с 1880-х гг. была местом ссылки членов религиозно-политической организации «Императорский молитвенный дом мактаб Гирфан, то есть Мусульманская Академия. Канцелярия Сардара Ваисовского Божьего полка староверского мусульманского общества». Организация основана в Казани в 1862 г. Б.Х. Ваисовым (Сардаром), прошедшего в духовном поиске от суфизма до создания собственного учения. Ваисов считал, что нужно очистить ислам от позднейших наслоений и явных ошибок. Он жаждал перемен, но по образу и призывам к действию это типично средневековый путь, направленный, впрочем, не только против традиционалистов, «иноверцев», но и государства. Г.Б. Ваисов так долго вместе с отцом досаждал прежней власти, что его, как «врага царизма», после февраля 1917 г. избрали руководителем Мусульманского комитета г. Тобольска. В то время, полагаем, мало кто из выборщиков помнил о сущности отстаиваемой идеологии теократизма и экстремистских взглядах Ваисова (позднее инициатора создания государства «Волжская Булгарская республика»). Вскоре противоречия проявились: из-за внутренней борьбы – с делением на «казанское» и «тобольское» крыло – комитет распался, а вскоре и сам Ваисов погиб от рук, вероятно, сторонников провозглашения Идель-Урал Штата [5].

Постановлением Тобольского губернского мусульманского комитета от 22.08.1917 должны были привлекаться к ответственности лица, которые вели агитацию против Временного правительства. Оно за короткий период правления успело покарать и за политические взгляды одного из создателей партии «Алаш», бывшего омского судью Я. Акпаева, «успешшего посидеть» при царизме и при советской власти, объявившего себя «анархистом-гармонистом, верующим в нравственную солидарность человечества на почве учения Христа и Будды» [6].

Выдвижение кандидатов в Учредительное собрание от мусульман (в том числе Акмолинской области) способствовало росту обществен-

ной активности. Состав кандидатов весьма пёстр: врач Х. Досмухамедов (от Киргизского комитета); акын М. Жумабаев (от партии Алаш), крестьянин К.И. Рамазанов (от Алтайской губернии). Не стоит игнорировать обстоятельство, что родоплеменная вражда или поддержка соплеменников, в том числе через предоставление должностей (непотизм) в кочевой среде сыграла свою роль в расстановке сил и обстоятельствах. Известно, что кандидатами в Учредительное собрание Досмухамедов и А. Темиров выдвинуты от Младшего жуза. Поэтому род влиятельного А.Н. Букейханова выступил за вхождение казахских земель в состав автономной Сибирской области, т. к. опасался влияния консерваторов и клерикалов [7].

Трансформация мировоззрения многих будущих советских деятелей из мусульман пришлась на 1917 г. и Гражданскую войну, когда начались серьёзные изменения «в умме и умах». Надежды, мечты, идеалы подхвачены потому, что просто объясняли сложные вопросы бытия – « пороками капитализма», с которыми посредством классовой борьбы и мировой революции можно покончить. Подхватила эти идеи учившаяся в новометодных и светских учебных заведениях молодежь, ибо само стремление к реформации там заложено.

Часть мусульман приветствовали Октябрьскую революцию и приняли активное участие в установлении здесь советской власти. Одним из красных отрядов в 1918 г. руководил житель алтайской д. Назаровки М. Массаутов. Позже некоторые поменяли приоритеты.

Утвердившись в большинстве уездов Сибири и Дальнего Востока в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. советская власть не везде смогла её удержать, а регион иногда имел двоевластие и троевластие (в том числе с учётом оккупации иностранными войсками), но в некоторых регионах реформа взаимоотношений государства и религиозных институтов произошла. О продолжавшемся расколе свидетельствует неудачная попытка создать Областной совет казахских депутатов в Омске в начале 1918 г.

Аналогично процесс протекал в других районах Сибири и Урала, где провозглашались различные образования с органами управления: Западно-Сибирским комиссариатом, Временным правительством автономной Сибири и др. Различие в подходах к вопросам жизни мусульман проходили на мировоззренческой почве. Но, очевидно, религию оказалось сложно искоренить. Это признало и Временное Сибирское правительство, устами Министра просвещения заявив, что планирует «в ближайшее полугодие (пока не будет решен, как предполагалось, вопрос об отношении религии и государства. – А.Я.) оставить духовные школы в первоначальном положении и испрашивать кредит на личный состав, не предпринимая дальнейшей их судьбы» [8].

Примечания

1. Шиловский М.В. Реквизиция «инородцев» Сибири на тыловые работы в 1916 году // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. докл. и мат. Межд. науч. конф. Пермь, 2014. С. 118–119.
2. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. М., 1960. С. 480, 492, 519.
3. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 79.
4. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 3: Трансформация уммы в XIX – XXI вв. / под ред. А.П. Яркова. М., 2015. С. 193.
5. Ислам на Нижегородчине: энцикл. словарь / колл. авт., отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2007. С. 32–33; Шакуров К.Р. Деятельность мусульманской секты «Ваисовский божий полк» в Томской губернии // Известия Алтайского гос. ун-та. Сер.: история, политология. № 4/3. Барнаул, 2007. С. 212.
6. Ислам на Урале: энцикл. словарь / колл. авт., сост. А.Н. Старостин, отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М., 2009. С. 31.
7. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 291.
8. «Реальная» политика Временного Сибирского правительства // Белая армия. Белое движение: науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 2001. № 9. С. 38.

Е.А. Шкрибитько, А.А. Ектова

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА НОВОРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1914–1918 гг.

О важности промышленного освоения Донбасса и о его природных богатствах говорилось с 30-х гг. XIX в., хотя попытки изучения промышленного потенциала региона предпринимались намного раньше. Именно благодаря выгодному географическому положению и близости сырьевых ресурсов, в Донбассе стало возможным развивать металлургическую промышленность, которая послужила своеобразным толчком к началу развития края. Изучение социального положения трудящихся

необходимо, чтобы оценивать политические и экономические процессы любого исторического события. Последствия русской революции выявили важные социально-экономические проблемы, которые прослеживались в рабочей среде Юзовского металлургического завода.

В начале XX в. на промышленных предприятиях и железных дорогах Донбасса трудились около 170 тыс. человек. Для сравнения, в последний предвоенный год только на каменноугольных рудниках и металлургических заводах количество рабочих достигло 215 тыс. по сравнению со 111 тысячами в 1900 г. Этот факт говорит об удвоении численности рабочих Донбасса всего лишь за 13 лет [1].

Даже не смотря на то, что в Юзовке в год начала Первой мировой войны насчитывалось порядка 60 тыс. жителей, руководители Новороссийского общества (НРО) были против преобразования поселка в город. Это было вызвано тем фактом, что статус «города» обязывал власти выделять немало средств на его облагораживание, а это, естественно, было не выгодно [2].

Горловка, Макеевка, Енакиево, Константиновка, Щербиновка в те времена считались крупными промышленными поселками. Население этих поселков быстро росло. К примеру, в год первой русской революции в рудничных поселках проживало 118,4 тыс. человек, а к 1913 г. население составило почти 374,3 тыс. Исходя из этих данных, видно, что за восемь лет население увеличилось в три раза. Необходимо заметить, что, даже не смотря на такой рост населения, поселкам по-прежнему не присваивали статус города. Они находились под прямым контролем владельцев шахт, которые также не занимались их облагораживанием [3].

Летом 1914 г. с первой мобилизацией в царскую армию из шахт и заводов Донбасса на фронт ушло от 30–35 до 50 % рабочих мужчин. На данном этапе правительство вынуждено было давать отсрочки от призыва в армию для того, чтобы поддерживать промышленность региона и обеспечивать военные заводы. В частности, 6 декабря 1915 г. было утверждено «Положение о порядке предоставления отсрочек по призывам в армию на текущую войну», которое вносило ясность в данную проблему. Однако к этому времени большинство квалифицированных рабочих уже были призваны в армию [4].

В августе 1914 г. началось массовое сокращение производства. Для того, чтобы приостановить этот процесс, а также в целях его расширения, к работе на шахтах и заводах стали привлекать неквалифицированных рабочих – женщин, беженцев и подростков. Нередко они прибывали в регион из других районов страны. Представители мелкой буржуазии также устраивались на работу в шахты. Делали они это для того, чтобы

избежать отправки на фронт. В 1916 г. в Донбасс на работы стали посылать и военнопленных [5].

Таким образом, правительству удалось сохранить и превзойти довоенную численность шахтеров, металлургов и железнодорожников, а также рабочих металлообрабатывающей промышленности. Для сравнения: если в год начала Первой мировой на шахтах региона работало около 186 тыс. человек, в 1916 г. их численность увеличилась до 247 тыс. человек. На металлургических заводах ситуация складывалась подобным образом: в 1914 г. количество рабочих составило 55 тыс. человек, а в 1916 – 75 тыс. [6].

С развитием боевых действий появилось множество паровозов и вагонов, нуждавшихся в ремонте. Это, в свою очередь, привело к увеличению количества рабочих и на железнодорожном транспорте, особенно в мастерских. Таким образом, численность промышленных рабочих в Донбассе за годы Первой мировой войны увеличилась, составив к концу 1916 г. около 370 тыс. человек.

В ряде документов, касающихся имущественного положения людей, которые отправлялись в Донбасс с целью работать на шахтах и заводах, отмечалось, что, во-первых, они были выходцами из центральных районов России и с Украины, а во-вторых, они в большинстве своем были сельскими пролетариями и полупролетариями. Так, согласно переписи сельского населения Тульской губернии, проведенной в 1910–1912 гг., с данной территории выселились и ушли на работы, в том числе и в Донбасс, 66,4 тыс. мужчин и 61,9 тыс. женщин [7].

В резолюции VI съезда РКП(б) дана характеристика экономического положения края накануне Октябрьской революции: «В результате, после трех лет войны, экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствия всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д. Страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели» [8].

В октябре 1918 г. добыча угля на шахтах составила 27 млн пудов. По сравнению с началом года произошло почти трехкратное сокращение производства. Недостаток топлива и сырья вызвал в регионе кризис в промышленности, из-за которого ряд предприятий вынужден был остановить свою работу: уже осенью 1918 г. в Донбассе функционировали

две доменные печи из имевшихся тогда 65, а из 102 мартеновских печей работало всего семь [9].

В период с января по май 1919 г. экономическое положение Донбасса было катастрофическим. Из-за прошедших боевых действий отдельные заводы, рудники и целые районы неоднократно переходили из рук в руки. Для того, чтобы спастись от послевоенного голода и репрессий, рабочие с семьями уходили в села. Многие предприятия в данный период полностью прекратили свою работу. «Шахты и рудники Донецкого бассейна почти разрушены, – сообщала 9 апреля 1919 г. газета «Известия НКПС Украины». – На многих из них работа остановилась, а рабочие находятся в бедственном положении. Нет леса, вагонеток, бензина, смазочных материалов... хлеба» [10].

К концу Гражданской войны Донецкий бассейн представлял собой край невероятных разрушений. Из 1607 шахт, работавших в 1913 г., в 1920 г. действовало всего 981. Из 625 крупных шахт, дававших в 1913 г. по 15 млн пудов угля каждая, осталось только 233 шахты, требовавших капитального ремонта [11]. 2376 угольных предприятий нуждались в капитальном ремонте, под завалами оказалось 1,8 млрд пудов угля, 3,3 млрд были затоплены. На начало 1921 г. добыча угля, по сравнению с довоенным уровнем, сократилась в 1,5 раза [12].

После проведенной реконструкции в 1914 г. металлургический завод Джона Юза выплавил свыше 20 млн пудов чугуна [13]. Царское правительство освободило заводских рабочих от призыва. Даже в дни всеобщей мобилизации в армию пошли единицы – из мартеновского цеха всего лишь 8 человек, по другим цехам – еще меньше [14]. С началом Первой мировой войны НРО получило огромные заказы, позволившие вновь расширить производство. В это время на заводе работало 4 домены, все прокатные цеха, печи нового и старого мартена в количестве 13 штук; ремонтные мастерские были приспособлены для военных нужд [15]. Выпуск чугуна в 1916 г. составил 24 млн пудов, кокса было выжжено 22,5 млн пудов. С ростом выплавки чугуна резко увеличился и выпуск остальной продукции: стали – 14 и проката 18 млн пудов. Был пущен в ход снарядный цех [16].

Позиции управляющего заводом Адама Свицына прочно укрепились в годы Первой мировой войны. С началом военных действий он распорядился создать на заводе продовольственные комитеты, призванные решать вопросы снабжения продовольствием, и разработал правила и нормы выдачи товаров [17]. Несмотря на сложные условия, Свицыну удалось сохранить цены на все товары на уровне довоенных, которые продержались вплоть до 1917 г. [18].

Заработная плата на заводе также оставалась довоенной: в доменном цехе она составляла 54 руб., железопрокатном – 60, снарядном – 49, у грузчиков – 30 руб. За 1915 г. на шахты и завод прибыло 26 106 человек, а убыло 25 634, при общем количестве работающих в 21 896 человек. К началу 1916 г. в НРО работало 9002 человека, из них более 500 – служащих [19].

20 ноября 1917 г. из Харькова на завод вернулся инженер-консультант Росси. С разрешения Адама Свицына он взялся за подготовку металлургического завода Новороссийского общества к остановке, отдал распоряжение прекратить закупку сырья и материалов, приостановил строительство помещений под снарядные цеха. Увольняя рабочих, он приступил к сворачиванию производства снарядов, подков и мостов.

После Февральской революции существенных изменений в ситуации на заводе не произошло, производительность предприятия понизилась, а зарплаты уменьшились. В таком состоянии предприятие еле-еле дотянуло до осени [20].

В середине сентября Адам Свицын потребовал от заводского комитета профсоюзов невмешательства в дела и распоряжения администрации. В случае отказа он угрожал закрытием завода. Узнав об этом, рабочие выступили в поддержку завкома профсоюза, пригрозили стачкой. Комитет принял решение перейти на восьмичасовой рабочий день. Свицын еще не успел смириться со своим поражением в борьбе с завкомом, как мартеновцы выдвинули требование о повышении заработной платы. Он вновь стал угрожать расчетом, но мартеновцев поддержали рабочие остальных цехов [21].

В июле 1918 г. в Юзовке начались обыски и аресты. Арестовывали всех, на кого указывали полицейские, шпионы и другие информаторы. Уничтожали семьи красногвардейцев и активистов советской власти. Однако на первый взгляд в городе всё было спокойно: торговали купцы, работали конторы ростовщиков, спекулировала «мелкая базарная сошка» [22].

В 1918 г. металлургический завод НРО массово покидали иностранцы. В мае в Юзовку вошли австрийцы, а в конце мая – немцы. Предприятие перестало работать совсем. Уголь в шахтах собирали в мизерных количествах [23]. 28 ноября Адам Свицын телеграфировал правлению Новороссийского общества, что «все англичане ... отказались от службы ... Могли бы удержать всех или часть из них, если бы Общество гарантировало ... ежемесячную уплату по счетам жалований в Лондоне» [24].

Всё делалось по планам директора и его компаньонов, но Адам Александрович, намекая на советскую власть, писал, что общее положение

ние дел на заводе и в стране «ниже всякой критики. По всей вероятности, промышленность доживает последние дни, несмотря на все усилия» [25]. Весь январь правление Новороссийского общества в Лондоне занималось срочной распродажей ранее закупленного для завода оборудования.

Из-за политического кризиса в регионе и в стране в целом в 1919 г. завод медленно «доживал» последние дни. Из-за невозможности жить в городе, рабочие убегали. Управляющий Новороссийского общества Адам Свицын в июне получил телеграмму от заводских рабочих, в которой говорилось, что им не хватает еды и денег, а ситуация в крае складывается критическая. Рабочие отмечали, что на протяжении трех недель поставки продовольствия вовсе отсутствовали. Кроме этого, в конце июня в Юзовке разразилась эпидемия тифа. Подавляющее большинство обращений рабочих в заводоуправление с просьбой оказать денежную помощь или выдать зарплату авансом не удовлетворялись вообще [26].

С 13 января по 1 марта 1919 г. Наркомпрод УССР направил в Донбасс и Криворожье 195 вагонов хлеба. Однако положение с хлебом продолжало оставаться напряженным. При месячной норме около 300 вагонов продовольствия, освобожденные районы Донбасса получили от Наркомпрода УССР в феврале – марте 1919 г. – 84, а в апреле – 134 вагона [27].

Трагические события 1914–1918 гг. отразились и на развитии металлургического завода НРО. Даже несмотря на Первую мировую войну, завод продолжал работать и развиваться: была проведена реконструкция, введены в строй новые доменные печи, проведена электрификация нескольких станков. Упадок завода начался в 1918 г. Это было связано с установлением двоевластия в Юзовке, отсутствием грамотного руководителя завода и проблемами в самом Новороссийском обществе.

Примечания

1. Иванов А.А., Бунтовский С.Ю. Донбасс: Русь и Украина. Очерки истории. Донецк, 2013. С. 84.
2. Там же.
3. Кульчицкий С.В. История рабочих Донбасса. Киев, 1981. С. 79.
4. Стёпкин В.П. Всё о Донецке. Донецк, 2004. С. 75.
5. Там же.
6. Федько А.А. Промышленность Юзовки и война. URL: <http://infodon.org.ua/uzovka/57> (дата обращения: 01.07.2017).
7. Кульчицкий С.В. Указ. соч. 1981. С. 76.
8. Егоров А.Г. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1. С. 582.

9. Бунтовский С.Ю. История Донбасса. Донецк, 2015. С.133.
10. Кульчицкий С.В. Указ. соч. С. 183.
11. Диденко Г.Д. Рабочий класс Украины в годы восстановления народного хозяйства. Киев, 1962. С. 17.
12. Там же.
13. Володин Г.Г. По следам истории. Донецк, 1967. С. 91.
14. Там же.
15. Государственный архив Донецкой народной республики (далее – ГА ДНР). Ф. Р-231. Оп. 1. Д. 967. Л. 16.
16. Володин Г.Г. Указ. соч. С. 91.
17. Нестерцов В., Нестерцова С. По совести и призванию // Негоциант. 2002. № 16. С. 29.
18. Стёпкин В.П. Указ. соч. С. 103.
19. Володин Г.Г. Указ. соч. С. 93
20. ГА ДНР. Ф. Р-231. Оп. 1. Д. 967. Л. 17.
21. Володин Г.Г. Указ. соч. С. 121.
22. Там же. С. 140.
23. ГА ДНР. Ф. Р-231. Оп. 1. Д. 967. Л. 18.
24. Володин Г.Г. Указ. соч. С. 154.
25. Там же. С. 162.
26. Ясенов Е. Как кузнец Мерцалов жизнь спасал. URL: <http://donjetsk.com/letopis/899-kak-kuznes-mercalov-zhizn-spasal.html> (дата обращения: 01.07.2017).
27. Володин Г.Г. Указ. соч. С. 189.

А.Н. Деордиева

**ВЛАДИМИР ФЕОФИЛОВИЧ ЗЕЕЛЕР – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ДОНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИИ КАДЕТОВ,
КОМИССАР ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГЛАВА
ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ**

Владимир Феофилович Зеелер – один из тех общественных деятелей России начала XX в., которые до сих пор остаются недооцененными. Его общественно-политическая деятельность, к сожалению, была обделена вниманием отечественных историков. Вместе с тем деятельность В.Ф. Зеелера в качестве председателя Донского отделения кадетской пар-

тии, комиссара Временного правительства, ростовского градоначальника представляет несомненный интерес для исследователей.

Владимир Феофилович Зеелер родился 6 июня 1874 г. в Киеве. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Позже переехал в Ростов-на-Дону, где работал присяжным поверенным. Выступал защитником во многих политических процессах.

Начало политической деятельности В.Ф. Зеелера совпало с Первой русской революцией. В.Ф. Зеелер стоял у истоков создания донского отделения конституционных демократов. В ноябре 1905 г. состоялось учредительное собрание ростовских кадетов, на котором был избран организационный комитет Ростово-Нахичеванского отделения Партии народной свободы. В него было избрано 11 человек: В.В. Акимов, К.И. Берберов, А.З. Городисский, А.С. Дерезанов, Д.И. Жученков, С.И. Кошкин, И.Г. Коган, А.М. Коган, А.П. Хартахай, М.Л. Фридман, а также В.Ф. Зеелер [1].

Донские кадеты придавали большое значение вхождению в органы городского самоуправления, что расширяло, по их мнению, кадетское влияние на местное общество. Владимир Феофилович принимал активное участие в выборах гласных в Ростовскую городскую думу, которые проходили в конце 1909 г. – начале 1910 г.

Результаты этих выборов оказались благоприятными для него. С 1910 по 1913 г. В.Ф. Зеелер участвует в городском общественном самоуправлении в качестве гласного Ростовской городской думы. В Думе он состоял в юридической комиссии [2].

В.Ф. Зеелер был широко образованным человеком, большим знатоком живописи. Он был одним из основателей Ростово-Нахичеванского общества изящных искусств, учрежденного в 1907 г. С 1910 по 1918 г. Владимир Феофилович был председателем этого общества.

Начиная с 1911 г., Ростово-Нахичеванское общество изящных искусств организовывало ежегодные весенние выставки, что для Ростова было значительным культурным событием, ранее не проводившимся. В.Ф. Зеелер собрал прекрасную коллекцию ценных картин, которая в настоящее время составляет часть коллекции Ростовского областного музея изобразительных искусств [3].

Важную роль в агитационной работе кадетское руководство отводило периодической печати. Осенью 1915 г. донские кадеты приняли решение начать издание своей газеты [4]. В январе 1916 г. вышел первый номер этой газеты. Она издавалась под названием «Ростовская речь». В.Ф. Зеелер посвящал много времени публицистической работе, активно участвовал в издании газеты, на страницах которой проходил обмен

мнениями, обсуждались вопросы отношения к войне, к правительству, к работе Государственной думы, аграрный и рабочий вопросы, публиковались материалы о проведении партийных мероприятий и постановления кадетских собраний.

Владимир Феофилович участвовал в работе съездов и конференции кадетской партии. В июне 1915 г. в Петрограде состоялась партийная конференция, в которой приняли участие представители 37 местных партийных комитетов. От области Войска Донского на конференции присутствовало 5 делегатов: член Думы М.С. Аджемов, председатель Ростовского комитета В.Ф. Зеелер, член Ростовского комитета Н.М. Фридман, член Новочеркасского комитета А.И. Петровский и представитель Таганрогского комитета А.С. Безчинский.

Повестка дня конференции была насыщенной и включала доклад об экономическом развитии страны, аграрный, финансовый и национальный вопросы. Одним из важнейших вопросов конференции был вопрос о партийной тактике. Как известно, начавшаяся Первая мировая война самым серьезным образом изменила позицию кадетов по отношению к правительству. Кадеты торжественно заявили о своем «единении» с правительством и о необходимости отложить все «распри» до победоносного окончания войны.

Военное время, неудачи на фронте, плохое обеспечение армии, ухудшение экономической жизни в стране вызывали острую критику правительства со стороны всей прогрессивно настроенной части российского общества. В таких условиях рядовые члены кадетской партии задавались вопросом – целесообразно ли придерживаться принятого лозунга «общественного единения» и потребовали созыва партийной конференции для обсуждения и выработки тактической линии партии в данных условиях.

В.Ф. Зеелер, как председатель Ростовского комитета партии, выступал на конференции с докладом. В своем выступлении он сообщил, что на созванной накануне конференции собрании донских кадетов была выработана резолюция, которая является отражением тактики донских кадетов в военное время: во-первых, добиваться нового созыва Государственной думы, во-вторых, требовать создания ответственного министерства, в-третьих, направить деятельность донских кадетов на оказание помощи фронту и оборону страны [5].

Таким образом, из выступления В.Ф. Зеелера на конференции следует, что, несмотря на развернувшиеся споры об изменении тактики партии, донские кадеты продолжали настаивать на прежней политической линии, выработанной еще в воззвании от 26 июля 1914 г. По мнению

донских кадетов, все члены партии должны отложить на время чисто партийную работу и посвятить себя делу обороны страны.

В годы Первой мировой войны донские кадеты приняли самое активное участие в создании общественных организаций помощи фронту. В области Войска Донского был открыто Донское отделение Всероссийского земского союза, Ростовский-на-Дону областной комитет Всероссийского союза городов, Ростовский областной военно-промышленный комитет (ВКП).

В августе 1914 г. область Войска Донского вступила во Всероссийский земский союз, в Ростове был образован Донской комитет союза. Уже в ноябре 1914 г. создан Доно-Кубанский комитет Всероссийского земского союза, в состав которого вошли шесть местных комитетов Донской и Кубанской областей. Председателем комитета был избран депутат Государственной думы – В.А. Харламов, заместителем председателя – В.Ф. Зеелер.

В июне 1915 г. состоялось первое заседание Ростовского ВПК, на котором был избран президиум. Председателем комитета стал Н.Е. Парамонов. Владимир Феофилович Зеелер был избран начальником юридического отдела [6]. Только по инициативе и при непосредственном участии таких известных на Дону общественных деятелей, как В.Ф. Зеелер, и смогли возникнуть эти общества, роль которых в обеспечении помощи фронту была велика.

Наиболее активно участвовать в политической жизни и государственном управлении В.Ф. Зеелер начал после того, как произошла Февральская революция, которую он встретил с большим воодушевлением. Сообщения о Февральской революции и об отречении Николая II от престола на Дон поступили 2 марта 1917 г. В области Войска Донского началось формирование новых органов власти.

По сообщению газеты «Приазовский край» от 6 марта 1917 г. ростовский градоначальник Н.П. Мейер передал управление в Ростовском градоначальстве в руки В.Ф. Зеелера, председателя Ростово-Нахичеванского комитета кадетской партии [7].

Кандидатура Владимира Феофиловича была утверждена Временным правительством. В телеграмме министра внутренних дел сообщалось: «Вы назначены Временным правительством его комиссаром по Ростовскому градоначальству с возложением обязанностей градоначальника. Назначение другого лица на должность градоначальника недопустимо и совершенно не вызывается интересами дела» [8].

Как писал в своих воспоминаниях А.П. Богаевский, командующий войсками Ростовского гарнизона в январе 1918 г., «Владимир Феофило-

вич Зеелер был огромного роста, живой и остроумный. Долго живя в Ростове, он знал здесь всех и каждого, разбирался в сложных местных отношениях, умел улаживать всякие недоразумения, где добродушной усмешкой и веселой речью, а если нужно, то и твердым решительным словом» [9]. А.П. Богаевский характеризовал Владимира Феофиловича как честного, энергичного градоначальника и незаурядного политического деятеля.

В начале марта 1917 г. в Ростове был образован Гражданский комитет и сформированы руководящие органы комитета. Председателем Гражданского комитета стал В.Ф. Зеелер. В Президиум комитета были избраны Н.Е. Парамонов, В.В. Асмолов, Г.Х. Чалхушьян, В.В. Курилов, в бюро – А.С. Альперин, И.А. Малиновский, М.Х. Генне, Ф.О. Фоллендорф и другие [10].

Позднее 30 представителей от Гражданского комитета, 30 от Совета рабочих и солдатских депутатов, 14 от солдат, офицеров, студентов вошли в образованный в Ростове Общественный комитет. От Гражданского комитета в Общественный комитет вошли кадеты В.Ф. Зеелер, Н.Е. Парамонов, А.И. Малиновский, А.С. Дерезанов, Ю.М. Лебедев и другие.

Как в центре, так и на местах связь с корниловским мятежом нанесла большой вред Партии народной свободы. После его провала конституционно-демократическая партия оказалась в глазах обывателей скомпрометированной участием в заговоре, левые газеты резко критиковали кадетов. Особо преуспела в этом большевистская пресса, обвинявшая во всех бедах в стране кадетов и буржуазию. На Дону была предпринята неудавшаяся попытка отобрать у кадетов посты Ростовского градоначальника и комиссара Временного правительства, которые занимали В.Ф. Зеелер и М.С. Воронков.

На собрании членов Совета рабочих и солдатских депутатов 2 сентября 1917 г. был поднят вопрос об отстранении градоначальника Ростова В.Ф. Зеелера от должности, так как он является членом Партии народной свободы, а также об исключении его из комитета спасения России и революции. Была вынесена следующая резолюция: «Данных о причастности Зеелера к контрреволюции нет, но в данной политической обстановке, будучи членом Партии народной свободы, он не может оставаться на посту градоначальника» [11]. Ростовская городская дума приняла схожую резолюцию, о чем в телеграмме было сообщено правительству.

В.Ф. Зеелер дал разъяснение министру внутренних дел по поводу указанных резолюций. Он отметил, что с одной стороны, под подозрение взята вся кадетская партия, с другой стороны, речь идет об ограничении прав и свобод гражданина, если он исповедует не те политические

убеждения, что большинство членов городского самоуправления, либо совета рабочих и солдатских депутатов [12].

18 сентября В.Ф. Зеелер получил от министра внутренних дел А.М. Никитина телеграмму следующего содержания: «Принадлежность комиссара Временного правительства к какой-либо партии не может служить причиной его отстранения от должности в том случае, если им выполняются все распоряжения правительства. Будучи знаком с вашей деятельностью, не вижу причин для отстранения вас от должности комиссара» [13].

Большое значение для активизации деятельности донских кадетских комитетов осенью 1917 г. имел областной партийный съезд. Он состоялся 8 октября 1917 г. Всего на съезде присутствовало более 50 делегатов. Председателем съезда был избран В.Ф. Зеелер. Главной задачей повестки дня съезда было составление списка кандидатов в Учредительное собрание [14].

Съезд открыл В.Ф. Зеелер. В своем выступлении он поделился с присутствующими впечатлениями от поездки в Петроград, где был по вызову министра внутренних дел и встречался с членами ЦК кадетской партии. В.Ф. Зеелер подчеркнул: «Отношение ЦК партии к работе ее Донского отделения положительное, все действия его одобряются, вопрос об участии членов партии в казачьем списке на выборах в Учредительное собрание решен позитивно». Он коснулся также вопроса борьбы с большевизмом: «Чем сильнее противодействие нам, тем страстнее должна быть наша борьба за спасение Родины, которая, это несомненно, погибает. Если большевики хотят нас съесть, мы должны показать им, что наша кость крепка» [15].

Съезд донских кадетов утвердил кандидатский список на предстоящие выборы в Учредительное собрание в составе 17 кандидатов. Согласно решению IX съезда кадетской партии, утвердившего список наиболее авторитетных активистов, чье прохождение в Учредительное собрание особенно желательно в интересах партии, кандидатуры М.С. Аджемова и В.Ф. Зеелера были включены в список без обсуждения и записаны под номерами 1 и 2 [16].

Выборы в Учредительное собрание в области Войска Донского проводились 12–14 ноября 1917 г. На Дону, как и во всех казачьих областях, советская власть еще не установилась, здесь действовало военное положение, объявленное А.М. Калединым. Результаты выборов для кадетской партии были неутешительны. Она заняла четвертое место, получив 3,08 %. Таким образом, В.Ф. Зеелер не был избран депутатом Учредительного собрания.

Результаты Октябрьской революции 1917 г. были встречены им крайне отрицательно, власть большевиков В.Ф. Зеелер считал незаконной. Зеелер присоединился к командованию Добровольческой армии, в период с 1919 по 1920 гг. он занимал должность министра внутренних дел в созданном при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине Южнорусском правительстве. Когда Белое движение потерпело поражение, Зеелеру пришлось эмигрировать во Францию.

В.Ф. Зеелер был видным деятелем русской эмиграции. Он был создателем и руководителем Союза русских писателей и журналистов, одним из руководителей Объединения русских адвокатов, читал лекции, писал статьи, сотрудничал с разными издательствами. Работал Зеелер и над номерами журнала «Русская мысль». В.Ф. Зеелер умер в Париже в 1954 г. и похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Думается, изучение общественно-политической деятельности В.Ф. Зеелера в эмиграции еще станет предметом научного изучения.

Анализ биографии В.Ф. Зеелера свидетельствует, что он сыграл значительную роль в общественно-политической жизни области Войска Донского. Владимир Феофилович был представителем той части донской интеллигенции, которая демонстрировала приверженность либеральным идеалам, стремилась к демократическим преобразованиям на Дону. Благодаря самоотверженному и бескорыстному труду, высокой гражданской позиции В.Ф. Зеелер снискал авторитет и популярность у жителей Ростова-на-Дону.

Примечания

1. Панкова-Козочкина Т.В., Скорик А.П. Первые шаги Донской организации кадетской партии // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 137
2. Памятная книжка области Войска Донского на 1910. Новочеркасск, 1910. С. 91
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 789. Оп. 13 (1909). Д. 92. Л.34
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167. Ч. 20. Л. 33.
5. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 150–151.
6. Отчет о деятельности Ростовского-на-Дону областного ВПК. Вып. 4. Ростов н/Д, 1916. С. 8–9.
7. Приазовский край. 1917. 6 марта.
8. Там же.
9. Богаевский А.П. Воспоминания, 1918 г. Нью-Йорк, 1963. С. 33.

10. Ростовская речь. 1917. 4 марта.
11. Ростовская речь. 1917. 5 сентября.
12. Ростовская речь. 1917. 8 сентября.
13. Ростовская речь. 1917. 19 сентября.
14. Вольный Дон. 1917. 10 октября.
15. Там же.
16. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 722.

С.Д. Багдасарян

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕНДЕРНЫХ РОЛЯХ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ ЮГА РОССИИ В ПОСТОКТЯБРЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Глубокие и масштабные трансформации гендерных отношений, развернувшиеся и набиравшие силу в городах и селах Советской России эпохи нэпа, затронули отнюдь не только семейно-брачные устои. Зримые изменения произошли и в такой непубличной сфере, каковой считалась интимная жизнь крестьянства, межполовые, сексуальные отношения в деревне. Сдвиги, наблюдавшиеся в указанной сфере в 1920-х гг., свидетельствовали об изменениях в области морали и нравственности и в сфере ментальности сельского населения, включая крестьян и казаков Юга России, в связи с чем мы посвятили рассмотрению этих явлений данную статью.

Дополнительную актуальность проблеме трансформации сексуальной культуры населения России в эпоху нэпа придает сложившаяся историографическая ситуация, когда обозначенный дискурс оказался, по верному замечанию Н.Л. Пушкарёвой, «вне внимания “серьезной” науки, надолго отправившей подобную тематику из области гуманитарного знания – в медицину» [1]. В том числе, «в современной исторической науке остается малоизученной и не часто становится объектом научных исследований» [2] и такая щекотливая тема, как интимная жизнь русского крестьянства, – «скрытая повседневность», как ее метко определил В.Б. Безгин [3].

Сексуальные отношения в крестьянской среде в качестве предмета исследования и сферы общественного интереса не часто затрагивались

не только позднейшими исследователями, но и современниками. Закономерным следствием этого стал дефицит информации и порожденная им в научной и особенно околонучной литературе крайняя полярность мнений о степени соответствия интимной жизни крестьянства строгим церковным установлениям. Не случайно В.Б. Безгин справедливо констатирует наличие альтернативных позиций, когда, отвечая на вопрос о том, «высоко ли ценилась девичья честь в русской деревне конца XIX века?», специалисты вовсе не демонстрируют единства оценок, и это, «наверное, вполне закономерно» [4].

Причем так думают не только специалисты, которым сегодня достаточно сложно с полной уверенностью судить об уровне морали и нравственности в давно канувших в Лету крестьянских сообществах. Даже современники в XIX – начале XX в. занимали диаметрально противоположные позиции. Ряд из них утверждал наличие у сельских жителей установки на бдительное слежение за нравственностью молодежи, ибо они подчинялись освященной православием традиции и опасались общественного осуждения добрачных и внебрачных половых сношений [5]. В частности, старожилы Кубани указывают на любопытный способ сохранения девичьей чести: «Каждая казачка, отправляясь вечером на гулянку, обязательно, на всякий случай, одевала панталоны, сшитые из “чёртовой” кожи (прочной плотной хлопчатобумажной ткани атласного переплетения с начесом. – С.Б.) и обязательно с очкурком (ремешок из сыромятной кожи), завязанным калмыцким узлом, концы которого прятались внутрь панталон, а развязать узел могла только сама хозяйка». Такое приспособление защищало хозяйку от нечаянного соблазна вступить в половую связь с понравившимся ей молодым человеком [6]. В противовес этим заявлениям другие современники столь же беспелляционно говорили о равнодушном отношении селян к нарушению церковных запретов в интимной сфере [7]. Южнороссийские материалы также предоставляют основания для сомнений в отрицательном отношении населения досоветских сел и станиц без исключений (или, в подавляющем большинстве) к добрачным и внебрачным половым связям. Так, согласно обоснованным указаниям специалистов, обычное право донских казаков позволяло обманутому мужу избить «наставившую рога» жену и ее любовника, и тем самым нарушение супружеской верности порицалось, хотя сам факт такого нарушения не вызывал удивления и не являлся чем-то очень уж чрезвычайным [8]. С другой стороны, существовало сравнительно спокойное отношение донцов к прелюбодеяниям молодых казачек-жалмерок, иначе говоря, замужних женщин, чьи мужья находились на военной службе. Станичники решительно

осуждали лишь тех жалмеров, которые заводили себе нескольких сексуальных партнеров или же часто меняли таковых [9].

Нельзя здесь не упомянуть и снохачество, то есть сожителство отца-патриарха с женой (женами) своего сына (сыновей). Возникновению, устойчивости и развитию практики снохачества в российской (в том числе, в южно-российской) деревне «способствовали социальные условия: солдатчина и отходничество» [10]. Снохачество, по обоснованному мнению В.Б. Безгина, считалось «фактически обычной стороной жизни патриархальной семьи» [11]. Представители партийного руководства Сталинградской губернии в комментариях собранных в конце 1924 – начале 1925 гг. материалов о культуре и быте донского казачества в досоветскую эпоху подчеркивали, дескать, «обычай у казаков был таков: сыновей женили они рано – лет в 16. Зачастую молодой муж не мог даже отправлять “обязанности” мужа и ему помогал отец... т.е. место мужа занимал здоровый отец и жил со снохой до возмужалости сына» [12]. Или же молодой муж через 1–2 года после свадьбы «уходил на военную службу, а жена оставалась жить в семье мужа, и тут “снохачи” опять вступали в свои права» [13]. «Никому не секрет», как утверждали сталинградские партработники, снохачество у казаков «особенно было развито» [14].

Возможно, со стороны сталинградских партийцев прозвучало слишком уж смелое заявление о существовавшем в среде донского казачества недостойном обычае, поскольку сложно судить об истинных масштабах распространения снохачества, ибо, «в силу своей сущности, оно редко могло быть выявлено и доказано» [15]. В то же время, хотя снохачество не считалось крестьянами и казаками нормальным явлением, оно не очень-то и осуждалось. По справедливому замечанию Т.А. Невской и С.А. Чекменёва, порождаемые снохачеством внутрисемейные (и отнюдь не редкие) конфликты между отцом и сыновьями, снохами и женой отца-патриарха и т. д., по обыкновению не выходили за рамки семьи. Соседи же обычно не расценивали снохачество как тяжкий грех: «В селе с интересом обсуждали известные односельчанам случаи, жалели иногда невесток, но и поведением свекра особенно не возмущались, отношение к нему со стороны знакомых и соседей, в большинстве случаев, не изменялось» [16].

Сельский «мир» не очень-то осуждал и тех женщин, причиной неверности которых своим мужьям являлась «их неспособность к плотскому соитию» [17]. А поскольку браки в деревне, как правило, вершились родителями молодых при полном игнорировании чувств последних друг к другу, разница темпераментов иной раз давала о себе знать, и такой ха-

рактёрный сюжет детально описывается в одной из повестей К.А. Тренёва, выросшего на Дону [18].

Вообще, «в крестьянском дворе, когда бок о бок жило несколько семей, порой возникали замысловатые любовные треугольники» [19]. Помимо сожительства свекра с невестками, «в больших семьях случилось, что невестки жили и с деверями, даже имели от них детей. Если об этом узнавал муж, то нередко происходили драки братьев или отца с сыном, бил муж за это и жену. Однако сожительство такого рода старались скрывать от односельчан, даже если домашним всё становилось известно» [20].

Сопоставляя вышеприведенные полярные мнения о целомудрии и нравственности в семьях российских крестьян, естественно предположить нахождение истины где-то посередине или лишь немного смещённой в одну из обозначенных сторон. Здесь уместно процитировать очень точное, с нашей точки зрения, суждение А.Г. Вишневского о нравственном противоречии в досоветской России, когда «христианский идеал целомудрия и действительное поведение людей, конечно, не совпадали, “культура” и “природа” находились в непрерывном конфликте. Реальная жизнь не укладывалась в узкие рамки господствующей культурной нормы, то там, то здесь выплескивалась из них, так что никогда не было недостатка и в отклонениях от нормы, в “грехе» [21]. Другими словами, крестьяне разных возрастов с уважением относились к обычаям и заветам православной церкви, но, подчиняясь либо неумолимым требованиям молодости, либо многообразным жизненным обстоятельствам, далеко не всегда могли и хотели соблюдать должным образом христианские заповеди о целомудрии и нравственности в добрачных и семейно-брачных отношениях. Проявленная плотская слабость обычно вызывала нарекания и злословие (особенно со стороны женской части населения деревни), но нередко и не осуждалась строго сельским «миром», члены которого и сами порой не обходились в повседневной жизни без греха. Причем чаще всего довольно либеральное восприятие добрачных и внебрачных связей отличало именно мужчин.

Примечания

1. Пушкарёва Н.Л. Историческая реальность и научное знание. Как изучались проблемы истории сексуальной культуры русской дореволюционной наукой // «А се грехи злые, смертные...». Вып. 1. М., 1999. С. 8.

2. Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 32.

3. Безгин В.Б. Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX – начала XX века) // Клио. 2004. № 3. С. 103–108.

4. Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян... С. 33.

5. Так, в 1877 г. С.Г. Смирнов подчеркивал негативное отношение крестьян к добрачным связям, ведь «в некоторых местностях девушка, имеющая ребенка, не находит себе жениха». Стремясь исключить саму возможность таких связей, крестьяне требовали от девушек величайшей скромности. В частности, крестьяне села Ворже Ростовского уезда даже запрещали вечерние посиделки (Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // «А се грехи злые, смертные...». Вып. 1. М., 1999. С. 399, 402, 404).

6. Дейнега В.И., Кравченко В.Я. Семья Дейнегов: 200 лет на Кубанской земле. Новочеркасск, 2010. С. 90.

7. В частности, в 1841 г. А.П. Заблоцкий-Десятовский писал об упадке нравственности, поскольку «целомудрие не имеет большой цены в глазах нашего народа до такой степени, что во многих губерниях, как, например, в Калужской, уже уничтожился старинный обычай вскрывать постель молодых» в целях доказательства девственности невесты (Заблоцкий-Десятовский А.П. О крепостном состоянии в России. Записка 1841 г. // «А се грехи злые, смертные...». Вып. 1. М., 1999. С. 289). В 1858 г. в сибирской деревне, по утверждению современника, «нравственность замужних женщин если не везде, то большей частью одинакова с нравственностью девиц; только последствия их разврата скрываются за именами мужей, искусно обманываемых, а большей частью очень равнодушных к похождениям своих жен по той простой причине, что немногие из них сами добровольно откажутся от нарушения святости брака, если к тому представится случай» (Якушкин Е.И. Обычное право // «А се грехи злые, смертные...». Вып. 1. М., 1999. С. 326).

8. Рыблова М.А. Огонь, вода и... сковорода: к вопросу о позорящих наказаниях по обычному праву донских казаков // Дикаревские чтения (13). Краснодар, 2007. С. 398, 399, 400.

9. Там же. С. 399.

10. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 124.

11. Безгин В.Б. Скрытая повседневность... С. 105.

12. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 33.

13. Там же. Л. 34.

14. Там же.

15. Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры / под ред. проф. А.П. Скорика. Ростов н/Д, 2005. С. 304.

16. Невская Т.А., Чекменёв С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994. С. 135.

17. Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян... С. 39.

18. В повести К.А. Тренёва «Мокрая балка» сын деда Качки – богомольный и меланхоличный Тихон – не соответствовал бурному темпераменту своей жены Одарки, в связи с чем она завела себе любовника: он в повести именуется как Шейкин солдат. Однажды ночью Тихон «вышел на ток – что-то залаяла собака – и при месяце наткнулся в соломе на Одарку с Шейкиным солдатом. Ничего не сказал Тихон, когда Одарка вернулась в хату. Только, бледный, прошептал: – Господи... Да хоть бы ж не в Великий пост... Одарка вызывающе тряхнула высокой грудью и сказала, нехорошо смеясь: – Ну, так я тебя разважу, чтоб не журился: я на масляной ещё больше гуляла!» (Тренёв К.А. Мокрая Балка // Тренёв К.А. Повести и рассказы. М., 1977. С. 126).

19. Безгин В.Б. Скрытая повседневность... С. 106.

20. Невская Т.А., Чекменёв С.А. Указ. соч. С. 135.

21. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 139.

В.А. Агеева

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНО-БЫТОВЫХ ПРАКТИК ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Октябрьские революционные события 1917 г. означали для России не только смену политического режима и социально-экономической структуры, но стали основой для зачастую радикальных преобразований традиционного, веками складывающегося жизнеустройства и культурно-бытового уклада населения страны в целом и казачества в частности. Диктатура пролетариата провозгласила в качестве задач подавление сопротивления свергнутых классов, их перевоспитание и определила но-

вую шкалу социальной иерархии, в которой «бывшим» – в противоположность их «высокому положению» в царской России – теоретически было уготовано место социальных изгоев. Вследствие целенаправленной политики советской власти (расказачивание) и социально-экономических, научно-технических, духовно-культурных модернизационных процессов эпохи социализма сообщество локальных казачьих поселений трансформировалось по многим характеристикам: демографическим, социальным, хозяйственно-бытовым, социокультурным, психологическим, ментальным и т. д. [1].

Появившийся в последние десятилетия солидный публикационный массив по истории казачества свидетельствует о глубоком научном интересе отечественных историков к различным аспектам возрождения казачества и определение его исторического места [2]. И вполне правомерно профессиональное сообщество ставит задачи, направленные на разрешение дилеммы: казачество как социокультурная группа постепенно «растворилась» в советском обществе, теряя свою этнокультурную неповторимость, либо в процессах советской модернизации отдельные черты казачьей самобытности, иногда вступающие в противоречия с системой социалистических ценностей, периодически проявляли себя, несмотря на их размывание и трансформацию в ходе процессов советизации казачества.

В работах А.В. Венкова [3], М.А. Рыбловой [4], А.П. Скорика [5], Е.Ф. Кринко [6] актуализируется осмысление социально-экономических, демографических, культурно-бытовых аспектов повседневной жизни казачьих поселений в условиях Гражданской войны, социалистической модернизации всей страны и унификации практик социалистического общежития. Отдельные аспекты культуры казачества в контексте социокультурных трансформаций на протяжении всего его исторического развития прописаны в коллективном труде отечественных историков «Очерки истории и культуры казачества Юга России» [7].

Логично и обоснованно выписан сюжет формирования новой советской праздничной обрядности в станицах юга России в 1920-е гг. в статье Р.Г. Тикиджяна. Исследователь конкретизирует те трудности, с которыми столкнулась советская власть при попытке организовать новые формы досуговой и праздничной деятельности среди жителей Дона и Кубани. И совершенно логично автор в своей работе приходит к выводу, что «на протяжении 1920-х гг. советская культурная модернизация... в казачьих регионах юга России была опосредована не только факторами, общими для всей советской доколхозной деревни, но особыми натянутыми отношениями между крестьянством, казачеством и властью, слабостью сельских и казачьих парторганизаций, недостатками

в развитии культурно-просветительной сети, большей устойчивостью религиозных и бытовых традиций... Более основательно процесс синтеза старых и новых элементов культуры вновь проявился лишь после завершения массовой коллективизации южнороссийской деревни, только со второй половины 1930-х – нач. 1940-х гг. в связи с компанией “За советское казачество”... Начался процесс диалогового взаимодействия старой и новой культурных парадигм, их постепенная “конвергентная” трансформация в условиях социалистической модернизации, который продолжался и позднее, в 1950–1970 гг.» [8].

В коллективной статье «Традиции донского казачества в контексте исторического времени» делается попытка воспроизвести элементы казачьих традиций с опорой на устные источники [9]. Обращает на себя внимание и статья Н.А. Власкиной «Процессы трансформации традиционной культуры на Дону в советский период (1960–1980-е гг.)», содержащая вывод о том что «вследствие модернизационных процессов и целенаправленной политики советской власти произошло практически безвозвратное изменение социально-бытового контекста фольклора» [10].

Прорывом в исследовании историко-культурного развития донского казачества явились труды М.А. Рыбловой, среди которых особенно следует остановиться на статье «Казачий праздник: эволюция, трансформации, проблемы изучения и сохранения», в которой представлены результаты полевых этнографических исследований календарной обрядности донских казаков, осуществленных в 1983–2011 гг. В ней автор обратилась к истокам самобытности праздничной казачьей культуры, раскрыла особенности ее эволюции и трансформации в период социалистической модернизации и, что особенно важно, выделила основные проблемы изучения, сохранения и возрождения традиционных календарных обрядов казаков в наши дни [11].

В нашей работе мы обратим внимание на трансформационные процессы в религиозной повседневности казачества в условиях советского периода.

До 1917 г. православие было для казачества не просто верой, а фундаментом всего жизненного уклада. У казака с церковью было связано рождение, крещение, венчание и погребение. Весь хозяйственный год регламентировался в соответствии с церковным календарем: после Троицы косили сено, после Рождества Пресвятой Богородицы убрали виноград. У каждого казачьего войска был святой-покровитель, его день отмечали как главный войсковой праздник. Самым значимым праздником русского казачества считается Покров Пресвятой Богородицы. Без молитвы не начинали и не заканчивали ни одно дело и прием пищи даже

в полевых условиях. При входе и выходе в курень крестились «на образа», мужчины предварительно снимали шапку.

После установления советской власти религиозная вера во всех ее проявлениях считалась заблуждением, которое следует подавлять и искоренять. Государственный атеизм стал насаждаться повсеместно, в том числе и в среде казачьего сообщества.

В глазах большевиков разрушение церквей являлось не преступлением или безнравственным деянием, а очередным шагом на пути к «светлому будущему» и безрелигиозному обществу. Для казачества, как, впрочем, и для всего сельского населения, разрушение и осквернение церквей стало символом полного краха прежней системы ценностей и всего миропорядка.

Из материалов этнографической экспедиции Волгоградского государственного университета: «Ограду разобрали, начали колокол спускать, а колокол громадный, спускали и отбили яму край. Теперича эту церкву – подложили под него чевой-то и взорвали. Ну что мы сделаем? Власть не такая теперь стала, какая в старинное время была. И вот и разобрали церкву. Кричал весь народ, криком кричал, что церкву порушили – кому она мешала, кого трогала... Кричали все. И могилки все разгородили – там же огромная ограда была кирпичное всё» [12].

Важную роль в противостоянии традиционной религиозной и новой праздничной культуры в том числе и на Дону советская власть отводила избам-читальням. Подчеркивая роль данных учреждений в организации массового советского досуга, члены Донского окружка РКП(б) указывали в 1924 г., что «через избу и только через нее организуются все агитационно-пропагандистские компании», в частности «празднование 7-й годовщины Октябрьской революции» [13]. В то же время необходимо подчеркнуть, что избы читальни располагались лишь в более или менее крупных сельских населенных пунктах. В хуторах, в небольших слободах и селах их вовсе не было, о чём, например, свидетельствуют данные по Донскому округу на 1 мая 1924 г.: к этому времени здесь насчитывалась всего лишь 161 изба-читальня [14]. Поэтому в относительно небольших населенных пунктах новые «Красные праздники» не отмечались многие годы. Крестьяне и казаки старших возрастов, «темные захоластные массы народа» (по выражению одного из южнороссийских селькоров) не желали менять устоявшийся уклад в своей жизни, заметную роль в котором по-прежнему играли традиционные для казачества церковные праздники, теснейшим образом связанные с сельскохозяйственным циклом. В основном завсегдаем изб-читален являлась сельская молодежь. Как

констатировал один из донских партработников 1926 г., «молодые крестьяне, хотя в спорах и доказывают, что Бог есть, однако предпочитают ходить даже в плохую избы-читальню, чем в церковь» [15].

Именно молодежь и стала основным носителем новой социалистической культуры. Потомственный казак В.В. Налетко вспоминал, «что избы-читальни посещала молодежь, представителям среднего и старшего поколения это не подошло... старики, садясь за стол, говорили молодым: “Мурло (лицо. – В.А.) хоть перекрести”» [16]. В х. Сусаты, рассказывает Л.С. Здоровцева, «при разрушении местного храма один из комсомольцев стрелял по иконам приговаривая: “Если бог есть пусть он что-нибудь сделает”» [17].

В то же время веками формировавшиеся традиции и уклад невозможно было искоренить ни идеологическими формами воспитания и борьбы, ни даже самыми жесткими репрессивными мерами. Жительница г. Семикаракорска Л.С. Здоровцева констатирует: «Ни один из трех существовавших до революции 1917 г. храмов в ст. Семикаракорской не сохранился... они были взорваны... глубоко религиозные люди, как и члены моей семьи, посещали уцелевший Свято-Успенский храм в ст. Кочетовской, до которого было очень сложно добраться, так как он находился на другом берегу Дона, и моя прабабушка брала мою бабушку, тогда еще маленькую девочку, за ручку и на лодке в любую непогоду переправлялась с левого берега на правый, чтобы посетить службу в храме... так поступали и многие другие женщины и люди старшего поколения... моя бабушка напевала мне колядки перед сном... традиции сохранялись в тесном семейном кругу... люди делали то, что до них делали их бабушки и дедушки, мамы и папы... в этом я вижу добрый знак, что никакие запреты не разрушили окончательно доброго отношения к религии» [18]. И таких воспоминаний можно привести множество. И совершенно очевидно, как полагает и М.А. Рыблова, что главными хранителями основ традиционной православной казачьей культуры в эпоху становления и упрочения советского строя выступили женщины и старики [19].

С начала Великой Отечественной войны православная церковь заняла патриотическую позицию, в свою очередь руководство страны пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики, вместе с тем давление на религиозно-традиционную сферу по-прежнему продолжалось в различных формах вплоть до 90-х гг. XX в. «Мне вспоминается, – говорит Л.С. Здоровцева, – как однажды в нашей школе где-то в первой половине 1980-х годов, когда я училась в средней школе, нас собрали в актовом зале для профилактической беседы, связанной с хулиганской выходкой (кто-то разбил окно пожилому человеку), в ходе которой вы-

яснилось, что ребята, ходившие колядовать, стали свидетелями этого происшествия. Причем как только директор школы услышал об участии в обряде колядования пионеров, тема беседы резко изменилась, он стал убедительно разяснять, почему нельзя соблюдать эту традицию и почему нельзя отмечать религиозные праздники» [20]. Помимо «простых увещеваний» применялись и более суровые меры, например, «из пионеров и комсомольцев исключали тех, кто посещал храмы» [21].

Одним из самых устойчивых религиозных обрядовых действий, которые продолжали соблюдать в эпоху социализма даже отдельные коммунисты, являлось таинство крещения. Исстари повелось у казаков почитание крестных родителей наравне с родными. Крестная мать оказывала помощь в воспитании своей крестной дочери. Девочку-казачку она готовила к замужеству, а также приучала ее к домашнему хозяйству. Крестный отец, в свою очередь, подготавливал казака к службе, причем спрос с него за военную подготовку был больше, нежели с родного отца [22].

Возможно, в советское время основная масса казачьего населения крестила своих детей, отдавая дань сложившейся традиции: «...члены партии, комсомольцы в церковь не ходили, а передавали своих детей крестным, в своей массе беспартийным, и те несли детей в церковь, становились им вторыми родителями... кумились... эта традиция была народная, такой она и осталась» [23].

В итоге, следует отметить, что после Октября 1917 г. миллионы людей, считавшихся представителями имущих слоев и привилегированных сословий дореволюционного российского общества, в том числе и казачество, оказались выбиты из привычной социально-культурной и профессиональной среды, подверглась трансформации их система ценностей, изменился механизм передачи культурного опыта и сохранения традиции. И здесь мы совершенно разделяем мнение ряда исследователей (А.В. Венкова, А.М. Рыбловой, Н.А. Власкиной и др.) о том, что в советский период элементы прежней традиционной религиозной казачьей культуры вытеснялись в семейную, приватную, а нередко в нелегитимную сферы жизни. В процессах трансляции и сохранения элементов религиозно-обрядового пласта традиционной культуры казачества ведущую роль сыграли женщины и старики. Именно они соблюдали церковные праздники, сохранили религиозный опыт.

Примечания

1. Агеева В.А., Мерзляков М.П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. № 2. С. 210.

2. Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX в. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vlast.htm (дата обращения: 26.04.2017).

3. Венков А.В. Печать сурового исхода. К истории событий 1919 года на Верхнем Дону. Ростов н/Д, 1988.

4. Рыблова М.А. Культурное наследие казачества Юга России: проблемы изучения, сохранения и воспроизводства // Грани познания. 2010. № 4 (9). С. 23–26.

5. Скорик А.П. Казачья станица в 1930-е годы. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/488/42753.php> (дата обращения: 20.03.2017).

6. Кринко Е.Ф. Историко-культурное наследие казачества Юга России: практики мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2015. С. 126–136.

7. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014.

8. Тикиджьян Р.Г. Казачьи культурные традиции и формирование новой советской праздничной обрядности в станицах юга России в 1920-е годы XX века // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 254.

9. Названова Л.В., Шеверева Ю.И., Якимец М.С. Традиции Донского казачества в контексте исторического времени // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные науки сегодня». 10–11 мая 2016. North Charleston, 2016. С. 22–24.

10. Власкина Н.А. Процессы трансформации традиционной культуры на Дону в советский период (1960–1980-е гг.) // Традиционная народная культура и современность: проблемы сохранения и возвращения в жизнь: Материалы научно-практической конференции, Краснодар, 29–30 ноября 2011 г. Краснодар, 2011. С. 159.

11. Рыблова М.А. Казачий праздник: эволюция, трансформации, проблемы изучения и сохранения. URL: <http://ryblova.ru/stati/obychai-i-obrjady/kazachij-prazdnik-evolyutsiya-transformatsii-problemy-izucheniya-i-sohraneniya> (дата обращения: 25.03.2017).

12. Цит. по: Рыблова М.А. «Устная история» донских казаков в полевых этнографических исследованиях // Вестник ВолГУ. 2012. № 1 (21). С. 180.

13. Тикиджьян Р.Г. Указ. соч. С. 252.

14. Там же.

15. Там же.

16. Респондент: Налетко Владимир Васильевич 1927 г.р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: г. Семикаракорск, 2016 г. Продолжительность 25 минут // Архив центра устной истории кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

17. Респондент: Здоровцева Любовь Сергеевна, 1976 г.р. Место проведения: г. Семикаракорск, 2016 г. Продолжительность 45 минут // Архив центра устной истории кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

18. Там же.

19. Рыблова М.А. Культурное наследие казачества Юга России... С. 25.

20. Респондент: Здоровцева Любовь Сергеевна...

21. Респондент: Перепелица Екатерина Дмитриевна 1947 г.р. Место проведения: г. Семикаракорск, 2016 г. Продолжительность 60 минут // Архив центра устной истории кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

22. Казачий домострой: отношение казаков к старшим. URL: <http://berdskasloboda.ru/kazachij-domostroj-otnoshenie-kazakov-k-starshim/> (дата обращения: 25.03.2017).

23. Респондент: Мукулин Виктор Яковлевич 1951 г.р. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, 2015 г. Продолжительность 60 минут // Архив центра устной истории кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

О.М. Морозова

ДОНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Положение донских священников весной 1917 г. было хуже архиерейского. Митрофан, архиепископ Донской и Новочеркасский, находился под защитой областных властей, а вот приходские батюшки остались один на один с вышедшей из-под контроля паствой.

Март – апрель 1917 г. был для донского духовенства временем скорби и скрежета зубового. Станичники и хуторяне отбирали у них ключи

от церквей и касс, отстраняли от служения, избирали демократическим путем новых священников для своих приходов. Донисполком брал изгоняемых под защиту, но произвол и самоуправства в отношении их не прекращались [1]. Причины арестов нередко кажутся надуманными. Так, священник Волынской епархии и беженец Афанасий Турцевич, будучи причисленным к Николаевскому собору станицы Константиновской сверх штата, 12 марта 1917 г. в проповеди на благодарственном молебне привел цитату из послания римлянам: «Всяка душа влаstem предержажим да повинуется...» (13:1). Проповедь показала окружному атаману политически недопустимой, и вечером священник был арестован по постановлению исполкома. Его продержали до следующего дня, отпустив после внимательного чтения конспекта проповеди, в котором исполком на этот раз не нашел ничего предосудительного [2].

Докладная записка елисаветовского благочинного священника Иоанна Иванова архиепископу Донскому и Новочеркасскому проявляет некоторые характерные детали того времени. Благочинный, чувствуя непрочность своего положения, успел съездить в Ростов и получить нерушимую бумагу от Ростовского окружного комитета, но члены Курнаково-Липовского волисполкома предъявленную бумагу не уважили, не увидев ни печати, ни входящих-исходящих номеров и не вняв объяснениям Иванова, что окружком еще не завел всех необходимых органу власти атрибутов. Ссылка на архиепископа тоже не дала эффекта: члены исполкома заявили, что тот не имеет права командовать ими, назначать им попов, теперь это не его право, а право исполкома назначать себе священника. Исполком успел уже привести в волость нового священника – монаха из Цукурского монастыря, и попросил очистить в недельный срок поповский дом, принадлежащий обществу. Исполком также сорвал печати с церковной кассы и ящиков, произвел подсчет церковных денег, заново опечатал все церковные кружки. «Жаловаться некому, так что опасно и жить», – резюмировал отставленный батюшка [3].

Курнаково-Липовский волостной гражданский комитет осуществил в апреле 1917 г. основательную зачистку своих церквей. Священнику Ново-Ивановской Покровской церкви Якову Пономареву были уготованы еще большие испытания. У него не только были отобраны ключи от церкви и церковная печать. Арестовавшие его члены исполкома потребовали снять крест, чтобы таким образом лишить его видимого атрибута священнического сана. Пономарев просидел под арестом «в кордегардии» вместе с отцом Иоанном Ивановым одну ночь. Наутро они были оправданы «по содержанию пунктов обвинения», освобождены, но приходы свои вынуждены были оставить [4]. Третьей жертвой

Курнаково-Липовского комитета стал о. Павел Егоров. Но в отличие от первых двух священников о. Павел, по-видимому, действительно «проявлял действия, противные новому строю»: уговаривал жителей слободы не подчиняться волостному комитету и не отдавать хлеб. Среди других обвинений значились: вымогательства за требы; присвоение более 10 пудов сахара, отпущенного кредитному товариществу для распределения между населением. По-видимому, о. Павел зарекомендовал себя в слободе не с лучшей стороны: его вопрос обсуждался в окружной судебной комиссии, и главной причиной этого была угроза самосуда над ним [5].

К середине апреля 1917 г. дела арестованных и отстраненных батюшек уже вышли на уровень Донского областного исполнительного комитета [6]. Он обращался к низовым комитетам с предложениями не чинить насилий по отношению к священникам, а в случае их неправильных действий сообщать об этом областному комитету [7].

Состоявшийся 26–28 апреля 1917 г. чрезвычайный Донской епархиальный съезд духовенства и мирян должен был отрегулировать отношения в сфере религиозной жизни. Он продекларировал отказ православной церкви от роли государственной религии: «Православная церковь не претендует на юридическое господство над другими исповеданиями». При этом православная церковь «считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд» наряду с другими религиями. Было провозглашено введение выборного начала на всех уровнях церковной организации. Была объявлена амнистия духовенства и в частности лиц, лишенных сана за политические убеждения. Было заявлено о принятии духовенством активной политической роли внепартийного характера. Ее необходимость обосновывалась близостью к народу и возможностью «влиять на убеждения и настроения народных масс», разъясняя населению политические вопросы, но ни в коем случае не в стенах храма [8].

Ни демократические решения епархиального съезда, ни одергивания Донисполкома не остановили эпидемию смещений батюшек. Они продолжились и в мае, и в течение всего лета 1917 г. [9]. Но в это время явно обозначился наиболее распространенный мотив притеснений – желание контролировать поступление денег в кассу храма. Правоторовский благочинный о. Петр Борисов 5 июля 1917 г. сообщал в Донскую духовную консисторию о поведении прихожан Николаевской церкви: «Причт от участия в церковном хозяйстве они отстранили и от взносов из церковных сумм за 1-ю половину сего года на епархиальные, местные и другие нужды решительно отказались. Кружечные и тарелочные сборы они устранили от себя, как для них ненужные. Все разъяснения и убеждения

причта не помогли. Одно говорят: “Теперь наша воля, и мы – хозяева, а вам угодно служить – служите, негодно – можете уходить”» [10].

Такие отказы от содержания церквей встречались не так часто, но самостоятельный учет прихода и расхода денежных сумм паства, как правило, приветствовала. Для ведения дел и учета денежных книг, надзора за расходованием и уплатой жалованья сторожам и церковному ктитору мог быть избран церковный комитет, священник же от участия в финансовой жизни своего храма совершенно устранился и не получал никаких иных доходов за свою службу помимо личных ему пожертвований. Интерес состоял и в получении дохода от торговли восковыми свечами, патент на которую продавался церковными комитетами.

Если в одних приходах тлели длительные конфликты, то в других местах области священники сохраняли свои кафедры и общественное уважение. Александровский волостной продовольственный комитет и в июне продолжал возглавлять о. Иоанн Моисеев, который активно повел работу по учету имеющегося хлеба и сбору пожертвований в пользу нуждающихся жителей [11].

В середине июля 1917 г. урядник х. Елкин Никулин забил тревогу. Местный приходской священник о. Александр Вакулович после окончания богослужения в церкви стал говорить проповедь на тему о необходимости признаний и почитаний Бога. Он коснулся и имени бывшего царя Николая II: «Вот враги наши заключили царя в тюрьму и говорят – ненужно бога и ненужно и царя». Урядника встревожило то, что от таких речей может пострадать авторитет Временного правительства в среде «темного люда» [12]. По-видимому, до этого о. Александр не говорил таких вещей.

Но это была первая ласточка возврата к старому порядку вещей. Письмо Донской духовной консистории в Донской областной исполнительный комитет о принятии мер по установлению законности и порядка в заведовании церковным хозяйством в приходских церквях от 18 ноября 1917 г. показывает, что время вольностей закончилось, и обе областные власти – церковная и гражданская – приняли линию жесткого пресечения непослушания.

Ослушники из Правоторовского благочиния были предупреждены, что если они не прекратят своих действий, то приход у них будет закрыт и приписан к соседнему приходу. (Действенность угрозы состояла в том, что для оформления всех бракосочетаний, отпеваний и крещений жителям пришлось бы ездить за много верст). Затем с этих приходов было предписано немедленно взыскать причитающиеся денежные взносы на общепархиальные нужды. Также была воспрещена частная торговля

церковными восковыми свечами. В заключение Донская епархия просила Донисполком «принять меры к водворению в приходах законного порядка по заведованию церковным хозяйством в приходских церквях, так как вмешательство в это дело местных комитетов и прихожан и насильственный захват ими сумм церквей, когда установленный веками церковный строй еще не отменен, внесет полное расстройство в жизнь Донской церкви и создаст напрасную анархию» [13]. Но цикл не был завершен из-за начавшейся гражданской войны.

Реакция духовенства на советскую власть и ее декреты была, как правило, негативной. В документах иных регионов встречаются отдельные свидетельства терпимого отношения к советским декретам, возможно подобное происходило и в Донской области. Политический инструктор информационно-инструкторского подотдела отдела управления Агафонов в отчете о поездке в Казачанскую волость Старо-Оскольского уезда Курской губернии в марте 1919 г. сообщал, что декрет об отделении церкви от государства не вызвал никаких волнений и был просто принят общественностью к сведению, в том числе и священником Поповым, который признал декрет соответствующим нормам церкви: «Церковь есть дом Божий, и его касаться нельзя» [14].

В период, когда противостояние еще не приобрело крайних форм, священники придерживались канонических требований в отношении отпущения треб. Донской священник М. Коваленко в августе 1918 г. дал разъяснение по поводу погребения большевиков: «По мнению консистории, священники могут совершать христианское погребение только над теми умершими или убитыми большевиками, которые при жизни всегда бывали у исповеди и святого причастия, и вообще были искренними православными христианами» [15].

Раскол страны не обошел и духовенство. Не говоря уже о попавицах и бывших семинаристах, посвященные в сан иногда становились на сторону богоборческой власти. Село Федоровку Таганрогского округа генерал М.Г. Дроздовский в своем дневнике назвал «одной из паскуднейших» и гнездом Красной гвардии. Священник сельской церкви после установления советской власти закрыл свой храм «за ненадобностью» и устроил там место для митингов. При прохождении дроздовцев через Фёдоровку он был лишь наказан розгами («только ради священства»), но вскоре умер от нервной горячки [16].

По различным документам и воспоминаниям рассыпаны отдельные, крайне лаконичные упоминания о бывших клириках, которые после 1917 г. включились в военно-политические события, вступив в партию большевиков и заняв посты в советских учреждениях. В газе-

те «Донская правда» сотрудничал в качестве пропагандиста священник 1-го Донского казачьего полка Карнаев, который именовался «советский попом». Как-то в ст. Усть-Бузулуцкой он перед митингом устроил молебен, а потом призывал казаков на сторону советской власти, вызвав гнев и негодование станичников [17].

Как священники оказывались в советском лагере? Редко какой сельский батюшка, наверняка почитывавший в семинарии недозволенные издания, не приветствовал в феврале 1917 г. «обновление России» и ее светлое будущее [18]. Причиной было их, по выражению Н.Г. Помяловского, «пролетарство»: у многих из них не было собственности, их семья всегда находилась под угрозой остаться без куска хлеба [19]. Это касалось и штатных батюшек, не говоря уже о заштатных.

Кроме случаев идейного выбора, был и чисто ситуационный путь. После Февральской революции их часто избирали в исполнительные и продовольственные комитеты. Так, председателем исполнительного комитета х. Мишкин Новочеркасской станицы в марте 1917 г. был избран местный священник о. Леонид Черевков [20]. Позднее их избирали, не видя особой разницы, в советы крестьянских депутатов – как грамотных людей, способных к ведению делопроизводства. Затем после отделения церкви от государства нередко местный поп становился сотрудником отдела записи актов гражданского состояния, находящегося в составе совета [21]. Этот путь батюшек в советскую систему зафиксирован в истории бунта талабских рыбаков, выступивших против мобилизации в Красную армию, что и привело их в конечном итоге к белым. На островах они арестовали волостной комитет, двух присланных комиссаров, священника Колосова и делопроизводителя Горохова. Всех, кроме двух последних, повезли в Псков, но пароход вернулся с полпути назад уже без арестованных: те были утоплены в озере. А священник и делопроизводитель еще долго содержались на островах под арестом [22].

Но общепринятое мнение и реальные факты помещают представителей духовенства в лагерь противников советской власти. Вопрос о том, что было вначале – ненависть к большевизму или жертвы, понесенные от него, равен софизму о курице и яйце.

Священники и представители интеллигенции были наиболее востребованными советской властью в качестве заложников при довольно единодушном одобрении масс. 9 февраля 1918 г. вступившими в Ростов большевиками был расстрелян священник Всехсвятской церкви на Новом поселении о. Константин Верецкий. Наряд, пришедший его арестовывать, сопровождала толпа женщин, истерическими выкриками провоцировавшая солдат к расправе [23].

В условиях расшатывания государственных скреп духовенству пришлось принять на себя ответственность за накопившиеся за долгие годы у паствы обиды. Русский писатель А.К. Толстой писал в 1869 г. о своих наблюдениях за жизнью деревни о том, что нелюбимый крестьянами священник потому и не любим, что берет по 25 руб. за все обряды: крестины, похороны и венчания [24]. (Это были попы новой формации – отправляющие службу быстрее, но берущие дороже [25]). С учетом высокой рождаемости и почти столь же высокой смертности расходы крестьянской или мещанской семьи на церковные таинства были очень большими. Не поэтому ли наиболее непримиримыми критиками батюшек были женщины? Начальник штаба Таманской армии Н.Г. Батулин вспоминал, что при вхождении отрядов в станицы бабы тут же отправлялись к первому же командиру с требованием: «Заберите нашего попа, вот этого, что в синем доме, вредный до чего, кто мало заплатит, так и покойника вылает» [26].

После начала полномасштабного вооруженного конфликта расправы над духовными лицами стали одним из наиболее часто имевших хождение рассказов о злодействе большевиков. В дневниковых записях кубанского казачьего офицера Е.А. Лучко встречаются сведения о пребывании красных в станице Незамаевской: они запретили служить обедню на Пасху, расстреляли священника и требовали от станичного схода открыть в церкви кинематограф. Примечательно, что в этом месте автор дневника делает пометку: «проверить» [27]. По-видимому, он уже встречался с гиперболизацией в циркулировавших слухах.

Иногда в советских воспоминаниях можно встретить рассказы о священниках, воевавших против большевиков не только словом, но и делом – с винтовкой в руках. Я.В. Вербов, бывший боец дивизии П.В. Курьшко, вспоминал, что в 1918 г. в районе станции Кавказской против них оперировал самодельный бронепоезд, который регулярно приезжал и обстреливал станицу в пяти верстах от станции. После ликвидации бронепоезда оказалось, что его команда состояла из попов, а орудийным стрелком был священник той самой станицы. Несколькими днями раньше он сбил звонницу, на которой был установлен пулемет местных большевиков. И возмущенные жители потребовали расстрелять его перед разрушенной им же церковью [28].

С.И. Иванов, квалифицированный питерский рабочий, в годы Гражданской войны был комиссаром на Восточном фронте. Уже в старости он рассказывал своему племяннику А.А. Данилову о психической атаке, которую предприняли белые где-то во время боев в Поволжье. Иванова разбудил ординарец с сообщением: бойцы бегут в панике с линии фронта.

Их поверг в ужас вид наступающих по белому полю рядов священников в черных рясах. Иванов бросился к пулемету и покосил батюшек. После этого панику удалось остановить [29]. Рассказ выглядел бы фантастическим, но он излагается и другим очевидцем – бывшим буденовцем.

После окончательного установления советской власти в 1920 г. на Юге России, в казачьих районах, наступление на права церкви и верующих было остановлено. Для уменьшения социального напряжения власти были вынуждены принять ряд мер, не допускаемых на территории Центральной России. Так, в школах Ставропольской губернии во внеурочное время допускалось преподавание Закона Божьего; процесс изъятия церковных ценностей был временно приостановлен. Советская власть в этот период всеми средствами пыталась нормализовать взаимоотношения с населением [30]. Ту же линию мы можем проследить по материалам Киреево-Кадамовского хуторского собрания, в протоколах которого за февраль 1920 г. среди насущных задач значилось приглашение в хутор священника. Единогласно постановили просить к себе в хутор священника о. Василия Бессоновского, который в 1917 г., служа в Христорождественской церкви станицы Березовской, выступал за невыплату взносов на епархиальные нужды, имея, таким образом, вполне подходящую бунтарскую репутацию [31].

В послевоенные годы бывшие рукоположенные граждане искали работу и находили ее, будучи грамотными людьми, в которых крайне нуждалась разоренная страна. В основном они занимали канцелярские должности в различных советских учреждениях, но другие неудачливые соискатели рабочих мест не упускали возможности вменить им в вину прежде носимую рясу.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 863. Оп. 1. Д. 34. Л. 127, 155а–157.
2. Там же. Л. 173–173 об.
3. Там же. Л. 136–136 об.
4. Там же. Л. 143–143 об.
5. Там же. Л. 140 об.
6. Там же. Л. 112.
7. Там же. Л. 117, 118.
8. Там же. Л. 155а–157.
9. Там же. Л. 98.
10. Там же. Л. 22.
11. Там же. Д. 8. Л. 9–9 об.

12. Там же. Д. 34. Л. 176–177.
13. Там же. Л. 221–222.
14. Старооскольский краеведческий музей. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 154–156.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12 Оп. 1. Д. 217. Л. 1.
16. Борьба за Советы на Севере (1918–1919). Архангельск, 1926. С. 112.
17. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 339. Л. 34.
18. ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
19. Помяловский Н.Г. Повести. М., 1981. С. 315.
20. ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 112. Л. 78.
21. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 180. Оп. 2с. Д. 1. Л. 44.
22. Государственный архив Псковской области. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 9. Л. 36, 82.
23. Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1918. 3 (16) мая. № 36. С. 4.
24. Жуков Д.А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982. С. 362.
25. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. М., 1956. С. 484.
26. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 76. Л. 44-47.
27. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 21. Д. 251. Л. 11.
28. Государственный архив Одесской области. Ф. П-13. Оп. 3. Д. 49. Л. 50.
29. Данилов А.А. Биография С.И. Иванова (личный архив автора).
30. Зайцева Е.А. Ставропольская губерния в период гражданской войны: экономические, социальные и культурные аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. С. 138–143.
31. Центр хранения архивных документов г. Шахты. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 15. Л. 22–25 об.; ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 34. Л. 43.

И.М. Есип

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ!»: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Идеи гендерного равенства и движение за женскую эмансипацию получает распространение на территории России еще задолго до революционных событий Октября, в середине XIX в. Тогда «женский

вопрос» рассматривался как одно из измерений трансформации социального порядка общества, а актуализация подобных проблем в начале XX в. отражала те социальные процессы, которые проходили в обществе в то время как в Российской империи, так и в Западной Европе. Как отмечают канадские исследователи феминизма П. Эллиот и Н. Менделл, «Распространение капитализма, стремительная урбанизация, урбанистическая бедность, сдвиги в структуре семьи и отход от стандартных экономических ролей породил как либеральный, так и социалистический отклики» [1].

Именно к этому времени относится и появление первой системной работы по проблеме «женского вопроса» в России. Это была статья русского поэта, переводчика и политического деятеля Михаила Ларионовича Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», написанная во Франции и впервые опубликованная в 1860 г. в журнале «Современник» [2].

Прежде всего, М.Л. Михайлов стремится отвергнуть идею о том, что женщина – существо от природы несовершенное, стоящее ниже мужчины, безынициативное, малоспособное, равнодушное к общественным запросам и нуждам. Отсюда, задавая вопрос о том, «что такое и в чем должна состоять эмансипация» женщины, он выступает за уравнивание ее в правах и обязанностях с мужчиной, обеспечение за нею свободы в семье и браке, свободный доступ женщины к любому виду общественной деятельности и образованию: «Надо открыть женщине свободный доступ ко всем родам деятельности, теперь составляющим привилегию мужчины». Ее интересы не должны ограничиваться узкими пределами семьи. Видя в семье главный фундамент общества, М.Л. Михайлов в то же время крайне не согласен с современным ему положением семьи в целом и женщины в браке в частности. Брак, который должен быть результатом любви и свободного выбора в условиях существующего общества, по его мнению, – всего лишь сделка, приводящая к экономическому подчинению женщины. Только социализм сможет изменить характер семейных отношений вместе со всей социально-экономической и политической системой [3].

Но идеи М.Л. Михайлова носили преимущественно общедемократический характер и существенно отличались от тех постулатов, которые были характерны для новой марксистской идеологии, ставшей популярной в начале XX столетия. Первой попыткой специального изучения положения женщин в России в русле марксистской трактовки роли женщины в новом обществе стала брошюра Надежды Константиновны Крупской «Работница» (1900), в которой были описаны тяжелые условия

труда и жизни русских женщин как в городе, так и на селе. Появление этой небольшой работы оказало большое влияние на русское общество. По мнению известного американского исследователя проблем феминизма в России Ричарда Стайтса, брошюра Н.К. Крупской получила широкую популярность и способствовала включению женских требований полного юридического и политического равенства в программу Российской социал-демократической рабочей партии [4].

Провозглашение Манифестом 17 октября 1905 г. права на создание общественных организаций привело к активизации деятельности и среди женщин – представительниц либерально-феминистской идеологии. В 1906 г. возникает множество женских организаций, таких как «Русское женское взаимно-благотворительное общество», «Союз равноправности женщин», «Женская прогрессивная партия». Идеино они, как правило, были ориентированы на либеральные политические круги, однако вряд ли можно считать точным утверждение советских историков о тесной связи этих организаций с «реакционными» (по терминологии того времени – легальными либеральными) партиями [5]. Правильнее было бы сказать, что эти «мужские» партии и организации, скорее, «позволяли» женщинам «организовать свой досуг», нежели воспринимали женское движение как серьезную политическую силу.

Новый виток революционных событий в России в феврале 1917 г. вновь обострил и проблему положения женщины в российском обществе. Так, в марте 1917 г. на волне февральской буржуазно-демократической революции, когда пало российское самодержавие и установилось политическое двоевластие, женщины в России решили продолжить борьбу за свои права более решительными методами. 19 марта 1917 г. перед резиденцией Временного правительства в Петербурге состоялась сорокатысячная демонстрация женщин, которые требовали предоставления им избирательных прав. В результате председателю Совета министров Временного правительства князю Г.Е. Львову пришлось взять на себя ответственность и подтвердить, что под «всеобщим избирательным правом» понимается право для лиц обоего пола [6].

Российские женщины тут же воспользовались этим правом, участвуя в избирательной компании в городские и районные думы в мае – августе 1917 г. В результате больше всего было выдвинуто кандидатов женщин от партий большевиков и эсеров. Однако лидеры Российской лиги женского равноправия (РЛЖР) вынуждены были признать подобный успех формальным: и политические партии, и широкие слои населения вплоть до событий Октября 1917 г. не были готовы признать за женщинами право на участие в управлении государством [7]. И лишь декрет

советской власти, принятый в декабре 1917 г., предоставил женщинам всю полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона.

Идеологи большевизма считали, что в советской России этого было более чем достаточно для обеспечения реального равенства женщин в обществе. Характерно, что сами женские лидеры пролетарского движения Александра Коллонтай, Инесса Арманд, Надежда Крупская и Конкордия Самойлова предполагали совершить в стране еще одну революцию – изменить быт человека, окончательно ликвидировав сферу «частной жизни» и ее главную нишу, семью, как источник социального неравенства и несвободы женщины.

Но поставленная советской властью задача «раскрепощения» женщины и превращения ее в равноправного члена общества, потребовала принятия ряда новых решительных мер, а «женский вопрос» в Советской России стал рассматриваться как одно из измерений более широкой трансформации социального порядка. Поэтому после Октября 1917 г. свободное перераспределение гендерных ролей вследствие революционных процессов модернизации общества было поддержано сознательным построением нового общественного порядка и действиями новой политической элиты, которая оказалась у власти. В стране, хозяйство которой было разрушено участием в Первой мировой войне, событиями трех революций и гражданской войной, где царили разруха и голод, была неизбежной ориентация на восстановление производства и максимальную мобилизацию всех трудовых ресурсов. Всё это и предопределило массовое вовлечение женщин в общественное производство, повышение их значимости в жизни социума. Однако не следует забывать, что поведенческие стереотипы, в том числе и гендерные, во многом формируются под воздействием быта. А когда женщина получила приоритетную роль в ведении хозяйства, то автоматически изменились и все ее прежние функции, подверглись преобразованию ее социальные роли, которые стали приближаться к мужским.

В условиях послереволюционного времени возврат к традиционным образцам общественного устройства был отменен советским проектом создания «нового социалистического общества». Согласно представлениям классиков марксизма, женщины, помимо экономических, имели и морально-психологические предпосылки для того, чтобы поддержать отмену классово-антагонистического общества, в котором превосходство мужского пола выражалось и в материальной, и в духовной областях [8].

Главным теоретиком, на труды которого ссылались большевики в «решении женского вопроса», был В.И. Ленин [9]. По его мнению, жен-

щины не имели особых социальных интересов, отличающихся от мужских, поэтому их статус как особой социальной группы был вымыслом. Во всех работах он писал о женщинах лишь как о части рабочего класса, но более отставшей в своем развитии и потому нуждающейся в большем внимании со стороны партии. В.И. Ленин выступал сторонником освобождения женщины от гнета домашних дел и, таким образом, от роли «домашней рабыни», но отводил ей лишь функцию «помощницы»: «В советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением женщина помогала мужчине» [10].

Таким образом, ленинская программа решения женского вопроса включала ряд положений, которые можно изложить в следующих тезисах.

Во-первых, необходимо принятие комплекса мер, направленных на возвышение женщины в обществе и семье, чтобы сформировать у миллионов мужчин взгляд на женщину как на полноценную личность, а у миллионов женщин изжить темноту, неграмотность, неподготовленность к политической жизни, профессиональную отсталость и утвердить веру в свои силы и способности.

Во-вторых, осуществление требования равенства полов должно сочетаться с естественным (физиологическим) различием полов.

В-третьих, обязательное вовлечение женщин в массовое социалистическое производство должно было обеспечить ее экономическую независимость от мужчины, чтобы создать материальную основу для равенства полов и построения семейно-брачных отношений на новых коммунистических началах.

Но В.И. Ленин не ограничился теоретическими рассуждениями о юридических правах и будущем равенстве полов. По его мнению, только привлекая женщину к непосредственному участию в общественном труде, можно создать такие условия, которые способствуют развитию личности, повышают самостоятельность женщины. Говоря, что «настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство» [11].

Однако все ленинские материалы, связанные с эмансипацией женщин и решением женского вопроса, содержат задачу двоякого рода. Как писал сам В.И. Ленин, «первая часть задачи самая легкая, она касается юридической основы неравенства. Но это только начало. Для полного освобождения женщины нужно уничтожить ее “фактическую придав-

ленность” семейными заботами. Для действительного равенства ее с мужчиной, нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде» [12].

Позже основные идеи Октября по достижению равноправного положения женщин были продолжены новым поколением организаторов большевистского женского движения в России, а теоретические положения нашли свое практическое воплощение. В результате за первые годы существования советской власти, в СССР произошли существенные трансформационные изменения в понимании политики гендерного равенства.

Эмансипация женщин рассматривалась исключительно сквозь призму социально-экономических явлений, а на место традиционной, «разрушающейся» семьи предлагалось поставить семью «нового» типа. Уничтожение любых форм эксплуатации и угнетения – это цель всех пролетариев, и мужчин, и женщин. Утверждалось, что только в обществе, свободном от эксплуатации и угнетения, возможны равноправные отношения между полами. Так, связав «женский вопрос» с вопросом социальным, основатели марксизма отыскивали женщине место в общем потоке истории.

Идеологически одобряемое место женщины определялось в качестве активной общественной деятельницы, посвятившей себя партийной работе, работе на производстве, преодолению безграмотности, в том числе и политической. Это определение сферы интересов «новой советской женщины» своим теоретическим положением базировалось на учение классиков марксизма, которые видели равноправие женщины в возможности ее равного политического участия, обеспеченного предоставлением ей возможности не заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. По их мнению, освобожденная от «оков старого быта», женщина должна была стать равным мужчине членом общества, активным помощником на производстве, способным к выполнению любых экономических задач.

Однако идеологами советской власти не было учтено, что женщины, получив равные права, при массированном идеологическом воздействии станут серьезной политической силой, претендующей на самостоятельность и отстаивание своих специфических женских интересов, став политическими соперниками мужчин. Поэтому развитие теорий женской эмансипации на основе «нового быта» в скором времени в советской России прекращается. И в области решения женского вопроса четко наметился курс большевистской партии на дальнейшее ограничение общественной активности женского движения и сведение

гендерного равенства исключительно в плоскость физического равенства полов, на повсеместное использование женского труда во всех сферах экономики.

В результате в число поощряемых государством программ вошло активное вовлечение женщин в общественный труд и расширение роли женщин в производительной деятельности, повышении их производительной квалификации труда, что шло в русле ставившихся задач индустриализации страны. А гендерное равенство в СССР всё больше и больше воспринималось как равенство, в первую очередь, физических возможностей мужчин и женщин, способных заменить мужчин во всех отраслях экономики.

В целом, сложившийся законодательным путем к 30-м годам XX столетия тип государственной политики в СССР в отношении женщин, можно определить как *патерналистский*, в основе которого лежит гендерный уклад, сочетающий модели «двух кормильцев при государственном уходе за детьми» или «*контракт работающей матери*». Тем самым на законодательном уровне было закреплено то положение женщины в обществе, которое не столько облегчало ее положение, сколько обязывало еще и трудиться наравне с мужчинами, при этом обязанности матери и жены никто не отменял.

Примечания

1. Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1998. С. 42.

2. Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Михайлов М.Л. Сочинения. В 3 т. Т. 3: Критика и библиография. Записки. М., 1958. С. 369–430

3. Там же. С. 369, 374, 425.

4. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930. Princeton, 1978. P. 239–242.

5. Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 39.

6. Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай / сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2003. С. 178.

7. Пушкарева Н.Л. Феминизм в России // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2003. № 5. С. 180.

8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. М., 1961. Т. 21. С. 76.

9. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1970. Т. 39. С. 1–29; Его же. Международный день работниц // Там же. Т. 42. С. 368–370. Его же. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Там же. Т. 39. С. 198–205; Его же. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1969. Т. 37. С. 185–187; Его же. Советская власть и положение женщины // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1970. Т. 39. С. 285–288.

10. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. С. 204.

11. Ленин В.И. Великий почин. С. 23–25.

12. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. С. 201.

М.И. Гуров

ОБОРОННО-ФИНАНСОВЫЕ ПРОГРАММЫ ПОМОЩИ ФРОНТУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИХ МЕСТО В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА И КУБАНИ

Во время ожесточенной и разрушительной Великой Отечественной войны обеспечение действующей армии и флота всем необходимым стало ключевым условием для победы над агрессорами. Решение этой проблемы было бы невыполнимо без привлечения государством экономических ресурсов гражданского населения. В связи с этим успешная реализация оборонно-финансовых программ помощи фронту стала одним из важнейших направлений политики государственных структур, общественных организаций, в том числе и Юга России.

С началом войны это процесс носил перманентный характер. Средства массовой информации каждодневно декларировали идею всемерной бескорыстной экономической, социально-политической и военной помощи воинам, защищавшим Отечество. При этом власти в центре и на местах обеспечивали проведение массовых митингов и собраний, на которых рабочие и служащие принимали соответствующие обязательства практически единогласно. Любое инакомыслие в экстремальных условиях расценивалось как проявление враждебности, противоречившее

интересам воюющей нации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В первую очередь государство пошло на беспрецедентное перераспределение внутренних ресурсов в пользу реализации оборонных проектов. Это и не удивительно, если учесть тот факт, что зоной активных боевых действий стала территория СССР, на которой к началу гитлеровской агрессии проживало 46 % населения, а валовая продукция промышленности составляла 34 %. Пересматривался бюджет государства, статьи которого перенаправлялись на военные расходы, достигшие к 1942 г. 60 %. Разработанная система мер предполагала изменение финансовых приоритетов в пользу предприятий, налаживавших выпуск оборонной продукции. Отдельные банковские счета были открыты для поступлений от населения денежных средств и драгоценностей в фонд обороны. Финансовые органы обеспечивали быструю реализацию и строгий учет новых вложений.

Существенной коррекции подверглись бюджеты государственных структур и общественных организаций. В соответствии с решениями Совнаркома РСФСР местные власти, в том числе на Дону и Кубани, сократили расходы по статьям государственного бюджета. Централизованные ассигнования только в Ростовской области уменьшились на 30 539 тыс. руб. [1]. Подобные изменения произошли и на Кубани. Снижение финансирования шло в основном за счёт социальной сферы.

Секретариат ВЦСПС уже в первые недели войны принял ряд мер по пересмотру сводного бюджета профсоюзов и бюджета социального страхования. Сокращались расходы на санаторное обслуживание, ограничивалось финансирование больниц и поликлиник, культурных заведений. Например, решением Секретариата ВЦСПС от 26 июня 1941 г. профсоюзные органы прекращали выдачу санаторно-курортных путевок для рабочих и служащих, обязывались обеспечить их обратный прием от трудящихся [2]. Сэкономленные средства незамедлительно выделялись на спонсирование мероприятий оборонного характера. Тем не менее, несмотря на экстраординарные усилия государственных и общественных структур, поступления в казну продолжали сокращаться. Стремительно увеличивавшиеся затраты на ведение боевых действий и сокращение доходов приводили к перманентному финансовому напряжению в стране. Только за первые два года войны дефицит госбюджета составлял около 38 млрд руб. по предвоенному курсу [3].

Наряду с перераспределением средств, правительство широко пропагандировало идею привлечения к пополнению казны за счет накопленных рядовых граждан. Помощь фронту приобретала различные формы и содержание. Это движение на Юге России в начале войны характеризо-

валось стремительным развитием разнобразных инициатив граждан по оказанию помощи сражающимся соотечественникам. Эти инициативы рождались среди различных групп населения и заключались в добровольном пожертвовании личных средств, продуктов питания, лекарственного сырья, тёплых вещей, провианта и т. д. При этом на начальных этапах роль государственных органов сводилась лишь к контролю и распределению полученного – следовательно, была минимальной.

Уже с первых дней войны граждане изъявили желание передавать свои ценности и сбережения в пользу действующей армии. В прессе подчеркивалось, что это явление должно носить добровольный характер. В то же время печать писала, что подобным инициативам надо придать организованную форму. Как правило, прямо в заводских цехах активистами размещались фотографии, коллажи и плакаты на историко-патриотические и военные темы. Перед началом рабочих смен агитаторы в доступной форме разъясняли смысл политики властей, призывали каждого крепить оборонно-финансовую мощь государства. В результате граждане повсеместно принимали обязательства регулярно передавать средства на нужды действующей армии.

Кроме непосредственных материальных ценностей в фонд обороны перечислялись средства, заработанные трудовыми коллективами в сверхурочное время, за счет экономии ресурсов от внедрения рационализаторских предложений. Особенно широкое распространение приобрели субботники и воскресники, заработанные средства от которых целенаправленно поступали в помощь армии. Массовый воскресник состоялся 3 августа 1941 г. на судоремонтных предприятиях и пристанях Доно-Кубанских речников [4]. На паровозоремонтных заводах и железнодорожных узлах области и края в августе 1941 г. было проведено три воскресника и перечислено в фонд обороны более 2 млн руб. [5]. На донских и кубанских предприятиях трудящиеся приняли активное участие во всесоюзном воскреснике 17 августа 1941 г. Только в Ростовской области в массовой акции приняли участие до 200 тыс. чел., заработавших 1,5 млн руб. [6].

Труженики использовали внеплановые работы для спонсирования строительства военной техники. Уже летом 1941 г. на новороссийском заводе «Октябрь» был начат сбор средств на постройку танковой колонны. Всего в 1942 г. путейцы Краснодарского края изготовили на собственные средства восемь бронепоездов [7].

Во второй половине 1941 г. широкое распространение получил сбор зимней одежды для бойцов и командиров, находившихся на полях сражений. Первоначально он носил бессистемный характер. Однако вскоре ему было придано организационное начало. В сентябре 1941 г. во главе с секре-

тарем ВЦСПС Н.И. Кузнецовой был организована специальная Центральная комиссия. Соответствующие органы возникли во всех регионах СССР, в том числе в Ростовской области и Краснодарском крае. При обкомах, крайкомах, райкомах и горкомах ВКП (б), исполкомах Советов трудящихся всех уровней и на всех предприятиях были созданы специальные структуры, организовавшие в особых пунктах прием от населения теплых вещей. Общественные, партийные и хозяйственные руководители скрупулезно учитывали сдачу зимней одежды. Центральные и местные архивы содержат многочисленные документы, свидетельствующие об этой деятельности.

Несмотря на трудности, население области и края за короткий срок собрало большое количество предметов первой необходимости для фронта. В сентябре 1941 г. трудовой коллектив завода «Красного котельщик» передал на сборные пункты 240 зимних вещей, им. Кирова – 570 [8]. А за последнюю декаду сентября трудовые коллективы Новороссийска передали в действующую армию 165 полушубков, 277 пар валенок, 280 шапок ушанок, 300 пар ватных костюмов и т. д. [9].

В дальнейшем эта кампания приобрела более завершенные формы. В постановлении Секретариата ВЦСПС от 30 июля 1942 г. подчеркивалось, что профсоюзы должны активно участвовать в этом мероприятии, широко разъяснять всем важность проводимых акций, способствующих обеспечению армии необходимыми теплыми вещами, нижним бельем, обувью и т. д. При этом председатели фабрично-заводских местных комитетов были обязаны дважды в месяц отчитываться перед вышестоящими органами о проделанной работе [10].

С первых недель войны в Ростовскую область и Краснодарский край стали прибывать эшелоны с ранеными воинами. Местные власти приспособляли для них лучшие здания, больницы и поликлиники, учебные корпуса, пионерские лагеря и т. д. Уже 19 августа 1941 г. решением Секретариата ВЦСПС Управление санаториями и домами отдыха было реорганизовано в управление госпиталями ВЦСПС. В его распоряжение были переданы все санаторно-курортные учреждения, на базе которых первоначально было открыто 215 военных госпиталей. Общественные лидеры всех уровней обязывались провести строгий учёт материальных ценностей оздоровительных центров, организовать ремонт госпитальной базы, добиться ее укомплектования вспомогательным медперсоналом, морально и материально поддерживать лечащихся бойцов и командиров и т. д. [11]. К осени 1941 г. в Ростовской области было создано 6 госпиталей на 2730 коек, [12] а впоследствии число госпиталей возросло до 80. Уникальные санаторно-курортные условия и мощная материальная база, созданная еще в предвоенные годы, позволили к середине сентября 1941 г. раз-

вернуть в Краснодарском крае 86 оздоровительных центров более чем на 31 000 мест [13].

Вначале их успешное функционирование осложнялось нехваткой квалифицированных медработников и вспомогательного персонала. Созданные госпитали испытывали большие трудности в материальном обеспечении инвентарем, нехваткой спецодежды, отсутствием топлива, медикаментов и т. д. [14]. Подобная ситуация требовала принятия решительных мер содействия от местных партийных, советских и общественных лидеров, помощи трудовых коллективов. На Дону и Кубани, как и в других регионах страны, были созданы комитеты и комиссии для оказания помощи раненым фронтовикам. Было установлено шефство над госпиталями, налажено снабжение лечебных учреждений всем необходимым. Большинство производственных коллективов Ростовской области и Краснодарского края приняло участие в подготовке санитарных объектов к приему больных, отремонтировало помещения, снабдило их предметами первой необходимости и т. д.

Особо актуальным на Юге России, оказавшимся прифронтовым, становилось строительство оборонительных сооружений, возведение которых началось соответственно в августе и октябре 1941 г. Без достаточного государственного финансирования строительство заградительных линий проводилось за счет местных бюджетов, расходных статей предприятий, направлявших на объекты рабочих и служащих. В течение осени гражданским населением Дона было вырыто около 50 км противотанковых рвов, сооружено более 7 тыс. огневых точек. Оборонительная полоса достигла 155 км в длину и 30 км в глубину [15]. Подобные мероприятия проводились и на Кубани. Тем не менее неблагоприятное развитие фронтовой ситуации, вызванное просчетами политического руководства и военного командования, привело к тому, что во второй половине 1942 – начале 1943 г. большая часть региона стала ареной кровопролитных сражений и подверглась вражеской оккупации.

Таким образом, реализация оборонно-финансовых программ по помощи фронту стала одной из ключевых задач государства в начале войны, найдя понимание и отклик среди всех социальных групп населения Юга России. Цели и задачи, провозглашенные лидерами государства, были предельно понятны просты. При организации большинства массовых акций поддержки фронта умело сочетались принципы обязательности и добровольности. В условиях стремительно возраставших расходов на оборонные программы, роста цен, падении уровня жизни, граждане в основном безропотно отдавали дополнительные средства на всё увеличившиеся военные расходы.

По существу, без осознания всей нависшей опасности значительной частью гражданского населения, отказавшегося от многого, было бы невозможно в столь короткие сроки мобилизовать имеющиеся ресурсы, позволившие выдержать начавшееся нашествие.

Примечания

1. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1997. С. 59.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 24. Д. 139. Л. 1.
3. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России... С. 236.
4. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 17. Л. 34.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.9. Оп. 6. Д. 50. Л. 81–82.
6. Селюнин В.А. Трудовой Дон – фронту. Ростов н/Д, 1985. С. 47.
7. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1975. С. 148–149.
8. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 5. Д. 28. Л. 234–236.
9. Большевик. 1941 г. 28 сентября.
10. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М., 1963. Т. 3. С. 446–447.
11. ГАРФ. Ф. Р-9493. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
12. Там же. Л. 9об.
13. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 1: 1941–1942. Краснодар, 2000. С.64.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 603. Оп. 1. Д. 5. Л. 42, 54.
15. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России... С. 193.

Д.Н. Титаренко

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Война как особое социально-политическое явление традиционно сопровождается глубокими трансформациями, которые происходят как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В контексте изу-

чения истории Украины периода нацистской оккупации значительный интерес представляет вопрос о моральном состоянии, настроениях, стратегиях поведения интеллигенции – социальной группы, которая играла заметную роль в довоенном советском обществе и, как показал ход событий накануне и во время войны не представляла собой гомогенной группы. Безусловно, крайне сложно, учитывая отсутствие репрезентативной статистики по различным регионам или периодам оккупации, политическую ангажированность источников, оценить моральное состояние интеллигенции в целом. В то же время имеющаяся информация позволяет выделить определенные мировоззренчески-ценностные ориентиры, поведенческие установки, получившие распространение среди интеллигенции на оккупированной территории, в частности на Восточной Украине.

Продвижение немецких войск и угроза оккупации восточных областей страны поставила на повестку дня вопрос эвакуации населения, в том числе и интеллигенции. И хотя значительную часть научно-педагогической и творческой интеллигенции в ходе эвакуационных мероприятий удалось вывезти, многие представители интеллектуальной элиты остались на оккупированной территории. Лишь в одном Харькове, по данным городской управы, насчитывалось 1058 профессоров и научных работников, 4658 преподавателей средних и начальных школ, 1578 работников искусства, не считая тысяч врачей, инженеров, библиотекарей, представителей других специальностей [1].

Очевидно, что значительная часть интеллигенции восприняла приход немцев как некий шанс. Ожидания положительных перемен в связи с приходом немцев были актуализированы и усилены паническим бегством местного партийного, государственного, хозяйственного руководства, которое, уничтожив накануне объекты социальной инфраструктуры, продовольственные запасы, реализовав свой вариант «выжженной земли», бросило население фактически на произвол судьбы и дало импульс распространению слухов, вакханалии беспорядков и грабежей, имевших место в ряде городов и поселков региона [2]. Как категория населения, которая особенно пострадала в ходе довоенных репрессий, интеллигенция имела довольно значительный кредит доверия к новой власти. Свою роль в эволюции восприятия сыграли казни политзаключенных, в том числе и представителей интеллигенции, в тюрьмах Сталино, Харькова, Мариуполя, Славянска накануне оккупации [3].

Часть старой, дореволюционной интеллигенции, даже та, которая не испытала преследований со стороны власти, очевидно, надеялась на восстановление прежнего социального и материального статуса, который,

несомненно, был выше, чем в советское время. Следует отметить, что многие представители интеллигенции, впрочем как и населения в целом, помнили опыт немецкой оккупации 1918 г., которая в массовом сознании не оставила заметных трагических следов. Определенная часть интеллигенции мечтала о создании в будущем независимого украинского государства, рассматривая немцев как союзников в достижении этих целей. Именно она приняла активное участие в возобновлении деятельности запрещенной еще в 1923 г. национально-культурной организации «Просвіта» («Просвещение»), центры которой возникли во многих населенных пунктах оккупированной Украины, попытках создания нового образовательного пространства. Ожидания этой части населения достаточно адекватно отражает характеристика, которая была дана известным украинским общественным деятелем Г. Костюком своему знакомому, во время оккупации заведующему отделом образования Славянской городской управы П. Шинкарю: «Типичный культурник, сеятель “правды и добра”, он и теперь, под гром пушечной канонады, под угрожающей тенью немецких виселиц, был озабочен делами образования. Обрабатывал новые учебные планы, веря, что как только фронт сдвинется дальше, ему удастся построить по-новому школьную сеть» [4].

Однако очевидно, что значительная часть интеллигенции, особенно политически и граждански активной, отнеслась к немцам с откровенной или скрытой враждебностью, приняв участие в деятельности подпольных организаций и партизанском движении. Многие из представителей интеллигенции подверглись репрессиям – были арестованы или уничтожены. Следует отметить, что важную роль в реализации репрессивной политики по отношению к просоветски настроенной интеллигенции сыграли коллаборационисты из местного населения – руководители органов местного самоуправления, полицейские или рядовые обыватели, которые, следуя укоренившейся в период репрессий 1930-х гг. своеобразной культуре доносительства [5], мстили за довоенные обиды либо же завоевывали благосклонность со стороны новой власти, получали определенные материальные преференции за счет жизней своих соотечественников.

Для понимания роли и места интеллигенции важно выяснить, какие представления о ней сложились у оккупантов. С самого начала оккупации в русле нацистских идеологических установок интеллигенцию рассматривали как категорию, которая несла на себе отпечаток не только политической нелояльности, но и расовой неполноценности. Ориентированные на общение с местным населением как с людьми «второго сорта» оккупанты не упускали случая продемонстрировать свое превос-

ходство и по отношению к людям интеллектуального труда. И если в некоторых случаях свысока, презрительно и жестоко относясь к местным жителям, немцы не понимали, что имеют дело и с представителями интеллигенции, то в других ситуациях такое отношение было продиктовано глубоким осознанием своих поступков и желанием сделать всё так, чтобы наглядно продемонстрировать свое презрение и пренебрежение к интеллигенции Untermenschen. Довольно типичный пример такого отношения привела жительница Константиновки Нина Демьяновна К.: «У нас жила учительница, Дина Даниловна... Ну и вот там денщик – такой вредный был – он говорил: “Чтобы ты помыла туалет”. Именно ее. Могла любая из наших матерей помыть – так именно что учительницу... Потому что она интеллигент, учительница...» [6]. И хотя этот эпизод получил несколько иное разрешение – за женщину вступился немецкий офицер – данная ситуация дает представление о сложившихся под влиянием соответствующим образом ориентированной пропаганды шаблонах поведения оккупантов.

Следует отметить, что в своих оценках оккупационные власти исходили из того, что интеллигенция представляла собой в известной степени дисперсную, далекую от монолитности группу. Как отмечалось в немецких аналитических документах, «старое поколение интеллектуалов умерло или погибло в результате репрессий НКВД, или пролетаризировалось», таким образом исключив возможность сотрудничества с ним оккупантов. Относительно младшего поколения интеллигенции получил распространение стереотип о его пребывании под влиянием большевистской идеологии, существовании в системе координат советской власти. При этом констатировалось, что «она сумела насладиться многочисленными преимуществами большевистской системы, она знает границу и ситуацию за рубежом только с позиции большевистской пропаганды, конечно, искаженной, и в оценке ситуации при большевиках исходит только из соображений масштабов: что было упущено при царизме, а что, напротив, было осуществлено при власти большевиков» [7]. Очевидно, что именно эта часть интеллигенции была в наибольшей степени растеряна из-за быстрой сменой власти в начале войны, падения режима, который казался монолитным. Показательными в этом плане являются строки из дневника неизвестной учительницы из г. Остер Черниговской области, которая накануне встречи нового, 1942 г., рассуждая по поводу событий 1941 г., записала: «Как ждали... встречи нового 1941 г. и каким плохим он оказался... Что произошло! Даже не хватает слов описать всего. Всё накопленное за 23 года, всё богатство, вся культура, все навыки, всё рухнуло в бездну» [8]. Распространению такого рода взгля-

дов в немалой степени способствовала абсолютная моральная неготовность общества к сценарию войны, который не отвечал шапкозакидательским настроениям кануна и начала войны [9].

Для большинства интеллигенции, занятой реализацией собственных стратегий выживания, первоначальная лояльность к оккупантам представляла собой проявление своеобразной социальной мимикрии. Во многом она была обусловлена выжидательной позицией, надеждами на то, что переходный период закончится и в конце концов «новая власть» даст понять, что интеллигенция нужна. Однако колониальная политика нацистов положила конец таким ожиданиям. Голод и постоянная борьба за существование, черная работа не по специальности, откровенно дискриминационная политика – со всем этим вынуждены были столкнуться бывшие врачи, учителя, профессора, инженеры, которым приходилось в поисках куска хлеба апеллировать к власти. Последней, однако, их умения и способности были не нужны. Как отмечал известный украинский общественный деятель и ученый Ф.П. Богатырчук, который во время оккупации фактически возглавлял Украинский Красный Крест и был хорошо знаком с событиями на Украине, «особенно много унижений приходилось испытывать интеллигенции. Недаром среди малоустойчивой части последней антинемецкие настроения заслонили их антисоветские убеждения, и они уже начали говорить о том, что большевики ангелы по сравнению с немцами» [10]. Очень драматично сложилась судьба педагогической интеллигенции и студенчества, которые, по данным немецких спецслужб, высказывали предположение о том, что «они будут вынуждены поменять школу на мастерские» [11].

Материальное обнищание, голод, отсутствие адекватного запроса на интеллектуальный труд были теми реалиями, с которыми пришлось встретиться вчерашним учителям, вузовским преподавателям, инженерам, врачам, библиотекарям. Как отмечал бывший профессор Харьковского университета М. Марчевский, «...впечатление было такое, что немцам абсолютно безразлично, будет ли население, в частности, интеллигенция гор. Харькова, сносно существовать, или будет медленно вымирать» [12]. Последние исследования как отечественных, так и зарубежных специалистов в значительной степени подтверждают мнение о равнодушии немецких властей к вопросам материального и социального обеспечения населения [13]. Поставленная на грань физического выживания интеллигенция прибегала к организации ряда кустарных производств: мыловаренного, спичек, пищевой соды, бертолетовой соли, хотя это в большинстве случаев было не очень эффективным. Пожалуй, именно с учетом судьбы интеллигенции фрагмент рассказа профессора Харь-

ковского медицинского института Николаева вошел в один из знаковых произведений советской кинодокументалистики времен войны – фильма «Битва за нашу Советскую Украину», съемки которого завершились в октябре 1943 г. [14].

Глубокое влияние на позицию интеллигенции (впрочем, как и на отношение всего населения) даже при условии первоначального лояльного отношения к оккупантам произвели репрессии против партийно-хозяйственного актива, уничтожение евреев и военнопленных, принудительные мобилизации в Германии, реквизиции мебели, продуктов, имущества. С ужасом и ненавистью воспринимались публичные казни, которые, по оценке тех, кто пережил оккупацию, «только способствовали росту антигерманских настроений» [15]. Позицию этой части населения, несмотря на выдержанную в традиционном партийном духе риторику, достаточно удачно охарактеризовал харьковский профессор Терещенко: «В результате гитлеровского хозяйствования каждый почувствовал, что такое Советская власть. У нас по городу ходила фраза – “то, что говорят, не удалось сделать товарищу Сталину за 24 года, удалось сделать Гитлеру за один год”» [16]. Тенденция роста просоветских настроений и, соответственно, усиления антинемецких среди интеллигенции констатировалась и оккупантами.

Следует отметить, что часть научной, творческой, педагогической интеллигенции совершенно сознательно пошла на сотрудничество с оккупантами, что во многом определялось предыдущей биографией, сложным дореволюционным, революционным и межвоенным опытом. Достаточно показательна в этом плане судьба бывшего профессора Донецкого индустриального института (Сталино) Павла (Петра) Николаевича Иванова, который с самого начала оккупации стал на путь сотрудничества с нацистами. П.Н. Иванов родился в 1896 г. в семье русского офицера. В период Первой мировой войны он проходил службу в чине прапорщика на Кавказе, был отмечен наградами. С ноября 1918 по май 1920 г. боролся в рядах деникинской армии против большевиков, хотя этот эпизод своей биографии ему удалось скрыть с помощью сфальсифицированных документов. Пробыв нескольких месяцев в советском плену, Иванов был освобожден и поступил в политехнический институт в Киеве, который и окончил в 1923 г. После этого он работал на инженерно-технических и руководящих должностях на предприятиях Брянска, Златоуста, Сталинграда. С 1932 до 1936 гг. занимал должность профессора политехнического института в Свердловске, защитив перед этим диссертацию [17]. С 1937 г. Иванов работал профессором Донецкого (Сталино) индустриального института, накануне войны был награжден орденом Трудового

Красного Знамени. Не сумев или не пожелав эвакуироваться, Иванов остался в оккупированном Сталино (Юзовке). Вскоре он был назначен на должность руководителя лаборатории на металлургическом заводе, принял активное участие в работе газеты «Донецкий вестник» – органе Юзовской городской управы, разработал несколько вариантов антисоветских пропагандистских листовок [18]. Эвакуировавшись накануне освобождения города, Иванов продолжил свою деятельность в качестве научного сотрудника при штабе рейхсминистра оккупированных восточных областей Розенберга, принял участие в работе Комитета освобождения народов России, был назначен заместителем начальника гражданского управления КОНР. В апреле 1945 г. П. Иванов умер.

Еще в августе 1942 г. П. Ивановым была подготовлена «Докладная записка о способах скорейшего завершения войны на востоке Европы», которая, вероятней всего, был использована в пропагандистских структурах вермахта [19]. Учитывая текст документа, а также дальнейшую судьбу Иванова, с высокой долей вероятности можно предположить, что изложенные в докладной записке идеи бывшего профессора Донецкого индустриального института были использованы в создании ключевой для власовского движения концепции борьбы народов СССР на стороне нацистской Германии против советской власти.

Констатируя факты коллаборации (добровольной или вынужденной) части педагогической, научной, творческой интеллигенции, следует признать, что значительное количество людей умственного труда, которые остались на оккупированной территории и были задействованы в работе культурных и образовательных учреждений, испытали на себе после освобождения от оккупации всю тяжесть огульных безосновательных обвинений, инспирированной властями обструкции. Практически все они рассматривались как неблагонадежные, довольно часто их проверяли на предмет сотрудничества с нацистами. Показательным, хотя, безусловно, не единичным, является пример профессоров Сталинского медицинского института А. Войнара и А. Чаругина, которые, оставшись на оккупированной территории, приняли активное участие в организации системы здравоохранения и налаживании деятельности учебных курсов для студентов-старшекурсников Сталинского медицинского института, не успевших завершить обучение в связи с войной. В постановлении партийного собрания коллектива Сталинского медицинского института от 6 июля 1944 г. значилось следующее: «Принимая во внимание, что проф. Войнар А.И. и проф. Чаругин А.И. во время оккупации города Сталино немецкими захватчиками повели себя не так, как должно советским гражданам, и встали на путь сотрудничества и оказания активной помощи, партийное собрание считает

невозможным дальнейшее пребывание указанных лиц на педагогической работе [и] поручает т. Кузьменко окончательно решить этот вопрос в соответствующих органах» [20]. И хотя в данном конкретном случае советское и партийное руководство города и области не отреагировало на решение партийного собрания по вышеназванным лицам, более того – в 1946 г. они были награждены медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне», далеко не всегда понимание драмы людей, оставшихся на оккупированной территории, признание их заслуг перед обществом брало верх.

Очевидно, что интеллигенция Восточной Украины как основной творец и популяризатор духовной культуры в годы нацистской оккупации продемонстрировала широкий набор поведенческих и ментальных установок. На них оказывали влияние разного рода факторы: дореволюционный, революционный и межвоенный опыт, ход событий на фронте, политика немцев, их союзников на оккупированной территории, степень удовлетворения минимальных потребностей населения, прежде всего в продовольственном обеспечении, деятельность органов местного самоуправления, пропагандистские влияния, осуществлявшиеся разного рода акторами на оккупированной территории. Для большинства представителей интеллигенции период оккупации стал временем разрушения и трансформации многих довоенных стереотипов и представлений, глубокой личностной драмы.

Примечания

1. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 23. Спр. 548. Арк. 79.

2. Харківська наукова бібліотека ім. В. Короленка. Відділ рідкісної книги. № Р-1017 (Щоденник Лісогорова). Арк. 97–98; Зінченко Ю.І., Кучер В.І. У рік важких випробувань: свідчать документи // Архіви України. 1991. № 2. С. 12–14; Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі: українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Київ, 2002. С. 374–377.

3. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – ВА-МА). R 58/219. Bl. 166; Енциклопедія українознавства в 2-х томах. Т. І. Мюнхен – Нью-Йорк, 1949. С. 583; Дражевська Л. Діяльність органів самоврядування і громадських організацій у Харківській області в 1941–43 рр. // Український засів. Ч. 5 (9). Харків, 1993. С. 85; Пігідо-Правобережний Ф. «Велика Вітчизняна війна». Спогади та роздуми очевидця. Київ, 2002. С.111; Костюк Г. Зустрічі і прощання. Спогади у двох книгах. Кн. 2. Київ, 2008. С. 19–20. Опыт нацистской оккупации в Донбассе / Авт.-сост. Д. Титаренко, Т. Пентер. Донецк, 2013. С. 31, 37–39, 42–46.

4. Костюк Г. Вказ. твір. С. 22.
5. Berkhoff K.C. Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule. Cambridge, 2004. P. 85.
6. Интервью с Ниной Демьяновной К., 1931 г.р. (г. Константиновка, декабрь 2004 г.). Транскрибированная аудиозапись (личный архив автора).
7. BA-MA. RW 4/818. Betr.: Aktennotiz zur Unterredung, die Herr Reichskommissar Koch dem Major Kaldor VO/OKW/WPr im Osten in Fragen der Wehrmachtspropaganda in die Bevölkerung des besetzten Gebietes, gewährt hat. Rowno, den 11 März 1943.
8. Державний архів Чернігівської області. Ф. Р-1429. Оп.1. Спр. 181. Арк. 3.
9. Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Москва, 1995. С. 24–25, 30; Невежин В. «Если завтра в поход...» Москва, 2007. С. 194–196, 208–211, 300–301; Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 134.
10. Мемуары власовцев / сост. А.В. О कोरोков. Москва, 2011. С. 208.
11. Bundesarchiv, Berlin. R 58/699. Bl. 129.
12. Державний архів Харківської області. Ф. П-2. Оп. 31. Спр. 17. Арк. 11–14.
13. Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943). С. 277; Angrick A. Das Beispiel Charkow: Massenmord unter deutscher Besatzung // Verbrechen der Wehrmacht: Bilanz einer Debatte. München, 2005. S. 117–124; Kunz N. Das Beispiel Charkow Eine Stadtbevölkerung als Opfer der deutschen Hungerstrategie 1941/42 // Verbrechen der Wehrmacht: Bilanz einer Debatte. München, 2005. S. 136–144.
14. Большаков И. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. Москва, 1950. С. 150; Фильм «Битва за нашу Советскую Украину». URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/46139/> (дата обращения: 13.05.2016).
15. Samarin V.D. Civilian life under the German occupation. New York, 1954. P. 32.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 51.
17. BA-MA, RW 31/488. Wer ist prof. Dr. Paul. Ivanov.
18. ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 115. Арк. 2,5,6; Архів Управління Служби безпеки України в Донецькій області. Спр. 34980-пф. Арк. 50.
19. BA-MA. RW 31/488. Anliegend den Bericht des Prof. Dr. Iwanow im Original (russisch).
20. Лункин Г.М. Лекарь с отличием и преимуществами // Новоутворення. 2010. № 5. С. 8.

А.В. Дмитриевский

СЕМЕЙНЫЕ БЮДЖЕТЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В 1985–1991 гг. НА ПРИМЕРЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Донбасс стал одним из очагов массового рабочего движения в период перестройки, оказавшего серьезное влияние на дальнейшие политические процессы в СССР, включая распад государства. Одной из причин этого явления стал значительный дисбаланс между доходами и расходами в пользу первых, негативно сказавшийся на благосостоянии граждан в целом и на структуре потребления в частности.

Цель работы – анализ изменения структуры семейных бюджетов жителей Донбасса на примере бюджетов рабочих и служащих промышленности Донецкой области. В основу исследования были положены методы статистического анализа, сравнения, дедуктивный метод и др.

Семейные бюджеты населения Донецкой области во второй половине 1980-х гг. становились предметом изучения исследователей: в частности, они рассматриваются в работах исследователя стачечного движения в Донбассе В. Агапова как один из факторов роста социальной напряженности [1]. Упоминается о них и в монографии А. Саржана, изучавшего социально-экономическую проблематику Донецкой области [2]. Тем не менее детализация проблемы не ставилась ими в качестве основных целей и задач своих работ.

Основными источниками по теме являются материалы Государственного архива ДНР (Ф. Р-4249. Оп. 7), где сосредоточены документы Управления статистики Донецкой области изучаемого периода. Один из наиболее интересных и ценных источников – статистический сборник «Бюджеты семей рабочих и служащих промышленности Донецкой области в 1980–1990 гг.», сконцентрировавший в себе результаты выборочного социологического исследования, проводившегося в регионе на протяжении одиннадцати лет. Также использовались статистические бюллетени, из которых брались сведения о динамике заработной платы по отраслям и территориям, а также информация о доходах и расходах населения в целом по области. На основе полученного составлялись сводные таблицы данных и проводился анализ семейных бюджетов.

На протяжении 1985–1991 гг. в Донецкой области наблюдался постоянный и стабильный рост основных видов денежных доходов граждан в абсолютных цифрах, а также превышение их над расходами. При этом он сопровождался сокращением численности занятых в народном хозяйстве региона на 155,4 тыс. чел. за указанный период [3]. Также увеличение доходов населения было обусловлено главным образом приростом заработной платы, и прежде всего – основной ее части на фоне сокращения премий, надбавок и прочих выплат, повышающих заинтересованность работника в результатах труда [4].

В семейных бюджетах также наблюдался постоянный рост как самих совокупных доходов, так и главного их источника – зарплаты. Доля пенсий, пособий и стипендий в изучаемый период оставалась относительно стабильной, хотя в 1989 г. по отношению к 1980 г. их прирост составил 156,4 руб.: основное их увеличение пришлось на 1983–1984 гг., что находится за пределами временных рамок данного исследования. Также имел место постоянный прирост доходов из других источников. А вот динамика поступлений в семейный бюджет от личного подсобного хозяйства (ЛПХ) в разные годы могла значительно варьироваться: в городах и промышленных поселках Донбасса оно играло вспомогательную роль и служило в основном для увеличения разнообразия продуктов питания для собственного потребления.

Таблица 1

*Структура совокупного дохода семей рабочих
и служащих Донецкой области (руб.) [5]*

Годы	Совокупный доход	В том числе			
		зарплата	пенсии, стипендии, пособия	доход от ЛПХ	доход из других источников
1985	5462,7	4364,2	659,8	53,5	385,2
1986	5560,0	4407,6	672,0	38,4	442,0
1987	5580,0	4427,7	652,9	51,2	448,2
1988	6019,0	4825,1	659,0	48,1	486,8
1989	6577,9	5329,0	660,2	58,7	530,0
1990	7132,9	5681,4	738,0	72,2	561,3

При этом за указанный период общее количество лиц трудоспособного возраста в обследуемых семьях оставалось практически неизменным, преимущественно за счет женской части, имелась незначительная

тенденция к ее увеличению. Хотя по отношению к показателям 1980 г. убыль коснулась обеих половых групп, особенно мужчин: их число сократилось более чем на 13 %. Уменьшилась также и доля престарелых. В то же время количество детей и подростков в указанных семьях постоянно возрастало: в 1989 г. (пиковый показатель) по отношению к 1985 г. их было больше на 17,5 %, а к 1980 г. – на 20,5 %. Это свидетельствует о том, что уровень совокупных доходов семей рабочих и служащих промышленности Донецкой области в целом способствовал увеличению рождаемости.

Таблица 2

Возрастной состав семей рабочих и служащих Донецкой области [6]

Годы	В среднем на 100 семей наличных членов	Из них			
		трудоспособные		престарелые	дети и подростки до 15 лет
		М (16–59)	Ж (16–55)		
1985	285	85	105	15	80
1986	285	83	104	14	84
1987	287	83	104	14	86
1988	295	83	105	14	93
1989	295	82	107	12	94
1990	291	80	107	12	92

Примерно две трети издержек семейных бюджетов указанной группы населения приходилось на покупку товаров. При этом в 1985–1987 гг. затраты на продовольственные товары превышали затраты на непродовольственные, а в 1988–1990 гг., наоборот, в приобретениях доминировала непродовольственная группа. Причина этого явления заключается в том, что приобретение товаров длительного пользования, а также вложения в недвижимость в форме возведения, купли или ремонта было действенным способом вложения денег в условиях товарного дефицита. Весьма примечательным примером является резкий рост покупок стройматериалов в 1988 г. – 73,5 руб. на семью относительно предыдущих лет, когда эта статья расходов никогда не превышала 47,4 руб. В следующем 1989 г. на стройматериалы было истрачено уже 84,4 руб., а в 1990 г. – 106,6 руб. Также надо отметить увеличение издержек на услуги по строительству и ремонту помещений: с 1988 по 1990 гг. они ежегодно составляли 13,5 руб., 21,0 руб. и 20,5 руб. на семью соответственно, в то время как в предыдущий период они никогда не превышали 10 руб. Дру-

гой пример связан с активизацией «черного» рынка: в 1990 г. расходы граждан на приобретение дефицитных вещей у спекулянтов по сравнению с 1980 г. увеличились в два раза [7].

Таблица 3

*Расходы в семьях рабочих и служащих Донецкой области
(в среднем на семью в год, руб.) [8]*

Годы	Использованный доход	Продовольственные товары	Непродовольственные товары	Услуги	Налоги	Накопления
1985	5462,7	1754,2	1639,1	476,8	558,8	574,2
1986	5560,0	1755,8	1687,3	502,7	565,7	563,7
1987	5580,0	1780,3	1611,3	528,4	569,0	616,7
1988	6019,0	1872,8	1925,8	571,5	625,0	524,9
1989	6577,9	1946,9	2032,1	597,2	700,6	753,1
1990	7132,9	2147,3	2309,6	599,1	729,6	786,7

Основными статьями расходов на услуги в порядке убывания шли оплата ЖКХ, транспорта, детских дошкольных учреждений и связи: по всем из них в 1985–1990 гг. наблюдался стабильный и устойчивый рост. Также постоянно росли затраты на приобретение путевок в санатории, пансионаты и прочие места организованной рекреации.

Таблица 4

*Расходы семей рабочих и служащих на оплату основных услуг
(в среднем на семью в год, руб.) [9]*

Годы	Оплата услуг, всего	ЖКХ	Транспорт	Детсады, ясли	Путёвки, туризм	Связь
1985	509,1	140,1	105,4	80,8	50,0	15,7
1986	534,1	144,5	108,1	93,7	53,0	17,2
1987	558,5	146,7	115,2	96,3	59,4	17,8
1988	605,7	154,4	125,3	89,6	68,2	21,2
1989	632,2	155,6	129,4	88,7	68,3	21,2
1990	639,1	156,3	130,9	82,9	57,2	20,5

С 1987 г. наблюдается активное увеличение затрат на ремонт бытовых электроприборов: здесь сказался целый ряд факторов, среди которых и увеличение их количества в личной собственности граждан, и их невысокое качество. С 1988 г. зафиксирован резкий рост расходов на по-

сещение культурно-просветительских учреждений и мероприятий: это связано с появлением видеосалонов, а также с феноменами перестроечного и кооперативного кино, гастролями рок-групп и артистов, поднимавших ранее запретные темы [10].

Отдельный вопрос – приобретение семьями рабочих и служащих продовольственных товаров, а также их количественные и качественные показатели. В СССР практически на всём протяжении его существования, а также на постсоветском пространстве постоянно наблюдался дисбаланс между рациональными нормами, утвержденными Институтом питания Академии медицинских наук СССР (ИП АМН СССР), и реальным потреблением тех или иных видов продовольствия. Тем не менее, именно в 1980-е гг. питание советских граждан в целом было наиболее близко к сбалансированному: в последующий период достичь этих показателей ни одной из стран СНГ и Балтии так и не удалось [11].

Таблица 5

Фактическое потребление продуктов питания на душу населения в год в СССР (кг) [12].

Продукты	Норма ИП АМН СССР	1985 г.	1990 г.
Хлеб и хлебобулочные изделия	107	133	120
Картофель	117	104	106
Молоко и молочные продукты	404	325	387
Мясо и мясопродукты	86	62	75
Рыба и рыбопродукты	23,7	18	20,4
Яйца (шт.)	298	260	297
Сахар	40,7	42,2	47
Овощи и бахчевые	145	102	89
Фрукты и ягоды	71	48	35

В документах ГА ДНР об этом сказано: «Калорийность питания в 1990 г. – 93 % от нормы, равной 2888,5 ккал на человека в сутки, в 1980 г. она составила 3204,2 ккал и до 1986 года была выше рациональной нормы». Также там приводятся данные, что на протяжении 80-х гг. XX в. в Донецкой области сократилось душевое потребление говядины – на 18 %, молока – на 23 %, яиц и овощей – на 14 %, сахара – на 22 %, картофеля – на 13 %. В то же время выросло потребление свежих фруктов, колбасных изделий и копченостей – на 17 %, растительного масла – на 19 % [13]. Судя по таблице динамики химического состава потребляемых продуктов питания, в рационе

семей рабочих и служащих региона более половины всех белков и жиров давали продукты животного происхождения, а калории – растительного.

Таблица 6
Химический состав потребленных продуктов питания в семьях рабочих и служащих (в среднем на члена семьи в сутки, г) [14]

Годы	Белков всего	Из них – животного происхо- ждения	Жиров всего	Из них – животного происхо- ждения	Кило- калорий всего	Из них – животного происхо- ждения
1985	83,21	48,20	118,16	82,66	2917,24	1027,89
1986	80,90	47,10	116,09	80,82	2852,92	1007,94
1987	77,37	44,99	112,36	77,47	2751,38	963,96
1988	75,76	44,97	112,18	77,79	2692,84	966,00
1989	75,07	45,27	112,13	78,61	2669,95	972,62
1990	74,89	44,99	114,45	80,22	2677,62	984,97

Среднедушевое потребление мясных продуктов в указанных семьях в изучаемый период было выше среднего по стране, однако ниже нормы, рекомендованной ИП АМН СССР. Его сокращение было вызвано уменьшением потребления говядины – основного в то время вида мяса. В то же время наблюдался рост потребления птицы и колбасных изделий.

Таблица 7
Потребление мясных продуктов в семьях рабочих и служащих (в среднем на члена семьи в год – кг) [15]

Годы	Мясные продукты всего	Говядина	Свинина	Сало	Птица	Колбасы и копчености
1985	80,6	23,5	9,5	3,4	11,4	20,8
1986	76,7	21,1	8,3	3,2	11,5	20,8
1987	73,4	19,4	7,7	2,9	10,7	21,0
1988	74,5	17,9	8,1	2,9	12,4	22,0
1989	76,7	18,4	8,5	3,0	13,5	22,7
1990	77,9	16,8	9,0	3,1	12,5	26,2

Молочных продуктов и яиц на душу потреблялось меньше нормы ИП АМН СССР, но выше общесоюзного показателя в 1985 г., однако к 1990 г. оказалось ниже и этого уровня. Рыбы потреблялось меньше, и

чем в целом по Союзу, и рациональных норм. При этом сокращение потребления молочных продуктов было вызвано резким уменьшением потребления молока: потребление масла животного, сливок, сметаны, сыра и творога практически не претерпело изменений. Сократилось употребление в пищу яиц, а вот значительного изменения объемов потребления рыбы и растительных жиров не наблюдалось.

Таблица 8

Потребление молочных продуктов, яиц, рыбы и растительных жиров в семьях рабочих и служащих (в среднем на члена семьи в год, кг) [16]

Годы	Молоко и молочные продукты всего	Из них молоко	Рыба	Яйца (шт.)	Масло растительное	Маргарин
1985	384,6	111,5	17,8	272	4,9	5,6
1986	387,3	111,1	18,2	265	5,0	5,4
1987	368,7	101,1	17,7	260	4,9	5,4
1988	365,8	96,3	17,6	253	4,8	5,2
1989	358,5	92,9	17,4	242	4,8	4,8
1990	353,4	93,9	17,2	227	5,1	4,9

Ниже как нормативов, так и общесоюзного показателя было душевое потребление хлеба, картофеля, сахара, фруктов и ягод, а овощей и бахчевых – выше, чем в целом по СССР, но ниже нормы. При этом использование в пищу всех видов растительных продуктов, кроме бахчевых, фруктов и ягод, демонстрировало устойчивое снижение.

Таблица 9

Потребление продуктов питания растительного происхождения в семьях рабочих и служащих (в среднем на члена семьи в год, кг) [17]

Годы	Хлеб, мука, крупы, макаронны	Сахар	Картофель	Овощи	Бахчевые	Фрукты и ягоды
1985	106,8	20,4	98,0	110,2	24,6	34,3
1986	102,1	19,6	94,0	109,6	27,5	36,4
1987	97,5	19,5	90,9	104,2	33,2	31,5
1988	92,3	18,4	87,5	103,2	39,8	31,0
1989	90,1	19,5	81,3	98,0	20,1	34,2
1990	90,6	18,4	85,5	95,5	23,9	32,4

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Постоянный и стабильный рост совокупных денежных доходов в семьях рабочих и служащих промышленности Донецкой области, а также превышение их над расходами в целом способствовал увеличению рождаемости: несовершеннолетние, как известно, собственных поступлений в семейный бюджет практически не приносят.

В то же время в условиях товарного дефицита результатом увеличения доходов в семьях становился рост массы сбережений, потратить которую с каждым годом становилось всё более проблематично. Начиная с 1988 г., одной из форм денежных вложений становится строительство, приобретение новой либо ремонт уже имеющейся недвижимости. Другой формой было активное приобретение товаров длительного пользования, о чем могут свидетельствовать увеличившиеся издержки на ремонт бытовых электроприборов, не обладавших высоким качеством изготовления. Также имел место рост покупок гражданами товаров и услуг у спекулянтов.

Появление новых форм досуга (например – видеосалоны и дискотеки), а также перестроечных феноменов в кинематографе и на эстраде, поднимавших ранее запретную проблематику, вызвало с 1988 г. резкий рост расходов на посещение культурно-массовых мероприятий учреждений.

Товарный дефицит в продовольственном сегменте вызывал постоянный дисбаланс между рациональными нормами и реальным потреблением тех или иных видов продуктов питания. По всем позициям среднедушевое потребление продовольствия в семьях рабочих и служащих Донецкой области было ниже рациональных норм, однако в изучаемом периоде по таким позициям, как мясо, овощи и бахчевые (а изначально – также по молоку и яйцам), было выше общесоюзного. Начиная с 1988 г., калорийность питания также снизилась ниже нормативной. В Донбассе, где тяжелый физический труд является доминирующим на целом ряде производств, подобный продовольственный дисбаланс был способен повлечь за собой целый ряд негативных последствий. Поэтому можно утверждать, что все вышеупомянутые процессы стали одним из поводов к массовым выступлениям трудовых коллективов в защиту своих прав (в том числе – и к шахтерским забастовкам), начавшимся летом 1989 г.

Примечания

1. Агапов В.Л. Шахтарські колективи в умовах кризи 1976–1991 рр. Донецьк, 2012.
2. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кін.80-х рр. ХХ ст. Донецьк, 2004.

3. Подсчитано автором по данным Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР): ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 6309. Л. 4–5; Д. 7279. Л. 1; Д. 7656. Л. 4–5; Д. 8013. Л. 5; Д. 8695. Л. 7–8.
4. ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8716. Л. 5; Д. 6050. Л. 1–2; Д. 6663. Л. 1–2; Д. 7034. Л. 2–3; Д. 7456. Л. 3–4; Д. 7850. Л. 4–5; Д. 8544. Л. 5–6; Д. 8886. Л. 5–6.
5. ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8716. Л. 10.
6. Там же. Л. 9.
7. Там же. Л. 5–6, 13–14, 25.
8. Там же. Л. 13–14.
9. Там же. Л. 25–26.
10. Там же.
11. Ханов А.Р. Потребление основных продуктов питания в СССР и РФ. 2007. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1488144433> (дата обращения: 25.05.2017); «Сытные» девяностые. URL: <https://cont.ws/@lapsha71/619551> (дата обращения: 25.05.2017).
12. Ханов А.Р. Потребление основных продуктов питания в СССР и РФ.
13. ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8716. Л. 6.
14. Там же. Л. 36.
15. Там же. Л. 32.
16. Там же. Л. 33.
17. Там же. Л. 34.

М.В. Белозёрова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: НАЧАЛО 1990-х гг.

Одним из наиболее сложных и важных вопросов для России всегда был и остается национальный. Его значимость обуславливается этнической структурой населения, его конфессиональной и межкультурной неоднородностью, весьма сложными и запутанными взаимоотношениями между народами в регионах в разные исторические периоды. Российскому государству, изначально формировавшемуся как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное, была присуща высокая степень веротерпимости по отношению к инаковерующим, будь то иноземцы или соплеменники, что отмечалось в отечественной историографии.

Веротерпимость повлияла и на характер межэтнических взаимоотношений. Как и в любом многонациональном государстве, имперская политика в России была направлена на культурную ассимиляцию национальных меньшинств. Однако, как известно, в отличие от европейских и азиатских стран русское правительство не проводило политики геноцида не только по отношению к народам, добровольно вошедшим в состав Российской империи, но и насильственно присоединенным – народам Северного Кавказа и Средней Азии. Почти все окраины вплоть до начала XX столетия сохраняли традиционный образ жизни, национальную культуру, религию, систему местного самоуправления и судопроизводства. Национальная элита получала статус российского дворянства, в феодальное сословие России включалась феодальная знать присоединенных народов, которая пользовалась общегосударственными льготами: она сохраняла привилегии на своих этнических территориях по мусульманскому и обычному праву. Иноэтничные купцы и ремесленники также получали права и привилегии.

В приграничных районах формировались «интернациональные» поселения. Постепенно это явление распространялось на русские города. Вхождение в состав Российской империи способствовало отсутствию стычек и войн между малочисленными народами и племенами. На национальных окраинах осуществлялась протекционистская политика [1].

Безусловно, элементы борьбы присутствовали и на уровне национальных элит как в центре, так и на местах, однако межэтническая напряженность или вражда между народами в российской истории не стали преобладающими. Волнения в национальных районах в большей степени были реакцией на попытки государства унифицировать правовую систему (согласование традиционных правовых систем народов России с общероссийской) и судопроизводство, ограничить национальные формы самоуправления. Поэтому они реформировались медленно, и вплоть до 1917 г. реформирование не было завершено. Требований выхода из состава России не было за исключением Украины в XVII – начале XVIII вв. [2]. Национальные элиты выступали за предоставление большего правового статуса, прав в сфере развития национальной культуры и языка.

В советский период также была сделана попытка решения национальных проблем. Основным тезисом, на котором строилась национальная политика Советского государства, было то, что политика самодержавия основывалась на официальной идеологии «самодержавие, православие, народность» с креном в «великорусскую державность» и «русификацию» (с конца XIX в.), что вызывало недовольство и протест

различных этнических групп населения. В соответствии с принципами провозглашенной большевиками национальной политики были определены программные задачи в сфере национальной политики:

- равенство и суверенность народов, отмена всех национальных, национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, возможность национального самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

- административно-территориальное устройство и создание национальной государственности;

- «выравнивание» экономического, политического, культурного уровней всех этносов, населявших советское государство, обеспечение ускоренных темпов роста их экономики и культуры;

- курс на коренизацию предусматривал внедрение родного национального языка в делопроизводство во всех гос- и партучреждениях, в судопроизводство, обеспечение их национальными кадрами;

- на этой основе – достижение дружбы народов, интернационального единства и впоследствии формирование единой общности «советский народ».

Не углубляясь подробно в рассмотрение всех достижений и провалов СССР в сфере национальной политики, мы акцентируем внимание на безусловном успехе «культурной революции» в среде этнических меньшинств и на формировании слоя национальной интеллигенции, часть представителей которой в конце 1980-х – 1990-е гг. стала выразителем «этнических» интересов и своеобразным «посредником» между этносами, органами власти различных ветвей и уровней, научной общественностью, их представителем в международных правозащитных организациях.

Развернувшаяся «культурная революция» сопровождалась не только ликвидацией всеобщей неграмотности народов. Эта задача была в основном выполнена к концу 1930-х гг. Но главное, с нашей точки зрения, была поставлена и осуществлена задача подготовки высококвалифицированных национальных кадров. Для этого представители автохтонных народов зачислялись по направлениям в вузы на льготных условиях, в «национальных районах» создавалась система неполного среднего, среднего и высшего образования, развертывалась сеть вузов и научных центров. В «национальные» регионы направлялись специалисты, научные работники, инженеры, работники высшей школы и другие квалифицированные кадры. Была создана письменность для 56 ранее бесписьменных народов, шло обучение в школах на родном языке. Это позволило представителям

многих народов войти в систему управления, судопроизводства, образования, здравоохранения, в науку, культуру, литературу. Формировалось новое мировоззрение граждан под лозунгом создания новой культуры – «социалистической по содержанию и национальной по форме».

Тем не менее в конце 1980–1990-х гг. национальный фактор вновь стал одним из острейших и оказал существенное влияние на процессы, связанные с распадом СССР, становлением и развитием российской государственности. В конце 1980-х гг. в документах ЦК КПСС, а затем региональных органов власти уделялось значительное внимание необходимости расширения прав автономных республик, повышению правового статуса автономных областей и округов, сохранению духовной культуры народов, развитию национальных языков, положению малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и т. д. [3].

Курс на либерализацию в сфере межнациональных отношений, развал Советского Союза, нерешенность многих социальных проблем в советское время, реформирование в 1990-е гг. экономики и общественных отношений всколыхнули идеи национальной независимости, национального самоуправления в ряде регионов, создали опасность распада страны. Главными инициаторами суверенизации и дезинтеграции стали национально-государственные образования, находившиеся в составе Российской Федерации.

Активизация во многих регионах РФ началась в среде национальной интеллигенции с создания ассоциаций и национально-культурных центров, которые стали в течение первых же лет своего существования средоточием культурного и национального возрождения народов [4]. В национальные объединения вошли представители научной и творческой интеллигенции, СМИ, преподаватели местных вузов и школ, аспиранты.

С начала 1990-х гг. национальные лидеры и интеллигенция, представлявшие ассоциации, стали своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами через участие в созданных комиссиях и комитетах по межнациональным отношениям в региональных государственных структурах. По инициативе национальных ассоциаций и при их непосредственном участии шла организация конференций, семинаров, созыв съездов народов, где обсуждались этнические проблемы – экономические, социальные, культурные, вырабатывались политические программы, формулировались требования к власти. Часть предложений включались в федеральные и региональные законодательные акты по социально-экономическому и культурному развитию этнических меньшинств, особенно эта тенденция прослеживалась в отношении коренных малочисленных народов. Взаимодействие национальных

ассоциаций и органов государственной власти стало эффективным. Оно продолжилось в дальнейшем. К началу 1990-х гг. уже поднимались проблемы, связанные не только с сохранением культуры, но и с социально-экономическим положением автохтонных народов, в некоторых регионах бедственным (например, в районах Южной Сибири). Одновременно с этим заявлялось о необходимости реализовать право на самоопределение, автономизации национальных районов с предоставлением государственного суверенитета. Часть населения автохтонных народов поддержала эти программы.

Наши исследования (анализ документов государственных архивных учреждений и национальных ассоциаций, социологические опросы, интервьюирование лидеров и членов национальных ассоциаций), проведенные в ряде регионов Южной Сибири – Республиках Хакасия, Алтай, Кемеровской области, на территории которой проживают коренные малочисленные народы РФ шорцы и телеуты, – в полной мере подтверждают этот тезис. Общественно-национальное движение в Южной Сибири имело свою как региональную специфику, так и общие черты. Региональная специфика проявилась, главным образом, в уровне активности (в наибольшей степени в Хакасии и Кемеровской области) и результатах их деятельности. Общность ситуации заключалась в том, что программы ассоциаций включали практически идентичные требования: возрождение национальной культуры и традиционных форм хозяйствования, сохранение языков и экологической безопасности, создание местного национального самоуправления, самостоятельного решения экономических вопросов. Особое место занимали проблемы, связанные с получением особого правового статуса «народов Севера» и «автономизацией».

С точки зрения, например, шорцев и телеутов, автономизация, т. е. создание национальных районов и определение их правового статуса, позволила бы не только сформировать местное национальное самоуправление, но и иметь районный бюджет, что не противоречило федеральным законам. На территории национальной автономии обеспечивалось бы право собственности на земли, водные источники и природные ресурсы и возможность не платить налоги в государственный бюджет [5]. А эти требования уже противоречили Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Представители этих этносов обращались к международным организациям за политической (в ООН и в суд в Гааге) и материальной поддержкой (различные фонды). Требования ассоциаций национально-территориальной автономии приобрели форму политического шантажа [6]. Эти претензии не были поддержаны ни региональной, ни федеральной властью. Национальные районы не были созданы. Хака-

сы в начале 1990-х гг. имели свою национально-территориальную автономию, поэтому их требования касались предоставления государственного суверенитета. Лидеры национальной ассоциации «Тун» организовывали и проводили демонстрации, пикеты под лозунгами «русской оккупации», создавали вооруженные формирования, противостоящие русскому населению [7]. В СМИ участились выступления против русских.

Ситуацию с трудом удалось стабилизировать при значительных усилиях как органов власти, так и принципиальной позиции Славяно-казачьего союза Хакасии. Одним из основных вопросов стала выработка и принятие «Декларации Республики Хакасия» Верховным Советом Республики Хакасия. Было предложено два варианта документа: от депутатов – представителей национальной ассоциации – «Декларация о государственном суверенитете Хакасии» и от Верховного Совета РХ – «Декларация о государственно-правовом статусе Хакасии». Принятие первого документа означало бы углубление сепаратистских тенденций в республике и ослабление связей с Россией в целом. Большинство населения не поддерживало данную линию. Результатом дискуссий стало принятие большинством голосов депутатов государственно-правового статуса Хакасии в составе РФ [8]. В декларации были закреплены принципы территориальной целостности и единство Российской Федерации, зафиксировано стремление Республики Хакасия создавать правовую республику в составе РФ. То есть сепаратистские тенденции в Хакасии не возобладали.

Интересные процессы, связанные с национальной проблематикой, проявились в Причерноморье на территориях проживания шапсугов, отнесенных в начале 1990-х гг. к коренным малочисленным народам. Акцентируем внимание на том, что в советское время, в отличие от других регионов (например, традиционных мест проживания коренных малых народов в Кемеровской области), у шапсугов был в достаточной степени высокий уровень жизни, что обеспечивалось работой в высокорентабельных совхозах, специализировавшихся на садоводстве и чаеводстве.

Обращение к национальной тематике исследователями отмечается в середине 1980-х гг., когда на Кавказе в целом активизируются воспоминания о Кавказской войне. В Причерноморье это было связано с организацией торжеств по поводу 150-летия основания городов Сочи и Туапсе. Произошла резкая активизация национального самосознания шапсугов, в основе которого было чувство раздражения и обиды потомков за своих погибших предков. В.А. Дмитриев делает интересный акцент в национальном движении шапсугов: отсутствие на ментальном уровне «механизма межэтнического конфликта – сконструированного образа врага», в его качестве не выступал ни соседний, ни доминирующий этнос, ни властная

структура. «Враг» был сформирован как виртуальный объект – «историческая несправедливость». С точки зрения исследователя, подобный конфликт типологически близок конфликту идеологических доктрин [9].

В дальнейшем события во многом тождественны тому, как они развивались в других регионах страны. Это формирование национально-общественного объединения в Причерноморье – общество Адыге Хасэ Шапсугии (общественный Парламент), съезды причерноморских адыгов, затем их преобразование в постоянно действующий Конгресс шапсугского народа. Лидерами шапсугских общественных организаций были представители интеллигенции – сотрудники музеев, преподаватели, писатели, инженеры, представители местных СМИ, т. е. люди, имевшие авторитет по своему социальному положению. На начальном этапе национально-политической активности (1990–1992) использовались такие методы, как митинги, пикеты, предложения о создании отрядов самообороны. Требования касались национального самоуправления и автономии – воссоздания Шапсугского национального района как субъекта РФ.

С автономизацией увязывались вопросы не только сохранения и развития традиционной культуры и родного языка, но и возвращение исторических названий населенным пунктам, передача сельским советам всех земель, находящихся на территории предполагаемого района, независимо от их ведомственной принадлежности, возможность права решения вопросов передачи земли в собственность, аренду и другие виды пользования только советами, в их же распоряжении предполагалось оставлять до 80 % денежных поступлений по всем источникам [10].

Определилось и взаимодействие шапсугских лидеров, органов власти Краснодарского края, Сочи, Туапсе, Туапсинского и Лазаревского районов, юристов, специалистов в области истории и этнографии. В комитете по национальным вопросам краевого Совета народных депутатов (г. Краснодар) были проведены совместные слушания по данной проблеме. В результате, как и в других регионах страны, идеи автономизации не были реализованы. В.А. Дмитриев считает, что она не встретила поддержки среди территориально близкого населения Краснодарского края: ее поддержали только 7 % опрошенных, высказалось «против» 56 % в 1993 г. [11]. Во второй половине 1990-х гг. в общественном движении шапсугов в целом победила линия Адыге Хасэ, направленная на развитие культуры и традиций шапсугского народа [12], взаимодействие с местными и региональными органами власти, произошел отход от митинговой активности и дальнейшего усиления сепаратистского движения. Хотя политизированность по некоторым вопросам осталась. Их острота проявляется в значимые для РФ периоды, например, перед Зимней Олимпиадой – 2014, проходившей в Сочи.

Таким образом, на рубеже 1980–1990-х гг. прослеживается существенная роль интеллигенции в активизации этнического самосознания и формировании устремлений к национальному самоопределению. При этом в основном можно отметить идентичность процесса с небольшими вариациями. Основными мотивами к автономизации автохтонных народов были декларируемые государством права на самоопределение, нерешенность социально-экономических проблем, формирование феномена «исторической несправедливости». Однако, поскольку внимание было сосредоточено на попытках получения национально-территориальной автономии, из поля зрения ряда этносов на протяжении 1990-х гг. выпала такая возможность, как реализация права сохранения и выражения их самобытности через национально-культурную автономию.

Примечания

1. Садовой А.Н. Основные факторы формирования протекционистской национальной политики в южносибирском регионе (XVIII–XIX вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 461–465.

2. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия. М., 2003. С. 25, 27.

3. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Правда. 1989. 17 авг. № 229.

4. Центральный государственный архив Республики Хакасия (далее – ЦГАРХ). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 75. Л. 29.

5. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. П-75. Оп. 63. Д. 58. Л. 92–93; Проект Устава телеутского национально-го округа (1990) // Архив Лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета (далее – ЛЭЭГ КемГУ).

6. Постановление II съезда шорского народа «О восстановлении автономии шорского народа» (1992) // Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы. Кемерово, 1997. С. 153; Белозёрова М.В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 265–270.

7. ЦГАРХ. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 256, 259, 273; Д. 75. Л. 30, 51; Белозёрова М.В. К проблеме проявления национального сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 69–73.

8. ЦГАРХ. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 256, 259, 273.

9. Дмитриев В.А. Политически активная личность в истории шапсугов XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 3. С. 156.

10. Проект программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсутской этнической общности // Сивер А. Шапсуты и проблема восстановления Шапсутского национально-го района. Документ 16. URL: <http://history.kubsu.ru/pdf/kn2-78.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

11. Дмитриев В.А. Указ. соч. С. 158.

12. Сивер А. Указ. соч.

Р.Х. Ганиева

ФЕНОМЕН ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

31 октября 1992 г. началась военная операция в Пригородном районе Северной Осетии – Алании. Сотни граждан ингушской национальности покинули свои дома, а оставшиеся были уничтожены или захвачены в заложники. Во время так называемого осетино-ингушского конфликта было разрушено более 3200 ингушских домовладений, уничтожено 13 населенных пунктов постоянного проживания ингушей [1].

В эти дни бесследно пропали 192 ингуша. С тех пор прошло 25 лет. Родственники до сих пор ищут пропавших. И больше для того, чтобы получить определенность в ситуации. Как говорят психологи – «закрыть гештальт».

В последнее время всё чаще и чаще в психологической литературе появляется словосочетание «посттравматический рост». Посттравматический рост – это позитивная трансформация личности в результате встречи со сложными жизненными ситуациями. Данной проблеме посвящены редкие работы отечественных и зарубежных психологов, которые свидетельствуют, что личность в период кризиса проходит *три группы* позитивных изменений, способствующих ее росту и развитию (G.A. Bonanno, P. Alex Linley, J. Stephen, R.G. Tedeschi, L.G. Calhoun, M. Seligman, M. Csikszentmihalyi, G. Caplan, В. Франкл, В. Беттельхайм, А. Сент-Экзюпери, М. Мамардашвили, М.Ш. Магомед-Эминов).

Первая группа включает в себя мобилизацию латентных ресурсов личности, которые повышают самооценку, изменяют самоотношение,

преобразовывают картину мира человека, делают его более решительным, крепким и изобретательным в суровой жизненной реальности. *Вторая группа* изменений указывает на то, что травмирующее событие позитивно влияет на значимые взаимоотношения, т. е. укрепляет их. *Третья группа* изменений называется экзистенциальной, т. к. речь идет об изменении философии жизни человека и определении его приоритетов в настоящее и будущее время. «Многие люди чувствуют, что после несчастья стали гораздо сильнее, больше верят в себя и свои способности. Другие говорят, что у них улучшились и укрепились отношения с людьми (травма часто служит лакмусовой бумажкой, выявляющей ценность наших отношений), или сообщают о более сильном чувстве сострадания к людям, оказавшимся в подобной ситуации. Иногда люди начинают заново ценить то, что имеют, даже какие-то мелочи жизни, которые мы слишком часто считаем чем-то само собой разумеющимся. Более того, некоторые люди вследствие несчастья обретают смысл жизни или веру, что ведет к появлению у них более гармоничного и дающего удовлетворение мировоззрения и жизненной философии» [2].

Человеку свойственно осмыслять события своей жизни для того, чтобы справиться с ними, не просто пережить, а прожить их, вынести из них положительный смысл. Именно это позволяет человеку жить дальше, радоваться жизни, несмотря на наличие трагичных событий в прошлом.

«В поисках первых в истории пропавших без вести мы встречаем с персонажем из греческой мифологии – Пенелопой, женой Одиссея, которая на протяжении десятилетий ждет своего без вести пропавшего мужа» [3]. «В отличие от Одиссея, в большинстве своем мужчины не возвращаются и чаще всего нет никаких указаний на то, как они умерли и где похоронены» [4].

В книге «Как предупредить рецидивы психотравмы» [5] опубликована наша Программа социально-психологического сопровождения родственников лиц, похищенных и пропавших без вести. При составлении программы использовался практический опыт работы с людьми данной категории, накопленный командой психологов Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации, включая и собственный опыт непосредственного участия в организации и проведении психореабилитационных мероприятий.

В процессе посттравматического роста ключевую роль играют такие факторы, как ощущение безопасности, управление ситуацией, контроль (точная и своевременная информация о ситуации помогает принимать осознанное решение), поддержка родственников и друзей, принадлеж-

ность к группе, смысл жизни (способность человека доказать себе и миру, что ничто в жизни не сможет вас выбить из седла), надежда (возможность видеть свет в конце туннеля; человек должен быть уверен в том, что даже в полной темноте вспыхивают искры надежды, искать эти искры и не дать им сгореть бесцельно).

Модель посттравматического роста способствует приобретению жизненной мудрости человека, обогащению сценария жизни. Исследования посттравматического роста свидетельствуют, что этот феномен представляет собой непрерывный процесс, а не статический результат травмы.

В. Франкл был уверен, что решающим фактором успешной адаптации человека к несчастью является его отношение (attitude): «У человека можно забрать всё, кроме... последней из человеческих свобод – свободы выбирать свое отношение к любым обстоятельствам, выбирать собственный путь». Если травматическая ситуация осмысливается как вызов, у человека с большей вероятностью произойдет посттравматический рост [6].

Предметом нашего исследования стал посттравматический рост родственников без вести пропавших осенью 1992 г. во время конфликта в Пригородном районе Северной Осетии – Алании. С этой целью проводились глубинные интервью с родственниками без вести пропавших (всего 32 интервью). Вопросы, которые им задавались, касались событий осени 1992 г. и их последствий для семьи, способов физического и социального выживания, эмоционального переживания и осмысления случившегося. Особая группа вопросов касалась настоящей жизни опрашиваемого. Теоретической основой работы послужили экзистенциальная теория личности Виктора Франкла и теория трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова [7].

Как известно, теория В. Франкла состоит из трех слагаемых: учения о стремлении к смыслу, учения о смысле жизни и учения о свободе воли. При этом ключевой силой развития личности является врожденное стремление к осознанию смысла жизни. В жизни человека нет готовых сформулированных смыслов. Они неповторимы, индивидуальны, эксклюзивны для данного человека в данный момент его жизни. В. Франкл подчеркивает, что обретение и реализация смысла всегда связана с внешним миром, с творческой активностью человека, субъектными параметрами и его успешными достижениями [8]. М.Ш. Магомед-Эминов обращает особое внимание на феномен экстремальности и считает, что он «имеет не только негативный, но и позитивный аспекты и может быть полноценно рассмотрен в трансформационной триаде “страдание – стойкость – рост”» [9].

Анализ ответов на открытый вопрос о возможной связи жизни наших респондентов с ситуацией насильственного исчезновения близкого

человека состоял в выделении главных тем или категорий, которые затрагивали респонденты. Такими категориями оказались: 1) отношение к другим; 2) новые возможности и новые интересы, смена жизненных приоритетов; 3) сила личности; 4) духовные изменения, укрепление веры; 5) повышение ценности жизни и каждого ее мгновения в отдельности.

В результате травмы у большинства респондентов изменилось отношение к другим людям: повысился индекс доверия, уровень эмпатии, позитивных эмоций. Выявились ощущение ранее не фиксированных возможностей и интересов, желание трансформаций. Они приобрели навыки уверенного поведения, лидерских способностей, внутреннюю силу для преодоления последующих жизненных препятствий. У них укрепляется вера, они с благодарностью принимают любое испытание. В общем, у них повышается ценность жизни в целом и каждого мгновения в отдельности.

Для иллюстрации приводим выдержки из ответов респондентов по каждому фактору.

Отношение к другим

Респондент 4 (пропали без вести брат и племянница)

«В трудную минуту могут оказаться люди, которые могут подставить плечо...

В основном я общался в среде правозащитников. Те, которых я знаю, правозащитники, это люди, которые рискуют многим, при этом они всего себя отдают тому, чтобы защитить людей от произвола. Эти люди как раз таковыми являлись».

«Я всегда сострадал. Проявлял сострадание и в советское время и сейчас. Думаю, что это в моей крови – сострадать, пытаться помочь».

Респондент 5 (пропали без вести отец и три брата)

«Нет, я рассчитываю на людей. Конечно, рассчитываю».

«Когда мы проводили мероприятие, несколько лет назад, приуроченное ко Дню без вести пропавших, замечательным мне показалось то, как завуч по воспитательной части приехала к нам со своими учениками, с рабочей формой, с моющими средствами, сама наняла “газель”, привезла своих детей и целый день дети трудились на нашем мемориале».

«Такое огромное сострадание я испытываю к своей маме, потому что мама – такой человек, который пытается это горе в себе держать, не жаловаться нам. В другой раз, когда просыпаешься ночью, слышишь, когда мама молится, до ее смерти хотя бы весточку от одного сына получить. Вот здесь это сострадание, конечно же, огромное... и не только к матери, к своим братьям, оставшимся испытываю. Конечно, они тоже чувствуют такое огромное горе. Мужчины ингушские по своей ментальности такие, что не плачут в жилетку никому, в себе это горе носят. К братьям я

испытываю сострадание, больше чем к сестрам, потому что я понимаю, какая для них это огромная потеря, огромная невосполнимая потеря. Когда свадьба, похороны, что-нибудь такое случается, ингушам свойственно всем братьям вместе собираться и ехать. Вот именно в эти дни я ощущаю, как мой старший брат чувствует, что не хватает братьев. Наверное, думает, что вот если бы были мальчики, вместе бы все собрались и поехали. Или хотя бы по одному сыну если бы осталось у моих братьев – это тоже было бы таким облегчающим обстоятельством. Вот здесь я к ним испытываю огромное сострадание».

«Каждый религиозный наш праздник, Ураза-Байрам, Ид-аль-Адха, Ид-аль-Фитр, вот в эти дни по утрам я постоянно плачу. Вот это бывает очень сильная эмоция, потому что в этот день (плачет) ко мне бы могли мои братья приехать, но этого не случится. Вот здесь эмоции тебя, конечно, захлестывают. И я себе в этом не отказываю.

Вот в такие дни я себе это позволяю и в дни рождения братьев, отца. Конечно, гостей приглашаешь и сагла (милостыню. – Р.Г.) раздаешь, но между тем в этот день эмоции захлестывают».

Респондент 7 (пропал без вести муж)

«Я всегда готова поддержать, чем могу, помогу. У меня это растет, то растет, вот я рада, пока я жива, я могу это делать, некоторые же не могут возиться в огороде, я могу это делать, раздавать сах (милостыню. – Р.Г.), и кого-то пропустить не могу. И когда для кого-то ты хорошее делаешь, хоть немного чем-то помогаешь... потом у меня племянницы остались без матери, отец инвалид у них и не то, он сам ничего не может. Как я бегала, их устроить в наш университет. Три девочки выучились, одна замуж вышла, другие две работают, мальчик в армии отслужил, работает. Вот кто нуждается в моей помощи, мне хочется помочь, я помогаю и мне от этого, наоборот, на душе радостно, хорошо. Даже вот я виновата бываю, когда кому-то что-то не так скажешь, то так жалеешь, так себя изводишь. Милое дело – делать добро. Добро – это и счастье, и веселье, всё!»

«В других людях мы всегда нуждаемся, что не говори. Вроде, опереться не на кого, но все-таки в общении хотя бы немного душу отвести, без людей – не дай Бог».

Новые возможности

Респондент 5

«Мне кажется, для того, чтобы сделать свою жизнь лучше, надо прилагать усилия, во-первых, во-вторых, через многое надо проходить и, мне кажется, я вот этот барьер прошла успешно и сделала свою жизнь намного лучше. Я как-то более тверже стою на ногах на работе и, как вам сказать, я не боюсь проверяющих, никаких комиссий. Я понимаю, что я

свою работу, может быть, не архивосхитительно выполняю, но я в душе стараюсь выполнять аккуратно, с самоотдачей и я чувствую, что я пытаюсь сделать работу во благо детей. Я прилагаю силы и меня это, конечно же, радует и меня это успокаивает очень».

«Я поняла, что человек должен и может жить не только в своем узком мирке, что человек может приносить пользу еще и окружающим его людям, своим родным, близким, коллегам по работе.

Появились возможности, которые раньше мне не были доступны. Это возможность выехать за пределы нашей республики и в рамках поиска без вести пропавших, и в рамках повышения квалификации по своей работе в школе, и посещение обучающих семинаров, и даже то, что я в последнее время спокойно могу определиться куда я поеду даже отдыхать, вот это тоже мне кажется очень большим достижением в своей жизни. Как вам сказать, в моей жизни появились люди, которые меня понимают, доверяют мне и не препятствуют ни моему профессиональному росту, ни моему общению с друзьями, с коллегами по работе. Это очень радует меня».

Сила личности

Респондент 5

«Когда в 2009-м году были эксгумированы трупы на мемориальном кладбище, из этих эксгумированных трупов, семеро было идентифицировано и хотя бы несколько семей опознали своих родных. Они соблюли ритуальные мероприятия, перезахоронили своих родных. Вот в этой ситуации мне стало понятно, что может быть, в недалеком будущем, и наших так же опознаем и тоже обретем могилы, куда можно прийти и почитать дуа (молитву. – Р.Г.)».

«...между тем, когда чрезмерно уж начинают таких людей опекать, мне тоже кажется... говорят: “чрезмерная доброта – хуже воровства”. Людям, с другой стороны, надо давать возможность для того, чтоб они сами крепче становились на ноги. Всё хорошо в меру...»

«Ситуации принимать такими, какие они есть, к сожалению, нас составляет жизнь. С момента [19]92-го года, когда 70 тысяч человек были изгнаны с насиженных мест и никто практически не понес за это наказания – эту ситуацию мы приняли и пережили вс` это. Мне кажется, человеку, пережившему вот это, осознать и принять любую жизненную ситуацию такой, как есть, не составит труда. Потому что мы через это прошли, мы поняли, что такое может и потом случиться и не только с нами».

Духовные изменения

Респондент 5

«Вы знаете, дух религиозности в нас отец с детства воспитывал. Больше или меньше религиозной стала ли я? Сколько я себя помню, нас

отец спозаранку будил на утреннюю молитву, сколько я себя помню, даже будучи маленькими, даже если мы не держали пост в месяц Рамадан, всё равно нас отец всё время утром будил. Даже заведомо зная, что мы не будем держать пост, отец всё время нас приучал. Всё-таки, тогда пропагандировали атеизм и когда Таравих (коллективный. – Р.Г.) намаз в месяц Рамадан у нас делали, и отец весь этот месяц спал на полу и коллективный намаз у нас всегда совершали. Приходили участковые, я помню, но отец никогда этим не поступался. В духе религиозности, нас отец всегда воспитывал в духе того, что оружие мусульманина – это молитва. Он всё время говорил, из дому выходить, ступая правой ногой, с именем Аллаха выходите; когда приходите и беретесь за ручку двери домашнюю, благодарите Аллаха за то, что Он вам кров дал; когда садитесь кушать, обязательно перед тем, как притронуться к еде, говорите “Бисми-лляхир-рохмани-р-рохим” (араб. “с именем Аллаха – Милостивого – Милосердного”. – Р.Г.), благодарите Аллаха за накрытый стол. Я и сама была в 2004-м году на хадже, до сих пор эйфория того, что ты воочию, рядом видишь Каабу – никогда меня это ощущение не покидает. <...> религиозность... без религии никуда, это очень мощный фактор в жизни человека. Религия, она силы тебе дает. А так чтобы больше религиозной, мне кажется, я не стала, потому что я с детства в этом духе воспитывалась».

Респондент 6 (пропали без вести дедушка и отец)

«...к 22–24-м годам, пока я не пришла к религии, не стала более религиозной, вот это для меня было выходом из этого состояния. А до этого я не находила ни в каких психотерапиях, никаких психологов, ни в каких различных каких-то там сообществах, которые помогали – нигде я не находила ничего, никакой помощи. Единственное, вот я пришла к религии и нашла понимание всего».

«Ну вот я начала ходить в мечеть, изучать религию и т. д. в Москве, и это поспособствовало тому, что я уже как-то стала по-другому относиться к этому состоянию. Если все психотерапии – они в это во всё углубляли, то религия, она как-то это взяла в основу, что так суждено было быть и нужно принять неизбежное и жить дальше. Я увидела какие-то краски».

«...внешний вид, какое-то состояние, постоянно везде статусы, разговоры были о том, как всё плохо, всё черное и всё пусто, то сразу же при переходе в религию у меня поменялся образ мыслей, внешний вид, у меня цели поменялись, какие-то убеждения».

«Когда я первый раз решила пойти в мечеть, это было еще в Москве. И, в принципе, я пошла туда и первое время я очень много плакала в мечети сидела. Все на меня оглядывались. Особенно, когда мы коллективный намаз делали, я, можно сказать, не могла сдерживать свои эмоции и

в голос рыдала, и это были первые мои осознания потому, что раньше я понимала, что я не могу плакать, я очень сильно сдерживаю себя во многих ситуациях и слезы у меня бывали очень редко. Практически, какая бы ни была сильная ситуация, я не плакала. А тут я научилась плакать прямо на разрыв и мне было даже стыдно, что все оглядываются, смотрят, и тем не менее у меня были эти эмоции, что я в голос плакала».

Респондент 7

«В моих руках и Аллах помогает. Мы каждый вечер, когда ложились, только просили... Чтоб мои дети не пошли по плохой дорожке, чтоб Он мне помог, что я Ему благодарна. Я всегда за детей боялась. Всё это Аллах мне помог избежать, дети – и говорить нечего. Ну что еще в жизни главное? Я не знаю. Тем более сыновья, обычно и полная семья не может нормально их воспитать. Это мне Аллах помог!»

Итак, мы планируем собрать первоначальный материал, проверить высказанную гипотезу и наметить проблемы для дальнейших исследований. Всё, что мы можем сделать в этой работе, это лишь пролить свет на некоторые вопросы, которые были «подняты», и предположить, что заинтересованный читатель копнет еще глубже и погрузится в эту область науки, которая имеет практически неограниченные исследовательские горизонты и возможности.

Примечания

1. Сампиев И.М. Конфликт в Пригородном районе и г. Владикавказе: сущность, роль государства и пути разрешения // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. №. 3. 2012. С. 76.
2. Левченко В.В. Позитивная психология: учеб. пособие. М., 2014. С. 131.
3. Boss P. Ambiguous Loss. Learning to Live with Unresolved Grief. Cambridge, 1999. P. 73.
4. Прайтлер Б. Бесследно пропавшие... Психотерапевтическая работа с родственниками пропавших без вести / Пер. с нем. М., 2015. С. 74.
5. Как предотвратить рецидивы психотравмы. Технологии социально-психологического сопровождения. Методическое пособие / под ред. Л.В. Мищенко. Пятигорск, 2015.
6. Левченко В.В. Указ. соч. С. 132.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. Библиотека зарубежной литературы. М., 2012; Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: автореф. дисс. ... д. псих. н. М., 2009.
8. Франкл В. Указ. соч. С. 227.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Указ. соч. С. 14.

РАЗДЕЛ 5. ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ НА ЮГЕ РОССИИ В 1917–2017 гг.

А.В. Венков

РАЗРОЗНЕННАЯ БОРЬБА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ В КАЗАЧЬИХ ОБЛАСТЯХ ВЕСНОЙ 1918 г.

Весна 1918 г. была важным периодом в процессе установления власти большевиков в России. В советской историографии он характеризовался как завершение «триумфального шествия советской власти» и как «мирная передышка» в начинавшейся Гражданской войне. На Юге России все описанные процессы в силу иной структуры общества и ряда других факторов (в том числе иностранных интервенций) были смещены по времени либо имели ряд специфических особенностей.

Особенностью периода, получившего в советской историографии название «мирной передышки», на Юге было то, что здесь передышки в гражданской войне не случилось. Антибольшевистские силы на юго-востоке хотя и были разгромлены, но сохранили свои кадры. По подсчетам кадры эти составляли:

- Добровольческая армия – 3700 чел.;
- отряд Генерального штаба полковника М.Г. Дроздовского, идущий с Румынского фронта на соединение с Корниловым, – 3000 чел.;
- Кубанский отряд А.Ф. Филимонова и В.Л. Покровского – 3300 чел., по другим данным – 2100 чел.;
- «отряд вольных Донских казаков» походного атамана П.Х. Попова – 1500 чел.

Если прибавить сюда остатки войск Центральной рады, бежавшей из Киева в Житомир, – около 2000 чел., – то в сумме получим около 13 500 чел. [1].

Казачество, как видим, по отношению к добровольческим структурам находилось в меньшинстве. Центр вооруженной борьбы был перенесен на Украину, где началось наступление австро-германских войск. После того как мирный договор с Центральной радой был подписан и единого антигерманского фронта не стало, «военная партия» в Германии начала оказывать давление на советскую делегацию и ужесточила условия мира. Нет необходимости описывать все события, связанные с

выходом Советской России из войны и подписанием Брестского мирного договора. Напомним только, что германские войска заняли Украину и установили в ней в конце апреля 1918 г. режим гетмана Скоропадского.

Эта «реставрация», в отличие от последующих шараханий перепуганной массы к монархизму, была явлением, в большей мере привнесеным и не имеющим почти никакой поддержки на Украине.

На Дону и Северном Кавказе с разгромом калединского движения центром антибольшевистского движения становится Добровольческая армия. К моменту выхода из Ростова-на-Дону 9 (22) февраля 1918 г. Добровольческая армия имела около 3700 человек, из них – 2350 офицеров (в подавляющем большинстве офицеров военного времени). В армии было свыше тысячи юнкеров, студентов, гимназистов, кадетов; 235 рядовых (из них 169 солдат). Организационно армия делилась на три полка и отдельные батальоны. С армией шли 52 гражданских лица (Родзянко и другие) [2]. Шедший с армией А.А. Суворин заметил: «о Добровольческой армии всегда можно сказать – доблести много, дисциплины мало» [3], – то есть, подобно всем армиям революционной эпохи, Добровольческая армия была больна «партизанщиной» и представляла собой воинское формирование, далекое от идеала.

По качественному своему составу армия отнюдь не напоминала гвардию «буржуазно-помещичьей контрреволюции». По данным А.Г. Кавтарадзе (из сведений об имущественном положении), 71 участник похода (генералы и офицеры), 64 человека (90 %) не имели никакого имущества. По сословной принадлежности из 71 «добровольца» потомственных дворян было 21 %, личных дворян – 39 %, остальные выходцы из крестьян, мещан и т. д. [4]. Судя по всему, в начальный период борьбы армия в основном состояла не из помещиков и буржуазии, а из охранительно, государственно настроенной «служилой» интеллигенции.

Исходя из этого руководители армии усиленно подчеркивали ее «демократизм». Даже ростовские социал-демократы (С.М. Гурвич) усматривали в армии два крыла: «право-буржуазное» и «леводемократическое» [5]. 15 января 1918 г. народный социалист Альперин, характеризуя Добровольческую армию, заявил, что «входящие в нее демократические силы внушают уверенность в том, что армия эта оправдывает возлагаемые на нее надежды» [6]. Даже командующий армией генерал Л.Г. Корнилов демонстративно заявлял: «Я – республиканец» [7], хотя неоднократно говорил, что он «...с удовольствием перевешал бы всех этих Гучковых и Милюковых» [8].

В вышедшем позже воззвании генерал Деникин писал, что «добровольцы» планировали создать базу на Дону и, опираясь на нее, наступать

на Москву и Волгу, но противодействие, «вытекающее из безволия и оппортунизма местной власти и своеобразного в высшей степени нелепого “большевизма” казачьих масс», вынудило Корнилова и Алексеева отказаться от этого плана [9] и искать новой базы или даже спасения на Кубани, где в Екатеринодаре всё еще было у власти Кубанское правительство.

Первоначально твердого плана идти на Кубань не было. Вырвавшиеся из окружения под Ростовом и Новочеркасском «добровольцы» и донские белые «партизаны» параллельно шли на восток в Сальские степи. По версии А.П. Богаевского, отряды разделились, когда в станице Кагальницкой «добровольцы» узнали, что в Сальских степях нет средств для «прокормления» Добровольческой армии, и решили идти на Кубань [10] (добровольческий разъезд в 30 человек шел вместе с белыми «партизанами» донского походного атамана Попова до астраханской границы [11]).

Но, как говорил потом генерал А.П. Богаевский, «плохо принята (Добровольческая армия. – А.В.) на Дону, еще хуже на Кубани» [12]. Проходя по станицам, «добровольцы» занимались «самоснабжением», проводя платные (пока еще) реквизиции. 1 (14) марта у станицы Березанской впервые произошел бой между «добровольцами» и кубанской казачьей молодежью, которая защищала свою станицу от белых. Кубань была охвачена «революционным движением». Впрочем, как отмечал А.И. Деникин, «по существу большевизм станиц был чисто внешний» [13]. 28 февраля (13 марта) 1918 г. Кубанское правительство бежало из Екатеринодара, и «добровольцам» с этого момента какое-то время пришлось двигаться «в никуда» и выдерживать многочисленные бои, в каждом из которых стоял вопрос – победа или смерть.

Конец февраля – конец марта 1918 г. на юго-востоке России был периодом разобщенности антибольшевистских сил, находящихся в «подвешенном» состоянии. На Дону в этот период происходит своеобразный раскол между политически активным зажиточным казачеством и донской служилой верхушкой. Часть «контрреволюционеров» рассеялась по хуторам и станицам. Активные сторонники антибольшевистской борьбы покинули стан атамана Каледина с их идеями «паритета» и союза с кадетами и ушли с генералом П.Х. Поповым в Задонские степи, где создали «Отряд вольных донских казаков» с целью «сохранить необходимые офицерские и партизанские кадры к моменту пробуждения донского казачества» [14]. Идея объединить и противопоставить Советам все антибольшевистские силы в отряде отсутствовала. Подобная «программа» собрала гораздо больше вооруженных приверженцев, чем предыдущие, выдвигаемые донской казачьей верхушкой. Если Каледин на защиту Новочеркасска мог выставить немногим больше сотни штыков, то генерал

Попов увел с собой 9 партизанских отрядов и отдельную батарею. Всего 1035 штыков, 895 сабель, 59 пулеметов, 5 орудий [15]. Причем «рядовые казаки почти отсутствовали в рядах партизанских отрядов» [16].

Второй крупный отряд донской «контрреволюции» был в Добровольческой армии генерала Корнилова – пеший Партизанский казачий полк генерала А.П. Богаевского и конная часть полковника Глазенапа. Состав обеих частей к 10 марта 1918 г. – 474 штыка, 174 сабли, 15 пулеметов [17]. Идеология этого отряда в принципе не отличалась от идеологии «вольных донских казаков» генерала Попова. Отряды действовали раздельно по чисто конъюнктурным соображениям [18].

Вступившие в Партизанский полк отряды стали именоваться «сотнями»: 1-я сотня – Краснянского, 2-я сотня – Лазарева, 3-я сотня – Чернецова. По вступлении в пределы Кубанской области полк стал быстро пополняться кубанскими казаками – преимущественно бывшими «пластунами». В результате Первого Кубанского похода донцы потеряли 60 % убитыми. Старых участников похода сохранилось не больше трех десятков [19].

Отряд генерала Попова, проходя через станицы, так же, как и части Добровольческой армии, нередко подвергался нападению местных казаков. Участники Степного похода в начале своего предприятия констатировали: «В общем население к нам относится враждебно» [20]. Тогда же идеолог казачества М.П. Богаевский, бежавший после разгрома «калединщины» в Сальские степи, сдался советским войскам и заявил о бессмысленности борьбы. Это был переломный момент, когда донская служилая верхушка лишилась в своей борьбе последней поддержки казачества и осталась в одиночестве.

Примерно такая же ситуация сложилась на Кубани. Кубанское правительство, уйдя из Екатеринодара, имело на 2 (15) марта 1918 г. 6000 человек, из которых боеспособных было 3000 (в это число входил и Черкесский полк): 2500 пехотинцев, 800 конных, 24 пулемета, 12 орудий, большинство отряда – офицеры [21]. Бросается в глаза обилие пеших в кубанском казачьем офицерском отряде, что указывает на сходный с «добровольцами» состав. Уходя и уводя отряд, Кубанское правительство хотело «сохранить себя как идейно-политический центр... как ядро будущего оздоровления края» [22], что созвучно и с задачей отряда Попова, и с задачей самой Добровольческой армии. Стоявший во главе отряда военный летчик капитан Покровский после Февральской революции был офицером для поручений при Колчаке и членом штаба корниловской организации.

Идейно отряд был разобщен. «Общей идеи, связующей их, не было вовсе, если не считать всем одинаково понятного сознания опасности и необходимости самообороны», – считал А.И. Деникин. Наряду с «са-

мостийниками» в отряде были люди, заявлявшие: «Мы одухотворены идеей защиты республики Российской и нашего края от гибели, которую несут с собой захватчики власти, именующиеся большевиками» [23].

9–10 (22–23) марта кубанским отрядом была предпринята неудачная попытка отбить Екатеринодар, причем рядовые участники похода надеялись «войти в город и распылиться» [24]. 11 (24) марта, когда отряд был в кольце и проигрывал сражение, пришло известие о подходе Добровольческой армии, поднявшее дух отряда.

Состоявшее в большинстве из сторонников «самостийности» Кубанское правительство 13 (26) марта отдало приказ об образовании «Кубанской армии». Корнилов расценил это как «интригу» и 15 (28) марта отдал кубанскому отряду приказ идти к нему на соединение. 17 (30) марта в переговорах с Кубанским правительством Корнилов поставил ультиматум слить отряды под его командованием, а Кубанскому правительству устранить от руководства войсками либо отделиться. Сознавая, что часть их отряда настроена определенно «корниловски» или просто желает твердой власти, что атаман Филимонов занял колеблющуюся позицию («Атаман Филимонов то клялся в конституционной верности, то поносил Раду и правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским» [25]), Кубанское правительство уступило. Атаман, командующий войсками, председатель Рады, его товарищ и председатель правительства подписали 17 (30) марта в ст. Ново-Дмитриевской соглашение: «1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизации отряда, как это будет признано необходимым. Законодательная Рада, Войсковое правительство и Кубанский атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией. Командующий войсками Кубанского края и его начальник штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии» [26].

Кубанский отряд, состоявший из Кубанского стрелкового полка, Пластунского батальона, Кубанского конного полка, Черкесского конного полка и трех батарей, присоединился к Добровольческой армии, после чего та была реорганизована в три бригады. С этого момента количество казаков в Добровольческой армии, учитывая Партизанский полк из донских казаков, примерно сравнялось с количеством «неказаков».

С политической точки зрения, объединение было непрочным. Впоследствии кубанские сепаратисты писали, что различного в этих двух силах было гораздо больше, чем общего. «Кубанцы» считали зоной своих интересов лишь Кубань, «добровольцы» притязали на решение судьбы всей России; «кубанцы» были сторонниками демократии, «добровольцы» – диктатуры; «кубанцы» планировали демократическую земельную реформу и «радикальное рабочее законодательство», «добровольцы» предполагали реставрацию старых порядков. Единственное, что их сближало – угроза уничтожения [27].

Сразу же начались этнические, бытовые «нестыковки». Кубанский атаман Филимонов сетовал впоследствии: «Добровольцы не скрывали своего критического, а иногда иронического отношения к казачьим порядкам и казачьей власти... Казаки же, открывая братские объятия добровольцам... считали себя вправе требовать, чтобы гости, по православному обычаю, при входе снимали шапки» [28]. Стремление «добровольцев» иметь казаков в своих рядах как боевую силу, но оттеснять их вождей и начальников было заметно на бытовом уровне. Атаман Филимонов сетовал, что распространилось мнение, «что казаки низы способны и доблестны, а верхи бездарны и невежественны», и якобы сам Алексеев утверждал, что среди казаков «некоторые сотенные командиры были на своих местах, но выше – сплошные неудачники» [29]. Подобное отношение в рядах Добровольческой армии было не только к кубанцам, но и к донцам. В унисон с Алексеевым звучат слова донского офицера И. Плахова: «У нас были хорошие командиры полков (часто из прапорщиков) и очень часто плохие генералы» [30].

Исключение в глазах «добровольцев» составляли донцы, ушедшие на службу в Добровольческую армию. П.Н. Врангель, неоднозначно относившийся к донским генералам (Мамонтова он терпеть не мог), о тех из них, кто служил у «добровольцев», отзывался очень хорошо: «... выдающийся кавалерийский начальник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степени, генерал Савельев» [31], «блестящий кавалерийский начальник, прекрасно разбиравшийся в обстановке, храбрый и решительный...» – о том же Савельеве [32]. Справедливость требует сказать, что Виктор Захарович Савельев был действительно выдающимся военачальником, заслужившим за время Мировой войны «Георгиевское оружие» и два ордена «Святого Георгия». Заслужил он их на посту начальника штаба 1-й Донской дивизии, а затем командира уланского полка.

Впрочем, когда проблема влияния на казаков сгладилась, генерал Слащев, которого трудно обвинить в предвзятости, о казачьих генералах, попавших под его командование, говорил коротко, но в общем доброжелательно: «Калинин и Морозов были очень энергичными офице-

рами и продуктивными работниками, хотя и с большой хитрецей» [33] (сами донцы характеризовали генерала Калинина так: «умный и талантливый... обладал большой и инициативной энергией» [34]). Видимо, по своим боевым качествам казацкие офицеры и генералы не слишком отличались от прежней Российской армии. Особенностью было преобладание среди них кавалеристов, представителей устаревающего, отживающего рода войск, но в то же время людей, более других ориентированных на маневр и удар, на беспощадное преследование.

Объединение с кубанским отрядом не сделало армию массовой. Казаки еще колебались, вели борьбу «без воодушевления, без подъема, а главное, без всякого духовного руководства... Было желание, но не было дерзания» [35]. И всё же объединение сил и решительные действия вроде штурма Екатеринодара (еще не взяв город, Корнилов объявил, что передаст его не местным властям, а поставит генерал-губернатора, что вызвало «молчаливое осуждение» кубанского правительства [36]) временно привлекли к «добровольцам» часть колеблющегося кубанского казачества. Кроме того, 27 марта (9 апреля) 1918 г. «добровольцы» провели первую мобилизацию среди местного населения [37]. Елизаветинская и Старомышастовская станицы, лежавшие вблизи города, выставили против красных 1000 бойцов. Но военный разгром под Екатеринодаром, где против явно «великорусского» генерала Корнилова сражались многие кубанские казаки, смерть Корнилова и слух о предполагаемом отступлении в Черноморскую губернию привели к тому, что «казаки заметно отшатнулись» от Добровольческой армии [38]. Неудачей закончилась попытка пробиться к казакам, поднявшим мятеж в Кавказском отделе. Выступление было подавлено до подхода «добровольцев».

В самой Добровольческой армии произошли изменения. Впоследствии сами «белые» условно выделяли пять этапов Белого движения. Первый этап (25 октября 1917 г. – 31 марта 1918 г.) они считали завершенным в связи со смертью генерала Корнилова. «Этот вождь Божьей милостью представлял собой тот фокус, в котором сосредоточивалась идея белой борьбы, вера в победу и надежда на спасение России... Он являлся подлинной душой Добровольческой армии и всего белого движения. <...> В командование армией вступил генерал Деникин. Эта перемена сразу же отразилась на жизни и порядках Добровольческой армии. Вот почему эта скорбная дата и послужила гранью между первым и последующими периодами белой борьбы» [39].

12 (25) апреля «добровольцы» на Кубани узнали о подъеме антибольшевистского движения на Дону и о наступлении немцев и гайдамаков на Ростов-на-Дону. В Добровольческую армию прибыла делегация

от восставших донских казаков. И поскольку после смерти Корнилова главной целью «добровольцев» стало спасение армии [40], «приезд этой делегации окончательно решил вопрос о дальнейшем направлении нашего движения», – вспоминал А.П. Богаевский [41].

«Кубанцы», невзирая на эти известия, требовали идти на юг в Баталпашинский отдел «поднимать казаков». Генерал Алексеев настоял на решении идти на Дон, а затем вернуться на Кубань. 17 (30) апреля Добровольческая армия и подчиненные ей кубанские части двинулись на север. Кубанские казаки присоединялись к уходящей армии целыми сотнями [42]. Вскоре «добровольцы» заняли позицию у Среднего Егорлыка на границе Ставропольской губернии, Донской и Кубанской областей, что подчеркивало их выжидательный настрой. В связи с начавшимся восстанием донских казаков, продолжением немецкой интервенции и выходом Добровольческой армии к границам Дона с юга начинался новый этап гражданской войны на Юге России.

Примечания

1. Венков А.В. Антироссийское и антисоветское движение на Украине в годы Гражданской войны. Часть I. 1917–1918 годы. Ростов н/Д, 2015. С. 121.
2. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 35–36.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. Минск, 2002. С. 127.
4. Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 36.
5. Приазовский край. 1918. 14 января.
6. Там же. 17 января.
7. Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Т. 3. Берлин. 1927. С. 67.
8. Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. С. 78.
9. Приазовский край. 1918. 6 (19) мая.
10. Богаевский А.П. Воспоминания. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, 1963. С. 65.
11. Перфильев Г. Из воспоминаний // Дон. Прага. 1933. № 2. С. 18.
12. Приазовский край. 1918. 6 (19) мая.
13. Деникин А.И. Указ. соч. С. 254.
14. Ленивов А. К 15-й годовщине Степного похода // Вольное казачество. Париж, 1933. № 124. С. 16.
15. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Вып. 1. Ростов н/Д, 2014. С. 38.
16. Ленивов А. Указ. соч. С. 9.
17. Венков А.В. Донская армия. С. 56.
18. Богаевский А.П. Указ. соч. С. 65.

19. Добровolec Иванов. По следам памяти // Вестник первопоходника. № 33. С. 9.
20. Аврамов П. Дневник степняка-партизана // Донская волна. 1919. № 19. С. 15.
21. Филимонов А.Ф. Кубанцы (1917–1918) // Белое дело. Т. 2. Берлин, 1927. С. 91.
22. Деникин А.И. Указ. соч. С. 240.
23. Там же.
24. Приазовский край. 1918. 11 (24) мая.
25. Деникин А.И. Указ. соч. С. 269.
26. Трагедия казачества. Ч. 1. Прага, 1934. С. 99–100.
27. Там же. С. 90.
28. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 270.
29. Там же. С. 271–272.
30. Родимый край. 1974. № 111. С. 49.
31. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Т. 1. С. 275.
32. Там же. С. 374.
33. Слащев Я.А. Белый Крым. 1920. М., 1990. С. 93.
34. Родимый край. 1973. № 109. С. 13
35. Деникин А.И. Указ. соч. С. 254.
36. Там же. С. 283.
37. Там же. С. 368.
38. Приазовский край. 1918. 12 (25) мая.
39. Денисов С.В. Белая Россия. СПб – М., 1991. С. 22.
40. Деникин А.И. Указ. соч. С. 304.
41. Богаевский А.П. Указ. соч. С. 145.
42. Деникин А.И. Указ. соч. С. 315.

А.Ю. Перетяtko

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ
КАВАЛЕРИИ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918–1920 гг.:
«АМЕРИКАНСКИЕ РЕЙДЫ» В РОССИЙСКОЙ
ВОЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Тот факт, что кавалерийские части играли в годы Гражданской войны 1918–1920 гг. крайне важную роль, является общим местом россий-

ской историографии. Согласно «Советской военной энциклопедии», в специфических условиях данного конфликта «кавалерия могла полностью реализовать свои боевые свойства и возможности – подвижность, внезапность ударов, быстроту и решительность действий» [1]. Успешное применение красными и белыми кавалерийских частей резко контрастировало с годами Первой мировой войны, в ходе которой кавалерия показала себя, по оценке известного советского военачальника И.В. Тюленева, «малоэффективной». Генерал связывал это главным образом с неправильным использованием кавалеристов «царским военным командованием» [2]. Но почему тогда в 1918–1920 гг. бывшие офицеры и унтер-офицеры российской армии применяли конные части намного успешнее? Нам бы хотелось обратить внимание на несколько работ в дореволюционной военной периодике, позволяющих по-новому взглянуть на данный вопрос.

В 1877 г. официальный орган Военного министерства, газета «Русский инвалид», опубликовала статью известного донского статистика и военного чиновника Н.И. Краснова «Немецкие военные писатели о казаках» [3]. Ее автор основывался на самых свежих германоязычных работах: вышедшей в 1877 г. в Вене книге А. Шпрингера «Казаки» и статье некоего Дрыгальского (более точная транскрипция – Дригальский, Drygalski) «Казаки в своем историческом развитии», включенной в 1876 г. в «Ежегодник армии и флота» [4]. Изучив данные тексты, Н.И. Краснов пришел к выводу, что и в Австро-Венгрии, и в Германской империи опасаются многочисленной российской кавалерии. А. Шпрингер, хотя и отрицал возможность полной мобилизации всех казачьих войск, был вынужден признать: даже если бы Российской империи удалось поставить под ружье только 50 000 казаков, общая численность ее кавалерии достигла бы 83 000 чел., против 45 000 австрийских кавалеристов и 55 000 немецких. Поэтому в способности кавалерии этих стран противостоять «восточноевропейскому колоссу» поодиночке А. Шпрингер сомневался [5]. Дригальский шел еще дальше, признавая возможной мобилизацию по меньшей мере 100 000 казаков. Подавляющая своей численностью и хорошо обученная русская кавалерия, по мнению немецкого военного писателя, могла оказаться столь же эффективной, как в эпоху наполеоновских войн. Дригальский предлагал даже конкретный способ достижения этой эффективности: им должны были стать «американские рейды», очевидно, схожие с тактикой кавалерии в годы Гражданской войны в США 1861–1865 гг. [6]. Таким образом, в германоязычных работах середины 1870-х гг. российские кавалерийские части позиционировались как уникальный козырь Российской империи, способный при правильном использовании оказать самое существенное влияние на исход грядущих вооруженных конфликтов.

Однако начавшаяся вскоре после публикации статьи Н.И. Краснова Русско-турецкая война 1877–1878 гг. развивалась совершенно не по тому сценарию, который предсказывали А. Шпрингер и Дригальский. Согласно оценке эмигрантского историка А.А. Керсновского, «главная масса нашей кавалерии всю войну действовала бесцветно», и «с разведывательной службой она не справлялась» [7]. Схожие оценки преобладали и в советской историографии: такой авторитетный автор, как П.А. Зайончковский, подчеркивал, что «кавалерия в кампании 1877–1878 гг. не играла самостоятельной роли, будучи размещена по отдельным армейским корпусам», и считал важнейшим недостатком российских кавалерийских частей «неудовлетворительное выполнение ими разведывательной службы» [8]. Таким образом, российская кавалерия не справилась с частью поставленных перед ней задач, а ее роль в войне далеко не достигла масштаба, предсказанного Н.И. Красновым и немецкими военными писателями.

Ничего удивительного, что после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в российской офицерской среде звучали голоса, призывающие резко сократить численность кавалерийских частей. По свидетельству Н.Н. Сухотина, отдельные лица сомневались в самой необходимости сохранения кавалерии как рода войск. Они обращали внимание на то, что уже около 70 лет, с завершения наполеоновской эпохи, не было случаев, когда кавалерия оказывала достаточно существенное влияние на ход войны, зато ее содержание стоило крайне дорого [9]. Сторонники подобных взглядов считали оптимальным решением максимально увеличить численность пехоты, оставив при ней только вспомогательные конные части, предназначенные исключительно для охранительных, разведывательных и конвойных функций [10].

Однако в Военном министерстве возобладала прямо противоположная тенденция. По итогам войны 1877–1878 гг. российская кавалерия неожиданно была признана недостаточно многочисленной [11]. Еще П.А. Зайончковский отмечал, что на основании полученного боевого опыта было предложено начать формирование кавалерийских корпусов и возложить на них решение самостоятельных тактических задач (от этой идеи отказались только из-за недостатка финансов) [12]. Однако нам бы хотелось дополнить советского историка. Судя по российскому военному официозу, на кавалерию было решено возложить не только самостоятельные тактические, но и стратегические задачи. В 1881 г. на страницах «Русского инвалида» констатировали, что Российская империя первой «ввела у себя приемы обучения кавалерии стратегическим действиям, и ведет эти занятия с особенной любовью» [13].

В этой связи особенно интересна анонимная статья «О летних занятиях кавалерии», занявшая целых 6 номеров «Русского инвалида» в 1883 г. и посвященная принципам подготовки российских кавалерийских частей. Ее автор возлагал вину за неудачи кавалеристов в последних войнах... на военных теоретиков, которые предсказывали упадок кавалерии. Мы позволим себе привести обширную цитату, чтобы показать его позицию. «Еще недавно немалое число военных людей, и даже кавалеристов, полагали, что кавалерии нет уже более места на поле сражения, что боевая ее деятельность ограничивается сферой разведывательно-сторожевой и предприятиями против тыла неприятеля. Последние войны показали, что кавалерия, воспитанная под влиянием воззрений подобного рода и вооруженная по прежнему образцу, способна принести немного пользы и во всяком случае, не могла вознаградить тех жертв, которые требовались на ее содержание. Тогда явились голоса в пользу более активной боевой роли конницы, указывали цели для ее действий, требовали и нового оружия» [14].

Отметим, что идея о сохранении кавалерией ее прежнего военного значения вполне пользовалась поддержкой редакции «Русского инвалида». Так, в рецензии на книгу генерала П. Скобельцина «Конница. Боевые ее свойства и предприятия» резкой критике было подвергнуто мнение автора о неэффективности кавалерийских атак на современную пехоту. Анонимный рецензент писал, что «несмотря ни на какие технические усовершенствования» подобные атаки всегда будут успешны в случае «неожиданности их производства, искусного ведения, уловения минуты для атаки и благоприятной обстановки». С его точки зрения, попытки применения кавалерии в войнах во второй половине XIX в. были обычно неуспешны исключительно из-за невыполнения этих условий и ничем принципиально не отличались от неудачных действий наполеоновской кавалерии под Красным или Бородином [15].

Наконец, в еще одной статье, «Бой кавалерии в пешем строю», автор, скрывавшийся за псевдонимом А. П-р-ский, призывал в принципе не доверять новым методикам использования кавалерии. Во многом совпадая во мнении с анонимным автором статьи «О летних занятиях кавалерии», он утверждал: «надо в особенности и прежде всего возвышать дух кавалериста, развить нравственную силу его и укрепить отвагу и предприимчивость духа. Вот и есть настоящий прогресс» [16]. Правда, примеров эффективного действия кавалерийских частей, обладающих подобными качествами, А. П-р-ский не приводил вовсе. Вместо этого журналист «Русского инвалида» в своем воображении «переигрывал» сражение при Шеллахе, относящееся к недавнему тунисскому восста-

нию. Он доказывал, что если бы в его ходе командующий французской армией использовал кавалерию правильно, направив ее в конную атаку на неприятеля, повстанцы не сумели бы нанести поражения правительственным войскам, но, напротив, были бы полностью разбиты [17].

Но вернемся к разбору статьи «О летних занятиях кавалерии». Несмотря на призыв в полной мере использовать конные части на поле боя, ее автор уделял особе внимание «партизанским действиям» кавалерии, составлявшим «национальную особенность нашей конницы». Более того, он полагал, что «при нынешних условиях ведения войны они (партизанские действия. – А.П.) несомненно могут получить верное развитие» [18]. Анонимный автор взывал к авторитету известного военного теоретика, будущего начальника Николаевской академии Генерального штаба Н.Н. Сухотина, считавшего Гражданскую войну в США убедительным примером эффективности подобных действий. Аноним признавал, что в военной литературе встречаются утверждения о том, будто бы успехи кавалерийских частей в эту войну были связаны исключительно с особенностями театра военных действий и спецификой вооруженных сил сражавшихся сторон, но далее подчеркивал, что из европейских стран именно в России американский пример вызвал «более всего сочувствия» благодаря «энергии г. Сухотина, который с любовью и знанием дела выявил важнейшие стороны употребления американской конницы преимущественно для партизанских действий, для операций в тылу неприятельской армии» [19]. Затем автор с сожалением констатировал, что изучалась преимущественно стратегическая сторона действий американской кавалерии, а ее тактика не привлекла должного внимания. В результате в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. российские кавалерийские части не обладали должной решимостью и не понимали значения боя для стратегических действий, что делало их уязвимыми перед противником [20].

В статье отмечалось, что, исходя из этих соображений, военными властями на следующих маневрах было решено впервые в истории российской армии заставить кавалеристов специально отрабатывать партизанские действия. По мнению анонимного автора, подобное решение давно назрело: если в Европе и продолжали спорить об эффективности партизан, то для российских условий эта эффективность сомнений не вызывала. Аноним писал: «Мы имеем обширные средства для ведения партизанской войны, территория наша громадна, страна относительно бедная, не дающая сколько-нибудь достаточных средств для содержания многочисленной неприятельской армии, которая поэтому будет находиться в полной зависимости от железнодорожных сообщений, имеющих огромное протяжение и потому очень трудно обороняемых». Да-

лее описывалась конкретная тактика партизан, которую было сочтено целесообразным оттачивать во время маневров. Увы, назвать ее логичной или эффективной было едва ли возможно: отрабатывались только действия небольших отрядов, не более 2 эскадронов, причем сражаться они должны были исключительно против вражеской кавалерии и артиллерии еще меньшей численности, прикрывающих железную дорогу или войсковой транспорт [21].

В том же 1883 г. в «Русском инвалиде» была опубликована статья и самого Н.Н. Сухотина, в которой подробно анализировался опыт действий американской кавалерии в годы Гражданской войны в США, причем серьезное внимание уделялось именно тактике «партизан» [22]. Почти дословно повторяя Дригальского, Н.Н. Сухотин писал, что лучше всего в ходе данного вооруженного конфликта кавалерия проявила себя в рейдах и набегах. «Главным видом рейдов» он предлагал считать «предприятия против железных дорог», имеющие «стратегическое значение». По мнению генерала, в результате подобных действий не только разрушались коммуникации противника, но и подрывался моральный дух как мирного населения, так и солдат вражеской армии, а неприятельское командование порой было вынуждено использовать для защиты своего тыла части, существенно превосходящие по численности кавалерийские рейдовые отряды [23].

Н.Н. Сухотин подчеркивал, что традиционная кавалерия плохо подходила для подобных действий. Рейдовые отряды должны были воевать в полном отрыве от главных сил, без поддержки пехоты и артиллерии, на любой возможной местности. Соответственно, он призывал отказаться от концепции кавалерии как «одностороннего специального рода оружия, годного на открытой местности производить атаки в конном строю». По его мнению, успехи американских кавалеристов были связаны с тем, что они были... «старинною казачьею конницей по существу», «которая, по счастью, имеется теперь у нас» [24]. Согласно идее Н.Н. Сухотина, каждый рейдовый отряд должен был представлять собой «как бы маленькую армию», солдаты которой могут сражаться, в зависимости от условий, как в конном, так и в спешенном строю, а также взаимодействовать с конной артиллерией [25].

Подготовка российской кавалерии к «стратегическим действиям» в полной мере сказалась на ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Мы не будем подробно останавливаться на неудачах российских кавалерийских частей в ходе этого конфликта, поскольку посвятили данной теме отдельную статью, основные выводы которой представляются вполне актуальными и сейчас [26]. Отметим только, что в реалиях той

войны «стратегические действия» оказались абсолютно неэффективными, ярким примером чему может служить известный рейд на Инкоу, предпринятый в декабре 1904 г. – январе 1905 г.

Российское командование вполне в духе идей Н.Н. Сухотина избрало в качестве цели железнодорожную станцию в тылу японцев и предприняло попытку захватить ее с помощью крупного кавалерийского отряда. Однако станция Инкоу вполне предсказуемо оказалась хорошо укреплена и защищена японским гарнизоном, сил которого хватило для отражения атаки. Даже П.Н. Краснов в откровенно официозных «Картинах былого Тихого Дона» был вынужден признать этот набег «неудачей» и в его оправдание мог только не слишком уверенно написать, что «противник, должно быть, тоже понес не мало, и не мало был напуган» [27]. Даже в том случае, если «стратегические действия» формально приносили успех, эффект от них оказывался микроскопическим: так, рейд на Факумынь в мае 1905 г., предпринятый силами двух казачьих дивизий с частями усиления, закончился разгромом... двух японских рот и не привел к сколько-нибудь серьезной дезорганизации тыла противника [28]. Правда, следует отметить и то, что эти рейды проводились без должной организации, а кавалеристы не были готовы к штурму хорошо укрепленных поселений [29]. Тем не менее, на наш взгляд, события русско-японской войны подтвердили правоту сторонников мнения о том, что успехи американской кавалерии в Гражданскую войну 1861–1865 гг. были связаны со спецификой конфликта, театра военных действий и подготовки вооруженных сил США. В условиях же столкновения регулярных армий европейского образца в Маньчжурии российские кавалерийские части оказались поставлены перед дилеммой: стратегические пункты в ближайшем тылу противника, вроде Инкоу, были хорошо защищены, а захват прочих пунктов не давал существенного преимущества. Впрочем, анонимный автор статьи «О летних занятиях кавалерии» предполагал, что партизанские действия будут безусловно эффективны только на территории России, с ее огромной территорией и протяженностью железных дорог.

Остается констатировать, что в период 1878–1904 гг. российскую кавалерию парадоксальным образом серьезно готовили именно к типичной гражданской войне, в ходе которой силы противника будут недостаточны для прикрытия транспортной инфраструктуры, существенную роль будут играть партизанские действия, а воевать придется на своей территории. В периодических изданиях Военного министерства опыт Гражданской войны в США позиционировался как эталонный, а американская кавалерия рассматривалась как образец для подражания.

Главный носитель подобных взглядов – Н.Н. Сухотин – возглавлял Николаевскую академию Генерального штаба, когда там учился, например А.И. Деникин. В воспоминаниях лидер Белого движения отозвался о своем педагоге весьма нелицеприятно, однако подчеркивал, что Н.Н. Сухотин был личным другом А.Н. Куропаткина и пользовался большим влиянием на последнего [30]. Хотя вопрос о том, оказала ли концепция «стратегических действий» кавалерии прямое влияние на командующих Гражданской войны, остается открытым, можно с уверенностью констатировать, что офицеры Российской армии, получившие военное образование до 1904 г., должны были изучать действия современной кавалерии в соответствии с этой концепцией, на примере Гражданской войны в США. И это знание, не слишком полезное в условиях Первой мировой войны, могло способствовать принятию верных решений в кровавом конфликте красных и белых.

Примечания

1. Советская военная энциклопедия. Т. 4. М., 1977. С. 14.
2. Там же. С. 13.
3. Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 73. С. 3–4; Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 74. С. 2–4.
4. Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 73. С. 3.
5. Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 74. С. 3–4.
6. Там же. С. 4.
7. Керсновский А.А. История русской армии. 1700–1881. Смоленск, 2004. С. 436.
8. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. С. 349.
9. Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // Русский инвалид. 1883. № 135. С. 3.
10. Там же.
11. Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 352.
12. Там же.
13. Обзор книг // Русский инвалид. 1881. № 159. С. 3.
14. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 117. С. 3.
15. Обзор книг. С. 3.
16. А. П-р-ский. Бой кавалерии в пешем строю // Русский инвалид. 1881. № 219. С. 3.

17. Там же. С. 3–4.
18. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 118. С. 3.
19. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 123. С. 3.
20. Там же.
21. О летних занятиях кавалерии // Русский инвалид. 1883. № 125. С. 3.
22. Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // Русский инвалид. 1883. № 136. С. 3–4.
23. Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // Русский инвалид. 1883. № 135. С. 3.
24. Там же. С. 4.
25. Там же.
26. Перетяцько А.Ю. Эффективность действий донских и кубанских казаков в русско-японскую войну 1904–1905 гг.: дискуссионные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 69–75.
27. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. 499.
28. История кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 185–186.
29. Перетяцько А.Ю. Указ. соч.
30. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002. С. 62–64.

У.Б. Очиров

КАЛМЫЦКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ РККА В 1919 г.

В военной истории Гражданской войны в России, несмотря на огромный объем источников и значительное количество научных разработок, всё еще остается немало белых пятен и нерешенных проблем, например, в области истории военных формирований. Тема данной статьи связана с первыми кавалерийскими дивизиями РККА и позволяет лучше понять взгляды и планы советского военного командования по формированию и применению стратегической конницы в начале второго года Гражданской войны.

В истории советской кавалерии 1918–1920 гг. конные армии С.М. Будённого, О.И. Городовикова, Ф.К. Миронова, корпуса Б.М. Думенко, Д.П. Жлобы, Г.Д. Гая, Н.Д. Каширина, своими блистательными рейдами ознаменовавшие новый этап в военной теории, затмили более «мелкие» отдельные кавдивизии РККА. Однако последние также внесли

вклад в победу над противником и играли заметную роль на своих участках. В статье мы подробно рассмотрим замысел и процесс формирования одной из них.

18 июня 1918 г. Управление по организации армии Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба) (2-е делопроизводство 2-го отдела) предложило «спешно» начать формирование стратегической конницы РККА в виде трех отдельных кавдивизий по новым штатам: в Московском и Орловском военных округах и Тургайской области. Они должны были состоять из управления (включая штаб, политотдел, зав. снабжением, врачей и др.) и 3 кавалерийских бригад «с придачей последним всех необходимых средств огневого боя и технических», дабы любую из них можно выделить для самостоятельных действий. В бригаду входили 2 кавалерийских полка, состоявшие из 4 эскадронов (всего 24 эскадрона, каждый из которых получал 4 «ружья-пулемета») и конно-пулеметной команды (4 «максима»). Также в дивизию входил конно-артиллерийский дивизион, состоявший из трех конных батарей (по 4 – 76-мм скорострельных орудия), которые можно было придавать бригадам на усиление, и одной конно-мортирной батареи (4 – 45-линейные английские гаубицы), являющейся резервом начдива. Кроме того, в соединение включались технический эскадрон (телеграфно-телефонное, радиотелеграфное, мотоциклетное, подрывное отделения) и авиаотряд (6 самолетов) для разведки и охранения. Также предлагалось придать кавдивизии роту самокатчиков (258 «самокатов» с 2 «максимами»). Впрочем, учитывая сложности с наличием самолетов и «самокатов», формирование специальных частей разрешалось осуществлять во вторую очередь.

Для облегчения управления в конном строю количество эскадронов в полках по сравнению с императорской армией было сокращено до четырех, количество рядов во взводах увеличено с 16 до 20. Строевой состав был освобожден от «хозяйственных надобностей», все хозяйственные должности замещались нестроевыми. Кавалеристы вооружались револьверами и винтовками драгунского образца. Шашки рекомендовалось приторачивать к седлам, чтобы не мешали при спешивании. От пик «военспецы» Всероглавштаба окончательно отказаться не смогли, ссылаясь на некий опыт «истекшей кампании... но лишь по расчету рядовых первой шеренги, так как вооружение ими второй шеренги... явилось лишь обременением частей и людей». Всего по этому штату в кавдивизии числилось 7653 чел., в том числе 286 чел. – командного и административно-хозяйственного состава, кроме того, 8469 лошадей, из них 6954 верховых, 542 упряжных, 973 обозных [1].

Таким образом, по штату соединение имело всего 16 орудий и 24 станковых пулемета (без учета «самокатной роты» и ручных пулеметов), рассеянных в общей массе. Очевидно, что «военспецы», допускавшие применение стратегической конницы побригадно с приданием им 4-пушечных батарей, неправильно оценивали значение массирования кавалерии, конной артиллерии и пулеметов. Проект с привлечением авиации, «самокатов», мотоциклов и радиотелеграфа выглядел весьма инновационно, но был абсолютно схоластичным, совершенно не учитывающим проблем их технического обслуживания и снабжения. Характерно, что к концу войны, когда штаты соединений были уточнены на основе реального опыта, кавалерийская дивизия РККА, согласно приказу РВСР от 27 февраля 1921 г., помимо кавалерийских полков должна была иметь конно-пулеметный полк (60 «максимов» на тачанках), автобронеотряд, а вместо технического эскадрона – отдельный эскадрон связи и отдельный саперный эскадрон (с двумя взводами подрывными и двумя дорожно-мостовыми взводами), при этом авиаотряд, «самокаты» и мотоциклы в штате отсутствовали [2].

Московская и Орловская кавдивизии должны были формироваться военкоматами из ветеранов Первой мировой войны. Тургайскую конную дивизию, «согласно ходатайству чрезвычайного комиссара Степного края», Высший военный совет разрешил формировать из добровольцев-«киргизов» (казахов), «выразивших полную готовность образоваться из своей среды отряды социалистической армии». Казахи-кочевники не несли воинской повинности в царской армии, не имели боевого опыта, требовали больше времени для обучения, но являлись прирожденными наездниками, и военное руководство предполагало сэкономить за счет этого часть учебного времени, хотя и не было в этом уверено до конца. «Не предвещая вопроса об успешности этого формирования, Всеросглавштаб считает необходимым отметить, что... таковая явится фактически туземною» [3]. Только командный состав и специальные подразделения Тургайской дивизии планировалось комплектовать из русских. 10 июля 1918 г. Военно-законодательный совет при коллегии Наркомата по военным делам утвердил это предложение и прилагаемые штаты, но проект по формированию первых трех кавдивизий оказался не очень удачным.

Московская кавдивизия начала формироваться по приказу Высшего военного совета № 54 от 19 июня 1918 г., но на фронт прибыла лишь через год в составе трех полков (1-й Московский полк убыл еще в марте и был включен в дивизию Червонного казачества). Это соединение (с 17 марта 1920 г. – 1-я кавдивизия) в боях под Уральском, Царицыном,

в Азербайджане (большей частью с местными бандами) ничем особым не отличилось и в конце 1920 г. было свернуто в 35-ю бригаду 12-й кавдивизии [4].

2-я кавдивизия формировалась по приказам военкомата Орловского округа № 137 от 30 июля 1918 г. и № 579 от 22 ноября 1918 г., но так и не завершила его. Часть военнослужащих перешла к белым. 1 августа 1919 г. оставшиеся кадры 2-й кавдивизии были влиты в 1-ю Донскую казачью кавдивизию Особого корпуса. Ее номер 17 ноября был передан кавдивизии М.Ф. Блинова – будущей 1-й гвардейской Ставропольской кавдивизии.

3-я конная дивизия даже не начала формирование, поскольку Тургайская степь оказалась под контролем оренбургских белоказаков и казахов Алаш-орды. В апреле 1919 г. этот номер передали кавдивизии Туркестанской армии, сформированной по приказу № 313 от 5 марта 1919 г. из 4 полков: 1-го Оренбургского, 1-го Симбирского, 1-го и 4-го Советских трудового казачества [5]. Позже на ее основе были сформированы 20-я и 21-я горнокавалерийские дивизии – будущие 17-я и 14-я гвардейские Мозырские кавдивизии.

В результате этого первые кавалерийские дивизии РККА появились не в тылу, а на фронтах Юга России, где наличие степных пространств обусловило широкое применение стратегической конницы, причем первыми ее создали белые. Это было вынужденной мерой, поскольку в 1918 г. большую часть белых армий Юга России составляли казаки, с «младых ногтей» привыкшие к службе в коннице, почти поголовно прошедшие военное обучение и имеющие боевой опыт. Неудивительно, что первый конный корпус (из 12 конных полков) появился в Добровольческой армии в ноябре 1918 г. Однако он был отягощен 5 пластунскими батальонами, по количеству сабель почти в полтора раза уступал штатной кавдивизии РККА, а по количеству орудий (20) и пулеметов (85) лишь ненамного превосходил штат образца 1921 г. [6]. В дальнейшем белые также формировали конные корпуса, отягощая их пехотой, и лишь летом 1919 г. у них появились «чистые» конные корпуса. До конной армии их военная мысль так и не доросла.

Для противодействия конным массам Краснова и Деникина красным пришлось создавать на местах свои кавалерийские соединения, которые гордо именовались бригадами, дивизиями, корпусами, но совершенно не соответствовали штатам кавдивизии РККА. Например, в конце декабря 1918 г. в составе 11-й армии числились 1-я Ставропольская кавдивизия (более 1,8 тыс. сабель), кавкорпус Г.А. Кочергина (более 2,5 тыс. сабель), 1-я Кубанско-Терская кавбригада (более 3,5 тыс. сабель)

и кавбригада И.А. Кочубея (более 3,5 тыс. сабель) [7], то есть дивизия и корпус были в 3–5 раз меньше штатной численности кавдивизии, а бригады – вдвое больше штатной численности кавбригады. Руководство РККА неуклонно проводило линию на унификацию стихийно сложившихся фронтовых соединений и на их соответствие единым штатам. Например, корпус Кочергина уже через месяц после создания планировали, усилив Кубанско-Терской кавбригадой, свернуть в кавдивизию. Кочергин выступал против «понижения» в статусе, но вскоре их споры прервал прорыв конного корпуса П.Н. Врангеля, приведший к разгрому всей 11-й армии.

С весны 1919 г. соединения 10-й и 11-й армий стали включать в единую нумерацию дивизий РККА. 14 марта Особая кавдивизия (сформирована 28 ноября как 1-я сводная) 10-й армии получила № 4, 26 марта 1-я Ставропольская кавдивизия 10-й армии (сформирована в октябре в составе 11-й армии) – № 6, 3 апреля Особая кавдивизия (сформирована зимой 1919 г.) 11-й армии – № 7. № 5 был присвоен лишь 25 августа 1919 г. кавдивизии, формирующейся с 11 августа в Самаре и вступившей в бой в январе 1920 г. На наш взгляд, первоначально этот номер предназначался Калмыцкой кавдивизии, начавшей формирование 20 марта 1919 г. [8].

Калмыки Астраханской губернии не служили в императорской армии с 1814 г. и не имели дома оружия. Астраханские губернский и уездные Советы с недоверием относились к калмыкам, поскольку незадолго до Астраханского казачьего мятежа в январе 1918 г. они были «скопом» зачислены в Астраханское войско, а 240 калмыков с 85 винтовками и «дробовиками» приняли участие в самом мятеже [9]. Поэтому Калмыцкая степь считалась «гнездом контрреволюции» [10], а представитель НКВД А.Н. Соколов на одном из съездов прямо заявил калмыкам: «Калмыцкая степь к октябрьской революции приложилась одним боком, почему и к созданию отрядов на местах необходимо отнестись с осторожностью» [11]. Поэтому до августа 1918 г., когда начались мобилизации «трудящихся калмыков», калмыцких отрядов в степи не было.

Мобилизации проходили по-разному. Например, Арнольд Большой, посланный черноморским уездным военкомом в Икицохуровский улус, начал тотальную мобилизацию мужчин от 18 до 50 лет без проведения медосмотра, при этом стариков брал в заложники, а на аймаки накладывал колоссальные контрибуции в 10 тыс. рублей. Телеграмму из Царицына от РВС о прекращении «мобилизации» он проигнорировал [12]. Неудивительно, что калмыки, мобилизованные таким образом, бежали при первой возможности.

РВС 10-й армии догадался включить в состав призывной группы калмыка-казака Василия Хомутникова, выдвинувшего идею создания калмыцкого конного полка. Он выступал весьма убедительно и уже к 5 августа в Малодербетовском и Манычском улусах набрал более 800 добровольцев с лошадьми, а затем в Элистинском уезде – еще 350 [13]. Однако новобранцы сначала две недели бездельничали в Сарепте, не подвергаясь идеологической обработке и военному обучению. Затем комиссар П.Е. Щаденко отобрал у них лошадей, сведя спешенных степняков в 1-й запасной Царицынский кавполк, что негативно отразилось на имидже советской власти в степи. Начальник Калмыцкого подотдела политотдела 10-й армии Харти Кануков позже писал об этом: «Калмыцкий полк, как он назывался первоначально в Сарепте, все без исключения добровольцы, шел с большой охотой и хорошим настроением в Красную армию. Бедняки, батраки, взявшие лошадей у богатых, середняков, а некоторые, выехавшие на своей единственной лошади, после отбирания лошадей недоумевали» [14]. В ноябре половину калмыков 1-го Царицынского кавполка направили в пехоту. 6 ноября Л.Д. Троцкий приказал РВС 10-й армии направить оставшихся калмыков в Астрахань [15], где вскоре началось формирование Калмыцкой кавдивизии.

Исходя из этого Калмыцкий исполком потребовал право мобилизации калмыков передать ему. 23 сентября 1918 г. прошел 2-й съезд Советов калмыцкого народа, на основе решений которого были созданы 9 улусных (уездных) военкоматов и Центральный Калмыцкий военкомат (далее – ЦКВК). 28 октября РВС республики утвердил его и приказал производить призыв «трудящихся калмыцкой национальности» только через него. В ходе мобилизации калмыков 1894–1895 гг. рождения к началу декабря 1918 г. было собрано 1020 человек, что позволило сформировать 1-й Образцовый революционный Калмыцкий конный полк [16]. Однако почти сразу его стали «косить» тиф и эпизоотии. На 2 января 1919 г. в полку, начавшем обучение, насчитывалось уже 958 человек и 694 лошади [17].

19 декабря 1918 г. начался 3-й съезд Советов калмыцкого народа, на котором обсуждался вопрос о формировании 2-го и 3-го Калмыцких полков, однако мобилизация еще 6 возрастов оказалась сорвана борьбой между КалмЦИК и Астраханью, закончившейся «понижением» ЦКВК в уездный военкомат. Лишь в марте 1919 г. ЦКВК восстановили, и он смог начать мобилизацию еще 4 тыс. калмыков, распределенных по 4 образцовым калмыцким полкам отдельной Калмыцкой кавбригады (ком. – Ф. Степанов) при Каспийско-Кавказском краевом комиссариате по военным делам.

Председателю РВС 11-й армии К.А. Мехоношину сообщили, что «хотя по общим правилам не допускается формирование национальных частей, но для калмыков должно быть сделано исключение: они впервые призываются на военную службу и имеется особое указание тов. Л. Троцкого. Особенности уклада и религии (буддизм) будут постепенно приспособляться к требованиям службы» [18]. 20 марта 1919 г. приказом № 1 11-й отдельной армии Калмыцкую кавбригаду переименовали в Отдельную Калмыцкую кавдивизию «временно четырехполкового состава». Начдивом стал Ф. Степанов, начальником штаба – Ю. Юров (затем Б. Лихаревский, с 9 апреля – С. Шевелев), командиром 1-й бригады – Ф.С. Хатагов (с 1 апреля), 1-го полка – Рубин, 2-го – Байгулов (с 9 апреля), 3-го – А. Симовский (с 22 апреля), технического эскадрона – Чернов (с 14 мая – Горячих). Комиссара в дивизии не было более месяца, лишь 22 апреля эту должность временно занял Ганин, делегированный райкомом ВКП(б) из с. Болхуны (куда 14 апреля перевели соединение), затем назначили Кузнецова [19]. Управление 2-й бригады, 4-й полк, конно-артиллерийский дивизион, пулеметные команды не формировались. Большинство командиров были бывшими офицерами-кавалеристами, в том числе двое – ротмистрами.

Подбор командно-политического состава дивизии следует признать неудачным. Несмотря на наличие опытных командиров и политработников из числа калмыков (ком. 4-й кавдивизии Ока Городовиков, пом. нач. политотдела 10-й армии Харти Кануков, пом. ком. полка Василий Хомутников, пом. нач. штаба 37-й стрелковой дивизии Кирсан Илюмжинов и др.), в соединение назначили людей, плохо знающих калмыцкий язык и обычаи. Калмыков в командном составе было немного: комиссар 1-го полка Шургучи Манджиев, командир эскадрона Дорджи Акимов, командиры взводов Лазарь Нюдюльчиев, Шовучи Манджиев, Хара-Манджи Горяев [20]. Языковой барьер и разница менталитетов препятствовали налаживанию боевой спайки и заметно тормозили обучение и идеологическую работу.

Кроме того, Калмыцкая дивизия плохо снабжалась и вооружалась. Не было пушек, пулеметов, шашек. Винтовки имелись 4 разных систем и в недостаточном количестве. Например, 1-й полк, укомплектованный лучше других, на 24 апреля 1919 г. имел 343 русские, 100 австрийских, 8 японских винтовок и 98 винчестеров, «являющихся малопригодными для вооружения дивизии и изучению таковых калмыками», 100 пик и ни одного револьвера [21]. Из-за недостатка кормов многие лошади пали, на закупку новых денег не давали, и обучать конников пришлось в пешем строю. Не хватало обуви, обмундирования, продовольствия, меди-

каментов. Эпидемии, косившие личный состав, заставили начдива 4 мая отдать приказ: «Ввиду различных заболеваний (тифом, оспой и т. п.) рукопожатия отменяются для всех без исключений и приветствия ограничиваются только поклонами» [22]. Из-за огромного количества умерших и больных пришлось объявить мобилизацию еще 3,5 тыс. калмыков. Впрочем, Степанов считал формирование дивизии успешным и 26 мая утверждал, что при получении недостающего вооружения, людей и лошадей закончит обучение до середины июля за счет отказа от парадных эволюций и обучения владения конем [23].

Однако из-за распространения слухов о повальных грабежах и насилиях красноармейцев в улусах, отсутствия понимания между командным и рядовым составом, плохих бытовых условий, слабой идеологической работы среди калмыков началось дезертирство. 2 июня 1919 г. РВС 11-й армии издал приказ № 390: «Ввиду особых стратегических соображений формирование Отдельной Калмыцкой кавдивизии приостанавливается. Имеющиеся кадры трех полков сводятся в 1-й Калмыцкий пеший батальон... с добавлением команды конных разведчиков» [24]. Через 3 дня К.А. Мехоношин опомнился и отменил его, но было поздно: группа инструкторов, сведенная в «русский эскадрон», большая часть командного состава, имущества и вооружения уже убыли. Несколько групп калмыков, призванных для пополнения дивизии, были распущены.

Оставшийся личный состав, сведенный в полк, отправили из Болхунов в Терновку Саратовской губернии, в распоряжение РВС 10-й армии, который возобновил формирование калмыцких частей под руководством Х.Б. Канукова. Командиром 1-го Калмыцкого полка стал В.А. Хомутников. Была набрана группа командиров из калмыков или славян, знающих калмыцкий язык: Р. Балханаков, М. Шапшуков, П. Кущев, Е. Басанов, Т. Шивидов, Н. Павлов, А. Дрючков, К. Сафонов и др., что позволило вести обучение на калмыцком языке. КалмЦИК прислал группу калмыков-политработников, наладивших идеологическую работу, уроки грамоты и выпуск газеты. Медчасть возглавил врач-калмык – У. Душан. Улучшилось снабжение и вооружение калмыцких частей [25]. Всё это быстро дало результат, и 19 сентября 1919 г. 1-й Калмыцкий кавполк В.А. Хомутникова выступил на фронт, где был включен в состав Сводно-конного корпуса [26].

Учитывая этот опыт, 13 октября 1919 г. РВС Республики решил сформировать еще два калмыцких полка в составе кавбригады Х.Б. Канукова. 23 октября 1919 г. РВС Юго-Восточного фронта издал приказ № 132 о формировании 2-го и 3-го Калмыцких полков. Однако вскоре

надобность в них отпала, и после ухода на фронт 2-го Калмыцкого полка А.Б. Стаценко Калмыцкую кавбригаду расформировали.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–11.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 240.
3. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.
4. Тинченко Я. 1-я (Московская) кавалерийская дивизия РККА // Старый Цейхгауз. 2012. № 2. С. 100–103.
5. Бои и будни: (краткий исторический очерк 8-й отд. Туркестанской кавалерийской бригады) / [сост. Л. А. Книжников]. Мерв, 1928. С. 7; Кавалерийские корпуса РККА. URL: <http://www.rkka.ru/cavalry/> (дата обращения: 20.06.2017).
6. РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–6об.
7. Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961. С. 168–169.
8. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 7об. – 8об.
10. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН). Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 94.
11. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 15. Л. 108.
12. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90, 96.
13. Хомутников В.А. Военные калмыцкие части в боях за Советы. Элиста, 1964. С. 15.
14. НАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
15. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
16. Маслов А.Г. Страницы былого. Элиста, 1962. С. 99–101.
17. НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
18. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 12. Л. 52об.
19. Там же. Д. 7. Л. 1–18.
20. Бимбаев М.Т. Судьба моя военная. Элиста, 1983. С. 15.
21. РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 12. Л. 47об. – 48.
22. Там же. Д. 7. Л. 13.
23. Там же. Д. 12. Л. 53–53об.
24. Там же. Д. 1. Л. 1об.
25. Бимбаев М.Т. Указ. соч. С. 21.
26. Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 447.

В.И. Попков, Ю.Ф. Болдырев,
О.В. Назарова, Н.Ю. Болдырев

П.Н. ВРАНГЕЛЬ И А.И. ДЕНИКИН В ЦАРИЦЫНЕ

На Царицынском направлении наступление белых началось 4 мая 1919 г., на Донском – 19 мая. У противника был перевес в силах: против 73 тыс. красных на Южном фронте 100 тыс. белой гвардии. Особенно значительным перевес был в кавалерии. На Царицын нацеливалась вновь сформированная Кавказская Добровольческая армия П.Н. Врангеля (1878–1928 гг.). На должность командующего армией П.Н. Врангель был назначен 9 января 1919 г.

18 июня 1919 г. в Царицыне генерал Врангель подписал Приказ Кавказской армии № 57. В нем в частности говорилось: «Славные войска Кавказской армии! 8-го мая под станицей Великокняжеской вы рубили противника и погнали его к Царицыну... В ряде ожесточенных боев вы рубили X и подошедшую XI армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в... Царицын... Противник потерял 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в наши руки» [1].

Выступая 7 ноября 1919 г. на заседании Кубанской краевой рады в г. Екатеринодаре, П.Н. Врангель рассказал о цене взятия Царицына: «Не буду долго затруднять вас описанием всех тех тяжелых и ужасных минут, через которые пришлось нам пройти. Моя армия 350 верст неудержимо преследовала врага до самого Царицына, подчас трое суток идя без воды. На 330-верстном пути я отправил раненых воловьими подводами, и половина из них умирала. Не давая опомниться врагу, мы гнали его к Царицыну, к Красному Вердену, оплоту большевизма, и здесь дружным ударом разбили наголову и взяли Царицын» [2].

В этой речи П.Н. Врангель не упомянул множество деталей, касающихся его первых шагов пребывания в Царицыне.

30 (19) июня он прибыл в Царицын и прямо с вокзала поехал в собор Александра Невского. Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к нему улицы. Служил настоятель собора. «По окончании богослужения, – вспоминает Пётр Николаевич, – я вышел на площадь и обратился к населению, приветствуя граждан с их освобождением и обещая защиту и покровительство армии» [3].

Сразу же в город прибыл Главнокомандующий «всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России» А.И. Деникин.

В «Записках» П.Н. Врангель упоминает, что уже на следующее утро генерал Деникин прочел свою директиву: «Вооруженные Силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыным, очистили Донскую область, Крым и значительную часть Воронежской губернии, Екатеринославской и Харьковской. Имея конечной целью захват сердца России – Москвы, приказываю...» [4].

Согласно этой директиве, намечалось нанести главный удар в направлении Курск – Орёл – Тула – Москва силами Добровольческой армии генерала Май-Маевского. Кавказской армии Врангеля предписывалось наступать на Саратов, Пензу, Нижний Новгород, Владимир, Москву. Одновременно часть войск на левом фланге нацелилась на Украину, а на правом – на Астрахань. Так рисовалась обстановка на Южном фронте после падения Царицына.

Сам А.И. Деникин, как отмечает Врангель, этой директивой, получившей впоследствии название «Московской», видимо, был очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил: «Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту» [5].

Е.Д. Стасова, секретарь ЦК партии большевиков в 1917–1920 гг., писала на закате своей жизни: «1919 год был очень тяжелым годом. Наступление 14 иностранных держав на Советскую республику создавало опасное положение. Не исключено было, что партии придется вновь уйти в подполье, если силы внутренней контрреволюции и иностранной интервенции временно возьмут верх. На всякий случай нужно было позаботиться о паспортах для всех членов ЦК, и для В.И. Ленина в первую очередь, обеспечить партию и материальными средствами». С этой целью было отпечатано большое количество бумажных денег царских времен (так называемых «екатеринок», т. е. сторублевок с портретом Екатерины). Их упаковали в специально изготовленные оцинкованные ящики и передали на хранение в Петроград Николаю Евгеньевичу Буренину. «Он закопал их, насколько я знаю, под Питером, где-то в Лесном, а впоследствии, когда Советская власть окончательно укрепилась, даже сфотографировал их раскопку. Тогда же на имя Н.Е. Буренина (как купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы “Метрополь”. Сделано это было с целью материального обеспечения партии» [6].

К моменту подписания «Московской директивы» Вооруженные силы Юга России (далее – ВСЮР) вышли на линию Царицын – Балашов – Поворино – Новочеркасск – Белгород – Богодухов – Александровск и далее по реке Днепр. По данным разведки советского Южного фронта, сохранившимся в Российском государственном военном архи-

ве, генерал А.И. Деникин имел под своим командованием 15 пехотных дивизий, насчитывавших 111 160 штыков, 26 кавалерийских дивизий в 58 700 сабель, 3950 орудий, 1539 пулеметов, 7 броневиков, 14 бронепоездов, 17 танков. Соотношение сил и средств: по штыкам – не в пользу Главкома (1:2,5), по саблям – в его пользу (1,7:1), по авиации и танкам – абсолютное превосходство белых [7]. У ВСЮР по-прежнему в руках был главный козырь – высокая маневренность войск за счет преимущества кавалерии. Всё это подкреплялось высоким духом победителей и внушало обоснованный оптимизм.

Однако «Московская директива» неоднозначно оценивалась современниками, а позднее и историками. Врангель, который в противовес плану Деникина выдвинул свой план соединения с армией Колчака в районе Саратова для совместного наступления на Москву, удивился, как «Московская директива» вообще могла быть отдана Главкомом. Он считал ее непродуманной в стратегическом отношении. В директиве были заложены предпосылки будущего поражения белых. Главную из них Врангель видел в чрезмерно растянутой линии фронта, не соответствующей силам и средствам ВСЮР.

Советский историк Н. Какурин писал, что «Московская директива» не учитывала ни конкретной обстановки, ни стратегических возможностей ВСЮР. Нечто подобное утверждает и американский историк Р. Лаккет. Он настойчиво проводит мысль, что А.И. Деникин как военный стратег резко уступал генералам П.Н. Врангелю и В.З. Май-Маевскому. В противовес Р. Лаккету Дж. Суитенхем утверждает: «Московская директива» в стратегическом аспекте была продумана, но не учитывала состояние тыла [8].

Ричард Пайпс ссылается на Н. Какурина, бывшего полковника царской армии на службе у красных, который в своей авторитетной истории Гражданской войны соглашается с Врангелем в том, что Деникин слишком растянул свой фронт по сравнению с размерами армии и что сконцентрированный прорыв в сторону Саратова оказался бы эффективным. В то же время Н. Какурин сходится с Деникиным во мнении, что в сложившихся обстоятельствах тому ничего не оставалось, как только выбросить стратегию на ветер и поставить всё на одну карту в надежде, что она выиграет [9].

Анализируя «Очерки русской смуты», невольно обнаруживаешь мимолетность, поверхностность описания обстановки, встреч, прохождения официальных мероприятий в Царицыне. А ведь будучи в различных городах, Деникин живо описывает свои впечатления, прием парадов, обстановку. Данное обстоятельство можно объяснить следующими

причинами: во-первых, очень непродолжительное время пребывания (не более суток) Деникина в Царицыне; во-вторых, всё более отчетливо проявляющиеся противоречия с П.Н. Врангелем; в-третьих, затаившаяся в глубине сознания А.И. Деникина мысль о невозможности соединения ВСЮР с отступавшими частями адмирала Колчака и, наконец, в-четвертых, по всей видимости, к лету – осени 1919 г., несмотря на значительность успехов (впереди еще был поход на Москву), А.И. Деникин приходил к выводу о крахе Белого движения! Всё это и отразилось в царицынских впечатлениях Главнокомандующего. Деникин, характеризуя положение при большевиках Харьковского района как важнейшего театра военных действий белых, Киевщины, Новороссии, Крыма, писал о положении Царицына. Его оценка не лишена интереса: «Страшнее всего, убийственнее всего было состояние Царицынского района, где большевистский переворот совершился задолго до “октября” – еще в конце марта 1917 года. <...> Два с лишним года владычествовали большевики в Царицыне и уничтожили в нем всё – семью, промышленность, торговлю, самую жизнь. Когда 17 июня 1919 года город, наконец, был освобожден от этого ига, он казался совершенно мертвым и пустынным, и только через несколько дней начал, как муравейник, оживать» [10].

Освободив Царицын, Кавказская армия почти целиком ушла вперед. П.Н. Врангель провел в Царицыне в общей сложности около трех месяцев. После вступления Кавказской армии в Царицын П.Н. Врангель в течение 10 дней неотлучно находился в городе. Всё это время его резиденцией был дом Зимина на Петровской улице (ныне ул. В.И. Чуйкова). В этом доме П.Н. Врангель принимал Главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А.И. Деникина, саратовского и астраханского губернаторов, чинов духовенства, членов английской миссии, вновь назначенных руководителей города Царицына разного ранга.

Начальник военных сообщений Кавказской армии так описывает обстановку дома, в котором жил П.Н. Врангель: «Он жил в небольшом особняке недалеко от берега Волги... Обстановка кабинета была скромна. Стоял большой простой стол, на котором лежали папки с бумагами, карты большого масштаба, несколько карандашей да перо с чернильницей. На стене висела карта, 25 верст в дюйме. Флажками на ней было отмечено расположение наших войск и войск противника. Дом на улице Петровской не был единственным местом пребывания П.Н. Врангеля в Царицыне. Часть времени он работал и жил в своем штабном поезде» [11].

Взятие Царицына было одним из самых ярких эпизодов его военной биографии периода Гражданской войны – операция, им разработанная и им осуществленная. А дальше всё пошло не так, как он планировал.

3 января 1920 г. Царицын оставляла уже другая Кавказская армия, Кавказская армия генерал-лейтенанта В.Л. Покровского.

В военной службе П.В. Врангеля будут другие боевые дела, в том числе и успешно им осуществленная военно-транспортная эвакуация русской армии из Крыма, но они уже не будут окрашены такой радостью триумфа, как взятие Царицына [12].

Триумф П.В. Врангеля в Царицыне стал во многом возможен только благодаря огромной помощи союзников белым армиям, в том числе и армиям А.И. Деникина. Цель этой помощи – восстановление конституционного строя в России.

Сам же триумф П.В. Врангеля по поводу штурма и взятия Царицына 15 октября (28 октября по н. с.) 1918 г. был отмечен с большим блеском. Как раз в те дни П.Н. Врангель собирался в Таганрог в ставку к Главнокомандующему ВСЮР для личного доклада А.И. Деникину о довольно сложной обстановке на фронте. П.Н. Врангель писал в своих «Записках»: «Мой отъезд несколько задержался приездом в Царицын начальника английской миссии генерала Хольмана, прибывшего для вручения мне знаков пожалованного английским королем [13] ордена Св. Михаила и Св. Георгия» [14].

Награждение командующего Кавказской армией английским военным орденом свидетельствовало об информированности главы британской военной миссии генерала Хольмана обо всех военно-политических трудностях боев при взятии Царицына.

В рассматриваемый период премьер-министром Великобритании был Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), он занимал эту должность с декабря 1916 г. по октябрь 1922 г.

Ллойд Джордж приводит доводы, которыми он пользовался, чтобы обелить политику Великобритании в «русском вопросе». Об этом дает представление, например, его выступление в палате общин в 1919 г. Он тогда заявил: «Противники большевиков (т. е. белые армии. – *Авт.*) создали армии по нашему предложению и в значительной мере, несомненно, на наши деньги. Это была совершенно здравая военная политика. Если бы не эти экспромтом созданные нами организации, немцы захватили бы все ресурсы этой страны и смогли бы, таким образом, свести на нет всё значение нашей блокады...» [15].

У. Черчилль принял эти условия. С января 1919 г. он был военным министром в правительстве Л. Джорджа. Свой пост У. Черчилль использовал для оказания помощи белогвардейским формированиям в России в борьбе с большевистской армией и стал одним из организаторов этой «помощи союзников» [16].

Лондонская «Таймс» 30 июля 1919 г. опубликовала разъяснение военного министра У. Черчилля на сделанный в английском парламенте запрос, содержательно коррелирующее с высказыванием Л. Джорджа: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина... Я отвечу парламенту с полной откровенностью. Когда был заключён Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участие в этом постыдном договоре... Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили нашу блокаду» [17].

После провала прямой интервенции стран Антанты против Советской России в 1918 г. пошла помощь тому же А.И. Деникину в невиданных размерах. По совету генерального штаба, пишет У. Черчилль, начиная с июня 1919 г. Англия оказывала Деникину «главную помощь, и не менее 250 тысяч ружей, двести пушек, тридцать танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Чёрное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинской армии» [18].

Это подтверждают документы. Пресс-бюро отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР осенью 1919 г. сообщало, что, согласно сведениям британского военного министерства, расходы на помощь России к октябрю 1919 г. достигли 79 млн 883 тыс. фунтов стерлингов. Следующая партия припасов оценена в 15 млн фунтов стерлингов. Таким образом, общая сумма расходов английской помощи России составила 94 млн 880 тыс. фунтов стерлингов [19].

Прошли годы. Рухнула Версальская мирная система, одним из создателей которой был Ллойд Джордж. Началась Вторая мировая война. Великобритания и СССР стали союзниками.

12 августа 1942 г. У. Черчилль прилетел в Москву. И в этот же день в 19 часов состоялась его первая встреча с И.В. Сталиным. Переговоры начались и шли своим ходом. 14 августа во время обеда И.В. Сталин вспомнил визит в Москву Джорджа Бернарда Шоу (1856–1950) и леди Нэнси Уитгер Астор (1878–1964) [20]. И.В. Сталин сказал У. Черчиллю, что он не во всем согласен с леди Астор, когда она характеризовала роль У. Черчилля в ходе событий в России в 1919–1920 гг., связанных с иностранной военной интервенцией и Гражданской войной. Черчилль прервал Сталина замечанием: «В том, что она сказала, много правды.

Я принимал весьма активное участие в интервенции и не хочу, чтобы вы думали иначе”. – Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я (У. Черчилль. – *Авт.*) спросил: “Вы простили меня?” – “Премьер Сталин говорит, – перевел Павлов, – всё это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу”» [21].

И.В. Сталин дал достойный ответ на вопрос У. Черчилля.

Исторические же реалии были таковы, что именно иностранная военная интервенция, колоссальная финансовая и материальная поддержка «союзников» придали Гражданской войне в России невиданные остроту и масштабность.

Особое внимание Запад после Октября 1917 г. уделял в своих захватнических планах Дону, Нижней Волге и Кавказу. Отечественные историки неоднократно показывали в своих работах суть этих планов. Наиболее ярким примером может служить коллективная монография «Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе», вышедшая в Москве под общей редакцией академика И.И. Минца в 1988 г. Среди ее авторов был цвет отечественной исторической науки того времени, той ее части, которая предметом своих научных изысканий сделала самый сложный период в истории Российского государства: 1917–1920-е гг. Это – И.И. Минц, Ж.Ж. Гакаев, М.И. Гиоев, Е.Г. Гимпельсон, Р.Х. Гугов, А.И. Козлов, Ю.И. Кораблёв, В.Д. Поликарпов, У.А. Улигов, К.А. Хмелевский, Н.П. Эмиров.

А.И. Деникин давал Кавказской армии П.Н. Врангеля перед штурмом Царицына всё, что мог дать из помощи союзников. Так, П.Н. Врангелю были отправлены только что сформированные 1-й и 4-й танковые отряды. В первом отряде были два британских танка МК-V, а во втором – два танка МК-А «Уипет». В апреле 1919 г. в Новороссийск прибыл 47-й отряд королевских ВВС (21 офицер и 179 рядовых).

Наступавшие части Врангеля поддерживали легкие бронепоезда «Орел», «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину», а также тяжелый бронепоезд «Единая Россия». После взятия Царицына к ним присоединился тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита». Легкие бронепоезда вооружались 76-мм полевыми, реже горными пушками, в отдельных случаях – 122-мм гаубицами. Тяжелые бронепоезда вооружались морскими пушками калибра 102/60-мм и 152/45-мм пушками Кане [22].

В.В. Галин в одном из своих исследований справедливо подчеркивает, что сопоставление численности белых армий Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля с объемами поставленного им «союзниками» вооружения говорит только об одном – *белые армии существовали исключительно за счет помощи «союзников», т. е. фактически в материальном*

плане были наемными армиями. Французы даже предложили, чтобы их офицеры возглавляли русские части; правда, здесь Деникин не выдержал и не согласился [23].

Выдающийся отечественный историк государства и права Олег Иванович Чистяков писал: «Особенно подрывало авторитет белых армий то обстоятельство, что за их спиной не стояло никакого государства, это были бы ничьи вооруженные силы» [24].

Р. Пайпс в своей книге «Россия при большевиках» особо подчеркивает: «Белые и красные, то есть “враждующие стороны”, сильно различались и в одном из фундаментальных свойств, и различие это было в пользу красных. Красная армия стала военным орудием гражданской власти; белые армии были военной силой, которой приходилось брать на себя функции правительства. Двойная ответственность порождала многочисленные проблемы, для решения которых у белых генералов не доставало подготовки» [25].

Газета «Правда» 1 июля 1919 г. в передовой статье написала: «Пал наш героический Красный Царицын. Орды окружили его. Английские и французские танки взяли рабочую крепость... Царицын пал! Да здравствует Царицын!» [26].

С.К. Минин 14 декабря 1919 г. в статье-отчете «Осажденный город» писал: «Только потеряв Царицын, мы вполне оценили его значение. Только увидев, как слились казачьи войска: Донские, Кубанские, Уральские, Оренбургские и Сибирские – в один фронт, мы пожалели, почему своевременно не сделали возможного для важнейшего из фронтов нашей боевой линии. Город и армия потеряли многих лучших своих сынов и дочерей на фронте. <...> Потом история взвесит, оценит, рассудит» [27].

Вместе с отступавшей на север 10-й армией перемещались и партийные и советские организации Царицына – сначала в Камышин, потом в Саратов. При них находилось Почетное революционное Красное знамя ВЦИК.

Решающие бои за освобождение Царицына начались 29 декабря 1919 г. Из-за Волги на город наступала 50-я Таманская дивизия 11-й армии (начдив Е.И. Ковтюх). По правому берегу Волги, из района Рынок – Орловка, вела наступление 37-я дивизия 10-й армии (начдив П.Е. Дыбенко).

Штурм увенчался полным успехом. В ночь на 3 января 1920 г. красные войска вступили в Царицын [28].

Примечания

1. Широкоград А.Б. Упущенный шанс Врангеля. Крым, Бизержи, Галлиполи. М., 2009. С. 137–138.

2. Стенограмма речи П.Н. Врангеля, составленная Пресс-бюро провинциальных газет Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 440. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–38.

3. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. М.; Пенза, 1991. Кн. 1. С. 140.

4. Там же. С. 141–142.

5. Там же. С. 142.

6. Попков В.И. А.И. Деникин на Юге России // 75 лет Волгоградской (Сталинградской) области: история и современность: по документам архивного фонда Волгоградской области: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2012. С. 355–356.

7. Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 350.

8. Там же.

9. Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 106.

10. См. об этом: Попков В.И. Деникин на Юге России // Актуальные проблемы истории Царицына начала XX века и периода Гражданской войны в свете современного видения (1900–1920): материалы науч. конф., 14 октября 1998 г., Волгоград. Волгоград, 2001. С. 72–73.

11. Агеева Т.Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне. Волгоград, 2009. С. 66–67.

12. Там же. С. 78.

13. Речь идет о Георге V (1865–1936). Английский король с 1910 г., из Саксен-Кобург-Готской (с 1917 г. Виндзорская) династии. Отец Георга VI (1895–1952), короля Великобритании и Северной Ирландии с 1937 г.

14. Врангель П.Н. Указ. соч. С. 183–184.

15. Ллойд Джорж Д. Правда о мирных переговорах: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.Г. Трухановского. М., 1957. Т. 1. С. 328–330.

16. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1977.

17. Цит. по кн.: Рыбас С.Ю. Сталин. 3-е изд., испр. М., 2012. С. 674.

18. Черчилль У. Мировой кризис: автобиография. Речи. М., 2003. С. 305.

19. ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 15. Л. 29.

20. Д.Б. Шоу, английский писатель. Приветствовал Октябрьскую революцию. Лауреат Нобелевской премии (1925). Н.У. Астор, жена лорда Уолдорфа Астора, виконтесса, член палаты общин, консерватор. Посетили Москву летом 1931 г., встречались с И.В. Сталиным 29 июля.

21. Черчилль У. Вторая мировая война: сокр. пер. с англ.: в 3 кн. М., 2012. Кн. 2, т. 3: Великий Союз; т. 4: Поворот судьбы. С. 553–554, 566–567.

22. Широкоград А.Б. Указ. соч. С. 132–133.
23. Галин В.В. Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 479.
24. История отечественного государства и права: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. М., 2012. Ч. 2. С. 87.
25. Пайпс Р. Указ. соч. С. 20.
26. Цит. по кн.: Томарев В.И. О чём мы говорили по секрету. Волгоград, 1990. С. 99.
27. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 25.
28. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 216.

С.Г. Сидоров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ В ЛАГЕРЯХ НКВД – МВД СССР В 1939–1949 гг.

Одним из важных направлений в деятельности НКВД-МВД СССР в 1939–1949 гг. являлась политическая работа среди военнопленных. При ее проведении в разные годы имелись свои особенности.

Во время пребывания в лагерях польских военнопленных основное внимание обращалось на пропаганду преимуществ социалистического строя перед капиталистическим, разъяснение ведущей роли ВКП(б) в советском обществе, демонстрацию побед, которых добилась страна в строительстве социализма, пропаганду революционных традиций советского народа.

Общее руководство политической работой среди взятых в плен военнослужащих противника с сентября 1939 г. осуществлял политотдел Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) под руководством комиссара УПВИ НКВД СССР С.В. Нехорошева. Проведение агитационно-пропагандистской работы среди пленных, руководство работой клубов и библиотек входило в функции политических отделений. Вся работа осуществлялась под руководством комиссара лагеря [1].

Политическая работа с польскими пленными проводилась в форме политинформаций, бесед, чтот газет, чтения лекций с разъяснением вопросов текущей внутренней и внешней политики СССР и ответов на вопросы. Установленные в жилых корпусах радиоточки и на тер-

ритории лагерей репродукторы транслировали передачи московского радио.

Культурно-массовая работа среди иностранных солдат проводилась посредством показа кинокартин, организации при клубах лагерей кружков художественной самодеятельности, обеспечения контингента литературой, газетами и журналами [2].

В декабре 1940 г. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 30 ноября 1940 г. политотдел при УПВИ упразднили [3]. Вместо него в структуре управления появилась политинструкторская группа, на которую летом 1942 г. возлагались следующие функции:

- организация агитационно-пропагандистской работы среди военнопленных, интернированных и спецконтингентов;
- руководство деятельностью организуемых на приемных пунктах и в лагерях клубов, красных уголков, библиотек и других политико-просветительных учреждений;
- снабжение лагерей политической, художественной литературой и культурным имуществом;
- организация специальной работы среди пленных антифашистов [4].

После нападения гитлеровской Германии на СССР на первое место выдвигается антифашистская работа. Ее целью было перевоспитание основной массы солдат вермахта и превращение их в друзей Советского Союза; подготовка антифашистских кадров, готовых в интересах освобождения своей родины содействовать поражению гитлеровского режима и помогать Красной армии; формирование из числа военнопленных активных участников борьбы против фашизма по возвращении в свою страну.

Для достижения поставленной цели политические работники лагерей разъясняли бывшим военнослужащим армий противника сущность и характер войны, неизбежность поражения Германии, необходимость свержения гитлеровского режима, разоблачали фашистскую идеологию, освещали национально-освободительную борьбу пораженных народов Европы. Одновременно контингент лагерей знакомили с общественным и государственным устройством СССР, экономическими, политическими и культурными достижениями народов Советского Союза.

Антифашистская работа в годы войны проводилась в различных формах. С военнопленными проводили индивидуальные и групповые беседы, собрания и конференции, для них читались лекции, организовывалось радиовещание, чтение газет, журналов, политической и худо-

жественной литературы, выпускались стенные газеты, осуществлялась клубная работа, организовывалось трудовое соревнование [5].

Первые попытки развернуть антифашистскую работу в лагерях УПВИ НКВД СССР наталкивались на стойкое сопротивление со стороны вражеских солдат. Они не только воздерживались от критики гитлеровского режима, но и отказывались высказывать свое недовольство войной. Вера в незыблемость нацистского режима, поддерживаемая обстановкой на фронте, была очень сильной. Это хорошо видно из следующего примера. В августе 1941 г. политическому аппарату Темниковского лагеря-распределителя № 58 поручили организовать подписание военнопленными антифашистского документа, разоблачающего поджигателей войны. В помощь им из Москвы прибыла бригада опытных сотрудников. В ходе работы удалось выявить 30 чел., бывших членов коммунистической, социал-демократической и других революционных партий Германии. Однако подписать первый антифашистский документ смогли уговорить только 6 чел., остальные боялись, что после освобождения из плена будут наказаны сами или их семьи [6].

Упорная работа с военнослужащими вермахта в этом лагере продолжалась в течение трех месяцев. В октябре 1941 г. в лагере № 58 была проведена первая конференция немецких солдат, которая приняла призыв к солдатам германской армии и германскому народу о прекращении войны и свержении фашистского режима. Воззвание было подписано 158 пленными. В дальнейшем к этому обращению, получившему название «Обращение 158», присоединились еще несколько сот немцев.

Уже в 1941 г. Главное политическое управление (ГлавПУ) Красной армии начало издавать для военнослужащих вермахта газету *Das freie Wort* («Свободное слово»), первый номер которой вышел в ноябре. Она выходила еженедельно на 4 полосах тиражом от 50 до 200 тыс. экз. [7].

В 1942 г. после поражения вермахта под Москвой и превращения войны из молниеносной в затяжную настроение среди немецких солдат начинает постепенно меняться. УПВИ получило от военнопленных 267 обращений и воззваний, 744 статьи в газеты, 3512 писем на фронт и на родину. К концу 1942 г. в составе антифашистов находилось около 3 тыс. чел. [8].

В целях усиления антифашистского влияния в лагерях по личному указанию Л.П. Берии на все административно-хозяйственные должности, занимаемые военнопленными (старшие корпусов, барачков, комнат, рабочие по кухне, хлебопекарне и т. п.), были поставлены антифашисты [9].

В 1942 г. работники УПВИ НКВД СССР начинают готовить себе помощников из числа демократически настроенных лиц. В апреле при

Оранском лагере № 74 была организована первая антифашистская политическая школа, в которой 5 мая к занятиям со сроком обучения в три месяца приступили 107 чел. (78 немцев и 29 румын). Подготовка велась под руководством и по программам Института № 99 – Комиссии по работе с военнопленными при ЦК ВКП(б) [10].

После победоносного завершения Сталинградской битвы и изменения в настроении за колючей проволокой подготовка антифашистских кадров расширилась. В 1943 г. при Южском лагере № 165 в Ивановской области были организованы первые антифашистские политические курсы со сроком обучения в два месяца. Для слушателей курсов устанавливалось усиленное питание по норме для офицерского состава. До февраля 1944 г. курсы произвели 2 выпуска численностью 1598 чел. шести национальностей [11].

Окончившие школу и курсы направлялись в лагеря для использования на антифашистской работе среди иностранных солдат. К концу 1943 г. сотрудники лагерей опирались на созданный антифашистский актив, в состав которого входило 6693 чел., в т. ч. 1332 офицера [12].

Политическая работа среди военнослужащих противника в 1943–1944 гг. проходила под лозунгом воспитания из них друзей Советского Союза, активных противников фашистского режима. Антифашистский актив уже в то время создавался не только для решения текущих задач, но и с перспективой использования его в послевоенный период.

В 1943 г. работа с контингентом УПВИ поднимается на новую ступень. Из числа военнослужащих противника создаются антифашистские организации: Национальный комитет «Свободная Германия», «Союз немецких офицеров», «Румынский национальный блок», «Венгерский национальный комитет», «Союз Гаррибальдийцев» [13].

Антифашистская работа начала давать плоды. От пленных стали поступать коллективные и индивидуальные заявления с ходатайством о создании воинской части для вооруженной борьбы против фашизма. Заявления немцев не получили положительного решения. Последних взяли на учет для проведения работы в лагерях. Заявления военнопленных других национальностей были удовлетворены. Всего за 1943–1945 гг. на формирование национальных частей было направлено 56 665 военнопленных 14 национальностей, в их числе 21765 венгров и 20 374 румына [14].

Наиболее способные из окончивших антифашистские школу и курсы лица передавались на фронт для работы по разложению войск и тыла противника. Руководил ими «Институт № 99» и 7-е управление Главного политического управления Красной армии. Только за вторую половину

1943 г. состоялось более 10 тыс. передач через мощные и окопные громкоговорящие установки и рупоры.

В качестве материалов по разложению войск противника использовались документы, полученные в лагерях УПВИ. В 1942–1943 гг. Главному политуправлению РККА было передано 1982 обращения, 2276 воззваний, 7340 писем на фронт и родину, 976 резолюций собраний, 1224 протокола собраний и совещаний, 14 506 корреспонденций в газеты. На основе этих материалов в 1943 г. ГлавПУ РККА и политорганы фронтов и соединений издали 84 9257 тыс. листовок, из них примерно 50 % – от имени бывших солдат.

В начале 1944 г. политорганы Красной армии стали применять такие формы работы, как засылка и заброска военнопленных в части и тылы противника. Агитационно-пропагандистские группы из числа военнослужащих противника стали создаваться в партизанских отрядах.

В конце 1944 г. НКВД руководство антифашистской работой возложил на оперативный отдел УПВИ. Проведение политической работы в лагерях осуществляли отделения по антифашистской работе, входящие в состав оперативных отделов, в лагерных отделениях – инструктора по антифашистской работе, входящие в состав оперативных групп [15].

После поражения Германии потребность в «Национальном комитете Свободная Германия» и в «Союзе немецких офицеров» отпала. В ноябре эти организации были распущены. Все члены НКСГ и СНО из числа немецких пленных были направлены в лагеря УПВИ.

После войны доминирующим в работе с контингентом лагерей ГУПВИ становится политический аспект. Подготовленные в антифашистских школах и на курсах лица начинают целенаправленно репатрироваться на родину для укрепления там просоветских сил. Решение о репатриации антифашистов принимал ЦК ВКП(б). В 1946 г. на родину из числа окончивших антифашистскую школу и курсы было отправлено 935 чел., из которых 594 чел. убыли в Германию, 169 чел. – в Австрию. В 1947–1948 гг. число отправленных на родину антифашистов выросло.

В октябре 1946 г. на основании решения ЦК ВКП(б) МВД СССР создало при ГУПВИ политический отдел во главе с генерал-майором Е.И. Борисоглебским. В союзных республиках СССР, автономных республиках, краях и областях РСФСР было создано 52 политотдела, каждый из которых обслуживал от 1 до 25 лагерей ГУПВИ [16].

С этого времени руководство политической работой среди пленных в лагерях МВД, руководство учебно-воспитательной работой в антифашистских школах и на курсах, издание газет для бывших солдат противника было возложено на политотдел ГУПВИ МВД СССР. При нем был

создан отдел по антифашистской работе среди военнопленных в составе 5 отделений и редакций трех газет (немецкой «Нахрихтен», венгерской «Голос Правды», румынской «Свободное слово») и австрийского бюллетеня [17].

В 1947 г. в штаты политотделов лагерей МВД вводятся аппараты по антифашистской работе со штатом от 1 до 3 человек (начальник отделения, старший инструктор, инструктор) [18]. Происходит замена всех инструкторов по антифашистской работе, не отвечающих своему назначению.

Расширяется подготовка антифашистского актива. В декабре 1946 г. антифашистская школа создается в г. Ногинске Московской области, первый выпуск из которой произвели в июле 1947 г. [19]. Все окончившие школы и курсы ставились на особый учет. Без санкции МВД СССР этих военнопленных запрещалось перемещать даже из лагеря в лагерь [20].

Подготовка антифашистского актива стала производиться не только в центральных антифашистских школах и на курсах, срок обучения в которых в послевоенный период был увеличен до 6 и 4 месяцев соответственно. Во втором полугодии 1947 г. открыли 20 республиканских, краевых и областных трехмесячных курсов. В конце 1947 г. антифашистские курсы со сроком обучения в 1 месяц начинают работать в лагерях.

Для антифашистов читались лекции по истории СССР и ВКП(б), истории Германии и других стран, представителями которых являлись обучаемые, по вопросам международной политики, политической экономики и марксистско-ленинской философии. Читаемые курсы были нацелены на формирование классового восприятия исторического материала. Обучение велось не только в классах, но и на примерах из практики. Курсантов возили на экскурсии, в музеи, театры, показывали соответствующие кинофильмы, предоставляли газеты и журналы [21].

Несмотря на систематическое отправление антифашистов на родину, их численность в лагерях постоянно росла и составила на 1 мая 1947 г., по неполным данным, 177 646 чел. (10,5 % всех военнопленных, находящихся в СССР), в числе которых 31 136 чел. составлял антифашистский актив [22].

Всё большее место в работе политорганов лагерей стала занимать производственная агитация и пропаганда. Широкое распространение получили договоры о трудовом соревновании между отделениями лагерей, бригадами военнопленных, производственные конференции, собрания военнопленных, доски показателей соревнования, фотовитрины, газеты-молнии, кружки техминимума, бюро рационализаторов и изоб-

ретателей. В первом квартале 1947 г. в трудовом соревновании участвовало 28 730 производственных бригад в составе 560 900 военнопленных, из них 80 % выполняли и перевыполняли нормы.

МВД СССР проводит большую работу по организации культурного отдыха контингента ГУПВИ: оборудуются клубы, антифашистские комнаты, библиотеки, радиоузлы. Из советской зоны оккупации Германии в лагеря стали поступать демократические газеты, что было очень хорошо встречено большинством пленных [23].

В 1947 г. в каждом лагере из числа пленных были назначены функционеры по антифашистской работе. Как правило, в каждом лагерном отделении создавались так называемые «тройки» по направлениям работы: руководитель антифашистского актива – старший пропагандист – руководитель художественной самодеятельности. Они освобождались от физической работы и получали ряд льгот и прав [24].

В 1948 г. политотдел ГУПВИ сосредоточил внимание работников лагерей на трех основных задачах: окончательное преодоление фашистского влияния на бывших военнослужащих армий противника; воспитание из военнопленных друзей СССР, активных борцов за переустройство своих стран на демократических началах; обеспечение добросовестного отношения военнопленных к труду и выполнение производственных задач лагерей [25].

Подготовка антифашистского актива постоянно росла. В 1948 г. в СССР действовали уже 3 центральные школы, 43 республиканских, краевых и областных курса и 38 курсов в лагерях. За 1947 г. в них прошло обучение 5553 чел., в 1948 г. – уже 24 157 чел. [26]. Значительный рост числа антифашистов, прошедших соответствующую подготовку, позволил политотделам лагерей изменить организационные формы политической работы. Действующий институт назначенных антифашистских функционеров перестал удовлетворять новым возросшим требованиям. В январе 1948 г. на общих или делегатских собраниях военнопленных тайным голосованием было избрано 684 антифашистских комитета, в которые вошли 4440 чел. [27].

Антифашистские комитеты организовывали и проводили политическую и культурно-массовую работу среди военнопленных, направляли общественное мнение на добросовестное отношение к труду, организовывали трудовое соревнование, оказывали всестороннюю помощь администрации в поддержании дисциплины и порядка, в осуществлении общественного контроля за работой столовых и санитарным состоянием отделений, сохранением физического состояния людей.

К концу 1948 г. антифашистский актив в лагерях вырос до 59 387 чел., что составляло 10,9 % всех военнопленных, находящихся в СССР по состоянию на 1 января 1949 г. [28].

Подготовка антифашистских кадров завершается в 1949 г. Всего в антифашистских школах и на курсах прошло обучение 73 756 военнопленных различных национальностей, в том числе 48090 немцев, 21 137 японцев, 4529 румын, венгров, австрийцев и других. В их числе для советской зоны оккупации Германии готовились газетные работники, работники профсоюзов, культурных и молодежных организаций, пропагандисты для народных предприятий и работники для Общества по изучению культуры СССР.

За годы существования лагерей в них для проведения политической работы была создана необходимая материальная база: 575 клубов, 985 библиотек с фондом 500 тыс. экз. книг политической и художественной литературы на различных иностранных языках, 1640 антифашистских комнат, 226 радиоузлов. Для иностранных солдат издавалось 5 газет на немецком, японском, румынском и итальянском языках общим тиражом 137 500 экз., а также бюллетень для австрийцев тиражом 6000 экз. Из советской зоны оккупации Германии выписывалось 15000 экз. 7 наименований газет и журналов. В 1947–1949 гг. в лагерях регулярно работало 10 326 политических кружков, в которых занималось свыше 600 тыс. чел., 3315 кружков художественной самодеятельности, которые поставили 179 973 спектакля. За эти годы было показано 65 717 сеансов советских фильмов [29].

Специально для пленных на иностранных языках издавалась политическая литература, отдельные произведения советской художественной литературы. Общий тираж этой литературы составил 30 тыс. экз.

По возвращению на родину многие военнопленные принимали активное участие в демократических преобразованиях своих стран, выступали за дружбу с Советским Союзом. Они искренне и самоотверженно воплощали в жизнь идеи, усвоенные в СССР. По сообщению главнокомандующего группой советских войск в Германии генерал-полковника В.И. Чуйкова, около 80 % из числа окончивших антифашистские школы и прибывших в советскую зону оккупации стали членами СЕПГ [30]. Многие из антифашистов хорошо работали на руководящей, партийной, профсоюзной, пропагандистской и хозяйственной работе, в политшколах, в органах народного образования, в массовых организациях. Они являлись активными членами Общества германо-советской дружбы, выступали с докладами о Советском Союзе, вели пропаганду за дружбу с СССР.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 1е. Д. 1. Л. 1, 50–51, 65; Катюнь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 74.
2. Катюнь... С. 234–235, 238–242, 331–335.
3. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 82.
4. Там же. С. 95–96.
5. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 50–51.
6. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 8. Л. 25–26.
7. К 50-летию Национального комитета «Свободная Германия». М., 1993. С. 3, 9.
8. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 8. Л. 29–30, 34.
9. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 54.
10. Военнопленные в СССР. С. 824.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 2. Л. 33; РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 63.
12. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 8. Л. 102–103.
13. РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 55.
14. РГВА. Ф. 1п. Оп. 12е. Д. 12. Л. 147–148, 195–197.
15. РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 3. Л. 64–78.
16. Военнопленные в СССР. С. 133; РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 3. Л. 121–122.
17. РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 139–145.
18. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 224. Л. 70–71об.
19. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 208.
20. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 216. Л. 272.
21. Безбородова И.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР // Отечественная история. 1997. № 5. С.171.
22. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956. Волгоград, 2001. С. 286.
23. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 208–209.
24. Нилов Е.Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 144.
25. РГВА. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 5. Л. 23–24.
26. Сидоров С.Г. Указ соч. С. 326.
27. Военнопленные в СССР. С. 321.
28. Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 328.
29. Военнопленные в СССР. С. 917–918.
30. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 696.

В.Н. Якунин

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЮГА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Положение и деятельность Русской православной церкви на оккупированных территориях Российской Федерации рассматривалось в работе ряда исследователей. Однако акцент был сделан на оккупированных территориях Северо-Запада России и деятельности Псковской православной миссии. Большинство авторов признает вклад верующих на оккупированных территориях в партизанское движение и тот факт, что возрождение там религиозной жизни оказало определенное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в военный период [1].

Немецкие оккупанты делали всё для того, чтобы взять церковь на оккупированной территории СССР под свой контроль. С этой целью при городских управах создавались церковные отделы по руководству церковными делами. Их деятельность заключалась в подборе церковных кадров, организации работы церквей и даже в составлении расписаний церковных служб [2].

16 августа 1941 г. начальник полиции безопасности и СД Гейдрих подписал приказ, в котором оккупационным войскам воспрещалось поощрять церковную жизнь, отправление церковных служб или проведение массовых крещений. Им рекомендовалось следить за тем, чтобы восстановленные православные общины не могли организованно объединиться и создать руководящие центры. Признавалось желательным разъединение Русской православной церкви на отдельные группы. Чтобы ослабить влияние православия, предписывалось не принимать мер против развития сектантства в занятых областях. Согласно этому приказу, церкви могли предоставляться в пользование, но ни в коем случае не в собственность верующих. На оккупированных территориях не допускалось влияние церковных организаций из Германии, оккупированных ей стран и из других граничащих с Россией государств [3].

В циркуляре Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза», датированном 1 сентября 1941 г. и содержащем личные указания Гитлера, ставятся следующие задачи: 1) всемерное развязывание религиозно-

го движения на оккупированных советских территориях; 2) дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации внутри его русских элементов для борьбы против немцев; 3) использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях [4].

В оккупированных областях РСФСР открывались православные храмы, в которые стекались тысячи молящихся. Наблюдался повышенный интерес населения к православным обрядам и таинствам. Бывало так, что венчали людей, уже давно живших в гражданском браке, и отпевали умерших несколько лет назад без христианского погребения. Из-за нехватки священников после небольшой проверки знания служб, чтения, пения, истин православного вероучения рукополагались люди без духовного образования. Иногда население приглашало немецких и румынских солдат быть крестными отцами, встречало их хлебом-солью. В свою очередь, в церемониях открытия храмов, на торжественных богослужениях участвовали представители оккупационных властей. Это находило свое отражение в местной прессе. Осуществляя свою гуманитарную миссию, церковь оказывала помощь жертвам военных действий. Попытки германского командования использовать Церковь для умиротворения населения, пропаганды антисоветизма в целом не имели большого успеха. Однако часть служителей культа заняла антисоветские позиции [5].

Не всегда епархиальную жизнь возглавляли твердые в своих убеждениях люди. Так, архиепископ Ростовский (на Дону) Николай (Амасийский) установил связь с Румынским патриархом Никодимом и даже обратился к нему с просьбой принять Ростовскую епархию в свою юрисдикцию [6].

В Крыму немцы организовали для духовно-административного руководства церковный подотдел, заведование которым было поручено А.Д. Семёнову. Он сразу показал себя активным немецким сторонником: по указанию немецких властей производил перемещение и назначение священнослужителей, открывал приходы и накладывал на них налоги, устраивал мастерские, безотчетно расходовал денежные средства, способствовал выдвиганию в священники сомнительных лиц, назначал их на места, не требуя никаких документов, свидетельствующих о священном сане, в угоду немцам покровительствовал всякого рода сектантам – штундистам, баптистам, евангелистам и т. д. Эти секты получили от Семёнова равное количество молитвенных домов с православными храмами, несмотря на то, что православное население г. Симферополя составляло подавляющее большинство [7].

С приездом епископа Серафима (Кушнерюка) церковный подотдел прекратил свое существование. Епископ Серафим стоял в оппозиции к патриарху Сергию, он не поминал его за богослужением и запрещал помянуть всему духовенству Крыма. Получив хиротонию от митрополита Алексия (Громадского), Серафим по приезде в Крым порвал с ним и объявил себя автономным епископом.

Настоятель Александро-Невского собора г. Ялты протоиерей Алексей Моссиенко вспоминал о пребывании фашистов в Крыму: «Германские власти в лучшем случае проявляли к духовенству в Крыму иронично-презрительное отношение и только терпели его из политических соображений. Но при малейшем уклонении духовенства от поставленных немцами рамок жестоко расправлялись с ними. Какое-либо объединение и организация церковной жизни вне рамок одного прихода фактически не допускались. Мой предшественник в Ялте священник Дмитрий Чайкин, организовавший богослужение в Александро-Невском соборе, арестован немцами и расстрелян. В связи с немецкой оккупацией разрушен старый Иоанно-Златоустинский собор в Ялте и Михайловский собор в Алупке. Первые отряды Красной Армии, освободившие Ялту, были встречены мною с крестным ходом» [8].

В оккупированных городах РСФСР после прихода немецкой армии происходила борьба между тихоновцами и обновленцами из-за открытых церквей. Население считало обновленцев настроенными пробольшевицки и агентами НКВД. Все священники-тихоновцы отрицательно относились к обновленцам, порицали и обвиняли их в просоветских настроениях. Немцы никакого значения этому не придавали, однако главную ставку делали на тихоновское духовенство, хотя и не притесняли обновленцев [9].

Во время оккупации Ростова-на-Дону фашистскими войсками священник Владимирской церкви Дмитрий Иванович Романовский спас от верной смерти арестованных немецким командованием жену ответственного работника Н.К. Подгорную и члена ВКП(б), лейтенанта Б.М. Иванова. Отец Дмитрий, рискуя жизнью, спас от смерти еврейку М.Б. Курляндину, а также воспрепятствовал эвакуации в Германию многих комсомольцев города [10].

Протоиерей Благовещенской церкви г. Симферополя Иоанн Крашановский, бывший морской священник в царской армии, после освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих г. Симферополя в полуразрушенный немцами собор, совершил благодарственный молебен и произнес речь. За молебном о даровании победы присутствовали воинские части.

Иоанн Крашановский получил благодарность командования за патриотическую деятельность и материальную помощь раненым бойцам.

В г. Симферополе заслуженный протоиерей о. Николай Швец зачитал в своем кладбищенском храме патриотическое воззвание митрополита Сергия (Страгородского). Воззвание это получил и распространил среди верующих диакон этого же храма о. Александр Бондаренко. Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ, давно мечтавший о молитвенном общении с православной церковью. Все они попали в немилость к заведующему церковным подотделом А.Д. Семёнову и были расстреляны немецким гестапо. Протоиерея Николая Швец обвиняли еще в том, что он крестил евреев.

Священник Владимир Соколов в начале 1942 г. был назначен в с. Мандуш Бахчисарайского района. Это село не раз переходило из рук в руки. Много из его жителей было в партизанском отряде. Священник Соколов также поддерживал связь с партизанами. Когда в село спускались советские парашютисты, он получал от них газеты и распространял их, с опасностью для себя ходил слушать передачу радицентра через тайный приемник. Наконец, немцы сожгли дом и улы неугодного им священника и издали приказ о расстреле всего мужского населения села. К счастью, Соколову с сыном удалось спастись и пробраться в Симферополь. Здесь священник Соколов познакомился со Смирновым, чей сын и внук организовали партизанский отряд в количестве 200 чел. и ушли в лес. Соколов со Смирновым снова слушали радиопередачи из Москвы и распространяли полученные сведения. Священник Соколов жестоко пострадал от немцев: две его дочери 17 и 20 лет были угнаны в немецкую каторгу [11]. Эти факты нашли отражение в выпущенном в годы войны кинофильме «Секретарь райкома»: священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества.

Всё это озадачивало гестаповских теоретиков, принуждая рекомендовать более тонкие способы «приручения» церкви и верующих. В середине декабря 1941 г. коменданты некоторых местностей, ссылаясь на предписание вышестоящей инстанции, потребовали от православных совершать все церковные праздники, также и Рождество, по григорианскому календарю. Но неожиданное требование вызвало среди верующих бурю негодования. Протест верующих вызвало незначительное, на взгляд немецких администраторов, изменение церковных порядков – введение нового стиля (григорианского календаря). Здесь характерна и реакция верующих – защита, отстаивание своих прав на национальную религиозную традицию и их ссылка на установившийся при советской власти порядок невмешательства властей в дела канони-

ческие. Всё это свидетельствовало о том, что религиозность и православие, свойственные русскому народу с давних пор, принадлежали его сущности и после большевистской революции. Внезапное пробуждение религиозных чувств верующих наблюдалось и во время немногих богослужений, проводившихся в лагерях военнопленных, в лазаретах для военнопленных, когда священникам было разрешено посещать их, чтобы причастить умирающих и утешить страждущих. Из всех этих фактов оккупационные власти сделали вывод, что «в религиозных делах нужно считаться с психикой народа. Православный русский гораздо менее страдает, если он в церковный праздник идет на работу с сознанием, что в его отсутствие торжественное богослужение в церкви проводится в соответствии с принятым священным обычаем, чем если он знает, что в его свободные от работы дни этому обычаю не следуют. <...> Политически нежелательные результаты такого настроения сами по себе понятны» [12].

Еще в 1941–1942 гг. отдельные представители германской администрации и офицеры вермахта помогали открытию храмов и даже приказывали это делать. Проявляя «заботу» о религиозных чувствах населения и испытывая нехватку священников, немцы первоначально пытались назначать таковых из местной интеллигенции. Якову Матвеевичу Рыбакову 5 октября 1941 г. они выдали справку, в которой уполномочили его за неимением священнослужителя занять священническое место и «исполнять церковный обряд». Оккупанты даже не удосужились узнать о втором браке Я.М. Рыбакова, что по церковным канонам недопустимо для священника. Несмотря на настойчивые просьбы, Рыбаков от предложения фашистов отказался [13].

Всего же в захваченных районах РСФСР открылось примерно 2150 храмов: на северо-западе – 470, в Курской области – 332, Ростовской – 243, Краснодарском крае – 229, Ставропольском – 127, Орловской области – 108, Воронежской – 116, Крымской – 70, Смоленской – 60, Тульской – 8 и около 500 в Орджоникидзевском крае, Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях (причем в двух последних не менее 300) [14].

Особенность положения РПЦ на оккупированных территориях Российской Федерации состояла в том, что духовенству и верующим приходилось осуществлять свою деятельность по большей части в прифронтовой полосе, находившейся под управлением германского военного командования. Это накладывало свой отпечаток на религиозную жизнь, характеризующуюся явной противоречивостью, так как на одной и той же территории в одних случаях оккупанты чуть ли не насильно застав-

ляли верующих исполнять религиозные обряды, а в других запрещали священникам эти самые обряды проводить, как это случилось в Орловской области.

Другой особенностью было то, что период фашистской оккупации в областях Российской Федерации был менее продолжительным, чем в Прибалтике, Молдавии, на Украине и в Белоруссии. Тем не менее, и за это время верующим удалось открыть многие храмы и два монастыря, возродить религиозную жизнь.

Примечания

1. Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергия // Наука и религия. 1995. № 5. С. 20; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999; Его же. Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // Ежегодная Богословская Конференция ПСТБИ Материалы. 1997. С. 186–195; Его же. Крест и свастика: Нацистская Германия и Православная церковь. М., 2007 г.; Его же. Русская церковь и Третий рейх. М., 2010; Обозный К.П. Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 годах // Вестник церковной истории. 2008. № 1(9). С. 169–178; Его же. Некоторые аспекты церковной проблемы лжесвященства на примере ситуации временно оккупированных территорий Северо-Запада России в 1941–1944 гг. // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2013. № 8(8). С. 63–83; Его же. Точка бифуркации: Православная церковь в советской России на историческом переломе 1940-х гг. (на примере Северо-Западных областей) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 5(5). С. 9–35; Его же. История Псковской Православной Миссии. М., 2008; Шишкин Е.Н. Русская Православная церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 61(6). С. 113–127; Его же. «Маршал воинствующих обновленцев»: деятельность митрополита Василия Кожина на Северном Кавказе после освобождения региона от гитлеровцев (февраль 1943 – февраль 1945 года) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 2(357). С. 108–116; Терешина О.В. Коллаборационистская псковская газета «За родину» (1942–1944 гг.) // Отечественные архивы. 2013. № 6. С. 50–59; Ее же. Газета «Речь» как источник по истории Русской православной церкви на оккупированной территории в годы Вели-

кой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 2. С. 35–46; Ковалёв Б. Листовка со смирением // Родина. 2011. № 6. С. 29–31; Шадрина А.В. Особенности формирования клира Ростовской и Таганрогской (Новочеркасской) епархии в 1940–1950 гг. // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85). С. 98–103; Shadrina A.V. Questionnaires of the clergymen of the Rostov region of the 1940s and 1950s: description of the social group // Русский архив. 2015. № 3(9). С. 236–252; Табунщикова Л.В. Религиозная политика государства в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 3. С. 86; Ее же. Религиозная жизнь на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Проблемы изучения военной истории сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. А.И. Репинецкий. 2015. С. 209–213; Ее же. Церковная жизнь города Ростова-на-Дону в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы социальной истории: сборник научных статей / Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова. Новочеркасск, 2016. С. 82–87; Ее же. Особенности церковной жизни на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2(60). С. 175–178; Ее же. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1(60). С. 172–174; Ее же. Патриотическая деятельность религиозных организаций на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. № 14. С. 92–96; Редькина О.Ю. Влияние Великой Отечественной войны на религиозную ситуацию на юге РСФСР: на материалах Нижней Волги и Дона // Народ. Война. Победа. 2015. С. 118–124; Ее же. Религиозное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1941–1945 годы // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2 частях. Ч. 1. Волгоград, 2015. С. 105–114; Чирков М.С. Православие и власть в Среднем Поволжье (середина 1940-х – начало 1980-х годов) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ниж-

невартовск, 2015. Ч. 1. С. 288–291; Хисамутдинова Р.Р. Антирелигиозная пропаганда среди населения Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны // Христианство и ислам на рубеже веков: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.Н. Рагузин. 1998. С. 197–200.

2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 578.

3. Российский государственный военный архив. Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 36, 43–44, 57–60.

4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

5. Алексеев В.И., Ставр Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. № 18. С. 110–119.

6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 25; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 43–44.

7. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 55–56.

8. Журнал Московской Патриархии. 1944. № 9. С. 36–37.

9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 41.

10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 53. Л. 120–125.

11. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 55–56.

12. Третий рейх и Православная Церковь. Документы из одного архива / перевод Н.С. Яковлевой // Наука и религия. 1995. № 5. С. 22–23.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 63.

14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 215–216.

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

БОРЬБА ВОЙСК СОВЕТСКОГО ЮЖНОГО ФРОНТА И 11-й ПОЛЕВОЙ АРМИИ ВЕРМАХТА ЗА БЕРИСЛАВ- КАХОВСКИЙ ПЛАЦДАРМ В АВГУСТЕ – СЕНТЯБРЕ 1941 г.

К концу августа 1941 г. немецкая 11-я полевая армия вышла к нижнему течению Днепра. Дальнейшие планы противника предусматривали наступление в Северной Таврии и вторжение в Крым, но для этого сна-

чала надо было форсировать водную преграду – одну из крупнейших рек в Европе.

К описываемому периоду 11-я армия состояла из трех корпусов: «старых» 30-го и 54-го армейских, а также «нового» 49-го горного. Кроме того, в состав объединения передавалась дивизия СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер». Оперативно 11-й армии подчинялась также 3-я румынская армия в составе горного и кавалерийского корпусов.

Немцам противостояли две советские армии, 9-я и 18-я, находившиеся на левом фланге Южного фронта. В течение 17–21 августа обе армии отошли за Днепр и теперь строили свою оборону, опираясь на реку. Их дивизии хоть и были потрепаны, но в целом сохранили свою боеспособность, в отличие от соседей справа, сгинувших в Уманском «котле». Еще одним объединением, действовавшим совместно с войсками фронта, была 51-я армия. Но она имела статус отдельной и подчинялась непосредственно Ставке.

Наше командование считало опасным в плане форсирования противником весь участок от Берислава до Херсона [1]. Командование немецкой 11-й армии еще 24 августа планировало переправляться в двух пунктах: у Берислава (30-й армейский корпус) и у Херсона (54-й армейский корпус) [2]. Однако переправа у Херсона была сочтена противником нецелесообразной отчасти из-за местности, так и вследствие наличия сильной обороны на левом берегу. Уже 26 августа штаб 11-й армии докладывал в вышестоящий штаб Группы армий «Юг», что единственное место, удобное для переправы, – это Берислав [3].

30-му корпусу от соседей были переданы средства усиления: три тяжелых артиллерийских дивизиона, 190-й дивизион штурмовых орудий, дивизион войсковой зенитной артиллерии, мостовая колонна и 903-я команда штурмовых лодок. Армия придавала 30-му АК еще четыре мостовые колонны, 46-й саперный батальон РГК и штаб 620-го саперного полка [4]. 54-й корпус должен был на своем участке демонстрировать подготовку к переправе. Находившийся во втором эшелоне 49-й горный корпус выдвигался к линии фронта.

25 августа немцы ворвались в Днепропетровск и по не до конца взорванному мосту переправились на левый берег Днепра в поселок Ломовка, захватив там плацдарм, позднее сыгравший трагическую роль в судьбе всего Южного фронта. Однако косвенное влияние на ситуацию у Каховки Ломовский плацдарм начал оказывать сразу же. Южному фронту пришлось делить свои резервы между двумя направлениями.

После отхода за Днепр 9-я армия строила свою оборону, опираясь на водную преграду. Тем не менее, по инициативе и распоряжению коман-

дования фронтом, армией были проведены две частные наступательные операции.

В частности, 24 августа 9-й армии было приказано выдвинуть два стрелковых полка на правый берег Днепра. Переправившиеся через Днепр два полка 296-й стрелковой дивизии (на тот момент самого полнокровного соединения армии) заняли предмостный плацдарм у Берислава. Однако в ходе боев, продолжавшихся с 24 по 26 августа, немцы разгромили наши части и полностью заняли Берислав.

После бериславской неудачи рубеж обороны 9-й армии выглядел следующим образом. На правом фланге, примыкая к полосе 18-й армии, оборонялась 30-я стрелковая дивизия. Дальше, как выяснилось чуть позже, на самом опасном месте, занимала позиции 296-я стрелковая дивизия. Левее ее шли участки обороны 74-й, 150-й и 51-й стрелковых дивизий. На Кинбурнском полуострове, на левом фланге полосы армии, занимали оборону части Тендровского боевого участка, усиленные подразделениями 51-й стрелковой дивизии.

Артиллерия армии располагалась в соответствии с предполагаемыми направлениями ударов противника: 266-й корпусной артиллерийский полк в районе Червоная Культура, южнее Каховки, два дивизиона 648-го корпусного артиллерийского полка – напротив Херсона. Отличительной чертой большинства дивизий 9-й армии была еще довоенная организация их артиллерии – два артиллерийских полка, имевшие к тому же довольно много тяжелых артсистем калибра 122-мм и 152-мм.

В связи с «организационным расстройством» 962-го и 964-го стрелковых полков после боев за Берислав 176-я стрелковая дивизия получила приказ сменить (силами только 389-го стрелкового полка) в ночь на 30 августа части 296-й дивизии в связи с ее отводом в тыл на восстановление. Смена должна была завершиться к шести утра, но это распоряжение не было выполнено. Судя по тому, что командир 176-й дивизии полковник В.Н. Марцинкевич не смог внятно объяснить причины невыполнения приказа, имело место банальное разгильдяйство. Имеющая хождение версия о том, что немцы ударили в пустоту, когда части одной дивизии уже ушли, а части другой ещё не пришли, судя по всему, ошибочна. Скорее всего, 30 августа, в районе Каховки, напротив, находились части и 296-й и 176-й дивизий.

Весь день шли бои, в ход которых активно вмешивалась авиация, как наша, так и немецкая. Советские командиры, с одной стороны, недооценили скорость накопления сил противника на плацдарме, с другой – чересчур оптимистично оценивали обстановку. В 4 часа утра 31 августа представитель штаба армии полковник Кашанский и коман-

дир 176-й дивизии полковник Марцинкевич в переговорах по телефону с начальником штаба 9-й армии генерал-майором П.И. Бодиныным уверенно заявляли, что противник прижат к реке, отрезан от переправ и «через 2–3 часа» будет уничтожен [5].

С занятого немцами берега Днепра события выглядели следующим образом. В 04.27 30 августа два полка 22-й пехотной дивизии начали переправу по обе стороны от Берислава. Левофланговый 16-й пехотный полк, пользуясь внезапностью и слабым противодействием, уже через час большей частью был на южном берегу западнее Каховки. В самой Каховке шли упорные уличные бои. Правофланговый 47-й пехотный полк, напротив, был встречен прицельным огнем артиллерии и пулеметов. Несмотря на это, полк смог захватить плацдарм глубиной два километра. Наши части почти сразу же контратаковали 47-й пехотный полк с юго-запада. Огонь советской артиллерии усиливался, затрудняя курсирование по Днепру паромов. Обстрел не давал возможности пока приступить к наведению моста. Тем не менее к вечеру немцам удалось удержать оба плацдарма и даже переправить на южный берег один батальон 65-го пехотного полка.

В 10.00 31 августа штаб немецкого 620-го саперного полка докладывал, что за ночь, несмотря на постоянный артиллерийский обстрел и налеты авиации, удалось собрать один 16-тонный паром и подготовить по два причала аналогичной грузоподъемности на обоих берегах. Штурмовые орудия находились у причалов в готовности к переправе. На штурмовых и резиновых лодках на плацдарм 16-го пехотного полка был переброшен 65-й полк 22-й пехотной дивизии без 13-й и 14-й рот. Ряды 47-го пехотного полка уплотнили солдаты 97-го полка 46-й пехотной дивизии. Таким образом, за сутки немцам удалось переправить на левый берег четыре пехотных полка. По нашим же оценкам, на тот момент противнику удалось переправить до четырех батальонов.

В течение 31 августа, несмотря на советские контратаки, немцы смогли объединить и расширить оба плацдарма. В свою очередь командование 9-й армии перебросило два полка 51-й стрелковой дивизии ближе к плацдарму. Один полк 30-й стрелковой дивизии был направлен в Любимовку и придан 296-й дивизии. Еще один полк 74-й дивизии был переподчинен 176-й дивизии. Советское командование сильно ошибалось в оценках численности переброшенных на плацдарм немецких войск, считая, что 176-я и 296-я стрелковые дивизии имеют превосходство над противником в пехоте, но уступают ему в артиллерии. Впрочем, уже к вечеру 31-го командир 176-й дивизии полковник Марцинкевич доложил «наверх» об исчерпании сил вверенной ему дивизии. Такой доклад вы-

зывал вполне объяснимое недоумение командующего армией генерал-полковника Я.Т. Черевиченко: «Как две дивизии не могут справиться с двумя батальонами?».

К пяти утра 1 сентября на плацдарме полностью сосредоточились все три полка и противотанковый дивизион 22-й пехотной дивизии, два полка 46-й пехотной дивизии (97-й и 72-й пехотные) и 190-й дивизион штурмовых орудий. Пехотные полки переправились с тяжелым вооружением.

Наши командиры считали, что за день на левый берег переправился только один полк немцев. Правда, переправу «танков» обнаружили, так сказать, явочным порядком. Начатое ночью наступление советских войск было остановлено противником, который сам перешел к активным действиям. К 17 часам плацдарм достиг такого размера, что уже включался наблюдаемый огонь советской артиллерии по переправе. Были полностью заняты противником Каховка, Малая Каховка и Червонная Культура. По немецким данным, в плен попало до трех тысяч красноармейцев. На 2 сентября был намечен очередной контрудар силами прибывающей ночью 51-й стрелковой дивизии, усиленной 648-м корпусным артполком, а также уже имеющихся на периметре плацдарма дивизий.

Планировавшееся на 2 сентября общее наступление войск Каховского направления в очередной раз не удалось. 296-я стрелковая дивизия вообще в наступление до вечера не перешла. Командир дивизии генерал-майор Рыжов объяснял свое решение малой численностью стрелковых полков. Под нажимом штаба армии 296-я дивизия все-таки в 19.15 попыталась атаковать противника, но атака успеха не имела.

51-я стрелковая дивизия вместо наступления втянулась в бои с противником и также не смогла продвинуться вперед. Состояние 176-й стрелковой дивизии было весьма плачевным. 389-й стрелковый полк потерял 50–60 % личного состава, в том числе командира и комиссара полка, всех комбатов. В таком же положении находился 591-й стрелковый полк, о командире полка сведений нет. В 404-м стрелковом полку два батальона попали в Каховке в окружение и при выходе из него понесли большие потери. Дивизию можно было без натяжки считать разбитой. Остальные дивизии 9-й армии продолжали удерживать рубеж по Днепру.

Учитывая неудачу дневных атак, было запланировано ночное наступление, в 22.00 2 сентября. Не удалось и оно. 296-я, 176-я и 51-я дивизии имели незначительное, до одного километра, продвижение и были остановлены массированным огнем противника. Немцы продолжали расширять плацдарм, который к 4 сентября уже имел глубину девять километров.

Второго сентября штаб 11-й полевой армии отдал приказ о наступлении на Крым. Согласно ему, 30-й армейский корпус 3 сентября наносил удар на юг, расширяя плацдарм и создавая условия для развертывания на нем остальных сил армии. Левее наносил удар 49-й горный корпус, ближайшей задачей которого было свертывание советской обороны по Днепру в восточном направлении. Соответственно, 54-й корпус наступал на запад. Затем корпуса поворачивали на юг, к Перекопу и Сивашу [6].

В ночь на 4 сентября части Каховской группы 9-й армии пытались перейти в наступление, но вновь были остановлены огнем противника. С рассветом им всё же удалось несколько продвинуться. Но немцы контратакой отбросили наши части на исходные позиции и даже продвинулись вперед.

5 сентября немцы силами трех дивизий (22-й, 46-й и 170-й пехотных) продолжили наступление, продвинувшись на три километра. В 14.00 из Малой Каховки на юг начал движение передовой отряд 30-го армейского корпуса. Ранним утром 5 сентября на плацдарм начала переправляться часть 73-й пехотной дивизии. Надо отметить, что даже и 6 сентября штаб 9-й армии считал, что немецких дивизий на плацдарме только две (22-я и 46-я пехотные) [7]. Впрочем, в вечерних переговорах с командующим фронтом начальник штаба 9-й армии генерал-майор Бодин оценивал поведение немцев в этот день как «скромное».

Вечером 5 сентября штаб 11-й полевой армии отдал приказ о переходе 30-го армейского корпуса в наступление в направлении Чаплинки с шести часов утра 6 сентября. 54-й армейский и 49-й горный корпуса должны были прикрывать наступление 30-го корпуса [8]. Около полудня 6 сентября передовой отряд 30-го армейского корпуса захватил Чёрную Долину и находился в восьми километрах северо-западнее Чаплинки, глубоко вклинившись в боевые порядки 9-й армии. Соседние корпуса своими действиями прикрывали ударный клин.

7 сентября немцы планировали начать общее наступление с плацдарма. Но начались эти сутки всё-таки ударом частей 9-й армии, которая также намеревалась наступать. И снова, уже в который раз, незначительное продвижение под массированным огнем немецкой артиллерии и в финале – новое наступление противника. Дивизии 9-й армии под угрозой окружения стали отступать.

В 19 часов 7 сентября на командном пункте 11-й полевой армии состоялся интересный разговор командующего армией генерал-полковника Шоберта с прибывшим на доклад командиром 49-го горного корпуса генералом Кюблером. Кюблер предложил 30-му и 49-му корпу-

сам поменяться ролями. 49-й горный корпус, состоящий из более-менее свежих дивизий, должен был нанести удар на Перекоп, а 30-й корпус в составе 170-й и понесшей большие потери 22-й дивизии должен прикрывать восточный фланг. И хотя в ходе дальнейших переговоров выяснилось, что командир 30-го корпуса генерал фон Зальмут считает возможным только медленное продвижение своего соединения, идея генерала Кюблера не нашла поддержки у командующего армией, в том числе и по причинам далеким от стратегии и тактики. В частности Шоберт посчитал, что «лавры покорителей Крыма» не годится отбирать у войск заслуженного 30-го корпуса и отдавать «пришедшим на все готовое» горным стрелкам [9].

8 сентября немцы продолжали расширять плацдарм. Наши же дивизии постепенно переходили к обороне. В течение 9 сентября части 9-й армии вели бои в районе Каховка, Коробки, Британы, отражая наступление противника в юго-западном и юго-восточном направлении. 296-я стрелковая дивизия не выдержала немецкой атаки и стала отходить. 74-я стрелковая дивизия попыталась ночной атакой вернуть село Британы, но под ударами противника тоже стала отступать. Не смогли удержать свои позиции 51-я и 150-я дивизии.

10 сентября противник перешел в решительное наступление, нанося удар в общем направлении на Чаплинку. Попавшая под удар немецких основных сил 176-я дивизия начала отход, сдерживая противника на промежуточных рубежах. К вечеру 74-я дивизия попала в полуокружение в районе Малая Маячка, откуда с большими потерями вышла 11 сентября. На правом фланге армии вступила в бой 130-я дивизия, переданная из состава 18-й армии. Противник окончательно «вскрыл» плацдарм и стал продвигаться в направлении Крыма и Мелитополя.

Почему же противнику все-таки удалось удержать Каховский плацдарм и начать с него наступление? Причины этого очевидны, и, надо сказать, были характерны для Красной армии образца 1941 г.

Прежде всего, очень слабо работала разведка. На протяжении почти всей операции она существенно занижала численность войск противника на плацдарме, что, естественно, негативно влияло на решения командования. Кроме того, были существенные изъяны в самой организации войсковой разведки. В частности, разведчики на всех уровнях не были настроены на первоочередной захват пленных как на наиболее надежный источник информации.

Вследствие промахов разведки медленно шло сосредоточение наших сил у Каховки. Все дивизии 9-й армии окончательно сосредоточились там только к 7 сентября, когда немцы уже накопили достаточ-

но войск на плацдарме. Не были до конца использованы возможности внутрифронтного маневра частями и соединениями между 9-й и 18-й армиями. Вообще переброска резервов велась не планомерно, а рефлексивно: упала боеспособность дивизии – дадим ей полк соседей, дивизия разбита – заменим новой.

Довольно «богатая», по выражению тех времен, артиллерия, тоже не смогла переломить неблагоприятный ход событий. Во-первых, немцы стянули к Бериславу почти всё, что могло стрелять, в том числе и артиллерию дивизий, еще не переправившихся на левый берег. Напротив, артиллерия 9-й армии, даже после начала немецкой операции перебрасывалась постепенно, в результате уступая противнику, что называется, «здесь и сейчас». Во-вторых, на плацдарме работали немецкий 31-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки и отряды ближней воздушной разведки, обеспечивавшие проведение эффективной контрбатареинной борьбы. С нашей стороны ничего подобного не было. В-третьих, проведенной накануне немецкого броска проверкой артиллерии армии был выявлен ряд недостатков как в организации огня, так и в оборудовании огневых позиций. Это тоже сыграло свою отрицательную роль в ходе развернувшихся боев.

Еще одним фактором, оказавшим негативное влияние на исход борьбы за Каховский плацдарм, стало вливание в состав соединений армии больших масс пополнения как непосредственно перед началом операции, так и в ходе ее. К сожалению, мы не имеем документальных данных о качестве прибывавшего пополнения. Но по тем документам, что относятся к другим соединениям, пополнение было слабо обученным (последний раз резервисты призывались на сборы лет 8–10 назад) или не обученным вовсе (примерно 10 % от общего числа). Кроме того, вновь прибывшие не знали новых систем оружия, в частности самозарядной винтовки. В результате плохо обученные, «не сколоченные», не знающие своих командиров (а командиры, в свою очередь, не знали своих подчиненных) резервисты не проявляли должной устойчивости в бою.

Следует упомянуть и об отвлекающих операциях, проведенных как частями 9-й, так и 18-й армий. Как правило, эти действия не имели особого успеха. Но плохое исполнение не должно приводить к исключительно негативной оценке хорошего замысла. Как показал опыт очень удачных действий в полосе румынского горного корпуса разведывательного отряда 130-й стрелковой дивизии 18-й армии, захватившего село Саблуковка на правом берегу Днепра, немецкое командование к таким рейдам относилось весьма нервно. Для ликвидации нашего десанта оно уже направило целую 1-ю горнопехотную дивизию.

Как еще один положительный момент следует отметить хорошее взаимодействие Южного фронта и отдельной 51-й армии. «Курортники», как вполне официально именовали соседей в переписке штабисты фронта, помогали не только авиацией, но и пытались выдвинуть в кризисные точки свои войсковые подразделения.

Подведем итоги. Захват и последующее расширение плацдарма у Каховки было проведено 11-й полевой армией в «классическом» стиле вермахта: один плацдарм в полосе объединения, концентрация сил на одном направлении, силовое продавливание обороны противника и дальнейшее развитие наступления.

Для нашего Южного фронта ситуация осложнялась одновременным возникновением двух кризисных точек – Каховского и Ломовского (Днепропетровского) плацдармов. Причем по вполне разумным причинам Ломовский плацдарм в начале сентября считался наиболее опасным, так как там были замечены немецкие подвижные соединения.

Оценивая усилия командования Южного фронта по ликвидации Каховского плацдарма, нужно признать их в той обстановке вполне адекватными. Достаточно упорная оборона периметра и затем бои на отходе к тыловому рубежу не позволили немцам развить наступление в быстром темпе и разгромить основные силы 9-й армии. Закрепившись на тыловом рубеже, отошедшие части, усиленные резервными соединениями, создали в последней декаде сентября немало проблем 11-й полевой армии, которая в результате не смогла решить ни одну из поставленных перед ней задач.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), Ф. 464. Оп. 5689. Д. 9. Л. 171.
2. Национальный архив США NARA T-312. Roll 361. Fram 7935768.
3. Там же. Fram 7935699.
4. Там же. Fram 7935697.
5. ЦАМО РФ. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 9. Л. 212.
6. Национальный архив США NARA T-312. Roll 361. Fram 7935402ff.
7. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 5. Л. 50. Наличие 170-й дивизии было установлено только 9 сентября.
8. Национальный архив США NARA T-312. Roll 361. Fram 7936630.
9. Впрочем, очень скоро сложившаяся обстановка и новый командующий 11-й армией Эрих фон Манштейн «переиграют» это решение.

В.И. Афанасенко

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ 62-Й АРМИИ В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА 17 ИЮЛЯ – 13 АВГУСТА 1942 г.¹

12 июля 1942 г. на базе полевого управления Юго-Западного фронта директивой Ставки ВГК был образован Сталинградский фронт в составе 21-й армии из прежнего Юго-Западного фронта, а также 5, 7 и 1-й резервных армий, получивших соответственно общеармейскую нумерацию – 63, 62 и 64-й армий [1]. В состав вышеуказанных резервных армий входили семнадцать только что сформированных стрелковых дивизий, получивших номера ранее разбитых в боях соединений. Исключение составляла 33-я гвардейская стрелковая дивизия, сформированная в мае 1942 г. на базе 3-го воздушно-десантного корпуса, и костяк 14-й гвардейской стрелковой дивизии, вырвавшейся из харьковского котла. О качестве дивизий докладывал в Ставку Военный совет 62-й армии еще 18 июня 1942 г.: «Стрелковые дивизии армии (речь идет о 33-й гвардейской, 147, 181, 184, 192 и 196-й СД. – В.А.) совершенно сырые, только что получили вооружение и начали его осваивать. Привлечение их к оборонительным работам... резко скажется на качестве и сроках их боевой подготовки и готовности» [2].

63-я армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова в составе 1, 153, 197, 127, 203 и 14-й гвардейской стрелковых дивизий, 13-й истребительной бригады заняла оборону по левому берегу Дона на участке Бабка – устье реки Медведица, в полосе до 300 км. Ставка ВГК и командование Сталинградского фронта во главе с маршалом С.К Тимошенко рассчитывало уплотнить боевые порядки армии за счет переправлявшихся через Дон войск бывшего Юго-Западного фронта и резервных соединений. Состояние войск 21, 28, 38 и 57-й армий, согласно боевому донесению штаба фронта № 0032/оп от 17.07.1942, было плачевным. По существу, более-менее боеспособными были соединения и части 21-й армии генерал-майора В.Н. Гордова. В шести стрелковых дивизиях армии (63, 76, 124, 226, 293, 343-й) оставалось по 5035, 4526, 2652, 5050, 2258, 2795 чело-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, проект «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» (АААА-А15-115102010107-5) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтнического макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

век личного состава соответственно, а также 320 минометов разных калибров, 78 полевых и противотанковых пушек и 30 установок «катюш» в 57-м и 70-м гвардейских минометных полках [3]. От войск 28, 38 и 57-й армий остались только штабы соединений, материальная часть вооружения дивизий и бригад была утрачена, а в дивизиях насчитывалось от 225 (15-я гвардейская стрелковая дивизия) до 950 бойцов и командиров (304-я стрелковая дивизия). В 23-м танковом корпусе на ходу осталось 10 танков и 10 бронемашин [4]. Фактически остатки боевых соединений пришлось вывести в тыл на переформирование и доукомплектование. Первый таранный удар танковых и моторизованных дивизий 6-й полевой армии генерал-полковника Ф. Паулюса в большой излучине Дона приняла 62-я армия под командованием генерал-майора В.Я. Колпакчи.

Материалами для статьи послужили документы Центрального архива Министерства обороны РФ, а также сборник документов «Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди» [5], данные электронных ресурсов.

Обстановка на фронте в июле 1942 г. менялась настолько стремительно, что завершить оборудование полевого рубежа в большой излучине Дона на дальних подступах к Сталинграду советские войска не успели. 11 июля последовала директива Ставки ВГК № 994112 о занятии Сталинградского оборонительного рубежа в течение 12–14 июля силами 62-й армии в полосе: хутор Караженский (18 км юго-восточнее Серафимовича), хутора Евстратовский, Калмыков, Слепихин, станция Суровикино, ферма № 2 совхоза № 79, хутор Суворовский – общим протяжением более ста километров [6]. 62-я армия (командующий – генерал-майор В.Я. Колпакчи, член Военного совета армии – дивизионный комиссар К.А. Гуров, начальник штаба – генерал-майор Н.А. Москвин), помимо вышеуказанных шести дивизий, получила на усиление 4 курсантских полка, сформированных на базе военных училищ, 644, 645, 648, 649, 650, 651-й отдельные танковые батальоны (по 21 Т-34 и 21 Т-70 в каждом батальоне), 508, 555, 614, 652, 881, 1183, 1185, 1186-й легкие и 1103, 1105, 1158-й пушечные артиллерийские полки РК. Общая численность армии к 17 июля составляла свыше 81 тыс. человек [7]. 64-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова в составе 29, 112, 131, 214 и 229-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых, 40-й танковой отдельных бригад и частей усиления занимала участок фронта свыше 80 км в полосе от Суровикино до Верхне-Курмоярской.

Для обеспечения развертывания соединений и частей 62-й и 64-й армий приказывалось от каждой дивизии первого эшелона выдвинуть на рубеж рек Чир, Цимла усиленные передовые отряды в составе бата-

льона – полка, с танками, артиллерией и саперными подразделениями [8]. Так, от 147-й стрелковой дивизии 600-й стрелковый полк был выдвинут в район Морозовской, а первые батальоны 15-го и 640-го полков – в район Обливской [9]. Во встречных боях противнику был нанесен урон в технике и личном составе, выход вражеских войск к основному рубежу обороны 62-й армии был задержан на двое – трое суток.

К 21 июля на 200-километровом фронте, от Серафимовича до Верхне-Курмоярской, противник развернул одиннадцать дивизий 6-й полевой армии, в том числе две танковые (16-ю и 24-ю) и две (3-ю и 60-ю) моторизованные. Паулюс создал два ударных кулака из подвижных соединений 14-го и 24-го танковых корпусов, усилив каждый из них еще и пехотной дивизией. Главный удар противник наносил по флангам 62-й армии, южнее Клетской силами 14-го танкового корпуса в направлении на Голубинский, а из района Суровикино – на Калач, двумя дивизиями 24-го танкового корпуса, с целью окружения и разгрома главных сил 62-й армии и выхода к Сталинграду по кратчайшему пути.

Утром 23 июля противник силами 16-й танковой, 3-й, 60-й моторизованных и 113-й пехотной дивизий прорвал оборону 62-й армии на стыке 192-й и 33-й гвардейской стрелковых дивизий и устремился по тылам дивизий на Верхне-Бузиновку, Манойлин. Около полудня 24 июля до 40 танков и батальон мотопехоты противника вышли на командные пункты 192-й и 184-й стрелковых дивизий и уничтожили их. В бою с прорвавшимися танками и мотопехотой противника командир 192-й стрелковой дивизии полковник А.С. Захарченко был убит, а командир 184-й дивизии полковник С.Т. Койда попал в плен. Управление дивизиями и частями усиления было утрачено. Необходимо было немедленно найти решительного командира, способного объединить войска и организовать круговую оборону. В район действий 192-й и 184-й стрелковых дивизий на самолете По-2 вылетел начальник оперативного отдела штаба 62-й армии полковник К.А. Журавлев и группа оперативных работников штаба во главе с майором Вдовченко [10]. К исходу 25 июля полковнику Журавлеву удалось объединить остатки стрелковых дивизий и оказавшиеся в том районе 40-ю отдельную танковую бригаду, остатки двух отдельных танковых батальонов и противотанковой артиллерии и занять круговую оборону по высотам с отметками: 196,2; 185,2; 196,1; 200,2; 187,7; 207,0; 174,9; 193,9; хутор Майоровский [11].

Южнее группы Журавлева, в полосе Ерик, хутор Евсеев, высота 191,3, против частей 16-й танковой и 113-й пехотной дивизий противника вел бой 13-й танковый корпус полковника Т.С. Танасчишина в составе 169, 166 и 163-й танковых бригад, а в районе высоты 200,0, протока

Березовый, совхоза Копанья, на высотах 183,4, 175,3, у хуторов Рожки и Кисилев в полуокружении сражалась 33-я гвардейская дивизия полковника А.И. Утвенко с подчиненными ему 186-м стрелковым полком 181-й дивизии и курсантским полком Краснодарского пехотного училища. В ходе боевых действий гвардейцы 33-й стрелковой дивизии потеряли 1042 человека личного состава, 40 орудий и 27 танков [12]. В этих боях легендарный подвиг совершили два расчета противотанковых ружей (ПТР) – четыре бронебойщика 84-го гвардейского стрелкового полка: Пётр Болото, Иван Алейников, Константин Беликов и Петр Самойлов, которые в бою на высоте 198,3 из двух ПТР 23 июля 1942 г. подбили пятнадцать немецких танков. К. Беликов, И. Алейников и П. Самойлов за мужество, проявленное в бою на высоте 198,3, были награждены орденами, а Петру Болото Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Также мужественно сражались воины 186-го стрелкового полка, отрезанные от главных сил своей 181-й дивизии и подчиненные командованию 33-й гвардейской дивизии. В ходе контратак с целью закрыть прорыв противника у хутора Калмыков бойцы и командиры в боях, переходивших в рукопашные схватки, уничтожили до 750 солдат и офицеров противника, 10 автомашин, пушку, пулеметы. Потери полка превысили 400 человек убитыми и ранеными [13].

27 июля в командование 62-й армией вступил генерал-лейтенант Александр Иванович Лопатин [14]. От первоначального состава армии оставались три небольшие группы: сводная группа полковника Журавлёва, объединившая остатки 676, 262, 427, 753, 294-го стрелковых, 298-го и 616-го артиллерийских полков 192-й и 184-й дивизий, сводных батальонов 84-го и 88-го гвардейских стрелковых полков 33-й гвардейской дивизии, 1177-го и 1188-го истребительно-противотанковых полков, 40-й танковой бригады, 644-го отдельного танкового батальона – всего свыше 6000 бойцов и командиров. Эта сводная группа вела бои в окружении до 31 июля и только в этот день соединилась с частями 4-й танковой армии в районе станицы Верхнеголубая. Главные силы 33-й гвардейской дивизии (88-й и 91-й гвардейские, 186-й стрелковые полки, курсантский полк Краснодарского пехотного училища) заняли круговую оборону на протяжении до 46 км. Основные силы 181-й и 147-й дивизий продолжали удерживать свои полосы обороны до 8 августа. 196-я и переданная из расформированной 1-й танковой армии 131-я стрелковые дивизии в ходе попыток контрудара понесли исключительно большие потери. 196-я стрелковая дивизия к 1 августа лишилась 6418 человек личного состава, в ее стрелковых полках оставалось по 100–150 активных штыков [15].

7 августа противник силою до двух полков мотопехоты и 120 танков прорвал фронт 196-й стрелковой дивизии, рассеял ее остатки, захватил хутор Остров и приблизился к командному пункту 62-й армии в хуторе Володинский. В бою с танками и автоматчиками противника погибли командир 196-й дивизии комбриг Виктор Васильевич Аверин, начальник штаба подполковник В.Л. Прибыльский и большая группа командиров штаба [16]. В 17:00 8 августа к основной переправе через Дон у города Калач прорвалось 27 танков противника, затем подошли еще несколько колонн танков и мотопехоты. Оборона 62-й армии, отрезанной от переправ и снабжения, рухнула. Бои на передовом рубеже 62-й армии продолжались до вечера 8 августа. В 19:00 из штаба 62-й армии последовал приказ – незаметно оторваться от противника и пробиваться к переправам на левый берег Дона. При отходе колонны 33-й гвардейской и 181-й стрелковых дивизий были окружены в балке Грачева, восточнее хутора Савинский, и после жестокого боя разбиты. Уцелевший личный состав этих дивизий были рассеян и пробивался на соединение с основными силами 62-й армии мелкими группами. 13 августа из окружения вышли только 27 человек из состава 147-й стрелковой дивизии во главе с ее командиром генерал-майором А.А. Вольхиным, а всего из состава 147-й стрелковой дивизии к 20 августа вышли к своим 171 человек. Генерал-майор Вольхин был предан суду военного трибунала и приговорен к расстрелу, замененному 10 годами исправительно-трудовых работ с отбыванием срока в действующей армии. Фактически Александр Алексеевич был понижен в звании до майора, достойно воевал, и судимость с него была снята уже в марте 1943 г. Дивизия за утрату боевого знамени была расформирована. Командир 33-й гвардейской дивизии полковник А.И. Утвенко сумел вывести из окружения и собрать в поселке Прудбой к 16 августа до 120 своих бойцов и командиров, сохранив боевое знамя дивизии [17]. Командир 181-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.Я. Новиков попал в плен 15 августа при выходе из окружения. Командир 229-й стрелковой дивизии полковник Ф.Ф. Сажин погиб в окружении, а остатки дивизии были пленены.

В информационной сводке Главного командования вермахта от 11 августа 1942 г. сообщалось: в большой излучине Дона западнее г. Калач сухопутные войска под командованием генерала танковых войск Паулюса при активной поддержке зенитной артиллерии и авиации под командованием генерал-полковника барона фон Рихтхофена уничтожили основные силы 62-й армии и значительную часть 1-й танковой армии советских войск. В этом решающем сражении взято в плен 57 000 человек, уничтожено или захвачено в качестве трофеев свыше 1000 танков

и 750 артиллерийских орудий всех видов. Противник понес значительные потери в живой силе. В этих боях хорошо показали себя хорватские части. В боях в большой излучине Дона советские войска, закрепившись на возвышенностях западнее и севернее города Калач, пытались остановить наступление немецких войск. Однако наши войска в результате ожесточенных боев прорвали хорошо укрепленные позиции противника в северной части этого района и продолжили продвижение вперед по пересеченной местности. В течение нескольких дней немецкими штурмовиками и пикирующими бомбардировщиками были разрушены все мосты в большой излучине Дона, одновременно бомбардировочной авиацией были нанесены бомбовые удары по грузовому транспорту на автомобильных и железных дорогах. В ходе начавшегося 7 августа и продолжавшегося 5 суток сражения немецкие войска отразили яростные атаки наших войск и завершили их окружение западнее города Калач. Отвлекающие удары советской пехоты и танков при поддержке артиллерии с восточного берега Дона успеха не имели. Войска и колонны автомобильной техники противника, скопившиеся у переправ, разрушенных нашей авиацией, были уничтожены непрерывными бомбовыми ударами. Особенно ожесточенными были бои западнее города Калач, где противник закрепился в котловине и отчаянно оборонялся, пока его сопротивление не было сломлено. На заключительном этапе сражения советские войска ночью еще раз нанесли несколько сильных ударов с целью прорваться из окружения на юго-запад, восток и северо-восток, но понесли значительные потери в живой силе. Продолжая наносить концентрические удары, немецкие пехотные и танковые части уничтожили последние очаги отчаянного сопротивления наших войск [18]. В то же время в дневнике боевых действий Генерального штаба сухопутных войск об обстановке за 12 августа 1942 г. записано: «Бои в котле западнее Калача закончились. Остатки 62-й армии и 1-й танковой армии красных, сосредоточенные на очень узком участке местности, разгромлены или взяты в плен. Бои при этом носили порой упорный характер. Было захвачено 35 000 пленных, а также захвачено или уничтожено 270 танков и 560 орудий (противотанковых и зенитных)» [19]. Таким было боевое крещение 62-й армии в большой излучине Дона в июле – начале августа 1942 г.

Менее месяца продолжалась первая оборонительная операция 62-й армии Сталинградского фронта. После кровопролитных боев в условиях полуокружения, а с 8 августа – в окружении, войска 62-й армии к 14 августа отступили на левый берег Дона и закрепились на внешнем оборонительном обводе Сталинграда, на участке от хутора Вертячего до хутора Ляпичева. Понесенные жертвы и потери в материальной части не были на-

прасными. Было выиграно время для укрепления обороны города, на улицах которого воины 62-й армии впоследствии обессмертили свои имена.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 179. Л. 483.
2. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5127. Д. 1. Л. 76.
3. Там же. Ф. 220. Оп. 220. Д. 4. Л. 48–49.
4. Там же. Л. 50.
5. Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Книга 1. М., 2002. С. 343–344.
6. ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 179. Л. 497.
7. Самсонов А. Начало Сталинградской битвы // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/16395-nachalo-stalingradskoy-bitvy.html> (дата обращения: 29.06.2017).
8. ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 2642. Д. 32. Л. 128.
9. Там же. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
10. Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 47. Л. 26.
11. Там же. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 51. Карта обстановки.
12. Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 42. Л. 16.
13. Там же. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
14. Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 47. Л. 33.
15. Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 49. Л. 49.
16. Там же. Ф. 345. Оп. 5504. Д. 20. Л. 25.
17. Там же. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 49. Л. 42.
18. Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Книга 1. С. 343–344.
19. Там же. С. 343.

О.В. Романько

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ И ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Среди нацистов разного уровня были такие, кто хотел сделать народы СССР своими союзниками. Но были и такие, которые планировали полностью изменить этническую карту оккупированных территорий,

выселив оттуда все народы и населив их немцами. В Крыму эти противоречия проявились особенно ярко, наложив свой отпечаток на взаимоотношения оккупантов практически со всеми этническими группами полуострова. И наиболее отчетливо это прослеживается в случае с местными коллаборационистскими организациями крымских татар, русских и украинцев. Как только их члены пытались получить широкие политические права, создать свои вооруженные силы или в целом выйти за рамки очерченных оккупантами прав, неминуемо следовало наказание. Тем не менее и органы местного самоуправления, и национальные комитеты, и коллаборационистские формирования практически до конца 1943 г. являлись очень действенным регулятором сферы межнациональных отношений на полуострове.

С точки зрения политики нацистского руководства в отношении ислама и благосклонного отношения к тюркским народам, а также в свете русофобских концепций министра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга, крымско-татарские националисты вполне могли рассчитывать на положительный итог сотрудничества с гитлеровцами. Так и происходило с зимы 1941 г. по лето 1943 г., когда коллаборационистские организации крымских татар стали фактически опорой «нового порядка», а крымско-татарские коллаборационистские формирования – основным инструментом борьбы против партизанского движения. Однако итог такого сотрудничества оказался малоутешительным. Вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с национальным движением крымских татар свидетельствует о том, что оно не рассматривало их в качестве равноправного союзника. Основные коллаборационистские организации крымских татар на полуострове – мусульманские комитеты – были нужны немцам прежде всего как инструмент оккупации, национальной политики или пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу крымско-татарского населения (и нетатарского тоже) в тех или иных целях. Еще одной стороной существования крымско-татарского национального движения было его незавидное положение «разменной монеты» в борьбе полномочий между властными структурами Германии. Естественно, что в такой ситуации все надежды крымско-татарских националистов на создание независимого государства и его атрибутов (парламент, правительство, армия и т. п.) оказались эфемерными. А некоторые из числа крымско-татарских коллаборационистов стали к концу 1943 г. понимать, что сотрудничество с нацистами было ошибкой [1].

Не будет преувеличением сказать, что до весны 1943 г. русское население Крыма подвергалось дискриминации. У него не было даже тех

небольших «привилегий», которыми обладали представители других этнических групп. Например, русским так и не позволили создать свой национальный комитет, они вытеснялись из местного самоуправления и экономики, особенно в сельской местности, и заменялись крымско-татарскими коллаборационистами [2].

Летом 1943 г. в немецкой национальной политике наметился определенный поворот, и было решено отойти от дискриминации русских. Это, в частности, выразилось в создании частей Русской освободительной армии (РОА). Единственный случай в истории Крыма 1941–1944 гг., когда немцы разрешили создать не просто наемнические коллаборационистские формирования, а армию с ярко выраженным политико-идеологическим лицом. В целом появление РОА на территории Крыма свидетельствовало о том, что пресловутый «русский вопрос» занял качественно иной уровень в немецкой оккупационной политике. И как следствие, это привело к значительным изменениям в сфере межнациональных отношений на полуострове. Особенно это касается русско-татарских взаимоотношений, которые с 1941 по 1943 г. значительно эволюционировали.

Естественно, менталитет русского населения за 20 лет советской власти очень изменился. А интернационалистское воспитание привело к тому, что обычный русский человек вряд ли воспринимал крымского татарина как своего этнического или религиозного врага. На это и рассчитывали немцы, когда планировали сделать крымских татар опорой своего оккупационного режима. Началось всё с заурядных экономических привилегий, которые, однако, распределялись по национальному признаку. Далее было создание национальных комитетов и помощь в религиозно-культурном возрождении. И, наконец, в январе – феврале 1942 г. крымские татары получили возможность иметь свои вооруженные формирования. Ничего этого, за редким исключением, русские не имели. Более того, по наблюдениям нацистов, русское население чувствовало себя подавленным [3].

А вскоре крымско-татарские коллаборационисты попытались перейти от слов к делу и претворить в жизнь свои планы национального строительства. Этому благоприятствовало два фактора. Во-первых, как уже было сказано выше, начали создаваться крымско-татарские коллаборационистские формирования, в обязанности которых, даже с формальной точки зрения, входила борьба с партизанами и поддерживающим их населением. Во-вторых, эти партизаны и это население, как правило, были либо славянами, либо симпатизировавшими им лицами других национальностей. Таким образом, даже просто выполняя немец-

кие приказы по борьбе с Сопротивлением, крымско-татарские коллаборационисты могли заниматься этническими чистками. Так, уже в ноябре 1941 г. после организации первых коллаборационистских отрядов, ходили слухи, что крымские татары собираются вырезать русские деревни, и даже кое-где уже это делают. Пока это делалось в тайне от оккупантов, так сказать в порядке частной инициативы. Однако уже зимой 1942 г. руководители бахчисарайского и алуштинского мусульманских комитетов обратились к немецким властям с предложением уничтожить всех русских. Известно, что немцы никак не отреагировали на это. Тем не менее, сам факт подобного обращения стал достоянием местного крымско-татарского населения, которое на свой страх и риск начало расправляться с русскими. Например, такие этнические чистки имели место в Бахчисарайском районе, а именно в деревнях Верхний Керменчик и Бия-Сала. Несмотря на то, что эти события так и не стали системой, не вызывать тревоги у русских они не могли [4].

Благосклонное поначалу отношение немцев к РОА показало крымско-татарским националистам, что с дискриминацией русских (в определенной степени) покончено. А немецкая национальная политика в Крыму выходит на новые позиции. Одной из таких позиций должно было стать сотрудничество между коллаборационистами из различных национальных групп, а не их противопоставление, как это имело место раньше. В связи с этим будет небезынтересно упомянуть тот факт, что в крымских частях РОА служили не только русские, но и крымские татары [5]. Однако колебания нацистской верхушки привели к тому, что в деле организации крымской РОА немцы остановились на полпути, явно испугавшись возникновения русской «третьей силы» на полуострове [6].

А. Розенберг очень высоко оценивал антикоммунистический потенциал украинцев. Более того, он даже планировал сделать Крым частью «Великой Украины». Такая позиция, казалось, должна была колоссально облегчить деятельность Организации украинских националистов (ОУН). Но на практике сложилось по-иному.

Следует признать, что из попыток бандеровского крыла ОУН проникнуть в Крым и распространить здесь свое влияние ничего не получилось. Это произошло по целому ряду причин. Так, сказала и плохая организация крымской группы ОУН и неподготовленность ее членов к работе среди крымчан. Доходило до того, что многие бандеровцы просто отказывались ехать на полуостров, понимая бесперспективность этого дела. Немецкий фактор также был весьма существенным. Нацистские спецслужбы уничтожили большую часть оуновцев еще до того, как они приступили к своей деятельности в Крыму. И, наконец, самый сущес-

твенный фактор – это элементарное равнодушие к идеям галицийского национализма и их носителям среди крымчан. Это равнодушие (или даже неприятие) красной нитью проходит через все донесения бандеровцев своему руководству [7].

Такая некоторая неблагонадежность украинских националистов в глазах оккупантов приводила к тому, что с ними мало кто хотел иметь дело из легальных коллаборационистов. Кроме того, для крымско-татарских или русских организаций они были конкурентами в борьбе за влияние на местное самоуправление или силовые структуры. Поэтому часто всё заканчивалось доносом в немецкие органы безопасности [8].

На контакты с украинскими националистами иногда шли те коллаборационисты, которые считали себя «третьей силой» между нацизмом и коммунизмом. Например, связи с ОУН пытались установить некоторые представители крымских татар. После того, как в 1943 г. в Крым просочились сведения о германизаторских планах нацистов, крымско-татарские националисты стали искать себе новых союзников. Часть из них, по словам самих бандеровцев, выступила за тесное сотрудничество с ОУН, вплоть до признания Крыма автономной частью будущей «сборной Украины». Однако эта позиция не нашла отклика у основной массы крымско-татарских националистов, которые делали ставку на поддержку со стороны Германии. По их мнению, отношения с ОУН на данном этапе войны могли только скомпрометировать национальное движение в глазах немецкого военно-политического руководства [9].

Все попытки «поднять украинство» в Крыму показывают, что нацисты лояльно относились только к тем его представителям, которые полностью признавали их верховенство и не «играли» в политику. Например, к полностью подконтрольному Украинскому национальному комитету, который появился летом 1942 г. [10].

Ближе к концу оккупации нацисты решили отойти от политики «разделяй и властвуй» и опереться на многонациональные коллаборационистские организации. В январе 1944 г. командующий войсками вермахта в Крыму генерал-полковник Э. Йенеке издал приказ, направленный на создание на полуострове местного правительства, куда должны были войти представители трех наиболее крупных национальных групп полуострова – русских, украинцев и крымских татар. Но этот замысел так и остался на бумаге. Его претворению в жизнь помешало начавшееся советское наступление [11].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что использование нацистами тех или иных коллаборационистских организаций было довольно действенным инструментом для регулирования межнациональных

отношений в оккупированном Крыму. Во-первых, они через эти организации влияли на конкретную этническую группу. При этом понижение или повышение статуса лиц или организаций, сотрудничавших с нацистами, свидетельствовало, кого в данный момент оккупанты планировали сделать опорой своего режима. В истории Крыма такое происходило дважды: с крымскими татарами (зима 1942 г. – лето 1943 г.) и русскими (лето – зима 1943 г.). Во-вторых, наделение привилегиями представителей одного этноса неминуемо вело к дискриминации других. В сфере использования коллаборационистов это могло проявляться по-разному: от каких-то экономических и культурных преимуществ до использования коллаборационистских формирований из представителей одного этноса против другого. В Крыму такая политика не приняла крайне формы типа этнических чисток. Однако это было не из-за того, что на полуострове была какая-то особенная «дружба народов». Просто разжигание полноценного этнического конфликта не входило в планы самих нацистов. В-третьих, быть врагом коммунистов еще не означало стать другом немцев. Их устраивала только полная лояльность. Именно на таких условиях они были готовы считать коллаборационистов легальными. Если же кто-то из последних пытался реализовать свой политический проект, то неминуемо следовало наказание. Оно могло быть разным: от понижения в статусе (например, крымские татары или русские) – до физического уничтожения (например, украинцы). Соответственно, и отношение к таким коллаборационистам со стороны других было предсказуемым – полный остракизм. Наконец, в-четвертых, следует отметить, что все два с половиной года оккупации нацисты фактически использовали политику «разделяй и властвуй», что в многонациональном Крыму было делать крайне удобно. Однако к концу 1943 г. такая политика показала свою полную несостоятельность, но поменять что-либо уже не получалось.

Примечания

1. Романько О.В. Крымско-татарское национальное движение: между Сталиным и Гитлером // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 522–523.

2. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies. London, 1957. P. 261.

3. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BArch). RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11. RH 20-11/433. Bl. 31–32.

4. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 62; Д. 38. Л. 87об.

5. Голос Крыма. 1943. № 75. 25 июня; № 84. 9 июля; № 90. 30 июля.
6. Романько О.В. Документы Госархива Республики Крым о власовском движении на территории Крымского полуострова в 1943–1944 гг. // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 55–56.
7. Реабилитированные историей. Автономная республика Крым / под ред. В.П. Антипенко и др.: в 7 кн. Симферополь, 2006. Кн. 2. С. 19.
8. Шанковський Л. Похідні групи ОУН. (Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр.). Мюнхен, 1958. С. 187.
9. Антонюк Я. Тризуб и Тамга: взаємини підпілля ОУН(б) і кримських татар // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії / під ред. В.А. Смолія. Київ, 2014. С. 460–461.
10. Реабилитированные историей. С. 18–19.
11. ВArch. RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20-17/257. Bl. 108–110rs.

Т.А. Еремеева

АЧИКУЛАКСКИЙ (НЕФТЕКУМСКИЙ) РАЙОН В ГОДЫ ОККУПАЦИИ

Нефтекумский район расположен в юго-восточной части Ставропольского края, и его территория составляет 3797 кв. км. Он граничит с Левокумским, Курским, Степновским, Будённовским районами и Республикой Дагестан. Нефтекумский район образован Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. В его состав вошли территории бывших Ачикулакского и Каясулинского районов.

Враг появился в Ачикулакском районе в августе 1942 г. Гитлеровское командование рассчитывало через юго-восточные районы Ставрополя выйти к моздокской и грозненской нефти. Путь противнику преградили остатки отряда майора Корнеева и бойцы Ростовского артиллерийского училища, отступившие из Будённовского района. Эти бои закончились не в пользу наших частей.

После занятия Моздока в этот район в начале октября 1942 г. с туапсинского направления был срочно переброшен 4-й гвардейский кавкорпус под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко с задачей выйти в тыл 1-й танковой армии противника и маневренными действи-

ями прикрыть железную дорогу Кизляр – Астрахань. В составе корпуса были 9-я, 10-я гвардейские и 30-я кавалерийские дивизии, усиленные двумя бронеполками. Общая численность бойцов составляла 12,5 тыс. человек.

В октябре – начале ноября 1942 г. корпус безуспешно пытался выбить противника из Ачикулака. О масштабах потерь корпуса свидетельствуют воспоминания жительницы Ачикулака, находившейся в 1943 г. в пос. Лебенталь: «Стрельба, взрывы. Я испугалась, что снова немцы придут, и залезла под кровать. В хату вбежал высокий красивый мужчина в военной форме, вытащил меня и говорит: “Девочка! Ты что такая пугливая? – Да, – всхлипывая, ответила она, – знали бы вы откуда я! – А откуда? – Из Ачикулака. Мужчина посуровел: Да будь проклят ваш Ачикулак, я там половину своих людей потерял”». Это был командир 4-го Кубанского корпуса генерал Кириченко [1]. Только в одном бою, 1–2 ноября 1942 г., дивизии 4-го корпуса потеряли под Ачикулаком около трех тысяч казаков. Но и противник нес немалые потери. По свидетельству Е. Юсуповой, жительницы Камыш-Буруна, осенью 1942 г. под Ачикулаком люди видели множество немецких могил с крестами [2].

Неудачи кавалерийских дивизий в Ачикулакском районе объясняются устаревшими данными разведки о численности противника. Немецко-фашистское командование, установив с помощью авиационной и наземной разведки выдвигание нашего 4-го кавалерийского корпуса, спешно перебросило сюда из Донбасса для обеспечения тыла и левого фланга 1-й танковой армии специально подготовленный к действиям в пустынных условиях корпус особого назначения «Ф» (корпус носил наименование «Ф» по первоначальной букве фамилии генерала Фельми, сформировавшего этот корпус в Греции). Корпус имел в своем составе 6 тыс. солдат и офицеров, 64 танка и 120 орудий и минометов. Под Ачикулаком корпус был усилен кавалерийским полком и батальоном 201-го танкового полка.

Кроме усиленной группировки противника, неудачи 4-го кавалерийского корпуса можно объяснить и другими обстоятельствами: отсутствием скрытного передвижения, несогласованностью действий казачьих дивизий и полков. Как вспоминал бывший командир первого эскадрона 42-го кавполка 10-й дивизии И.И. Сердцов, он со своим эскадроном выходил западнее Ачикулака, а восточнее села должна была начать бой 30-я кавдивизия, чтобы отвлечь силы противника на себя. Но последняя не вышла своевременно на исходный рубеж, не завязала бой. Утром противник обнаружил кавалеристов и с тыла двинул полтора десятка танков. Эскадрон Сердцова оказался в окружении, связь со

штабом 42-го кавполка была потеряна. Казаки оказались в голой степи в 15 м от окопов гитлеровцев. Сзади их теснили танки и автоматчики. Было решено штурмом взять окопы противника и закрепиться на окраине села. В бою дошло дело до рукопашной схватки. Эскадрон 10-й кавдивизии занял окопы и в течение дня выдержал 11 атак противника. Сам Сердцов был тяжело ранен. Командование взял на себя секретарь партбюро полка В.И. Берщадов. С особой теплотой и уважением вспоминают оставшиеся в живых воины эскадрона о девушках-санинструкторах. Мария Козлова и Ксения Кулибабова в бою были не только сестрами милосердия, но и храбрыми бойцами. В том бою 1 ноября погибла семнадцатилетняя девушка – санинструктор Мария Козлова. Она не только оказывала помощь раненым, но и из трофейного автомата успела уничтожить пять фашистов, в том числе и офицера. На долю оставшейся в живых, но раненой Ксении досталась двойная нагрузка, т. к. раненых бойцов было очень много. Когда у санинструктора закончился перевязочный материал, то она сняла с себя гимнастерку, порвала ее на куски и продолжала перевязывать. Глубокой ночью 2 ноября остатки эскадрона вышли из окружения и 3 ноября соединились с главными силами [3].

После нескольких неудачных попыток взять Ачикулак, 4-й гвардейский кавкорпус 3 ноября 1942 г. прекратил атаки и отошел в район сел Махмуд-Мектеб, Култоп. 7 ноября 1942 г. Кириченко отвел корпус еще восточнее, в район Черного Рынка, с целью прикрыть стратегически важную железную дорогу Кизляр – Астрахань. Кроме Ачикулака, тяжелые бои велись в районе Камыш-Буруна и Урожайного. Аул Камыш-Бурун советские войска пытались освободить от немцев в середине октября 1942 г. Бои велись на восточной и западной окраинах поселения. Немецкая танковая группировка (23–24 танка) находилась в центре поселка, недалеко от школы № 1. На танках была видна эмблема корпуса «Ф» – пальма на фоне восходящего солнца. Растревоженные нашей артиллерией, танки врага двумя колоннами двинулась к роще на западной окраине аула, где находились артиллерийские расчеты. Немецким танкам преградил путь полуэскадрон казаков-гвардейцев из 30-го кавполка, выдвинутых на передовой рубеж. Бой шел в голой степи с неглубокой оросительной канавой. Часть танков была подбита выстрелами из ПТР, часть – противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. В результате неравного боя 17 бойцов подбили 11 из 23 немецких танков, 14 наших воинов погибли, а трое были тяжело ранены. Фашисты в бессильной злобе переехали танками трупы погибших героев. Среди погибших оказался сын полка – 14-летний Леонид Синолицын. Казаки-гвардейцы, защищая пути продвижения немцев к грозненской нефти, проявляли мужество и

героизм. Об этом свидетельствует запись в дневнике немецкого командира саперной роты лейтенанта Хетцеля: «Против нас действуют кубанские и донские казаки. Казаков не возьмешь ничем. Они бросаются на наши танки и жгут их... Вчера мы атаковали их, но, несмотря на то что казаков было меньше, они не отступали ни на шаг» [4].

В боях за село Урожайное (в 10 км от Камыш-Буруна) участвовала 9-я гвардейская Кубанская казачья кавалерийская дивизия. 15 октября бой шел целый день. С наступлением темноты противник отступил в сторону Левокумки. 9-я кавдивизия вошла в освобожденное село и стала основательно укреплять оборону. 17 октября со стороны Ачикулака подошла большая группа немецких танков и мотопехоты. Самой жаркой точкой в бою за Урожайное был мост через Куму, где немцы потеряли 10 танков и много солдат убитыми. Потери казаков – 40 убитыми и 126 ранеными. Против корпуса «Ф» в Ачикулакском районе сражался также Ставропольский партизанский полк под командованием А.Г. Однокозова. Перед войной он был первым секретарем Благодарненского райкома партии. Уроженец села Архангельское Будённовского района Однокозов погиб в бою за Владимировку 15 октября 1942 г. В начале ноября 1942 г. партизаны под Ачикулаком своими активными действиями помогали бойцам 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса овладеть селом. За два дня боев они отбили четыре танковые атаки. Враг потерял пять танков, две бронемашины и более 60 солдат и офицеров. Смертью храбрых погибли в этом бою партизаны М. Ашихмин, Н. Бахтин, Таня Пасюк. И лишь когда немцы направили на помощь Ачикулакскому гарнизону два гранатерских полка, партизанам пришлось оставить село.

Свято чтут на Нефтекумье память о юной партизанке Анне Шилиной. Анна Михайловна Шилина родилась в 1924 г. в трудолюбивой семье, где было четверо детей. Мать Ани в 1934 г. была выдвинута первой из женщин на Ставрополье председателем колхоза и проработала им до 1942 г. Поскольку мать и отец с темноты до темноты были на работе, то всё ведение домашнего хозяйства легло на плечи Оли и Ани. Аня в школе была пионервожатой, вступила в комсомол, участвовала в сдаче норм ГТО. В старших классах участвовала в спектаклях. В 1941 г. заменяет на посту ушедшего на фронт секретаря Ачикулакского РК ВЛКСМ. В 1942 г. Анна Шилина входила в состав партизанского отряда «Иван», который вместе с 10-й кавалерийской дивизией вели бои за село Урожайное. В ночь на 25 октября 1942 г. она с группой партизан ушла в разведку, чтобы узнать о численности гарнизона и расположении огневых точек противника. В ходе разведки боем партизаны не заметили, что немцы обошли их и окружили. В бою Аня Шилина была сражена пулей. Дружья-

партизаны похоронили ее во дворе Камыш-Буруновской школы, возле пруда. Сведения, добытые в ходе разведки боем, были переданы в штаб 10-й гвардейской кавдивизии и послужили основой для артудара по огневым точкам села Урожайного. За боевой подвиг Аня Шилина была награждена (посмертно) орденом Отечественной войны 1-й степени [5].

В связи с поражением под Сталинградом и большими потерями на кавказском направлении немецко-фашистское командование 1 января 1943 г. начало отвод своих войск с Северного Кавказа. 11 января 1943 г. части 414-й стрелковой дивизии 44-й армии освободили Ачикулак. Через неделю был освобожден полностью весь район. Таким образом, в оккупации район находился около шести месяцев. За месяцы оккупации часть жителей района была убита, другая угнана в Германию, уничтожено имущество граждан, а птица, скот, лошади и овцы съедены немецкой армией. 2 ноября 1942 г. поселение Камыш-Бурун было сожжено, перед этим жителей под конвоем полицаев заставили уйти во Владимировку, где их продержали на колхозном дворе около четырех суток. Велась усиленная агитация ехать в Германию.

За период пятимесячной оккупации Ставропольского края немецко-фашистские захватчики уничтожили около 32 тыс. советских мирных граждан. Из них почти 25 тыс. евреев и 660 душевнобольных [6]. Людей расстреливали, вешали, сжигали в домах, бросали живьем в яму с известью. Перед смертью многих подвергали пыткам и издевательствам. В районе села Ачикулак и аула Ямангой были массовые убийства евреев. В селе Ачикулак целые улицы были заселены евреями-беженцами. По воспоминаниям очевидцев, в сентябре 1942 г. было убито от 350 до 500 евреев [7]. На расстрел их выводили группами за пределы Ачикулака под предлогом рытья окопов, а в действительности для рытья своих могил. На месте массового расстрела земля в течение трех дней «дышала», но фашисты не пускали туда жителей села. После войны место гибели еврейского населения за Ачикулаком было огорожено сеткой, стояли скамейки, были посажены цветы. Это все делалось родственниками погибших. Но впоследствии место захоронения пришло в запустение. К 70-летию Победы группа активистов Нефтекумского района (Леонтий Кисилев, И.И. Киц, Т.В. Юхненко) побывали на месте трагедии и предложили установить памятник жертвам фашистского геноцида. Побывавший в мае 2015 г. в Ачикулакском районе губернатор Ставропольского края поддержал инициативу установки мемориала в память о погибших ни в чем не повинных людях.

Стоимость ущерба от фашистской оккупации, причиненного гражданам Ачикулакского района, составила 4 млн 938 тыс. 612 руб. [8].

В 4-м Гвардейском Кубанском казачьем кавалерийском корпусе выпускалась газета «Казак-гвардеец». В ней было опубликовано несколько статей об истреблении населения Ачикулакского района фашистскими войсками и полицией. Так, в Камыш-Буруне во время оккупации было развешено «Воззвание» на немецком, русском и украинском языках, где в частности было напечатано: «Населению городов и деревень вообще запрещено находиться вне дома от вечерних сумерек до рассвета. Все женщины должны оставаться на своем постоянном месте жительства. Рабочие, служащие и чиновники... должны быть наготове и по велению германского правления вновь начать работу» [9]. Далее в воззвании говорилось о том, что ждет тех, кто не будет выполнять распоряжения новых властей. Не выйдет человек на работу – 25 розг. Второй раз не выйдет – расстрел. Житель села Урожайное, Батык Кирилл Григорьевич, подробно рассказал корреспонденту газеты о «новых порядках» гитлеровских захватчиков: «Сразу согнали людей на сход. Показали всем назначенного старосту, из проходимцев. Сказали, что он представитель власти германского командования. За непослушание его – расстрел. Помощники старосты – полиция тоже не лучше. Они из кулаков и ранее судимых советской властью. Тут же на сходе объявили первую подать господам. С каждого двора – по 10 яиц, по 20 кг белого хлеба, по 2 куры или гусь, 3 литра молока, 1 кг масла. Кто не внес эту дань в срок – наказание розгами, а за вторичное невыполнение разверстки – каторжные работы. Налоги установили за всё: за хату, за каждую животинку и даже за собак» [10].

В период оккупации Нефтекумского района погибли и пропали без вести 39 местных жителей и до 500 евреев [11]. В районе свято чтят память погибших в годы Великой Отечественной войны. В центре Нефтекумска есть площадь Памяти. 6 мая 1975 г. здесь был открыт монумент Вечной Славы землякам, погибшим в боях за Родину. Монумент представляет собой 11 обелисков, устремленных ввысь, в память о погибших воинах 11 сельских и поселковых советов нынешнего Нефтекумского района. Названия последних высечены на постаментах и тут же – имена жителей каждого поселения, не вернувшихся с полей сражений Великой Отечественной войны. В центре монумента возвышаются два воина, олицетворяющие образы погибших земляков (русский и ногаец). У подножия зажжен Вечный огонь, доставленный из Мамаева кургана г. Волгограда, а кругом стоят гильзы с землей братских могил из городов-героев и Трептов-парка в Берлине. До возведения и открытия в 1975 г. монумента в Нефтекумске были установлены временные обелиски. В частности, в мае 1959 г. в городской парк перезахоронили останки неизвестного сол-

дата из соснового бора у Ачикулака. В дальнейшем установили имя погибшего – Шани Давидович Ахвердиев. Погиб в 1942 г.

В западной части г. Нефтекумска установлен еще один памятник погибшим воинам и партизанам, сражавшимся возле Камыш-Буруна и Ачикулака. В одном из скверов города в 1979 г. на постаменте установлена пушка – дань уважения воинам 4-го Гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, который освободил Нефтекумский район от фашистских захватчиков. Обелиски, памятники погибшим воинам и жителям района находятся и в других поселениях – Озек-Суате, Затеречном, Камыш-Буруне, Бияш, Кара-Тюбе, Ачикулаке, Новкусе-Артезиане, Каясуле, Уллуби-Юрте, Махмед-Мектебе, Тукуй-Мектебе, Абрам-Тюбе, под селом Урожайное.

Большое количество памятников установлено в Ачикулаке, где погибло ориентировочно более 3 тыс. казаков (цифра до конца не уточнена). Первые братские могилы появились в Ачикулаке и его окрестностях в январе и феврале 1943 г. В них похоронили останки погибших казаков. Через 20 лет в центре села, на месте захоронения 420 погибших воинов, 9 мая 1963 г. был открыт памятник с пьедесталом. На нем – фигура солдата и скорбящей матери, а на плитах – фамилии 150 воинов. Имена остальных 270 человек не установлены. Еще 83 человека были похоронены местными жителями после войны на юго-западной окраине села. Здесь в 1948 г. был установлен обелиск. Обелиски и памятники также установлены на улицах Спортивной, Червонной, Совхозной. К 70-летию Победы памятники и обелиски села Ачикулак были приведены в порядок, а некоторые прошли реконструкцию. На улице Червонной отремонтировали памятник за счет средств агрофирмы «КИЦ» [12].

В годы советской власти группа ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса несколько раз обращалась к местной администрации с просьбой о том, чтобы увековечить память погибших казаков под Ачикулаком, а место, где будет стоять памятник, назвать «Казачьим полем». Лишь 13 февраля 1990 г. исполком районного Совета народных депутатов Нефтекумского района принял решение «О создании мемориала “Казачье поле”». Был создан оргкомитет в составе 15 человек, открыт счет на строительство мемориала в Нефтекумском отделении госбанка. Оргкомитетом определено место памятника и расположение «Казачьего поля» (справа от дороги, ведущей к селу Ачикулак). Открытие мемориала состоялось 1 ноября 1995 г., в день боя под Ачикулаком [13].

В память о казаках-гвардейцах в Камыш-Буруне названы две улицы: в честь командира эскадрона И.И. Еременко и политрука Н.И. Орехова. В центре Ачикулака в братской могиле захоронены более 400 каза-

ков-гвардейцев и партизан. В 1945 г. было проведено перезахоронение останков воинов Красной армии, летчиков и партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории села Каясула. В начале останки 33 воинов похоронили во дворе старой школы, установили обелиск из кирпича, место обнесли штакетником. В мае 1975 г. останки воинов поместили в саркофаг и перенесли на новое место – у здания администрации Каясулинского сельсовета. Над братской могилой построены стела и надгробия. Из Волгограда был доставлен факел с огнем с Мамаева Кургана и зажжен Вечный огонь. Следопытам удалось узнать лишь 12 фамилий погибших из 33. К 40-летию Победы возникла идея воздвигнуть Мемориал Славы всем землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Строительство мемориального комплекса на территории центрального парка с. Каясула началось в 1985 г. и полностью закончилось в 1988 г. Финансирование производило ОПХ «Каясулинское», которое возглавлял почетный гражданин Нефтекумского района Ю.И. Никитин. В хуторе Андрей-Курган установлен памятник 27 воинам, погибшим 14 октября 1942 г. Первый памятник был установлен над братской могилой в 1950 г. Реконструкция произведена в 1977 г.

198 жителей с. Кара-Тюбе не вернулись с Великой Отечественной войны. В честь их памяти красные следопыты высадили в парке села аллею из 198 елей и берез и оказали большую помощь в создании Книги Памяти. В центре села есть мемориальный комплекс воинам, погибшим под селом в 1942 г. В ауле Ямангой в братской могиле похоронены тела 60 воинов. По медальонам и гильзам с записями удалось узнать фамилии 41 человека. На месте братской могилы установлен обелиск, а рядом – плиты-надгробия с фамилиями погибших. Таким образом, большая часть сведений о военных действиях в Ачикулакском (Нефтекумском) районе была собрана поисковыми отрядами, следопытами учебных заведений, работниками музеев в 1950–1980-е гг. Тогда же по крупицам собирались устные и письменные рассказы очевидцев событий из местных жителей. Была проделана большая работа по установлению фамилий погибших в братских могилах, воздвигнуты памятники, обелиски, мемориальные комплексы. Установлена связь с родственниками.

В последние 25 лет шел процесс реставрации памятных мест, пополнялся фонд экспонатов в районных музеях, совершенствовалась патриотическая работа с молодежью.

Примечания

1. Наша Победа и наша память. К истории Нефтекумского района. Элиста, 2015. С. 325.

2. Кудинов П.Н. Нефтекумск. Ставрополь, 2004. С. 117.
3. Наша Победа и наша память. С. 119, 122.
4. Кудинов П.Н. Указ. соч. С. 107–108.
5. Там же. С. 113.
6. Наша Победа и наша память. С. 350.
7. Там же. С. 350.
8. Там же. С. 358.
9. Там же. С. 380.
10. Там же.
11. Там же. С. 350, 405–407.
12. Там же. С. 157.
13. Там же. С. 216.

И.В. Киселев

ПЕРЕЛОМНЫЙ ДЕСАНТ. ЮЖНО-ОЗЕРЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1943 г.

В истории Великой Отечественной войны, ставшей самым масштабным конфликтом XX века, 1943 год традиционно считается переломным периодом. Инициатива не просто переходит к советским войскам – она была буквально вырвана Красной армией из рук вермахта ценой огромных усилий и немалых потерь. Одновременно меняются характер и размах боевых действий. Частным, но очень показательным примером этих изменений стала Южно-Озерейская десантная операция, состоявшаяся в ходе освобождения Северного Кавказа.

В советский период историографии десант в Южной Озерейке рассматривался как неудачный пролог успешного десанта на Малой земле, что препятствовало его всестороннему изучению. Во многом этот пробыл удалось восполнить Т.И. Юриной, посвятившей свою монографию Новороссийскому сражению [1]. В рамках своих исследований Южно-Озерейская операция анализировалась В.И. Жуматием [2], М.Э. Морозовым и А.Я. Кузнецовым [3]. Наконец, среди публикаций новороссийских краеведов стоит выделить работы Р.В. Талдыкина, в которых он, основываясь на архивных материалах, привел ранее неизвестные сведения об участии в операции танкистов и парашютистов [4].

В последние годы появилась возможность дополнить представления о Южно-Озерейской десантной операции, используя материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, в том числе представленные на сайте «Память народа». Наряду с ними более доступными стали немецкие оперативные документы, хранящиеся в **Национальном управлении** архивов и документации США (National Archives and Records Administration). А значит, можно более объективно оценить результаты десанта в Южной Озерейке и его последствия для последующих операций такого же рода на Чёрном море.

В отличие от осуществлявшихся зимой 1941–1942 гг. десантов в Крыму, операция в Южной Озерейке готовилась загодя, с привлечением подготовленных соединений морской пехоты и с учетом накопленного боевого опыта. Замысел высадки десанта в районе Новороссийска родился еще в сентябре 1942 г., но конкретные очертания он стал обретать в конце года. В соответствии с директивой командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева от 26 ноября 1942 г. штаб Черноморского флота разработал план десантной операции, которой предстояло стать одним из компонентов наступательной операции 47-й армии Черноморской группы войск «Море». Ее целью являлось освобождение Новороссийска, а затем и Таманского полуострова.

При планировании и подготовке десанта командование флота решало несколько задач. Силами надводных и подводных кораблей, авиации и диверсионных групп активно велась разведка побережья западнее Новороссийска. В результате в качестве основного места высадки была определена Южная Озерейка. Вместе с тем возникла идея высадить вспомогательный десант в новороссийском предместье Станичке, а в районе Широкой Щели, Сукко и м. Железный Рог провести демонстрацию десанта.

Приступить к подготовке войск удалось в начале декабря 1942 г. Бригады морской пехоты были выведены с фронта из-под Туапсе и успели провести пять дневных и четыре ночных учения. Отрабатывалась погрузка десанта на корабли и суда, высадка на необорудованное побережье, взаимодействие между различными родами войск. В середине января 1943 г. из резерва Закавказского фронта прибыл танковый батальон. Для восполнения некомплекта личного состава, который в 83-й и 255-й бригадах достигал почти трети их численности – 1585 и 1412 человек соответственно – прибыли новобранцы, преимущественно из республик Закавказья. Особое внимание уделялось подготовке связи, навигационному и метеорологическому обеспечению, ремонту и техническому усовершенствованию транспортных судов и высадочных средств. Были

подготовлены два разборных причала для последующей установки на месте высадки. На самом высоком уровне проводилась пропагандистская работа, перед десантниками выступили начальник Главного политического управления Военно-Морского флота И.В. Рогов и член Военного Совета Закавказского фронта Л.М. Каганович [5].

Первоначально И.В. Тюленев потребовал от командующего Черноморским флотом Ф.С. Октябрьского подготовить операцию уже к середине декабря 1942 г. В последующем ее сроки несколько раз сдвигались из-за переноса времени наступления Черноморской группы войск Закавказского фронта. Несколько изменился состав сил, задействованных в подготовке десанта. В конечном варианте план операции в Южной Озерейке выглядел следующим образом.

1-й эшелон десанта планировалось доставить из Геленджика силами отряда корабельной поддержки, состоявшего из эсминцев «Железняков» и «Незаможник», трех канонерских лодок и четырех сторожевых катеров, а также отряда высадочных средств в составе трех базовых тральщиков, двух тральщиков, шести сторожевых катеров, двух буксиров, пяти сейнеров, шести баркасов и трех болиндеров. Болиндеры представляли собой несамоходные баржи, их буксировка вызывала немало трудностей. Но у Черноморского флота не имелось других плавсредств, способных высадить на необорудованное побережье танки и превратить во временные пристани для 2-го эшелона. Для его переброски из Туапсе предназначались два тральщика и один военный транспорт из числа мобилизованных судов гражданского флота под охраной двух базовых тральщиков и шести сторожевых катеров. На отряд прикрытия, в который вошли крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Сообразительный», возлагалась задача по обстрелу района высадки. Эсминец «Бойкий», четыре торпедных и четыре сторожевых катера должны были провести демонстрацию высадки. Еще десять катеров выделялись для вспомогательного десанта. Всего к операции привлекалось 21 боевой корабль, 33 катера, 18 вспомогательных и транспортных судов. Общее руководство ими с флагманского командного пункта осуществлял вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, отряд прикрытия возглавлял вице-адмирал Л.А. Владимирский, отряд высадки – контр-адмирал Н.Е. Басистый [6].

Для авиационного обеспечения выделялось 137 самолетов морской авиации и 30 самолетов 5-й воздушной армии. В ночь проведения операции они должны были корректировать огонь корабельной артиллерии и нанести бомбовые удары на широком участке побережья – от Новороссийска до Анапы. В последующие дни ударами с воздуха планировалось

поддержать наступление десантников и помешать подходу немецких резервов. Кроме того, на авиацию возлагалась выброска в районе Глебовки парашютно-десантной роты ВВС Черноморского флота численностью 80 человек. Перед нею ставилась задача разгромить румынский штаб в Васильевке и вести диверсионную работу в ближайшем тылу противника.

Высадка 1-го эшелона (255-я бригада морской пехоты, отдельный пулеметный и 563-й отдельный танковый батальоны, 613-я штрафная рота) была назначена в ночь на 4 февраля. 2-й эшелон (83-я морская и 165-я стрелковые бригады, 29-й истребительно-противотанковый артиллерийский и 31-й парашютно-десантный полки) должен был высадиться в течение последующих суток. Основные силы десанта, насчитывавшие 16 тыс. человек, возглавлял полковник Д.В. Гордеев и сформированный незадолго до операции корпусной штаб. Их ближайшей задачей был захват плацдарма в Южной Озерейке и прорыв на 8–9 км в глубину, к высотам северо-восточнее Васильевки [7]. Одновременно с 1-м эшелоном вспомогательный десант майора Ц.Л. Куникова (сводный батальон морской пехоты и пулеметный батальон Новороссийской военно-морской базы численностью 870 человек) должен был захватить Станичку и отвлечь силы противника от основного десанта.

Последующей задачей группы Д.В. Гордеева являлось наступление в направлении Новороссийска и перевал Волчьих Ворота с целью окружения и разгрома новороссийской группировки врага совместно с войсками 47-й армии. Успех ее наступления являлся важнейшим условием начала десантной операции, так как весь замысел высадки строился на том, что силы немецко-румынских войск будут скованы и десантники не встретят серьезного сопротивления после преодоления береговой обороны. Быстрое соединение с основными силами Красной Армии являлось для десантной группы войск жизненно необходимым. Создавать какой-либо специальной базы снабжения для нее не предполагалось, так как десант должен был через несколько суток боев оказаться на довольствии 47-й армии.

Но неоднократные попытки 47-й армии прорвать немецкую оборону потерпели неудачу, и командующий фронтом отдал приказ о высадке десанта, не дождавшись успеха на суше. По-видимому, И.В. Тюленев рассчитывал, что десант станет тем ударом, который переломит ситуацию в пользу Красной армии [8].

Район Новороссийска обороняли 73-я немецкая и 10-я румынская пехотные дивизии под общим командованием командира немецкой дивизии генерал-майора Р. Бюнау, а также подразделения германской

береговой артиллерии. В окрестностях Южной Озерейки располагались 789-й артиллерийский дивизион немцев и 38-й пехотный полк румын [9].

Десант вышел в море 3 февраля 1943 г., но из-за усиления ветра и волнения моря отряд высадки стал отставать от графика. Поэтому Н.Е. Басистый перенес время десантирования и артиллерийской поддержки на полтора часа. Однако согласно приказу Ф.С. Октябрьского, авиация, демонстративные отряды и парашютисты начали действовать по плану, в 01:00 4 февраля. Спустя полтора часа приступил к артподготовке отряд прикрытия вице-адмирала Л.А. Владимирского. И только в 03:45 началась высадка десанта. Штурмовой отряд сразу же столкнулся с сильным сопротивлением врага, его артиллерия подожгла все три болиндера с танками на борту, потопила буксир, два сейнера и три баркаса, а также сторожевой катер СКА-051 с командиром отряда высадочных средств капитаном 3 ранга А.П. Ивановым на борту. Канонерки вообще не пробились к берегу сквозь огонь врага и сумели приступить к высадке десанта западнее намеченного места, у г. Абрау-Дюрсо. Но донесение командира дивизиона канонерских лодок капитана 1-го ранга Г.А. Бутакова об этом успехе своевременно не дошло Н.Е. Басистому. Утром 4 февраля тот, не имея связи с десантниками, принял решение отказаться от высадки войск и вернуть корабли в базы.

Тем не менее у Южной Озерейки сумели высадиться 142-й и часть сил 14-го батальона морской пехоты. Их первоначальная численность вместе с танкистами 563-го батальона составляла 1427 человек, но часть из них погибла или утонула, даже не вступив в бой. На берег удалось выгрузить 13 легких танков МЗ «Стюарт» с двух болиндеров. Еще семь «Стюартов» из них заглохли из-за попадания воды в моторные отсеки, а третий болиндер так и остался не разгруженным. В ходе боя десантники разделились на два отряда. Первый из них, численностью около роты с семью танками, прорвался вглубь обороны противника и атаковал южную окраину Глебовки. Затем часть отряда развернулась в обратном направлении и попыталась пробиться в Южную Озерейку. К вечеру 4 февраля морские пехотинцы и танкисты оказались отрезаны от берега и ночью пошли на прорыв в направлении Станички.

Остальные силы десанта сумели закрепиться на окраине Южной Озерейки, их возглавил командир 142-го батальона капитан 3-го ранга О.И. Кузьмин. Но десантники не сумели установить контроль над участком высадки и господствовавшими над ним высотами. Связь с «большой землей» у них отсутствовала. Поэтому, когда вечером 4 февраля к берегу подошли два советских сторожевых катера, они были обстреляны артиллерией немцев. После чего И.В. Тюленев и Ф.С. Октябрьский

сошлись во мнении о том, что необходимо высаживать основные силы десанта в Станичке, где обозначился успех вспомогательного отряда майора Ц.Л. Куникова. Остававшимся в окрестностях Южной Озерейки советским бойцам и командирам самолетами были сброшены листовки, содержащие указание пробиваться в Станичку.

К исходу 4 февраля в район высадки были переброшены немецкие резервы – 1-й батальон 228-го пехотного полка 101-й егерской дивизии, 1-й батальон 93-го пехотного полка 13-й танковой дивизии, подразделения полевой, противотанковой и зенитной артиллерии. В течение 5–6 февраля около Южной Озерейки шли тяжелые бои. К утру 7 февраля понесший потери и израсходовавший боеприпасы советский отряд оказался рассеян [10]. За последующие двое суток к Станичке пробилось 174 человека, еще около полусотни бойцов и командиров вышли на плацдарм у Мысхако в течение трех недель [11]. 25 десантников встретились в горах с партизанами и разведчиками флота и были эвакуированы морем в Геленджик. 542 участника высадки в Южной Озерейке, включая О.И. Кузьмина, попали в плен, остальные погибли в бою или утонули при высадке.

Не выполнили всех своих задач и советские парашютисты. Один из четырех транспортных самолетов не сумел произвести десантирование, в результате вместо 80 человек высадились 57. Во время приземления погиб командир отряда лейтенант П.М. Соловьев. На земле парашютисты действовали в составе двух больших и нескольких малых групп. Атаковать Глебовку они не решились и перешли к ведению диверсий и разведки, а получив сведения о поражении морского десанта, стали прорываться к своим. Вернуться живыми из-за линии фронта посчастливилось 28 парашютистам.

Попытки разобраться в причинах неудачного исхода Южно-Озерейской операции были предприняты уже в 1943 г.: «...1) Недостаточная разведка противника в районах высадки десанта... 2) Немцы знали о готовящейся высадке морского десанта, об этом командование ЧГВ предупреждала Москва, однако это не было учтено при проведении операции. Не был предусмотрен запасной район высадки десанта... 3) Штаб высадки, в частности командир высадки контр-адмирал Басистый... растерявшись, потерял управление боевыми судами... 4) Командир десантной группы полковник Гордеев со своим штабом также не проявил настойчивости» [12].

Данные выводы, слово в слово, воспроизвел в своих воспоминаниях И.В. Тюленев [13]. Только не упомянул командующий фронтом, что приказ о высадке десанта отдал именно он, не дожидаясь успеха наступ-

ления 47-й армии под Новороссийском. Зато на последствия этого решения обратил внимание Н.Е. Басистый: «Сухопутные войска оборону неприятеля не пробили, и гитлеровцы получили возможность сосредоточить против десанта все свои усилия» [14]. Обратил он внимание и на отсутствие специальных десантных средств, из-за чего пришлось использовать самые разнообразные корабли, суда и катера. Именно это, а не штормовая погода, задержало движение 1-го эшелона к месту высадки и повлекло за собой нарушение всего графика операции. Кроме того, Н.Е. Басистый отметил сложность такого вида боевых действий, как десантная операция.

Более глубокий анализ развития событий во время высадки у Южной Озерейки показал, что, вопреки первоначальной оценке, неэффективной оказалась артиллерийская подготовка. Настильный огонь корабельных орудий в принципе не мог обеспечить уверенного поражения целей в складках горной местности. А отсутствие самолетов-корректировщиков, выполнявших полеты по первоначальному плану и возвратившихся на аэродромы до начала артобстрела, привело к тому, что стрельба велась по площадям. С учетом допущенных при расчете местоположения кораблей ошибок стрельба не могла принести ощутимой пользы. Результатом усилий двух крейсеров, лидера и двух эсминцев, выпустивших за час по берегу более 2 тыс. снарядов, стало частичное разрушение заграждений на пляже и уничтожение лишь одной полевой батареи.

В этой связи можно говорить и об окончательной утрате внезапности десантной операции. Но усиленная разведка побережья советской стороной заставила противника заранее позаботиться об усилении противодесантной обороны. Немецкие самолеты-разведчики не могли не обнаружить оживление в Геленджикской бухте. Все это говорит о том, что высадка десанта ожидалась противником.

Итоги Южно-Озерейской операции напрямую повлияли на судьбу Ф.С. Октябрьского. 13 апреля 1943 г. постановлением Государственного комитета обороны он был снят с должности командующего Черноморским флотом, его сменил вице-адмирал Л.А. Владимирский. Существенно изменились подходы к организации десантов. В них перестали использоваться артиллерийские корабли основных классов. Теперь основная нагрузка легла на легкие силы флота. Заметно возросла роль авиации как ударной силы флота. Морская пехота сохранила за собой авангардную роль в последующих десантах, но истощение людских ресурсов флота привело к ограничению ее численности и широкому участию в десантных операциях армейских подразделений. Советскому командованию теперь нельзя было рассчитывать на внезапность или отсутствие

противодесантной обороны у противника, как это было зимой 1941–1942 гг.

В числе качественных изменений, которые наметились в организации и проведении морских десантов на Черном море в 1943–1944 гг., стоит отметить повышенное внимание к вопросам взаимодействия различных родов войск, ведению разведки и метеорологических наблюдений, боевой и морально-психологической подготовки войск, обеспечению работы связи и тыла. В этом, пожалуй, и заключается то позитивное значение, которое имел для Красной армии и Черноморского флота неудачный Южно-Озерейский десант. Остается лишь сожалеть, что платой за это стали многие человеческие жизни и сорванные планы по скорейшему освобождению Новороссийска.

Примечания

1. Юрина Т.И. Новороссийское противостояние: 1942–1943 гг. Краснодар, 2008. С. 186–227.

2. Жуматий В.И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918–1945. М., 2011. С. 186–227.

3. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М., 2015. С. 190–197.

4. Талдыкин Р.В. «Шагнувшие с небес...» (участие парашютно-десантной роты ВВС Черноморского флота в Южно-Озерейской десантной операции) // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 8. Новороссийск, 2013. С. 264–274; Его же. Пропавший без вести батальон (участие 563-го отдельного танкового батальона в Южно-Озерейской десантной операции) // Народ. Война. Победа. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новороссийск, 2015. С. 165–171.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 51, Оп. 932. Д. 282. Л. 13, 32, 33.

6. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. СПб., 2005. С. 258–259.

7. ЦАМО РФ. Ф. 2055. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

8. Там же. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 478. Л. 18.

9. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005. С. 384.

10. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 311. R. 152. Fr. 200769, 200787, 200797.

11. Там же. Ф. 276. Оп. 811. Д. 189. Л. 237.

12. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 503. Л. 76–76об.
13. Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007. С. 358–359.
14. Басистый Н.Е. Море и берег. М., 1970. С. 203.

С.Я. Суций

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА¹

Немалая часть представителей западного экспертного сообщества и СМИ, не говоря уже о политиках, убеждена в том, что распад Советского Союза был мирным процессом. В подобной точке зрения есть определенная доля истины. Действительно, демонтаж гигантского государства мог обернуться огромными человеческими жертвами и разрушениями. Достаточно вспомнить, как тяжело и кроваво распадалась на порядок меньшая по своим размерам Югославия.

Тем не менее конец существования СССР также сопровождался резким обострением старых и появлением множества новых конфликтов, число которых выросло в первые постсоветские годы, когда процесс распада перекинулся уже на вновь образованные государства. Причем именно прилегающее к Югу России Закавказье, а также непосредственно российский Северный Кавказ стали ареной наиболее острых и кровопролитных столкновений. Соответственно максимальными были и демографические потери населения южного макрорегиона. Их детальное изучение несопоставимо с размером данной публикации, и поэтому мы вынужденно ограничимся предельно укрупненным анализом этой темы.

Первый постсоветский год (1992-й) был связан с тремя вооруженными конфликтами, так или иначе связанными с Югом России. В два из них была вовлечена Северная Осетия – Алания. Один локализовался в пределах Южной Осетии, осетинское население которой с конца 1989 г. находилось в жестком противостоянии с властями и националистичес-

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (2017–2019 гг.).

кими движениями Грузии. С 1991 г. это противостояние переросло в вооруженное противоборство, с различной интенсивностью длившееся до заключения Дагомысского соглашения (24 июня 1992 г.)

В течение боевых действий, затянувшихся на полтора года, осетинская сторона потеряла убитыми и пропавшими без вести порядка 1,1 тыс. убитых, еще около 2,5 тыс. человек было ранено [1]. Однако точной статистики жертв нет, и речь идет о весьма приблизительной оценке. Надо учесть и то, что непосредственно на постсоветский период (первая половина 1992 г.) пришлось только часть этих потерь. К тому же максимальным образом в конфликт было вовлечено население непосредственно самой Южной Осетии, формально не входившей в состав России и ее южного макрорегиона. Впрочем, в данный период два осетинских социума демонстрировали предельно высокий уровень взаимодействия. И именно участие добровольцев из российской Северной Осетии позволило устоять Юго-Осетинской автономии в противостоянии с имевшей 60/70-кратный демографический перевес Грузией. Тем самым есть основания полагать, что боевые потери северо- и южноосетинских ополченцев могли быть количественно сопоставимы (при некотором перевесе вторых).

Учитывая, что помимо расстрела 33–36 осетинских беженцев на Зарской дороге (20 мая 1992 г.) и убийства 12 осетин у с. Ередви (18 марта 1991 г.) резонансных случаев массовых расправ над гражданским населением не было [2], основная часть потерь мирного населения приходилась на множественные «единичные» жертвы, связанные с обстрелами и нахождением гражданских лиц в зоне боестолкновений. В общей сложности такие потери могли составить несколько сот человек, т.е. примерно треть от общего числа жертв конфликта. Если потери североосетинских ополченцев в 1991–1992 гг. могли составить порядка 150–300 человек, то непосредственно к 1992 г. было 70–150 погибших.

На 1992-й год приходится и резкая эскалация осетино-ингушского противостояния, в конце октября этого года перешедшая в фазу активных боевых столкновений в Пригородном районе Северной Осетии, получивших название «пятидневной войны», в ходе которой погибло порядка 580–610 человек и более 260 пропало без вести (подавляющее большинство из них также можно отнести к безвозвратным потерям). При этом, совпадая в общей количественной оценке потерь, различные источники не сходятся в определении численности жертв у основных сторон конфликта: по ингушам диапазон оценок – 309–490 человек (без учета пропавших без вести), по осетинам – 95–229 человек [3]. Данное обстоятельство указывает, что официальная статистика жертв осетино-

ингушского противостояния является сугубо приблизительной, что, впрочем, свойственно для количественного учета всех послесоветских конфликтов.

Итак, в первом приближении общее число жертв «пятидневной войны» (31 октября – 5 ноября 1994 г.) можно определить в 850 человек. Однако последовавший переход конфликта из «горячей» в переговорно-бюрократическую стадию, растянувшуюся на десятилетия, не был в состоянии полностью остановить насилие в Пригородном районе, куда со второй половины 1990-х гг. начало возвращаться ингушское население. За 1993–2011 гг. в этноконтактной зоне осетино-ингушского взаимодействия погибло более 150 ингушей, еще около 90 было ранено [4]. Сопоставимыми были и потери осетинской стороны (к примеру, во второй половине 1997 г. – в период очередного локального обострения – из 29 погибших 10 чел. были ингушами, 14 – осетинами) [5]. Тем самым общие потери сторон после 1992 г. можно определить примерно в 300–350 человек, что увеличивает общее число жертв конфликта примерно до 1200 человек.

Еще один военный конфликт в 1992 г. вспыхнул в Абхазии. Масштабные боевые действия между грузинскими военными подразделениями и абхазскими ополченцами, активно поддержанными добровольцами из республик Северного Кавказа, продолжались более года (август 1992 г. – октябрь 1993 г.). Общие человеческие потери конфликта (с учетом мирного населения) в этот период составили более 9 тыс. человек, из которых около 4,2 тыс. пришлось на абхазов и их сторонников и более 5 тыс. человек потеряла грузинская сторона [6].

При этом потери абхазских военных превысили 2200 человек, из которых определенную часть составляли российские добровольцы (прежде всего представители народов Северного Кавказа и казаки). Точные потери выходцев из России неизвестны. Достаточно сложным является даже определение их общей численности, поскольку существующие оценки отличаются многократным количественным разбегом. К примеру, генерал Г. Трошев определял численность абхазского батальона Ш. Басаева (по его определению – «басаевских янычар») более чем в 5 тыс. человек [7]. Между тем, согласно К. Мяло, в Абхазию с Ш. Басаевым прибыло 286 человек [8], а И. Цушба называет цифру 350 бойцов [9].

Впрочем, если учесть, что с января 1993 г. Ш. Басаев являлся командующим всеми северокавказскими добровольческими отрядами Абхазии, то в его подчинении действительно находилось несколько тысяч бойцов. Численность представителей только адыго-черкесских народов составляла порядка 2–2,5 тыс. человек [10]. Размеры чеченского добро-

вольческого контингента оцениваются предельно широко (в диапазоне 300–10 тыс. человек) [11]. Но очевидно, что приехавших из Чечни было заметно меньше, чем родственников абхазам представителей народов Северо-Западного Кавказа (адыгейцев, черкесов, кабардинцев). Речь скорее должна идти о нескольких сотнях (порядка 400–700, самый максимум – 1000 чел.) выходцев из Чеченской Республики. В несколько сотен, очевидно, можно оценить и численность остальных российских ополченцев (казаков, военнослужащих, добровольцев из самых различных регионов России). Тем самым общая численность россиян, принимавших участие в конфликте, составляла порядка 3–4 тыс. человек.

Известно, что к февралю 1993 г. в Абхазии погибло более 80 добровольцев, подавляющее большинство которых (порядка 70 человек) представляло республики Северного Кавказа и Краснодарский край [12]. Если учесть, что речь идет о середине военного конфликта, общие потери добровольческого контингента могли составить порядка 150–200 человек.

Кардинально иными оказались демографические результаты двух чеченских кампаний (1994–1996-го и 1999–2000-х гг.). При том что количественный разброс оценок человеческих жертв данных двух конфликтов превышает математический порядок, даже по самым скромным оценкам (а это как раз экспертные расчеты), общее количество погибших исчислялось в десятках тысяч. Куда бóльшие цифры фигурируют в заявлениях политиков или докладах правозащитных организаций. Г. Явлинский и З. Яндарбиев называли цифру 100 тыс. человек, председатель госсовета Чеченской Республики Т. Джабраилов в 2005 г. и Ф. Саркози в 2008 г. говорили о 200 тыс. убитых чеченцах, Д. Абдурахманов (помощник вице-премьера Чечни) оценивал человеческие потери в 300 тыс. человек помимо 200 тыс. пропавших без вести [13].

Из экспертных расчетов как наиболее детальные можно выделить оценки С.В. Рязанцева и С. Максудова. Согласно первому, в период двух чеченских кампаний боевики потеряли порядка 25–28 тыс. человек, российские силовые структуры – 11–12 тыс. человек, гражданское русское и чеченское население – в пределах 30–35 тыс. человек [14]. Тем самым общие прямые потери составили порядка 66–75 тыс. человек.

По мнению С. Максудова, автора наиболее развернутого исследования человеческих потерь, связанных с урегулированием чеченского кризиса, начинать отсчет жертв необходимо не с ввода российских войск на территорию сепаратистской республики (декабрь 1994 г.), а с установления в Чечне криминально-националистического режима Дудаева, результатом деятельности которого стало массированное насилие над рус-

ским и русскоязычным населением республики, повлекшее в том числе и его прямые потери. По расчетам С. Максудова, число погибших русских/русскоязычных жителей Чечни в 1992–1994 гг. (до начала военной кампании) составляло 2,5–3 тыс. человек [15]. А общие жертвы гражданского русскоговорящего населения республики в 1992–2001 гг. могут достигать 9–14 тыс. человек. Потери боевиков (включая отнесенных к боевикам мужчин) и российских силовиков в двух военных кампаниях составляют соответственно 20 тыс. и 10 тыс. человек. Жертвы среди мирного чеченского населения в 1994–2002 гг. оцениваются Максудовым примерно в 7,5 тыс. человек [16]. Тем самым прямые демографические потери составили порядка 47–52 тыс. человек, но могли быть и выше с учетом очевидной приблизительности расчетов. В эпилоге исследования С. Максудов указывает, что российская и чеченская сторона в результате войны могли потерять по 25–30 тыс. человек каждая [17]. В этом случае общее число жертв вырастает до 50–60 тыс. человек. Причем на жителей Юга России, и прежде всего самой Чеченской Республики, приходилось до 90 % этого количества.

Ликвидация на рубеже веков сепаратистского режима в Чечне и последних крупных отрядов сепаратистов, ушедших в горы, ускорила процесс постепенной трансформации республиканских этнорадикалов в исламистов. Данная системная метаморфоза чеченского вооруженного подполья позволила существенно расширить ареал его действия, превратив из республиканского в общерегиональный феномен. Более того, во второй половине 2000-х гг. центр террористической активности на Северном Кавказе перемещается с территории Чечни сначала в пределы Ингушетии, а затем в Дагестан, который на многие годы (до настоящего времени) превращается в центральный очаг террора в макрорегионе и всей Российской Федерации.

Самым крупным терактом в пределах России стал захват боевиками школы в Беслане (1–3 сентября 2004 г.), в результате которого погибло 365 человек (с учетом ликвидированных боевиков). В последующий период (2005–2016 гг.) на Северном Кавказе в результате действий вооруженного бандподполья погибло около 6,6 тыс. человек (в т.ч. 3,6 тыс. самих «лесных братьев») [18]. В основном жертвами были уроженцы самого южного макрорегиона (за вычетом некоторого числа командированных силовиков, а также приезжих радикалов – выходцев из других регионов РФ и стран дальнего зарубежья).

Двумя военными конфликтами отметились в начале XXI в. и территории ближнего зарубежья, сопредельные Югу России. На август 2008 г. пришлось резкое обострение грузино-осетинского противостояния.

В ходе пятидневных боевых действий в Южной Осетии погиб 71 российский военнослужащий и несколько сотен осетин (диапазон оценок от 300 до 2,5 тыс. человек) [19]. Учитывая наличие среди осетинского ополчения значительного числа добровольцев из Северной Осетии, а также широкое распространение среди титульного населения Южной Осетии российского гражданства, можно предположить, что значительное число погибших были россиянами, и при этом жителями южного макрорегиона.

Второй конфликт, вспыхнувший весной 2014 г. на востоке Украины, оказался куда более кровопролитным и затяжным. Период интенсивного противоборства затянулся на несколько месяцев. Но и сменившая его экстенсивная стадия конфликта, из которой сторонам не удалось выйти по настоящий момент, сопровождается почти ежедневными потерями. Присутствующие в информационном поле оценки общего числа прямых жертв конфликта на востоке Украине находятся в диапазоне от 8 тыс. до 60 тыс. человек. Взвешенная экспертиза данного показателя позволяет говорить о 20–30 тыс. человек, включающих потери среди военных Украины и ополченцев (в общей сложности порядка 10–20 тыс. человек), гражданского населения (около 10 тыс. человек) [20].

Учитывая широкое участие в донбасском ополчении добровольцев из России, можно говорить о потерях и среди российских граждан, в т.ч. жителей южного макрорегиона. Прежде всего речь идет о казаках, активно включившихся в военное противостояние на Донбассе. Уже в начале лета 2014 г. в составе ополчения, по данным СМИ, находилось до 3–4 тыс. казаков (преимущественно донских), возглавляемых Н. Козициным [21]. Едва ли можно полностью доверять данной цифре, поскольку численность всего повстанческого контингента в это время не дотягивала до 10 тыс. человек. Но в целом среди российских добровольцев казаки (представители Ростовской области, в меньшей степени – Кубани), действительно, должны были количественно доминировать, определяя отчасти и общую географию российского добровольческого движения. Принимали участие в конфликте и выходцы с Северного Кавказа, хотя численность их украинской стороной самым существенным образом преувеличивалась.

Определить точное число убитых на востоке Украины россиян, тем более выходцев с Юга России, едва ли возможно. Но если учесть, что в период наиболее интенсивных боестолкновений выходцы из России могли составлять порядка 30–50 % ополченцев, аналогичной могла быть их доля и в общей структуре потерь повстанческого контингента, т.е. составить 1,5–3 тыс. человек, из которых достаточно весомую часть представляли уроженцы южного макрорегиона.

Итак, на протяжении постсоветского периода именно Юг России чаще других макрорегионов страны оказывался вовлеченным в вооруженные конфликты и понес в них максимальные человеческие потери. В самом первом приближении они могли достигать порядка 55–65 тыс. человек, из которых около 80 % было связано с чеченским кризисом и его военным урегулированием, около 10 % унесло противостояние северокавказского террористического подполья и силовых структур.

Тем самым в региональном разрезе максимальные потери понесло население Чеченской Республики, в которой жертвами военных конфликтов в постсоветский период стало порядка 4–5 % населения (в т. ч. примерно 5–6 % представителей титульного народа). Удельные демографические потери других южнороссийских регионов были на порядок меньше. Во всех вооруженных конфликтах, затронувших Северную Осетию, погибло порядка 0,35–0,4 % ее населения (включая ингушей Пригородного района). При этом потери непосредственно республиканских осетин составили около 0,15–0,2 % от их численности. Аналогичными (в пределах 0,2 %) были и потери ингушского народа. Около 0,1 % населения в результате деятельности республиканского бандподполья погибло в начале XXI в. в Дагестане. Во всех других регионах Юга России демографические потери в результате вооруженных конфликтов составили в пределах или менее 0,01 % населения.

Оговоримся, что в данном случае речь шла только о прямых жертвах, без учета косвенной демографической убыли, связанной с конфликтами. Достаточно сказать, что серьезное ухудшение условий жизни в Чеченской Республике в 1990-е гг. стало причиной преждевременной смерти порядка 62 тыс. человек [22]. Аналогичные жертвы были и во всех других региональных социумах, втянутых в вооруженное противоборство. С учетом же военной сверхсмертности южнороссийских мужчин еще одним результатом перечисленных конфликтов являлось сокращение рождаемости, измеряемое многими тысячами не состоявшихся человеческих жизней. Тем самым косвенные потери населения оказываются еще более значительными, чем прямые. Их детальная оценка предполагает дальнейшее исследование основных аспектов функционирования региональных обществ в условиях вооруженных конфликтов. Однако даже самый общий анализ данной проблематики позволяет сделать вывод о том, что в постсоветский период война являлась одним из значимых регуляторов демографической динамики ряда южнороссийских социумов, прежде всего Чечни и ряда других республик Северного Кавказа.

Примечания

1. Georgia: Avoiding war in South Ossetia. 26 November 2004. Europe Report No. 159/ Tbilisi/Brussels. P. 4. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNTC/UNPAN019224.pdf> (дата обращения: 29.06.2017).

2. Мукомель В. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в странах СНГ. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/546/662/1216/008_Demografiya.pdf (дата обращения: 29.06.2017).

3. Осетино-ингушский конфликт: хроника событий. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/29276/> (дата обращения 29.06.2017); Генеральная прокуратура РФ. Постановление о прекращении уголовного дела по событиям октября – ноября 1992 года. URL: <https://spog92.wordpress.com/2013/05/08/> (дата обращения: 29.06.2017).

4. Сампиев И.М. Социально-политическая ситуация в Республике Ингушетия: состояние и проблемы // Сборник научных статей института социальных исследований. Назрань, 2016. С. 161.

5. Дзадзиев А. Осетино-ингушский конфликт (лето – осень 1997 года) // Социально-этнические проблемы России и Северного Кавказа на исходе XX века. Ростов н/Д, 1998. С. 159.

6. Georgia/Abkhazia: Violations of the Laws of War and Russia's Role in the Conflict. URL: https://www.hrw.org/reports/1995/Georgia2.htm#P117_4464 (дата обращения: 30.06.2017).

7. Трошев Г. Моя война. Дневник окопного генерала. М., 2002, С. 127.

8. Мяло К. Россия и последние войны XX века. М., 2002. С. 115.

9. Цушба И. Добровольцы Отечественной войны народа Абхазии (август 1992 – сентябрь 1993 г.). URL: <http://www.apsuara.ru/portal/node/1160> (дата обращения: 30.06.2017).

10. Абхазо-черкесские отношения: «братство навек» или «развод в коммунальной квартире»? URL: <https://aheku.net/news/society/2186> (дата обращения: 30.06.2017); Маркедонов С. Грузия – Абхазия – Северный Кавказ. URL: <https://caucasustimes.com/ru/gruzija-abhazija-severnyj-kavkaz/> (дата обращения: 30.06.2017).

11. Крутиков Е. Братская помощь. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/krutikov/brat/> (дата обращения: 30.06.2017).

12. Добровольцы в Отечественной войне Абхазии (1992–1993 гг.): документы и материалы. Сухум, 2014. С. 193.

13. Мукомель В. Указ. соч.; Рязанцев С.В. Последствия военных действий в Чеченской Республике в демографическом, социальном и экономическом отношении // Демоскоп. 2005. № 211–212, 29 августа – 11 сентября; BBC monitoring: International Reports, 26 June 2005.

14. Рязанцев С.В. Указ. соч.
15. Максудов С. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. М., 2010. С. 229.
16. Там же. С. 374.
17. Там же. С. 377.
18. Суций С.Я. Террористическое подполье Северного Кавказа – современное состояние и возможные сценарии развития // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. Махачкала, 2016. С. 71–78; Его же. Террористическое подполье на Северном Кавказе (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Д, 2010. С. 9–44.
19. Трифонов В., Фарниев З., Двали Г. Обвинительный разговор. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1199305> (дата обращения 30.06.2017).
20. Суций С.Я. Этнодемографические аспекты русско-украинского взаимодействия (Украина и Юг России). Lap Lambert, 2016. С. 224–263.
21. Луганские ополченцы обвинили казаков в предательстве и мародерстве. URL: <https://nahnews.org/63241-luganskie-opolchency-obvinili-kazakov-v-predatelstve-i-maroderstve> (дата обращения: 30.06.2017).
22. Максудов С. Указ. соч. С. 366.

М.В. Медведев

ПРОВАЛ ПЛАНОВ УКРАИНЫ ПО ЗАКРЫТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ С РОССИЕЙ ЛЕТОМ 2014 г.: ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ УКРАИНСКИХ ВОЙСК В ЗОНЕ АТО¹

Возможная ликвидация сил ополчения непризнанных Донецкой и Луганской народных республик (далее – ДНР и ЛНР) летом 2014 г. при проведении спланированной Генштабом Вооруженных сил Украи-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН 2017 г., проект «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и социально-исторические аспекты» (АААА-А15-115102010107-5, 0256-2015-0084) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтнического макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

ны (далее – ВСУ) операции могла решить для нового киевского руководства вопрос по контролю ситуации в Донбассе. Планы украинского командования были направлены на раздробление сил ополчения и их окружение по линии госграницы Украины с Россией ударами с севера и юго-востока.

Вооруженный конфликт в Донбассе, начавшийся в 2014 г., является малоизученной темой в современной исторической науке, так как данный конфликт находится в стадии постоянной эскалации. На сегодняшний день имеются работы некоторых исследователей, которые попытались разобраться в историко-политических и геополитических тенденциях на Украине [1]. В них исследуются причины, состав участников, а также способы и методы проведения военной операции ВСУ в Донбассе [2]. Появились публикации по локальным военным операциям ВСУ и ополчения ДНР и ЛНР в 2014 и 2015 гг. [3], а также по периодизации данного этапа [4]. Однако необходимо детально разобраться в особенностях и причинах первого и самого крупного поражения украинской армии в зоне так называемой антитеррористической операции (далее – АТО) летом 2014 г., которое предопределило дальнейший ход событий в этом регионе.

На первом этапе АТО, в первой декаде июня 2014 г., украинское командование перебросило из-под Славянска батальонно-тактические группы пяти бригад и двух полков спецназа ВСУ и три батальона националистов-добровольцев в юго-восточную часть Донбасса для закрытия российско-украинской границы. Столкнувшись на марше с неожиданным сопротивлением ополченцев на Саур-Могиле и в ее окрестностях, батальонно-тактические группы 79-й отдельной аэромобильной бригады (далее – ОАЭМБр) и 3-го полка специального назначения решили обойти этот участок с северо-востока и выйти к населенным пунктам Дмитровка и Должанское, продвигаясь далее по линии госграницы на север.

Совместные действия сил ополчения по овладению объектами пограничной службы Украины были начаты 2 июня с атаки групп ополчения ЛНР на Изваринский пограничный пункт и батальонное формирование «Луганск», подчиненные ВСУ. Овладеть сходу заставой ополченцы не смогли: на поддержку украинским пограничникам пришла авиация. Занявший ранее оборону гарнизон ВСУ в Луганском аэропорту попытался пробиться на помощь пограничникам, но попытка была безуспешной. После определенных договоренностей с ополченцами ЛНР 4 июня украинский погранотряд оставил занятые позиции и вышел по предоставленному повстанцами коридору. Началось усиление контроля сил

ополчения на главных маршрутах ЛНР, приграничных с РФ трассах и до административной границы с ДНР. В свою очередь командование ДНР не успело своевременно проделать аналогичную операцию по укреплению позиций на главных приграничных направлениях, что сделало возможным прорыв наступающих формирований ВСУ, отрезавших донецких ополченцев от границы с Россией.

Украинские войска уже 4 июня закрепились у Амвросиевки. На усиление украинской погранзащиты на таможенном пункте пропуска «Мариновка» выдвинулось подразделение ВСУ. Рота батальона «Восток» ДНР 5 июня направилась на операцию по захвату этого пункта пропуска, не имея при этом сведений об усилении пограничного гарнизона. Применение украинской стороной боевой авиации предопределило исход начавшегося боя. Выжившие ополченцы из батальона «Восток» и уцелевшие украинские пограничники вынуждены были эвакуироваться на территорию хутора Примиусского Ростовской области РФ. Украинские летчики, не считаясь с суверенитетом российской территории, делали развороты над Куйбышевским районом Ростовской области и проводили пуски боевых ракет по месту боестолкновения на таможенном пункте «Мариновка», вызвав серьезную обеспокоенность у российского руководства [5]. Проведя перегруппировку, силы ополчения ДНР в течение 7 июня выдвинулись на высоту Саур-Могила. Окопавшись среди мемориальных сооружений этой исторической высоты, взвод ополченцев из Снежного занял оборону. С данной вершины (277,9 м) имелась возможность контроля окружающих ее населенных пунктов (Сауровка, Тараны, Степановка, Мариновка и Дмитровка), а также городов Снежное и Торез.

Стремясь отрезать ополчение ДНР от границы с РФ, украинское командование направило туда две батальонно-тактические группы 79-й ОАЭМБр и 3-й полк спецназа. Начав наступление 12 июня, украинская группировка наткнулась на засаду ополченцев на Саур-Могиле. Плотный пулеметный обстрел из огневых точек ополчения заставил подразделения ВСУ отойти и искать пути обхода этого узла сопротивления. Применяв, кроме пулеметов, минометный огонь, ополченцы батальона «Восток» не смогли воспрепятствовать украинским военным выйти на Дмитровку и Дьяково [6]. Днем 14 июня ополченцами ЛНР был сбит украинский тяжелый военно-транспортный самолет Ил-76, направлявшийся в аэропорт Луганска для усиления гарнизона ВСУ. Этот случай прервал тактические действия ВСУ по отсеканию сил ЛНР от границы с РФ с северного направления. Часть сил ВСУ, задействованная в операции, базировалась в селе Алексеевском Амвросиевского района. Ранним

утром 17 июня полевой лагерь был прицельно обстрелян минометно-артиллерийским огнем. В 15 км от этого места находилась Саур-Могила и в любой момент колонна ВСУ могла выдвинуться в атаку на высоту. Предотвращением этого стала ликвидация ополчением украинской базы в Алексеевском. По официальным заявлениям Украины, силовики ВСУ потеряли там ранеными 31 человек [7].

Уже 11 июля во время базирования у села Зеленополье одного батальона и артдивизиона 79-й ОАЭМБр по соседству с 24-й отдельной механизированной бригадой (далее – ОМБр) и батальонной группы 79-й ОАЭМБр произошел мощнейший обстрел их позиций из ракетных систем залпового огня (далее – РСЗО) со стороны ополчения. ВСУ понесли большие потери в боевой технике, орудиях и живой силе. В это время из района Червонопартизанска и Изварино тактические группы из состава 3-го полка спецназа, 72-й ОМБр и подразделений 51-й ОМБр пытались пробиться навстречу частям ВСУ, находившимся в станице Луганской, для окончательного окружения подконтрольной ополчению территории. В течение 15 июля эта группа в ходе массированного обстрела со стороны ополчения была разгромлена и рассеяна, часть уцелевших бойцов ВСУ перешла на территорию РФ. Западнее, в районе сел Мариновка, Степановка и у Саур-Могила был разгромлен один батальон 72-й ОМБр, усиленный добровольческим отрядом, часть военнослужащих успела отойти к селам Григорьевка и Тараны [8].

Не установив контроль над Саур-Могилой, южная группировка украинских войск отдалилась от тылов и баз снабжения, продвинулась далеко вдоль границы, имея единственную дорогу, связывающую эту войсковую группировку с базами снабжения. Поражение ВСУ у села Зеленополье стало началом образования «южного котла». Впоследствии в окружении оказались батальонные тактические группы 79-й ОАЭМБр, 24-й, 51-й и 72-й ОМБр, подразделений 1-й танковой бригады и 3-го полка специального назначения, сводного отряда пограничников, а также отряды из добровольческих батальонов «Шахтерск» и «Азов».

Продвигаясь со стороны города Снежное к селу Степановка, отряд ополченцев из батальона «Спарта» к 22 июля перешел в наступление на участке единственного пока не закрытого «окошка» в кольце окружения «южного котла». Немного восточнее от «Спарты» действовала группа ополченцев казачьего батальона «Степь» под командованием российского добровольца Александра Мамошина с позывным «Самурай». Казаки-добровольцы после перехода через реку Миус провели успешную зачистку местности от украинских диверсионных групп у приграничных сел Кожевня и Червоная Заря [9].

В июле 2014 г. сотрудниками подразделений Следственного комитета России были зафиксированы случаи обстрелов приграничных населенных пунктов Ростовской области украинскими военными. Так, 25 июля не впервые производился обстрел российского хутора Примиусского Куйбышевского района, повлекший за собой разрушения [10]. Позднее причастными к организации обстрелов территории России были объявлены командир 72-й ОМБр полковник Андрей Грищенко и командир 27-го реактивного артиллерийского полка ВСУ полковник Валерий Исмаилов. Обстрелам российской территории в июле 2014 г. с подконтрольной украинским военным территории подверглись и село Куйбышево, хутор Херсоны Миллеровского района и пригород города Донецка Ростовской области, где погиб мужчина и еще 9 человек получили ранения различной степени тяжести [11].

В конце июля около 40 украинских солдат 51-й ОМБр перешли через границу на российскую сторону в районе Изварино для эвакуации. Отсутствие снабжения привело к истощению боеприпасов, топлива и питания в бригаде. К тому же боевые машины были бессильны против постоянного обстрела артиллерийско-минометным огнем ополчения. Рациональным решением тогда была эвакуация на территорию РФ. В этот же день сводная боевая группа из 30-й и 51-й ОМБр ВСУ решила штурмом овладеть курганом на Саур-Могиле атакой с запада. Для подавления огневых точек ополчения украинские военные выпустили по Саур-Могиле две баллистические ракеты «Точка-У», по высоте также отработала авиация. После огневой обработки, подобравшись к склонам высоты, украинские БМП прямой наводкой расстреливали мемориал на кургане [12].

27 июля находившийся на вершине отряд ополченцев батальона «Восток» во главе с О.Г. Гришиным (позывной «Медведь») принял тяжелый бой, где в критический момент командир получил смертельное ранение. На следующий день в очередной раз на штурм пошли украинские танки и БМП, высоту удерживало всего трое ополченцев. Благодаря своевременной реакции пулеметчика, ополченцам удалось дезорганизовать атакующую группу, даже несмотря на техническое преимущество противника. Украинские военные хотели снова нанести удар по высоте Саур-Могилы со стороны Снежного, но пулеметчик быстро отрезал путь атакующим. Так вспоминал этот бой ополченец А. Кузьмин (позывной «Бумер»): «Поставил на прицеле полтора километра, выстрелил, взял упреждение, потом пулемет задрал повыше, дал очередь, колонна стала. Они и через поле не прошли, это уже за прицельной дальностью пулемета, так получилось, что попал». В этот период ополченцы вынуждены были несколько раз вызывать огонь РСЗО БМ-21 «Град» на себя [13]. Атакующая украинская механизированная группа отступила на исходный рубеж.

Тем временем 95-я отдельная десантно-штурмовая бригада (далее – ОДШБр) совместно с 25-й отдельной воздушно-десантной бригадой (далее – ОВДБр) и 30-й ОМБр в конце июля предприняли действия по удержанию местности в районе Шахтёрска с целью деблокирования войск ВСУ, попавших в «южный котел». Украинские войска, действуя 26 июля сводными группами мотопехоты вышеперечисленных бригад, с двумя десятками бронемашин и самоходной артиллерией, усиленные несколькими танками 17-й танковой бригады, пошли в наступление. Продвигаясь к Снежному, 27 июля группы ВСУ столкнулись с сопротивлением батальона «Оплот» и отрядов ополчения, отошедших из Славянска. Применяв имевшуюся бронетехнику, гаубицы и установки РСЗО БМ-21 «Град», ополченцы отбросили украинские войска в окрестности Шахтёрска. Завязались бои в черте города. Уже на следующий день украинская группировка понесла ощутимые потери в живой силе и технике, в связи с чем командиры ВСУ приняли решение разбиться на несколько отрядов и начали отход. Отступая 31 июля в Амвросиевский район, роты 25-й бригады столкнулись с еще большим сопротивлением ополченцев из Иловайска и Харьызска [14].

В начале августа оставшиеся в окружении силы ВСУ из числа 79-й ОАЭМБр, 24-й и 72-й ОМБр сконцентрировались в районе села Дьяково для прорыва в район сел Дмитровка и Мариновка. Украинские войска, покидая Свердловский и Антрацитовский районы ЛНР, позволили силам ополчения расширить свой контроль над этой территорией. Недостаток сил у ополчения ДНР и ЛНР для полной ликвидации «котла» сделал возможным прорыв украинских сил. Тогда же, 4 августа, начался очередной штурм высоты Саур-Могила силами 51-й, 72-й бригад и группы 3-го полка спецназа. Потеряв до 10 человек убитыми, силовики ВСУ снова отошли. Отступающие группы ВСУ, соединившись с прибывшей тактической группой 25-й ОВДБр, в течение трех дней, с 5 по 7 августа, атаковали ополченцев в населенных пунктах Латышево, Рассыпное, Победа, Лиманчук и в восточной части города Снежное. Также была произведена попытка наступления на Миусинск. Часть резервов сил ополчения ДНР и ЛНР направились 8 августа в район Миусинска и Красного Луча для отражения удара противника [15].

Удерживание ополчением в такой ситуации Саур-Могила больше не имело тактического смысла. Ликвидация «южного котла» вступила в завершающую стадию. После многодневных обстрелов на Саур-Могиле оставались единицы уцелевших ополченцев. Оценив положение, командование батальона «Восток» приняло решение временно оставить высоту, так как последний взвод, удерживающий вершину, в пер-

вой декаде августа понес большие потери. Используя это, вышедшие из «южного котла» остатки 72-й ОМБр совместно с отрядами 51-й ОМБр и 25-й ОВДБр 7 августа поднялись на Саур-Могилу. Однако уже 9 августа группа ВСУ ушла из Саур-Могилы в соседнее село Петровское. Тогда же в село Степановка прибыл отряд боевиков из «Правого сектора» во главе с Д. Ярошем, но они не решились отправиться на Саур-Могилу. Помимо прибывшего отряда «Правого сектора», в Степановке по-прежнему оставалась механизированная группа ВСУ. По свидетельству очевидцев, некоторые украинские военные в Степановке занимались мародерством и насилием [17].

Через несколько дней украинский гарнизон был выбит из Степановки и 15 августа ополченцы снова установили контроль над этим селом. В район Саур-Могилы для усиления десантников 25-й бригады прибыли несколько десятков украинских добровольцев из территориальных батальонов. В этот момент и завязался бой вышедших из Степановки ополченцев с украинскими военными на Саур-Могиле. Для ополчения штурм оказался безуспешным, но и для бойцов ВСУ потери были значительными и заставили уцелевших снова отступить в Петровское. В результате боев 16–17 августа на Саур-Могиле никто из сторон не закрепился. К 18 августа украинские военные, получив новое подкрепление, оставались у подножья Саур-Могилы и в селе Петровское. Активно происходили боестолкновения в ночное время. Стороны часто применяли минометы, гаубичную и реактивную артиллерию. С 20 августа сводные группы украинских войск стали отступать из района Петровского и высоты Саур-Могила. За несколько дней украинские войска откатились вглубь Амвросиевского и Харцызского районов, 26 августа ополченцы окончательно установили контроль на Саур-Могиле. События этих дней стали кульминацией разгрома остатков «южного котла» украинских войск. Юго-восточная граница Донбасса с РФ с этого момента перешла под полный контроль ополчения непризнанных народных республик.

Продолжавшаяся почти три месяца, с июня по август 2014 г., операция ВСУ по окружению ополчения Донбасса путем наступления вдоль государственной границы Украины и РФ закончилась полным поражением украинских войск. Растянувшиеся на десятки километров, украинские механизированные и аэромобильные бригады со слабым прикрытием флангов обрели себя на окружение. Украинские войска, решив сходу выйти в район Изварино и соединиться там с северной группировкой ВСУ, недоценили возможности ополченцев. Ополчение ДНР, сумев закрепиться на Саур-Могиле до прихода основных сил ВСУ в приграничье, обеспечили надежный контроль прилегающей к высоте террито-

рии, корректируя огонь своих орудий. Украинские войска, прорвавшись в обход Саур-Могилы, столкнулись с огневым преимуществом ополченцев в районе Зеленополя, Должанского и Изварино, попытались выйти из окружения тем же путем. Однако единственным возможным путем прорыва оставался узкий участок между Мариновкой и Саур-Могилой. Пристреленные рубежи сосредоточенного огня артиллерии ополчения не позволили остаткам бригад ВСУ беспрепятственно выйти из «южного котла». В итоге, пользуясь огневым преимуществом, ополчение смогло справиться с южной группировкой ВСУ, заставив их отступить.

Примечания

1. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. 384 с.; Матишов Г.Г. Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности: Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке. Ростов н/Д, 2015. 304 с.

2. Бочарников И.В. Тактика «выжженной земли» на Донбассе // Геополитический журнал. 2014. № 5. С. 13–18.

3. Медведев М.В. Саур-Могила: место исторической памяти в эпицентре трагических событий (июнь – август 2014 г.) // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2014. С. 83–95; Афанасенко В.И. Битва за Дебальцево зимой 2015 г. // Украинский кризис: истоки, тенденции и уроки: материалы круглого стола (Ростов-на-Дону, 2 ноября 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 93–109; Медведев М.В. Сражение за Донецкий аэропорт в ходе военного конфликта на Донбассе // Украинский кризис: вызовы и угрозы национальным интересам Российской Федерации (11 мая 2016 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2016. С. 201–211.

4. Mityukov N.V. The Periodization of Fighting on Donbass in 2014–2015 years // Военный сборник. 2016. № 1 (11). С. 43–48.

5. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 313–326.

6. Бои за Саур-Могилу. URL: <http://colonelcassad.livejournal.com/1660053.html> (дата обращения: 02.06.2017).

7. В результате обстрела лагеря пограничников в Донецкой области ранен 31 военный. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3379336-v-rezultate-obstrelya-laheria-pohranychnykov-v-donetskoj-oblasty-ranen-31-voennyi> (дата обращения: 08.06.2017).

8. Август 14-го. Бои за инициативу. URL: <http://colonelcassad.livejournal.com/1723446.html> (дата обращения: 20.05.2017).

9. Ополчение перешло в наступление, бой в Кожевне 22.07.2014 icorpus.ru. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3asnn_NBLLI#t=21 (дата обращения: 22.05.2017).

10. Под обстрел со стороны Украины попали следователи и журналисты. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1836171> (дата обращения: 29.05.2017).

11. СКР назвал виновных в обстрелах территории РФ в 2014 году украинских военных // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/540042> (дата обращения: 10.06.2017).

12. Медведев М.В. Саур-Могилы... С. 83–95.

13. Респондент Кузьмин Александр. Интервьюер М.В. Медведев. Место проведения г. Ростов-на-Дону. Продолжительность 25 мин. Запись 13 февраля 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

14. Жирохов М. Ад в Шахтёрске: трагедия 25-й бригады. URL: <http://fraza.ua/analitics/09.09.16/251087/ad-v-shahterske-tragedija-25-j-brigady-.html> (дата обращения: 25.05.2017).

15. Бои на Донбассе: взятие Миусинска, прорыв из Должанского и гибель одесских пограничников. URL: http://timer-odessa.net/news/boi_na_donbasse_vzyatie_miusinska_proriv_iz_doljanskogo_i_gibel_odesskih_pogranichnikov_570.html (дата обращения: 15.06.2017).

16. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот... С. 281.

17. Ярош в оккупации. Неожиданные признания РИА Новости Украина. URL: <http://rian.com.ua/interview/20150925/374238620.html> (дата обращения: 07.06.2017).

В.А. Авксентьев

ЗАТЯЖНОЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?¹

Северокавказская проблематика с 2014 г. заметно потеснена в общественном сознании украинским кризисом и конфликтом в Сирии.

¹ Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макро-региона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

Какова реальная ситуация на Северном Кавказе во второй половине второго десятилетия XXI в., наметились ли позитивные сдвиги в борьбе с экстремизмом и терроризмом?

Позитивные тенденции имеются, но их нельзя назвать устойчивыми. По данным «Кавказского узла», в 2015 г. на Северном Кавказе более чем в два раза снизилось число жертв регионального конфликта по сравнению с 2014 г. – с 525 до 258 человек [1]. В 2016 г. ситуация на Северном Кавказе ухудшилась: число жертв возросло более чем на 11 % – с 258 до 287 человек (но это существенно меньше, чем в 2014 г.). Число вооруженных инцидентов не изменилось, при этом возросло количество взрывов (с 11 до 23). Возросло и число терактов (в соответствии с официальной статистикой) – с 6 до 7 (на 17 %) [2].

В наших исследованиях для факторного анализа динамики региональной ситуации мы использовали причины обострения ситуации на Северном Кавказе, которые были определены президентом России Д.А. Медведевым в 2009 г. [3]. Этот методологический прием был использован в исследованиях 2016 г., для анализа были взяты доступные данные за 2014 г. в сравнении с 2012 г. [4]. Был сделан вывод, что «все факторы напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе, репродуцирования экстремизма и терроризма сохраняют свое действие, хотя изменилась интенсивность их влияния и их иерархия. Несмотря на то что не удалось переломить экономическую ситуацию на Северном Кавказе, официальные показатели свидетельствуют о некотором улучшении в сфере занятости» [5].

Таблица 1

Низкий уровень промышленного производства

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Сохраняется. Экономические проекты, отобранные для реализации, не ориентированы на реиндустриализацию региона.	Модернизация как стратегическое направление экономических преобразований на Северном Кавказе не состоялась и не могла состояться, т. к. не началась в масштабах России.	Ситуация противоречивая: лидером по росту промышленного производства в 2016 г. стала Республика Алтай (+40,7 %). На втором месте – Республика Дагестан, в 2016 г. промышленное производство выросло на 36,3 %. Наибольшее снижение индекса промпроизводства из республик СКФО – в КБР (7-е место в «антирейтинге»; лидируют республики Коми и Марий-Эл) [7].

Используем и далее оправдавший себя прием, опираясь на доступные данные за 2015–2016 гг. Анализ и комментарии за 2014 г. воспроизводятся в том виде, в каком они были представлены на предыдущем этапе исследования [6].

Хотя низкий уровень промышленного производства сохраняется (табл. 1), регион не является лидером по кризисным процессам, а Республика Дагестан показала в 2016 г. вторую в стране динамику промышленного развития, что свидетельствует о значительных внутренних резервах в регионе. Ситуация в республиках Северного Кавказа не отличается существенно от других регионов страны.

Таблица 2

*Критическая зависимость республик Северного Кавказа
от дотаций федерального бюджета*

Данные и выводы 2014 г.		Данные и выводы 2015–2016 гг.				
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию				
Сохраняется. По размеру дотаций на душу населения большинство республик входят в первую десятку по России, хотя и не занимают пять первых позиций (2014) и не лидируют среди «национальных» республик.	Популярные лозунги типа «Хватит кормить Кавказ!» почти исчезли из публичного дискурса.	Сохраняется (см. табл. 2.1).				
		Таблица 2.1				
		Дотации из федерального бюджета (млрд руб.)				
		Субъект	2010	2013	2016 (место)	
		Дагестан	30,37	43,16	46,7 (1)	
		ЧР	13,07	17,88	22,16 (5)	
		Ставропольский край	8,85	12,46	12,29 (9)	
		Ростовская обл.	9,52	нет в 1-й десятке	нет в 1-й десятке	
		В пересчете на душу населения (2016):				
		1) Камчатский край				
2) Республика Саха						
3) Республика Тыва						
4) Чеченская Республика						
5) Республика Дагестан						
6) Республика Бурятия						
7) Республика Крым						
8) Алтайский край						
9) Ставропольский край						
10) Республика Башкортостан						

Зависимость республик Северного Кавказа от дотаций из федерального бюджета сохраняется (табл. 2), однако регион в этом плане мало отличается от многих других субъектов Российской Федерации, в том числе относительно развитых. В десятку лидеров по дотациям на душу населения входит Ставропольский край и промышленно развитый Башкортостан, в то время как четыре из шести республик СКФО оказались за пределами десятки лидеров.

Бедность по-прежнему является важной чертой жизни на Северном Кавказе (табл. 3), однако это характерно для многих регионов России. Рассматривать бедность как важнейший фактор воспроизводства экстремизма и терроризма – чрезмерное упрощение, в этом случае источником подобных негативных явлений были бы многие области Центральной России.

Таблица 3

Относительная бедность населения

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Сохраняется. Однако самые бедные семьи живут в традиционных «русских» регионах.	Сложность определения истинной бедности с учетом высокого уровня «теневой экономики» на Северном Кавказе.	В 2015 г. ситуация мало изменилась. Лидирует в «антирейтинге» Псковская область, предпоследнее место – за Дагестаном. Далее следуют Ивановская область, Алтайский край, Смоленская область. Шестая позиция – у Кабардино-Балкарии, восьмая – у Карачаево-Черкесии. Несколько лучше показатели у РСО – Алании и Республики Ингушетия. Чеченская Республика оказалась в «среднячках» (исчисляется остаток денежных средств у семьи после минимальных расходов) [8].

Таким образом, с началом экономического кризиса расклад среди субъектов Федерации, входящих в СКФО, мало изменился по сравнению с докризисным 2014 г. Несколько ухудшилась ситуация в Ингушетии, остальные республики пребывают в одном и том же статусе. «Национальные республики» региона находятся в одном контексте с субъектами Федерации из других округов (табл. 4).

Таблица 4

*Отставание качества жизни в Южном федеральном округе
и республиках Северного Кавказа от среднероссийского*

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
<p>Сохраняется. В рейтинге качества жизни в регионах за 2012–2014 гг. позиции заметно улучшились только у Ставропольского края (перемещение на 29-ю с 37-й позиции), из республик наиболее высокая позиция с небольшим улучшением у РСО – Алании (63-я). Дагестан – 71-я (ухудшение), Кабардино-Балкария – 72-я (незначительное улучшение), Чеченская Республика – 78-я (нет предыдущих данных), Карачаево-Черкесия – 79-я (незначительное ухудшение), Ингушетия – 80-я (без динамики). Замыкают рейтинг не северокавказские республики (Алтай, Калмыкия, Тыва).</p>	<p>Возможны большие погрешности из-за объема теневых доходов и услуг в регионе (по некоторым отраслям – до 80 %).</p>	<p>Распределение позиций по Северо-Кавказскому федеральному округу в 2015 г. выглядит следующим образом: Ставропольский край: в 2015 г. – 19-е место, в 2016 г. – 21; Ингушетия соответственно – 84/84; КЧР – 83/79; РСО – Алания – 59/57; КБР – 66/75; Дагестан – 68/73; ЧР – 73/74; Ингушетия – 84/84. Шесть замыкающих позиций (2016): 80-я – Забайкальский край; 81-я – Еврейская автономная область; 82-я – Республика Алтай; 83-я – Республика Калмыкия; 84-я – Республика Ингушетия; 85-я – Республика Тыва [9].</p>

Безработица на осень 2016 г. составила в Северной Осетии 2,7 %, Дагестане – 2,1 %, КБР – 1,8 %, КЧР – 1,7 %, Ставропольском крае – 0,9 % (по России – 1,1 %), в Ингушетии – 12 %, в Чечне – 10,1 %. При этом именно ЧР показала наибольшее снижение безработицы за период сентябрь 2015 г. – сентябрь 2016 г. – в полтора раза, Ингушетия – почти на 15 %. В октябре 2016 г. министр по делам Северного Кавказа Л. Кузнецов, заявил, что за последние четыре года показатель безработицы в регионе снизился в 2,8 раза, и «всё равно это еще очень много» [11]. Таким образом, по крайней мере ориентируясь на официальные данные о занятости в СКФО, можно констатировать положительную динамику ситуации (табл. 5).

Таблица 5

Высокий уровень безработицы

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Уменьшилось. Уровень безработицы по СКФО снизился с 16,5 (2010) до 11,2 (2014), тем не менее остается самым высоким в стране. Наиболее заметное снижение уровня безработицы в Чеченской Республике и Республике Ингушетия, в Карачаево-Черкесии наблюдается небольшой рост.	Возможные большие погрешности из-за занятости в теневом секторе.	Наибольшие показатели безработицы за III квартал 2016 г. в России – Республика Ингушетия и Чеченская Республика; далее – Республика Тыва; Карачаево-Черкесия; Калмыкия; Забайкальский край; Республика Кабардино-Балкария (примерно соответствует уровню Иркутской области) [10].

Таблица 6

Масштабы коррупции

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Сохраняется. Глава президентской администрации Сергей Иванов заявил, что по уровню коррупции в России продолжает лидировать Северный Кавказ.	Коррупция на Северном Кавказе ничем принципиально не отличается от других регионов. Борьба с коррупцией в СКФО не может быть эффективной в отдельном взятом регионе.	Обостряется. По информации замгенпрокурора России И. Сыдорука, в 2015 г. выявленный ущерб от коррупционных преступлений в СКФО превысил 4,4 млрд рублей; всего было выявлено 1873 преступления коррупционной направленности, что на 11,6 % больше по сравнению с 2014 г. (2,5 % от всех зарегистрированных преступлений – самый высокий показатель в России) [12]. Средний размер взятки за I-й квартал 2017 г. составил 500 тыс. руб., что в 12 раз больше, чем прошлогодние показатели [13].

Проблема коррупции на Северном Кавказе остается очень острой (табл. 6), и на сегодняшний день именно она выдвигается в число главных факторов воспроизводства экстремизма и терроризма. Коррупция «работает» на делигитимацию государства и является одним из главных козырей в борьбе экстремистов и террористов за умонастроения людей. Однако решить проблему коррупции в отдельно взятом регионе без существенных позитивных сдвигов в этом деле в масштабах всей страны невозможно. Спецификой Северного Кавказа является сочетание коррупции с этноклановостью.

Методики расчета эффективности региональных органов власти подвергаются критике в научной литературе и претерпевают изменения в процессе применения, поэтому делать эвристически ценные выводы на основе этих рейтингов затруднительно. Однако при всей сложности оценки ситуации с опорой на существующие рейтинги можно сохранить ранее сделанный вывод, что неэффективность органов власти не является северокавказским феноменом и характерна для большинства регионов России и властей всех уровней (табл. 7).

Таблица 7

Крайне низкая эффективность региональных органов власти

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Сохраняется	Не является северокавказским феноменом, характерно для большинства регионов и федеральных органов власти	По результатам официальной оценки эффективности деятельности органов власти в 2015 г. определены 20 регионов-лидеров: на втором месте – Чеченская Республика, на 11-м – Республика Ингушетия [14]. По экспертным оценкам, этот рейтинг в 2016 г. следующий: Чеченская Республика – четвертое место, КЧР – 37–40; КБР – 50–51; Ставропольский край – 54; РСО – Алания – 72; Республика Ингушетия – 74; Республика Дагестан – 83-е место. Замыкают рейтинг Карелия и Бурятия [15].

Мы, как и ранее, считаем, что единственным путем к демонтажу клановой системы (табл. 8) на Северном Кавказе является реиндустриа-

лизация и технологическая модернизация, однако затруднительно говорить о модернизационном проекте для Северного Кавказа, когда такого проекта нет в общероссийском масштабе.

Таблица 8

Этноклановость

Данные 2014 г.		Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Примечание	Влияние на региональную ситуацию
Сохраняется с тенденцией к усилению, чему способствуют реализуемые в регионе экономические проекты (аграрное производство, туризм, строительство, сфера услуг, т. е. отрасли, в которых во всем мире доминирует семейный бизнес). Преодолеть эту тенденцию можно только путем реиндустриализации региона на современной технологической основе.	Клановость, nepo-тизм, другие проявления непрозрачности во власти и в ведении бизнеса свойственны всей России. Специфика Северного Кавказа – этнический компонент.	Сохраняется. Отсутствуют экономические механизмы демонтажа клановой системы.

Таблица 9

Преступная деятельность бандподполья

Данные 2014 г.	Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Влияние на региональную ситуацию
Уменьшилось вследствие эффективных действий «силовиков» и «зачистки» региона перед Олимпиадой-2014. Фактически разгромлен «Имарат Кавказ».	Ситуация остается сложной.

Постоянно поступают сообщения о вооруженных столкновениях. Наиболее дерзкое нападение осуществлено на военнослужащих Росгвардии в Наурском районе Чеченской Республики в 24 марте 2017 г., в ходе боя погибли шесть военнослужащих. В январе 2017 г. в ходе спецопера-

ции в Курчалоевском районе ЧР также погибли двое служащих Росгвардии. В 2016–2017 гг. наметилось изменение в оценках ситуации на Северном Кавказе со стороны медийного комплекса. Интернет-издания предлагают материалы под характерными заголовками: «Бандподполье на Северном Кавказе поднимает голову», «Кавказское подполье докатилось до Петербурга?», «Бандподполье: ИГИЛ ищет резервы на Северном Кавказе», «Бандподполье на Северном Кавказе активизируется» и т. д.

Однако насколько правомерно рассматривать деятельность бандподполья в качестве причины или фактора поддержания напряженности на Юге? Скорее, это часть, элемент экстремистско-террористической деятельности, результат, следствие действия рассмотренных выше причин или факторов. Но в одном аспекте сам факт существования и деятельности бандподполья играет роль фактора воспроизводства экстремизма и терроризма: пока бандподполье существует и манифестирует свою активность, оно будет выступать в качестве аттрактора для радикально настроенных людей. Когда есть возможность «уйти в леса» и присоединиться к одной из находящихся там группировок, будут находиться люди, выбирающие именно такой путь. А сами участники бандподполья будут продолжать вербовать сторонников в свои ряды. Поэтому ликвидация бандподполья на Северном Кавказе остается одной из главных задач по стабилизации обстановки (табл. 9, 10).

Таблица 10

Экстремизм, который поставляется нам из-за рубежа

Данные 2014 г.	Данные 2015–2016 гг.
Влияние на региональную ситуацию	Влияние на региональную ситуацию
Резко возросло по причине разрастания геополитической борьбы по всему геополитическому региону Прикаспий – Причерноморье – Кавказ – Ближний Восток – Средиземноморье.	Секретарь Совбеза России Н. Патрушев заявил апреле 2017 г., что международные террористы наращивают вербовку боевиков и пропаганду своей идеологии на Северном Кавказе. В СКФО выявлено 66 человек, занимавшихся вербовкой. Активизировалось бандподполье, которое финансируется из-за рубежа, а спецслужбы фиксируют попытки создания автономных законспирированных террористических ячеек для совершения резонансных терактов. Особую угрозу представляют граждане, причастные к деятельности международных террористических организаций, на стороне террористов в Сирии и Ираке воюют почти 2,7 тыс. жителей Северного Кавказа [16].

Геополитическая обстановка на южном геостратегическом направлении в 2017 г. остается сложной, и в контексте начавшейся геополитической перестройки мира можно прогнозировать, что давление геополитических соперников России на южных рубежах усилится. Полиэтнический Юг России, Северный Кавказ будут важной мишенью в геополитической борьбе.

Таким образом, привлечение доступных данных за 2015–2016 гг. позволяет сохранить ранее сделанную оценку о неустойчивой стабилизации региональной ситуации. При этом центр тяжести перемещается в политическую плоскость. Наряду с внешним давлением на южное приграничье, в качестве наиболее значимых факторов, действующих на поддержание и воспроизводство экстремизма и терроризма, необходимо выделить коррупцию, сращенную с этноклановыми структурами. На современном этапе нет оснований прогнозировать сколь-нибудь заметное снижение действия большинства проанализированных выше факторов поддержания и воспроизводства терроризма и экстремизма, соответственно, нет оснований рассматривать более оптимистические варианты прогнозов по сравнению со сделанными в 2016 г.

Примечания

1. В 2015 году число жертв конфликта на Северном Кавказе снизилось вдвое // Кавказский узел. 05.02.2016. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/277116/> (дата обращения: 15.10.2016).

2. В 2016 году число жертв конфликта на Северном Кавказе выросло на 11 % // Кавказский узел. 2.02.2017. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297004/> (дата обращения: 12.02.2017).

3. Медведев Д.А. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета безопасности. 09.06.2009 // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4384> (дата обращения: 15.09.2016).

4. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Факторный анализ динамики региональной ситуации на Северном Кавказе через призму человеческого капитала // Власть. 2017. № 1. С. 33–45.

5. Авксентьев В.А. Факторы поддержания нестабильности, экстремизма и терроризма в южном макрорегионе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года): материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2016. С. 4236–4246.

6. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Тарасова М.В., Шульга М.М. Тенденции нестабильности, воспроизводство экстремизма

и терроризма в южном макрорегионе: факторный анализ // Проблемы развития полиэтничного макрорегиона: геополитические, экономические и социокультурные процессы: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 19–23 сентября 2016 г. / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2016. С. 5–36.

7. Аналитический бюллетень «Социально-экономическое положение регионов РФ. Итоги 2016 года». URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regpol_01_2017.pdf (дата обращения: 08.06.2017).

8. Самые богатые и бедные регионы России // Комсомольская правда. 01.06.2016. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/26533/3553832/> (дата обращения: 09.06.2017).

9. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2016 // МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html> (дата обращения: 07.06.2017).

10. Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2016 года (по итогам обследования рабочей силы) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/216.htm (дата обращения: 07.06.2016).

11. Безработица на Северном Кавказе в 2016 году снизилась на 0,8 % – до 3,3% // Это Кавказ: информационно-познавательный мультимедийный портал агентства ТАСС о российском Кавказе. 08.11.2016. URL: <https://etokavkaz.ru/news/17753> (дата обращения: 12.12.2016).

12. Выяснился реальный размер коррупции на Северном Кавказе // Строительство.RU: сетевое издание. 15.04.2016. URL: <http://rcmm.ru/novosti/25722-vyyasnilya-realnyy-razmer-korruptcii-na-severnom-kavkaze.html> (дата обращения: 11.06.2017).

13. На Кавказе средний размер взятки увеличился до 500 тысяч рублей // РИА Новости. 27.04.2017. URL: <https://ria.ru/incidents/20170427/1493226174.html> (дата обращения: 18.05.2017).

14. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации по итогам 2015 года // Правительство России. Официальный сайт. 13.05.2016. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/23013/> (дата обращения: 16.05.2016).

15. Орлов Д.И. Туровский Р.Ф. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2016 году // Regcomment.ru. 09.12.2016. URL: <http://www.regcomment.ru/articles/rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektakh-rossiyskoj-federatsii-v-2016-godu/> (дата обращения: 17.01.2017).

16. Патрушев: международные боевики активизировали вербовку на Северном Кавказе // РИА Новости. 19.04.2017. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170419/1492554605.html (дата обращения: 24.06.2017).

Г.Д. Гриценко

ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ¹

Период с конца XX по начало XXI в. стал серьезным испытанием для разных стран. Террористические акты стали «обыденным» делом для мирового сообщества. И здесь можно провести трагическую параллель с концом XIX – началом XX в. Именно террористический акт стал отправной точкой Первой мировой войны, которая в свою очередь ускорила Февральскую, а затем и обусловила Октябрьскую революцию в 1917 г. Это может быть косвенным подтверждением «живучести» терроризма и тех факторов, которые его актуализируют. Одной из «горячих» точек в рассматриваемом контексте считается Северный Кавказ и Ставропольский край как его составная часть.

В последнее время Ставрополье находится в центре внимания как различных террористических организаций, так и правоохранительных органов. С одной стороны, после того как российская авиация стала наносить авиаудары по базам ИГ в Сирии, силовики Ставрополья ждали возвращения в «родные пенаты» жителей края, которые в свое время уехали воевать на стороне боевиков [1]. Так, из края, только по официально озвученным данным, выехало 150 ставропольцев [2]. В отношении всех ставропольчан, воюющих в Сирии, возбуждены уголовные дела [3]. С другой стороны, вооруженное подполье стремится вывести свою террористическую активность за рамки кавказских республик, а именно на Ставрополье [4].

Серьезной проблемой для Ставропольского края стал тот факт, что среди отбывших воевать на Ближний Восток есть и студенты. Так, 1 декабря 2015 г. в Ростове-на-Дону Северо-Кавказский окружной военный суд (СКОВС) приговорил студентов Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского медицинского университета и выпускника Северо-Кавказского социального института, обвиняемых в вербовке россиян для участия в незаконных вооруженных формированиях

¹ Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

ИГ на территории Сирии (за год своей деятельности им удалось склонить к участию в боевых действиях четырех человек, которые вылетели в Сирию и вступили в джамаат «Абу-Ханифа», являющийся структурным подразделением террористической организации «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар»), к лишению свободы на сроки от пяти до семи лет [5].

Эксперты единодушны в том, что молодежь подвергается мощному информационному воздействию через Интернет и что нецелесообразно говорить о том, будто бы молодые люди, которые уезжают в Сирию, – это прежде всего дети из неблагополучных, неполных, пьющих семей. Напротив, нередко это молодые люди, которые имеют обоих родителей с высшим образованием и которые сами являлись прилежными студентами [6].

Что же заставляет их добровольно покидать уютные дома и уезжать в неизвестность для достижения «высокой» цели? По мнению экспертов, это ухудшение социально-экономической ситуации в стране и особенно на Северном Кавказе, проявляющееся в разных аспектах, как-то: сохраняющийся длительное время низкий уровень промышленного производства в регионе; стабильная зависимость северокавказских республик от дотаций из федерального бюджета; «многоцветная» бедность, по-прежнему являющаяся основной особенностью жизни на Северном Кавказе; достаточно высокий уровень безработицы среди молодежи, занятость значительной части населения в теневом секторе региональной экономики. Отдельно следует сказать о коррупции, которая, согласно точке зрения экспертов, выдвигается в число главных факторов поддержания и воспроизводства терроризма на Северном Кавказе. Для молодежи также привлекательны романтика дальних стран и адреналин неизвестности [7]. Данные обстоятельства заставляют принимать усиленные меры «по проверке и “завариванию” чердаков и подвалов» [8], и активизировать профилактическую и воспитательную работу с молодежью, в том числе и со студентами.

Понимание того, что ИГ нуждается не только в «воинах», но и специалистах в области медицины, нашло отражение в создании в Ставропольском государственном медицинском университете развитой системы организационных и практических мероприятий, направленных на профилактику экстремистских и террористических угроз в студенческой среде. Основой такой системы стала целевая программа «Студенты-медики за гуманизм, безопасность, против экстремизма» на 2011–2017 гг.

При реализации программы особое внимание уделяется профилактической работе со студентами, находящимися в ситуации возможного

попадания в поле противоправного поведения или экстремистской активности. Для выявления такой группы студентов организовано систематическое исследование оценки поведенческих рисков и возможностей студентов. При этом обязательно учитывается принадлежность студентов к категориям, содержащим рискогенный потенциал. Это студенты-мигранты, прибывшие на обучение из соседних республик; студенты из социально незащищенных категорий населения; студенты, имеющие проблемы в обучении, социально-психологической и социокультурной адаптации и др.

Неотъемлемой частью системы профилактической работы со студенческой молодежью является ежегодный мониторинг проблемы «Отношение молодежи к экстремизму» среди студентов. Именно в ходе анкетирования (2016 г.) было установлено, что почти треть опрошенных студентов знакома с деятельностью экстремистских организаций, при этом 2,3 % (5 человек) получали приглашение для участия в подобных организациях, 8,7 % (20 человек) принимали участие в конфликтах на национальной почве. К позитивному аспекту может быть отнесено то, что большинство студентов (60,87 %) знает, куда обращаться в случаях обнаружения фактов проявления экстремизма, и все они готовы сотрудничать с правоохранительными органами по противодействию экстремизму.

С целью профилактики экстремистских и террористических угроз в студенческой среде постоянно проводятся встречи с представителями ГУВД, ФСБ, миграционной службы края. В частности, был организован круглый стол «Социально-культурные и психологические аспекты молодежного экстремизма» с участием студенческого актива, сотрудников Отдела по борьбе с экстремизмом Федеральной службы безопасности и экспертов по вопросам предупреждению экстремизма. Благодаря такому взаимодействию студенты университета получили возможность участвовать в реализации программы мероприятий в рамках гранта по информационному противодействию терроризму и экстремизму в образовательной среде.

Важным элементом профилактической системы становится учебно-методическое обеспечение, включающее разработку и введение в учебные планы специальных курсов по противодействию религиозно-политическому экстремизму; проведение для студентов регулярных публичных лекций, направленных на профилактику проявлений экстремизма, преступлений против личности, общества, государства.

С целью нормативно-правового обеспечения системы противодействия терроризму и экстремизму разработаны:

- паспорт безопасности и антитеррористической защищенности СтГМУ;
- памятка по безопасности для студентов СтГМУ;
- инструкция по мерам обеспечения безопасности жизнедеятельности и антитеррористической защищенности университета;
- методические рекомендации для преподавательского состава вузов и сузов по вопросам профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде;
- методические рекомендации по организации кураторских и информационно-образовательных часов, направленных на профилактику терроризма и экстремизма в студенческой среде и др.

Для предупреждения распространения экстремистских и террористических идей в студенческой среде активизирована деятельность органов студенческого самоуправления. Например, с целью проведения совместной профилактической деятельности с правоохранительными органами г. Ставрополя был создан студенческий отряд «Импульс». Безусловно, система по предупреждению терроризма предполагает создание условий для оказания комплексной консультативно-педагогической и социально-психологической помощи студентам, которые потенциально могут быть отнесены к «группе риска» [9].

Существующая в медицинском университете система работы по профилактике экстремистских и террористических угроз дает положительный результат. Однако социально-экономическая, геополитическая, этноконфессиональная и социокультурная ситуация постоянно усложняется. А это означает, что система противодействия должна непрерывно «подстраиваться» под изменяющуюся деятельность террористических организаций. В складывающихся условиях работа по противодействию строится, как правило, по принципу «догоняющего», а система – по принципу «пожарника». Ведь очень сложно выявить всех молодых людей, которые потенциально могут относиться к «группе риска», и проводить с ними индивидуальную работу, что делают террористические эмиссары. Именно поэтому многие предпринимаемые меры не могут обеспечить скорейшего искоренения терроризма в современном обществе, особенно полиэтничном.

Примечания

1. В Ставропольском крае спецслужбы уничтожили двух террористов ИГ // Журналистская правда. 2017. 24 апреля. URL: <https://jgazeta.ru/v-stavropolskom-krae-spetssluzhbyi-unichtozhili-dvuh-terroristov-ig/> (дата обращения: 11.05.2017).

2. Дроботов А. 150 ставропольцев уехали в Сирию воевать за террористов // Комсомольская правда. 2017. 9 января. URL: <http://www.kp.by/daily/26627.5/3646412/> (дата обращения: 11.05.2017); Евсеев С. Сотни заблудших душ // Открытая. 2016. № 25. С. 3.

3. Дроботов А. Ставропольский студент получил срок за попытку уехать к террористам ИГИЛ в Сирию // Комсомольская правда. 2016. 17 ноября. URL: <http://www.alt.kp.ru/daily/26607/3624708/> (дата обращения: 01.05.2017); В Пятигорске продолжается суд над террористами // Старополье. TV. URL: <http://www.stavropolye.tv/events/view/80196> (дата обращения: 11.05.2017).

4. Стародубская И. Северный Кавказ: куда идешь? // Серый журнал. 2013. URL: <http://koromko.ru/doklad-severnnyiy-kavkaz-quo-vadis-kuda-idesh/> (дата обращения: 11.05.2017).

5. Горяев О. Ставропольским студентам зачли вербовку // Коммерсантъ. 2015. 1 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2866961> (дата обращения: 11.05.2017).

6. Гущина Т. Как дети из благополучных российских семей уходят к террористам // Комсомольская правда. 2016. 12 августа. URL: <http://www.ufa.kp.ru/daily/26567/3583571/> (дата обращения: 11.05.2017).

7. Гриценко Г.Д., Часовская Л.Н. Подрастающее поколение группы риска в современном российском обществе. Ставрополь, 2009. С. 56.

8. Павлова Е.В. условиях террористической угрозы // Вечерний Ставрополь. 2016. 3 апреля URL: <http://vechorka.ru/article/v-usloviyah-terroristicheskoy-ugrozy/> (дата обращения: 11.05.2017).

9. Гриценко Г.Д., Часовская Л.Н. Указ. соч.

Е.Н. Сейфиева

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ЗАПАДА И ВОСТОКА

Переселение мигрантов из стран Ближнего Востока связано с обострением гражданской войны в Сирии, войны в Ираке, в Афганистане и других странах данного региона. В связи с этим гражданскому населению пришлось покинуть свои дома и жить в специальных лагерях, ждать разрешения конфликтов. Но пребывание в антисанитарных условиях, минимальное количество средств к существованию, болезни вы-

нудили людей переселиться в Европу в надежде на достойный уровень жизни, который предлагают страны Европейского союза (выплачивая беженцам социальные пособия, предоставляя возможность устроиться на работу и свободное перемещение по странам Евросоюза). Также ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) стала активно вести террористическую деятельность, влияя на население новых территорий, что привело к увеличению беженцев и переполнению лагерей. Еще одной причиной для переселения беженцев в Европу послужил демографический взрыв в странах Ближнего Востока, который, превысив возможности экономики стран, не смог обеспечить занятость трудоспособного населения и в дальнейшем привел к увеличению уровня бедности, социального неравенства.

Такие причины, как обострение гражданской войны, активная террористическая деятельность ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), демографический взрыв, вынудили часть населения стран Ближнего Востока направиться в Европу для того, чтобы обеспечить себе и своим семьям условия для дальнейшего существования. Мигранты выбрали именно Европу, поскольку страны Европейского союза предоставляют беженцам социальное пособие, которое может обеспечить им достойный уровень жизни, даже в условиях безработицы. Так, по официальным данным, за октябрь 2016 г. в Европу прибыло около 220 тыс. беженцев, и их поток увеличивается. В таблице 1 показана структура беженцев, прибывших в Европу за 2016 г. (всего 1 127 529 человек) [1].

Таблица 1

Структура беженцев, прибывших в Европу в 2016 г.

Страна	Количество, чел.	Структура, %
Сирия	372 367	33,0
Афганистан	251 639	22,3
Ирак	178 963	15,8
Сербия	87 950	7,8
Пакистан	67 196	5,9
Албания	47 164	4,1
Эритрея	50 817	4,5
Иран	40 184	3,6
Нигерия	31 249	3,0
Всего	1 127 529	100,0

Таблица 1 показывает, что самое большое количество беженцев прибыло в Европу из Сирии, так как именно в этой стране вышеописанные проблемы проявились сильнее, чем в остальных странах. В таблице 2 показана структура стран, которые стали приоритетными для беженцев при переселении (первое полугодие 2016 г.).

Таблица 2

*Структура европейских стран, принимающих мигрантов
(первое полугодие 2016 г.) [2]*

Страна	Доля, %
Германия	31,0
Венгрия	13,0
Австрия	5,0
Италия	6,0
Франция	6,0
Швеция	5,0
Великобритания	3,0
США	11,0
Турция	20,0

Данная таблица показывает, что самой приоритетной страной для мигрантов стала Германия, так как именно она предоставляет одно из самых высоких социальных пособий беженцам.

В связи с большим потоком беженцев из стран Ближнего Востока в Европейский союз возник европейский миграционный кризис. Попытками разрешения данного кризиса явились:

– закрытие границ между некоторыми странами Европейского союза. В 2016 г. 8 из 26 стран Европейского союза вернули пограничный контроль на своих границах;

– соглашение Европейского союза и Турции о высылке мигрантов. Это произошло в конце 2015 г., когда было принято решение Турции и Евросоюза о депортации беженцев в Малую Азию. В связи с принятием данных мер арабские беженцы были вынуждены искать новые маршруты [3].

Выделено несколько маршрутов нелегальной миграции беженцев в страны Евросоюза – Апулия и Калабрия (нелегальная миграция из Турции и Египта, а также миграционные потоки между Грецией и Италией); круговой маршрут из Албании в Грецию (через сухопутную границу между Грецией и Албанией); западнобалканский маршрут (включает два

миграционных потока: первичный – из стран Западных Балкан, вторичный – мигранты, пересекающие границу Европейского союза через наземную или морскую болгаро-турецкую или греко-турецкую границу, через Западные Балканы в Венгрию. Данный маршрут используют граждане стран Пакистана, Афганистана, Алжира); восточносредиземноморский маршрут (через Турцию в Грецию, Болгарию, Кипр. Этот маршрут используют беженцы из Сирии, Афганистана); восточные границы Евросоюза (через сухопутную границу между Белоруссией, Молдавией, Украиной, Россией и восточными государствами-членами Евросоюза); арктический маршрут (через Россию к сухопутным границам с Норвегией и Финляндией. Этим маршрутом пользуются граждане Афганистана и Сирии) [4].

Нелегальная миграция морским путем сопряжена с риском для жизни: многие мигранты погибли в водах Средиземного моря, в том числе дети и старики. По имеющимся данным на сентябрь 2016 г., через Средиземное море в Европу добралось 350 тыс. человек, что на 60 % больше, чем в 2015 г. При этом известно, что при переправе через Средиземноморье погибло 2400 человек [5].

Количество сирийских мигрантов, которые переправляются из Турции, сократилось, но возросло количество беженцев из Ирака и Афганистана. Так, в сентябре 2015 г. переправлявшиеся в Европу, по пути через Турцию в Грецию, сирийцы составляли 69 %, а в январе 2017 г. их доля в общем потоке мигрантов снизилась до 39 %. Наряду с этим число иракцев и афганцев, переправлявшихся этим же путем, выросло с 8 % до 25 % и с 18 % до 24 % соответственно [6].

Результатом нелегальной миграции стали не только экономические и политические проблемы, но и рост преступности. Увеличилось число грабежей, разбойных нападений, случаев насилия и убийств. Странам Европы приходится тратить огромное количество денег на содержание мигрантов (вместо ожидаемых 66 тыс. чел., переселенцев оказалось 1,2 млн) [7]. Многим государствам не под силу управлять таким большим потоком мигрантов, которые начинают вести себя в Европе «как дома» (мигранты стали активно пропагандировать свои религиозные и культурные ценности), что приводит к нарастанию недовольства местного населения, проявляющегося в митингах, выступлениях и протестах (в Германии было совершено нападение на центр, в котором планировалось принять беженцев, в Финляндии поджигали несколько центров приема беженцев, в Эстонии прошла акция против массовой миграции и исламизации Европы). Каждое из государств, принявших потоки беженцев, предпринимает меры

для преодоления миграционного кризиса с учетом своих национальных интересов. Европейские страны не готовы решать эту проблему в соответствии с планом, предложенным Германией, однако они сами ничего не предлагают для решения кризиса, а вводят только ограничительные меры [8].

Переселение мигрантов приводит к расколу стран Европейского союза из-за возникновения противоречий в вопросе совместного разрешения проблем с расселением мигрантов, потому как в разных странах происходит неравномерная нагрузка на миграционные службы (в одних странах идет планомерная регистрация мигрантов, в других же она создает чрезмерную нагрузку на контролирующие органы).

Еще одним последствием переселения беженцев в страны Европы является угроза терроризма. Многие считают, что вместе с мирными гражданами стран Ближнего Востока на территорию Евросоюза проникают террористы и экстремисты (по данным Европола, на территории Европы находится около 5 тыс. джихадистов [9]), тем самым вызывая в европейском обществе страх и неприязнь к беженцам. Крупными террористическими актами на территории европейских стран являются теракты в Париже, Италии, Германии, Турции и т. д.

В связи с указанными проблемами руководство многих стран принимает меры по преодолению миграционного кризиса: заградительные стены, расселение стихийных лагерей беженцев, соглашения между Евросоюзом и Турцией по разрешению миграционной ситуации. Взамен Турция получает некоторые плюсы для своих граждан.

Что же касается России, то поток мигрантов сюда из стран Ближнего Востока незначителен, так как в Европе социальные пособия для беженцев значительно выше. Для беженцев Россия – это один из путей в страны Европейского союза. Это видно по числу мигрантов в нашей стране, которых насчитывается всего около 2 тыс. человек, а в Германии, например, их число достигает 800 тыс. [10].

Миграционный кризис обострил внутренние противоречия в странах Евросоюза. В частности он повлиял на решение Великобритании выйти из Евросоюза. Так, на проведенном референдуме за выход проголосовало 52 % населения, а против – 48 % [11]. Также одним из последствий миграционного кризиса является появление исламистского терроризма в Европе. По официальным данным, за последние два года в терактах погибло 443 человека. Так, 14 июля 2016 г. в Ницце террорист на грузовике протаранил толпу людей, которые собрались на Английской набережной в честь Дня взятия Бастилии. В результате погибло 84 человека, более 300 были ранены. Ответственность за со-

вершенный теракт взяла на себя террористическая группировка «Исламское государство» [12].

22 марта 2016 г. произошла серия терактов в Брюсселе. Взрывы прогремели в зале аэропорта и на станции метро. Погибло 32 человека, ранения получили более 300 человек. 13 ноября 2015 г. совершена серия терактов в Париже, когда была открыта стрельба в одном из городских ресторанов и в концертном зале. Этот теракт стал крупнейшим за всю историю страны по количеству жертв: 130 человек погибло, более 350 были ранены. 21 августа 2015 г. была открыта стрельба в скоростном поезде, который следовал по маршруту Амстердам – Париж. Террориста удалось обезвредить. В результате пострадало 3 человека. 7 января 2015 г. во Франции была открыта стрельба в редакции сатирического еженедельника Charlie Hebdo. Погибло 12 человек, десятки были ранены. Ответственность за все эти теракты взяла на себя террористическая группировка «Исламское государство» [13].

Таким образом, переселение беженцев из стран Ближнего Востока в Европу вызывает ряд негативных последствий. Во-первых, на мигрантов расходуются бюджетные средства, они занимают рабочие места, что вызывает протест со стороны местных жителей. Недовольство среди граждан европейских стран приводит к усилению праворадикальных группировок. Во-вторых, на континент под видом беженцев проникают террористы ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), угрожающих мирной жизни европейцев. В-третьих, приток граждан Ближнего Востока, в большинстве своем исповедующих ислам и имеющих свои традиционные ценности, отличные от европейских, приводит к столкновению на религиозной и культурной почве. Наконец, приток мигрантов, вызвавший ужесточение контроля на границах, может привести к распаду Шенгенской зоны, а возможно и всего Европейского союза.

Европейцы в данной ситуации стали заложниками своих демократических и гуманистических принципов. В политологии к моменту начала миграционного кризиса был накоплен значительный объем научных знаний об ограниченных возможностях решения гуманитарных проблем путем регулирования миграционных процессов. Данный инструмент не только не решает кризисных ситуаций на территории стран-доноров потока, но также приводит к возникновению социально-экономических, а впоследствии и политических кризисов в странах-акцепторах. Таким образом, на примере стран ЕС очевидна необходимость создания институционального механизма, который бы позволил при принятии ключевых социально-политических решений

государства, оказывающих влияние на сами возможности его существования, учитывать устоявшиеся научные положения, основанные на обобщенном опыте других стран.

Примечания

1. Силантьева В.А. Миграционный кризис в Европе: вторжение или приглашение? // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 164–172.

2. Кравченко Л.И. Миграционный кризис в Европе. URL: <http://rusrand.ru/analytics/migracionnyy-krizis-v-evrope> (дата обращения: 12.12.2016).

3. Глущенко Г.И., Осьмова М.Н. Статистическая оценка европейского миграционного кризиса // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 59–74.

4. Кризис с мигрантами в Европе в 2015–2016 годах. URL: <https://ria.ru/spravka/20160414/1410128475.html> (дата обращения: 12.12.2016).

5. Средиземное море газа: Европе отдадут остатки. URL: <https://eadaily.com/ru/> (дата обращения: 15.01.2017)

6. Медушевский Н.А. Влияние миграционного кризиса 2014–2016 годов на политику и социальное настроение в странах Европейского союза // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 167–176.

7. Мигранты в Европе: грозит ли кризис. URL: <http://emigranto.ru/spravochnaya/emigraciya/migranty-v-evrope.html> (дата обращения: 25.05.2017)

8. Абдуллаев Ф. Геополитика миграции западных стран: реалии, результаты, угрозы // Гилея: научный вестник. 2015. № 102. С. 422–432.

9. Зигенталер П. Как швейцарская глубинка реагирует на беженцев? URL: https://www.swissinfo.ch/rus/business_уроки-демократии_как-швейцарская-глубинка-реагирует-на-беженцев-/42446088 (дата обращения: 12.12.2016).

10. О миграционном потоке в Европу. URL: <http://www.gumilev-center.ru/o-migracionnom-potoke-v-evropu/> (дата обращения: 25.05.2017).

11. Никулина Я.С., Сейфиева Е.Н. Причины и перспективы развития конфликта в Сирии // Дискурс-Пи. 2016. Т. 13. № 1. С. 102–107.

12. Агаев Н.Б. Современная миграционная политика Франции и проблемы сирийских беженцев // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / под ред. А.А. Корнилова. Нижний Новгород, 2016. С. 141–149.

13. Хроника последних крупных терактов в Европе. URL: <http://mir24.tv/news/world/14779201> (дата обращения: 02.01.2017).

М.В. Донцова

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ (по результатам эмпирических исследований)¹

Сложившаяся в мире кризисная ситуация, выражающаяся в росте политических противоречий, интенсификации борьбы за ресурсы, появлении всё новых очагов вооруженных противостояний, существенно влияет на ситуацию в России и регионах. Любые кризисные политические процессы вызывают дестабилизацию внутренней обстановки в стране и интенсификацию негативных явлений. Особенно очевидны последствия кризиса в экономике страны, они проявляются в существенном снижении уровня жизни населения, что в условиях борьбы за социальные блага неизбежно влечет за собой недовольство и усиление противоречий. В этнополитических процессах кризисные явления проявляются в росте этнической конкуренции, интенсификации экстремистских явлений за счет увеличения миграционной активности. М.С. Передерий и С.В. Передерий отмечают: «Иммигрантское меньшинство и коренное большинство вступают в конфликт из-за того, что представители каждой группы имеют несовместимые экономические цели. Даже самые крайние меры, предпринятые против таких групп, могут во многом объясняться на этой основе. Торгующие меньшинства столь сильны экономически и организационно, что их крайне сложно вытеснить. Сложность в преодолении занявших прочные позиции посреднических монополий, затруднения в осуществлении контроля за их увеличением и расширением их экономической мощи вынуждают принимающую сторону на всё более жесткую реакцию» [1]. С другой стороны, внутри страны внешние кризисные процессы приводят к росту патриотизма и народной солидарности, гражданского и этнического самосознания. Однако в полиэтничных регионах, таких как Краснодарский край, фактор этничности может как солидаризировать общество, так и привести к затяжным конфликтам. И в данных условиях очень важную роль играет грамотная национальная политика, которая как базовый фактор влияния на этнополитические процессы призвана

¹ Статья выполнена в рамках работы над проектом «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (№0260-2014-0005), 2017 г.

обеспечивать баланс сил в ситуации высокой этнической конкуренции [2].

В настоящее время в Краснодарском крае набирает вес проблема влияния национальных элит, в частности казачества. С введением на Кубани в 2012 г. казачьих дружин – шаг губернатора А.Н. Ткачёва, который вызвал огромный общественный резонанс, – возникло множество споров по поводу влияния новой, уже институализированной силы на этнополитическую ситуацию в регионе, а также о реакции национальных меньшинств на данный шаг. Основным доводом представителей национальных меньшинств было противоречие решения губернатора духу закона. Например, примечательно высказывание представителя Армянского координационного совета (АКР): «Считаем, что создание на этнической основе каких-либо формирований, призванных, по словам губернатора, “наводить общественный порядок”, не соответствует Конституции РФ» [3]. В настоящее время казачество набирает силу и влияние в регионе. В школах края уже на законодательном уровне формируются казачьи классы (например, Приказ Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, Департамента казачества Краснодарского края от 01.09.2016 № 4177/76 «Об утверждении Положения о классах и группах казачьей направленности в образовательных организациях Краснодарского края»), набор в которые уже проходит на конкурсной основе из-за существенного преобладания спроса над предложением. И хотя общая обстановка в крае является стабильной, налицо наличие латентных противоречий.

Сохранению стабильности способствует активная и успешная деятельность НКО Краснодарского края, которые, несомненно, гармонизируют межнациональные отношения в регионе, служат развитию толерантности и успешной интеграции национальных меньшинств в региональный социум. Особенно это проявляется в МО «г. Сочи», где коэффициент этнической мозаичности самый высокий в регионе. Только армян, по данным переписи 2010 г., насчитывается более 13 % от общей численности муниципального образования. В Краснодарском крае численность данной национальной группы составляет 5,5 %, то есть в 2 раза ниже по сравнению с Сочи.

Для решения проблем межнациональных отношений в Сочи создан Совет национальных объединений, который координирует отношения национальных меньшинств с властью и является ярким примером работы институтов гражданского общества. Совет отстаивает интересы различных национальных групп в процессе решения спорных вопросов. Из-за высокой опасности открытых противостояний в

Сочи разработана своя система разрешения конфликтов с этнической составляющей с непосредственным участием Совета национальных объединений: на место конфликта, помимо полиции и представителей органов власти, приезжают уполномоченные национальных объединений, которые отстаивают интересы своих земляков, следят за исполнением прав и исполнением российского законодательства. Такие группы быстрого реагирования являются отличительной чертой г. Сочи.

В описанной ситуации для прогнозирования вероятности открытых конфликтов крайне важен мониторинг этнополитической ситуации, который вот уже несколько лет ведется учеными ИСЭГИ ЮНЦ РАН. В частности, для уточнения ситуации в Краснодарском крае был проведен ряд эмпирических исследований: анкетный опрос (2015 г. – 440 чел., 2016 г. – 330 чел.), экспертный опрос (2016 г. – 8 чел., 2017 г. – 10 чел.). Целью исследования явилось прогнозирование развития этнополитической ситуации в регионе и определение социальных ожиданий жителей края.

Согласно результатам опроса, налицо социальная депривация жителей региона. По данным анкетного опроса 2016 г., большинство жителей региона не ожидает в будущем изменения ситуации к лучшему, считая, что через 2 года ситуация останется такой же (44 %) или изменится к худшему (39 %). Оптимистичные прогнозы строят только 17 % опрошенных. По сравнению с 2015 г. ожидания жителей края стал более пессимистичными (см. рис. 1).

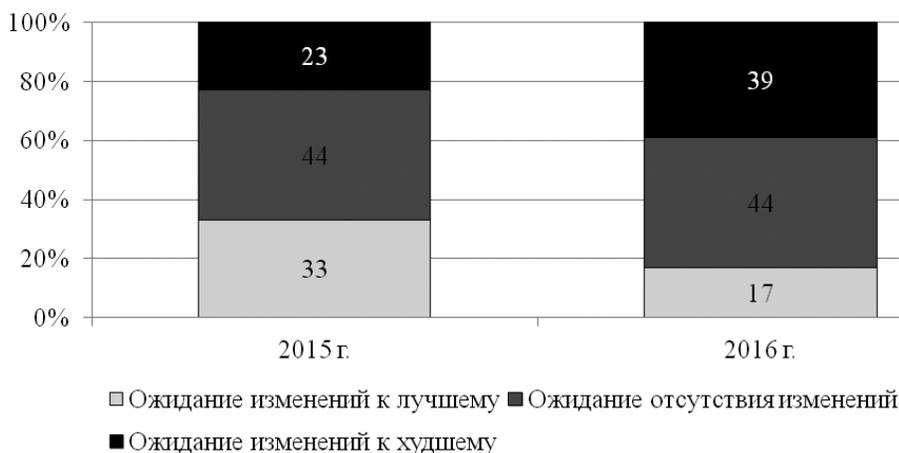

Рис. 1. Прогнозы жителей Краснодарского края о развитии ситуации в регионе (результаты опросов 2015, 2016 гг.)

Негативные социально-экономические ожидания жителей края непосредственным образом сказываются на установках в отношениях между местными жителями и мигрантами. Так, в 2016 г. по сравнению с результатами опроса 2015 г. выросло, хоть и ненамного, число людей, считающих, что мигранты создают конкуренцию на рынке труда (2016 г. – 40 %, 2015 г. – 32 %), что указывает на рост противоречий, связанных с доступом к благам и ресурсам между титульным и нетитульным населением. Однако в противовес данному факту видна тенденция к улучшению оценок межнациональной обстановки в целом: если в 2015 г. негативные оценки (конфликтность и напряженность) высказывали 25 % опрошенных, то в 2016 г. их численность сократилась в 2 раза (до 12 %), что можно объяснить укреплением гражданской идентичности в сознании жителей Краснодарского края, мерами органов власти по гармонизации межнациональных отношений и деятельностью НКО.

Результаты экспертного опроса показывают, что динамика развития этнополитической ситуации в Краснодарском крае склоняется к отрицательной тенденции. В 2016 г. средняя оценка составила 2,4 балла, в 2017 г. – 2,5 балла. Следует отметить, что оценки силовиков несколько более тревожные по сравнению с представителями ученого сообщества и власти. По мнению экспертов из числа представителей силовых ведомств, существующая на сегодняшний день этнополитическая напряженность носит затяжной характер. Существует тенденция к обострению ранее возникших противоречий. Как отметил один из экспертов, «новых факторов эскалации этнополитической напряженности в регионе за последние три года не появилось, но очевидна тенденция к дальнейшему углублению уже существующих проблем и противоречий». Также можно отметить, что эскалация напряженности никак не связана с новым электоральным циклом. При этом опасения, что в предстоящей избирательной кампании политические силы будут использовать фактор региональной идентичности, скорее всего, не оправдаются.

Большинство экспертов склоняется к тому, что напряженность ситуации в Краснодарском крае низкая. Основными факторами, оказывающими влияние на стабилизацию ситуации, являются деятельность НКО, подъем национального самосознания, национальная политика, проводимая в регионе. Так, примечательно мнение эксперта, касающееся НКО: «Деятельность НКО положительно сказывается в снижении этнополитической напряженности в Краснодарском крае, т. к. руководители профильных НКО имеют репутацию и поддержку ее членом». Данное мнение подтверждается опытом г. Сочи.

Также следует отметить, что сложная внешнеполитическая ситуация, судя по данным опроса, является фактором снижения этнополитической напряженности, поскольку мировые политические кризисы невольно консолидируют российское общество, усиливая гражданское самосознание и единство.

Согласно результатам экспертного опроса, основную роль в эскалации межэтнической напряженности играют деятельность национальных элит, рост коррупции в регионе и действия силовых ведомств. Один из экспертов причиной межэтнической напряженности назвал поддержку казачества: «На мой взгляд, одной из ключевых причин возникающих в Краснодарском крае конфликтов является неудачная национальная политика, основанная на основной поддержке представителей одной этнической группы – казачества (представители русских). На фоне этой поддержки другие этнические группы, в особенности армяне и адыги чувствуют депривацию. Это ведет к культурному дистанцированию этнических групп».

Как и в 2016 г., оценки экспертов в 2017 г. склоняются к мнению, что на эскалацию этнополитической напряженности влияют Украина, Турция и Евросоюз. При этом оценки экспертов указывают на усиление влияния данных стран, но ослабление влияния США. Также существенное влияние оказывает Армения, что вполне объяснимо, поскольку численность представителей данной национальной группы в регионе, как указывалось выше, очень существенна. Однако, на наш взгляд, конфликтный потенциал данная группа имеет слабый, главным образом потому, что армяне имеют ту же религиозную принадлежность, что и русские.

В 2016 г. эксперты вероятную эскалацию напряженности, хоть и опосредованно, связывают с электоральным циклом. По мнению большинства опрошенных, разрешение ситуации (ослабление напряженности) прогнозировалось к 2019 г. (см. рис. 2). В 2017 г. эксперты свои прогнозы уже не связывают с электоральным циклом, а в качестве одного из базовых факторов напряженности называют рост миграционной активности с неизбежными бытовыми конфликтами, усилением латентных противоречий и религиозной радикализацией национальных меньшинств, что, конечно, не может быть разрешено после выборов президента, поскольку это локальная, территориальная проблема. Также различия в оценках экспертов можно объяснить тем, что выборы в Государственную думу осенью 2016 г. прошли относительно спокойно и никак не повлияли на этнополитическую ситуацию. Ранее мы выдвигали предположения, что начало электорального цикла может спровоци-

ровать всплеск этнополитической напряженности [4]. Об этом же говорили и эксперты в 2016 г., но прогноз не оправдался. Поэтому в 2017 г., уже после выборов в Государственную думу, эксперты фактически исключили электоральные процессы из списка факторов и стали делать акцент главным образом на усилении миграционных потоков как базовом факторе этнополитической напряженности в регионе.

Если говорить о сбывшихся прогнозах, то, согласно данным опроса экспертов 2016 г., средняя оценка уровня этнополитической напряженности в 2017 г. должна была составить 2,7 балла. По факту, согласно оценкам экспертов, в 2017 г. этот прогноз полностью оправдался (см. рис. 2).

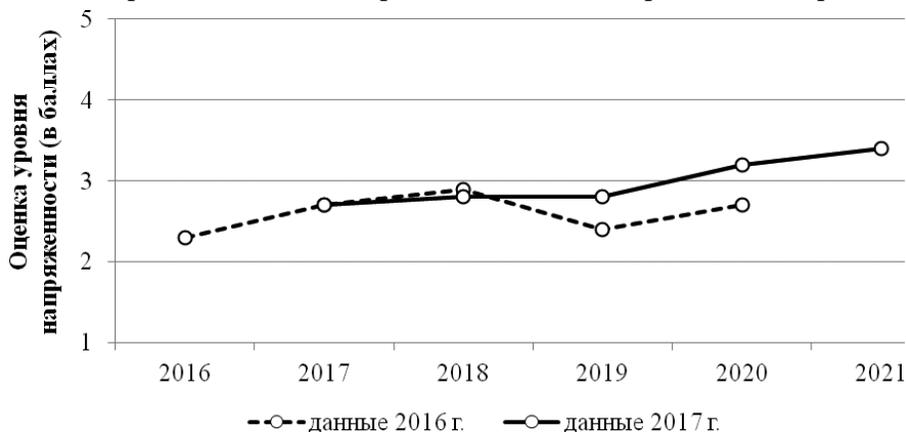

Рис. 2. Оценка уровня этнополитической напряженности экспертами в 2016 и 2017 гг.

Картография конфликтов с этнической составляющей в Краснодарском крае показывает, что резонансных случаев в регионе происходит крайне мало. Эксперты не отметили ни одного такого случая (за период 2015–2017 гг.). По мнению экспертов, конфликты переходят в латентное поле. Так, по результатам контент-анализа региональных сайтов Краснодарского края «Югополис» и «Кавказский узел» была произведена примерная количественная оценка конфликтов с этнической составляющей и случаев экстремизма на территории Краснодарского края за 2015–2016 гг. Было установлено, что данные конфликты носят одиночный характер и не имеют потенциала дестабилизации этнополитической обстановки в регионе. В процессе анализа было выявлено 11 случаев конфликтного характера, которые имели определенный общественный резонанс. Картография данных конфликтных случаев показывает, что большинство из них концентрируется в Краснодаре и причерноморской зоне [5].

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что этнополитическая ситуация в Краснодарском крае со временем будет усложняться. Основными факторами, дестабилизирующими ситуацию, являются деятельность национальных элит, рост коррупционной составляющей в жизни региона и снижение уровня жизни населения края, что провоцирует рост этнической конкуренции. Электоральные процессы не будут играть существенной роли в развитии этнополитических процессов в регионе. Также не ожидается открытых межнациональных конфликтов.

Примечания

1. Передерий М.С., Передерий С.В. Экономический фактор в этнополитических отношениях при становлении менеджмента: теоретические подходы // Университетские чтения. Пятигорск, 2009. URL: http://pglu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2829&ELEMENT_ID=14375 (дата обращения: 03.06.2017).

2. Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. № 9. С. 34.

3. Казачьи дружины. Ошибка Ткачева или вынужденная необходимость // Аргументы и факты. Кубань. URL: <http://www.kuban.aif.ru/society/details/100726> (дата обращения: 07.07.2017).

4. Юрченко И.В., Донцова М.В. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 6. Ч. 1. 2016. С. 42.

5. Донцова М.В. Конфликтотенные факторы развития этнополитической ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции. Сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 26–30 мая 2017 г. / отв. ред. А.А. Зайцев. Краснодар, 2017. С. 122.

РАЗДЕЛ 6. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТряСЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРЕ

Е.Ф. Кринко

СОБЫТИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЮГА РОССИИ¹

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война 1918–1920 гг. привели к кардинальным переменам в истории России. Как практически и везде в провинции, на юге страны упразднение существовавшей столетия монархии не вызвало серьезных социальных и политических потрясений. Напротив, Гражданская война здесь приобрела особенно ожесточенный характер. Именно южные области, где тесно переплетались острые национальные и социальные противоречия, стали местами кровопролитных сражений, что нашло свое отражение в различных формах исторической памяти. Несмотря на появление первых публикаций, рассматривающих данную проблему [1], практики мемориализации событий революции и Гражданской войны на юге страны еще не стали предметом специального изучения.

Свобода была главным политическим лозунгом революционных преобразований 1917 г. Скорбященская площадь в Царицыне (в настоящее время – Волгограде), на которой 2 марта 1917 г. состоялся митинг по поводу свержения самодержавия, вошедший в историю города, как День свободы, также получила название площади Свободы. Подобные топонимы появились и в других городах юга России, но смена власти и быстрое развитие событий придавали им новый смысл, обесценивая первоначальное значение.

Уже в 1918 г. большевики провозгласили программу монументальной пропаганды, рассматривая ее как важнейшее средство мобилизации масс на решение задач коммунистического строительства. Ее основы были закреплены декретом СНК РСФСР «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Социалистической Революции» от 14 апреля 1918 г. Вместо памятников «царям и их слугам» возводились новые мемориальные объекты, посвященные «великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства» [2].

Однако значительная часть территории юга России в 1918 г. оказалась под контролем противников большевиков, стремившихся осуществлять собственную мемориальную политику. Наиболее показательны мероприятия по увековечиванию памяти о главнокомандующем Добровольческой армии генерале Л.Г. Корнилове. Летом 1919 г. в Таганрогском театре состоялась выставка памяти Корнилова. В том же году на ферме у Екатеринодара (в настоящее время – Краснодара), где погиб Корнилов, был создан специальный музей, а на берегу Кубани – символическая могила генерала и его жены, уничтоженные с приходом красных. Мемориализация других лидеров Белого движения не имела широкого размаха. В 1918 г. станция Торговая (в настоящее время – Сальск) получила имя погибшего неподалеку еще одного основателя Добровольческой армии – генерала С.Л. Маркова.

С победой большевиков топонимика юга России, как и страны в целом, стала кардинально меняться: на смену названиям, ассоциировавшимся с прежним строем, пришли новые, символизировавшие происходившие после революции преобразования и их участников. Так, в Майкопе улица княгини Елены стала улицей Свободы, Офицерская – Краснооктябрьской, Соборная – Первомайской, Михайловская – Пионерской, Георгиевская – Комсомольской, Купеческая – Пролетарской, Церковная – Рабочей. Менялись и названия населенных пунктов: Екатеринодар после освобождения от белых стал Краснодаром (1920), хутор Романовский – городом Кропоткинским (1921) в честь родоначальника анархизма князя П.А. Кропоткина, село Елисаветпольское получило название Шаумян (1936) в честь революционера С. Шаумяна, председателя Бакинского СНК. Некоторые города и улицы меняли свои названия несколько раз, в связи с изменениями в политической конъюнктуре. Так, Баталпашинск стал Сулимовым (1934) в честь председателя СНК РСФСР Д.Е. Сулимова. Но в 1937 г. он был репрессирован, и город переименовали в Ежово-Черкесск в честь наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, а после его ареста в 1939 г. – в Черкесск. Царицын, одним из руководителей обороны которого в 1918–1919 гг. был И.В. Сталин, стал Сталинградом (1925), а в условиях критики «культы личности» – Волгоградом (1961). Ставрополь был назван Ворошиловским (1935) в честь наркома обороны СССР, Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова. В период нацистской оккупации ему было возвращено прежнее название, сохранившееся и после освобождения (1943). Прикумск в 1935 г. переимено-

вали в Будённовск в честь Маршала Советского Союза С.М. Будённого. В связи с выходом постановления о запрете называть населенные пункты именами здравствующих вождей в 1957 г. ему возвратили название, а после смерти маршала вновь переименовали в Будённовск. В Краснодаре улица Гимназическая стала Рабфаковской (1929), Хакурате (1936) – в честь адыгейского революционера Ш.-Г.У. Хакурате, посмертно подвергнувшегося политическим обвинениям, Ежова (1937), снова Рабфаковской (1938), Ворошилова (1939), Коммунистической (1957), снова Ворошилова (1970) и, наконец, опять Гимназической (1993).

В новых мемориальных объектах закреплялась память о победителях в Гражданской войне, упоминания о побежденных вытеснялись и замещались. Захоронения погибших революционеров и красноармейцев стали местами формирования новых похоронных и поминальных традиций. В 1918 г. в центре Царицына был похоронен председатель исполкома Царицынского совета Я.З. Ерман. Позже в его могилу дозахоронили курсантов и красноармейцев, погибших при подавлении восстания и защите города в 1918–1920 гг., и еще несколько человек, оставивших свой вклад в истории Царицына. Над братской могилой в 1925 г. воздвигли памятник в виде сцементированной груды булыжников как символа сплоченности пролетариата в классовой борьбе за свои права [3]. После освобождения Царицына от войск Врангеля в 1920 г. на Александровской площади были похоронены 55 жертв белого террора, ей присвоили имя Павших борцов.

Нередко под новые памятники использовались прежние пьедесталы, что имело не только практический, но и символический характер. На постаменте демонтированного памятника Екатерине II в Краснодаре был установлен памятник революции, после Великой Отечественной войны замененный на памятник Свердлову. Екатерининский сквер переименовали в сквер Свердлова. Одним из самых крупных первых советских мемориалов на юге страны стал 15-метровый обелиск в честь участников Таманского похода, установленный в 1923 г. в станице Славянской (в настоящее время – город Славянск-на-Кубани). Он был окружен 8 орудиями времен Русско-японской войны. Поверженная змея под обелиском символизировала раздавленную «гидру контрреволюции». В 1928 г. появился памятник борцам, павшим за власть Советов на Кубани, на Всесвятском кладбище в Краснодаре.

Значительная часть мемориальных объектов на юге России была связана с именами С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе, принимавших здесь активное участие в революции и Гражданской войне. В честь Орджоникидзе был еще в 1931 г. назван Владикавказ (до 1944 г. и с 1954 г.), в 1937 г. – Северо-Кавказский край (до 1943 г.), затем станица Слепцов-

ская Чечено-Ингушской АССР, поселки в Крымской АССР и Карачаевской АО, станция в Ростове-на-Дону, село Сергокала в Дагестане, другие населенные пункты, районы, учреждения и предприятия. Памятники ему были установлены в Орджоникидзе и Кисловодске. В честь Кирова в 1935 г. были названы улицы во Владикавказе и Симферополе, в 1952 г. – проспект в Пятигорске. В 1959 г. там же появился памятник, а в 1980 г. – в Орджоникидзе. Намного раньше, в 1939 г. памятник Кирову был установлен в Ростове-на-Дону на месте снесенной Покровской церкви на Кировском проспекте. Однако непосредственно в Ростове-на-Дону Киров был в 1918 г. делегатом на I съезде Советов Донской республики, что вряд ли можно считать основательной причиной для увековечивания. Это свидетельствует о том, что практики мемориализации жизни и деятельности конкретных участников революции и Гражданской войны зависели в большей степени от их последующей судьбы и общих тенденций в мемориальной политике, чем от исторических событий.

Главное место в советской мемориальной политике заняли памятники В.И. Ленину. В числе первых уже в 1924 г. были открыты памятники Ленину в Куртатинском ущелье (в настоящее время – Республика Северная Осетия – Алания), в Краснодаре на улице Красноармейской (скульптор Л.А. Дитрих), в поселке Орловском (в настоящее время – Ростовской области), в 1925 г. – в Царицыне. В Таганроге 22 января 1925 г. был открыт памятник Ленину на постаменте памятника Петру I (скульптор В.В. Козлов). При этом фигура Ленина, созданная на средства, собранные по подписке среди жителей города, оказалась мала по сравнению с внушительным постаментом [4]. В Новочеркасске памятник Ленину установили в 1925 г. на пьедестале памятника Платову. Севастопольский горисполком еще в 1924 г. обратился в Крымский совет народных комиссаров с предложением перелить бронзовый памятник адмиралу Нахимова в статую «вождя мирового пролетариата». Через четыре года с постаamenta памятника Нахимову сняли фигуру адмирала, сбили флаг, барельеф и надписи, а в 1932 г. установили статую Ленина. На постаменте были помещены революционные барельефы, на основание посажены фигуры матроса, красноармейца, рабочего и крестьянина.

Однако многие мемориалы первых пореволюционных лет были выполнены из недолговечных материалов и уже по истечении нескольких лет требовали замены. Большинство советских памятников 1920–1930-х гг. не пережили немецкой оккупации. В первую очередь, оккупанты сбрасывали и разбивали гипсовые и бетонные памятники Ленину, а бронзовые нередко шли на переплавку (как, например, в Севастополе). Лишь часть памятников удалось спрятать местным жителям.

После войны в советских мемориальных практиках сказываются новые тенденции. В первую очередь, они выразились в создании единых мемориальных комплексов, посвященных героям Гражданской и Великой Отечественной войн, призванных связать их в единый историко-мемориальный ряд. Так, в 1965 г. в Элисте был открыт мемориальный комплекс комсомольцам и героям Гражданской и Великой Отечественной войн. Мемориалы получили новое художественное обрамление, одним из главных атрибутов таких комплексов стал Вечный огонь, а в обществе вырабатывались новые практики их использования (например, посещение молодоженами при заключении брака).

На послевоенное время пришелся новый подъем мемориальной ленинианы. Памятники Ленину были установлены практически во всех населенных пунктах СССР для реализации не столько мемориальной функции – увековечивания памяти о самом основателе партии большевиков и Советского государства, сколько пропагандистской – закрепления символов нового строя. Неслучайно они размещались обычно в наиболее значимых местах массового скопления людей: в парках, на главных городских площадях, перед административными зданиями, железнодорожными и автомобильными вокзалами, формируя не только новый архитектурно-мемориальный ландшафт, но и соответствующее идеологическое пространство. Кинорежиссер А.Ю. Ханютин называет такие главные памятники «кафедральными», поскольку их характерным компонентом выступала трибуна: «Обычно трибуна обрамляла постамент памятника, составляя с ним единый архитектурный объект. По красным дням календаря здесь проходил важнейший для советской политической системы ритуал самопрезентации власти, призванный подтвердить ее легитимность». Самая большая группа памятников получила названия «местночтимых»: они использовались «для церемоний, масштаб которых не требовал трибуны и места для массовых шествий. Возле памятника Ленину, расположенного на территории промышленного предприятия, мог состояться заводской митинг, возле Ленина, установленного перед зданием средней школы, – прием школьников в октябрята или пионерская линейка, возле Ленина, принадлежащего ЖЭКу, – ленинский субботник» [5].

В большинстве своем памятники Ленину были типичными в художественном решении, различаясь размерами и материалом. Широкое распространение получили гранитные и бетонные копии статуй вождя, созданных еще в 1920-е гг. Г.Д. Алексеевым, А.Л. Котихиным, В.В. Козловым, в 1930-е гг. – С.Д. Меркуровым, Г.В. Неродой, в 1950-е гг. – П.П. Яцыно, в 1970-е гг. – Л.Е. Кербелем и другими скульпторами. Нередко вождя изображали вместе с людьми из народа – крес-

тянами, рабочими, красноармейцами, особенно часто – с детьми, что способствовало формированию образа Ленина как «самого человеческого человека», заботившегося о воспитании подрастающего поколения. Такие памятники часто устанавливались на территориях школ, детских садов и пионерских лагерей. Нередки были композиции, представлявшие рядом с Лениным сидевшего или стоявшего Сталина, – бетонные копии скульптуры Е.И. Белостоцкого, Г.Л. Пивоварова и Э.М. Фридмана (1937) или В.Б. Пинчука и Р.К. Таурита (1949). Но с началом критики культа личности Сталина практически все памятники с ним были демонтированы [6].

На вопрос, сколько всего памятников Ленину было создано на юге России в советскую эпоху и сколько из них продолжает существовать в настоящее время, ответить точно невозможно: специальных подсчетов не велось, а сведения обобщающих справочников крайне неполны. На специальном сайте «Памятники Ленину» указаны 1093 памятника Ленину на юге России, в том числе: 20 в Адыгее, 36 в Дагестане, 1 в Ингушетии, 16 в Кабардино-Балкарии, 14 в Калмыкии, 14 в Карачаево-Черкесии, 23 в Северной Осетии – Алании, 10 в Чечне, 292 в Краснодарском крае, 104 в Ставропольском крае, 41 в Астраханской области, 97 в Волгоградской области, 244 в Ростовской области, 181 в Крыму. Среди городов юга России по количеству монументов лидируют Краснодар (21), Сочи (18), Волгоград (15), Астрахань (14) [7].

В 1960–1970-е гг. появился ряд новых памятников, посвященных событиям Гражданской войны на юге России. В 1960 г. в Орджоникидзе была установлена стела в честь китайских добровольцев, воевавших за советскую власть на Северном Кавказе на площади, получившей одноименное название. Позже, в связи с ухудшением отношений СССР с КНР, она была переименована в площадь Революции в честь Октябрьской революции 1917 г. К 50-летию Октябрьской революции в Волгограде небольшой памятник на площади Павших борцов заменили гранитным обелиском, а в Краснодаре открыли монумент воинам, участвовавшим в освобождении города от белогвардейцев в 1920 г.

В центре Ростова-на-Дону в 1972 г. появился памятник в честь воинов Конной армии, освободивших город, как было выгравировано на постаменте, «от белогвардейских банд», а через два года на левом берегу Дона выросла крупномасштабная скульптурная композиция «Тачанка-ростовчанка», ставшая одним из главных символов донской столицы. Еще один монумент первоконникам появился к 55-й годовщине самого крупного кавалерийского сражения войны в станице Егорлыкской в 1975 г. В 1973 г. был открыт памятник в Грозном трем лидерам большевиков периода Гражданской войны – украинцу Н. Гикало, чеченцу А. Шерипову и ингушу Г. Ахриеву на площади, получившей название Дружбы

народов. В 1974 г. Каменске-Шахтинском возвели памятник председателю и секретарю Донского ревкома Ф.Г. Подтелкову и М.В. Кривошлыкову, погибшим в 1918 г. Символично, что он был установлен на месте, где ранее стояла разрушенная большевиками Троицкая церковь. Мемориал морякам революции в память о гибели эскадры кораблей Черноморского флота в июне 1918 г. был воздвигнут на окраине Новороссийска в 1980 г. Он включает 12-метровую гранитную скульптуру коленопреклоненного моряка, напротив которого располагается смотровая площадка с металлическим кубом, символизирующим тонущий корабль. Внутри композиция из цветного стекла и металла, означающая сигнал морского семафора «Погибаю, но не сдаюсь», а по периметру площадки – силуэты затопленных кораблей с указанием направления и расстояния до места гибели.

Специальный монумент в честь Октябрьской революции и установления советской власти был воздвигнут в Ростове-на-Дону в парке культуры и отдыха им. М. Горького только в 1979 г. (скульптор В.П. Дубовик, архитектор Э.А. Полянский). На красном гранитном постаменте высотой 4,5 м стоят три мужские фигуры – солдат со знаменем, рабочий и моряк с винтовкой. Скульптура находится на месте, где, как говорит надпись на мемориальной доске, «26 октября 1917 г. состоялся многочисленный митинг в поддержку победы социалистической революции в Петрограде и установления Советской власти в Ростове-на-Дону».

Кардинальный поворот в политике памяти в России произошел в 1990-е гг. Он привел к значительной переоценке событий и участников революции и Гражданской войны. В Краснодаре демонтировали памятник Свердлову, восстановив памятник Екатерине II, а сквер Свердлова переименовали в Екатерининский. Памятник Кирову перенесли на угол улицы Пушкинской и Кировского проспекта, восстановив Покровский храм. В 1990 г. Орджоникидзе был переименован во Владикавказ, а на следующий год здесь демонтировали и памятник Г.К. Орджоникидзе. Это обуславливалось не борьбой с советской идеологией и даже не его грузинским происхождением, а обострением осетино-ингушского конфликта: считается, что Орджоникидзе в «годы установления советской власти на Тереке занял четкую проингушскую позицию» [8].

В то же время серьезных кампаний по демонтажу памятников Ленину в России не проводилось, в отличие от ряда государств, образовавшихся после распада СССР. Демонтированы оказались лишь несколько памятников в районных центрах и небольших населенных пунктах, как правило, из-за плохого состояния и отсутствия средств на ремонт. В Краснодаре памятник Ленину с площади перед Законодательным собранием Краснодарского края в 2006 г. перенесли на Привокзальную площадь, освободив

место для памятника кубанскому казачеству. Единственным административным центром, где уничтожены все памятники Ленину, является Грозный: в большинстве своем они были разрушены в ходе боевых действий.

Появились и памятники участникам Белого движения. Первым таким монументом в России стал памятник генералу С.Л. Маркову. Первоначально его планировали воздвигнуть в Ростове-на-Дону неподалеку от здания, в котором в 1918 г. заседал штаб Добровольческой армии. Однако затем было решено установить памятник в Сальске недалеко от места его гибели. На открытии памятника в 2003 г. присутствовали многие официальные лица, а сам он получил положительную оценку в общественном мнении. С 1995 г. кубанские казаки проводят Корниловские поминовения, а в 2013 г. открыт 3-метровый бронзовый памятник Л.Г. Корнилову на месте его гибели в окрестностях Краснодара. Но попытки мемориализации таких казачьих лидеров, воевавших в годы Гражданской войны против большевиков, а затем пошедших на сотрудничество с вермахтом, как П.Н. Краснов или А.В. Туркул, вылились в настоящие мемориальные конфликты.

В городском саду Краснодара в 1998 г. был установлен монумент, получивший название «Примирение и согласие». Он представляет собой две 7-метровые полуарки, возвышающиеся над гранитной плитой, на которую возложены символы враждующих армий – буденновка и папаха. Памятник с таким же названием установлен в Новочеркасске в 2005 г. На нем изображены с одной стороны буденновка и винтовка, с другой – казачья фуражка и шашка, символизирующие раскол казачества в годы Гражданской войны. Вокруг памятника находятся мемориальные плиты с названиями всех казачьих войск России и Ближнего Зарубежья. Впереди на мемориальной плите слова: «Во имя памяти о прошлом. Во имя настоящего и будущего казачества мы пришли к примирению и согласию. Слава Богу, мы – Казаки».

Однако мемориальные конфликты свидетельствуют о том, что достичь пока согласия в этом вопросе не удастся. Осознание исторического смысла трагедии революции и Гражданской войны еще не стало основой для формирования национальной или региональной идентичности, способствующей общественной консолидации. Напротив, обращение к данным событиям часто используется как повод для выражения разногласий отдельных групп и слоев в современном российском обществе, существующих в нем политических и идеологических противоречий.

Примечания

1. Кринко Е.Ф. Войны XX в. в исторической памяти юга России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на

российское общество: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза, 2016. С. 17–25; Его же. Войны XX в. в мемориальной культуре Северного Кавказа // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. Материалы IV Международ. форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 48–55 и др.

2. Стригалёв А. Рожденные революцией // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 50–51.

3. Гурьянова В. Символический памятник реальным людям. URL: <http://vpravda.ru/kultura/simvolicheskiy-pamyatnik-realnym-lyudyam-18336> (дата обращения: 10.06.2017).

4. Киричек М.С. Музей под открытым небом. Таганрог, 2010. С. 77.

5. Ханютин А. Зеркала русской эволюции // Вокруг света. 2010. № 4. С. 81.

6. Какими бывают памятники Ленину? URL: <http://lenin.tilda.ws/typology> (дата обращения 15.06.2017).

7. Памятники Ленину. URL: <http://leninstatues.ru> (дата обращения 15.06.2017).

8. Кушаты О. Орджоникидзе как символ поверхностной памяти. URL: <http://vestikavkaza.ru/articles/13055.html> (дата обращения 15.06.2017).

А.А. Вартумян

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ МИФОВ И СИМВОЛОВ

Сама постановка научной тематики, заявленной в названии конференции, подразумевает некую историческую бесконечность процесса, называемого «революцией». Очень сложно построить универсальную теорию революций, имеющих общую универсальную составляющую этого исторического феномена. По мнению Б.Г. Капустина, «революция» существует и как продукт (и орудие) воображения определенных эпох и социальных групп, и как идеологический троп и даже политическое клише (в партийных программах, агитации и пропаганде и т. д.), и как собственно «понятие», т. е. как инструмент исследовательской академической работы [1].

Религиозная традиция оказала влияние на символику революции: многие флаги повторяли форму хоругвей, на красных знаменах подчас изображались архангелы с трубами, возвещавшие, по-видимому, приход для угнетателей страшного суда – революции. Массовое сознание было политическим лишь по форме, по сути же политика становилась идеологическим суррогатом религии.

Казалось, что личные проблемы каждого отходят на второй план, а первостепенной задачей становится решение общегосударственных проблем. «Новый строй требует нового строя души». Декларированное превращение обывателей в истинных граждан, хозяев жизни, воспринималось массовым сознанием как почетное, важное для осознания общественной значимости завоевание. Центральным символом февральских событий явилась свобода. Она имела множество проявлений в сознании и поведении людей. Для обывателя, как вспоминал писатель М.А. Осоргин, это слово имело множество смыслов: и возможность «вольно идти в строй», и «приварок к щам», и братания на улицах, и превращение вдруг офицеров в «отцов», а жизни – в «политическую сказку». Наступившая свобода порождала не только радость, но и сомнения. Крушение монархии и последовавшие за этим значительные внутривнутриполитические события вызвали неоднозначную оценку у армейского казачества. В наибольшей степени революционная стихия затронула именно казачков-фронтовиков. И первой реакцией казачьей армейской массы на революцию стал своеобразный социально-психологический шок, после которого наступили растерянность и неуверенность в сознании и поведении казаков. Такая их реакция была обусловлена как масштабностью, значимостью, радикальностью происшедших революционных событий и вызванных ими кардинальных изменений во внутренней политической жизни страны, так и вполне определенным непониманием казаками их политической сущности и характера вызванных ими социально-политических процессов в обществе [2].

Однако через некоторое время замешательство сменилось интересом. В периодической печати, на митингах и демонстрациях утверждалась единая, до примитивности простая схема взаимоотношений прошлого и «настоящего-будущего». «Старый мир» – это «мир насилия и вечного страха, насилия и вечного горя», «бездушного гнета», «слез и тяжелого труда». Его атрибутами выступали «тюрьма и неволя», «оковы», «позора тьма», «рабские путы», «ярмо» и пытки», «голодуха и нищета». Царскому режиму противопоставлялся новый мир, как «царство свободы», «царство Правды»: «Дней без слез и страданий / Без господ и без рабов, / Дней, когда взамен терзаний / Будет братская любовь» [3].

Поскольку в большинстве населенных пунктов России революция победила мирно, то символическим знаменем восстания стал революционный праздник. На смену стихийным демонстрациям первых дней пришли торжества и празднования, организованные уже местными властями. Во многих провинциальных городах, селах и станицах проходили «праздники души» и «дни свободы». В некоторых городах в манифестациях участвовало почти всё население. Характер праздников в разных местах отличался, это отражало и реальную расстановку сил на местах, и особенности символического сознания их организаторов и участников. Как правило, «праздники свободы» происходили при участии духовенства [4].

В Екатеринодаре праздник Свободы состоялся 10 марта 1917 г., он представлял своеобразный синтез традиционных и революционных начал: «С раннего утра главные улицы заполнились толпами празднично одетых людей. Всюду прекратились работы, остановилось движение трамвая. Город украсился красными флагами, в большинстве случаев переделанными из старых, от которых синие и белые полосы были оторваны. Яркое весеннее солнце дополняло праздничную картину. <...> На Соборной площади после короткого молебствия о здравии нового правительства, армии и всего населения России в присутствии членов гражданского комитета, Совета рабочих депутатов и представителей города состоялся парад войск местного гарнизона. В манифестации в этот день приняли участие до 100 тысяч человек». Порядок, как отмечают газеты, был образцовый [5].

У войскового собора состоялся парад войск, который принимали представители городского Совета депутатов; вслед за войсками прошли с красными знаменами учащиеся и рабочие. Пройдя по главным улицам, манифестанты вышли на городской выгон, и там состоялся митинг, на котором выступили представители партий социал-демократов и эсеров. В этот день в городе были и другие митинги. По воспоминаниям П.И. Вишняковой, было устроено несколько трибун: объединенная трибуна эсеров и меньшевиков на площади около войскового собора; трибуна большевиков на Рашпилевской улице; пять или шесть трибун около Екатеринодарского комитета РСДРП(б), «где выступали ораторы всех партий», после чего «пришли в городской сад, и здесь опять был устроен ряд митингов, которые затянулись далеко за полночь» [6].

В период революционных потрясений разворачивается борьба со старой государственной символикой, которая символизирует ненавистный «старый строй», «царизм» и воплощается в самой власти. После Февральской революции уничтожались официальные символы монар-

хии – имперские гербы, вензеля, изображения царских регалий, поскольку знаки императорской власти воспринимались как обобщенный образ царской России. Даже с государственных символов исчезает монархическое наполнение: двуглавый орел был лишен короны, скипетра, ордена Андрея Первозванного.

Под влиянием новой социально-экономической ситуации в стране весной – летом 1917 г. в периодической печати появляется множество анекдотов, памфлетов, карикатур, которые критиковали и высмеивали не столько противника как «врага внешнего», сколько социально-политические силы внутри страны как «враги внутренние»: «Точно спрут – старая монархическая власть своими щупальцами всосалась в сердце народа и мучила его. Но мы победим как свободные граждане. <...> Он, старый строй – это наш первый враг. Второй – Вильгельм и его вооруженный народ. Другой – у нас не только на границах, но и в пределах наших многих губерний. Третий враг, враг пока идейный, но очень серьезный – большевики. <...> Кто знает, что наделает этот большевик своим приказом “долой войну”!» [7].

Ю.Д. Коробков отмечает, что господство в российском общественном сознании инверсионной логики, выразившееся после Февраля 1917 г. в стремлении к тотальному разрыву с прошлым, сопровождалось колоссальным выплеском ненависти по отношению к символам старого строя. Персонификация абсолютного зла в образах российских монархов и династии в целом отразилась в народной смеховой культуре и бульварной литературе, в частушках и «мужичьих выморочках» о царе и его жене – «Гессенской мухе», «Распутном Григории», «фрейлине Вырубихе», «предателе Сухомлинове». На страницах периодических изданий можно было достаточно часто встретить анекдоты и байки из «прошлой жизни» царского двора, раскрывающие продажность и глупость российского монарха, национального предательства и немецкого засилья, которые зачастую не имели под собой реальной основы.

После Февральской революции активно муссируется тема взаимоотношения царской семьи с Григорием Распутиным. Распространялись слухи, поддерживаемые и периодической печатью, что «старец» находился в интимных отношениях не только с императрицей, но и с ее дочерьми: «Во время обыска в загородном доме Бадмаева... были найдены письма царицы и царских дочерей к Распутину... Содержание их настолько цинично, что опубликование не представляется возможным. Распутин[,] оказывается, не щадил и царских дочерей. Александра Фёдоровна заканчивала одно из своих нежных посланий к Распутину такими словами: “Целую твои ноги. Сана”» [8].

Но, несмотря на радикализм в восприятии царской власти, проявившийся в отрицании дореволюционной символики, не следует рассматривать его в качестве доказательства полного перерождения политической познавательной карты. Тем более что в ряде мест империи памятники представителям царской династии были снесены только после Гражданской войны. Большая часть консервативно настроенного казачества и крестьянства продолжала хранить верность монархическим традициям. Если в городах и промышленных районах Северного Кавказа революция проходила под красным флагом, казачьи регионы, несмотря на процессы демократизации, сохранили преданность своей символике. Монархические символы не исчезли с регалий казачества – ни с нагрудных войсковых знаков, ни со знамен-регалий. «Наши регалии – это слава и доблесть казаков, а не монархов, но они были дарованы царями за храбрость и усердие казаков в великих битвах России. Мы не можем умалять свои заслуги перед Родиной и Кубанью» [9]. Такая позиция казачества впоследствии оформилась в своеобразный «третий путь», по которому разворачивались трагические события Гражданской войны.

Крушение монархии в 1917 г. не оставило определенные слои населения, в частности, крестьянство и казачество, равнодушными к судьбе империи. И хотя «наивный монархизм» умер, как казалось, безвозвратно и скоропостижно, это не означало коренных изменений в мировоззрении большинства населения страны.

Традиционной чертой России являлось взаимообусловленное сосуществование автократии и демократии. Эти противоположные начала политической жизни на протяжении большей части истории поддерживали друг друга. В те периоды истории России, когда демократия не уравновешивалась автократией, обычно общество впадало в глубокий социальный кризис. И наоборот – когда автократия не уравновешивалась демократией, власть полностью выходила из-под контроля общества, превращаясь в деспотию. В конечном счете, крайности этих двух тенденций могли привести к полному разрушению несбалансированной формы государства.

Боязнь и нежелание реставрации монархии в обыденном сознании обусловили появление психологического комплекса «расплаты за старые грехи». За время своей деятельности Временное правительство не смогло решить сложную социально-экономическую ситуацию в стране, упорядочить жизнь и прекратить ненавистную войну. Кризисы государственной власти рассеивали иллюзию о способности и коалиционных составов правительства нормализовать ситуацию внутри страны.

Рождался миф о врагах революции, и в политическом сознании большинства населения страны еще задолго до Октября 1917 г. начинается переориентация «образа внутреннего врага» с бывших царских чиновников на представителей буржуазии. Самыми распространенными словами-ярлыками, имевшими отрицательный оттенок под влиянием социалистической пропаганды, были контрреволюционер, саботажник, враг трудового народа, буржуй, погромщик и производные от них [10].

Тема «буржуя», в которую вкладывались негативные характеристики, часто стала встречаться в фольклоре, сатире, пародиях. В массовом сознании периода Февральской революции термин «буржуй» наделялся самыми многочисленными, иногда противоречивыми трактовками [11]. И сами современники отмечали, что широкое употребление этого слова объясняется «его политическими удобствами», и смысловая нагрузка изменяется по обстоятельствам: «Буржуазия – это тот класс, который держит в своих руках средства производства продуктов и их распределение и благодаря этому эксплуатирует трудовые классы, рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию. Но у нас теперь в определении, что такое буржуй, наступила полная неразбериха. Выходит так: “Не тот буржуй, кто буржуй и не тот не буржуй, кто не буржуй, а тот буржуй, кто и не буржуй, да буржуй!”» [12].

К эксплуататорам и паразитам мог быть причислен любой, чье поведение противоречило уравнилельным представлениям масс, независимо от его имущественного положения. Например, в подобном контексте и большевиков «непросвещенная масса» крестьянства причисляла к буржуазии. Слово «буржуй» использовалось в пропагандистском лексиконе и правительственных и оппозиционных сил.

По мере усиления антивоенных настроений солдатской массы буржуазия признавалась ответственной в развязывании и продолжении кровопролитной войны. Как писали в июне 1917 г. солдаты 7-го Кавказского отдельного корпуса: «Кто виновник войны? Капиталисты! Кто желает пролития крови? Капиталисты! Из-за чего народ страдает и проливает кровь? Из-за кучки разжиревших буржуев-капиталистов. Вот почему наша обязанность – борьба с капиталистами». В анонимном письме в Петросовет, датированном 7 ноября 1917 г., тяжелое положение солдат на фронте связывалось с деятельностью сторонников монархии и буржуев: «Почему же, братья товарищи, более виноваты, которые сидят в окопах четвертый год, а эти черти разоряют Россию, наводят беспорядки? Доктора и писаря – это буржуи и взяточники старого режима. Загубят они нашу свободу и предадут ее опять в руки Николая II. Товарищи Граждане, умоляю вас взять во внимание, навести порядок с этими

проклятыми буржуями, иначе пропадать. Товарищи, это справедливая правда, а я подписи своей не дам, опасаясь этих негодяев» [13].

По мнению С.В. Ярова, «антибуржуазные настроения» стали одним из типичных проявлений эгалитаризма. «Буржуй» в 1917 г. являлся не столько социальным типом, сколько общественно признанным символом всего негативного [14]. Появление подобного клише в системе мыслительных стереотипов коллективного сознания указывало на наличие определенной особенности восприятия политической действительности. Содержание «антибуржуйского настроения» вмещало в себя образы враждебных или незнакомых сил, осуществляя перенос значения на несовместимые по смысловым характеристикам понятия» [15].

На углубление антибуржуазной ориентации массового сознания влияли и различные изложения партийных программ, в первую очередь те, которые выпускали партийные комитеты и организации. Распространение антибуржуазных настроений, в формировании которых принимали участие различные социальные силы, происходило на фоне развертывания в стране социальных противоречий. Брошюра социал-революционеров, разъясняя цель и задачи партийной организации, отмечала: «Люди, пользовавшиеся равными правами на всё – разделились на классы: класс собственников и класс тружеников, лишенных, или почти лишенных собственности, вынужденных кормить кучку изнеженных трутней. Благодаря такому порядку вещей получалось то, что люди, всю жизнь работающие не покладая рук, живут в грязных лачугах, в нужде, терпят голод и холод, а трутни, капиталисты, собственники, не ударив пальцем о палец, пользуются всеми благами жизни» [16].

Революционные события привели к формированию новой системы политических символов, большая часть из которых «вышла из подполья» ещё в 1905–1907 гг. и была если не легализирована, то легитимирована. Временное правительство вынуждено было согласиться с массовой реакцией революционных символов социал-демократических партий, не найдя им достойной замены.

Включение термина «демократия» в собственный политический лексикон стало обязательным практически для всех политических сил. При этом в социалистических кругах «демократия» противопоставлялась не «диктатуре», а «цензовым элементам», «буржуазии». Различные политические силы вкладывали в слово «демократия» различные смысловые нагрузки, подразумевая под ней не власть народа, а определенной социальной группы.

Марсельеза стала национальным гимном. Ее новый вариант «Рабочая марсельеза» исполнялся даже на официальных мероприятиях

Временного правительства. В марте 1917 г. была зафиксирована эмблема «серп и молот». А во время праздника 1 мая эта эмблема украсила Мариинский дворец, резиденцию Временного правительства [17].

Основным проявлением массовой политизации в послефевральской России явилась митинговая демократия. Митинговали все и по самым различным вопросам. В местной прессе читаем, что во многих городах, селениях и станицах Кубани, Ставрополья, Дона проводились митинги «по насущным политическим вопросам». Большинство населения региона, включая казачество, приняло новый порядок, установившийся после свержения самодержавия. Митинги, собрания, демонстрации под антивоенными и демократическими лозунгами охватили Кубань и Черноморье.

А.С. Ахиезер интерпретирует «митингование» как состояние особого эмоционального возбуждения в рамках господствующего соборного нравственного идеала, в результате чего вырабатывается «вечевой диалог», не знающий прав меньшинства. В бытовых беседах появилась масса слов, заимствованных из резолюций. Так, удивление собеседника могло выражаться восклицанием: «Однако платформа!». Среди малокультурных слоев политические понятия усваивались на языковом уровне без осознания их собственного смысла [18].

Безусловно, революция имела разный уровень районирования. После Февральской революции 1917 г. на Северном Кавказе сложилась политическая ситуация, отличная от общероссийской. В казачьих областях она протекала мирно и достаточно спокойно по сравнению с другими районами страны. Причем воздействие революционных событий на казачьи станицы и хутора не было значительным. Во многих из них ни жители, ни даже властные структуры не испытывали какого-либо существенного влияния происшедшей революции. Однако, как и повсеместно, революционная символика укореняется в массовое сознание, способствуя демократизации казачества и крестьянства.

Исследователи справедливо называют 1917 г. для России годом упущенных возможностей. Все слои российского общества мечтали о новых демократических формах государства и связанных с ними свободах, справедливости, мире. В период Февральской революции активизировался процесс мифологизации общественного сознания, поскольку тотальный правовой нигилизм основных слоев общества, распутившийся на неустроенности жизни и подогретый большевистской агитацией, трансформировался в их сознании в полное отрицание самой аксиологической сущности завоеванных прав и свобод. Политическая символика периода Февральской революции выражала

новое содержание эпохи, что нашло отражение в использовании новой цветовой, музыкальной гаммы, языковых символах, геральдической конструкции (исчезновение монархической и аристократической символики). Политические символы Февраля 1917 г. были полифункциональны по своему содержанию, но в последующем были использованы большевиками в качестве структурообразующей основы формирования новой политической реальности, в которой не было места другим политическим силам.

Примечания

1. Капустин Б.Г. О понятии «революция» // Революция как концепт и событие / редкол.: Вартумян А.А., Ильинская С.Г., Федорова М.М. М., 2015. С. 9.
2. Цит. по: Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.
3. Филимонов А.Н. Мемуары. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/filimonov_ap/02.html (дата обращения: 14.03.2015).
4. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. URL: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0130.shtml (дата обращения: 14.03.2015).
5. Терские Ведомости. 1917. 19 апреля. С. 2.
6. История Кубани в датах, событиях, фактах / В.Н. Ратушняк. Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2010.
7. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 583. Оп. 1. Д. 43, 1001. Л. 5–5об.
9. Отклики Кавказа. 1917. 14 марта. С. 2.
10. Отклики Кавказа. 1917. 22 июля. С. 3.
11. Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы Международной конференции. М., 1996. С. 146–154.
12. Ирхин А. Социология культуры. М. 2006. С. 91.
13. Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: Социально-философский аспект. М., 2001. С. 56.
14. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1922 гг. СПб., 1999. С. 167.
15. Письма во власть 1917–1927 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. С. 485.

16. Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании в 1917 г. // *Анатомия российской революции 1917 г. в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 213.

17. *За что борются социалисты – революционеры*. Петроград, 1917.

18. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*. Новосибирск, 1998.

М.П. Мерзляков

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война занимают особое место в исторической памяти казачьего общества, именно в эти годы был перевернут устоявшийся уклад жизни огромной страны и разрушены основы прежней жизнедеятельности и мировоззренческих установок различных социальных страт, среди которых оказался и «микромир» казачества.

Понимание особенностей мемориализации, закрепляющей роль и место казачества в событиях Гражданской войны, в советский и постсоветский периоды заложено в ряде аспектов. Среди основополагающих, на наш взгляд, – раскол казачества на несколько движущих сил, причем преимущественно в принятии им позиций Белого движения, и дальнейшие процессы, связанные с советским расказачиванием и всплеском пассионарности казачьего самосознания после распада СССР.

В этой связи необходимо совершить небольшой экскурс в 1917 год. Были в среде казаков и те, как вспоминает потомственный казак Петр Алексеевич Чернов, возглавлявший в 1918 г. первый революционный Хоперский казачий полк, кто без сомнений и колебаний принял октябрьские события 1917 г. «В нашем 14-м Казачьем полку была объявлена тревога. В полном боевом (так в тексте. – М.М.) полк привели в Зимний дворец, где заседало Временное правительство. Офицеров вызвали в Зимний, а солдаты остались на площади у дворца. Немного постояв, мы собрали полковой комитет и решили уехать в казармы. В казармах мы выбрали новых командиров. В эту же ночь Зимний был взят» [1].

В то же время казачьи верхи после свержения Временного правительства заявили о необходимости решительной борьбы с большевиками.

Вместе с тем основная масса казачества, находящегося на фронтах, восприняло эти идеи скептически. Уставшие от войны казаки рвались домой, они и не предполагали, что дома их встретит уже далеко не прежняя жизнь и что не скоро они возьмутся за чепиги (ручки плуга) и косы. Фронтвики частично заняли позицию, которую в историографии принято называть настороженно-выжидательной [2]. Но в общем их политические взгляды оставались прежними [3], они ориентировались на отстаивание интересов непосредственно казачьего сословия при любой власти.

Неоднородно было и движение антисоветских сил в казачьих областях. Они подразделялись на регулярные казачьи части, формально подчинявшиеся войсковым атаманам и правительствам, добровольческие вооруженные формирования, состоявшие из прибывших в казачьи области активных противников советской власти, и добровольческие отряды, формировавшиеся войсковыми правительствами. Причем они были неоднородны не только по способу комплектования, но и по боеиспособности.

Совершенно правомерно В.П. Трут отмечает, «что самыми многочисленными и грозными в военном отношении являлись казачьи полки. Но как прибывшие чуть раньше, так и прибывшие на территории своих войск уже во второй половине декабря 1917 г. казаки-фронтвики приказам атаманов по занятию рубежей на границах своих областей и в их наиболее важных административных центрах и ведению борьбы с советскими силами подчинялись крайне неохотно. Они вполне обоснованно опасались быть вовлеченными в разгоравшуюся Гражданскую войну, к тому же в непосредственной близости от своих домов. Отсюда проистекало их стремление уклониться от противоборства. И с течением времени данная тенденция набирала силу» [4]. Бывший в то время в самой гуще событий М.П. Богаевский отмечал, что «характерная черта в этот период – регулярные казачьи и солдатские части одинаково упорно уклонялись от участия в (военных. – В.Т.) действиях» [5].

Однако просто отсидеться в стороне казакам оказалось невозможно, ситуация усугублялась еще тем, что фронты Гражданской войны проходили именно по войсковым территориям. В донских степях велись кровопролитные бои, в которых нередко решалась судьба всей России. Здесь в силу специфических условий Гражданская война приняла исключительно острые, драматические формы. Донские казаки оказались в рядах враждебных друг другу армий.

В целом итоги Гражданской войны для казачества были трагичны. В этой связи объективны выводы А.В. Венкова: «Активно и практи-

чески поголовно участвуя в сражениях этой войны в составе “белой” и “красной” армий, пережив невиданную по масштабности и жестокости поистине бесчеловечную большевистскую политику “расказачивания”, однозначно характеризуемую в настоящее время как самый настоящий геноцид, донские казаки понесли огромные людские потери. Причем этот печальный итог оказался во многом одинаковым и для вовлеченных в смертельные схватки “белых” и “красных” казаков, для тех, кто в длительных и мучительных колебаниях безуспешно искал свой особый “третий путь” в революции и гражданской войне» [6].

Обозначенные выше позиции донского казачества в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне нашли непосредственное отражение в политике памяти на советском и постсоветском пространстве.

В советское время целенаправленно формировалось негативное отношение к казачеству [7], в том числе вытеснением из исторической памяти наполненного коллективным и индивидуальным социально-психологическим драматизмом поиска казаками своей ниши в самой трагичной войне, которая только может быть в истории народа, – гражданской. Одновременно внедрялся в общественное сознание образ казака-контрреволюционера, врага. В отдельные периоды, в частности 1920-е гг., вообще умышленно игнорировался очевидный факт самого существования «красного казачества». Общий большевистский курс на решительное уничтожение «привилегированного» казачьего сословия имел своей конечной целью полную ликвидацию всех социальных и этнических особенностей казачества, нивелировку казаков по отношению к окружающему их неказачьему населению [8].

В официальных мемориальных комплексах вполне по понятным причинам закреплялась память только о победах Красной армии.

В станице Раздорской один из первых обелисков борцам за советскую власть появился в 1929 г., его авторами были уроженцы хутора Каныгин – семья Воротиловых. Установили его на общей могиле, в которую в 1927 г. перезахоронили останки расстрелянных белогвардейцами красных из Совкиной балки, из-за Дона с песчаной косы, что напротив станицы и из других близ расположенных мест массовых казней. Раздорская в годы Гражданской войны стала своеобразным лобным местом, сюда в основном по реке доставляли из разных мест тех, кто поддерживал большевиков, для кровавой расправы. Так, в частности, из Александровска-Грушевского (с 1920 г. – город Шахты) переправили группу китайских рабочих, работавших на угольных рудниках, все они были расстреляны, их останки также покоятся в данной общей могиле.

Мемориалы стали появляться в основном в 1960–1970-х гг. В центре Ростова-на-Дону в 1972 г. установлен памятник в честь воинов 1-й Конной армии, освободивших город, как было выгравировано на постаменте, «от белогвардейских банд в 1920 году» (автор – народный художник СССР, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Е.В. Вучетич) [9]. Этот памятник сложно назвать посвященным именно красному казачеству. В центре композиции расположен скачущий всадник, с одной стороны – атакующий красноармеец, с другой – матрос, по-видимому, он ранен и спешит кинуть гранату. Причем скачущий всадник – это не типичный казак по происхождению, а уже боевая единица Красной армии. Можно предположить, что образы композиции символизируют характерную для периода его создания тенденцию растворения казачества в советском социуме и сформировавшееся к 1970-м гг. «отношение со стороны партийно-государственной коммунистической элиты к казачеству как музейно-этнографической архаичной особенности региона, не имеющей социально-политического значения» [10].

Еще один монумент первоконникам появился к 55-й годовщине самого крупного кавалерийского сражения Гражданской войны в станице Егорлыкской в 1974 г. Он посвящен событиям февраля 1920 г., последнему большому сражению на полях Гражданской войны, когда в кровопролитных боях остатки белой конницы и пехоты были разгромлены 1-й Конной армией, которая полностью освободила территорию Донской области от белогвардейцев, отступивших на Кубань. Мемориал представляет собой группу красных конников, стремительно и яростно атакующих врага (авторы – скульптор Е.Ф. Лобко, архитектор Я.С. Занис) [11].

Глобальные общественные проблемы, вызванные ходом перестройки, особенно распад СССР, привели к очередному разрушению привычной модели мира уже советского казачества и к новому поиску самоидентификации. Этот поиск, базирующийся на разнообразных символах исторической памяти, сложившихся на протяжении длительного исторического опыта развития казачества, привел к новому расколу на красных и белых, «общественников» и «реестровых», «государственников» и «самостийников», что, без сомнения, сказалось на особенностях казачьей идеологии различных организаций и групп современных представителей движения за возрождение казачества [12], в том числе и на особенностях понимания того, что же считать казачьей идеологией и «истинно казачьими единицами хранения» исторической памяти.

В казачьем сообществе, как, впрочем, и в обществе в целом, происходит и переоценка событий Гражданской войны. В политике памяти смещаются акценты в стороны идеализации Белого движения, появляются памятники его лидерам и участникам.

Одни из них имели цели сгладить гражданские противоречия между красными и белыми в современном общественном сознании, как, в частности, установленный в 2006 г. казаками Всевеликого Войска памятник «Донским казакам, сложившим головы в братоубийственной гражданской войне». Он установлен на месте уже упомянутого выше кровопролитного сражения под Егорлыкской между красной конницей и белоказаками и символизирует скорбь по погибшим и вечное примирение братьев-казаков. Композиция памятника включает православный крест и рядом с ним скульптуру крестящегося казака со своим боевым конем с развевающейся гривой. Под крестом написаны стихи: «Когда на этом месте казаков / Судьба на красно-белых разделила, / То по прошествии годов / Их братская могила примирила. / Сегодня здесь воздвигнут крест, / В нём Божья правда есть и сила. / Мир праху воинству Донцов / Потомство их не позабыло» [13].

Но не всех участников движения за возрождение казачества устраивает такая примиренческая позиция. В 2007 г. в станице Еланской Шолоховского района Ростовской области на территории частного дома состоялось торжественное открытие мемориального комплекса «Донские казаки в борьбе с большевиками», посвященного памяти донских казаков, погибших в борьбе с большевиками, в том числе и на стороне Гитлера. В центре мемориала воздвигнут четырехметровый памятник коллаборационисту – атаману Петру Краснову [14].

Мемориализация таких казачьих лидеров, воевавших в годы Гражданской войны против большевиков, а затем пошедших на сотрудничество с вермахтом, как П.Н. Краснов, спровоцировала новые «гражданские войны в формате исторической памяти», которые вылились в настоящие мемориальные конфликты [15].

Находят свое отражение в мемориальных объектах и ранее неизвестные или замалчивавшиеся события Гражданской войны. Так, ст. Мелиховской в 2000-х гг. поставили крест, напоминающий фактически о фанатичном истреблении казаков красногвардейцами, местное казачье сообщество проводит здесь мероприятия, посвященные событиям Гражданской войны и рассказывания. Как свидетельствует местный краевед, 18 апреля 1918 г., в предпасхальный четверг, станичники узнали о приближении к станице красного полка, посоветовавшись, решили выехать без оружия с хлебом и солью к красноармейцам. Расчет был на то, что

такие же вчерашние солдаты не обагрят кровью свои руки. Тем более что 15 апреля они бросили фронт в районе г. Шахты и объявили нейтралитет советской власти. Но как один пали 96 мелиховских казаков под ударами красных клинков. По воспоминаниям старожилов, рубили всех подряд. Этот предпасхальный четверг стал для мелиховцев кровавым [16].

Вместе с тем не исключено, что подобные места памяти носят определенную мифологическую окраску, т. к. описанные местным краеведом события в ст. Мелиховской сложно подкрепить достоверными историческими источниками. И здесь очевидна заинтересованность определенной части современного казачьего сообщества в иных, отличных от советского периода символах и трактовках событий Гражданской войны на Дону, даже если эти новые интерпретации полностью противоречат исторической правде.

Военное прошлое и военный опыт всегда занимали в исторической памяти казачества особое место и являлись важнейшими элементами «опорного каркаса» его этнического самосознания. Революция 1917 г. и Гражданская война – это незабываемые страницы раскола российского общества, в том числе и казачества, на «своих» и «чужих», обесценивание человеческой жизни. Выбор, какую сторону поддержать, для одних в нарастающей стихии Гражданской войны был сложным, средни подвигу, другие под знамена противоборствующих сил попадали в силу жизненных обстоятельств. Поделила Гражданская война казаков на белых, красных и ищущих в мучительных колебаниях свой особый «третий путь». Но итог был для всех один: ликвидация казачества как определенной социальной группы со своими нормами, ценностями и традициями.

Причем историческая память об этих веховых для казачества событиях не была статичной, она изменялась со временем, подвергалась корректировке и переоценке, как правило, в ущерб исторической правде, в строгой зависимости от политической идеологической конъюнктуры. В официальных мемориальных комплексах советского периода вполне по понятным причинам закреплялась память только о победах Красной армии.

В 1990-е гг. историческая роль и судьба казачества в Гражданской войне в очередной раз были пересмотрены, и вновь началась игра с прошлым, проявившаяся в идеализации Белого движения, спровоцировавшая новые «гражданские войны» в форме мемориальных конфликтов.

Несомненно, очень хорошо, что обществу возвращается историческая память. И всё-таки героизация белогвардейцев вряд ли существенно лучше, чем героизация тех же красных командиров. И те, и другие

воевали против своего народа. Каждый из них прошел свой путь и считал, что путь, избранный им, самый верный. У всех были свои убеждения и цели, но они, совершенно точно, по-своему желали только хорошего для своих потомков – Гражданская война стала трагедией для всего казачества и всей России.

Примечания

1. Великие перемены // Советский Дон [Раздорский район]. 1957. 7 ноября.

2. История донского казачества: учебник / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д, 2008. С. 378.

3. Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vlast.htm (дата обращения: 29.06.2017).

4. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. URL: http://www.plam.ru/hist/dorogoi_slavy_i_utrat_kazachi_voiska_v_period_voin_i_revolucii (дата обращения: 29.06.2017).

5. Там же.

6. История донского казачества... С. 420.

7. Агеева В.А., Мерзляков М.П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. № 2. С. 210.

8. Казачий Дон: пять веков воинской славы / авт.: А.В. Венков, А.А. Озеров, Т.С. Рудиченко, В.П. Трут и др. URL: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/62653-kazachiy-don-pyat-vekov-voinskoy-slavy-kollektiv-avtorov/read/page-1.html> (дата обращения: 29.06.2017).

9. Памятник С.М. Будённому, г. Ростов-на-Дону. URL: <http://smorodina.com/objects/pamyatnik-s-m-budyonnomu-g-rostov-na-donu> (дата обращения: 29.06.2017).

10. Мациевский Г.О. Основные этапы политической истории русского казачества в XX веке. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-etapy-politicheskoy-istorii-rossiyskogo-kazachestva-v-hh-veke> (дата обращения: 29.06.2017).

11. Украйченко А.А. Егорлыкское краеведение. URL: <http://infourok.ru/material.html?mid=116323> (дата обращения: 29.06.2017).

12. Мациевский Г.О. Идеологемы современного казачьего движения URL: <http://docplayer.ru/46565784-Ideologemy-sovremennogo-kazachego-dvizheniya-macievskiy-g-o.html> (дата обращения: 29.06.2017).

13. Украйченко А.А. Указ соч.

14. Еланский музей «Донские казаки в борьбе с большевиками». URL: <https://kamaran.ru/rostovskaya-oblast/veshenskaya/muzej-kazachestva-2336> (дата обращения: 29.06.2017).

15. Кринко Е.Ф. Войны XX в. в исторической памяти юга России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.) / отв. ред. Т.В. Лохова, С.Г. Новиков. Пенза, 2016. С. 20.

16. Шевченко В.В. Станица, сердцу дорогая: историко-краеведческое повествование. В 2 ч. Ростов н/Д, 2005. С. 288.

И.Ю. Васильев

ПАМЯТНИКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА КУБАНИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Памятники, посвященные событиям Гражданской войны, расказачивания и голода занимают особое место среди монументов Краснодарского края, что объясняется значимостью событий того времени в истории и исторической памяти региона. В соответствии с идеями Ю. Хабермаса, П. Нора, А. Ассман, памятник является местом кристаллизации и сохранения общественной и личной памяти, на основе которой происходит консолидация общества [1]. Памятник может рассматриваться как элемент, формирующий как эстетико-психологический настрой городского ансамбля, его скульптурную и архитектурную составляющую, так и идеологический символ [2]. К примеру, политологический аспект различных памятников на Юге России рассматривали Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина [3].

В постсоветский период акцент в политике установки монументов был смещен от символики национального примирения к событиям истории Белого движения, что было связано с переменами в общественно-политической жизни в целом. 7 ноября 1998 г. в городском парке Краснодара был установлен памятник екатеринодарцам, жертвам Гражданской войны в России. Монумент установлен в память обо всех воинах и мирных жителях, погибших в Гражданской войне, независимо от убеждений и политической принадлежности. Монумент представляет собой две полуарки высотой семь метров, возвышающиеся над гранитной плитой, на которой в золотом венке лежат папаха и буденновка – символы Белой

и Красной армий. Мемориал установлен в память о погибших в Гражданской войне с целью избежать в будущем подобных событий. Он символизирует стремление превратить юбилей Октябрьской революции в День согласия и примирения [4].

Но в целом в постсоветский период значительно чаще возводились памятники в честь событий в истории Белого движения и репрессий, проводившихся советской властью. 12 апреля 2013 г. на набережной Новороссийска открыли памятник, посвященный событиям марта 1920 г. – эвакуации частей Вооруженных сил Юга России с территории Кубани [5].

Днем позже, 13 апреля 2013 г., на окраине Краснодара был открыт памятник генералу Л.Г. Корнилову – одному из вождей Белого движения. Памятник был открыт поблизости от места его гибели и является одним из элементов постепенно развивающегося мемориального комплекса. На открытии памятника присутствовали официальные лица и видные деятели культуры Кубани. В целом же поминовения на месте гибели генерала Л.Г. Корнилова проводились с 1995 г. [6].

Различные мемориалы, связанные с событиями Гражданской войны и репрессиями, устанавливаются и в сельских поселениях Краснодарского края. Рядом с ними проводятся памятные мероприятия. 24 января 2012 г. казаки Горячеключевского районного казачьего общества Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска почтили память казачков, безвинно погибших в годы советских политических репрессий. Траурный митинг, проходивший возле Поклонного креста, установленного в память о репрессировании казачества, собрал не только членов казачьих обществ, но и учащихся классов казачьей направленности, местных жителей, журналистов и представителей городской администрации г. Горячий Ключ [7]. В сентябре 2011 г. на территории Ильского Свято-Никольского храма, где проходил траурный митинг, собрались представители краевой и районной администрации, духовенства, местные жители, учащиеся казачьих классов и северские казаки, по инициативе которых создавался монумент. В руках у каждого были цветы [8].

Историческая память о трагических событиях первой половины XX в. находит отражение и на межрегиональном уровне. В 2011 г. казаки Ейского казачьего отдела отметили День народного единства (7 ноября) автопробегом и участием в митинге примирения. Вместе с атаманом отдела казачьим полковником Василием Бережным они отправились к историческому месту возле станицы Егорлыкской Ростовской области, где в 1920 г. в сражении погибло более пятисот незамаевских казачков и несколько тысяч кубанских казачков [9]. 1 сентября 2013 г. казаки Келермесского казачьего общества Гиагинского РКО Майкопского отдела

Кубанского казачьего войска в пятый раз побывали в селе Кугульта Грачевского района Ставропольского края. В первый свой приезд они установили там памятный крест «Всем высланным в 1930-е годы и нашедшим приют в селе Кугульта» [10].

На Кубани с 1990 по 2014 г. было открыто 14 памятников жертвам голода 1933 г. Первый из них был установлен в станице Шкуриной в 1990 г. [11], последний – в станице Убеженской в 2011 г. [12]. Также появились памятники в станицах Каневской [13], Роговской, Старощербиновской, Новоджерелиевской, Привольной, Павловской, Староминской, часовня, посвященная памяти кубанского историка Ф.А. Щербини и жертв голода в станице Новодеревянковской [14]. Для сравнения: в Запорожской области Украины в 2014 г. таких монументов насчитывалось около сотни [15].

В оформлении памятников жертвам репрессий и голода 1933 г. преобладает религиозно-поминальная символика, в особенности символ креста. Нередко памятники вообще представляют собой крест или могильный (памятный) камень. Располагаются они чаще при кладбищах, на местах захоронений жертв голода [16]. Траурные мероприятия могут проводиться в первый понедельник после Пасхи, считающийся в народной традиции поминальным днем, в День памяти жертв политических репрессий (30 октября) и в другие дни [17].

Памятники чаще всего имеют местный (муниципальный) статус [18]. На мероприятиях они посещаются представителями духовенства и казачьего общества, потомками жертв голода. Масштабные мероприятия рядом с ними проводятся редко. Сами памятники устанавливаются по инициативе конкретных частных лиц, таких как старожилка А.Н. Лютова из станицы Убеженской, М.М. Вивчарь из станицы Старощербиновской [19].

Для Кубани более характерными являются памятники жертвам политических репрессий или расказачивания, а не голода 1933 г. Именно возле них проводятся основные официальные мероприятия, связанные с казачьей тематикой [20].

Памятники и мероприятия, проводимые рядом с ними, не вызывают масштабных дискуссий и шумихи в прессе. Среди жителей Кубани имеет место различное отношение к памятникам, посвященным событиям Гражданской войны. Например, некоторые коммунисты были недовольны установкой памятника Л.Г. Корнилову. Однако бурные споры и дискуссии, характерные для востока Украины до 2014 г., Москвы и Санкт-Петербурга, на Кубани не возникают. Установка таких памятников вызывает во много раз меньше эмоций [21].

В целом специфика памятников, посвященных Гражданской войне и репрессиям первой половины XX в., на Кубани заключается в их тесной связи с региональным казачеством. Такие памятники в Краснодарском крае, в отличие от других стран и регионов, в большей степени являются местом исторической памяти и меньше связаны с актуальной исторической политикой.

Примечания

1. Ваньке А., Полухина Е. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕР. 2014. № 8. С. 36–37.

2. Лурье В.Ф. Памятник в городе: ритуально-мифологический аспект // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 420–421.

3. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 256–280.

4. Памятник екатеринодарцам, жертвам Гражданской войны в России. URL: <http://справочниктуриста.рф/places/361-памјатник-екатеринодарцам-zhertvam-grazhdanskoi-voiny-v-rossii.html> (дата обращения: 11.06.2017).

5. Еще один шаг к гражданскому миру. URL: http://www.slavakubani.ru/history/eshche-odin-shag-k-grazhdanskomu-miru/?sphrase_id=30416 (дата обращения: 11.06.2017).

6. Бондаренко О.В. В Краснодаре открыли памятник генералу Лавру Корнилову // Российская газета. 13.04.2013. URL: <https://rg.ru/2013/04/13/reg-ufo/general.html> (дата обращения: 11.06.2017).

7. Крупица Н. Митинг у Поклонного креста. URL: http://www.slavakubani.ru/history/miting-u-poklonnogo-kresta/?sphrase_id=30419 (дата обращения: 11.06.2017).

8. Крупица Н. Чтобы помнили... URL: http://www.slavakubani.ru/history/chtoby-pomnili/?sphrase_id=30421 (дата обращения: 11.06.2017).

9. Пустовая Е. Помнит Кубань, помнит Дон. URL: http://www.slavakubani.ru/history/pomnit-kuban-pomnit-don/?sphrase_id=30424 (дата обращения: 11.06.2017).

10. Затолокин В. Нужно помнить, чтобы расказачивание не повторилось. URL: http://www.slavakubani.ru/history/nuzhno-pomnit-chtoby-raskazachivanie-ne-povtorilos/?sphrase_id=30426 (дата обращения: 11.06.2017).

11. Дейневич А. Преступлениям нет прощения!.. URL: <http://vojnik.org/ussr/2> (дата обращения: 03.01.2015).

12. На Кубани открыли памятник жертвам Голодомора // <http://www.stavropolye.tv> (дата обращения: 03.01.2015).

13. Оглы-Евсеева Л.А. Урок-суд над режимом репрессий <http://festival.1september.ru/articles/416889/> (дата обращения: 03.01.2015).

14. Памятный знак жертвам голодомора 1932–33 годов. http://cela.ucoz.ru/index/памјатнјј_знак_жертвам_голомора_1932_33_годов/0-16 (дата обращения: 03.01.2015); К истории прихода ст. Новодеревянковской Каневского района. URL: <http://www.novderevsn-hram.ru/k-istorii-prihoda-st-novoderevyankovskoj-kanevskogo-rajona/> (дата обращения: 03.01.2015).

15. Огиенко В. Визуальная культура памятников жертвам Голодомора на Украине. URL: <https://www.academia.edu/6863256> (дата обращения: 03.01.2015).

16. Там же.

17. Винниченко Т. В станице Убеженской открыт памятник жертвам голодомора URL: http://www.slavakubani.ru/history/v-stanitse-ubezhenskoj-otkryt-pamyatnik-zhertvam-golodomora/?sphrase_id=30427 (дата обращения: 08.01.2014).

18. Достопримечательные и памятные места Каневского района. URL: https://kanevskadm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3485&Itemid=210 (дата обращения: 03.01.2015).

19. Винниченко Т. Указ. соч.; Памятный знак жертвам голодомора 1932–33 годов...

20. Исторические памятники и места. URL: http://www.slavakubani.ru/history/historic-monuments/index.php?sphrase_id=30428 (дата обращения: 08.01.2014).

21. Соколенко В.И. В Краснодаре открыли памятник палачу Кубани генералу Корнилову. URL: <https://news.work-way.com/v-krasnodare-otkryli-pamyatnik-palachu/> (дата обращения: 11.06.2017); В Петербурге облили черной краской мемориальную доску адмиралу Колчаку. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3782133> (дата обращения: 11.06.2017).

Е.В. Дьякова

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТОПОНИМИКЕ ХАРЬКОВА

Вековой юбилей революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны заставляет историков вновь осмысливать их причины и значение не только в жизни страны, но и всего мира. Однако не только эти проблемы привлекают внимание ученых, исследова-

телей, краеведов. Не меньшее значение имеет и сохранение революционных событий, ее активных участников в исторической памяти народа. Одним из методов сохранения какого-либо события в народной памяти является называние географических объектов в его честь.

Изменения в топонимике сегодня на Украине заставляют обратить внимание на трансформацию отношения не только к самой революции, но и к участникам тех событий. Ведь в 1917 г. в ходе революции и последующей Гражданской войны украинские революционеры пытались создать независимое государство – Украинскую Народную Республику (УНР). А это является главным препятствием к полному запрещению упоминания событий 1917–1922 гг.

Целью данной статьи является проследить изменения в топонимике Харькова на материале названий, посвященных Революции 1917 г. и Гражданской войне. В литературе эта тема была частично отражена в книге Н.Т. Дьяченко «Улицы и площади Харькова» [1]. Написанное в 1970-е гг. издание освещало существовавшие тогда наименования годонимов, агоронимов и отображало влияние советской власти на изменения в жизни Харькова.

Источниковую базу статьи составили документы харьковских областной и городской администраций [2], прежде всего решения городского Совета народных депутатов о наименовании / переименовании дорожно-уличной сети в 2012–2016 гг. Также на топонимику Харькова оказал влияние Закон Украины № 317-VIII от 7 апреля 2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» [3], согласно которому в 2015–2016 гг. было проведено массовое переименование географических объектов Украины, в том числе и харьковских урбанонимов. Также была использована справочная литература: «Харьков: справочник по названиям: 7000 улиц, площадей, скверов, районов» [4], в котором собрана информация по топонимам Харькова, начиная с основания города и до 2010 г., а также «Словарь русской ономастической терминологии», составленный Н.В. Подольской [5], в котором объясняются различные ономастические термины, в том числе и топонимические.

Сегодня назвать точное количество годонимов и агоронимов Харькова очень сложно: некоторые улицы, переулки и т. п. ликвидировались из-за отсутствия построек, а у некоторых годонимов по разным причинам менялись названия. Городские объекты Харькова стали переименовывать в честь революционных событий (начиная с 1919 г.). Историю харьковской урбонимики, связанной с революцией, можно разделить на несколько этапов. В 1919 г. было четыре изменения: 25 января улица Сум-

ская стала называться Карла Либкнехта (ныне – Сумская), а Павловская площадь – Розы Люксембург (ныне – Павловская); 20 декабря Екатеринославскую улицу номинировали в честь Я.М. Свердлова (ныне – Полтавский шлях), а площадь Николаевскую – в Тевелева (установивавшего советскую власть в Харькове) [6].

Следующие переименования старых и наименование новых объектов дорожно-уличной сети происходили после окончания Гражданской войны на Харьковщине, и этот процесс продолжается до сегодняшнего дня. Но если до провозглашения Украиной независимости урбанонимы получали название в честь большевиков / коммунистов, то после 1991 г. на карте стали появляться имена людей, боровшихся с большевиками за власть в 1917–1922 гг.

В 1921–1922 гг. появлялись одиночные названия в честь местных участников революции, умерших в это время. Так, например, появились улицы, названные в честь Г. Антипова (ныне не существует) и М. Яковлева (ныне – Руставели), которые являлись членами горисполкома [7].

3 ноября 1922 г. в честь 5-летия Октябрьской революции 21 объект дорожно-уличной сети получил новые имена. На карте города появились улицы Урицкого, Тельмана, Клары Цеткин, Володарского, набережная Домбала, а также Гражданская, Революции, Комсомольца, Сознания, Октябрьской Революции, Красноармейская, площадь Пролетарская и др. [8].

Как известно, до 1934 г. Харьков был столицей УССР, здесь велось активное строительство не только предприятий, но и жилмассивов, называвшихся тогда в городе поселками. Такая ситуация ставила местное руководство перед необходимостью наименования новых годонимов и агоронимов. Кроме того, местное население продолжало пользоваться старыми названиями уже переименованных улиц. Поэтому решением горисполкома от 20 сентября 1936 г. были утверждены названия около 500 улиц, проспектов, площадей, переулков, въездов и т. п. Именно в это время появились ойконимические, гидронимические, мемориальные, фалеронимические номинации. Но большинство урбанонимов получили антропонимические наименования в честь людей, участвовавших в революции и Гражданской войне.

Как известно, в 1936–1938 гг. в стране проходили массовые репрессии, в связи с чем улицы, названные в честь людей, арестованных в это время, пришлось срочно переименовывать. Так, в Харькове появились и вскоре исчезли улицы Маршала Блюхера, Всеволода Балицкого, Яна Гамарника, Ивана Дубового и др. Особенность переименований 1938 г. заключалась в том, что местные власти решили перестраховаться и в честь

революционеров в этот год топонимы не называли – в основном в честь деятелей литературы и искусства, да и то зарубежных.

Следующее массовое переименование улиц произошло в годы Великой Отечественной войны. Во время немецкой оккупации в 1942 г. коллаборационистская власть – Горуправа – переименовала дорожно-уличную сеть, заменив урбанонимы, связанные с советской властью, на более приемлемые для оккупантов и их пособников. Примечательно, что в это время проспекты получили такие названия: Ленина – Новый, Орджоникидзе – Новая Украина, а проспект Сталина разделили на три улицы – Московскую, Старо-Московскую и Корсиковскую [9].

После освобождения Харькова в августе 1943 г. дорожно-уличной сети были возвращены довоенные названия. Но жизнь показала, что не все названия советского периода закрепились в сознании народа, и тогда в 1945 г. части из них вернули исконные имена. Так, улица Карла Либкнехта снова стала называться Сумской (хотя площадь Розы Люксембург была переименована в 2013 г.).

Количество антропонимов, связанных с событиями 1917–1922 гг., уменьшилось после принятия Указа Верховного Совета СССР № 494 «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям, организациям» от 21 сентября 1957 г. [10]. Согласно этому документу, не допускалось наименование географических объектов в честь здравствующих людей. Таким образом, с карты Харькова исчезли топонимы в честь Жданова, Молотова, Будённого, Ворошилова и др.

Несколько новых названий, связанных с революцией и Гражданской войной, появились в Харькове в 1968 г. – в честь 50-летия Октябрьской революции. В основном тогда улицы назывались именами местных революционеров: П. Слинко, Г. Нехаенко, Д. Клапцова и др., боровшихся за установление советской власти в Харькове [11].

После смерти И.В. Сталина начали появляться годонимы в честь репрессированных героев Гражданской войны. Это происходило не одномоментно, а постепенно в течение 1960–1970-х гг. Появились проспекты Косиора, Постышева, улицы Ивана Дубового, Якира, командармов Блюхера, Корка, Уборевича. В 1961 г. по решению ЦК КПСС были изменены топонимы, связанные со Сталиным: появились Московский проспект, а также улица и переулок Мира [12].

Отношение к революции и Гражданской войне кардинально изменилось после провозглашения независимости Украины. Уже в 1991 г. открыто было заявлено о необходимости замены названий годонимов

и агоронимов, связанных с установлением и существованием советской власти. Уже в начале 1990-х гг. в населенных пунктах Западной Украины прошла волна массовых переименований географических объектов. В Восточной Украине этот процесс не был столь активным, но всё же имел место. Первым в Харькове «пал» Ф.Э. Дзержинский – в 1992 г. улицу, названную в его честь, переименовали в Мироносицкую, а в 1995 г. площадь его имени стала называться площадь Свободы. В том же 1995 г. улица Свердлова стала Полтавским шляхом. А в 1996 г. площадь Советской Украины (в 1919–1975 гг. – Тевелева) стала именоваться площадь Конституции (в честь ее принятия 28 июня 1996 г.) [13].

При строительстве новых жилых кварталов в 1990–2010-х гг. новые улицы получали разные названия, в том числе и в честь украинских революционеров, принимавших участие в событиях 1917–1922 гг. Так, в 2012 г. появилась улица Владимира Винниченко [14], входившего в руководящий состав Украинской центральной рады и Директории в 1917–1919 гг.

Провести массовую замену географических названий, в том числе и урбанонимов, пришлось в конце 2015 – первой половине 2016 г. в связи с принятием закона «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики». Изменениям подверглись номинации, связанные с установлением и существованием советской власти на Украине. Было принято три постановления о переименовании дорожно-уличной сети: решение горсовета от 20 ноября 2015 г., распоряжение городского головы от 2 февраля 2016 г. и распоряжение председателя областной госадминистрации от 17 мая 2016 г.

Решениями городских властей в городских объектах появились имена выдающихся харьковчан и граждан Украины, России, проявивших себя в культуре, науке, на производстве. Распоряжением председателя облгосадминистрации объекты городской сети получили названия, вызывающие у местного населения недоумение. Так, были увековечены украинский националист Михновский, военачальники УНР Натиев, Удовиченко, Болбочан. Особо следует отметить появление на карте Харькова «сечевых стрельцов» – воинского формирования, созданного в годы Первой мировой войны и воевавшего против российской армии. Как известно, в составе последней сражались и харьковцы, т. е. для местного населения они считаются врагами. В годы революции «сечевики» поддержали Западно-Украинскую народную республику и поэтому на Украине считаются борцами за независимость (правда, об их переходе в состав Белой и Красной армий в 1919 г. стараются не вспоминать).

Таким образом, топонимическая палитра Харькова, связанная с революцией и Гражданской войной, значительно уменьшилась и видоизменилась. Естественно, что революция 1917 г. и Гражданская война навсегда останутся в памяти человечества как одно из значительных событий в истории не только бывшей Российской империи, но и всей планеты. Декларируя отказ от советского прошлого, украинские политтехнологи всё-таки понимают, что полностью оказаться от памяти о событиях 1917–1922 гг. невозможно. И в топонимике Харькова, как и других городов Украины, вместо одних участников революции и Гражданской войны появляются другие.

Примечания

1. Дьяченко Н.Т. Улицы и площади Харькова. Харьков, 1977.
2. О переименовании объектов топонимики города Харькова: Решение Харьковского горсовета I сессии VII созыва от 20.11.2015 г. URL: <http://www.city.kharkov.ua/ru/document/pro-pereymenuvannya-obektiv-toponimiki-mista-kharkova-48723.html>; Перечень переименований элементов улично-дорожной сети города на территории, включенной в границы города Харькова: Приложение 2 к решению 20 сессии Харьковского городского совета 6 созыва «Об упорядочении наименований» от 24.10.2012 г. URL: http://www.city.kharkov.ua/images/users/resh_24_10_12_.pdf; Распоряжение председателя областной госадминистрации № 181 от 17 мая 2016 г. «О переименовании объектов топонимики г. Харькова». URL: <http://kharkivoda.gov.ua/ru/dokumenti/rozporiyadzhennya/2578/2660/80788> (дата обращения: 18.05.2017).
3. Закон Украины № 317-VIII от 7 апреля 2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» // Ведомости Верховной Рады Украины. 2015. № 26. Ст. 219.
4. Харьков: справочник по названиям: 7000 улиц, площадей, скверов, районов... / сост. Е.Н. Дмитриева, Е.В. Дьякова, Н.М. Харченко; под общ. ред. С.М. Куделко. Харьков, 2011.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
6. Харьков: справочник по названиям... С. 250–251, 272, 274–275, 307–308.
7. Там же. С. 151, 275–276.
8. Там же. С. 54–55, 76, 151, 195, 223–224, 259, 267, 277, 313, 326, 333–334, 370.
9. Там же. С. 171, 200–201, 225.

10. Указ Верховного Совета СССР № 494 «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям, организациям» от 21 сентября 1957 года // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. М., 1957. № 1–28. С. 579–580.

11. Харьков: справочник по названиям... С. 293, 209–210, 131–132.

12. Там же. С. 194, 200–201.

13. Там же. С. 141.

14. Перечень переименований элементов улично-дорожной сети города на территории, включенной в границы города Харькова: Приложение 2 к решению 20 сессии Харьковского городского совета 6 созыва «Об упорядочении наименований» от 24.10.2012 г. URL: http://www.city.kharkov.ua/images/users/resh_24_10_12_.pdf (дата обращения: 18.05.2017).

А.Н. Еремеева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ В 1917 г.

Специфика художественной жизни в 1917 г. определялась, с одной стороны, продолжавшейся войной, с другой – революционными трансформациями. Накануне революции патриотический пафос массовых зрелищ значительно снизился по сравнению с предшествующими годами. В репертуар постепенно возвращались извлеченные из прошлого во второй половине 1914 г. сочинения немецких и австрийских авторов. Как резюмировали редакторы книги «Европейская культура в Великой войне: искусство, развлечения и пропаганда», содержание массовых развлечений (в большинстве воюющих стран) повернулось быстро от внешних врагов и ожидания близкой победы на атаки внутренних врагов и эскапизм [1]. Главной задачей, как и до войны, стало привлечение зрителя. При этом ставка часто делалась на непритязательную публику. Еще бóльший успех, чем раньше, выпадал на долю чисто развлекательных зрелищ [2].

Непосредственно перед революцией зрелищные учреждения Юга России работали в обычном режиме. Зимний театальный сезон был в разгаре, русские и украинские труппы исправно давали спектакли. Выступали столичные и местные музыканты. В Ростове-на-Дону в январе 1917 г. дал концерт С. Рахманинов.

Активно общались с южнороссийской аудиторией представители литературного мира. В феврале 1917 г. известный драматург и писатель Е. Чириков рассуждал о перспективах возрождения русского национального искусства в рамках лекции «Сказка русского народа». Эпатировали публику футуристы – «громкокипящий» Игорь Северянин и «поэт-авиатор» Василий Каменский. Даже они, называвшие себя предвестниками будущего, не могли и предположить, что ждет Россию и их самих уже завтра.

Известие о победе революции в южные регионы пришло через несколько дней после начала событий в столице. Провинциалы, в отличие от населения столиц, прошедшего несколько дней в тревоге и смятении, восприняли революцию как свершившийся факт. Во всех городах и даже небольших населенных пунктах состоялись митинги и демонстрации, высказавшие горячую поддержку революции. На страницы абсолютно большинства периодических изданий выплеснулось море восторженных публикаций. На экранах появились привезенные из столиц хроники революционных событий в Петрограде и Москве.

В прославлении революции активно участвовали актеры, музыканты, художники. На сценических площадках проводились концерты-митинги, красочные, эмоциональные, где политика переплеталась с искусством. Вот типичное объявление той поры из армавирской газеты «Отклики Кавказа»: «22 марта в театре Меснянкина состоится инсценированный концерт, устраиваемый Советом рабочих и воинских депутатов. Участвуют артисты государственных и частных театров. После концерта – апофеоз “Великая Россия” с участием хора и оркестра. Исполнена будет “Дубинушка”» [3].

Представители художественной интеллигенции были завсегдатями вечеров различных политических партий, народных гуляний в пользу бывших политзаключенных, общественных и политических организаций. Иногда эти мероприятия принимали довольно экстравагантную форму. В Симферополе при активном участии знаменитого клоуна и дрессировщика В.Л. Дурова был устроен передвижной митинг, целью которого был протест против самосуда и поддержка «Общества помощи освобожденным уголовным». По улицам города под звуки «Марсельезы», исполняемой военным оркестром, шли слон и верблюд, увешанные плакатами с призывами освобожденным к честному труду и населению к пожертвованиям в фонд Военно-крестьянского союза для просвещения деревни [4].

Люди искусства в первые месяцы революции вместе с большинством граждан обновленной России испытывали эйфорию. Вот строчки

из письма известного ростовского музыканта М.Л. Пресмана, много лет возглавлявшего местное музыкальное училище, музыковеду, главному редактору журнала «Русская музыкальная газета», Н.Ф. Финдейзену от 22 марта 1917 г.: «Да здравствует Свободная, Великая Россия! Наконец-то мы дождались того момента, когда все можем дышать свободной грудью, когда всяким административным произволам пришел конец и когда всякие... князья и принцессы стали тем, чем на самом деле всегда и были: ничтожными дармоедами, вершившими судьбами... России только по своему капризу» [5]. Известный музыкант, бывший директор екатеринодарского музыкального училища А.Н. Дроздов, приехав в кубанскую столицу в марте 1917 г. с лекцией-концертом, говорил: «Художник в своей сущности всегда был, есть и будет самый неисправимый и величайший революционер... Только тогда будет счастливо человечество, когда благополучие его общественного уклада увенчано будет высокой радостью свободного творчества» [6]. Подобные настроения были характерны и для художественной интеллигенции российских столиц [7].

Южнороссийские творческие организации посылали в марте 1917 г. приветственные телеграммы М. Родзянко и Петроградскому совету. Как сообщала «Хроника» – приложение к столичному журналу «Музыкальный современник» – в приветствии от Ростовского-на-Дону союза музыкальных деятелей отмечалось особое удовлетворение, вызванное отменой смертной казни – «актом, подготовленным деятельностью художников» и свидетельствовавшим о «свершившейся победе духовности в человечестве» [8].

«Кубанский Третьяков», основатель Екатеринодарской картинной галереи Ф.А. Коваленко выступил с инициативой создания при ней музея Великой революции. Население призывали активно участвовать в формировании новых фондов: приносить в музей газеты, журналы, прокламации, фотографии революционной поры [9]. Аналогичные инициативы имели место и в других городах России.

Многие представители художественной интеллигенции восприняли Февраль сквозь призму профессии как мощный стимул свободы творчества. К реализации этой свободы они подошли по-разному. Одни направили свою энергию на прославление революции, ее завоеваний, обращались к репрезентации социальных движений прошлого. Для других же завоеванная революцией свобода стала сигналом к освобождению от нравственных ограничений в творчестве. Осваивались «скользкие» темы, смаковались пикантные подробности.

Реакция художественной интеллигенции на революцию нашла отражение в репертуаре театров и синемаграфов, отчасти музыкальных

коллективов, в литературных произведениях, изобразительной продукции (главным образом в жанре карикатуры). Лидирующее положение среди театральных постановок на Юге, как и в Москве, занимала пьеса «Павел I» Д. Мережковского, запрещенная в 1908 г., сразу после выхода в печать. Практически во всех южнороссийских городах спектакль шел по многу раз и с аншлагом. В Екатеринодаре труппа Н. Лебедева за три месяца представила пьесу девять раз [10]. В Новороссийске «на ура» прошло несколько спектаклей подряд. Интересно, что через семьдесят лет – в конце 1980-х гг. – советский зритель тоже воспринял появление «Павла I» на сценах театров как символ перемен.

Большой интерес вызвала пьеса Ф. Протопопова «Черные вороны». Написанная в 1909 г., она была запрещена по ходатайству церкви и «Союза русского народа» как подрывавшая авторитет православного духовенства, и провинциальный зритель знал о ней только понаслышке.

Некоторые художественные коллективы считали своим долгом и выдвинутой временем необходимостью искать репертуар, созвучный революции. Однозначно подходящие пьесы найти было сложно; пришлось идти на «промежуточные» варианты. Из цензурных архивов извлекли пьесу Е. Карпова «Зарево», воскрешавшую события Первой русской революции. Действие пьесы связано с политической забастовкой, героиня – революционерка, но главное в пьесе всё-таки любовная интрига [11]. Несмотря на это, в Новороссийске спектакль «Зарево» заканчивался пением революционных гимнов [12]. Такой же финал устраивался и в Екатеринодаре на спектакле «Жертва деспотизма» (пьеса автора, скрывавшегося под криптонимом Л.К.).

Новый смысл приобретали поставленные еще на дореволюционной сцене пьесы любимцев демократической интеллигенции Л. Андреева, Е. Чирикова, произведения зарубежных драматургов Э. Верхарна, М. Метерлинка, Г. Гауптмана. Ведь многое, за что боролись их герои, казалось, осуществимо в новой России.

Значительная часть южнороссийских (как, впрочем, и столичных) зрителей предпочитала серьезным работам скороспелые поделки о царских грешках и придворных похождениях, не имеющих ничего общего с серьезной драматургией. Это во многом объяснялось и новизной темы, и качеством самой зрительской аудитории, не только посетителей кинематографов, но и завсегдатаев театров. Оценивая театральные итоги 1917 г., обозреватель «Одесского листка» писал: «Революция приравняла искусство к суетному развлечению. В театр хлынула толпа. Новый зритель принес с собой вечный крик переломных эпох “хлеба и зрелищ”» [13]. Корреспондент художественного журнала, издававшегося в Тифлисе,

почти серьезно констатировал: «Тыловая публика – это публика особая. Она спорит о том, отдаст или нет Хлестаков деньги чиновникам в последнем акте, она доказывает, что Мережковский пишет также под псевдонимом Лаппо-Данилевский. Она жадно читает либретто “Онегина” и “Демона”... При покупке билета не указывают, на какую пьесу, а просто бросают – “на вторник”, “на среду...”» [14]. Действительно, изменения в зрительном зале, обозначившиеся в годы Первой мировой войны, стали еще более заметными. Причину данного явления исследователи видят в повышении зарплаток рабочих, особенно оборонных предприятий, закрытии питейных заведений, статусе тыловых районов, который приобрели многие российские территории, в наводнении их беженцами.

Некоторой злободневностью могли похвастать театры миниатюр. Куплеты, сценки, монологи конферансье на актуальные политические темы получили широкое распространение, особенно в весенние месяцы.

Заметное место в художественном творчестве, особенно в кинематографе, заняла «распутинская» тема. Она идеально сочетала в себе возможность обличения царского режима и эффектной подачи интимных подробностей. Вот как выглядела реклама одного из таких фильмов в ростовской газете: «Демонстрируется сенсация на злобу дня “Тригорий Распутин”. Драма в 4 частях (Грехопадение. За кулисами благочестия. То, о чем молчали. Смерть предателя)» [15].

Часто рекламные афиши уведомяли о демонстрации ранее запрещенных или сокращенных цензурой фильмов или пьес. Данная информация становилась важным стимулом для публики.

Как справедливо резюмирует историк В.Б. Аксёнов, кинематограф быстро отреагировал на совершившуюся революцию, сделав предметом постановок самые актуальные темы, исходя прежде всего из коммерческого расчета. Морально-нравственный упадок революционизированного общества способствовал процветанию «парижского жанра», превратив его в полнометражное кино. Эротическая направленность стала залогом успеха многих кинолент [16]. Кинорынок наводнили так называемые психологические драмы со страдающими женщинами – жертвами чужих страстей и несчастных случайностей.

Параллельно с декадентскими сюжетами в кинематографе развивались и совершенно иные мотивы, в центре которых стояла борьба человека, его стремление к жизни и самоутверждению. Формировался историко-революционный документальный и художественный репертуар. Среди такого рода лент – «Бабушка русской революции» (другое название – «Мученица за свободу», акционерного общества «А. Дранков и К°») – кинобиография видной народницы, а затем эсерки Е.К. Брешко-

Брешковской, «Товарищ Елена» («Елена Чернецкая» военно-кинематографического отдела скобелевского комитета) – своеобразная иллюстрация вовлечения женщины в освободительную борьбу. На глазах у зрителя героиня превращалась из наивной девочки-институтки в убежденную революционерку. За короткий промежуток времени дважды героиней фильма стала Софья Перовская. В мае фабрикой И. Ермольева была выпущена картина «Не надо крови (дело Ольги Перновской)» (режиссер Я. Протазанов). В августе с «конвейера» фабрики Д. Харитоновна вышел фильм «Софья Перовская» (другие названия – «Борцы за свободу», «Процесс 1881 года») режиссера П. Чардынина.

Интерес к образу женщин с активной жизненной позицией был связан с трансформацией российского гендерного порядка: «слабому полу» были предоставлены избирательные права, гарантированы равные с мужчинами оплата труда и права занимать государственные должности и т. д. В результате набора женщин в мужские военные части появились специальные женские подразделения. В мае 1917 г. возник Женский батальон смерти; по его образцу создавались женские батальоны во многих городах, в том числе на Юге [17]. В фельетонах и карикатурах 1917 г. нередко социальная активность и патриотические порывы женщин противопоставлялись инертности и трусости мужчин. С такого рода сатирическими текстами соседствовали другие, акцентировавшие внимание на негативных последствиях, искусственности включения женщин в «мужской мир».

Революция внесла некоторые изменения в репертуар музыкальных коллективов. На митингах, концертах-митингах, демонстрациях традиционно звучали «Марсельеза» и «Дубинушка». Композиторы обращались к теме Первой русской революции. Например, в репертуар симфонического оркестра Кубанского казачьего войска было включено новое произведение руководителя оркестра М.Ф. Сириньяно «Памяти 9 января 1905 года» [18].

Мастера искусств участвовали в театрализованных представлениях и концертах, пропагандируя выпущенный Временным правительством в связи с продолжавшейся войной пятипроцентный «Заем свободы». Газеты пестрели информацией об условиях займа, стихами и призывами защитить свободу, подписавшись на него. Из артистов и музыкантов формировались агитационные бригады. Дни Займа свободы, прошедшие во многих городах Юга, представляли собою массовые действия с участием оркестров, хоров, театральных трупп.

М. Шагинян – будущая знаменитая советская писательница, автор Ленинианы – в воспоминаниях так описала концерт в пользу Займа,

данный в курортном зале Кисловодска: «На афише чета Мережковских, молодые публицисты, поэты, крупнейшие музыканты. Парадно звучит “Марсельеза”, приподнятая из раковины курзала блестящим огромным симфоническим оркестром под магическим жезлом Рахманинова» [19].

Проводились различные литературные и музыкальные вечера, благотворительные лотереи и прочие действия, средства от которых направлялись в пользу жертв войны. Артисты харьковской труппы Н. Синельникова и ростовских трупп О. Зарайской и А. Гришина обратились через прессу к своим поклонникам с призывом дарить им вместо цветов конверты с деньгами, которые пойдут на помощь голодным детям [20].

Революция явилась серьезным толчком к расширению пропаганды искусства в массах. Художественная интеллигенция считала своим долгом развить в зрителе (особенно в новом, пришедшем на спектакли, концерты и выставки из цирка и кафешантанов) потребность в серьезном искусстве.

Приметой времени были многочисленные объявления о постановках спектаклей солдатами и рабочими под руководством профессиональных режиссеров. Театральные артисты пытались укрепить духовную связь с публикой, искоренить обывательский взгляд на свою профессию не только в процессе спектаклей, но и путем непосредственного общения на лекциях. Одна из них, прочитанная в Екатеринодаре в мае 1917 г. артистом А. Аркадьевым (кстати, исполнителем роли Павла I в пьесе Д. Мережковского), так и называлась – «Актер и публика» [21].

Литераторы публично представляли свои новые произведения. Газета «Солдат и рабочий» отмечала большой интерес сочинцев к авторской презентации повести «Сильные духом» известной писательницы В. Дмитриевой, жившей в Сочи. В повести изображались переживания революционерки, приговоренной к смертной казни за покушение на губернатора [22].

Активизировалась художественная деятельность национальных общин, особенно на Кубани и Черноморском побережье. Новороссийская «Черноморская газета» постоянно сообщала о спектаклях и музыкальных вечерах поляков, чехов, греков, украинцев.

Гастрольная жизнь шла своим чередом. В городах Юга блистали балерина О. Преображенская – признанный мастер импровизации (после революции, поселившись в Париже, она создала там балетную школу), знаменитый солист столичных театров – Большого и оперы Зимины – П. Цесевич, ведущий лирико-драматический тенор Мариинского театра Д. Смирнов, исполнительница русских народных песен Н. Тарасова (местные рецензенты сравнивали ее с такими корифеями, как А. Вяльце-

ва, В. Панина, Н. Плевицкая). Хор Кубанского казачьего войска готовил-ся представить на суд зрителей оперу «Запорожец за Дунаем» С. Гулака-Артемовского.

Привычный ход событий в художественной жизни не нарушило даже Октябрьское вооруженное восстание. Вообще, пока «триумфальное шествие» советской власти не достигло Юга, население, в том числе люди искусства, не осознавали всей серьезности происходившего. Зрелищные учреждения работали исправно. Пожалуй, даже увеличилось количество вечеров юмора, комедийных постановок, цирковых представлений в общем потоке зрелищ. Публика шла в зрительные залы, пытаясь отвлечься там от тревожных реалий современности и неясных перспектив ближайшего будущего.

Примечания

1. Roshwald A., Stites R. Conclusion // *European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment, and Propaganda, 1914–1918*. Cambridge, 1999. P. 349.

2. См.: Еремеева А.Н. «Забыться и отдохнуть»: что предлагали провинциальной публике зрелищные учреждения в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2014. № 12. С. 78–82.

3. Отклики Кавказа. 1917. 19 марта.

4. Крымский вестник. 1917. 20 мая.

5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 816. Оп. 2. Д. 1741. Л. 32.

6. Цит. по: Борисов Б., Борисов Г., Бурылев В. Краснодарская филармония. Прошлое и настоящее. Краснодар, 1989. С. 48.

7. См.: Купцова И.В. Художественная интеллигенция России в годы Первой мировой войны. М., 2007. С. 163–167.

8. Хроника. 1917. № 19. С. 15.

9. Кубанский край. 1917. 30 марта.

10. Театр и искусство. 1917. № 34. С. 589.

11. Петровская И. Театр и зритель российских столиц. Л., 1990. С. 183.

12. Черноморская газета. 1917. 23 марта.

13. Драматический театр в 1917 г. // *Одесский листок*. 1918. 1 января.

14. Тыловая Мельпомена // *Ars*. 1918. № 1. С. 65.

15. Приазовский край. 1917. 22 марта.

16. Аксенов В. 1917 год: социальные реалии и киносюжеты // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 13, 16.

17. Еремеева А.Н. Женские образы в кинотекстах революционной России // *Постклассические гендерные исследования*. Коллективная монография / отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб., 2011. С. 108–137.

18. Листок войны. 1917. 30 апреля.
19. Шагинян М.С. Перемена. Избр. произв. В 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 25.
20. Приазовский край. 1917. 12 сентября.
21. Листок войны. 1917. 9 мая.
22. Солдат и рабочий. 1917. 11 октября, 15 октября.

А.Л. Бойко, И.В. Толочко

ДОНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: 1917–1930-е гг.

События времени революции и Гражданской войны, последующего восстановления и модернизации народного хозяйства на Нижнем Дону оказали переломное влияние на все аспекты общественной жизни региона, в том числе на развитие краеведческих обществ, музеев и систему гуманитарного образования.

Ко времени начала Гражданской войны на Дону (которая началась практически одновременно с революционными событиями в Петрограде, в октябре 1917 г.) была создана и активно работала целая система организаций и учреждений, ставивших своей целью изучение древностей Донского края, в том числе общедоступные музеи: Донской (г. Новочеркасск, 1899 г. создания), Ростовский (г. Ростов-на-Дону, с 1910 г.), Таганрогский (г. Таганрог, с 1914 г.); научные и культурно-просветительские государственные (войсковые) организации: Области Войска Донского Статистический комитет (с 1839 г.), Комиссия по устройству Донского музея (с 1890 г.), Донской епархиальный церковно-исторический комитет (с 1904 г.); общественные организации (историко-краеведческого профиля): Ростовское общество истории, древностей и природы (с 1909 г.), Таганрогское краеведческое общество (с 1914 г.) при мемориальной библиотеке им А.П. Чехова и музей (с 1898 г. как музейное собрание при городской публичной библиотеке), Азовское общество «Народное просвещение» (с 1917 г.) с музеем при «Народном доме».

Практически каждое правительство, существовавшее на Дону в эпоху стремительных общественных трансформаций, стремилось максимально легитимизировать свою деятельность, что выражалось в том числе и в регулировании деятельности общедоступных музеев, а также в способах пополнения музейных фондов – в основном за счет раритетов, конфискованных у политических противников. Показательна в

этом плане деятельность военно-революционного комитета г. Таганрога, стараниями которого собрание местного музея пополнилось разнообразными предметами, особую ценность из которых представляла «восточная» (в основном китайско-монгольская) коллекция изделий из «художественного металла», принадлежавшая генералу П.К. Ренненкампу, расстрелянному за отказ сотрудничать с советской властью [1]. Подобного рода «пополнения» коллекций зафиксированы в музеях Ростова-на-Дону и Новочеркасска.

Обладание значимыми в идеологическом отношении предметами (символы исполнительной власти – казачьи клейноды, знамена воинских подразделений, наградное и жалованное оружие и проч.) накладывало на хранителей коллекций серьезные обязанности, связанные с сохранностью вещей. Вывоз войсковых реликвий из Донского музея в Новочеркасске в конце 1919 г. проводился как тщательно продуманная и организованная военная операция [2]. Это практически единственный случай нарушения целостности коллекции, связанный с деятельностью сотрудников музея. Во всех остальных случаях органы власти стремились взять под контроль музейные собрания, пресечь возможные акты грабежа и вандализма со стороны военных или деклассированных элементов.

В условиях революций и последующей Гражданской войны, особенно ожесточенной на Юге России, часть населения стремилась найти себя в достаточно отвлеченных занятиях археологией, историей искусств. Этим во многом объясняется феномен возникновения и достаточно длительной деятельности в Ростове-на-Дону Донского археологического института (ДАИ), учрежденного группой профессоров Донского (бывшего Варшавского) университета [3].

Археологические исследования на Дону проводились даже в суровых условиях гражданской войны, инициатива их проведения исходила от комиссии по устройству Донского музея. Так, в июне 1918 г. сотрудник Донского музея Л.В. Богаевский был командирован в область «для осмотра станичных архивов, собирания статистических и друг[их] сведений, а также археологических изысканий и раскопок» [4]. ДАИ принял раскопки кургана эпохи бронзы летом (11–26 июня) 1920 г. близ Ростова-на-Дону [5]. Раскопки проводились в форме «показательных» работ (т. е. сопровождалась лекциями и пояснениями для всех интересующихся историей и археологией) и на Кизитериновском городище (27.06.1920) [6]. В числе первых раскопок, относимых к советскому времени развития археологии на Дону, были работы, связанные с именами А.А. Миллера и Г.И. Боровки, получивших Открытый лист на проведение раскопок в Черкасском округе Донской области в мае 1921 г. и зафик-

сировавших свое пребывание в Донском (Новочеркасском) музее [7]. Следует особо отметить, что работы проводились во время, названное «периодом политического бандитизма», характеризующее сложной внутривластной обстановкой на Дону.

Важной формой краеведческих исследований (включающих и археологические работы) оставалась работа научно-просветительских обществ, которые испытывали гораздо большие трудности в своей работе, чем музеи или высшие учебные заведения [8]. Показательны трансформации самого известного краеведческого общества – Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, которое к 1917 г. практически прекратило свою деятельность в рамках дореволюционного устава. В сложных условиях 1917 г. было основано новое добровольное научное общество, получившее название Ростовского-на-Дону общества истории и древностей (РОИД). Как и предшествующее, оно опиралось в своей работе на Ростовский музей как центр притяжения местных любителей истории и археологии. Однако инициатива его создания исходила от преподавателей университета, профессоров А.М. Придика, А.И. Яцимирского и И.И. Закотина. Идею реформирования краеведческого общества поддержали преподаватели местных учебных заведений и малочисленные представители ростовской интеллигенции (В.А. Альгин, А.М. Ильин, В.И. Калинин, Г.М. Левитский, А.Т. Стефанов, А.П. Фёдоров). Задачи общества не ограничивались исключительно изучением местных древностей. Так, в Уставе общества круг научных интересов был определен как экономика, социология, философия, антропософия и др. Заседания были закрытыми, т. е. на них могли присутствовать только действительные члены и члены-корреспонденты общества [9]. С 19 сентября 1917 г. по 21 апреля 1921 г. состоялось 32 заседания, на которых было заслушано большое количество докладов. Однако «камерность» работы общества вызывала серьезные возражения со стороны вновь организованных советских учреждений, которые по роду своей деятельности должны были заниматься изучением и хранением древностей.

Перелом в отношении научных обществ краеведческого характера на Дону наступил очень быстро. Существовавшие многие десятилетия области Войска Донского Статистический комитет и Комиссия по устройству Донского музея самоликвидировались, будучи по сути сословными учреждениями. Сохранившиеся в условиях гражданской войны, иностранной оккупации и многочисленных смен власти общественные организации мало устраивали своей либерально-демократической направленностью представителей советской власти.

Ростов-на-Дону был занят красными войсками С.М. Будённого 10 января 1920 г. (окончательно освобожден от белых войск 11 февраля 1920 г.), и уже через несколько дней руководству РОИД пришлось принимать непростые решения, связанные с отчетностью перед новой властью. Заняв Ростов-на-Дону, завязнув в тяжелых боях под Батайском, советская власть не забывала о культурном строительстве, вводя на подконтрольных территориях собственное законодательство и организуя территориальные органы управления. Вопросами деятельности музеев и сохранностью памятников старины в Советской России с декабря 1918 г. ведал Наркомат народного образования и его подразделения.

Временным революционным комитетом (позднее, по мере отхода линии фронта от Дона, преобразован в Донской исполнительный комитет) 17 января 1920 г. в г. Ростове-на-Дону был образован Комитет по охране памятников искусств и старины (КОПИС), являвшийся подотделом искусств Донского областного отдела народного образования (ДООНО) [10]. В него вошли две секции – музейная (председатель Я.Л. Яктонович-Назаренко) и художественная (во главе с А. Браиловским, которого сменил Н. Лаврский). В условиях организационной неразберихи и нерасчлененности функций секций и подотделов их заседания проводились совместно, а решения принимались коллегиально.

Главной задачей КОПИСа был контроль над всеми существовавшими краеведческими структурами и прежде всего РОИД как самой крупной общественной организацией региона, имевшей собственные средства и содержащей городской музей (позднее переименованный в Донской, ныне – Ростовский областной музей краеведения). 26 января 1920 г. руководством КОПИСа в ультимативной форме от РОИД была затребована документация о работе в 1909–1919 гг. вместе с финансовым отчетом, каталогами находок и т. д. Имевшиеся в наличии деньги общества были переданы в КОПИС [11]. Для «сотрудничества» в КОПИС были отправлены профессор А.И. Яцимирский и искусствовед А.Д. Силин.

Попытки РОИД продолжить свою деятельность в составе ДАИ успеха не имели, поскольку учебное заведение было национализировано, в нем были открыты новые отделения (этнографии и археологии). Программа преподавания подверглась значительным изменениям (вместо древних языков были введены «общественно-политические» предметы: «Конституция РСФСР», «Политический строй РСФСР», «Задачи пролетарского искусства» и т. п.), сменилось руководство и состав преподавателей. Государственное финансирование института было скудным.

И, наконец, с 1 марта 1922 г. по постановлению Главпрофобра институт снимался с госснабжения и подлежал закрытию, что объяснялось чрезвычайными финансовыми затруднениями в РСФСР. В июне 1922 г. институт был закрыт, а его имущество было передано Донскому университету, коллекции – его учебному музею [12].

С момента своей организации КОПИС развил бурную деятельность по созданию новых музеев и реорганизации прежде существовавших. Принимались меры по учету и обеспечению сохранности памятников, в первую очередь в Ростове-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, а затем в области. Был намечен целый ряд экспедиций, из которых осуществилась лишь одна – архитектурно-художественная. Этнолого-археологическая экспедиция по области (в первую очередь предполагалось изучение Нижнего Дона) так и не состоялась по ряду причин [13].

В начале апреля 1920 г. КОПИС был преобразован в Секцию музеев и охраны памятников искусств и старины при подотделе искусств Дон-обнаробраза [14]. Секция являясь частью подотдела искусств ДОНО и находилась под непосредственным руководством Центрального отдела музеев Наркомпроса [15].

Секции подчинялись следующие музеи: Донской областной музей искусств и древностей (открыт 1 мая 1920 г. как Донской Советский музей), созданный Краевой армянский музей искусств и древностей и Музей революции – бывший Архив революции [16]. Предполагалось и создание вертикальной структуры. Подразделениями Секции музеев и охраны памятников искусств и старины должны были стать окружные, городские и станичные секции, основанием для создания которых было Положение о местных секциях по охране памятников искусств и старины [17].

1920–1921 гг. были временем активной деятельности Областной секции по охране памятников искусств и старины (в составе музейно-архитектурной, археологической, этнографической и архивно-библиотечной подсекций). Были открыты музеи в Азове и станице Константиновской, велась реорганизация деятельности музеев в Таганроге, Новочеркасске и Старочеркасске.

Археологические работы предполагались составной частью деятельности очередной советской организации, созданной летом 1921 г. Новая институция получила название Донского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта и природы, которую возглавил С.А. Вязигин [18]. Однако Донмузей с осени 1921 г. испытывал острые проблемы с финансированием, которые в итоге привели к закрытию ряда вновь образованных музеев, сокраще-

нию штатов головной организации и др. Государство стремилось экономить на всём и рабоче-крестьянская инспекция без жалости закрывала, преобразовывала или переподчиняла оставшиеся на плаву организации и учреждения науки и культуры края.

В этих условиях вновь вырастает значение общественных организаций, поскольку они не нуждались в централизованном финансировании. После ликвидации ДАИ было основано Донское общество археологии и истории искусств (ДООИИ), устав которого был утвержден Главнаукой 23 августа 1922 г. Базой для создания общества стала часть библиотеки ДАИ и денежные средства существовавшего при нем студенческого кружка археологии и истории искусств. Новое общество в известной степени дублировало структуру отделений ДАИ. Учредителями его стали преподаватели археологического института: А.И. Яцимирский, И.П. Козловский, Н.Н. Сретенский, Н.А. Григорович-Березовский, С.А. Каменев, Н.Ф. Лаврский, А.М. Ильин, А.Т. Стефанов, С.А. Локтюшев, П.П. Сахаров. Председателем правления общества (до дня смерти 12 февраля 1925 г.) был А.И. Яцимирский. Тесная связь ДООИИ с Донским университетом нашла отражение в руководящей роли его сотрудников в создании организации и использовании академических помещений и оборудования для работы.

Другим важным фактором, определившими «живучесть» ДООИИ и возникших на его основе научных обществ краевого уровня, был тесный контакт с центральными научными учреждениями, такими как Российская (с 1926 г. – Государственная) академия истории материальной культуры (ГАИМК) (Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК под руководством А.А. Миллера начала работу на Нижнем Дону с 1923 г.), или советскими краеведческими организациями (Центральным и Северо-Кавказскими бюро краеведения).

В 1923 г. Правление ДООИИ было расширено за счет выпускников и слушателей ДАИ, впервые в руководящий состав общества вошли представители нового поколения ученых: С.А. Вязигин, Л.А. Ширман, Г.А. Иноземцев, Б.В. Лунин [19]. Общее число членов общества к концу первого года его работы составило 27 человек.

Работа ДООИИ при полном отсутствии государственного финансирования ограничивалась тремя основными направлениями: 1) проведением научных заседаний с чтением и обсуждением докладов; 2) археологическими экскурсиями в окрестностях городов Ростова-на-Дону, Азова и Таганрога; 3) установлением связи с музеями Дона.

Основным достижением общества стало установление контактов с центральными научными и краеведческими учреждениями. Впервые со

времен существования Донского отделения Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда (1900–1902 гг.) представитель ДООИИ (С.А. Вязигин) принял участие в мероприятиях всероссийского масштаба, таких как V сессия Центрального бюро краеведения и Всесоюзная краеведческая конференция.

Символичным было то, что первое заседание ДООИИ 8 октября 1922 г. началось по устоявшейся традиции с доклада о Танаисе (А.М. Ильин «Итоги археологического изучения Танаиса»). Всего за время существования ДООИИ было проведено 34 заседания, на которых было заслушано 59 докладов, а также 11 распорядительных собраний. Отдельно проводились торжественные (в честь 35-летия научной деятельности почетного члена ДООИИ В.А. Городцова) и мемориальные (памяти председателя общества А.И. Яцимирского) заседания.

С образованием в ноябре 1924 г. Северо-Кавказского края его столицей стал Владикавказ, однако новое районирование региона, проведенное в 1926 г., сделало центром края Ростов-на-Дону. Сюда был переведен Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Именно с этого времени Ростов-на-Дону можно считать подлинным научным центром Северного Кавказа, поскольку в нем были сконцентрированы все основные научно-исследовательские и учебные заведения региона.

Важнейшую роль в научной жизни края сыграло создание на базе ДООИИ Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ), объединившего сотни специалистов и любителей изучения прошлого края. В условиях стагнации исторической науки в вузах (вышел ряд запретов на преподавание исторических дисциплин), как и ранее, в годы Гражданской войны и реконструкции, работа в краеведческих общественных организациях была подчас единственной возможностью для занятий не только археологией, но и историческими исследованиями вообще.

Для координации действий по исследованию памятников античности Нижнего Дона группой членов Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии на заседании 11 декабря 1926 г. была сформулирована концепция особой комиссии, целью которой являлась разработка вопросов, связанных с изучением Танаиса. 16 декабря правление СКОАИЭ приняло решение об учреждении постоянной Танаидской комиссии при научном отделении общества. В состав ее вошли и сотрудники университета (П.Н. Черняев, Н.Н. Любович, А.Ф. Семенов, Е.А. Черноусов). Не имея собственных средств, сотрудники СКОАИЭ занимались преимущественно проведением археологических разведок и архивными изысканиями [20].

Проведение археологических исследований в этих условиях было возможно лишь в составе комплексных экспедиций, которые финансировала ГАИМК. Примером такого сотрудничества стала Северо-Кавказская экспедиция под руководством А.А. Миллера (1923–1933 гг.).

Изменение политической конъюнктуры в стране остро почувствовали чиновники от науки и некоторые ученые. Весной 1930 г. были опубликованы «Заявления» группы преподавателей педфака и медфака университета, носившие характер политического доноса. Летом того же года на I краевом съезде ученых-краеведов были подвергнуты жесткой критике сами методы работы Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов (СКАНИИ) и многих исследователей старого поколения, большинство которых были преподавателями университета. За этим последовало закрытие Северо-Кавказского университета и расформирование большинства научно-исследовательских институтов. Большое количество преподавателей и ученых было подвергнуто административной высылке из Ростова или вынуждено было переехать в соседние края (погром научных кадров на Северном Кавказе был одним из первых в стране). Среди тех, кто подвергся «проработке» или был отстранен от преподавания, были историки И.П. Козловский, Н.Н. Любович, А.Ф. Семенов, П.Н. Черняев. Структурные изменения в системе вузов края, изменение административных границ, продолжение репрессий привели к тому, что в 1931–1934 гг. практически прекратились археологические исследования, иницилируемые местными кадрами.

Примечания

1. Верещагин В.В. Два памятника делопроизводства времен Донской Советской республики // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 7. Ростов н/Д, 2000. С. 139–140.

2. Бойко А.Л. Музей в русской Вандее (Архивные данные о работе Донского музея в годы гражданской войны) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 189–191.

3. Римская З.Н. Донской археологический институт // Донская археология. 1999. № 2. С. 69–76.

4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 509. Л. 104–104об.

5. Локтюшев С.А. Погребение бронзовой эпохи из кургана близ Ростова-на-Дону // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. 1927. Кн. I (Т. III). № 3–4. С. 12–14.

6. ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.
7. Архив Новочеркасского музея истории донского казачества. КП-16342. Д. 555. Л. 48.
8. Боранова Г.Н. Просветитель из Азова // Донской временник. Год 2003-й. Ростов н/Д, 2002. С. 52–58.
9. Об[щест]во археологии, истории и этнографии // Бюллетень Северо-Кавказского Бюро краеведения. 1926. № 1–2. С. 18.
10. ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
11. Там же. Д. 29. Л. 1.
12. Римская З.Н. Указ. соч. С. 69–76.
13. Бойко А.Л. Указ. соч. С. 189–191.
14. Римская З.Н. Указ. соч. С. 69–76.
15. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 509. Л. 104–104об.
16. Коневская Т.И. Первые мероприятия по организации музейного строительства на Дону (1920–1923) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д, 1989. С. 155–164.
17. ГАРО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
18. Коневская Т.И. Указ. соч. С. 155–164.
19. Штавдакер Л.А. Археологический писатель Борис Лунин (из истории краеведческого движения 1920–30-х годов) // Донской временник. Год 2013-й. Вып. 21. Краеведческий альманах. Ростов н/Д, 2012. С. 195–199.
20. Бойко А.Л. Танаидская комиссия СКОАИЭ: предпосылки образования и деятельность // IX Донские археологические чтения «Поселения как центры развития цивилизации» (проблемы исследования). Ростов н/Д, 2007. С. 19–32.

Л.С. Ильюков

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДОНСКОМ МУЗЕЕ В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

19 января 1918 г. Председателем Совета народных комиссаров В.И. Ульяновым (Лениным) и народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским был подписан Декрет «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу». Это было первое постановление об охране памятников историко-культурного наследия.

В Новочеркасске располагался Донской музей (ныне – Новочеркасский музей истории донского казачества). Первым заведующим музеем был Харитон Иванович Попов, проработавший в нем до 1920 г.

В 1918–1920 гг. на Нижнем Дону шла Гражданская война. В лихолетье Гражданской войны Новочеркасск оказался в центре военных действий. Накануне этих событий в музей была доставлена одна из интересных и неординарных коллекций археологических предметов, которая в настоящее время хранится в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества. Она была собрана в 1914 г. около станицы Мигулинской. В начале археологические предметы были доставлены в центр Донецкого округа, в станицу Каменскую, и какое-то время находились там. Слух о них распространился очень быстро и вскоре дошел до Археологической комиссии в Санкт-Петербурге. Помощник председателя комиссии В.В. Латышев отправил в станицу Каменскую письмо, из которого следовало, что ему было известно только имя находчика археологических вещей и он хотел уточнить обстоятельства находки и получить их фотографии. Все вещи по просьбе Х.И. Попова были перевезены в Новочеркасск и там сфотографированы. Однако сами фотографии не были отправлены в Археологическую комиссию. Началась Первая мировая война.

Весной 1918 г. Новочеркасск был занят большевиками. Ими был учрежден отдел народного просвещения городского Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Они назначили специального комиссара для курирования музейных дел. Х.И. Попов добился охраны музея в ночное время. Многие решения большевиков на первом этапе установления советской власти носили «красный террористический характер». Несмотря на это Х.И. Попову удалось отстоять музей. По-видимому, события первых месяцев советской власти в Новочеркасске повлияли на благоразумного и преданного музейному делу Х.И. Попова, которому было уже за 80 лет: он не воспротивился отбору музейных экспонатов для их транспортировки за рубеж. Этим отбором руководил помощник заведующего музеем Л.В. Богаевский [1]. За границу отправлялся и сын Х.И. Попова, Пётр Харитонович Попов, председатель Донского правительства. Вместе с ними в иммиграцию отбывали и донские реликвии. Вероятно, этот факт повлиял на Х.И. Попова. После 1920 г. Донским музеем стал заведовать палеонтолог В.В. Богачев. Через пять лет Х.И. Попова не стало. Он умер в возрасте 91 года на своей даче около станции Пчеловодной, там и был похоронен.

В 1919 г. в Донском музее археологические находки из драгоценных материалов были упакованы вместе с другими реликвиями музея в дорожные ящики для транспортировки за пределы Донского края. Веро-

ятно, они были присоединены к золотому запасу из Ростова и вывезены белогвардейцами на юг, вместе с отступавшей туда белой армией [2]. До Екатеринодара (современный Краснодар) реликвии сопровождал музейный сотрудник Г.М. Воронков [3], а затем сокровища были доставлены в Новороссийск и далее морем в Стамбул. Здесь была собрана комиссия под руководством Марковского, которая составила подробную опись музейных предметов и по этой описи они были сданы в Народный музей в Праге [4]. В ящики поместились далеко не все вещи из данного комплекса. Прежде всего это были предметы из драгоценных металлов, которые вместе с частью музейного фотоархива и несколькими старыми музейными фолиантами были объединены в один багаж. Некоторое время они хранились в Праге. В ящиках оказались предметы из разных комплексов. Среди них серебряные крупные фалары с изображением фантастического животного, найденные в области Войска Донского в канун революции. С планшетов были сняты вещи из драгметаллов, взяты римские и византийские монеты. В то же время часть назаровских находок, в том числе серебряная копоушка и серебряный кубок, от которого откололась массивная серебряная ручка с зооморфными окончаниями, остались в музее. В 1946 г. Комиссия по репатриации, работавшая в Пражском национальном музее, обнаружила музейную коллекцию из Донского музея, вывезенную еще в годы Гражданской войны белогвардейцами. Вещи через Москву были возвращены в СССР, в Новочеркасский музей истории донского казачества. В процессе их возвращения какая-то часть коллекционных предметов затерялась. Так, в Москве в архиве Института археологии оказался старый фолиант «Древности геродотовой Скифии», в котором находилась часть фотоархива из Донского музея. Среди них обнаружена серия пронумерованных фотографий, одна из них – с византийскими солидами, на обороте которой стояла надпись «Визант. монеты, найденные в юрте Мигулинской казаком х. Назаровского Григорием Домановым. 1914 г.». Все фотографии были переложены незаполненными бланками за 1926 г., отпечатанными в Париже для сбора подписей. Бланки были проштампованы печатью донского атамана А.П. Богаевского и предназначались для сбора пожертвований в середине 1920-х гг. В 1946 г. в Пражском музее этими листами бумаги были переложены фотографии из Донского музея. В таком виде багаж был доставлен в Москву, и здесь часть его затерялась. В дальнейшем донской фотоархив был обнаружен в библиотеке Института археологии под книжным стеллажом. Часть коллекции донских реликвий вместе с серебряными фаларами, обнаруженными на территории Донского края, и танаисским золотым венком были переданы в Новочеркасский музей.

Пражский период существования донской коллекции остается недостаточно изученным. В годы Гражданской войны П.Х. Попов был председателем Донского правительства и министром иностранных дел при атамане А.П. Богаевском. По-видимому, П.Х. Попов был связан с вывозом золотого запаса с Дона, и в том числе донских реликвий [5]. Его роль в вывозе археологических коллекций за рубеж не ясна. В эмиграции атаман А.П. Богаевский в 1924 г. стал одним из создателей Казачьего союза, а чуть позже был единодушно избран донскими эмигрантскими организациями представлять их интересы. Вероятно, с его деятельностью связано появление в Праге подписных листов для благотворительных целей, которые в дальнейшем попали в Пражский народный музей. Когда в 1944 г. в Праге упаковывали фотографии из Донского музея для их возвращения в Россию, для этого использовались листы бланков в качестве оберточной бумаги. А.П. Богаевский умер в Париже в 1934 г. В 1938 г. в Прагу переезжает П.Х. Попов. Несомненно, его волновали донские реликвии, осевшие в городе. После возвращения в 1946 г. материалов Донского музея в СССР он покидает Прагу и переезжает в США. В возрасте 92 лет он умирает в доме престарелых в Нью-Йорке от инсульта, который случился из-за сожжения администрацией дома его двух рукописей. Остается лишь гадать, при каких обстоятельствах они сгорели. Несомненно, в них он касался отхода белой армии за рубеж и ее судьбы в период эмиграции. И, возможно, проливал свет на пребывание казачьих реликвий за рубежом.

В июне 1944 г. в Праге встретились М.А. Миллер, бежавший вместе с немцами за рубеж, и П.Х. Попов, который к тому времени освоился в Праге. По-видимому, М.А. Миллеру было известно, что к вывозке донских древностей был причастен П.Х. Попов. Встреча земляков произвела на эмигрировавшего на запад М.А. Миллера большое впечатление. В своей картотеке на одной из карточек М.А. Миллер оставил запись об этой встрече. М.А. Миллера интересовали танаисские находки. Ему была известна книжка И. Лученкова о судьбе донских казаков, уехавших на запад. В ней автор отметил, что ценные вещи Донского музея были вывезены за границу, в том числе и находки из танаисского погребения, открытого в 1908 г. В своей карточке М.А. Миллер повторил сказанное И. Лученковым, что за границей вывезенные вещи были проданы частным лицам. А строчкой ниже он пишет, что Пётр Харитонович Попов сообщил ему: «вторая находка А. Смычкова вместе с другими вещами хранился в Музее лейб-[гвардии] Казачьего полка в Париже» [6]. До революции находки вместе с золотым лавровым венком и золотой гривной, случайно обнаруженные в Танаисе в 1908 г., поступили в Донской му-

зей. В годы Гражданской войны венки и гривна оказались в эмиграции. И только после окончания Великой Отечественной войны они в составе 2000 предметов из Донского музея были возвращены в Новочеркасский музей [7]. Следовательно, информация, которую сообщил П.Х. Попов, встретившись в Праге с М.А. Миллером, оказалась неточной. Тем не менее ряд музейных археологических находок, судя по таблицам иллюстраций в каталоге Х.И. Попова, так и не вернулись на Дон.

Назаровский комплекс 1914 г. относится к хазарскому времени эпохи раннего Средневековья [8]. К сожалению, обстоятельства этой находки остаются неизвестными. Часть назаровских предметов недавно была опубликована. Судя по инвентарным номерам, которые имеются на старых фотографиях, сделанных в дореволюционный период, небольшая часть назаровских вещей была утрачена. Следовательно, остается неизвестным полный набор вещей из этого комплекса. Можно лишь предположить, что в их число, наряду с железным светильником, могли входить створки железной переносной жаровни-жертвенника, как в большеорловском комплексе [9].

Судя по инвентарю назаровского комплекса, это было женское захоронение представительницы знати хазарского общества. При погребенной находилась сумочка с византийскими золотыми монетами, не стертymi от длительного хождения. Шею женщины, по-видимому, украшало ожерелье из крупных стеклянных бус. Ворот ее дорогой одежды застегивался тремя золотыми пуговками в виде миниатюрных шариков с петелькой. Плащ на ее груди украшала пара золотых застежек – аграфов. В центре каждого из них расположено гнездо с камнем. Пальцы рук были украшены парой золотых перстней, оба щитка которых имели гнездо под камень. Ее туалетные принадлежности, снабженные петельками, состояли из серебряной копоушки, ручка которой имеет рельефное изображение льва, железного пинцета и крупного простого бронзового зеркала, возможно, с несохранившейся боковой ручкой. Найдена небольшая бронзовая пряжка с квадратной рамкой и подвижным язычком. В комплект входил серебряный кувшин с яйцевидным туловом на невысоком поддоне и узким приклепанным горлом, имевшим широкий желобчатый венчик. Низ его горла опоясывала пара ложных валиков, гравированных елочным узором. Сбоку к устью горла и тулова была припаяна тонкая фигурная ручка, концы которой гравированы двумя головками копытных животных. Из этого комплекса происходит большой железный котел-ведро с резко отогнутым венчиком, под которым располагались две петли, приклепанные к устью. За эти петли цеплялись концы пластинчатой ручки. Ручка с котлом подвешивалась за шарнир-

ный крюк, расположенный в центре крестовидной треноги, сделанной из трех узких ножек, шарнирно соединенных на вершине треножника. Кроме того, найден большой железный светильник в виде полусферической чаши, приваленной к крестовидному полусферическому гнезду. Длинная ножка выполнена из квадратного витого стержня. В комплект входила пара железных стремян с прямоугольным выступом для подвешивания и узкой подножкой. К уздечным принадлежностям относились два экземпляра железных удил. Одни из них имеют двуколычатые крестовидные окончания, которые на концах снабжены поводными кольцами. У второго экземпляра грызла удил цельно изготовлены с псалиями S-видной формы. Верхний конец псалия оформлен в виде стилизованной головки животного. Костюм погребенной имел металлические детали, выполненные в византийском стиле. В этом комплексе присутствуют четыре византийских солида Юстиниана II и Льва III, совершенно не потертые и не имевшие отверстий для нанизывания на шнуры. На одном из солидов Льва III на оборотной стороне изображен Константин V. Солиды датируют данный комплекс концом 30-х – началом 40-х годов VIII в. или более широко – второй четвертью VIII в.

Возможно, во время погребального ритуала особое значение придавалось огню. Для ритуала использовался железный светильник на длинной ножке, который втыкали в землю внутри разборного железного квадратного алтаря или жаровни-жертвенника, стенки которого шарнирно соединялись шпильками на цепочках. Такие разборные жертвенники были обнаружены в большеорловском комплексе [10]. В обряде использовались железные котлы-ведра, которые подвешивались над землей при помощи треножника. Аналогичные предметы были обнаружены в большеорловском кургане. Анализ назаровских находок, их сопоставление с другими артефактами этого времени позволяет предположить, что они являлись культовыми предметами, связанными с религией зороастристов, в которой огню отводилась особая роль. И для обращения с ним требовались особые культовые аксессуары. Их появление у хазар, имевших тесные культурные контакты с населением сасанидского Ирана, где религия зороастристов получила широкое распространение, вполне закономерно.

В конце XIX – начале XX в. вначале в Новочеркаске, а затем в Ростове-на-Дону и Таганроге, позднее в Азове появились первые музеи, которые должны были сохранять историко-культурное наследие в этом регионе. В культурных центрах издаются первые каталоги музейных собраний. Самое крупное музейное хранилище находилось в Донском музее в Новочеркаске. В 1913 г., к своему 80-летию, Х.И. Попов гото-

вил издание каталога археологических коллекций Донского музея. Часть тиража была отпечатана в типографии. Однако его последние страницы осталась в рукописном виде и сохранились в «Фонде Х.И. Попова» в Государственном архиве Ростовской области в г. Ростове-на-Дону. Этот фонд был сформирован в 1930-е гг. из различных архивных дел бывшего Донского музея. После революции в начале 1920-х гг. несколько экземпляров неполного каталога Донского музея были собраны и сшиты в несколько отдельных «книжек», которые состояли из отпечатанных страниц каталога и таблицы иллюстраций к нему. Условно эти «книжки» были названы «Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск» (б. г.).

Новый этап сохранения историко-культурного наследия связан с установлением на Дону в 1920 г. советской власти. В 1917 г. было организовано Ростовское общество истории и древностей, которое в 1925 г. было переименовано в Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. В 1918 г. в Ростове-на-Дону был сформирован и начал работать Ростовский археологический институт, который уже в 1922 г. был закрыт [11]. Однако в этот период на Дону не было сделано ярких археологических открытий, таких как назаровский комплекс хазарского времени.

Примечания

1. Чибисова И.П. Неизвестная страница истории Донского музея // Краеведческие записки. Вып. 4. Новочеркасск, 1999. С. 36.
2. Потапов И.П. Начало пути. О зарождении, открытии и становлении Донского музея в 1918 г. // Краеведческие записки. Вып. 4. Новочеркасск, 1999. С. 21.
3. Чибисова И.И. Указ. соч. С. 36.
4. Потапов И.П. Указ. соч. С. 21.
5. Там же.
6. Ильюков Л.С. По следам танаисских сокровищ. Ростов н/Д, 2002. С. 22.
7. Толочко И.В. Об одной находке 1908 г. из Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 3. Недвиговка, 2012. С. 102–107.
8. Ильюков Л.С. Назаровская находка 1914 г. // Хазарские древности. Аксай, 2013. С. 176–192.
9. Там же. С. 184.
10. Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Москва; Иерусалим, 2007. С. 85–113.

11. Толочко И.В. О Михаиле Борисовиче Краснянском, ростовском краеведе (14.09.1873–17.01.1944) // 1917 год: Российская археология на переломе эпох. Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 77.

А.А. Журтова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Переходное состояние современного российского общества, находящегося в стадии социально-экономической и политической трансформации, предполагает осуществление масштабных преобразований в области науки и образования, их ориентацию на потребности и интересы личности, сочетание традиционных и инновационных подходов в научной и учебной деятельности. Данная ситуация требует обращения к истории российской образовательной политики и исторической науки с целью поиска наиболее эффективных способов модернизации культурной жизни государства и общества.

Процесс становления советской образовательной системы в Кабардино-Балкарии начался с реализации Положения об организации дела народного образования РСФСР, изданного Совнаркомом в июле 1918 г., а также декрета ВЦИК о единой трудовой школе РСФСР, принятого 16 октября 1918 г., и постановления Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» (30 октября 1918 г.) [1]. В соответствии с этими и другими документами упраздняясь сложившаяся до революции образовательная система. Вместо нее создавалась единая трудовая школа в составе двух ступеней: первая – для детей от 8 до 13 лет (пять лет обучения) и вторая – от 13 до 17 лет (четыре года обучения) [2]. В 1924 г. в школьную программу как предмет был введен родной язык [3].

Первые советские школы в Кабардино-Балкарии создавались в исключительно сложных условиях в связи с отсутствием материально-технической базы, педагогических кадров и т. д. В качестве преподавателей в начальный период своей организации советская школа широко использовала кадры дореволюционной интеллигенции и мусульманского

духовенства. Одновременно в целях подготовки новых учителей в начале 20-х гг. XX в. в регионе были организованы краткосрочные педагогические курсы.

С укреплением советской власти на Северном Кавказе большевики перешли к осуществлению стратегических целей коммунизма [4]. Перед новой школой была поставлена задача коренного изменения идейного содержания обучения. Проводилась огромная работа по перестройке программ, методов обучения, подготовке новых учебников и т. д. При этом программа всеобщего народного образования становилась единой для всех национальностей, несмотря на то что к ее выполнению они подошли с неодинаковым уровнем грамотности.

За религиозным образованием устанавливался контроль. Согласно секретной инструкции НКВД и НКП РСФСР от 21 августа 1924 г. «О преподавании мусульманского вероучения...», преподавание могло производиться только в мечетях с разрешения местных исполкомов. В нем указывались данные о преподавателе (социальное, общественное, служебное и имущественное положение начиная с 1914 г.) и об учащихся, часы преподавания и договор о праве пользоваться мечетью [5]. К началу 1930-х гг. система религиозного образования была ликвидирована.

Решением обкома партии и облисполкома Кабардино-Балкарии в 1923 г. была создана областная Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности [6]. Срочно готовились кадры для этих целей, выделялись помещения под школы грамоты для взрослых и ликвидационные пункты. Широкие мероприятия по ликвидации неграмотности среди взрослого населения начались в области с 1922 г. Ликбезпоход становился боевой политической кампанией, большое внимание его проведению уделяли областной и окружной комитеты партии. Область была превращена в сплошную школу [7].

Возникновение и развитие начального и среднего профессионального образования в Кабардино-Балкарии вначале было сопряжено с задачами восстановления и развития разрушенного Гражданской войной народного хозяйства. Стали создаваться начальные и средние профессиональные учебные заведения, ориентированные на подготовку самых различных специалистов – от кадров народного хозяйства до партийных работников [8].

В июле 1920 г. в Нальчике начали работать краткосрочные курсы по подготовке учителей, а с ноября 1922 г. стала функционировать областная совпартшкола [9].

В 1924 г. в Нальчике был открыт Ленинский учебный городок (ЛУГ), который готовил кадры разных квалификаций [10]. Он вскоре стал

«основным культурным центром Кабардино-Балкарской автономной области», как отметил V областной съезд Советов в апреле 1926 г. [11]. В состав ЛУГа входили: дом пионеров, педагогический техникум, совпартшкола, кооперативный техникум, фельдшерско-акушерские курсы, сельскохозяйственный техникум. С 1924 по 1929 гг. Кабардино-Балкарский ЛУГ увеличил контингент обучающихся от 300 до 1000 человек [12].

В 1926 г. в Нальчике на территории Ленинского учебного городка был открыт государственный Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт (КБНИИ). На первом же заседании совета КБНИИ 27 апреля 1926 г. в числе трех научных подразделений был организован сектор (разряд) историко-этнографический, в историческом отделении которого числились пять научных сотрудников: В.А. Рюмин (первый директор НИИ и заведующий историко-этнографическим сектором), Т.К. Баснина, Н.А. Цагов, В.Р. Апухтин, В.П. Пожидаев [13]. До революции в крае не было высшей школы, и на первых порах остро ощущалось отсутствие квалифицированных специалистов. Поэтому руководство института привлекало к изучению истории Кабардино-Балкарии ученых из других учреждений страны. С конца 1920-х гг. над вопросами истории края работали профессора А.А. Миллер и Г.Г. Губайдуллин, сотрудник ГАИМК А.А. Иессен и другие историки из Ленинграда, Махачкалы и Владикавказа [14].

Первоначальная задача, решаемая в рамках становления нового облика исторической науки, – это марксизация преподавания в высшей школе, которая в начале 1920-х гг. выглядела как попытка, направленная на «прерывание» старой историко-научной традиции, введение обществоведческих начал, понижение статуса исторического знания [15].

Осуществлялась активная государственная политика в деле трансформации старой системы исторического образования и научно-исследовательской деятельности на новых основах. В 1919 г. были ликвидированы историко-филологические и юридические факультеты университетов и образованы факультеты общественных наук (ФОНы), главной функцией которых стало распространение идей научного социализма и ознакомление широких масс с переменами в общественно-политическом строе России.

Важным условием превращения марксизма в государственную идеологическую доктрину было формирование новых институтов исторической науки. Уже в октябре 1921 г. начал свою работу Институт красной профессуры (ИКП), специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах [16].

История исторической науки в советском обществе непосредственно вписывалась в историю формирования и функционирования новой государственной и интеллектуальной элиты и советской номенклатуры [17].

Историческая наука являлась одной из ведущих отраслей научного знания, раскрывала на основе марксистско-ленинского учения закономерности развития человеческого общества и имела огромное значение в формировании мировоззрения у советских людей [18].

В 1917 г. в системе Российской академии наук был создан первый региональный исследовательский центр – Кавказский историко-археологический институт. В мае-июне 1920 г. на территории освобожденного Северного Кавказа возобновили работу экспедиции Академии наук [19].

Несмотря на отсутствие необходимой материально-технической базы, достаточного числа квалифицированных специалистов для организации и ведения научно-исследовательской работы, в мае 1920 г. в г. Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения с отделениями в Москве и Ленинграде. Он просуществовал до 24 ноября 1926 г., когда распался по автономным областям [20].

С 20-х гг. XX в. начинает проявляться сильное давление на историческое сознание со стороны государственных политических структур с целью придания ему нужной политико-идеологической направленности [21]. Все научные, культурно-просветительские учреждения, печать и радио были призваны вести идеологическую работу среди населения. Историческая наука стала представлять собой научно-политический феномен, «гармонично» встроенный в систему тоталитарного государства [22].

В советскую историческую науку внесли свой вклад и историки Кабардино-Балкарии. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, они исследовали общие закономерности и специфические особенности развития народов Кабардино-Балкарии от первобытнообщинного строя к коммунизму [23].

В первые годы советской власти в становлении и развитии науки, подготовке необходимых кадров и создании научных учреждений в Кабардино-Балкарии, как и в других автономных республиках и областях, определенную роль сыграли научные и учебные центры Российской Федерации, Академия наук СССР. В начале 1920-х гг. в Нальчике было организовано Кабардино-Балкарское отделение Истпарта, открылся краеведческий музей, было учреждено архивное бюро, возникло общество изучения местного края.

Особенностью всей научно-организационной и исследовательской работы, проделанной в течение 1920-х гг. как в республике, так и по всей стране, явилось начало творческого применения марксистско-ленинской методологии в конкретных научных исследованиях. Мировоззренческие корни советской версии марксизма носили не национальный, а сугубо интернациональный и социально-классовый характер [24].

Главная идеологическая задача, стоявшая перед советским руководством в первые годы существования СССР, заключалась в дискредитации свергнутого политического режима и подчеркивании выдающегося значения завоеваний Октябрьской революции [25]. Демонстрация откровенной неприязни к имперской политике была характерна практически для всех исторических работ 1920-х гг. Воспитание в духе патриотизма требовало обращения к историческому прошлому. Вся научно-исследовательская работа была подчинена «задачам партии».

На страницах журналов «Революция и горец», «Историк-марксист» и др. предпринимались первые попытки рефлексии исторической науки о «качестве» соблюдения в исследованиях марксистской методологии, активно звучали призывы покончить с преемственностью между советской и имперской историографией в изучении тех или иных проблем [26].

В первое послереволюционное десятилетие в регионе завершилось создание кабардинской и балкарской письменности, началось преподавание родного языка, была ликвидирована неграмотность населения. Марксистская идеология стала господствующей и на ее основе в Кабардино-Балкарии, как и во всей стране, была организована вся образовательная и научная деятельность народов республики.

Исследования указанного периода способствовали достижению партийных целей и задач, и характеризовались критическим отношением к имперской историографии, обвинением в «искажениях и фальсификации» авторов, освещавших историю народов Северного Кавказа.

А.А. Анিকেев и А.В. Лубский считают, что освещение тех или иных проблем «с позиций формационного редуционизма» не исключает научной значимости советских работ для современной историографии [27]. Историческая наука в нашем регионе, по словам Ю.А. Жданова, является детищем советской власти [28] со всеми ее достоинствами и недостатками. В 1917–1920-х гг. начался процесс разработки основных проблем истории региона, публикации первых обобщающих работ, закладывались основы развития национальных историографий северокавказских народов.

Примечания

1. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 436.
2. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XIII в. – 30-е годы XX в.). Нальчик, 1964. С. 35.
3. История многовекового содружества... С. 436.
4. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004. С. 151.
5. Его же. Проблемы мусульманского образования на Северном Кавказе в 20-е гг. XX в. // Литературная Кабардино-Балкария. 2003. № 6. С. 162.
6. Сабанчиев Х.М. Из истории народного образования в Советской Кабарде до введения всеобщего // Ученые записки КГПИ. Нальчик, 1955. Вып. 7. С. 5–6.
7. Мамсиров Х.Б., Саблиров М.З. Деятельность культурно-просветительных учреждений Кабардино-Балкарии в годы первой пятилетки // Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 47.
8. История многовекового содружества... С. 439.
9. Герандоков М.Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917–1940 гг.). Нальчик, 1975. С. 106, 107.
10. Лосева О. Развитие просвещения, культуры и здравоохранения в Кабардино-Балкарской АССР за годы советской власти // Блокнот агитатора. 1967. № 26. С. 2.
11. Перновская А.М. Почетный курсант ЛУГа // Б.Э. Калмыков – выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. С. 92.
12. История многовекового содружества... С. 440.
13. Беров Х.Ж. Развитие исторической науки // 70 лет научных поисков и открытий. Нальчик, 1995. С. 31.
14. Хутуев Х.И., Сабанчиев Х.-М.А. Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике (к 60-летию института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 7.
15. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Учебное пособие. Омск, 2001. URL: <http://cornholio.narod.ru/history6/chapter5par2.htm> (дата обращения: 12.03.2017).
16. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938 годы): Историографический очерк. URL: <http://www.intellect-invest.org.ua/content/>

userfiles/files/social_history_pedagogic/material_zagalni/Kozlova_IPK.pdf (дата обращения: 15.03.2017).

17. Булыгина Т.А. Отечественная историография в 20-е годы XX века: продолжение и разрыв традиций // Харьковский историографический сборник. Харьков, 2006. Вып. 8. С. 106.

18. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: материалы научной конференции. Нальчик, 1983. С. 155.

19. Есаков В.Д. От императорской к российской Академии наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 129.

20. Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик, 2011. С. 43.

21. Свирида Н.Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. Вып. 20. С. 51.

22. Осьмачко С.Г. Сталинизм и история: идеологизация методологии // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2009. № 2. С. 189.

23. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Материалы научной сессии, посвященной 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 102.

24. Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 9.

25. Максимчик А.Н. Аспекты присоединения Северного Кавказа к России на страницах советских исторических журналов (1920-е – начало 1940-х гг.) // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 1. С. 31.

26. Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. 1929. № 1–2. С. 52–57; Алиев У. Состояние краеведения в горских областях и его постановка в дальнейшем // Революция и горец. 1929. № 4. С. 21–26 и др.

27. Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3. С. 54.

28. Жданов Ю.А. На путях межнационального сотрудничества // Жданов Ю.А. Избранное. Ростов н/Д, 2001. Т. 2. С. 260.

А.В. Танцева

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ФОКУСЕ «НОВОГО ФОЛЬКЛОРА» НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» В 1920-е гг.

Революция 1917 г. привела не только к масштабным изменениям в социально-политической и экономической жизни общества, но и видоизменила соответствующие культурно-антропоморфные коды. Первое послереволюционное десятилетие создало условия, в которых «власть и народ оказались в ситуации своеобразного прямого взаимодействия, без посредства отчужденных иерархических механизмов прежней социальной и культурной системы, в которых народ использовал для этого взаимодействия язык традиционной культуры, а властные политико-идеологические инстанции экспериментировали, пытаясь создать свои собственные инструменты как для рецепции этого языка, так и для воздействия на него – селекции, подмены и подавления» [1]. В этот период большая часть малограмотного населения Советской России вела свой диалог с властью с помощью того единственного кода, которым владела, – традиционных фольклорных моделей с использованием новых революционных сюжетов и мотивов. Через фольклор можно увидеть не только настроения большинства обывателей советского социума, но и проследить его реакцию на проводимые преобразования. После революции разнообразные фольклорные жанры получили широкое распространение, в разных вариациях отражая борьбу как против контрреволюции, так и против революционных преобразований.

Образ революции, встраивавшийся в новую постреволюционную повседневность, активно транслировался средствами массовой информации в том числе и с помощью жанров народного фольклора. Часть исследователей обозначают фольклор 1920-х гг. как спонтанный нарратив или нарратив, идущий снизу, однако при этом подчеркивают, что уже к 1930-м гг. советская власть «решает, наконец, всерьез заняться народной словесностью, возникает масштабный проект, имеющий своей целью сознательное и активное идеологическое управление фольклорным процессом» [2]. Однако предпосылки к этому процессу складывались в послереволюционное десятилетие, когда «романтическое отношение к фольклору как анонимному “голосу народа”, доносящему до нас тексты “седой старины”, уступило место более позитивистскому подходу к устным традициям» [3].

Публикуемые в советских еженедельниках фольклорные тексты, безусловно, несли в себе лишь положительную оценку революционных преобразований и были призваны доступнее и эмоциональнее передать процессы революционного строительства. Но фольклор имел и обратную сторону, а именно критическое и негативное отражение советской действительности, ведь именно фольклор труднее всего поддавался цензуре из-за хаотичного и обывательского происхождения. Но такой фольклор не получал распространение на страницах периодической печати.

Массовый общественно-политический и литературно-художественный еженедельник «Огонек» появился в 1923 г. и являлся самостоятельным изданием, возникшим в период нэпа. Позже, в 1926 г., он вошел в Акционерное издательское общество «Огонек», созданное, по сути, на его основе. Под руководством известного журналиста М.Е. Кольцова и его инициативной группы в составе писателя Е. Зозули, журналиста Л. Рябининой, издательского работника Э.Г. Голомба журнал быстро стал самым массовым еженедельником 1920-х гг., на страницах которого нашел место и новый постреволюционный фольклор.

Частушки являются оперативным жанром фольклора, который был трансформирован после революции, и «романтический взгляд на устное творчество как на выражение “духа народа” был пересмотрен в духе марксистского учения о классовой борьбе и фольклоре как отражении этой борьбы» [4]. Революционное обновление форм фольклора можно увидеть на страницах массовых еженедельников 1920-х гг. Так, февральским событиям 1917 г. был посвящен целый цикл частушек, собранных С. Федорченко и опубликованных в журнале «Огонек» в 1927 г.:

А как нашим офицерам
Принежить свои манеры,
Коль не станут вежливыми,
Не останутся живыми.

Говорили зря,
Что любили царя, –
Ни ружья, ни сабельки,
Ни слезы, ни капельки.

Будто вместо Николая
Михаила зажелали,
Без нас не управится,
А нам он не нравится.

На птенчке-Керенчке
Зазвенели бубенчики,
Не бубенчик ботает,
Язычок работает

Вы не смейтесь, ребята,
Выбирайте в депутаты,
Истребим не семечко –
Барское племечко.

Эх-ма, тары-бары
Раньше были цари-баре,
Цари-баре выдохли,
Наши слезы высохли.

Обещались хлопам паны:
Будешь сытый, будешь пьяный.
Не поверил пану хлоп,
Топором по пану – хлоп!

Мы домой вернемся,
За господ возьмемся,
А Керенский-депутат
Не велит домой пускать [5].

Частушки иллюстрировались рисунками К. Ротова. Следует отметить, что публикация частушек – коротких четверостиший, которые передавались в основном устно и лишь иногда записывались, не характерно для редакторской политики журнала рассматриваемого периода, однако данный вид пропагандистских практик начинает впервые появляться именно в репрезентации образа революции. Публикации февральских частушек в журнале «Огонек» были направлены на конструирование определенного образа прошлого, с которым было покончено, и положительного образа Революции 1917 г. как нового пути преобразований в стране.

Слом вековых устоев, бурное строительство новой жизни, начавшаяся в середине 1920-х гг. борьба за власть, разгром оппозиции, курс на индустриализацию, коллективизацию и построение социализма выдвигали новые требования к пропаганде и агитации. И со второй половины 1920-х годов на страницах журнала «Огонек» можно встретить «современные частушки», которые были записаны Н. Захаровым-Мэнским.

В пояснении к ним автор подчеркивал, как изменилась Сибирь, «еще три-четыре-пять лет тому назад поддерживавшая всевозможных генералов, а теперь:

Ах, яблочко,
Сбоку зелено,
Поменяли Колчака
Мы на Ленина!» [6].

В частушках можно увидеть и обострение международной борьбы и надежды на скорое приближение мировой революции: «А вот наш ответ Чемберлену, настоящий, деревенский, бесцензурный:

Ты расти, расти в окопе,
Сила молодецкая.
Вскоре в Западной Европе
Будет власть советская
(Подошковский район, Тамбовская губерния).

Скоро, скоро снег растает,
С нашей речки лед сойдет,
Скоро, скоро по всем странам
Революция пройдет (Козловский у., Тамбовская губерния) [7].

Частушки, как отмечала редакция журнала «Огонек», отражали изменения и в социально-экономическом развитии общества и присылались в редакционный отдел со всех уголков страны. Например, частушка из Курской губернии Старооскольского уезда:

У рабочих и крестьян
Все крепчает смычка.
Без буржуев и царей
Мы живем отлично [8].

Тексты «нового фольклора» находились на стыке традиционных форм фольклора и «советского новояза», причем уже четко прослеживалось преобладание последнего. В данных текстах мы можем увидеть отношение не только к революционному прошлому, его оценку с помощью традиционных языковых форм, но и проследить отношения социума к новым преобразованиям в Советской России. Постепенно образ

революции отходит на второй план, а на первый выходит Советское государство, в котором новое строительство рассматривается как продолжение революционных преобразований. Образ революции становится тем культурно-историческим архетипом, который был призван консолидировать советское общество и стать точкой отсчета для нового этапа развития страны.

Таким образом, публикации фольклорных произведений в журнале «Огонек» в 1920-е гг. отражают не только новую постреволюционную аранжировку традиционных мотивов, но и являются еще одной пропагандистской практикой в арсенале советской власти, применяемой в периодической печати.

Примечания

1. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе. М., 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6-pr.html> (дата обращения: 10.05.2017).

2. Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68602/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 10.03.2017).

3. Miller F.J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. New York; London, 1990. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68602/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 10.03.2017).

4. Архипова А.С. Последний «царь-избавитель». Советская мифология и фольклор 20–30 годов XX века URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/68602/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 10.03.2017).

5. Февральские частушки (собранные С. Федорченко. Рисунки К. Ротова) // Огонек. 1927. № 11. С. 6.

6. Захаров-Мэнский Н. Современные частушки // Огонек. 1927. № 29. С. 11.

7. Там же.

8. Огонек. 1927. № 23. С. 10.

Е.Б. Бесолова, Б.А. Дзугаев

ПАМЯТЬ СЕРДЦА (по воспоминаниям Х.А. Цоколаева)

Трудно, конечно, в небольшую публикацию «вместить» весь двадцатый век, прожитый отцом жительницы осетинского села Эммаус, Гали-

ны Хаджисмеловны Цоколаевой, поделившейся с авторами статьи рукописью его воспоминаний [1]. Хаджисмел Афакоевич Цоколаев с 1920 г. был членом ВЛКСМ, с 1927 г. – членом партии, в 1917–1918 гг. – командиром первого отделения Эммаусского взвода подпольной революционной дружины. Мы ограничились лишь материалами о революционном движении, о деятельности Заманкульской боевой дружины.

Хаджисмел Афакоевич Цоколаев родился в селе Эммаус Северной Осетии, располагавшемся в Куртатинском ущелье. Здесь в сентябре 1917 г. известные революционеры, члены РСДРП(б) Хаджумар Цереков и Ашаге Габоев собрали молодежь, чтобы рассказать о том, что надвигается революция, рабочий класс под руководством партии большевиков собирается свергнуть Временное правительство и скоро фабрики и заводы будут конфискованы и переданы рабочему классу, а помещичьи и церковные земли после конфискации – крестьянам. Они же посоветовали организовать в селе подпольную революционную боевую дружину и взвод революционной боевой дружины в количестве 26 сабель. По совету опытного революционера Урусби Зортова, в окружающих селах были собраны революционные дружины и их усилия были также объединены для боевых действий.

Таким образом, в октябре 1917 г. в районе Заманкула, Эммауса, Брута, Карджина и Илларионовской подпольно сформировалась Заманкульская боевая революционная дружина из 250 хорошо вооруженных бойцов, а 20 ноября того же года им было велено в полной боевой готовности собраться в местности Шкути-Ком.

Во время общего сбора в местности Шкути-Ком они узнали о том, что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, о первых декретах Советской власти (о передаче земли крестьянам, о восьмичасовом рабочем дне и национальном вопросе, о выборах в Учредительное собрание), а также о том, что по приказу атамана Терского казачьего войска М.А. Караулова от 15 ноября 1917 г. в Терской области вводятся военное положение и смертная казнь. Тогда же было решено всем членам боевой дружины голосовать за списки большевиков. Далее ветеран пишет о том, что после смерти Караулова белоказачи объявили террор: начали громить и арестовывать большевиков и агитаторов, провели поголовные обыски у всех членов дружины, и они были вынуждены уйти в лес, но знали, что победа контрреволюции временная, что необходимо бороться за установление советской власти.

В январе 1918 г. командир взвода был послан делегатом на Съезд народов в Моздок и, вернувшись, рассказал о большом споре между фракциями и о том, что в конце съезда меньшевики, эсеры, офицерство

и верхушка казачества покинули зал и созвали свой съезд. Позже стало известно, что на съезде был избран Терский народный совет во главе с Ноем Буачидзе и Сергеем Мироновичем Кировым. Также стало известно о конфискации и передаче крестьянам помещичьих, частновладельческих, церковных и казачьих земель без выкупа. Сбылась мечта крестьян, поскольку они жили на казенной земле и платили Госбанку огромную арендную плату.

В марте 1918 г. делегация Заманкульской боевой дружины вернулась с Пятигорского съезда с заданием С.М. Кирова и Ноя Буачидзе: штабу дружины связаться с самооборонческими отрядами и заставами Курской слободки Владикавказа и договориться о совместной операции против засевших в городе офицерских отрядов Беликова, Кибирова и др.

Утром 5 марта 1918 г. Заманкульская боевая дружина в полном боевом снаряжении прибыла на железнодорожную станцию Колонка и договорилась с Ф. Серобабовым о совместном наступлении на врага. С 6 по 9 марта они вели бои с офицерскими отрядами Терско-Дагестанского правительства. «7 марта, – вспоминал Х.А. Цоколаев, – из моего отделения у монастырских стен погиб храбрый Хабош Эльтаров. 9 и 10 марта остатки противника бежали, и город был очищен от контрреволюционных банд» [2].

10 марта дружина отошла на железнодорожную станцию Колонка, где состоялся митинг, на котором говорили об итогах боя, потерях, о героизме отдельных бойцов и командиров, зачитали объявленную благодарностью С.М. Кирова и Ноя Буачидзе, находившихся после возвращения с Пятигорского съезда в служебном вагоне у станции Колонка. После всех этих событий основной состав Заманкульской боевой дружины присоединился к частям Красной армии и, вернувшись в город, разместился в казармах.

В конце апреля 1918 г. члены дружины Хаджисмел Цоколаев, Иналук Цереков, Володя Хестанов и Александр Цгоев возвратились в Эммаус для организации охраны села.

Весной 1919 г. автор воспоминаний Хаджисмел Цоколаев был арестован карательным отрядом полковника царской армии Бигаева в селе Дарг-Кох: «Шел я в село Карджин к сестре, отряд Бигаева задержал меня на улице села Дарг-Кох: кто-то донес, что я – большевик. Бигаев лично допрашивал меня, куда я иду, и где мои товарищи. И когда я ему ответил, что иду к сестре в село Карджин один, без товарищей, он не поверил мне и отдал приказ солдатам поставить меня у стенки и расстрелять (очевидно, хотел меня напугать), но, видя, что молчу, отменил приказ. Этим

же солдатам приказал меня посадить в арестантскую у старшины села Дарг-Кох, где я и просидел три дня с еще тремя арестованными жителями Дарг-Коха. Одного из них звали Шандр Туаев, других не помню. На четвертый день мне удалось бежать при помощи Дулаева, который работал секретарем у старшины села. Дулаев вызвал меня в канцелярию якобы на допрос, а сам шепнул: «Как выйду из комнаты, ты через чёрный ход беги, иначе этот сумасшедший убьёт тебя»... Я так и сделал» [3].

До декабря 1919 г. автор воспоминаний скрывался в горах Куртатинского ущелья, но к январю 1920 г. вернулся в Эммаус, где в это время была объявлена сплошная мобилизация молодежи в белую армию, и ему опять с товарищами пришлось скрываться до марта 1920 г. Когда весной 1920 г. была окончательно разгромлена Добровольческая армия генерала Деникина, в Эммаус приехала агитбригада Красной армии, комиссар которой выступил на общем сходе села и объявил, что по всей России установлена советская власть. После этого через две-три недели приехали из Владикавказа представители партийных организаций и комсомола. Они собрали молодежь села и рассказали о комсомоле, его задачах и помогли создать инициативную группу для организации комсомольской ячейки. В эту группу вошли А. Сокаев, И. Цереков, Б. Гусов, З. Джелиев и Х. Цоколаев.

К осени 1920 г. ячейка РКСМ села Эммаус насчитывала в своих рядах более 200 членов. В комсомол вступали в то время в возрасте от 14 до 35 лет; приходили с заявлениями, с просьбой принять их в комсомол и более старшие жители села, заявляя, что тоже хотят вместе с комсомолом бороться за советскую власть. Весной 1920 г. секретарем ячейки избирается член бюро А. Сокаев, заместителем секретаря – Х. Цоколаев, членами бюро ячейки – И. Цереков, З. Джелиев и Б. Гусов. Сохранились фотографии некоторых принятых в комсомол во время Ленинского набора 1924 г. жителей села Эммаус.

Комсомольская организация села пользовалась авторитетом и доверием народа, сумела подчинить своему влиянию сельсовет, благодаря чему все члены бюро ячейки избирались также членами пленума сельсовета. Бюро ячейки РКСМ постоянно получало инструктивные указания Окружного комитета РКП(б) и РКСМ, которыми руководствовалось в своей работе.

Напряженная обстановка того времени требовала необходимость избрания ревкома. Его председателем стал комсомолец Хаджибекир Гусов, членами ревкома – член сельсовета Газак Таучелов и Владимир Хестанов и др. Был также избран также комитет бедноты, который возглавил член бюро ячейки РКСМ Иналук Цереков, а членами избрали почетных людей села, пожилых Асланбека Цгоева и Дзиго Джелиева.

Первым и неотложным делом стала ликвидация неграмотности. Для этого отремонтировали дом, в котором раньше жил помещик Мусса Кундухов, и открыли в нем школу, укомплектовали ее учителями с помощью района. Когда все дети школьного возраста начали учиться, то не было предела радости сельчан.

Позже комсомольцы организовали в школе курсы ликбеза: после занятий детей, вечером, все желающие малограмотные или неграмотные жители села охотно садились за парты и с рвением овладевали грамотой.

В Эммаус часто приезжали работники исполкома окружного комитета РКП(б) и РКСМ, которые инструктировали комсомольцев по очередным мероприятиям, привозили с собой литературу по агитмассовой работе среди населения, знакомили с основными задачами советской власти на данный период, и комсомольцы успешно проводили разъяснительную работу среди населения села. Они проводили мобилизацию молодежи для восстановления разрушенного войной народного хозяйства, организовывали субботники, ремонтировали общественные помещения, мосты, очищали дороги, оказывали помощь беднякам, вдовам, сиротам, безлошадным жителям и др.

Одной из самых важных в этот период была проблема охраны общественного порядка, потому что 1920 г. считался годом зарождения бандитизма в крае. Хаджисмел Цоколаев объясняет это явление тем, что после окончательного разгрома армии Деникина ее остатки, не успевшие эвакуироваться в Крым и присоединиться к Врангелю или Джордани, целиком ушли в подполье и занялись бандитскими налетами. Комсомольцы знали, что эти отряды тесно сплотились с местными уголовными и контрреволюционными элементами, также терроризировавшими местное население и стремившимися свергнуть советскую власть.

Хаджисмел Цоколаев вспоминает: «...наше село Эммаус расположено на холмистой местности на окраине республики, вокруг него лощины, рощи и овраги, а за перевалом на северном склоне дремучий лес, за которым располагались ингушские и кабардинские села. И вот здесь белогвардейские отряды находили себе приют, поэтому нашей комсомольской организации приходилось особенно тяжело» [4]. Белогвардейские отряды почти ежедневно «налетали» на село, поэтому комсомольцы организовали круглосуточную его охрану силами местных активистов. Они все были вооружены винтовками, кинжалами, а у многих из них были и пистолеты. Почти каждую неделю один или два раза собирались на комсомольские собрания, обсуждали итоги стычек, выявляли контрреволюционеров и просили органы власти изолировать их. При проведении собраний вечером выставляли вооруженную охрану вокруг школы,

и всё-таки бывали случаи, когда по ней стреляли контрреволюционеры. Последние всячески препятствовали также и проведению общественно-полезных мероприятий и особенную активность выказывали при сборе хлеба в счет продразверстки, продналога, которые отправлялись под охраной воинам Красной армии и рабочим городов страны.

Х.Ф. Цолокаев, вспоминая о событиях 1920 г., не перестает удивляться дисциплине, активности и преданности делу революции его товарищей, их стремлению отдать всё для общества, для завоеваний советской власти: «Каждый комсомолец шёл на битву без страха с другом – винтовкой в крепких руках. Услышав выстрел, все до единого в полной боевой готовности сбегали к этому месту... даже шутили, мол, приходи на субботник, на собрание и даже на свадьбу, в гости с “жинкой” – что означало “с винтовкой» [5]. Пахали ли, сеяли или убирали урожай, винтовка всегда была на их плечах, и даже на свадьбах они танцевали, не расставаясь с оружием, – это всё потому, что частые налеты белогвардейских отрядов принуждали их быть в боевой готовности. После убийства секретаря ячейки Сокаева секретарем ячейки РКСМ села Эммаус избрали автора настоящих воспоминаний Хаджисмела Цоколаева. «Наша борьба с контрреволюцией, с белобандитскими отрядами, с врагами народа еще более ужесточилась, мы усилили круглосуточную охрану села. Политическая окраска этих бандитских отрядов имела различный характер, – пишет автор. – Офицеры высших чинов, контрреволюционно настроенные, стремились к свержению Советской власти; они притаились, приспособившись в различных учреждениях, и руководили повстанческими отрядами. С ними трудно было бороться. В этой части боролись только органы Госбезопасности, а по численности большинство банд носило чисто уголовный характер. Они открыто нападали на мирных граждан, сеяли недовольство среди населения. И всё же с ними бороться нам было гораздо легче, и мы, комсомольцы, весьма активно боролись с ними» [6].

В 1920–1921 гг. бандитизм в крае заметно усилился и принял серьезный характер: множество мелких бандитских отрядов численностью от 15 до 50 человек периодически действовали, пользуясь всякий раз ослаблением бдительности гражданских органов.

Об этой проблеме еще в сентябре 1920 г. писал В.И. Ленин в телеграмме члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе: «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани – дело абсолютной и общегосударственной важности» [7].

За период с 1920 по 1923 гг. были приняты, как свидетельствуют записи, решительные меры в деле ликвидации бандитизма на Тереке и по всему Северному Кавказу, и в этом важном деле большую роль сыграли войска

частей особого назначения и партийно-комсомольские организации. И это понятно: борьба с бандитизмом, наведение порядка, обеспечение безопасности трудового человека и охрана его мирного труда становилась, по мнению автора, неотложным и главным делом как воинов Красной армии, так и партийно-государственных и советских органов. И Хаджисмелу Цоколаеву, как активному свидетелю противостояния белобандитским отрядам, налетавшим на село Эммаус, приходилось вместе с другими комсомольцами принимать непосредственное участие в борьбе с ними.

Мы привели лишь небольшой отрывок из воспоминаний Хаджисмела Афакоевича Цоколаева, человека с глубоким чувством ответственности и высокой требовательностью к себе и другим. Эти качества представляются нам важнейшими гранями цельной личности, прошедшей долгий путь от революции до современности.

Примечания

1. Воспоминания члена ВЛКСМ с 1920 года, члена КПСС с 1927 года, командира первого отделения Эммаусского взвода подпольной революционной дружины 1917–1918 гг. Хаджисмела Афакоевича Цоколаева. Рукопись. 81 с.
2. Там же. С. 5.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 9.
5. Там же. С. 9–10.
6. Там же. С. 10.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 277.

В.Б. Бесолов

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЭПОХИ В РАЗВИТИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ РОССИИ (1933–1955 гг.)

Путь исторического развития советской архитектуры и градостроительства длиной в три четверти века состоит из нескольких периодов и переломных этапов, характеризующихся самостоятельным образом

и стилем, оригинальной творческой направленностью. Первый период начинается с революционно-романтических поисков и экспериментов (1917–1920 гг.) и продолжается созданием абсолютно нового художественного языка новаторской архитектуры и градостроительства (1920–1932 гг.). Второй период – с этапа изменения творческой направленности (1932–1934 гг.) и продолжается творческим освоением художественного языка классического архитектурного наследия (1934–1954 гг.).

Героический период советской архитектуры и градостроительства, продолжавшийся всего пятнадцать лет (1917–1932), когда советская архитектура стояла в авангарде мировой, определялся творчеством молодых зодчих и студентов старших курсов архитектурных вузов и факультетов, преимущественно Москвы и Ленинграда. Поиски новых трактовок проблем архитектуры и градостроительства советскими зодчими велись одновременно и в совершенно разных направлениях. В градостроительстве основное внимание уделялось реконструкции прежних и планировке новых социалистических городов и микрорайонов, появившихся вокруг промышленных гигантов первой пятилетки, проектированию «города-сада». В сфере архитектуры упорно трудились над созданием домов нового быта, домов-коммун, фабрик-кухонь, формированием нового типа четырех- и пятиэтажных многоквартирных секционных жилых домов, новых морфотипов административных и общественных зданий.

В существовавших с дореволюционного времени вузах и на факультетах радикально менялись, казалось бы, прочные основы архитектурного и градостроительного образования, сразу же начал функционировать новый вуз – Высшие художественно-технические мастерские (с 1927 г. – Высший художественно-технический институт, 1920–1930 гг.). В это же время были созданы новые академические научно-исследовательские учреждения, в том числе и Академия архитектуры СССР (1933 г.). Работавшие с дореволюционной эпохи крупные мастера архитектуры и градостроительства (И.В. Жолтовский, И.А. Фомин, А.В. Щусев, В.А. Щуко, А.И. Таманян, А.Е. Белогруд, А.Н. Бекетов, Г.И. Котов, Г.Д. Гримм, О.Р. Мунц, В.А. Покровский, А.И. Дмитриев, В.Н. Семенов, Г.Д. Дубелир, М.Г. Диканский, С.С. Шестаков, Б.В. Сакулин, Л.А. Ильин, А.П. Иваницкий и др.) в условиях творческой революции оказались в сложной ситуации. С другой стороны, многие советские зодчие, не имея системных знаний о фундаментальных основах классической архитектуры, в своем творчестве поверхностно осваивали ее типы и формы.

Несмотря на имевшийся опыт мастеров классицистического метода, в новых структурах интенсивно составлялась азбука и грамматика

нового художественного языка сравнительно молодой советской архитектуры и градостроительства, формировался художественно-конструктивный язык оригинальной школы советского дизайна (А.М. Ган, Б.И. Арватов, В.Е. Татлин, А.М. Родченко, В.Ф. Степанова, Л.С. Попова, А.А. Экстер, братья В.А. и Г.А. Стенберги, Г.Г. Клуцис и др.). К середине 1920-х гг. сложились первые объединения архитекторов и градостроителей советского художественного авангарда: в 1923 г. – АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов), куда входили Н.А. Ладовский, Н.В. Докучаев, В.Ф. Кринский, Л.М. Лисицкий, К.С. Мельников, А.М. Рухлядев, выдвигавшие идею синтеза архитектуры и искусств с целью создания на основе психофизических законов восприятия «рациональной» архитектуры, обладающей «эмоционально-эстетическими качествами и свойствами» воздействия на человека; в 1925 г. – ОСА (Объединение современных архитекторов), куда входили братья Л.А., В.А. и А.А. Веснины, М.Я. Гинзбург, Н.А. Милютин, А.С. Никольский, А.К. Буров, И.И. Леонидов, братья И.А. и П.А. Голосов, В.Е. Татлин, К.С. Малевич, Р.Я. Хигер, называвшие себя конструктивистами и ставившие своей целью преобразование окружающей среды путем «функционального метода» на основе прогрессивных производственно-бытовых процессов, типизации и стандартизации массового строительства. В 1928 г. из АСНОВА выделилось объединение архитекторов-урбанистов под руководством Н.А. Ладовского, уделявшее значительное внимание художественному облику города и усложнению его структуры в процессе развития. Ни в какие группировки не входили такие самобытные зодчие-новаторы и теоретики, как А.В. Розенберг и Я.Г. Черников.

Самостоятельную художественную ценность представляли необычные и подлинно художественные произведения таких инженеров и конструкторов строительства, как В.Г. Шухов, А.Ф. Лолейт, Н.С. Стрелецкий, Г.Г. Карлсен, В.З. Власов, В.М. Келдыш, А.А. Гвоздев, архитекторов А.В. Кузнецов, А.М. Гинзбург и других творцов – создателей абсолютно новых вертикальных и горизонтальных конструктивных систем. Творчеством рационалистов и конструктивистов был создан образ и стиль молодой советской архитектуры и градостроительства 1920-х – начала 1930-х гг.

С начала 1920-х до середины 1930-х гг. постепенно изменяется стилевая направленность советской архитектуры и градостроительства, трансформируется их образный строй. Если в начале периода простота архитектурных форм диктовалась демократическими идеалами равноправного общества, то к середине 1930-х гг. потребовалось уже отражать художественные идеалы первого в мире социалистического государства.

Архитекторы и градостроители обратились к мировому классическому наследию как арсеналу создания композиционных приемов и образования структурных форм, как к новым образцам архитектурно-планировочных принципов.

Ведущая роль в создании монументального образа и стиля советской архитектуры и градостроительства 1930–1950-х гг. принадлежит нескольким исторически значимым событиям и реальным фактам: 1. Прекращением существования группировок советского архитектурно-градостроительного авангарда и организацией единого творческого Союза архитекторов СССР (1932 г.); 2. Созданием Всесоюзной академии архитектуры, а с 1939 г. – Академии архитектуры СССР (1933 г.); 3. Строительством в центре Москвы в духе итальянского палаццо жилого дома на улице Моховой по проекту убежденного традиционалиста И.В. Жолтовского (1931–1934 гг.); 4. Проведением Международного конкурса на проект Дворца Советов СССР, мыслимого как здание-монумент (1931–1933 гг.). После этого все архитектурные объекты строились в новом стиле советского классицизма. С лета 1932 г. в СССР к строительству не принимался ни один архитектурный проект авангардного направления.

На государственном уровне планомерно осуществлялась планировка и застройка социалистических городов с развитой индустрией: Сталинград, Горький; Запорожье, Новокузнецк, Магнитогорск и др. Жилые территории формировались в виде укрупненных кварталов, объединенных в архитектурно-планировочные районы и микрорайоны, включавшие комбинаты бытового обслуживания и фабрики-кухни.

В 1935–1941 гг. был обновлен центр Москвы на основе впервые составленного советского Генерального плана. Перед Великой Отечественной войной больше внимания уделялось массовому жилищному строительству. Особенно ценным стал опыт возведения жилых домов поточно-скоростным методом, а также домов из крупных блоков. Повсюду строились клубы и кинотеатры, дома культуры и дворцы советов и другие здания и сооружения общественного назначения.

Повсеместно проявлялась тенденция к возрождению старых стилевых особенностей архитектуры. Это было заметно и в творческих школах национальных республик Южного Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Стремление к эстетизации и идеологизации городской среды, к монументальности в 1930-х гг. породило вторую волну ретроспективного неоклассицизма, особенно широко реализованного в официальной архитектуре СССР. Советская архитектура и градостроительство предвоенного времени характеризуются монументализацией и величественностью богатого архитектурного образа градостроительного ансамбля,

парадной представительностью. Однако набравший силу и мощь архитектурно-строительный процесс был внезапно прерван войной.

В период Великой Отечественной войны гитлеровцы разрушили 1710 советских городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, около 32 тысяч промышленных предприятий. Восстановление, строительство и реконструкция городов, разрушенных и полуразрушенных в период войны, потребовали научного обоснования огромного объема проектно-планировочных работ, разработки схем и проектов районной планировки, норм и правил градостроительства. Формирование нового архитектурного облика городов и сел в послевоенный период совершалось в короткие сроки: уже в первой половине 1950-х гг. разрушенные города и села в основном были восстановлены. В то же время выросли города Крайнего Севера (Норильск, Воркута), началось строительство на востоке и юго-востоке страны (Ангарск в Сибири, Сумгаит в Азербайджане, Рустави в Грузии).

После войны развитие стилевых направлений историзма лишь в СССР и странах Восточной Европы продолжилось на целое десятилетие. В этот период усилилась тенденция к идеологизированной представительности архитектуры. Именно на этой идейно-художественной особенностях зиждется композиция и облик семи высотных зданий Москвы, решение о строительстве которых было официально принято в 1947 г., как символа торжества победы в Великой Отечественной войне (комплекс зданий МГУ на Ленинских горах, 1949–1953 гг., арх. Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв, П.В. Абросимов, А.Ф. Хряков, инженер В.Н. Насонов и др.). В это же время были построены в Москве жилые дома по проектам И.В. Жолтовского на Смоленской площади и Большой Калужской улице, решенные на основе разработки тем классики и имеющих по ширине три модуля.

Важную роль в послевоенной архитектуре сыграли приемы типового проектирования, получившего развитие в 1945–1954 гг. Это было время создания новой методологии типового проектирования – серийного метода при централизованном изготовлении унифицированных элементов. Удешевление и индустриализация массового строительства, стандартизация и типизация не противоречат, а способствуют задаче создания красивой, величественной и радостной архитектуры.

Исторически оправдано, что стилевая направленность архитектуры и градостроительства национальных республик Северного Кавказа в сталинскую эпоху осуществлялась в контексте направленности художественного развития России в тот же период времени, но с незначительным опозданием. Это вполне закономерно, ибо в новое время,

во-первых, в области архитектуры и градостроительства постепенно налаживались творческие связи и контакты северокавказской периферии с обоими центрами – Москвой и Ленинградом, а во-вторых, в сталинскую эпоху почти все значительные объекты в республиках проектировались московскими и петербургскими зодчими.

Развитие градостроительства национальных республик Северного Кавказа в сталинскую эпоху почти всегда происходило по принципу регулярной планировки и застройки. В этом легко убедиться при анализе планировочной структуры центральной, исторической части столичных и других крупных городов: Владикавказа, Моздока, Алагира, Махачкалы, Кизляра, Хасавюрта, Грозного, Гудермеса, Назрани, Нальчика, Баксана, Черкесска, Теберды, Карачаевска, Майкопа и др. Первые советские генеральные планы и планы детальной планировки центральных частей городов и поселков городского типа разрабатывались с довоенного времени. Планировка главных улиц, как правило, отличалась благоустроенной аллеей или роскошным бульваром, и наряду с общегородскими площадями – сердцевинами городов, имеющими важное градоформирующее значение, застраивались административными и общественными зданиями с характерными монументальными образами колоссальной идеологической семантики и символики.

Таким же монументально-помпезным стилем отличалась архитектура зданий и сооружений всех столичных и крупных городов национальных республик Северного Кавказа. В довоенный период, 1930-х гг., возводятся социально значимые здания и сооружения, промышленные объекты, в плановой композиции и объемно-пространственной структуре которых были учтены местные ландшафтно-климатические и сейсмические условия и широко применены классические формы и детали художественного стиля России и Западной Европы минувших веков.

В качестве примеров можно привести следующие здания и сооружения, возведенные именно в период сталинского ампира:

– в Дагестане – это гостиница «Дагестан» (1938 г., арх. Г.Д. Гримм); жилой дом в Каспийске (1939 г., арх. К.Н. Афанасьев), Дворец труда и культуры (1934 г.) и Хирургический корпус ДГМИ в Махачкале (1937 г.), оба – арх. Г.С. Тегкаев;

– в Чечено-Ингушетии это здание обкома КПСС (реконструкция 1938 г., арх. Н.А. Малышев) и жилые дома, административные, общественные здания и сооружения, промышленные предприятия в других городах;

– в Северной Осетии – это эффектный Дом Советов (1936 г., арх. Б.Р. Симонов), Центральный универмаг (1938 г., арх. Л.М. Наппельба-

ум), здание Военного института (1930-е гг.), другие общественные здания и жилые дома во Владикавказе, античного облика здание кинотеатра «Комсомолец» (1939 г.) и городская баня в Алагире с уникальным по пропорциям фасадом (1938 г.), оба – арх. Г.П. Павлов, и другие архитектурные шедевры в остальных городах республики;

– в Кабардино-Балкарии – это здание гостиницы «Нальчик» (1931 г., реконструкция 1950 г., арх. Л.М. Тимонина), жилые дома и общественные здания с богатым классическим декором в других городах, а также ансамбль здравниц в парковой зоне «Долинск».

Именно в довоенный период после учреждения единого творческого Союза архитекторов СССР были созданы его местные республиканские отделения, а впоследствии, с образованием Союза архитекторов России (1982 г.) – его республиканские творческие общественные организации: Северо-Осетинская (1936 г.), Дагестанская (1938 г.); Грозненское отделение (1939 г., с 1967 г. – Чечено-Ингушская), Кабардино-Балкарская (1957 г.), Карачаево-Черкесская, Адыгейская.

Для послевоенного восстановительного периода сталинской эпохи (1945–1955 гг.) характерно широкое использование в архитектуре и градостроительстве как общих композиционных приемов и творческих принципов классики, так и применение национальных традиционных архитектурных форм, декоративных деталей и орнаментальных мотивов в особняках, многоэтажных жилых домах и общественных зданиях, возведенных в стиле сталинского ампира:

– в Махачкале – здания Республиканской партийной школы (1953 г., арх. Ш.И. Керимов и Г.М. Шейхов), республиканского МВД (1956 г., арх. А.М. Алхазов), а также жилые дома и монументальные общественные здания, промышленные предприятия Махачкалы и других городов Дагестана;

– в Грозном – здание института «Гипрогрознефть» (1950 г., арх. Л.И. Дедков), Горком КПСС (1951 г., арх. Б.Е. Крохин, Н.И. Ятманов, В.Г. Куличков), жилой дом работников нефтехимической промышленности (1953 г., арх. Л.И. Хаит), Дворец пионеров (реконструкция 1953 г., арх. Л.И. Хаит), Центральный универмаг (1956 г., арх. Р.М. Власов), жилой дом работников нефтедобывающей промышленности (1956 г., арх. М.Б. Шахзадов) и монументальные здания, возведенные в других городах Чечено-Ингушетии;

– во Владикавказе – Дом отдыха – ныне Лесная школа (1947 г., арх. Г.С. Тегкаев), здание средней школы на 400 мест (1951 г., арх. А.К. Бесолов), 24-квартирный жилой дом с конторой и магазином (1952 г., архитектор С.М. Любимов), многоквартирный жилой дом по ул. Чкалова

(1954 г., архитектор А.И. Бтемиров), гостиница «Кавказ» (1956 г., арх. Т.М. Бутаева), 28-квартирный жилой дом КГБ (1956 г., арх. Т.И. Дзио-ва), а также многие величественные сооружения в других городах республики;

– в Нальчике – здания турбазы (1952 г.), Дома Советов (1956 г., арх. С.Е. Вахтангов, С.А. Маслих), гостиницы «Нальчик» (1931 г., реконструкция 1950 г., арх. Л.М. Тимонина), ресторана «Эльбрус» (1957 г., арх. Г.Д. Мосулишвили) и целый ряд объектов различного назначения в г. Прохладном и других городах;

– в Карачаево-Черкесии – Дом Советов (1948 г., арх. К.Ю. Хубиев), Областной драматический театр (1938 г., реконструкция 1958 г.) в Черкесске, Дом Советов (1940 г., арх. К.Ю. Хубиев) в Карачаевске, а также величественные объекты города-курорта Теберда;

– в Майкопе – железнодорожный вокзал (1955 г.), кинотеатр «Октябрь» (1955 г.) и жилые дома, общественные здания и сооружения.

Благоприятные природные условия способствовали развитию строительства домов отдыха, санаториев, альпинистских и туристских баз, пионерских лагерей в курортно-рекреационных зонах горных республик Северного Кавказа. Понине существуют шикарные архитектурно-планировочные ансамбли здравниц, возведенных в описываемый период.

Общая направленность архитектуры и градостроительства национальных республик Северного Кавказа послевоенного времени была резко изменена с выходом в 1955 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [1]. В результате коренной перестройки архитектурно-строительного дела предполагалось создать архитектуру современного социалистического города. В новых условиях достигались творческие успехи, воплощенные в изумительных жилых домах, величественных общественных зданиях и сооружениях, промышленных предприятиях и инженерных сооружениях, но были и значительные художественные промахи, эстетические пробелы и технические просчеты.

Таким образом, в СССР после 1932 г. перед архитекторами была поставлена задача создать монументализированную и художественно целостную среду жизнедеятельности и жизнеобеспечения, при этом ориентируясь на образы вневременного утопического идеала и традиции национального прошлого. Наряду с реставрацией ретроспективного неоклассицизма делались попытки соединить его принципы с новым языком форм. В этот же исторический период времени начались поиски необычных, во многом своеобразных национальных вариантов постконструктивистской архитектуры в республиках Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

В архитектуре и градостроительстве советского монументального классицизма происходило становление и развитие стиля «сталинский монументализм», или «сталинский ампи́р», доминировавшего в архитектуре и градостроительстве, монументальном и декоративном искусстве СССР описываемого периода. Он пришел на смену рационализму и конструктивизму. Классический монументальный стиль во многих чертах близок к ампиру, эклектике и ар-деко. Нередко архитектуру и градостроительство сталинской эпохи с ее победоносной величием, монументализмом, идеологичностью, культом героического прошлого рассматривают в контексте тоталитарной архитектуры XX в. и усматривают в ней типологически сходные черты с современной ей итальянской и немецкой архитектурами. Однако в сталинской архитектуре обнаруживается немало сходств с неоклассическими архитектурными направлениями первой половины XX в., не связанными с тоталитарными государствами, например, с североевропейским неоклассицизмом.

Стиль сталинской архитектуры сформировался в период проведения конкурсов на проекты Дворца Советов и павильонов СССР на Всемирных выставках 1937 г. в Париже и 1939 г. в Нью-Йорке, а также проектирования и строительства павильонов союзных республик на территории ВСХВ, в последующем – ВДНХ. Расцвета сталинский ампи́р достиг после Великой Отечественной войны.

Характерными чертами сталинского ампи́ра выступают: ансамблевая планировка и застройка улиц, аллей и площадей; синтез архитектуры, скульптуры и живописи в пространстве города; новая волна осмысления и освоения традиций русского классицизма; использование архитектурных ордеров из классических стилей (ренессанс, барокко, классицизм); связь с античными, ренессансными и барочными тенденциями; барельефы с геральдическими композициями и изображениями трудящихся; идеологическая насыщенность и оптимистический настрой всего произведения; использование мрамора, бронзы, ценных пород дерева и лепнины в оформлении общественных интерьеров; приверженность монументальным формам, часто граничащая с гигантоманией и победоносным триумфом.

На этой интеллектуальной и благодатной ниве и в культурно-историческом контексте могущества всего государства происходило становление и развитие архитектуры и градостроительства сталинской эпохи в республиках Северного Кавказа. Характерно, что именно в эту эпоху интернационализма получали высшее архитектурное и градостроительное образование первые профессиональные зодчие из местной этнической среды.

Во второй половине 1950-х гг. порвавшая с историзмом советская архитектура обратилась к индустриальным методам массового строительства и его тотальной стандартизации. Жесткий технологизм, основанный на несовершенных и негибких формах производства, стал тормозить развитие творчества после первых решительных и качественных скачков, свершившихся в эпохи революционных романтико-символических поисков и экспериментов 1917–1922 гг., рационализма и конструктивизма 1920–1932 гг. и сталинского ампира 1933–1955 гг. Со второй половины 1950-х гг. распространялись безликое однообразие и монотонность комплексов новой застройки. В строительстве уникальных сооружений стали закрепляться стереотипы официальной представительности (Дворец съездов в Московском Кремле, застройка магистрали Новый Арбат в Москве).

Примечания

1. Постановление № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/> (дата обращения: 12.07.2017).

Е.В. Волков

«БЕЛЫЙ КРЫМ» В СОВЕТСКИХ ИГРОВЫХ ФИЛЬМАХ 1960–1970-х гг.¹

Советские художественные фильмы о революции и гражданской войне во многом конструировали и транслировали с экрана мифы, созданные под влиянием политического и социального заказа. В советской кинематографии утвердился особый жанр – историко-революционное кино. Но в период позднего СССР для многих зрителей историко-революционные картины 1920–1950-х гг. представлялись очень серьезными, дидактическими и назидательными. На такие фильмы, как правило, массовый зритель уже не шел. Менялись предпочтения зрителей, и кинематографисты старались создавать историко-революционное кино на основе детективных закрученных сюжетов или известных литературных произведений. В данный период возникает целый ряд фильмов о рево-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 15-01-00219.

люции и гражданской войне, созданных в стиле вестерна. На сленге того времени подобные фильмы называли «истерн», так как в них исторические сюжеты являлись фоном для «ковбойских» выходов героев [1].

Кинофильмы можно изучать и с точки зрения визуальной антропологии, и как маркеры культурной памяти общества. С позиций визуальной антропологии, при исследовании кинокартин можно использовать «зеркальную теорию киноискусства» немецкого социолога З. Кракауэра. Согласно данной теории, любой фильм демонстрирует только часть действительности, ее «осколки», поскольку многое зависит от того, куда направлена камера и как строится экранное повествование на основе киноязыка. С другой стороны, большую роль в создании кинофильмов играет психологический фактор, поскольку картины отражают настроения, страхи, надежды их создателей, живущих в определенном времени и в определенных условиях. И, наконец, с точки зрения Кракауэра, зрительская аудитория также оказывает значительное влияние на кинопроцесс, так как кинематографисты зачастую ориентируются на ее предпочтения [2].

Фильмы можно изучать и как медийные каналы культурной памяти. Согласно теоретическим разработкам немецких исследователей Я. Ассмана и А. Ассман, культурной памятью можно считать совокупность представлений общества о прошлом, которые конструируются и транслируются посредством политической риторики, мемуаров, исторических исследований, художественной литературы, произведений искусства и коммеморативных практик. В отличие от культурной памяти существует еще и коммуникативная память непосредственных участников или современников событий прошлого. И культурная, и коммуникативная память составляют коллективную память общества [3].

В данной статье рассматриваются фильмы, созданные в 1960–1970-е гг. под влиянием тенденций «оттепели» и в последующий «застойный» период. При этом стоит отметить, что в советской кинематографии «оттепель» затянута вплоть до 2 августа 1972 г., когда вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии». Документ гласил: в связи с тем, что на экране появлялись фильмы без «четкого классового подхода», необходимо усилить контроль партийных комитетов разного уровня за работой киностудий [4].

Во второй половине 1960-х гг. на киностудии «Мосфильм» было создано две картины, где представлены образы участников Белого движения, которые осенью 1920 г. покидали Крым. Первая картина «Служили два товарища», поставленная режиссером Е.Е. Кареловым по сценарию Ю.Т. Дунского и В.С. Фрида, рассказывала о наступательной операции

Красной армии по захвату Крыма, обороняемого белыми войсками П.Н. Врангеля. В октябре 1968 г. фильм вышел на большой экран.

Сцены эвакуации белой армии и гражданских беженцев из Севастополя показывали беспорядочное бегство на переполненных судах, что соответствовало официальной версии советской историографии и мемуаристике. С другой стороны, белое офицерство в картине в целом показано почти без явных уничижительных коннотаций и даже с некоторой долей симпатии. Игра актера В. Высоцкого в роли поручика Александра Брусенцова покорила многих советских зрителей. По мнению режиссера А.Н. Митты и актрисы М. Влади, эта роль стала его лучшей работой в кино, так как ему удалось сыграть характер сильного и отчаявшегося человека [5]. «Сколько в этой трагической роли страсти и раздумий, – отмечал известный сценарист Э. Володарский, – насколько она достоверна, и после просмотра картины печально на душе и обидно, что такие русские офицеры не приняли революцию и в гражданскую войну оказались по ту сторону баррикад. Характер, сыгранный Высоцким в этой картине, сродни Вадиму Рощину из “Хождений по мукам”. Только Рошин, пройдя через муки гражданской войны, понял, что народ не с ними, понял ложь “белого движения” и нашел в себе силы и мужество вернуться к своему народу. Брусенцов не вернулся. Хотя тоже понял, что проиграл. Признать свое поражение – надо тоже иметь мужество» [6].

Сцена фильма, когда поручик печально смотрит на любимого и верного коня, плывущего за судном, уходящим к чужим берегам, а затем пускает себе пулю в лоб, говорит о том, что создатели фильма были знакомы с поэзией участника Белого движения эмигрантского поэта Н. Туроверова. Но несколько по-иному изобразили данный эпизод. В 1940 г. Туроверов написал стихотворение, сюжет которого перекликается со сценой фильма:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда [7].

Еще одна знаковая сцена фильма, демонстрирующая с одной стороны непримиримость, а с другой – мужество белых офицеров. Это кадры, на которых несколько людей в погонах, отстреливаясь, прижатые красноармейцами к Черному морю, не желая сдаваться, выбирают смерть. Они, во главе с полковником Васильчиковым (актер Р. Янковский), уходят по воде в морскую даль, пока она их не поглотит. Причем этих белых воинов двенадцать, а затем один из них не выдерживает и бежит назад, навстречу к красным. Видимо, перед зрителями в такой сцене предстала явная переключка с библейским сюжетом о двенадцати апостолах, один из которых, по имени Иуда, оказался изменником.

В январе 1971 г. в московских кинотеатрах «Россия» и «Октябрь» состоялась премьера другого фильма «Бег», созданного режиссерами А.А. Аловым и В.Н. Наумовым. Картина снималась по мотивам произведений М.А. Булгакова о гражданской войне, главным образом, на основе романа «Белая гвардия», а также пьес «Дни Турбиных» и «Бег». Еще ранее эти творения писателя вызвали неоднозначную реакцию в советском обществе. Одни отзывались о них восторженно, другие усматривали в них апологию «белогвардейщины» и тоску по былой России.

Кинокартина «Бег», построенная на основе произведений Булгакова, с трудом пробивала дорогу к зрителям. Так, по свидетельству советского режиссера Ю.Н. Озерова, фильм «вызвал начальственный окрик: “белогвардейский роман”, “сочувствие классовому врагу”, “всепрощение” и т. п. Мрачная перспектива “полки” вновь стала обретать черты реальности. Количество поправок, предложенных режиссерам, и их смысл, а вернее бессмысленность, грозили погубить картину. Началась затяжная позиционная война. Но Алов и Наумов были закалены, они добились выхода картины на экраны с минимальными потерями» [8].

Некоторые деятели кино, свято верившие в идеалы социализма, встретили фильм настороженно и с известной долей критики. Советский актер В. Санаев в статье «Бег времени», опубликованной в одной из центральных газет, обрисовав положительные стороны картины, всё же заметил, что авторы рассказали о революционных событиях через судьбы людей, находившихся во враждебном лагере. И такой выбор очень удивил автора статьи. Не совсем лестно отзывался Санаев также о пьесе Булгакова «Бег»: «Писателю здесь следует предъявить претензию, что,

раскрывая психологию характеров и поступков своих героев, показывая их трагедию, он словно бы обходит их классовую природу, не раскрывает, что же заставило всех этих хлудовых, чарнот, тихих и прочих взяться за оружие и упорно годами проливать кровь соотечественников – рабочих, крестьян, солдат». Сцены фильма, в которых фигурировал Хлудов, по мнению Санаева, выглядели замечательно, они «обличали белогвардейщину». «А вот сцены самоубийства белых офицеров, затянутые и нарочитые, оснащенные массой ненужных подробностей, не достигают эффекта или даже, как мне кажется, производят впечатление, обратное задуманному». В общем, заключил с огорчением актер, «в фильме больше “повезло” персонажам отрицательным», то есть фигурам, олицетворяющим контрреволюцию [9].

Однако, по мнению ряда киноведев, фильм стал большим успехом режиссеров [10]. При этом следует отметить, что картину, как нам представляется, с удовольствием встретили, прежде всего, в интеллигентской среде, где знали сочинения М.А. Булгакова, а у основной массы зрителей фильм, видимо, не вызвал большого интереса. В первый год проката картина собрала 19,7 млн зрителей, что являлось невысоким уровнем с точки зрения кассового успеха.

Ключевые сюжетные линии картины связаны с отступлением и уходом белых из Крыма и жизненными коллизиями русских эмигрантов на чужбине. Причем белые в «Беге» разнолики и неоднозначны: недалекий позер барон Врангель (актер Б. Фрейндлих) и человечный и трагичный полковник (актер О. Ефремов); погрязший в крови, страдающий бессонницей генерал Роман Хлудов (актер В. Дворжецкий) и лихой, обаятельный генерал-кавалерист Григорий Чарнота (актер М. Ульянов).

Главным персонажем из лагеря противников большевиков представлен генерал Роман Хлудов. Его прототипом был один из военачальников белых формирований в Крыму генерал Я.А. Слащов. Это, пожалуй, самая противоречивая фигура в картине. С одной стороны, Хлудов – защитник Крыма от большевиков, любимец солдат и талантливый военачальник, который, если надо, и сам поведет своих бойцов в атаку, а с другой стороны – вешатель, палач. Осознавая, что Белая Россия гибнет и народ не с теми, кто ее защищал, он находится на грани сумасшествия, пребывая то в реальности, то в своих кошмарных снах. «Болезнь Хлудова – а болит у него душа – становится нравственным камертоном всей картины», – заметил один из биографов создателей фильма [11].

Показательна встреча Хлудова с бароном Врангелем, который возлагал на генерала большие надежды по обороне Крыма. Но Хлудов напрямую обвиняет Главнокомандующего в трусости и в том, что он

является главной причиной его душевной болезни. Врангель заканчивает разговор на повышенных тонах, угрожая собеседнику арестом, и называет его «клоуном». Подобные неприязненные отношения между двумя генералами, судя по мемуарам Я.А. Слацова, действительно имели место [12].

Следующий яркий образ – казачий генерал Григорий Чарнота, «потомок запорожцев с чертами российской интеллигенции: чеховское пенсне и традиционная рефлексия», выраженная в тоске по родине и в философском высказывании: «Россия не умещается в шляпу, господи! Не умещается!» Он, бывший помещик, потерявший в 1918 г. усадьбу и конезавод в Чернигове, предстает перед зрителями и славным лихим рубашкой, и героем-любовником, и отчаянным карточным игроком, ставшим стамбульским люмпеном. В эмиграции, под жестокими ударами судьбы, Чарнота не утратил самых лучших человеческих качеств, пытаясь помочь близким ему людям. Такой человек не мог не вызывать симпатии у зрителей. Актер М. Ульянов впоследствии вспоминал об этом созданном им характере: «...это роскошнейшая фантазмагорическая роль, какую только актер может представить себе. Колоритнейшая фигура белого генерала, который бродит по Парижу в одних кальсонах, а потом выигрывает целое состояние, требовала особого подхода и особых актерских приемов... Для меня этот персонаж был небезразличен, как небезразлична любая человеческая трагедия» [13].

В фильме представлены и однозначно отрицательные типажы из лагеря белых. Например, товарищ министра торговли Парамон Корзухин (актер Е. Евстигнеев) – беспринципный делец, наживавшийся на сомнительных сделках и спекуляции в условиях гражданской войны. Другой персонаж, подполковник контрразведки Тихий (актер В. Осенев) – мастер сбора «уличающей информации» и шантажа, делец от политического сыска. Ради наживы он не останавливается ни перед чем. Среди белых эмигрантов, попав в такие условия, когда различные политические деятели собирают друг на друга компрометирующие материалы, он со своими способностями оказывается востребованным. Тихий, имея всего несколько минут для разговора с Корзухиным, с блеском устраивается к нему на службу, зная, на какие струны человеческой психики надо надавить, чтобы реализовать личные интересы [14].

Образ Врангеля в картине трактуется совсем по-иному, нежели в пьесе М.А. Булгакова «Бег». Один из белых офицеров в фильме говорит о нем как о трусе, который в тяжелый момент покинул своих солдат, спасаясь бегством. В данной характеристике явно просматривается советский дискурс о Врангеле.

Ряд эпизодов в фильме посвящен командующему Южным фронтом красных М.В. Фрунзе, хотя у Булгакова в пьесе такого персонажа нет. Образ М.В. Фрунзе появился у писателя в 1936 г., когда он, работая в Большом театре, написал либретто оперы «Черное море» с использованием мотивов «Бега». Однако оперу так и не поставили [15].

В целом, фильм «Бег» выделялся своей неординарностью в советском культурном пространстве. Не оставляет зрителей равнодушными сцена самоубийства двух офицеров и юного солдата-трубача, решивших одновременно покончить счеты с жизнью в преддверии полного краха Белого Крыма. Незадолго до этого полковник (актер О. Ефремов), в котором угадывается Алексей Турбин, осознав, что Россия не с белыми, распускает свою часть, чтобы не вести солдат на убой. Он зачитывает оставшимся сослуживцам свой последний приказ по полку: «Солдаты и офицеры, братья. У нас нет более ни знамени, ни армии, ни Родины. Я вел вас дорогой лжи. Моя вина, мой грех. Я искуплю его. Да поможет вам Бог пережить русское лихолетье».

Таким образом, создатели картины следовали замыслу Булгакова, пытаясь показать и внутренний мир участников Белого движения, их трагедию. Ранее подобная постановка вопроса в советском искусстве была просто невозможна. Кинокритик М.Ю. Блейман отмечал: «В период написания “Бега” нам казалось, что в искусстве можно было говорить о победе Красной Армии над белой гвардией, но нельзя было рассказать о поражениях белогвардейщины. Казалось, что заниматься анализом действий и психологии врага не только малоинтересно, но и недопустимо. Больше того, в период борьбы с “психоложеством” (была и такая кампания в нашей литературе) возникла чуть ли не теория, гласящая, что всякое обращение к психологии непременно влечет оправдание поступков и чувств того, в чью душу проникает писатель. В скрытой форме тут действовала формула: “Понять – значит простить”» [16].

Диссидент А. Удодов, бежавший в 1975 г. из Советского Союза в США, в своем интервью отмечал: «Белая борьба не забыта в России. Даже тон советских фильмов свидетельствует об этом. Карикатурные образы белых офицеров исчезли... Общественное мнение связывает белых офицеров с интеллигентными, храбрыми и честными противниками. Симпатии зрителей на их стороне» [17].

Хотя, конечно, выход подобных кинокартин на экраны сопровождался значительным противодействием со стороны чиновников, бдительно оберегавших чистоту идей марксизма-ленинизма и мифы советской истории. С начала 1970-х гг. значительно усилился партийный

контроль. В результате на экранах появились во многом идеологически выдержанные историко-революционные фильмы. Образы белых предстали с однозначно негативными коннотациями.

Если говорить о репрезентации образов «Белого Крыма», то фильм режиссера В. Новака «Красные диккурьеры» (1977), созданный по сценарию Э. Володарского и А. Преловского, с точки зрения исторической правды, стал явным откатом назад. Здесь главные положительные персонажи – советские диккурьеры (прототипом одного из них был Т. Нетте), которым противостоят отрицательные герои – три офицера, бежавшие из Крыма после отступления белых войск. Двое из них, полковник Тугарин (актер Э. Романов) и есаул Максименко (актер Ю. Мажуга) – явные циники, а третий – молодой прапорщик (актер В. Вихров) – рассказывает в том, что покинул родину. Он пытается вернуться, но погибает от рук своих же бывших сослуживцев. Полковник и есаул фактически становятся наемными убийцами и участвуют в налете на советских диккурьеров. Такой однозначный подход в репрезентации образов участников Белого движения явно грешил против правды. Фильм оказался неудачным. Картину не спасла даже музыка талантливого советского композитора А. Зацепина.

Итак, несмотря на цензурные запреты и господствующие в советском обществе мифы, в период «оттепели» появились кинокартины, в которых их создатели пытались правдиво показать образы участников Белого движения. Затем усилился контроль властей над киностудиями и деятельностью режиссеров. В прокат стали выходить картины, еще больше искажавшие историю революции и гражданской войны.

Историко-революционные фильмы, с одной стороны, отражали психологическое состояние их создателей, находившихся в определенных политических и социально-экономических условиях, с другой стороны – эти картины «подстраивались» под предпочтения и запросы аудитории, поэтому кинопродукция отличалась либо детективными сюжетами, либо создавалась на основе высокохудожественных литературных произведений. Эти игровые фильмы, транслировавшие с экрана визуальные образы, утверждали мифы о революции и гражданской войне, запечатленные в культурной памяти советского общества.

Примечания

1. Власов М.П. Советское кино 70-х – первой половины 80-х. М., 1997. С. 146–147.
2. Кракауэр З. Природа фильма: реабилитация физической реальности. М., 1974.

3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 19–43, 54; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

4. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 555–560.

5. Митта А. Компромисс для него был невозможен // Вспоминая Высоцкого. М., 1989. С. 208; Влади М. Роль // Там же. С. 212.

6. Володарский Э. «Среди не пройденных дорог одна – твоя...» // Советский экран. 1980. № 23. С. 16–17.

7. Туроверов Н. Стихи. Париж, 1965. Кн. 5. С. 79.

8. Озеров Ю. Соратники // Александр Алов, Владимир Наумов. Статьи. Свидетельства. Высказывания. М., 1989. С. 12.

9. Санаев В. Бег времени // Известия. 1971. 5 февраля.

10. См. положительные отзывы на фильм «Бег» в советской прессе: Варшавский Я. Когда решаются судьбы // Московская правда. 1971. 15 января; Макаров А. Бег в никуда // Неделя. 1971. 11–17 января; Блейман М. Уроки «Бега» // Советская культура. 1971. 23 января; Велехова Н. Трагедия отступников // Советская Россия. 1971. 30 января; Капралов Г. Марш революции и тараканьи бега // Правда. 1971. 2 февраля; Рассадин С. Удача // Советский экран. 1971. № 5. С. 2–4.

11. Свободин А. Люди и тени // Александр Алов, Владимир Наумов. Статьи. Свидетельства. Высказывания. М., 1989. С. 153.

12. См.: Слащов-Крымский Я.А. Крым, 1920 г. // Гражданская война в России: оборона Крыма. М., 2003. С. 123–148.

13. Ульянов М.А. Работаю актером М., 1987. С. 315–320.

14. Усыскин Л. Фильм «Бег» А. Алова и В. Наумова как пособие по технике личных продаж // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 83–86.

15. Булгакова Е.С. О пьесе «Бег» и ее авторе // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 284; Тарасов А.В. Кинематограф М.А. Булгакова. К проблеме кинематографичности художественного мышления писателя: дис. ... канд. культур. Иваново, 2006. С. 28.

16. Блейман М. Стиль, отвечающий теме // Александр Алов и Владимир Наумов. Статьи. Свидетельства. Высказывания. М., 1989. С. 155.

17. Dunlop J.B. The New Russian Nationalism. Washington, 1985. P. 56. Цит. по: Petro N. The rebirth of Russian Democracy: an interpretation of political culture. Cambridge – London, 1995. P. 112–113.

И.В. Кедрова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АСПЕКТОВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ТУРИЗМА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Военно-исторический туризм является одним из ведущих и популярных видов туризма. Его востребованность определяется как историческими предпосылками, так и модой на определенные досуговые мероприятия и доступностью мест проведения программ. Само же современное состояние туризма невозможно без активного обмена информацией, без овладения новыми технологиями, без повышения квалификации на всех уровнях предоставления туристских услуг [1].

Туристские возможности территорий, отнесенные учеными к военным событиям различных исторических периодов, необозримо велики, однако потенциал их используется не в полной мере. Основой военно-исторического туризма являются историко-культурные ресурсы, к которым можно отнести:

- памятники разного типа, имеющие отношение к данной теме;
- ландшафтные пространства, территории с различными видами поселений, ставшие местом событий военной истории;
- музеи, театры, выставочные залы;
- социально-культурные объекты [2].

Но сами ресурсы не могут использоваться только с опорой на застывшие методические рекомендации. При их использовании в организации различных досуговых мероприятий необходимо совмещать уже сложившиеся традиционные формы деятельности, исторически опробованные на этих территориях, с инновационными, к числу которых относится и туризм с его дифференцированными возможностями. Именно такая его функция предоставляет возможность дополнять сложившиеся социально-культурные процессы.

Сами же историко-культурные и природные ресурсы, используемые в военно-историческом туризме, могут быть доступны для знакомства и использования в программных мероприятиях ограниченно по нескольким причинам. К таковым относится закрытость территории и режимный характер посещения (например, братская могила, расположенная на территории бывшего Ростовского артиллерийского училища, где покоятся останки десятков тысяч неизвестных солдат и офицеров, замученных и расстрелянных немцами во время второй оккупации, в 1942–1943 гг., в

«гросс-лазарете» № 192), недоступность в связи с отсутствием благоустройства (в районе, где ныне расположен Ростовский санаторий, казнили военнопленных. Как утверждают некоторые из ростовских историков, именно здесь в 1942 г. в зоне особого режима находился крупнейший фашистский перевалочный концентрационный лагерь [3]), значительная отдаленность объектов туристского интереса, а также опасность для жизни человека. Также низкий интерес к объектам может носить временный характер [4]. На взгляд автора, наличие названных препятствий для посещения создает недостаточно благоприятный имидж Ростовской области на туристском рынке с военно-исторической точки зрения.

Сам же военно-исторический туризм технологически включает все аспекты, необходимые для реализации задач программы, в том числе знакомство с жизнью, культурой, обычаями населения как части военной истории. Возможность демонстрации туристам событий военной истории региона через объекты культурного наследия необходимо предоставлять достоверно, разумно и одновременно творчески. В.А. Квартальнов выделил два основных метода оценки культурных военно-исторических комплексов в туристских целях: «1) ранжирование культурных комплексов по их месту в мировой и отечественной военной истории; 2) необходимое и достаточное время для осмотра достопримечательностей, что позволяет сравнивать разные территории по перспективности военно-исторического туристского потенциала» [5].

Эти методы во многом субъективны: высоко оцениваемые специалистами, они при правильном изложении военно-исторических событий могут вызвать интерес и у туристов. Но в большинстве случаев интерес к военной истории определяется всё же мотивациями туриста. При этом «одной из основных задач организаторов туризма является не только создание предложений по данной теме, но и сохранение их на достаточно длительный исторический период» [6].

Несмотря на то, что сегодня практически любую информацию можно получить из печатных и электронных периодических изданий, художественной литературы и других источников, планируются и предлагаются специальные программы и мероприятия, способствующие повышению интереса к военной истории. Такими мероприятиями, например, являются реконструкции военно-исторических событий.

История Ростовской области богата на военные события, население данного региона разнообразно в этническом отношении с древних времен. Большое количество памятников исторического наследия региона позволяют активно развивать данный вид туризма в области и сделать ее одним из российских регионов, где приоритетным видом туризма может

стать именно военно-исторический. В числе самых важных факторов для этого следующие:

– *природно-исторический*. Этот фактор предполагает наличие природных и исторических достопримечательностей, их ухоженное/отреставрированное состояние, влияние благоприятного климата, наличие природных водоемов и хорошего состояния экологии в целом. В большинстве случаев это основа туристской программы. Таковыми объектами, безусловно, можно считать реку Дон, некоторые ее притоки, Таганрогский залив и Азовское море, степные ландшафты;

– *социально-экономический*. Важной предпосылкой является современное состояние уровня жизни населения и доступность туризма, социальная свобода и права туристов, улучшение транспортной доступности и общее благосостояние Ростовской области;

– *политический*. Можно отметить внутривнутриполитическую стабильность региона, наличие межгосударственных и межправительственных соглашений по сотрудничеству в различных сферах и обменах. А также и конфессиональное разнообразие в Ростовской области;

– в *демографическом* плане можно отметить, например, прирост населения в Ростовской области, увеличение продолжительности жизни, что приводит к понижению пенсионного возраста и увеличению туристов предпенсионного возраста, также влияние потоков этнического туризма, увеличение потока туристских групп молодого возраста, таких как студенты, школьники, подростки [7].

При посещении районов Ростовской области туристы воспринимают культурные комплексы как целостные, где составной частью также является и военно-историческая привлекательность. Рассмотрим некоторые примеры. Так, город Ростов-на-Дону, является на сегодняшний день: и «воротами на Кавказ» (определение, полученное в годы Второй мировой войны), и «Городом воинской славы» (с 5 мая 2008 г.). Кроме самой столицы Южного федерального округа к перспективным районам предоставления туристских услуг военно-исторического характера можно отнести города Азов, Таганрог, Новочеркасск, Белую Калитву, Семикаракорск и станицы Старочеркасскую, Вешенскую, Пухляковскую; районы Аксайский, Неклиновский, Белокалитвинский, Тагинский, Семикаракорский, Егорлыкский, Дубовский. В некоторых из вышеперечисленных мест проходит немало военно-исторических мероприятий, выставок, реконструкций. Среди них:

– праздник, посвященный знаменательным событиям 1641 г., – «Азовское осадное сидение», во время которого участники военно-исторических клубов для воссоздания событий осадного сидения представляют реконструкцию на территории самого города. Используют для

этого самую масштабную достопримечательность – фрагменты крепости XIV в.: остатки крепостных валов и прилегающую территорию. Сегодня Азовская крепость является одним из самых привлекательных для туристов объектов Ростовской области;

– реконструкция одного из решающих сражений Великой Отечественной войны – прорыв Миус-фронта. Для воссоздания элементов действия использовалась территория в Неклиновском районе близ села Вареновка. Были отражены события 18 августа 1943 г., когда войска Красной армии начали решающий штурм укреплений обороны, называемой Миус-фронтом. Именно обозначенные территории укреплений на реке Миус А. Гитлер объявил границей Третьего рейха, и защищать этот рубеж немецкие войска были готовы любой ценой. В масштабной реконструкции событий принимали участие около трехсот реконструкторов из клубов разных регионов России; на поле «сражались» три десятка единиц военной техники, восстановленной в мастерских Донского военно-исторического музея, а также участвовали кавалерия, авиация, и всё это с использованием многочисленных пиротехнических эффектов;

– военно-исторические реконструкции в честь освобождения Ростовской области от немецко-фашистских войск проводятся в городах Ростов-на-Дону, Шахты, где реконструкторы из клубов Ростовской области, а также Москвы, Воронежа, Пятигорска для подготовки живут в специально оборудованном полевом лагере [8].

Необходимо уделить внимание отдельным немаловажным и достаточно разноплановым и разномасштабным в плане экскурсионного показа и рассказа военно-историческим достопримечательностям, например:

– Театральная площадь: памятник-стела «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков»;

– братские могилы, появившиеся в периоды оккупации Ростова-на-Дону;

– памятник «Тачанка», установленный в Ростове-на-Дону в 1977 г.;

– здания, в которых проживали советские писатели. На улице Шаумяна в доме № 33 в 1959 г. была открыта мемориальная доска: «Здесь в редакции газеты “Советский юг” в 1924–1926 гг. работал писатель Александр Александрович Фадеев. Проживая в этом доме, он написал известный роман “Разгром”». Это место считается важным культурным объектом города. После публикации «Разгрома» в 1927 г. А. Фадеев становится популярным писателем [9];

– дом с мемориальной табличкой на пересечении улицы Большая Садовая и переулка Халтуринский, здесь когда-то жил и работал Александр Арсеньевич Бахарев, с 1950 по 1974 гг. – Виталий Семин. В. Семину пришлось в дошкольном возрасте пройти через круги ада в концлагере Германии,

выжить и вернуться в свой город живым после войны. Он смог вынести все страдания и муки в течение трех лет нахождения там и рассказать о тех событиях в своем романе, который назывался «Нагрудный знак ОСТ» [10].

Еще одним значимым объектом военно-исторического туризма Ростовской области является станица Старочеркасская, знаменитая множеством памятников, посвященных военному наследию. И, конечно, необходимо в качестве примера упомянуть военно-исторические достопримечательности Таганрога: улицу Петровскую, набережную имени А.С. Пушкина; памятник таганрогским подпольщикам «Клятва юности» и другие.

Проанализировав разнообразие военно-исторических достопримечательностей в Ростовской области, можно сделать вывод, что территориальная специфика благоприятна для развития военно-исторических туров и сопутствующих им мероприятий. Но недостаточность разработки данного вопроса по территориальному районированию и каталогизации объектов культурного наследия Ростовской области требует дальнейшего изучения.

Примечания

1. Биржаков М.Б. Введение в туризм. М; СПб., 2003. С. 154.
2. Квартальнов В.А. Туризм. URL: http://tourlib.net/books_tourism/kvartalnov_tourism8.htm (дата обращения: 30.06.2017).
3. Кедрова И.В. К вопросу об использовании братских захоронений Ростова-на-Дону периода Великой Отечественной войны в экскурсионной работе // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2016. С. 607–608.
4. Боголюбов В.С., Орловская В.П. Экономика туризма. URL: http://tourlib.net/books_tourism/bogolubov5.htm (дата обращения: 30.06.2017).
5. Квартальнов В.А. Указ. соч.
6. Там же.
7. Макаренко С.Н., Саак А.Э. История туризма. URL: http://tourlib.net/books_history/makarenko6.htm (дата обращения: 30.06.2017).
8. Украйченко А. Справочник – событийный туризм в Ростовской области: его роль и современные проблемы развития. URL: <http://www.proza.ru/2016/01/23/1662> (дата обращения 30.06.2017).
9. Александр Фадеев: ростовские страницы биографии. URL: <http://rslovar.com/content/александр-фадеев-ростовские-страницы-биографии> (дата обращения 30.06.2017).
10. Виталий Сёмин в воспоминаниях, письмах и литературной критике: сборник / сост.: Е.Г. Джичоева, В.Н. Кононыхина-Сёмина. Ростов н/Д, 2007.

Сведения об авторах

Авксентьев Виктор Анатольевич – д.филол.н., проф. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ставрополь)

Агеева Валентина Анатольевна – к.и.н., доц. (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), Таганрог)

Афанасенко Владимир Иванович (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Ачмиз Казбек Гучипсович – д.и.н., доц. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Багдасарян Сусанна Джамиловна – к.и.н., доц. (Сочинский государственный университет, Сочи)

Баранов Андрей Владимирович – д.и.н., д.полит.н., проф. (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Белозёрова Марина Витальевна – д.и.н. (Сочинский научно-исследовательский центр РАН, Сочи)

Белоусов Сергей Степанович – к.и.н. (Калмыцкий научный центр РАН, Элиста)

Бесолов Владимир Бутусович – Московское отделение Международной академии архитектуры (Алагир)

Бесолова Елена Бутусовна – д.филол.н., проф. (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ)

Бойко Андрей Леонидович – к.и.н., доц. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Болдырев Николай Юрьевич – к.э.н. (ООО «Веритас», Волгоград)

Болдырев Юрий Федорович – к.и.н. (Ресурсный центр Волгоградского регионального отделения «Ассамблея народов России», Волгоград)

Броварь Александр Витальевич – д.и.н., доц. (Донбасская юридическая академия, Донецк)

Бугаев Абдула Махмудович – к.и.н. (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный)

Бугай Николай Федорович – д.и.н., проф. (Институт российской истории РАН)

Вартумян Арушан Арушанович – д.полит.н., проф. (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Пятигорск)

Васильев Игорь Юрьевич – к.и.н. (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Краснодар)

Венков Андрей Вадимович – д.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Волков Евгений Владимирович – д.и.н. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)

Ганиева Роза Хаматхановна – к.псих.н., проф. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, Назрань)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д.и.н. (Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Гаража Наталия Алексеевна – к.и.н., доц. (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Новороссийск)

Гасымлы Муса Джафар оглу – член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Гриценко Галина Дмитриевна – д.филос.н., проф. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ставрополь)

Гриценко Алексей Николаевич – к.и.н. (Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им. А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета, Новочеркасск)

Гром Олег Андреевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Гуров Максим Иванович – к.и.н. (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог)

Деордиева Анжела Николаевна – к.и.н., доц. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Дзугаев Бек Ахсарбекович (гимназия № 5 им. А.В. Луначарского, Владикавказ)

Дмитриевский Александр Владимирович (Донецкий национальный университет, Донецк)

Донцова Мария Владимировна – к.с.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Краснодар)

Дьякова Елена Васильевна – к.и.н., доц. (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, Харьков)

Ектова Анастасия Алексеевна (Донецкий национальный университет, Донецк)

Еремеева Анна Натановна – д.и.н., проф. (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар)

Еремеева Татьяна Анатольевна – к.и.н., доц. (Ростовский государственный экономический университет (Ростовский институт народного хозяйства), Ростов-на-Дону)

Есип Игорь Михайлович – к.и.н., доц. (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялта, Ялта)

Журтова Анжела Ариковна – к.и.н. (Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик)

Заблотский Александр Николаевич (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева, Таганрог)

Звездина Анна Сергеевна (Центр документации новейшей истории Краснодарского края, Краснодар)

Зеленская Татьяна Вячеславовна – к.и.н., доц. (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), Таганрог)

Зеленский Андрей Георгиевич (АО «Красный гидропресс», Таганрог)

Ильюков Леонид Сергеевич – к.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кедрова Ирина Владимировна – к.пед.н. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Киселев Илья Викторович – к.и.н. (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар)

Киселев Михаил Юрьевич – к.и.н. (Архив РАН, Москва)

Клычников Юрий Юрьевич – д.и.н., проф. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Котова Ирина Валериевна (Государственный архив Волгоградской области, Волгоград)

Кринко Евгений Федорович – д.и.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кудряков Андрей Юрьевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кузьминов Петр Абрамович – д.и.н., доц. (Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик)

Култышев Павел Геннадьевич – к.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Кучманова Надежда Михайловна (Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Кучуков Магомед Мусаевич – д.филос.н., проф. (Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет, Нальчик)

Кучукова Жанета Магометовна – д.филос.н., доц. (Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет, Нальчик)

Ларинцев Роман Иванович (независимый исследователь, Северодвинск)

Лепкова Елена Александровна (Историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград)

Лысенко Николай Николаевич – д.и.н., проф. (Государственный университет управления, Москва)

Малышева Елена Михайловна – д.и.н., проф. (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Матвеев Владимир Александрович – д.и.н., доц. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Медведев Максим Валерьевич (ЮНЦ РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Меньковский Вячеслав Иванович – д.и.н., профессор (Белорусский государственный университет, Минск)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, Раздорская)

Морозова Ольга Михайловна – д.и.н., доц. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Мусаева Гюнель Мисир гызы (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Назарова Ольга Валерьевна (Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, Волгоград)

Наухацкий Виталий Васильевич – д.и.н., проф. (Ростовский государственный экономический университет (Ростовский институт народного хозяйства), Ростов-на-Дону)

Наухацкий Станислав Витальевич – к.и.н. (независимый исследователь, Ростов-на-Дону)

Невская Татьяна Александровна – д.и.н., проф. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Новикова Наталья Юрьевна (Государственный архив Волгоградской области, Волгоград)

Оборский Евгений Юрьевич – к.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Очиров Уташ Борисович – д.и.н. (Калмыцкий научный центр РАН, Элиста)

Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна – д.и.н., доц. (Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт) им. М.И. Платова, Новочеркасск)

Патракеева Ольга Юрьевна – к.э.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Перетячко Артем Юрьевич – к.и.н. (лицей Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Попков Владимир Иванович (Администрация Волгоградской области, Волгоград)

Романько Олег Валентинович – д.и.н., проф. (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь)

Савельева Олеся Сергеевна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Садовой Александр Николаевич – д.и.н., проф. (Сочинский научно-исследовательский центр РАН, Сочи)

Садыков Тлеген Садыкович – д.и.н., проф. (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана)

Сейфиева Елена Николаевна – к.полит.н. (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Новороссийск)

Сивков Сергей Михайлович – к.и.н., доц. (Южный институт менеджмента, Краснодар)

Сидоров Сергей Григорьевич – д.и.н., проф. (Волгоградский государственный университет, Волгоград)

Скорик Александр Павлович – д.и.н., д.филос.н., проф. (Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт) им. М.И. Платова, Новочеркасск)

Смирнова Виктория Константиновна – к.и.н. (Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (Ростовского института народного хозяйства), Таганрог)

Сопова Наталья Александровна (Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Таганрог)

Состин Дмитрий Игоревич – к.и.н. (Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь)

Суций Сергей Яковлевич – д.филос.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Танцеева Анастасия Владимировна – к.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Татаринов Игорь Евгеньевич – к.и.н., доц. (Луганский национальный университет им. В. Даля, Луганск)

Тикиджян Руслан Геннадьевич – к.и.н., доц. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Титаренко Дмитрий Николаевич – д.и.н., доц. (Донецкий юридический институт МВД Украины, Кривой Рог)

Толочко Ирина Викторовна – к.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Трут Владимир Петрович – д.и.н., проф. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Федоровский Юлий Рудольфович – к.и.н., доц. (Луганский национальный университет им. В. Даля, Луганск)

Филатов Сергей Викторович – к.и.н., доц. (Ростовский государственный экономический университет (Ростовский институт народного хозяйства), Ростов-на-Дону)

Хубулова Светлана Алексеевна – д.и.н., проф. (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Шкрибитель Елена Александровна – к.и.н. (Донецкий национальный университет, Донецк)

Юрченко Инна Вадимовна – д.полит.н., проф. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Краснодар)

Якунин Вадим Николаевич – д.и.н. (Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти)

Ярков Александр Павлович – д.и.н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень)

Яценко Вячеслав Григорьевич – к.филол.н. (Информационное агентство «Кавказский узел», Волгоград)

Содержание

Предисловие (<i>академик Г.Г. Матишов</i>)	5
---	---

Раздел 1. Новые подходы и источники в изучении революционного процесса в России

<i>Меньковский В.И.</i> 1917 год в современной русскоязычной историографии	8
<i>Садовой А.Н.</i> Революции в этнической истории населения России. Методологические аспекты	16
<i>Матвеев В.А.</i> Российское самоопределение на Северном Кавказе в условиях революционного кризиса 1917 г.	24
<i>Лепкова Е.А.</i> Комплекс источников по изучению революционных событий 1917 г. в коллекции Музея-заповедника «Сталинградская битва».....	32
<i>Киселев М.Ю.</i> Революционные события 1917–1918 гг. на Юге России в воспоминаниях современников: по документам Архива РАН	36
<i>Мусаева Г.М.</i> Политика Великобритании на Южном Кавказе (1917–1918 гг.)	41
<i>Котова И.В.</i> Отражение событий Гражданской войны на страницах местной контрреволюционной печати Царицына в 1919 г.	47
<i>Кучманова Н.М.</i> Революция и Гражданская война на Дону в документах личного происхождения фонда Истпарта Центра документации новейшей истории Ростовской области	53
<i>Звездина А.С.</i> Они вписали свои имена в историю Кубани (о «Коллекции документов семьи Сединых» из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края)	58
<i>Лысенко Н.Н.</i> «Расказачивание» казаков: универсальный термин или советский эвфемизм?	66
<i>Юрченко И.В.</i> Политико-технологические аспекты современных социальных потрясений: к вопросу о методологии исследования	74

Раздел 2. Предпосылки, ход и значение революционных событий на Юге России

<i>Кузьминов П.А.</i> К вопросу о предпосылках Февральской демократической революции на Северном Кавказе: случайность или закономерность?	83
---	----

<i>Кудряков А.Ю.</i> Предотвращение попытки покушения на жизнь императора Николая II во время его визита на территорию области Войска Донского	88
<i>Гром О.А.</i> Революция 1905–1907 гг. как «весна народов»: национальные движения на окраинах Российской империи	91
<i>Гапуров Ш.А., Бугаев А.М.</i> Горцы Северного Кавказа между Февралем и Октябрем 1917 г.: поиск парадигмы самоопределения	99
<i>Гасымлы М.Дж.</i> Борьба за Южный Кавказ: от Февральской революции до конца 1917 г.	108
<i>Трут В.П.</i> Казачество Юга России и политические кризисы лета 1917 г.	118
<i>Сивков С.М.</i> Кубанское казачество в революциях 1917 г.	126
<i>Невская Т.А.</i> 1917 год на Ставрополье: ожидания и надежды кочевых народов	131
<i>Хубулова С.А.</i> Казачество Терека в большой смуте 1917–1920 гг.	139
<i>Ачмиз К.Г.</i> Черкесский полк: верность России и боевому братству	147
<i>Филатов С.В.</i> Гражданские исполнительные комитеты Дона и Кубани в 1917 г.	156
<i>Состин Д.И.</i> Общественно-политическая жизнь на Дону, Кубани и Ставрополье между революциями 1917 г.	160
<i>Федоровский Ю.Р.</i> Областные съезды Советов Донецко-Криворожского бассейна 1917 г.: предтечи создания ДКР	165
<i>Смирнова В.К.</i> «Октябрьский блок» большевиков и анархистов на Дону в октябре 1917 г. – начале 1918 г.	174
<i>Сопова Н.А.</i> Таганрог в 1917 г.: от Февраля к Октябрю	178
<i>Зеленская Т.В., Зеленский А.Г.</i> К вопросу о становлении советской власти на местах в первые месяцы после октябрьских событий 1917 г. (на материалах Таганрога)	184

Раздел 3. Итоги и последствия революции: экономические, политические и культурные трансформации на Юге России

<i>Баранов А.В.</i> Революция 1917–1921 гг. в России: опыт преодоления посредством нэпа (иллюзии и реальность)	193
<i>Бугай Н.Ф.</i> Национальная политика в условиях конститутивных революционных преобразований на Юге России, 1918 – начало 1920-х гг.: реальность, итоги	201

<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Аграрный вопрос – важный фактор конфликтов и противостояния казачества и крестьянства Юга России в годы революции и гражданской войны 1917–1920 гг. (на примере области Войска Донского)	208
<i>Новикова Н.Ю.</i> Налоги и налогообложение в г. Царицыне и Царицынской губернии в 1918–1921 гг. (по документам Государственного архива Волгоградской области)	216
<i>Броварь А.В., Татаринов И.Е.</i> Территориализация российско-украинского пограничья в 1917–1919 гг.	224
<i>Белоусов С.С.</i> Роль военного фактора в административно-территориальных преобразованиях в Нижнем Поволжье в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	232
<i>Яценко В.Г.</i> Антикрестьянские репрессии и повстанчество в Приэльтоне, 1918–1923 гг.	240
<i>Панкова-Козочкина Т.В.</i> Состояние сельского хозяйства Дона, Кубани и Ставрополя после окончания Гражданской войны	249
<i>Наухацкий В.В., Наухацкий С.В.</i> Становление советского суда на Дону в 1920 г.	257
<i>Грищенко А.Н.</i> Казачье повстанческое движение в Донской области осенью 1920 г.	266
<i>Клычников Ю.Ю.</i> «По своим революционным заслугам имеют право рассчитывать на наибольшие преимущества...»: горцы Центрального и Северо-Восточного Кавказа и советская власть в 1920–1930-е гг.	274
<i>Скорик А.П.</i> Военно-мобилизационная практика формирования казачьих частей на Юге России накануне Второй мировой войны (на примере 13-й Донской территориальной казачьей дивизии)	280
<i>Гаража Н.А., Малышева Е.М.</i> Кубанское казачество в эпицентре пропагандистского противостояния Германии и СССР в период Великой Отечественной войны	289
<i>Савельева О.С.</i> Социально-экономическая адаптация армян-мигрантов в Ростовской области (конец XX – начало XXI в.)	294
<i>Патракеева О.Ю.</i> Строительство Керченского моста как критически необходимый инфраструктурный проект для развития Юга России	299

Раздел 4. Повседневность и массовое сознание в экстремальных условиях социальных потрясений

<i>Садыков Т.С.</i> Революции и модернизация общественного сознания ..	303
--	-----

<i>Кучуков М.М., Кучукова Ж.М.</i> Социально-политическая трансформация России в начале XX в. и национальное самосознание народов Северного Кавказа	305
<i>Култышев П.Г.</i> Положение офицерского корпуса русской армии в период революционных потрясений февраля – октября 1917 г.	313
<i>Оборский Е.Ю.</i> Силуэты русской революции (тенденции и эпизоды из жизни северокавказского общества в 1917 г.)	321
<i>Ярков А.П.</i> Период революционной Смуты в сознании и практике мусульманского сообщества Урала и Сибири	326
<i>Шкрибитько Е.А., Ектова А.А.</i> Социальное положение рабочих металлургического завода Новороссийского общества в 1914–1918 гг.	330
<i>Деордиева А.Н.</i> Владимир Феофилович Зеелер – председатель Донского отделения партии кадетов, комиссар Временного правительства и глава города Ростова-на-Дону	336
<i>Багдасарян С.Д.</i> Изменения в гендерных ролях в сельском социуме Юга России в постоктябрьской деревне	343
<i>Агеева В.А.</i> Трансформация религиозно-бытовых практик донского казачества после Октябрьской революции 1917 г.	348
<i>Морозова О.М.</i> Донское духовенство в годы Революции и Гражданской войны	355
<i>Есин И.М.</i> «Мы наш, мы новый мир построим!»: формирование идей гендерного равенства под влиянием событий Великого Октября	363
<i>Гуров М.И.</i> Оборонно-финансовые программы помощи фронту на начальном этапе Великой Отечественной войны и их место в повседневной жизни гражданского населения Дона и Кубани	370
<i>Титаренко Д.Н.</i> Ментальные установки и поведенческие стратегии интеллигенции Восточной Украины в период нацистской оккупации	375
<i>Дмитриевский А.В.</i> Семейные бюджеты и некоторые аспекты структуры потребления населения Донбасса в 1985–1991 гг. на примере рабочих и служащих промышленности Донецкой области.....	384
<i>Белозёрова М.В.</i> Интеллигенция и проблемы национального самоопределения: начало 1990-х гг.	392
<i>Ганиева Р.Х.</i> Феномен посттравматического роста: некоторые результаты исследования	400

Раздел 5. Вооруженные конфликты и социально-политические кризисы на Юге России в 1917–2017 гг.

<i>Венков А.В.</i> Разрозненная борьба антибольшевистских сил в казачьих областях весной 1918 г.	408
<i>Перетягтько А.Ю.</i> К вопросу о причинах эффективности кавалерии в Гражданскую войну 1918–1920 гг.: «американские рейды» в российской военной периодической печати	416
<i>Очилов У.Б.</i> Калмыцкая кавалерийская дивизия РККА в 1919 г.	424
<i>Попков В.И., Болдырев Ю.Ф., Назарова О.В., Болдырев Н.Ю.</i> П.Н. Врангель и А.И. Деникин в Царицыне	433
<i>Сидоров С.Г.</i> Политическая работа с военнопленными в лагерях НКВД-МВД СССР в 1939–1949 гг.	442
<i>Якунин В.Н.</i> Положение Русской православной церкви на оккупированных территориях Юга России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	451
<i>Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И.</i> Борьба войск советского Южного фронта и 11-й полевой армии вермахта за Берислав-Каховский плацдарм в августе – сентябре 1941 г.	458
<i>Афанасенко В.И.</i> Боевое крещение 62-й армии в большой излучине Дона 17 июля – 13 августа 1942 г.	467
<i>Романько О.В.</i> Межнациональные отношения на территории Крыма в период нацистской оккупации и проблема коллаборационизма	473
<i>Еремеева Т.А.</i> Ачикулакский (Нефтекумский) район в годы оккупации	479
<i>Киселев И.В.</i> Переломный десант. Южно-Озере́йская операция 1943 г.	487
<i>Суций С.Я.</i> Демографические потери населения Юга России в вооруженных конфликтах постсоветского периода	495
<i>Медведев М.В.</i> Провал планов Украины по закрытию государственной границы с Россией летом 2014 г.: первое поражение украинских войск в зоне АТО	503
<i>Авксентьев В.А.</i> Затяжной региональный кризис на Северном Кавказе: есть ли свет в конце тоннеля?	511
<i>Гриценко Г.Д.</i> Терроризм в современном поликультурном обществе: возможные пути противодействия	522
<i>Сейфиева Е.Н.</i> Переселение мигрантов из стран Ближнего Востока: диалог культур Запада и Востока	526

Донцова М.В. Конфликтологический прогноз развития этнополитической ситуации в Краснодарском крае в кризисных условиях современности (по результатам эмпирических исследований) 533

Раздел 6. Революционные потрясения в исторической памяти и культуре

<i>Кринко Е.Ф.</i> События Революции и Гражданской войны в исторической памяти Юга России	540
<i>Вартумян А.А.</i> Февральская революция в исторической памяти населения Кубанской области: появление новых мифов и символов	548
<i>Мерзляков М.П.</i> Донское казачество в Революции 1917 г. и Гражданской войне: мемориальные практики	557
<i>Васильев И.Ю.</i> Памятники, посвященные Гражданской войне на Кубани: региональная специфика	564
<i>Дьякова Е.В.</i> Российская Революция и Гражданская война в топонимике Харькова	568
<i>Еремеева А.Н.</i> Художественная жизнь Юга России в 1917 г.	574
<i>Бойко А.Л., Толочко И.В.</i> Донская археология на переломе эпох: 1917–1930-е гг.	582
<i>Илюков Л.С.</i> Сохранение историко-культурного наследия в Донском музее в канун Революции 1917 г.	590
<i>Журтова А.А.</i> Становление и развитие советской образовательной системы и исторической науки в первое послереволюционное десятилетие	597
<i>Танцевова А.В.</i> Образ революции в фокусе «нового фольклора» на примере журнала «Огонек» в 1920-е гг.	604
<i>Бесолова Е.Б., Дзугаев Б.А.</i> Память сердца (по воспоминаниям Х.А. Цоколаева)	608
<i>Бесолов В.Б.</i> Монументальный стиль эпохи в развитии архитектуры и градостроительства национальных республик Северного Кавказа после революционных потрясений России (1933–1955 гг.)	614
<i>Волков Е.В.</i> «Белый Крым» в советских игровых фильмах 1960–1970-х гг.	623
<i>Кедрова И.В.</i> К вопросу об определении аспектов военно-исторического туризма Ростовской области	632
Сведения об авторах	637

Table of Contents

Foreword (<i>Academician RAS G.G. Matishov</i>)	5
 Section 1. New approaches to and sources of studying a revolutionary process in Russia	
<i>Men'kovskiy, V.I.</i> 1917 in contemporary historiography in Russian language	8
<i>Sadovoi, A.N.</i> Revolution in the ethnic history of the population of Russia. Methodological aspects	16
<i>Matveev, V.A.</i> Russian self-determination in the Northern Caucasus under the conditions of a revolutionary crisis of 1917	24
<i>Lepkova, E.A.</i> A complex of sources of studying the revolutionary events of 1917 in the collection of the Museum-Reserve «The Battle of Stalingrad»	32
<i>Kiselev, M.Yu.</i> Revolutionary events of 1917–1918 in the South of Russia in recollections and memories of contemporaries: based on the documents from the RAS Archives	36
<i>Musaeva, G.M.</i> The policy of Britain in the Southern Caucasus (1917–1918)	41
<i>Kotova, I.V.</i> Reflection of events of the Civil War at the pages of the local counter-revolutionary press of Tsaritsyn in 1919	47
<i>Kuchmanova, N.M.</i> Revolution and the Civil War in the Don Region in documents of private origin from the Istpart stocks of the Centre of Documentation of the Newest History of Rostov Region	53
<i>Zvezdina, A.S.</i> They inscribed their names into the history of the Kuban Region (about the «Collection of documents of the Sedins family» from the stocks of the Centre of Documentation of the Newest History of Krasnodar Region)	58
<i>Lysenko, N.N.</i> «Decossackization» of the Cossacks: a universal term or a Soviet euphemism?	66
<i>Yurchenko, I.V.</i> Political-technological aspects of current social upheavals: on the issue of the methods of study	74

Section 2. Pre-conditions, course, and significance of revolutionary events in the South of Russia

<i>Kuz'minov, P.A.</i> On the issue of pre-conditions of the February Bourgeois Democratic Revolution in the Northern Caucasus: a chance or regularity? ...	83
---	----

<i>Kudryakov, A.Yu.</i> An averting of an attempt on the life of Emperor Nicolas II during his visit to the territory of the Don Cossack Host	88
<i>Grom, O.A.</i> Revolution of 1905–1907 as «The Springtime of the Peoples»: national movements in the outlying districts of the Russian Empire	91
<i>Bugaev, A.M., Gapurov, Sh.A.</i> The highlanders of the Northern Caucasus between February and October 1917: a search for a self-determination paradigm	99
<i>Qasimli, M.J.</i> The struggle for the Southern Caucasus: from the February Revolution to the end of 1917	108
<i>Trut, V.P.</i> The Cossacks of the South of Russia and political crises of summer of 1917	118
<i>Sivkov, S.M.</i> The Kuban Cossacks in revolutions of 1917	126
<i>Nevskaya, T.A.</i> 1917 in Stavropol Region: expectations and hopes of nomadic peoples	131
<i>Khubulova, S.A.</i> The Terek Cossacks in the time of large trouble of 1917–1920	139
<i>Achmiz, K.G.</i> The Cherkessk Regiment: loyalty to Russia and combat fraternity	147
<i>Filatov, S.V.</i> Civil executive committees of the Don and Kuban Regions in 1917	156
<i>Sostin, D.I.</i> Public-political life in the Don, Kuban, and Stavropol Regions between the revolutions of 1917	160
<i>Fedorovskiy, Yu.R.</i> Regional congresses of Soviets of the Donetsk-Krivorozhsk Basin of 1917: precursors of establishment of DKR (Donetsk – Krivoy Rog Republic)	165
<i>Smirnova, V.K.</i> «The October block» of the Bolsheviks and anarchists in the Don Region in October 1917 – early 1918	174
<i>Sopova, N.A.</i> Taganrog in 1917: from the February Revolution to October Revolution	178
<i>Zelenskaya, T.V., Zelenskiy, A.G.</i> On the issue of the Soviet power formation in the provinces during the first months after the October events of 1917 (based on Taganrog data and materials)	184

Section 3. Results and consequences of revolution: economic, political, and cultural transformations in the South of Russia

<i>Baranov, A.V.</i> Revolution of 1917–1921 in Russia: practice of overcoming by means of the NEP (illusions and reality)	193
<i>Bugai, N.F.</i> Ethnic policy under the conditions of constitutive revolutionary transformations in the South of Russia (1918 – early 1920s): reality, results	201

<i>Tikidzh'yan, R.G.</i> The Agrarian Question – an important factor of conflicts and confrontation of the Cossacks and peasantry in the South of Russia during the Revolution and Civil War of 1917–1920 (the Don Cossack Host being exemplified)	208
<i>Novikova, N.Yu.</i> Taxes and taxation in the city of Tsaritsyn and Tsaritsyn Governorate in 1918–1921 (based on the documents from the State Archives of Volgograd Region)	216
<i>Brovar', A.V., Tatarinov, I.E.</i> Territorialization of the Russian-Ukrainian frontier areas in 1917–1919	224
<i>Belousov, S.S.</i> The role of war factor in administrative-territorial transformations in the Lower Volga Region during the Civil War (1918–1920)	232
<i>Yashchenko, V.G.</i> Anti-peasant repressions and insurgency in Lake Elton area (1918–1923)	240
<i>Pankova-Kozochkina, T.V.</i> The state of agriculture in the Don, Kuban, and Stavropol Regions after the end of the Civil War	249
<i>Naukhatskyi, V.V., Naukhatskyi, S.V.</i> Formation of the Soviet court in the Don Region in 1920	257
<i>Grishchenko, A.N.</i> A Cossack insurgent movement in the Don Region in autumn of 1920	266
<i>Klychnikov, Yu.Yu.</i> «Based on their revolutionary services they have the right to rely upon some minor advantages...»: the highlanders of the Central and North-Eastern Caucasus and the Soviet power in the 1920–1930s	274
<i>Skorik, A.P.</i> Military-mobilization practice of formation of the Cossack units in the South of Russia on the eve of the Second World War (the 13 th Don Territorial Cossack Division being exemplified)	280
<i>Garazha, N.A., Malysheva, E.M.</i> The Kuban Cossacks in the epicentre of propaganda confrontation of Germany and the USSR during the Great Patriotic War	289
<i>Savelieva, O.S.</i> Social-economic adaptation of the Armenians-migrants in Rostov Region (the end of the XX – early XXI centuries)	294
<i>Patrakeeva, O.Yu.</i> The construction of the Kerch bridge as a critically necessary infrastructure project for the development of the South of Russia	299

Section 4. Everyday life and mass consciousness under extreme conditions of social upheavals

<i>Sadykov, T.S.</i> Revolutions and modernization of public consciousness	303
--	-----

<i>Kuchukov, M.M., Kuchukova, Zh.M.</i> Social-political transformation of Russia in the early XX century and national awareness of the peoples of the Northern Caucasus	305
<i>Kultyshev, P.G.</i> Status of the officer corps of the Russian Army during revolutionary upheavals of February – October 1917	313
<i>Oborskyi, E.Yu.</i> The silhouettes of the Russian revolution (trends and episodes of life of the Northern Caucasus society in 1917)	321
<i>Yarkov, A.P.</i> The period of revolutionary time of trouble in the consciousness and practice of the Muslim community in the Urals and Siberia	326
<i>Shkribit'ko, E.A., Ektova, A.A.</i> Social status of workers of a metallurgy plant of the Novorossiysk Society in 1914–1918	330
<i>Deordieva, A.N.</i> Vladimir Feofilovich Zeeler – Chairperson of the Don department of the Cadet Party, a commissar of the Provisional Government and the head of the city of Rostov-on-Don	336
<i>Bagdasaryan, S.D.</i> Changes in gender roles in the rural social environment of the South of Russia in a post-October period	343
<i>Ageeva, V.A.</i> Transformation of religious-everyday life practices of the Don Cossacks after the October Revolution of 1917	348
<i>Morozova, O.M.</i> The Don clergy in the years of Revolution and Civil War	355
<i>Esip, I.M.</i> «We shall build our world, our new world!»: formation of gender equality ideas under the influence of events of the Great October	363
<i>Gurov, M.I.</i> Defence-financial programmes of help to the front at the initial stage of the Great Patriotic War and their place in everyday life of the civil population of the Don and Kuban Regions	370
<i>Titarenko, D.N.</i> Mental orientations and targets and behavioural strategies of the intelligentsia of Eastern Ukraine during the Nazi occupation	375
<i>Dmitrievskyi, A.V.</i> Family budgets and some aspects of consumption structure of the Donbass population in 1985–1991 (blue- and white-collar workers of the industry of Donetsk Region being exemplified)	384
<i>Belozyerova, M.V.</i> Intelligentsia and problems of national self-determination: the early 1990s	392
<i>Ganieva, R.Kh.</i> A phenomenon of post-traumatic growth: some results of the research	400

Section 5. Armed conflicts and social-political crises in the South of Russia in 1917–2017

<i>Venkov, A.V.</i> Isolated struggle of the anti-Bolshevik forces in the Cossack areas in the spring of 1918	408
---	-----

<i>Peretyat'ko, A.Yu.</i> On the issue of causes of cavalry efficiency in the Civil War of 1918–1920: «American raids» in the Russian military periodic press	416
<i>Ochirov, U.B.</i> The Kalmyk Cavalry Division of the Red Army (RKKA) in 1919	424
<i>Popkov, V.I., Boldyrev, Yu.F., Nazarova, O.V., Boldyrev, N.Yu.</i>	
P.N. Wrangel and A.I. Denikin in Tsaritsyn	433
<i>Sidorov, S.G.</i> Political work with the prisoners of war at the NKVD-MVD camps of the USSR in 1939–1949	442
<i>Yakunin, V.N.</i> Position of the Russian Orthodox Church on the occupied territories of the South of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945	451
<i>Zablotskiy, A.N., Larintsev, R.I.</i> The struggle of the troops of the Soviet Southern Front and the 11 th Field Army of the Wehrmacht for Berislav-Kakhovka bridgehead in August-September of 1941	458
<i>Afanasenko, V.I.</i> Baptism of fire for the 62 nd Army in a large bend of the Don River (17 July – 13 August 1942)	467
<i>Roman'ko, O.V.</i> Inter-ethnic relations on the territory of the Crimea during the Nazi occupation and the problem of collaborationism	473
<i>Eremeeva, T.A.</i> Achikulaksk (Neftekumsk) District in the years of occupation	479
<i>Kiselev, I.V.</i> A crucial landing. The Yuzhnaya Ozereika Operation of 1943	487
<i>Sushchyi, S.Ya.</i> Demographic losses of the population of the South of Russia in armed conflicts of the post-Soviet period	495
<i>Medvedev, M.V.</i> The failure of plans of Ukraine to close the state border on Russia in summer of 2014: the first defeat of the Ukrainian troops in the ATO zone	503
<i>Avksentiev, V.A.</i> Protracted regional crisis in the Northern Caucasus: is there any light at the end of the tunnel	511
<i>Gritsenko, G.D.</i> Terrorism in a contemporary poly-cultural society: possible ways of counteraction	522
<i>Seifieva, E.N.</i> The resettlement of migrants from the Near East countries: a dialogue of cultures of the West and East	526
<i>Dontsova, M.V.</i> A conflictologic forecast of development of an ethno-political situation in Krasnodar Region under the crisis conditions of contemporaneity (based on results of empiric studies)	533

Section 6. Revolutionary upheavals in historical memory and culture

<i>Krinko, E.F.</i> The events of Revolution and Civil War in the historical memory of the South of Russia	540
--	-----

<i>Vartumyan, A.A.</i> The February Revolution in the historical memory of the Kuban Region population: emergence of new myths and symbols	548
<i>Merzlyakov, M.P.</i> The Don Cossacks in the Revolution of 1917 and the Civil War: memorial practices	557
<i>Vasiliev, I.Yu.</i> The monuments to the Civil War in the Kuban Region: specific regional features	564
<i>Diyakova, E.V.</i> The Russian Revolution and Civil War in the toponymy of Kharkov	568
<i>Eremeeva, A.N.</i> The artistic life of the South of Russia in 1917	574
<i>Boiko, A.L., Tolochko, I.V.</i> The Don archaeology at the change of the epochs: 1917–1930s	582
<i>Iliyukov, L.S.</i> The preservation of historical-cultural heritage at the Don Museum (present Novochoerkassk Museum of the Don Cossacks History) on the eve of revolution of 1917	590
<i>Zhurtova, A.A.</i> Formation and development of the Soviet education system and history as a science in the first post-revolutionary decade	597
<i>Tantsevova, A.V.</i> The image of revolution in the focus of «new folklore» in the 1920s (The Ogoniok magazine being exemplified)	604
<i>Besolova, E.B., Dzugaev, B.A.</i> The memory of heart (based on Kh.A. Tsokolaev recollections)	608
<i>Besolov, V.B.</i> A monumental style of the epoch in the development of architecture and city planning in the national republics of the Northern Caucasus after revolutionary upheavals in Russia (1933–1955)	614
<i>Volkov, E.V.</i> «The White Crimea» in the Soviet fiction films of the 1960–1970s	623
<i>Kedrova, I.V.</i> On the issue of determination of aspects of war military-historical tourism in Rostov Region	632
Information about the authors	637

Научное издание

ЮГ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПОТряСЕНИЙ, ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ,
1917–2017 ГГ.

Материалы Всероссийской научной конференции
(27–30 сентября 2017 г., Ростов-на-Дону)

Корректоры: А.С. Бабаева, А.В. Стахеева,
С.А. Шестак, А.А. Яковлева
Верстка С.А. Шестак
Перевод Р.Г. Михалюк
Дизайн обложки Л.В. Безбородова

В оформлении обложки использована картина А.И. Шелоумова
“Эпизод из русской гражданской войны”

Подписано в печать 11.09.2017
Формат 70×100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 53,5. Тираж 300 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии «Печатная лавка»
3440068, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Евдокимова, 37г
Тел.: (863) 256-45-15, (863) 221-35-10
E-mail: printlavka@yandex.ru